М 46/23
т 2

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ

ПО

СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СЛАВЯНСКИМЪ.

БИБЛІО-
ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.
1868.

2007058539

СТАТЬИ

ПО

СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СЛАВЯНСКИМЪ.

I.

СЛАВЯНСКІЕ НАРОДЫ

ВЪ

АВСТРІИ И ТУРЦІИ.

I.

Славянскіе народы въ Австріи и Турціи [1].

Раздѣленіе Славянъ. — Недостаточность знакомства русскихъ съ Славянами турецкими и австрійскими. — Общій взглядъ на положеніе этихъ Славянъ. — Время покоренія ихъ Турками и Нѣмцами. — Освобожденіе Сербіи. — Польша при Александрѣ 1-мъ. — Возрожденіе Славянъ въ Австріи. — Заслуги Славянскихъ ученыхъ. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. — Славяне спасаютъ Австрію въ 1849 г. — Неблагодарность Австріи. — Гдѣ хуже Славянамъ въ Австріи или въ Турціи?

Всякій Русскій безъ малѣйшаго труда можетъ узнать всѣ подробности про Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ, Турокъ, Американцевъ. Казалось бы, что за границею живутъ только чужія племена. А между тѣмъ далеко на западъ и юго-западъ отъ границы Русскаго царства простираются народы, которыхъ рѣчь понятна Русскому, которыхъ предки составляли съ предками Русскихъ одно племя, и большая часть которыхъ исповѣдываютъ нашу православную вѣру и молятся Богу на томъ же языкѣ, какъ и мы. Эти народы, — братья Русскихъ и любящіе Русскихъ, какъ братій, — называются Славянами. Вмѣстѣ съ Русскими они составляютъ одно Славянское племя. Въ старину всѣ Славяне были однимъ народомъ, а потомъ раздѣлились на Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ,

[1] Настоящій краткій очеркъ написанъ въ 1860 году для выходившаго въ то время журнала *Народное Чтеніе*. Перепечатывая его, мы не измѣняемъ ни тона статьи, соотвѣтствовавшаго общему характеру этого журнала, ни тѣхъ отзывовъ, которые въ настоящее время могутъ показаться несогласными съ дѣйствительностью, а именно того, что въ статьѣ было сказано относительно Поляковъ. Мысль о возможности сближенія Поляковъ съ нашимъ народомъ во имя общаго Славянскаго начала казалась естественною въ 1860 году; въ настоящемъ 1868 году она, конечно, должна считаться утопіею, непримѣнимою среди современныхъ обстоятельствъ. Но кто знаетъ, не перейдетъ ли эта мысль когда нибудь снова изъ сферы непрактичныхъ утопій въ область осуществимыхъ надеждъ, особенно если *въ настоящее время* мы будемъ твердо стоять на нашей народной почвѣ, пока противники Россіи въ Славянскомъ мірѣ, убѣдившись въ безполезности борьбы съ нею и въ невозможности выманить у нея уступки, придутъ сами къ ней на встрѣчу.

Словенцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ [1]); прежній, общій Славянскій языкъ раздѣлился на столько же нарѣчій, которыя однако всѣ очень похожи одно на другое.

Русскіе, Болгаре, Сербы, Хорваты, Словенцы, Словаки, Чехи, Лужичане и Поляки: вотъ сколько Славянскихъ народовъ. Ихъ девять и только два изъ нихъ, Русскіе и Поляки, живутъ въ предѣлахъ нашего отечества. Стало быть, за границею есть семь народовъ, которыхъ рѣчь звучитъ какъ наша, и которые зовутъ насъ своими братьями; а между тѣмъ мы ничего не знаемъ о нихъ, а знаемъ про чужіе народы, про Французовъ, Нѣмцевъ, Американцевъ, Турокъ. Отчего же это?

Во-первыхъ, оттого, что заграничные Славяне не составляютъ особыхъ государствъ, а находятся подъ властію другихъ народовъ, отчасти Нѣмцевъ, отчасти Турокъ. Нѣмцы и Турки господствуютъ и распоряжаются въ ихъ земляхъ, и потому слышно только про Нѣмцевъ и Турокъ, а что дѣлается съ Славянами подъ ихъ управою, это менѣе замѣтно.

Во-вторыхъ, слишкомъ много людей на Руси привыкли смотрѣть на міръ Божій не такъ, какъ онъ есть, а такъ какъ его показываютъ намъ иностранцы, — Французы, Англичане и Нѣмцы, отъ которыхъ мы думаемъ позаимствовать всякую премудрость; иностранцы же стараются какъ можно меньше говорить о Славянахъ, для того, чтобы, по возможности, скрыть ихъ отъ нашихъ глазъ и отъ глазъ всего человѣчества. Въ томъ ихъ разсчетъ, особенно разсчетъ Нѣмцевъ, и понять этотъ разсчетъ очень легко.

Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ государствъ самое большое Австрія. Но въ Австріи только восемь милліоновъ Нѣмцевъ, а семнадцать милліоновъ Славянъ. Нѣмцы располагаютъ этими Славянами, какъ имъ выгоднѣе, и имъ было бы неловко, еслибы про это знали, особливо въ Россіи, гдѣ живутъ братья ихъ подданныхъ Славянъ: потому ихъ прямой разсчетъ — стараться скрыть отъ насъ даже ихъ существованіе. И дѣйствительно, въ нѣмецкихъ книгахъ, журналахъ и газетахъ про эти семнадцать милліоновъ Славянъ нѣтъ и помину, тогда какъ про маленькій Нѣмецкій народецъ, живущій въ Шлезвигѣ и Голштиніи, подъ управленіемъ Датскаго короля, Нѣмцы столько исписали, что всѣхъ сочиненій объ этомъ въ десять лѣтъ не перечтешь.

Далѣе: въ Европейской Турціи Турокъ едва насчитаешь одинъ милліонъ, а Славянъ, подвластныхъ имъ, милліоновъ восемь. Ино-

---

[1]) Подъ именемъ Русскаго народа мы разумѣемъ какъ Великоруссовъ, такъ и Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ, точно также, какъ подъ именемъ Чеховъ, мы разумѣемъ и Чеховъ (въ собственномъ смыслѣ, т. е. жителей Богеміи) и Моравцевъ; подъ именемъ Поляковъ — и Великополянъ и Малополянъ.

странцы боятся дружбы этихъ восьми милліоновъ Славянъ съ нами, потому что Россія сдѣлалась бы отъ этого еще сильнѣе. Цѣль Французовъ, а въ особенности Англичанъ и Нѣмцевъ, та, чтобы мы чуждались турецкихъ Славянъ; они хотятъ добиться того, чтобы турецкіе Славяне перестали надѣяться на Россію. Когда Россія потребовала въ 1853 году, чтобы Султанъ обезпечилъ и улучшилъ судьбу нашихъ братій, находящихся въ его подданствѣ, то Англія и Франція пошли на насъ войною за Турокъ; Австрія же, хотя не объявляла намъ войны, однако сдѣлала намъ тогда, какъ извѣстно, столько же вреда, сколько могъ бы сдѣлать явный врагъ. Понятно, почему и Французы, и Англичане, и Нѣмцы не охотно поминаютъ про турецкихъ Славянъ, передъ которыми такъ тяжело согрѣшили, и когда рѣчь зайдетъ о Турціи, выставляютъ въ ней только Турокъ, а о Славянахъ стараются умалчивать. Мы учимся преимущественно по книгамъ, которыя пишутъ Нѣмцы, Англичане и Французы; преимущественно по ихъ газетамъ мы судимъ о томъ, что дѣлается за границею. Каково же наше знаніе о Славянахъ?

Хорошо бы было однако намъ знать о нихъ. Они родные братья наши. Что же ближе человѣку, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба родныхъ братій? А что говорится о человѣкѣ, то должно быть сказано и о народѣ, потому что въ народѣ живетъ тотъ же духъ человѣческій, — и повторю: что же ближе Русскому народу, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба Славянъ?

Ихъ судьба печальная.

Они всѣ находятся подъ властію чужихъ державъ и чужихъ народовъ. Другіе народы, даже самые маленькіе, напримѣръ Датчане, которыхъ всего 2½ милліона, Голландцы, которыхъ три милліона, Бельгійцы, которыхъ 4½ милліона, — независимы, управляются своими законами, учатся въ школахъ на своемъ языкѣ. А двадцать семь слишкомъ милліоновъ Славянъ живутъ подъ чужою властью, подъ чужими законами, должны учиться на чужомъ языкѣ. Изъ нихъ семнадцать милліоновъ принадлежатъ, какъ я сказалъ, Австріи, восемь милліоновъ Турціи; остальные два съ лишнимъ милліона приходятся на долю Пруссіи, а 60 тысячъ живутъ въ Саксонскомъ королевствѣ. Внѣ Россіи, только 125 тысячъ Славянъ, именно въ Черногоріи, сохраняютъ свою независимость.

Въ старину и заграничные славянскіе народы составляли отдѣльныя и независимыя государства. Какимъ образомъ они лишились своей свободы и достались въ чужія руки, было бы долго разсказывать; для того нужно бы было написать, хотя вкратцѣ, ихъ исторію. Здѣсь скажу объ этомъ только вообще. Первая вина ихъ паденія была та, что они дѣйствовали раздѣльно и другъ друга не

поддерживали, и что даже каждый изъ славянскихъ народовъ самъ по себѣ былъ постоянно раздираемъ несогласіями и распрями; другая вина была та, что они, недовольно крѣпко держась своего быта и своихъ природныхъ учрежденій, заимствовали отъ иностранцевъ многое такое, что противно было ихъ духу. Такъ составились у Чеховъ и Поляковъ учрежденія на половину нѣмецкія, на половину славянскія, у Болгаръ и Сербовъ — на половину славянскія, на половину византійскія, и эти учрежденія подавляли жизнь народа, а сами, будучи чѣмъ-то противуестественнымъ, не давали ни какой силы государству. Поясню эти слова, которыя могутъ показаться темными, однимъ примѣромъ: въ прежнемъ Польскомъ государствѣ народъ былъ совершенно задавленъ *шляхтою*, и до того считался ничтожнымъ, что даже не призывался на войну для защиты отечества; шляхта же не существовала въ Польшѣ искони, а образовалась подъ дѣйствіемъ нѣмецкихъ учрежденій того времени, такъ что даже самое имя это, *шляхта*, взято съ нѣмецкаго языка; но въ Польской шляхтѣ къ нѣмецкому понятію о благородномъ сословіи присоединилось старинное славянское вѣчевое устройство, и изъ нея вышло нѣчто безтолковое и вредное для государства.

Слабѣйшіе изъ славянскихъ народовъ раньше достались иностраннымъ завоевателямъ.

Первые покорены были Нѣмцами Словенцы въ Каринтіи, Штиріи и Краинѣ, именно въ 788 году, т. е. слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Эти Словенцы живутъ въ горахъ и долинахъ на сѣверъ отъ Адріатическаго моря, близъ Италіи.

Словаки, населяющіе сѣверную Венгрію, покорены были Мадьярами или Венграми въ 907 году.

Лужичане, которые сами себя называютъ Сербами, хотя живутъ далеко на сѣверъ отъ собственныхъ Сербовъ, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ, покорены были Нѣмцами въ 1002 году.

Хорваты, обитающіе на сѣверо-востокъ отъ Адріатическаго моря, поддались Венгріи въ 1091.

Болгаре, населяющіе сѣверо-восточную и среднюю часть Европейской Турціи, т. е. собственную Болгарію и большую часть Румеліи, покорены были Турками въ 1393 году.

Сербы, занимающіе сѣверо-западную часть Европейской Турціи и сосѣдніе края Австріи, лишены были Турками государственной независимости въ 1389 году, и окончательно покорены ими въ 1463 году, а часть ихъ перешла во владѣнія Австріи въ 1690 году.

Чехи, жители Богеміи и Моравіи, т. е. сѣверо-западной части Австрійской имперіи, поддались Австрійскому государю въ 1526 году, но съ тѣмъ, чтобы оставаться при своихъ прежнихъ правахъ и

законахъ, а въ 1620 году покорены были Австрійцами и лишены своихъ правъ.

Наконецъ, въ 1795 году пало государство Польское, и при этомъ земли, населенныя собственно польскимъ племенемъ, присоединены были тогда къ двумъ нѣмецкимъ державамъ, къ Пруссіи и Австріи.

Вездѣ оправдалось слово, сказанное нашимъ Спасителемъ: «*всякое царство, раздѣлившееся на себя, запустѣетъ, и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся на себя, не устоитъ*» (Матѳ. XII, 25).

Было время, когда и Русскій народъ «раздѣлился на себя»; тогда онъ достался въ рабство Татарамъ, а частью долженъ былъ подчиниться Литвѣ; иноплеменное иго пробудило въ Русскихъ память о прежнемъ единствѣ и братствѣ и чувство общаго долга: Москва первая возобновила рѣчь о всей Русской землѣ, и около Москвы стали собираться всѣ удѣлы земли Русской, забывая зависть и распри.

Нельзя пророчить будущее; но, какъ Богъ изъ глубины бѣдствій воздвигъ Русскую землю и, научивъ ее единству, далъ ей могущество, такъ, быть можетъ, перевоспитаетъ и обновитъ онъ тяжелымъ урокомъ и прочихъ Славянъ.

Старыя славянскія государства на западѣ должны были погибнуть, потому что были «раздѣлены на себя», какъ во внутреннемъ своемъ бытѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ Славянамъ. Вся собственная Польша, т. е. земля, населенная Поляками (а не области, принадлежавшія Польшѣ, но населенныя Русскими или Литвинами), вся собственная Польша, говорю я, досталась двумъ нѣмецкимъ державамъ, Австріи и Пруссіи. Прочіе славянскіе народы, подвластные Австріи, до того были забиты, что они, казалось, потеряли память о своемъ бытіи и стыдились называться Славянами, а выдавали себя за Нѣмцевъ или Венгровъ. Наконецъ Сербы и Болгаре въ Турціи страдали подъ игомъ невыносимымъ; многіе изъ нихъ, чтобы избавиться отъ мученій, принимали мусульманскую вѣру и, перерождаясь въ Турокъ, становились сами гонителями своихъ братій.

Но въ то время Богъ изъ глубины бѣдствій началъ воздвигать Славянское племя къ новой жизни.

Въ Сербіи явился, въ 1804 году, Георгій Черный и освободилъ часть своей родины отъ Турокъ. Первымъ дѣломъ освобожденнаго народа было вспомнить, что у него есть братья одного съ нимъ происхожденія и одной вѣры и отправить посольство въ Россію — просить союза и покровительства. Вскорѣ затѣмъ русскій отрядъ пришелъ въ Сербію и помогъ Георгію Черному изгонять Турокъ. Походъ Наполеона на Россію въ 1812 году заставилъ Императора Александра I вызвать войска изъ Сербіи и Турціи и заключить съ Султаномъ миръ. Георгій Черный надѣялся на покровительство Австріи,

но она обманула его, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Сербіи. Однако нашелся другой человѣкъ, который продолжалъ дѣло, начатое Георгіемъ: именно Милошъ Обреновичъ, (въ 1859 году избранный во второй разъ княземъ Сербскимъ). Онъ долго сражался съ Турками, по прежнему искалъ опоры въ Россіи, и Россія, Адріанопольскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1829 году, принудила Турцію признать свободу Сербіи. Сербія получила право избирать своего князя, управляться своими законами, содержать свое войско; Туркамъ запрещено жить въ ней, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ указанныхъ городахъ; Султану она платитъ только дань и считается подъ его верховною властію, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

Примѣръ Сербіи подтверждаетъ нашу мысль, что страшныя бѣдствія, которыя постигли славянскіе народы, должны были переродить и перевоспитать ихъ и тѣмъ приготовить къ лучшей будущности. Въ прежнее время, когда Сербія была самостоятельнымъ государствомъ, она имѣла глубокіе недуги. Народъ былъ задавленъ боярами, которые подражали вельможамъ сосѣдней Византійской имперіи и между прочимъ переняли отъ нихъ привычку къ неповиновенію и измѣнѣ; безпрестанно сѣяли они раздоръ въ землѣ и разрывали ее на части; вѣра православная не была тверда въ Сербіи. Сербскіе короли и князья то выдавали себя за ея поборниковъ, то объявляли себя, если казалось болѣе выгоднымъ, приверженцами Папы. Четыреста слишкомъ лѣтъ страдала Сербія подъ игомъ Турокъ, но вышла изъ-подъ этого ига чистою и здоровою: боярства въ ней уже нѣтъ, народъ остался хозяиномъ своей земли, и вѣра православная, которая поддерживала его во время невзгодъ, укоренилась въ немъ такъ, что ничѣмъ ея не поколеблешь.

Въ то самое время, когда Сербскій народъ начиналъ освобождаться въ Турціи (должно замѣтить однако, что онъ освободился не весь: Боснія и Герцеговина, населенныя также Сербами, остались подъ властію Турокъ, потому что тамъ мусульманъ очень много, и христіанамъ двинуться было трудно),—въ то самое время и у другихъ Славянъ пошли дѣла къ лучшему.

Въ 1815 году, по Вѣнскому договору, большая часть собственно Польской земли была присоединена къ Россіи,—подъ именемъ Царства Польскаго. Императоръ Александръ I не захотѣлъ мстить Полякамъ за то, что они, въ старину, когда владѣли западною половиною Руси, подстрекаемые Іезуитами, преслѣдовали и старались уничтожить русскую народность и православную вѣру; напротивъ, онъ видѣлъ въ Полякахъ только братій — Славянъ, и даровалъ Польшѣ благоустройство, какого она давно уже не видала. При немъ появи-

лись лучшіе польскіе писатели и стихотворцы, между которыми Мицкевичъ пріобрѣлъ безсмертную славу. При Александрѣ I началось дружеское сближеніе Поляковъ съ Русскими, и такое сближеніе, не смотря ни на какія помѣхи и невзгоды, будетъ укореняться и принесетъ благіе плоды; ибо вражда безплодна, а любовь плодотворна.

Между тѣмъ какъ Польша оживлялась подъ правленіемъ императора Александра I, оживлялись, мало по малу, и Славяне, подвластные Австріи.

Всѣ эти славянскіе народы: Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, находились тогда въ такомъ состояніи, что трудно было даже надѣяться на ихъ возрожденіе. Дворянство было у нихъ иностранное, нѣмецкое или венгерское; въ городахъ то же жило болѣе иноземцевъ, нежели Славянъ; славянскимъ оставался только простой, деревенскій народъ; образованныхъ и богатыхъ людей между Славянами было весьма мало. Некому было говорить простому славянскому народу на его языкѣ, некому было его образовывать и напомнать ему, что Богъ не даромъ же призвалъ его на свѣтъ, что и ему должно трудиться духомъ, какъ и другимъ народамъ, потому что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Лук. IV, 4). Однако нашлись такіе люди, сначала не многіе, а потомъ ихъ число увеличилось. Эти люди были сыновья простыхъ поселянъ, которымъ посчастливилось получить образованіе въ училищахъ, и которые, образуясь и совершенствуясь, не хотѣли забыть своего рода и племени, а, напротивъ, стали употреблять свою науку и образованность къ пользѣ своего народа. Первый былъ Добровскій, сынъ славянскаго простолюдина въ Венгріи, переселившійся къ Чехамъ, въ Прагу. Онъ первый напомнилъ всѣмъ Славянамъ, что у нихъ у всѣхъ языкъ одинъ и тотъ же, и что, стало быть, они всѣ — одно племя. Хотя онъ былъ римско-католическій священникъ, однако сталъ изучать церковный Славянскій языкъ, на которомъ читаются у насъ и у всѣхъ православныхъ Славянъ божественныя книги; онъ показалъ Чехамъ и прочимъ Славянамъ, что всѣмъ имъ нужно знать этотъ языкъ, какъ древнѣйшій и коренной, чтобы разъяснить каждое славянское нарѣчіе.

Затѣмъ между Чехами явились, также изъ простонародья, великіе ученые и писатели; они ввели въ честь свой родной языкъ, прежде забытый, вызвали въ Чешскомъ народѣ память о его славянскомъ происхожденіи, братствѣ съ другими Славянами и минувшей славѣ, и возбудили въ немъ желаніе стряхнуть съ себя сонъ, навѣянный на него Австріею. Эти люди были: Юнгманъ Челяковскій, Пресль, Ганка, Шафарикъ (уже умершіе), Пуркине, Палацкій и многіе другіе.

Между Словаками тотъ же подвигъ совершали покойные Коларъ

и Штуръ, между Словенцами и Хорватами Водникъ, Блейвейсъ, Прешернъ Станко Вразъ, Гай, Кукулевичъ-Сакцинскій и другіе.

Имена этихъ людей должны быть произносимы Русскими съ глубокимъ уваженіемъ, ибо ихъ труды воскрешаютъ духовную жизнь въ братіяхъ нашихъ.

Въ то же время и Сербы, подвластные Австріи, приняли участіе въ духовномъ пробужденіи Славянскихъ народовъ, и Русскіе, то-есть Малороссіяне, въ Галиціи и сѣверо-восточной Венгріи, также подданные Австріи, стали вспоминать о своемъ родѣ-племени, читать русскія книги, писать по-русски и чувствовать себя опять русскими людьми.

Въ 1848 году, когда во всѣхъ почти державахъ западной Европы произошли возстанія, въ Австріи Нѣмцы и Венгры взбунтовались противъ своего государя и отняли у него почти всю власть; при этомъ они не хотѣли признать за Славянскими народами, ихъ сосѣдями, тѣхъ же правъ, какія они сами имѣли, а напротивъ, потребовали, чтобы они, Славяне, передѣлали себя въ Нѣмцевъ и Венгровъ. Славянскіе народы стали имъ сопротивляться, и для того, чтобы сопротивляться успѣшнѣе, опредѣлили собраться въ одинъ городъ и договориться между собою. Такъ-то бѣдствія научаютъ народы разуму. Въ прежнія времена Славяне всегда дѣйствовали розно и старались вредить другъ другу; и только наученные тяжкимъ опытомъ, они въ первый разъ, въ 1848 году, рѣшились соединить свои силы и стать за одно противъ своихъ недруговъ. Въ Чешскій городъ Прагу съѣхались лучшіе люди отъ всѣхъ Славянъ австрійскихъ: Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Галицкихъ Малороссовъ, Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ, и 3-го іюня открыли свои засѣданія. Но хотя австрійское правительство было оскорблено и унижено Нѣмцами, а Славяне, напротивъ, объявили себя вѣрными защитниками своего государя, однако правительство это, все таки, въ душѣ недоброжелательствовало Славянамъ. Оно дало командовавшему войсками въ Прагѣ, князю Виндишгрецу, приказаніе разогнать Славянскій съѣздъ. Князь Виндишгрецъ 14-го іюня вывезъ пушки и началъ стрѣлять въ городъ. Прага принуждена была просить пощады, и Славянскій съѣздъ былъ разогнанъ.

Не смотря на столь жестокій поступокъ Австрійскаго правительства, Славяне въ этотъ разъ продолжали еще оставаться его защитниками. Въ то время Итальянцы возстали противъ притѣсненій Австріи, и король Сардинскій пришелъ къ нимъ на помощь. Венгерскіе полки не хотѣли сражаться противъ Итальянцевъ, и требовали, чтобы ихъ отпустили домой; Австрійское правительство принуждено было сдѣлать это, а Славянскіе полки остались въ Италіи, храбро сра-

жались за Австрію и почти одни вынесли на своихъ плечахъ тяжелую войну, которая кончилась для Австріи побѣдами и выгоднымъ миромъ въ 1849 году. Воротившись на родину, Венгерскіе полки перешли на сторону противниковъ Австрійскаго государя; Венгрія совершенно отложилась отъ него, взялась за оружіе и объявила себя независимою. Славяне, живущіе кругомъ Венгровъ, съ сѣвера и юга, также схватили оружіе, но противъ Венгровъ, за Австрійскаго императора. Хорваты и Сербы австрійскіе пошли на эту войну поголовно, даже изъ турецкой Сербіи прислана была имъ значительная помощь. Предводитель славянской рати, банъ (т. е. воевода) Елачичъ храбро сражался съ Венграми и сильно стѣснилъ ихъ; а между тѣмъ въ Вѣнѣ, столицѣ Австріи, вспыхнулъ мятежъ и тамошніе Нѣмцы выгнали своего императора изъ столицы. Тогда Елачичъ съ славянскою ратью пошелъ на Вѣну, взялъ ее, разогналъ мятежниковъ и возвратилъ туда императора.

Кончивъ дѣло подъ Вѣною, онъ съ своими Хорватами и Сербами продолжалъ воевать противъ Венгровъ и храбро выдерживалъ натискъ ихъ превосходныхъ силъ, тогда какъ Нѣмецкое войско, посланное противъ нихъ, подъ начальствомъ князя Виндишгреца, почти совершенно истреблено было непріятелемъ.

За свои великія усилія въ пользу Австрійской державы, за неисчислимыя жертвы, принесенныя ими для ея спасенія отъ мятежныхъ Нѣмцевъ,отъ Итальянцевъ и Венгровъ, Славяне ждали благодарности и награды. Они надѣялись, что Австрія, по возстановленіи мира, признаетъ ихъ, какъ она признавала ихъ и клалась имъ во время войны. Дѣйствительно, Австрійское правительство обѣщало Славянскимъ народамъ, что они будутъ имѣть такія же права, какъ Нѣмецкій народъ; что у нихъ въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ будетъ введенъ славянскій языкъ, вмѣсто нѣмецкаго; что славянскія земли отдѣлены будутъ въ управленіи отъ земель не славянскихъ; что за Хорватами утверждены будутъ старинныя льготы, дарованныя имъ королями венгерскими, что, наконецъ, Сербы австрійскіе получатъ тѣ права и преимущества, которыя были признаны за ними еще въ 1690 году императоромъ Леопольдомъ, когда онъ переселялъ ихъ изъ Турціи, но которыхъ Австрія не уважила съ тѣхъ поръ, и что въ особенности вѣра православная будетъ у нихъ обезпечена отъ всякихъ притѣсненій.

Какъ храбро ни сражались Хорваты и Сербы противъ Венгровъ, однако они одни не могли одолѣть ихъ, особенно послѣ истребленія Австрійской арміи князя Виндишгреца, такъ какъ Венгерское войско было гораздо многочисленнѣе и имѣло больше пушекъ. Потому Австрія обратилась за помощью къ Россіи; 3-го іюня 1849 года Рус-

скія войска вступили въ Венгрію, а 1-го августа сдача Венгерскаго предводителя Гергея покончила дѣло, и Австрійскій императоръ остался полнымъ обладателемъ своего государства.

Благодарности Славяне отъ Австріи не видали.

Послѣ покоренія Венгріи, Австрійское правительство получило такую силу, что Славяне принуждены были подчиниться всѣмъ его распоряженіямъ.

Имъ не только не дали никакихъ новыхъ правъ, но даже отняли всѣ тѣ, какія они имѣли прежде.

Для управленія ими стали посылать нѣмецкихъ чиновниковъ, въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ ввели повсюду нѣмецкій языкъ, подвели славянскія земли подъ одинъ уровень съ землями не-славянскими; отняли у Хорватовъ старинныя льготы и наложили на нихъ огромныя подати, какихъ прежде они не платили, не дали Сербамъ правъ, обѣщанныхъ императоромъ Леопольдомъ, обременили ихъ податями и стѣснили вѣру православную, запретивъ православнымъ вступать въ бракъ съ католиками иначе, какъ если перейдутъ въ католическую вѣру, и учредивъ въ ихъ землѣ уніатскія епархіи, для распространенія уніи.

А между тѣмъ Славяне составляютъ главную силу Австріи. Бо́льшую половину своихъ доходовъ она получаетъ отъ нихъ. Они составляютъ бо́льшую половину, а въ военное время двѣ трети ея войска. — Въ мирное время [1]) австрійское войско было составлено такъ:

Чеховъ и Словаковъ.	126,700
Словенцевъ.	29,900
Хорватовъ	36,400
Сербовъ.	25,000
Поляковъ	49,500
Русскихъ (изъ Галиціи)	65,900
Итого Славянъ въ австрійскомъ войскѣ . .	333,400.

Къ этому должно прибавить еще пограничныя съ Турціею военныя поселенія, населенныя одними Славянами, и гдѣ, по требованію правительства, всякій мужчина, способный носить оружіе, обязанъ идти на войну. Тамъ считается Сербовъ 310,000, Хорватовъ 550,000; они могутъ выставить (и въ военное время, не разъ выставляли) болѣе 100,000 войска.

Прочихъ народовъ въ австрійской арміи, въ мирное время, считалось:

---

[1]) Передъ Итальянскою войною 1859 года.

Нѣмцевъ.	168,800
Итальянцевъ	74,900
Румыновъ, или Молдаванъ.	27,300
Мадьяръ, или Венгровъ.	42,800
Итого не-Славянъ въ австрійскомъ войскѣ .	313,800.

Итальянцамъ и Венграмъ Австрія не довѣряла, и потому въ войну 1859 г. она удалила ихъ отъ непріятеля, а сражались въ Италіи, большею частію, Славяне. Они-то должны были проливать свою кровь противъ Италіи, которая не сдѣлала имъ никакого зла, и защищать государство, которое, мы видѣли, какъ съ ними поступаетъ.

У себя дома Славянскіе народы въ Австріи стѣснены такъ, какъ прежде никогда не бывало; они не смѣютъ ни писать, ни сноситься между собою даже о книжныхъ дѣлахъ. Училища у нихъ устроены такимъ образомъ, что славянскія дѣти должны забывать въ нихъ свой языкъ и выходить оттуда Нѣмцами. Никогда еще, казалось бы, не было для Славянъ въ Австріи столь тяжелаго времени. Однако все-таки они могутъ благодарить Бога за все, что было. Они далеко ушли впередъ противъ прежняго. Теперь пробуждена въ нихъ духовная жизнь, теперь они поняли, въ чемъ ихъ сила и въ чемъ слабость; теперь они знаютъ, кто имъ врагъ и на кого они должны надѣяться.

Другіе Славянскіе народы, Болгаре и Сербы, живутъ въ Турціи. Гдѣ лучше Славянамъ, въ Турціи или въ Австріи? Спросите у Славянина турецкаго, и онъ вамъ отвѣтитъ, что въ Австріи лучше: «тамъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ онъ, правительство устроенное, есть судъ и расправа; тамъ человѣка не подстрѣлятъ на дорогѣ, не придутъ безнаказанно его ограбить и обезчестить его жену или дочь». Спросите у австрійскаго Славянина, и онъ вамъ отвѣтитъ: «нѣтъ, въ Турціи гораздо лучше, чѣмъ у насъ; правда, тамъ владычествуютъ Турки — варвары, и если имъ вздумается, они человѣка убьютъ, ограбятъ, опозорятъ, и дѣло съ концомъ; но вѣдь не со всякимъ это случится. Это какъ молнія, которая упадаетъ на одного, а другихъ не тронетъ; за то у насъ въ Австріи всякаго Славянина притѣсняютъ, хотя вѣжливо, но больно; мѣшаютъ ему во всемъ, держатъ его подъ надзоромъ, передѣлываютъ въ Нѣмца, и если онъ православный, стараются вогнать въ унію. Нѣтъ, нашему брату куда просторнѣе и свободнѣе въ Турціи!» Такъ говорятъ австрійскіе и турецкіе Славяне другъ о другѣ, и разобрать трудно, гдѣ имъ дѣйствительно лучше и гдѣ хуже. — Но во всякомъ случаѣ, въ Турціи Славянамъ жить становится годъ отъ году тяжеле. Прав-

да, что Турки теперь не такъ дики, какъ прежде; они начинаютъ перенимать европейскія манеры, и многіе выучились говорить по-французски. Однако же манеры образованнаго Европейца не сдѣлаютъ человѣка лучшимъ, если душа его не просвѣтится, а душа-то у Турокъ не только не просвѣщается, но, напротивъ, развращается. Прежде они вѣрили въ своего пророка Магомета: теперь они ни во что не вѣрятъ. Прежде они были дики, но просты и добродушны; теперь они стали вѣжливыми, но за то лукавыми. Съ Австрійцами они величайшіе друзья, потому что и у тѣхъ и у другихъ общій разсчетъ — не давать Славянамъ ходу; во всякомъ дѣлѣ Австрійцы поддерживаютъ Турокъ, Турки — Австрійцевъ.

Теперь въ Турціи случаи звѣрскаго свирѣпства противъ Славянъ — христіанъ нѣсколько рѣже, чѣмъ были прежде, но и такіе случаи бываютъ. Напримѣръ, въ 1859 году Туркамъ не понравился учитель православной школы въ селѣ Обудовцѣ въ Босніи, по имени Иванъ Жувалевичъ; они убили его на порогѣ церкви, бросили его тѣло въ грязное мѣсто, поставили передъ нимъ свѣчу, разложили книгу и стрѣляя въ тѣло изъ ружей, какъ въ мишень, приговаривали: «нука, читай теперь!» Убійцы остались безнаказанными.

Это доказываетъ, что старинная дикость турецкая не совсѣмъ исчезла; а съ другой стороны, научившись хитрить и лукавить, Турки стали угнетать христіанскіе народы гораздо утонченнѣе и больнѣе прежняго. Они обѣщаютъ имъ покровительство закона и разныя улучшенія, и что же выходитъ? Прежде христіане носили оружіе и защищались имъ отъ насилія и самоуправства мусульманъ; теперь Турки сказали, что насилія и самоуправства не будетъ, стало быть христіанамъ оружія не нужно, и отобрали у нихъ все оружіе, а мусульманамъ его оставили: вооруженный мусульманинъ можетъ теперь дѣлать что угодно съ безоружными христіанами, и суда на него нѣтъ, потому что, не смотря на всѣ обѣщанія, свидѣтельство христіанъ не принимается въ турецкомъ судѣ (кромѣ какъ въ самой столицѣ, Константинополѣ, гдѣ все дѣлается на показъ передъ Европою). Прежде христіане платили въ казну очень мало, и не несли рекрутской повинности; теперь Турки сказали, что такъ какъ христіане должны быть сравнены въ правахъ съ мусульманами, то будутъ нести и одинаковыя повинности; однако они побоялись брать ихъ въ рекруты и обучать военному искусству, и, взамѣнъ рекрутства, наложили на нихъ огромную подать, которую всякій христіанинъ платитъ ежегодно. Десятину съ урожая, взимаемую съ поселянъ, стали отдавать на откупъ, и вмѣсто десятой доли, берется теперь часто половина собраннаго хлѣба. Выдумали множество по-

выхъ поборовъ, и христіане-земледѣльцы въ Турціи, прежде бывшіе богатыми, сдѣлались теперь нищими.

Таково нынѣ состояніе христіанскихъ народовъ, Болгаръ и Сербовъ, подъ турецкимъ владычествомъ (я разумѣю Сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ они вполнѣ подвластны Туркамъ, а не въ Сербскомъ княжествѣ, гдѣ у нихъ свои законы, свое управленіе, свой князь, и гдѣ народъ отлично успѣваетъ). При всемъ томъ и въ этихъ Славянскихъ народахъ духъ пробуждается, особенно у Болгаръ; Болгаре заводятъ школы, стараются просвѣтиться, начинаютъ читать и писать книги, вспоминаютъ свою старину, вспоминаютъ, что они народъ славянскій, который *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ;* изъ Сербскихъ земель, вполнѣ подвластныхъ Туркамъ, оживаетъ Герцеговина, сосѣдняя съ независимыми и храбрыми Черногорцами, а въ Босніи, которая особенно угнетена, и гдѣ всего больше Славянъ-отступниковъ, перешедшихъ въ мусульманскую вѣру, пробужденіе едва начинается; но и за Боснію нечего отчаяваться.

С. п. б.
1860 г.

II.

НАРОДНОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ

СЕРБОВЪ-ЛУЖИЧАНЪ ВЪ САКСОНІИ

II.

Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи.

Будышинъ. — Сербо-лужицкіе города въ Саксоніи. — Нижніе и Верхніе Лужичане. — Языкъ этого народа. — Разсказъ И. И. Смоляра о возрожденіи Сербовъ-Лужичанъ. — Труды Лубенскаго, Зейлера, Клина и Смоляра въ дѣлѣ возрожденія этой народности. — Д-ръ Пуркине. — Мужикъ-Клосопольскій. — «Сербское общество» при будышинской гимназіи. — Штуръ. — Поэтъ Коларъ. — Основаніе Славянской библіотеки въ Будышинѣ. — Исторія изданія Сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсень. — Сербо-лужицкія газеты. — «Матица», общество для развитія между Сербо-Лужичанами народнаго просвѣщенія и словесности. — Событія 1848 года и ихъ послѣдствія для Сербо-лужицкой народности. — Благосостояніе этого народа. Отчужденіе Нижнихъ-Лужичанъ отъ Верхнихъ-Лужичанъ. — Свидѣтельство Іенча объ онѣмеченіи Нижнихъ-Лужичанъ. — Въ чемъ слѣдуетъ видѣть зачатки возрожденія Нижне-Лужицкой народности? — Нѣсколько замѣчаній о произношеніи Лужичанъ и объ ихъ нарѣчіи вообще. — Образцы Сербо-лужицкой поэзіи.

Я побывалъ въ Будышинѣ или, какъ Нѣмцы говорятъ, Бауценѣ, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ землѣ Славянъ, Лужицкихъ Сербовъ. Замѣчателенъ этотъ послѣдній живой остатокъ сѣверозападнаго Славянства, эти 160,000 людей, которые, среди милліоновъ нѣмецкаго народа, сохранили до сихъ поръ свою славянскую рѣчь, свой особенный бытъ, свое стародавнее напменованіе *Сербовъ*. Легко пройти Лужицко-сербскую землю вдоль и поперекъ. Если отправиться изъ Будышина, какъ изъ средоточія ея, — не географическаго, но умственнаго, — то легко побывать и въ Любіи (Löbau), крайнемъ къ юго-востоку Лужицко-сербскомъ городѣ, и въ Мужаковѣ (Muskau), и въ Зломъ-Коморовѣ (Senftenberg), которые лежатъ оба на пограничной чертѣ между Верхними и Нижними Лужицами [1]), одинъ на востокѣ,

[1]) Извѣстно, что Сербы-Лужичане, при всей своей малочисленности, дѣлятся на два племени, принадлежатъ двумъ государствамъ и двумъ исповѣданіямъ. Племя Верхне-Лужицкое раздѣлено между Саксоніею (49,217 душъ, въ томъ числѣ 40,000 протестантовъ и 9,000 католиковъ) и Пруссіею (39,000, въ томъ числѣ 37,000 протестантовъ и 2,000 католиковъ); и того Верхне-Лужицкихъ Сербовъ около 90,000. — Нижне-Лужицкихъ Сербовъ 72,000, всѣ въ Пруссіи и всѣ протестанты.

другой на западѣ (между ними верстъ 60 разстоянія), и въ Хотѣбузѣ (Kotbus), важнѣйшемъ городѣ Нижнихъ-Лужицъ и самомъ отдаленномъ отъ Будышина (верстъ 75 къ сѣверу). Къ тому же странствованіе по Сербо-лужицкому краю представляетъ всѣ удобства: народъ вѣжливый и гостепріимный, избы и постоялые дворы чисты и опрятны, и паспортовъ никакихъ не нужно. Хотѣлось мнѣ прислушаться къ рѣчи Сербовъ-Лужичанъ, сохранившихъ, въ удивительной полнотѣ, самыя древнія грамматическія формы языка славянскаго и не менѣе богатыхъ также первоначальными коренными словами, особенно для выраженія предметовъ и дѣйствій внѣшнихъ. Хотѣлось мнѣ всмотрѣться въ это племя: нельзя ли, я думалъ, угадать, почему Лужицкіе Сербы, которые всегда были самое малочисленное и слабое изъ племенъ славянскихъ, съ такимъ упорствомъ, среди всякихъ невзгодъ и гоненій, удержали свою народность, тогда какъ другое, ближайшее къ нимъ и несравненно бо̀льшее и сильнѣйшее племя, бойкое и шумное племя Польское или Ляшское, такъ легко поддавалось онѣмеченью, въ Мекленбургіи, въ Бранденбургіи, въ Помераніи, и теперь еще съ каждымъ годомъ уступаетъ передъ Нѣмецкимъ наплывомъ, почти вымираетъ въ Силезіи, въ восточной и западной Пруссіи, уменьшается въ Познанскомъ княжествѣ? Но у меня не было времени на изученіе Лужицкой страны; въ Будышинѣ я могъ оставаться всего дня три или четыре. Что можно увидѣть въ три или четыре дня? Чтобы время не пропало совершенно даромъ, я и попросилъ И. И. Смоляра, одного изъ главныхъ умственныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, принявшаго меня съ великимъ радушіемъ, разсказать мнѣ, во всей подробности, какимъ образомъ возродилась и получила признаніе славянская народность въ королевствѣ Саксонскомъ.

О древнихъ судьбахъ Лужицко-сербской народности и письменности я говорить не стану. И. И. Срезневскій посвятилъ этому предмету прекрасную, любопытную статью [1]). Онъ живо изобразилъ незабвенныхъ тружениковъ: Михаила Френцеля (+ 1706), сына его Авраама (+ 1740), Мѣна (+ 1785) и другихъ, которые съ любовью занимались роднымъ Славянскимъ словомъ, когда никто еще и не думалъ о славянствѣ, когда геніальный поэтъ, родившійся между Сербами-Лужичанами, Лессингъ [2]), сдѣлался главнымъ двигателемъ *нѣмецкой* литературы. Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ Сербо-лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ чѣмъ, какъ Нѣмцемъ

---

[1]) «О литературѣ Сербо-Лужицкой» въ *Журналѣ Мин. Народнаго Просв.* 1844, № 7.

[2]) По-сербски это имя произносилось: Лѣсникъ. Онъ былъ родомъ изъ Каменца Kamenz), на западномъ краю Сербской земли въ Саксоніи.

народъ Сербо-лужицкій, говорившій «по-вендски» (такъ называли, по нѣмецкому обычаю, его славянскую рѣчь), и не подозрѣвалъ, что есть на свѣтѣ другіе «Венды» кромѣ его; языкъ «вендскій» почитался какимъ-то просторѣчіемъ (patois), на которомъ сельскіе пасторы по-неволѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-славянскія селенія, у которыхъ богослуженіе совершалось по-нѣмецки [1]); при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя «Вендами», уменьшалось. Во всей землѣ Лужицкой только одинъ человѣкъ, почтенный пасторъ Любенскій, заботился о родномъ языкѣ. Писалъ онъ много, составилъ обширный словарь и грамматику Верхне-Лужицкую, но главные его труды не печатались, а издавать могъ онъ только книжечки назидательныя, для чтенія въ деревняхъ. Неутомимо работалъ Любенскій, но по временамъ брала его тоска и отчаянье; по временамъ ему казалось, что его труды пропадутъ даромъ, что не долго будутъ читать его книжечки, что онъ послѣдній въ Лужицкой землѣ пишетъ по-сербски. Да, было тамъ такое время, и прошло; прошло оно съ новымъ поколѣніемъ, которое выростало въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія.

Въ 1826 г. одинъ молодой Лужичанинъ, Зейлеръ, человѣкъ горячій, съ крѣпкою волею, даровитый поэтъ, будучи студентомъ богословскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, сталъ помышлять о томъ, что на немъ и на товарищахъ-соплеменникахъ его, готовящихся къ священнослуженію въ родномъ краѣ, лежитъ обязанность быть не только наставниками своего народа въ вѣрѣ, но и хранителями его слова и народнаго быта. Прежде уже, будучи ученикомъ въ Будышинской гимназіи, Зейлеръ понисывалъ кое-что по-сербски, безъ всякой мысли о литературномъ успѣхѣ, а просто для того, чтобы не забыть языка: ибо въ ту пору въ главномъ Сербо-лужицкомъ городѣ только простолюдинъ говорилъ по-сербски; Сербъ, мало-мальски образованный, стыдился родной рѣчи своей; въ гимназіи, даже въ кругу товарищей, не говорили иначе, какъ по-нѣмецки, и такимъ образомъ, съ пріѣздомъ изъ деревни въ городъ, съ поступленіемъ въ гимназію, сербскій мальчикъ забывалъ по-сербски. Въ Лейпцигѣ Зейлеръ сталъ всѣми силами подбивать товарищей-Лужичанъ чтобы они занялись своимъ языкомъ. Между тамошними студентами богословія издавна существовало общество для упражненія въ гомилетикѣ (проповѣдномъ искусствѣ), и уже Любенскій, еще во время своего студенче-

---

[1]) Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ пасторовъ многія Верхне-лужицкія Сербскія селенія, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, совершенно онѣмечились, напр. Цыбалинъ (Zibelle), Езоръ (See), Козле (Kosel), Буковъ (Hohen-Boucka) и др.

ства, образовалъ при немъ Сербо-лужицкое отдѣленіе. Зейлеръ настоялъ на томъ, чтобы это отдѣленіе возобновилось и чтобы его товарищи-земляки обязались произносить каждый семестръ въ своемъ кружкѣ, для опыта, проповѣдь по-сербски. Это общество существуетъ понынѣ при Лейпцигскомъ университетѣ, подъ именемъ «Sorabia», которое далъ ему Зейлеръ. Онъ не хотѣлъ ограничиться этимъ. Вскорѣ при своей «Сорабіи» основалъ онъ еженедѣльный рукописный журналъ «Сербска Нòвина»: всякій членъ Сорабіи долженъ былъ доставлять каждую недѣлю для журнала какую-нибудь статейку, своего ли произведенія; или переводную, журналъ переписывался и раздавался сотрудникамъ. Вскорѣ молодой сербскій студентъ, сербскій проповѣдникъ и писатель, могъ почувствовать народную связь свою съ другими Славянами: пріѣхалъ въ Лейпцигъ Палацкій, знаменитый Чешскій исторіографъ и главный двигатель чешской народности, пріѣхалъ и Милутиновичъ, извѣстный писатель у Сербовъ задунайскихъ, другъ покойнаго владыки Черногорскаго, составитель исторіи Черной Горы. Съ ними Зейлеръ сошелся. Побужденный ими, онъ горячо принялся за изученіе славянскихъ языковъ. Но изъ сверстниковъ его никто еще не былъ зрѣлъ для мысли объ умственномъ общеніи Славянъ. Товарищи не поддержали Зейлера въ этомъ дѣлѣ ни сотрудничествомъ, ни участіемъ, — и Зейлеръ бросилъ занятіе славянщиною. Каждая мысль, движущая въ извѣстную пору людьми, созрѣваетъ въ свое время. Френцель въ XVIII столѣтіи, Зейлеръ въ 1820-хъ годахъ нынѣшняго, вѣрили уже въ общеніе славянскихъ народовъ, въ лучшую будущность для Славянъ. Въ комъ нашли они тогда отголосокъ? Въ Лужицкой землѣ осталось 10,000 Сербовъ-католиковъ, затерянныхъ между массами протестантскаго населенія; для нихъ всегда, съ давнихъ поръ [1]), духовные наставники готовились въ Пражской семинаріи. Молодой Сербъ-Лужичанинъ, занесенный къ Чехамъ, слыша около себя родную рѣчь, естественно долженъ тотчасъ почувствовать себя членомъ великой семьи Славянской. Теперь оно такъ: теперь Сербъ-Лужичанинъ пріѣзжаетъ въ Прагу, уже готовый къ принятію этого чувства; въ Прагѣ же вся среда, его окружающая, проникнута славянскимъ духомъ, и В. В. Ганка заботился [2]) о томъ, чтобы Лужицкіе гости возвращались изъ Чешской столицы хорошими славянистами. Но въ прежнее время, сколько перебывало въ Пражской семинаріи молодыхъ Сербовъ, и

[1]) Именно, съ 1704 года.

[2]) Писано въ 1856 г. Ганка скончался въ 1861 г. — Подъ покровительствомъ В. В. Ганки эти Сербо-лужицкіе студенты семинаріи основали, въ 1846 г., общество подъ именемъ «Сербовка», для изученія своего народнаго языка и прочихъ славянскихъ нарѣчій.

кто изъ нихъ вынесъ оттуда мысль о Славянской народности и Славянскомъ общеніи? Никто, пока не приспѣло время, никто до 30-хъ годовъ нашего столѣтія.

Въ 1830 году пріѣхалъ въ Будышинъ и поступилъ въ гимназію 14-лѣтній мальчикъ, сынъ приходскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ (Lohsa), Смоляръ (Smolerj, по-нѣмецки Schmaler). Дома онъ слышалъ постоянно Сербо-лужицкій языкъ, мать его почти не знала по-нѣмецки, и вдругъ переходитъ онъ въ кругъ, гдѣ ни слова не говорятъ по-сербски. Онъ и сказалъ нѣсколькимъ изъ сверстниковъ товарищей: «мы—Сербы, а вѣдь здѣсь забудемъ по-сербски; давайте учиться нашему языку...» И Смоляръ сталъ давать товарищамъ въ положенные дни уроки сербскаго языка, диктовалъ имъ по-нѣмецки и заставлялъ записывать по-сербски, училъ ихъ пѣть сербскія пѣсни. Родныя пѣсни поселянъ были съ дѣтства его страстью: ребенкомъ, мальчикомъ прислушивался онъ къ нимъ въ деревнѣ, голоса и слова врѣзались ему въ память. Учить товарищей пѣть эти пѣсни было для него лучшею утѣхою, истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ-то онъ совсѣмъ увлекся этими пѣснями и сталъ сознательно понимать ихъ красоту и цѣну. Когда возвращался онъ лѣтомъ на вакаціи въ деревню, ему ужь дома не сидѣлось. По цѣлымъ недѣлямъ его не видали родители: онъ бродилъ изъ села въ село, допытываясь пѣсенъ и записывая ихъ. Никто до того времени не имѣлъ понятія о народномъ бытѣ Лужицкихъ Славянъ, объ ихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ. Молодой гимназистъ, собиратель пѣсенъ, первый, можно сказать, узналъ свой народъ, схватилъ его живьемъ въ долгихъ странствованіяхъ по проселкамъ и деревнямъ. Мало того: никто прежде не умѣлъ сказать, какъ далеко простирается славянское населеніе въ этомъ краѣ, какая деревня сербская и какая нѣмецкая: Смоляръ первый узналъ и занесъ на карту границу своего народа.

Эта первая дѣятельность его относится къ 1830—1835 годамъ.

Въ то же время, въ 1833—34 году, сверстникъ Любенскаго и единственный изъ сверстниковъ, оказывавшій сочувствіе къ его дѣлу, Д-ръ Клинъ (который послѣ смерти Любенскаго въ 1840 г. оставался патріархомъ поборниковъ народности у Сербовъ-Лужичанъ и скончался въ 1855 году),—Д-ръ Клинъ защищалъ Сербскій языкъ на сеймѣ чиновъ Лузаціи [1]). Многіе изъ членовъ сейма хотѣли изгнать славянскую рѣчь даже изъ приходскихъ школъ и изъ церкви и тѣмъ

[1]) *Лузація* (Lusatia, die Lausitz, —я употребляю это оффиціальное, такъ сказать, названіе, когда говорю объ этой странѣ вообще, безъ отношенія къ народности, а славянское имя *Лужицы* придаю только той части Лузаціи, которая осталась славянскою)—Лузація сохранила древнее право обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ своихъ чиновъ.

приготовить совершенное ея искорененіе въ землѣ Лужицкой: Клинъ воспротивился требованіямъ ультра-германистовъ и отстоялъ народный языкъ.

Въ 1836 г. Смоляръ поступилъ студентомъ богословія въ Вратиславскій (Бреславскій) университетъ. Однажды зимою его приглашаетъ къ себѣ незнакомый профессоръ медицинскаго факультета: то былъ г. Пуркине, имя котораго дорого всѣмъ Славянамъ, какъ одного изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей Чешскихъ. Какъ удивился молодой богословъ первому вопросу, съ которымъ встрѣтилъ его знаменитый натуралистъ: знаетъ ли онъ по-сербски и что это за языкъ? На другой день Смоляръ приноситъ ему показать Сербо-лужицкую Библію; они условливаются, что Смоляръ будетъ приходить по воскресеньямъ къ Пуркине учиться по-чешски. Его примѣръ заохочиваетъ другихъ сербскихъ студентовъ. Вскорѣ они къ Чешскому языку присоединяютъ Польскій, выучиваются потомъ Русской и Старо-Славянской грамотѣ. Какъ они радовались, когда, одолѣвъ Кириллицу, стали читать нашу славянскую Библію, и каждый стихъ звучалъ имъ, какъ родной! Въ Вратиславль [1]) заѣхалъ Палацкій и извѣстный Польскій ученый г. Мацѣёвскій: они оживили еще болѣе славянское рвеніе студентовъ. Смоляръ переѣхалъ жить къ Пуркине и подъ его руководствомъ сталъ спеціально изучать собранныя имъ пѣсни. Одинъ молодой человѣкъ, Рёслеръ [2]), пламенный патріотъ, если не въ отношеніи Сербо-лужицкой народности (онъ Нѣмецъ), то своей Лузацкой родины, основывалъ въ это время при Вратиславскомъ университетѣ «Лузацкое Общество» (lausitzischer Verein), члены котораго, Лузацкіе уроженцы, образовывавшіеся въ Вратиславлѣ, должны были, по возможности, разработывать исторію, статистику и этнографію своего края. При немъ, по плану Рёслера, должно было быть Сербское отдѣленіе (wendische Section). Смоляръ сблизился съ Рёслеромъ, умѣлъ даже побудить его учиться по-славянски, и его стараніями состоялось это отдѣленіе: Пуркине былъ избранъ въ «протекторы».

Уже въ чужихъ городахъ, въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ, молодые Сербы хлопотали о своемъ языкѣ и народности, а у нихъ дома еще ничего не дѣлалось. Нѣсколько лѣтъ послѣ Смоляра поступилъ въ Будышинскую гимназію юноша съ пылкой, но дѣльной головою (теперь опытный и основательный юристъ [3]), Мѫжикъ-Клосопольскій

---

[1]) Breslau.

[2]) Впослѣдствіе одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Гёттингенскаго университета.

[3]) Ему принадлежитъ переводъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарика на нѣмецкій языкъ.

(или по-нѣмецки Mosig von Aehrenfeld). Онъ началъ говорить съ товарищами-Сербами по-сербски, заставлялъ и ихъ слѣдовать своему примѣру, не стыдиться народнаго языка. Онъ увлекъ ихъ; нѣсколько человѣкъ составили при Будышинской гимназіи Сербское общество («Сербске товарьство на Будыскимъ гимназію»), которое сдѣлало и теперь еще дѣлаетъ много добра. Мужикъ сочинилъ уставъ. Цѣлью общества было «упражненіе и усовершенствованіе членовъ его въ родномъ языкѣ». Каждый членъ обязывался ежемѣсячно доставлять что нибудь писанное по-сербски (въ прозѣ или стихахъ): эти произведенія читались въ кругу товарищей, и если одобрялись, то вносились въ общественную книгу и хранились навсегда при обществѣ. Выхлопотали обществу [1]) и его уставу оффиціальное утвержденіе отъ начальства гимназіи и потомъ получили особое помѣщеніе для засѣданій и библіотеки.

Бѣдный Штуръ, преждевременная смерть котораго составляетъ большое несчастіе для западныхъ Славянъ, Штуръ, по какому-то случаю находясь въ Лейпцигѣ, узналъ, что въ одномъ краѣ Саксоніи есть Славяне и что у нихъ затѣвается что-то хорошее. Онъ не утерпѣлъ и тотчасъ же пріѣхалъ въ Будышинъ. Какъ онъ умѣлъ воспламенить Будышинскихъ юношей! Какъ онъ приковывалъ ихъ къ себѣ каждымъ словомъ! Какой бывалъ ихъ восторгъ, когда онъ, съ своею прекрасною наружностью, съ своимъ звучнымъ голосомъ, пѣлъ имъ славянскія пѣсни или, хорошо знакомый съ историческими памятниками, разсказывалъ имъ про ихъ старыхъ Сербскихъ и Мильчанскихъ [2]) князей, о которыхъ они ничего не знали, про Дервана, побѣдителя Дагоберта и его Франкскихъ войскъ, про Милодуха и тому подобныхъ героевъ родной старины! Бывало, они соберутся вечеромъ, запоютъ пѣсни, и когда наступитъ ночь, съ пѣснями, съ факелами пойдутъ къ какому-нибудь романтическому мѣсту, напоминающему про славянство, къ скалѣ, которая нависла надъ Спревою и называется Пребогомъ, на гору, носящую грозное имя Чернобога. Это были пустяки, ребячество, но за этими пустяками скрывалась мысль. «Тутъ мы впервые почувствовали, такъ говорили потомъ гимназисты, ходившіе съ факелами къ Пребогу, а впослѣдствіи люди степенные: «тутъ мы впервые почувствовали, что мы не «одни на свѣтѣ, что у насъ есть братья, которые отъ насъ не сов-

---

[1]) Его оффиціяльный титулъ: societas slavica Budessina.

[2]) Въ VII — XI столѣт. имя *Сербовъ* преимущественно обозначало западную половину Славянъ въ этомъ краѣ, между Солявою (Sale) и Лабьемъ (Лабою, Эльбою); восточная часть, между Эльбою и Нисою (Neisse), является обыкновенно подъ разными названіями отдѣльныхъ племенъ, которыя тутъ жили: главныя были *Мильчане* и *Гломачи* (иначе *Далеминцы*).

«всѣмъ отвернулись, что мы, горсточка Славянъ между Нѣмцами, но «потеряны; что если мы не захотимъ сами онѣмечиться, то насъ не «онѣмечатъ никакою силою. Мы хаживали часто, продолжали мои «Лужицкіе знакомцы, къ старику Любенскому и разсказывали ему «про наши подвиги; а старикъ, покачивая головою, съ недовѣрчивою «радостью внималъ нашимъ толкамъ и надеждамъ: «пустое вы, дѣти, «затѣваете, говаривалъ онъ, изъ чего хлопочете? вѣдь что вы ни дѣ- «лайте, скоро здѣсь славянство вымретъ, сами увидите....» Бѣдный Штуръ первый изъ чужихъ Славянъ посѣтилъ Лужицкихъ Сербовъ; онъ открылъ, можно сказать, дорогу къ общенію. Едва онъ уѣхалъ изъ Будышина, пришло въ Сербское гимназическое «товарищество» письмо отъ знаменитаго пѣвца «Дочери Славы», Колара; написанное прекрасно, горячо, поэтически, оно привело въ восторгъ сербскую молодежь. За письмомъ пришелъ цѣлый тюкъ книгъ Чешскихъ, Словацкихъ, Хорвато-Сербскихъ, собранныхъ Коларомъ для Будышинской братьи [1]). Мужикъ съ товарищами стали помышлять о литературной связи и съ Россіею: сочинено и отправлено было письмо въ Петербургъ къ академику Куныку; но письмо осталось безъ отвѣта. За то великою радостью для молодаго товарищества было, когда Штуръ напписалъ статью о повооткрывшейся въ Саксоніи славянской народности и первый подалъ другимъ Славянамъ вѣсть объ ней и объ ея пробужденіи. Статья его была переведена и въ русско-польской «Денницѣ», которую издавалъ въ то время въ Варшавѣ г. Дубровскій. Въ Лейпцигскій университетъ Будышинскіе ученики вступили уже готовыми славянистами и тотчасъ сблизились съ другими Славянами, которыхъ тамъ застали. Составилось «Славянское общество»: въ немъ были и Мужикъ съ товарищами, Сербы-Лужичане, и Болгаринъ Куканчи, и Полякъ Сокольницкій, и Сербъ Магазиновичъ, и нѣсколько Чеховъ.

До сихъ поръ Сербо-лужицкое движеніе было почти только вспышкою горячихъ молодыхъ головъ. Узаконило и утвердило ихъ стремленія на истинной основѣ народнаго духа изданіе народныхъ пѣсенъ. Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ и нынѣ еще такого полнаго, тщательнаго, великолѣпнаго изданія своихъ пѣсенъ, какъ бѣдный народецъ Сербо-лужицкій. Стоитъ разсказать, какъ состоялось это изданіе, памятное не только въ исторіи Сербо-лужицкаго, но и Всеславянскаго пробужденія. Въ Лужицкомъ, но издавна онѣмеченномъ городѣ Гёрлицѣ (по-славянски Сгорѣльцѣ) существовало съ 1779 года богатое и дѣятельное общество наукъ [2]). Оно когда-то изъ археологи-

[1]) Эта посылка послужила основаніемъ Славянской библіотекѣ при Будышинской гимназіи: теперь эта библіотека весьма значительна.

[2]) „Oberlausitzsche Gesellschaft der Wissenschaften“.

ческой любознательности, и не подозрѣвая народнаго значенія вопроса, предложило премію за сборникъ Сербо-лужицкихъ пѣсенъ. У Смоляра были пѣсни Верхне-Лужицкія; но Гёрлицкая программа требовала и Нижне-Лужицкихъ. Дѣло на томъ пока и остановилось. Между тѣмъ въ Гёрлицѣ у секретаря общества, почтеннаго духовнаго, Гаупта, человѣка мало свѣдущаго въ славянскомъ языкѣ, но крайне доброжелательнаго къ Славянамъ, накопилось изъ разныхъ рукъ порядочное количество пѣсенъ, записанныхъ въ Нижнихъ Лужицахъ, съ которыми онъ имѣлъ всегда сношенія. Гауптъ и написалъ Смоляру, не хочетъ ли онъ сообща издать пѣсни. Смоляръ былъ крайне обрадованъ. «Меня даже и то восхищало, — такъ разсказывалъ мнѣ Смоляръ, — что со мною, молодымъ студентомъ богословія, хотѣлъ вступить въ литературныя сношенія такое почтенное лицо, какъ Гауптъ, членъ безчисленнаго множества ученыхъ обществъ, имѣвшій притомъ значительный духовный санъ». Смоляръ пріѣхалъ въ Гёрлицъ; стали приготовлять изданіе. Смоляръ занялся славянскою частью, Гауптъ дѣлалъ нѣмецкій переводъ стихотворнымъ размѣромъ. Пѣсни были готовы. Но гдѣ найти издателя для такой книги, тогда какъ Сербы не могли напечатать себѣ и перевода Библіи безъ чужаго пособія [1]) и всѣ лучшія сочиненія на ихъ языкѣ лежали въ рукописи? Смоляръ отчаявался. Однажды, идя задумчиво по площади въ Будышинѣ, онъ встрѣчаетъ прежняго своего учителя, а тогда конректора гимназіи, Фрицше. «Что это у васъ торчитъ въ карманѣ?» спросилъ добрый старикъ. Смоляръ показалъ два толстыхъ тома пѣсенъ. «За чѣмъ не печатаете?» — «Нѣтъ издателя». — «А вотъ я завтра ѣду въ Гримму [2]), тамъ заводитъ торговлю молодой книгопродавецъ, Гебгарди. Онъ человѣкъ предпріимчивый, я ему скажу». Гриммскій книгопродавецъ какимъ-то чутьемъ понялъ, что изданіе народныхъ пѣсенъ славянскихъ дѣло новое, современное, обѣщающее успѣхъ, самъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ, условился съ Смоляромъ; оба поѣхали въ Гёрлицъ къ Гаупту, подписали контрактъ. Смоляръ съ Гауптомъ взялись за окончательную отдѣлку рукописи: составлено было подробное описаніе народнаго быта Сербовъ-Лужичанъ; собраны были данныя географическія, статистическія, филологическія, однимъ словомъ все, что нужно было для полнаго пониманія пѣсенъ и знакомства съ народомъ, который ихъ пѣлъ. Славянская работа кипѣла въ домѣ у Гаупта. «Намъ была удача, говорилъ мнѣ Смоляръ, вспоминая эти годы, — «обстоятельства сочетались какъ-то счастливо. Въ это

---

[1]) О старыхъ изданіяхъ перевода Священнаго Писанія по сербо-лужицки см. приведенную выше статью г. Срезневскаго. Въ позднѣйшее время Сербамъ въ этомъ благомъ дѣлѣ помогло Лондонское Библейское общество.

[2]) Городокъ Саксоніи, недалеко отъ Лейпцига.

«именно время случился въ Сторѣльцѣ русскій путешественникъ, «ѣздившій для изученія западнаго славянства, г. Срезневскій. Онъ «намъ много пособилъ и совѣтомъ и собственнымъ трудомъ. Пред- «стояло важное дѣло: при изданіи пѣсенъ изгнать старое варварское «правописаніе на подобіе нѣмецкаго и ввести болѣе сродное съ сла- «вянскими звуками и съ употребительною у другихъ Славянъ орѳо- «графіею, Мы не усомнились принять новое, весьма удобное право- «писаніе Чеховъ, заимствованное у нихъ и Словаками, и Хорватами, «и Хорутанами; но нужно было примѣнить его къ разнообразнымъ «и довольно прихотливымъ звукамъ нашего языка. Много ломали мы «надъ этимъ голову; русскій путешественникъ помогалъ намъ, подъ «его-то руководствомъ мы составили въ домѣ у Гаупта нашу но- «вую, аналогическую съ Чешскою и Хорватскою азбуку...» Азбука эта не мало способствовала литературному сближенію Сербовъ-Лужичанъ съ другими западными Славянами.

Гебгарди издалъ пѣсни великолѣпно, не щадя издержекъ. Поселяне не станутъ покупать своихъ же пѣсенъ, — такъ онъ разсчитывалъ, купятъ Сербо-лужицкія пѣсни библіотеки, да ученые и литераторы, купятъ всѣ любители славянства, всѣ цѣнители народной поэзіи: имъ пріятно будетъ имѣть книгу красивую, и они не поскупятся дать за то подороже. Онъ не ошибся: Лужицкія пѣсни разошлись до послѣдняго экземпляра и дали издателю славный барышъ. Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ, какъ я сказалъ, такого прекраснаго изданія своихъ пѣсенъ.

Въ Гёрлицѣ жилъ тогда человѣкъ весьма знатный и близкій къ королю Прусскому, церемоніймейстеръ Стильфридъ, вице-президентъ Гёрлицкаго общества наукъ. Онъ подалъ Смоляру мысль посвятить своему государю изданіе пѣсенъ. Смоляръ отыскалъ въ титулѣ Прусскаго короля, что онъ «Herzog der Wenden», и написалъ посвященіе: «Бедрихей Вылемей Штвѳртему, Прускему Кралей, Серскему (т. е. Сербскому) Воеводей». Посвященіе было принято, и издатели награждены медалями. Вскорѣ за тѣмъ король, по ходатайству Стильфрида, назначилъ Смоляру стипендію на 3 года по 200 талеровъ, для продолженія занятій славянскими нарѣчіями. Въ то время Прусское правительство предполагало учредить славянскія каѳедры во всѣхъ университетахъ Пруссіи, и Смоляръ сталъ готовиться къ такой каѳедрѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Чеха, Челяковскаго, который именно въ томъ же году (1842) приглашенъ былъ въ Бреславль, какъ профессоръ славянской словесности.

Въ 1842 — 1843 г. драгоцѣнный народный памятникъ Сербовъ-Лужичанъ, пѣсни были изданы: начиналась и здѣсь литературная жизнь, возбужденная въ духѣ славянства молодыми дѣятелями нова-

го поколѣнія. Пришло теперь время сдѣлать всю массу Сербовъ-поселянъ участницею въ этой умственной жизни, въ этомъ народномъ возрожденіи. Вотъ общій смыслъ всѣхъ стремленій Сербо-лужицкихъ дѣятелей съ 1842 по 1850 годъ, стремленій, которыя не прекратились и нынѣ, хотя въ главномъ цѣль уже достигнута.

Прежде всего надлежало дать народному дѣлу гласность. Но какъ это сдѣлать? какимъ образомъ учредить газету для 90,000 хлѣбопашцевъ [1]), отчужденныхъ отъ сосѣдей, имѣющихъ единственными путями сообщенія плохія проселочныя дороги, и отъ роду не читавшихъ ничего, кромѣ молитвенниковъ? За то и не вдругъ все уладилось. Первую мысль подалъ молодой Лужичанинъ Іорданъ, воспитанникъ Пражской католической семинаріи, который въ 1841 г. возвратился на родину. Онъ рѣшился принять на себя редакцію невиданной Сербо-лужицкой газеты; только онъ сдѣлалъ ошибку относительно правописанія. Новаго Чешскаго правописанія нельзя было ввести вдругъ въ изданіе, назначенное для массы народа, потому что простолюдинъ затруднялся бы чтеніемъ, и думая, что хотятъ его заставить сызнова учиться азбукѣ, не взялъ бы газету въ руки; но вмѣсто того, чтобы начать съ стараго правописанія и потомъ, когда вчитаются въ газету, вводить мало-по-малу новое, Іорданъ выдумалъ какое-то среднее между старымъ и новымъ. Затрудненіе новизны оставалось, и не было простоты и понятности Чешской системы писанія. 1 Января 1842 г. вышелъ первый номеръ Іордановой «Ютнички» (т. е. Зари); каждую недѣлю выдавалось полліста, но газета пошла такъ плохо, что 1 Іюня Іорданъ прекратилъ ее. Онъ предупредилъ о томъ Смоляра, который сейчасъ пріѣхалъ домой въ рѣшимости поддержать предпріятіе. Въ деревнѣ Лазѣ, гдѣ жили его родители, былъ пасторомъ тотъ самый Зейлеръ, который, какъ я разсказалъ, первый изъ новаго поколѣнія Сербовъ-Лужичанъ сталъ заботиться о своемъ языкѣ и потомъ даже началъ учиться другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Онъ не измѣнилъ прежнему направленію, хотя на время охладѣлъ-было къ занятіямъ. Они-то, Зейлеръ и молодой Смоляръ, взялись продолжать начатое неудачно Іордановъ. Приняли старое правописанье, къ которому привыкли Сербы-протестанты, и стали издавать «Тыдженьску Нѡвину», т. е. Недѣльную Вѣдомость, то-же полліста въ недѣлю. Печаталась газета въ Будышинѣ, а составлялась въ деревнѣ Лазѣ, въ такъ называемой «голи» (die Haide, la lande) [2]), въ 25 верстахъ отъ города.

---

[1]) Въ этомъ народномъ возрожденіи участвовали еще только Сербы верхне-лужицкіе; Нижніе Лужичане оставались къ нему равнодушны.

[2]) Сѣверную часть Верхне-Лужицкаго края составляетъ широкая полоса безплод-

Почта туда не ходила, а была въ двѣ недѣли разъ оказія въ Будышинъ; да и на ту не всегда могли разсчитывать, и нужно было, чтобы въ типографіи лежали готовыя статьи по-крайней-мѣрѣ на два номера впередъ. Условія, какъ видите, не совсѣмъ благопріятныя. Чрезвычайно невыгодно было и то, что «Тыдженьска Нòвина» не смѣла печатать никакихъ политическихъ извѣстій и статей, потому что нѣмецкая Бауценская газета имѣла исключительную привилегію на политику. Читатели «Нòвины», которые хотѣли знать политическія извѣстія, должны были все-таки получать нѣмецкую газету, а подписка на двѣ газеты разомъ для селянина не бездѣлица.

Тѣмъ не менѣе «Нòвина» шла порядочно и съ 1 Іюля 1842 уже не прекращалась. Редакція умѣла угадать вкусъ своей деревенской публики и вмѣстѣ съ тѣмъ вела ее постоянно, все болѣе и болѣе, къ самосознанію народному. Зейлеръ, который былъ редакторомъ газеты по 1848 г., писалъ передовыя статьи, разныя стихотворенія, басни и т. п., изъ коихъ многія помнятся теперь Сербами, какъ ихъ народныя пѣсни; отецъ Смоляръ сочинялъ поучительные разговоры о сельскомъ хозяйствѣ и всякаго рода комическія сцены и побасенки; сынъ его писалъ то, что ближе касалось вопроса народнаго, старался знакомить Сербскаго простолюдина съ прочими Славянами и съ тѣмъ, что у нихъ дѣлается.

Въ 1845 г. Смоляръ, который, работая для «Нóвины» и навѣщая безпрестанно свою родину, все еще продолжалъ заниматься при Бреславскомъ университетѣ, бросилъ наконецъ мысль о славянской каѳедрѣ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ и возвратился къ своимъ Сербамъ, полный одушевляющаго вліянія Челяковскаго и Палацкаго (съ Палацкимъ онъ видался въ Бреславлѣ и встрѣтилъ его опять въ Будышинѣ), придумывая, какъ-бы еще сильнѣе двинуть дѣло народности. Уже бродила у него въ головѣ мысль объ учрежденіи «Матицы» Сербо-лужицкой, на подобіе Чешской и Иллирской, т. е. общества для поддержанія и развитія народнаго просвѣщенія и народной словесности, въ которое можетъ вступить всякій со взносомъ извѣстной суммы, обращаемой въ капиталъ для изданія полезныхъ народныхъ книгъ, которыя членъ «Матицы» получаетъ безплатно. Но въ маленькой землицѣ Сербо-лужицкой, гдѣ высшій классъ славянскаго народа составляютъ сельскіе пасторы, учители и адвокаты, предпріятіе представляло большія затрудненія: людей было мало, денежный взносъ надобно было опредѣлить самый незначительный,

---

ной песчаной, большею частью поросшей кустарникомъ земли, которую Сербы называютъ *голя* (т. е. голая земля). *Голи* занимаетъ также значительную часть Нижнихъ Лужицъ.

чтобы не сдѣлать его совершенно недоступнымъ: какъ тутъ собрать капиталъ, на который можно бы было начать какое бы то ни было изданіе, предназначаемое при томъ для такого малаго круга читателей? Мысль о Сербо-лужицкой «Матицѣ» казалась несбыточною. Между тѣмъ, лѣтомъ 1845 г., въ то самое время, когда Палацкій гостилъ въ Будышинѣ и молодые Лужицкіе славянисты окружали знаменитаго историка, приходитъ въ собравшееся славянское общество бывшій товарищъ и сотрудникъ Мѫжика, учитель Имишъ, и приводитъ съ собою церковнаго кантора [1]) Коцора, отличнаго музыканта-самоучку. «Вотъ у насъ свой композиторъ!» говоритъ Имишъ. Потолковали и рѣшили съ Коцоромъ—дать народный Сербскій музыкальный праздникъ и пѣть на немъ только пѣсни Сербо-лужицкія, да Славянскія. Время было вакаціонное. Разослали циркуляръ ко всѣмъ учителямъ Сербо-лужицкихъ школъ, которые выказывали сочувствіе къ народному дѣлу. Циркуляръ объявлялъ о задуманномъ праздникѣ и требовалъ немедленнаго извѣщенія: какой у кого голосъ, басъ ли, теноръ и т. д. Получивъ отвѣты, пустили второй циркуляръ: чтобы такія-то и такія-то лица явились туда-то въ такой-то день. Коцоръ объѣздилъ поочередно всѣ сборныя мѣста и подготовилъ въ разныхъ концахъ Сербо-лужицкой земли отдѣльныя части своего концерта. Назначенъ былъ великій день торжества. Всѣ собрались. Въ Будышинской «стрѣльницѣ» (Schiesshaus) заданъ былъ Славянскій концертъ. Въ первый разъ Лужицко-сербское Славянство выступало, такъ сказать, передъ публикою своею и чужою. Отовсюду наѣхали Сербы. Многіе старики не вѣрили своимъ ушамъ. Пришло не мало и Нѣмцевъ. Народу собралось множество. Концертъ удался превосходно. «Аплодировали ревностно, разсказывалъ мнѣ Смоляръ, сами Нѣмцы, не подозрѣвая, какъ имъ иногда доставалось въ ультра-славянскихъ патріотическихъ пѣсняхъ...»

Съ тѣхъ поръ эти концерты возобновляются каждый годъ. Чтобы простые люди по всей странѣ могли въ нихъ одинаково участвовать, по-крайней-мѣрѣ какъ слушатели, всякій разъ концертъ переносится въ иное мѣсто: его давали и въ Любіи (Löbau) и въ Воерецахъ (Hoyerswerda), и въ Мáриной Студени (Marienborn) близъ Лессинговой родины Каменца и т. д.

Мысль о «Матицѣ», объ открытомъ для всѣхъ обществѣ любителей роднаго слова, непрестанно занимала Смоляра и его друзей. Мѫжикъ-Клосопольскій, Зейлеръ, молодой дѣятель д-ръ Пфуль, поэтъ и филологъ, съ жаромъ усвоили себѣ эту мысль. Собирались

---

[1]) Родъ дьячка при протестантскихъ церквахъ. Во время богослуженія канторъ играетъ на органѣ.

для обсужденія ея комитеты; въ 1846 г. состоялось уже предварительное собраніе членовъ, вызывавшихся участвовать въ «Матицѣ», сочиненъ былъ проектъ положенія; но все встрѣчались разныя препятствія, и ничего рѣшительнаго не выходило: пока наконецъ старый, опытный въ дѣлахъ практическихъ Д-ръ Клинъ, членъ Будышинскаго городскаго совѣта, взялся пособить молодежи. Онъ положилъ въ карманъ предначертанный уставъ, который принесъ ему Смоляръ, и поѣхалъ въ Дрезденъ хлопотать. Вскорѣ, 26 Февраля 1847, Саксонское правительство утвердило «Матицу» и уставъ ея, а черезъ нѣсколько времени пришло изъ Берлина разрѣшеніе Сербамъ, прусскимъ подданнымъ, въ ней участвовать. Созвано было, въ середу на св. недѣлѣ (1847 г.) первое годичное общее собраніе «Матицы». Оно избрало членовъ для завѣдыванія ея дѣлами и утвердило предстоявшія ей на первый разъ занятія; а въ 1848 г. вышла первая книжка ея «Часописа», т. е. Временника, новымъ правописаніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ «Матица» имѣла уже до 200 членовъ, изъ денежнаго взноса которыхъ [1]) двѣ трети употребляются на разныя изданія, а одна треть на образованіе капитала. Средства такъ скудны, что капиталъ едва превышалъ 400 талеровъ. Но все-таки и съ этими средствами «Матица» издала въ короткое время 12 книжекъ «Часописа», гдѣ нѣсколько статей весьма дѣльныхъ, и 26 другихъ книжекъ, большею частью для народнаго чтенія, но въ томъ числѣ и прекрасную, самую подробную статистику сербскихъ Верхнихъ Лужицъ, составленную пасторомъ Якубомъ. Въ «Часописѣ» обозначились имена нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей, отъ которыхъ многаго можетъ ожидать Сербо-лужицкая народность и письменность; такъ напр. можно назвать Веляна, Пфуля, Бука, Іенча, Ростока. Положено было издать мало-по-малу, отдѣльными книжками, небольшую Энциклопедію наукъ для Сербскаго народа, по примѣру той, которую издаетъ Чешская «Матица» въ Прагѣ. Кромѣ того однимъ изъ желаній общества было составленіе полнаго Верхне-лужицкаго Сербскаго словаря, въ который бы вошли всѣ богатства народной рѣчи. Д-ръ Пфуль взялъ на себя редакцію такого труда и отовсюду сталъ получать матеріалы: Зейлеръ, Смоляръ, Горникъ передали ему богатые запасы словъ, ими собранные; во всѣхъ углахъ Сербо-лужицкой земли члены «Матицы» подслушивали и записывали народныя выраженія, имена нивъ и урочищъ, изъ коихъ многія восходятъ несомнѣнно до глубокой древности, и все это, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ,

[1]) Члены „Матицы“ дѣлятся на два разряда; первый разрядъ платитъ 1 тал. 10 грш. (1 руб. 20 коп. сер.) въ годъ и получаетъ всѣ изданія „Матицы“; второй платитъ 25 грош. (75 коп. сер.) въ годъ и получаетъ только книги, ею печатаемыя, а „Часописа“ не получаетъ.

доставлялось Пфулю. Словарь народной рѣчи почитался тамъ дѣломъ общественнымъ [1]).

Только что начиналась дѣятельность «Матицы», какъ наступилъ 1848 годъ, этотъ годъ движенія и волненій во всей Германіи и во всемъ западномъ славянствѣ. Но 1848 годъ не былъ ознаменованъ для Сербовъ-Лужичанъ тѣми разочарованіями и бѣдствіями, какія онъ принесъ Чехамъ, Словакамъ, подвластнымъ Пруссіи Полякамъ, Хорватамъ и другимъ ихъ собратьямъ на западѣ. Напротивъ, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятенъ для маленькой Сербо-лужицкой народности. Не увлекаясь никакою несбыточною мечтою, она осталась вѣрною прежнему порядку, когда все вокругъ съ ума сходило на толкахъ Франкфуртскихъ демагоговъ, и воспользовалась порою преобразованій и переворотовъ лишь для того, чтобы упрочить свое оффиціальное положеніе въ государствѣ и окончательнымъ внутреннимъ устройствомъ приготовить себѣ небывалое прежде благосостояніе. Первымъ у Сербовъ признакомъ наступающаго благопріятнаго для нихъ времени было то, что вмѣстѣ со всякими старыми ограниченіями уничтожалась исключительная привилегія нѣмецкой Бауценской газеты на помѣщеніе политическихъ статей. Лишь только узналъ о томъ Смоляръ (онъ находился тогда въ Лейпцигѣ и занимался тамъ изданіемъ переданныхъ ему въ 1846 г. Іорданомъ «Slawische Jahrbücher»), онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ и поселился тамъ окончательно. Онъ принялъ отъ Зейлера редакцію «Тыдженьской Но́вины», имѣвшей тогда 221 подписчика, увеличилъ ея объемъ (вмѣсто полулиста въ недѣлю сталъ выдавать цѣлый листъ) и пустилъ 1000 оттисковъ на показъ по всѣмъ Сербо-лужицкимъ деревнямъ. Его другъ Имишъ взялся распространить газету: ходилъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, прпстыжалъ Сербовъ, которые ничего не читали по-сербски, показывалъ листокъ, гдѣ могли на своемъ же языкѣ узнать, что на свѣтѣ дѣлается, и какія гдѣ цѣны стоятъ, и какой когда хлѣбъ выгоднѣе сѣять и что потѣшнаго разсказываютъ въ городѣ. Число подписчиковъ быстро удвоилось, утроилось. Въ это время со всѣхъ сторонъ и на всѣ правительства Германіи сыпались прошенія, «петиціи». Въ собраніи «Матицы» рѣшено было составить и Сербскую «петицію». Имишъ съ Смоляромъ и другими сочинили ее и разослали множество оттисковъ на подписаніе во всѣ приходы. Собралось нѣсколько тысячъ подписей. 25 Іюля (1848) явилась въ Дрезденъ съ этимъ прошеніемъ Сербская депутація, 16 человѣкъ, духовныхъ протестантскихъ и католическихъ, учителей и селянъ. Общее содержаніе прошенія было:

[1]) Изданіе этого отличнаго словаря окончено въ 1866 году.

«Зо бы сербска рычь въ Сербахъ рунє то само право мѣла, котре-жъ ма нѣмска рычь въ Нѣмцахъ, а то вособиє въ шулахъ, цыркваяхъ, пр̀едъ [1]) вышносѣеми [2]) а пр̀едъ судомъ.»

«Чтобы сербская рѣчь въ Сербской землѣ ровно то самое право имѣла, которое имѣетъ нѣмецкая рѣчь въ Нѣмецкой землѣ, а именно въ школахъ, церквахъ, передъ властями и передъ судомъ.»

Кому подать просьбу? Двѣ стороны тягались тогда въ Дрезденѣ, какъ и во всей Германіи: сторона королевская, министерская и сторона сейма. Сеймъ хотѣлъ забрать въ руки всю власть; министерство отстаивало права короны. Всѣ безъ исключенія просьбы нѣмецкаго народонаселенія шли къ сейму, отъ котораго ждали всѣхъ благъ земныхъ. Сербская депутація отправилась къ министерству, всѣми оставленному. Удовольствіе короля было великое. Депутацію приняли при дворѣ со всѣми возможными почестями. Король лично разговаривалъ съ каждымъ изъ членовъ ея и отпустилъ ихъ съ самыми положительными обѣщаніями.

Между тѣмъ Смоляръ, Имишъ и друзья ихъ продолжали дѣйствовать дома въ смыслѣ народности. Опасно было, чтобы при всеобщемъ разгарѣ германизма, Сербы-Лужичане не были имъ задавлены и поглощены. Но, слѣдуя своимъ руководителямъ, они стали крѣпко подъ знаменемъ своей славянской народности. Какъ въ нѣмецкихъ городахъ учреждались политическія собранія, такъ въ Будышинѣ учредилось Сербское собраніе («главне Сербске товарьство»), и въ каждомъ приходѣ образовались подчиненныя ему общества; каждое имѣло своего предсѣдателя, своего секретаря, свои безсмѣнные комитеты (Ausschüsse или, какъ Сербы хорошо говорятъ, *выборки*). Чувство народности и ея внутренней самобытности разливалось по всей массѣ поселянъ. Всякими наружными знаками, патріотическими пѣснями, разноцвѣтными флагами, надписями и т. п., — какъ дѣлалось тогда на всемъ Западѣ,—провозглашали Сербы это чувство.

Важный вопросъ занималъ между тѣмъ Саксонскую Лузацію. Область эта, бывъ въ старину отдѣльнымъ маркграфствомъ и имѣя другой коренной законъ престолонаслѣдія, чѣмъ остальная Саксонія [3]), пользовалась правомъ обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ, который составлялся изъ владѣтелей такъ называемыхъ «рыцарскихъ» помѣстій (Rittergutsbesitzer), т. е. аристократическаго сословія, и го-

---

[1]) Пр̀едъ—читайте пшедъ.

[2]) Читайте почти какъ „вышносьчьеми“: знакомъ ѣ обозначаю, по примѣру южныхъ Сербовъ, *т* смягчаемое и приближающееся къ звуку мягкаго *ч*.

[3]) Лузація принадлежитъ собственно къ Богемской коронѣ и уступлена только властвующему нынѣ въ Саксонскомъ королевствѣ дому: если прямая линія Саксонскихъ королей вымретъ, то она должна опять отойти къ Богеміи.

родскихъ представителей. Уничтожить ли эту особность Лузаціи или нѣтъ? Вотъ что занимало тогда весь край. Сторона германистовъ и демократовъ, стремясь подвести все подъ одинъ уровень и искоренить учрежденія, напоминавшія о древнемъ феодализмѣ и поддерживавшія раздробленность Германіи, требовала закрытія провинціальнаго сейма. Къ усиленію ихъ рвенія не мало содѣйствовалъ и капиталъ въ полтора милліона талеровъ, который принадлежалъ Лузацкимъ чинамъ и который сдѣлался бы тогда «народною собственностью» (Nationalgut) всей Саксоніи и перешелъ бы въ распоряженіе ихъ партіи. Для Сербовъ зато дѣло было бы невыгодное. Содержаніе Будышинской семинаріи, разныхъ школъ и тюремъ, и другія издержки, которыя покрывались доходами съ этого капитала, пали бы на счетъ общинъ. Впрочемъ для нихъ это было не главнымъ расчетомъ. Они предвидѣли, что торжество централизаціи будетъ для ихъ народности смертельнымъ ударомъ, что Франкфуртская партія, которой они отдадутся при потерѣ областной особности, станетъ ихъ безпощадно онѣмечивать. Они и сдѣлались усердными поборниками мѣстнаго сейма: умѣли убѣдить Лузацкое «рыцарство» [1]), изъ котораго главнымъ образомъ состоялъ сеймъ, что для него, для этого рыцарства, среди волненій демократическихъ, лучшая опора—сочувствіе Сербскаго простаго народа. Предсѣдатель сейма и старшина Лузацкаго «рыцарства» (Landesältester) фонъ-Тилау взялся сдѣлать рѣшительный шагъ и отъ имени сейма пригласилъ сельскія общины Лузаціи въ немъ участвовать, въ лицѣ избранныхъ представителей. Надѣясь на Сербовъ болѣе, чѣмъ на Нѣмцевъ, онъ предложилъ, чтобы число депутатовъ было соразмѣрно съ числомъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а не съ поголовнымъ счетомъ народонаселенія: дѣло въ томъ, что славянскія общины въ Лужицахъ, оставшись еще при старинномъ распредѣленіи, были гораздо мельче, но за то многочисленнѣе нѣмецкихъ, между которыми въ послѣднее время часто двѣ-три общины сводились въ одну. Перевѣсъ Сербовъ на сеймѣ былъ великъ. Руководители ихъ не забыли заранѣе изготовить и распространить между ними на Сербскомъ языкѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дѣлахъ области, о капиталѣ ея и т. д.; а нѣмецкихъ поселянъ призывъ на сеймъ засталъ врасплохъ. Провинціальная особность Лузаціи была обезпечена, Сербы имѣли голосъ въ дѣлахъ своего края, а рыцарскому сословію сохранено бы-

[1]) Рыцарствомъ я называю преимущественно сословіе владѣтелей такъ называемыхъ „рыцарскихъ маіоратовъ“ (Rittergüter): оно именно осталось въ Германіи послѣднимъ представителемъ и преемникомъ средне-вѣковаго феодализма, средне-вѣковыхъ рыцарей и бароновъ, хотя теперь во многихъ частяхъ Германіи (въ томъ числѣ и въ Саксоніи), для права владѣть такимъ помѣстьемъ уже не требуется рыцарское, „благородное“ происхожденіе.

ло древнее преимущество быть главными распорядителями областнаго сейма и всего, что отъ него зависѣло. Между Сербами-поселянами и этимъ сословіемъ все болѣе и болѣе укрѣплялась связь и взаимное благоволеніе. Разумнымъ съ обѣихъ сторонъ образомъ дѣйствія, при полезныхъ мѣрахъ Дрезденскаго правительства, окончательно отстранены были послѣ 1848 г. всѣ причины неудовольствія между представителями стараго завоевательнаго феодальнаго сословія и потомками покоренныхъ Славянъ, обработывавшихъ распредѣленную между рыцарями землю. Извѣстно, что съ 1806 года, съ того времени, какъ Наполеонъ довелъ Германію до самаго страшнаго униженія, началось въ ней преобразованіе стараго порядка вещей. Рыцарь лишился права на личность своего подданнаго, который остался обязаннымъ работникомъ на его землѣ: подданный имѣлъ *usufructum*, т. е. пользованіе отведеннымъ ему участкомъ признававшейся во владѣніи рыцаря земли и не могъ быть съ нея согнанъ, а за то обязанъ былъ къ извѣстнымъ работамъ, поставкамъ и платежамъ въ пользу рыцаря. Съ 1817 года Пруссія начала отмѣнять эти, такъ называемыя, «Robotten», т. е. повинности поселянъ, выкупая ихъ вознагражденіемъ для рыцарей. Въ 1831—1833 г. Саксонія рѣшилась на то же. За основаніе, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, было принято, что повинности, которыя лежали на землѣ поселянина въ пользу рыцаря, составляютъ капиталъ, соотвѣтствующій половинѣ стоимости самой земли. Если, напримѣръ, прежній подданный рыцаря имѣлъ землю, стоющую по оцѣнкѣ 400 талеровъ, то ему давалось на выборъ, или заплатить рыцарю 200 тал. и остаться полнымъ хозяиномъ своей земли, или уступить половину ея рыцарю, а другою половиною владѣть безобязанно. Хлѣбопашцамъ такое условіе показалось тяжело, они почти всѣ имѣли нужду въ цѣломъ участкѣ, изъ котораго изстари извлекали себѣ пропитаніе (такъ что въ Саксоніи уступка половинной части земли была даже признана невозможною), а вдругъ значительной суммы для расплаты имъ неоткуда было взять. Правительство отстранило затрудненіе къ обоюдной выгодѣ рыцарей и подданныхъ: оно приняло на себя долгъ послѣднихъ и выдало рыцарямъ за должную имъ сумму облигаціи государственнаго банка, приносившія по 3, 3½ и 4 процента, до выплаты капитала, а поселянамъ открыло возможность погасить всю капитальную сумму долга ежегоднымъ взносомъ 4 процентовъ въ продолженіе 55 лѣтъ, предоставляя имъ при томъ право во всякое время уплатить остающуюся до истеченія этого срока въ долгу часть капитальной суммы. Дѣло было почти окончено уже до 1848 г.; но все еще оставались нѣкоторые поводы къ непріятнымъ столкновеніямъ. Земля поселянина, хотя и выкупленная, все-таки признавалась въ основаніи принадле-

жащею рыцарю, и при каждой перемѣнѣ владѣльца (при смерти и отчужденіи), платилось рыцарю съ нея 5 процентовъ по оцѣнкѣ; не отмѣнены еще были разные мелкіе денежные сборы въ пользу рыцаря, сборы, которыхъ въ прежнее время считалось въ Лужицахъ до 100 наименованій, и которые тогда въ общей сложности нерѣдко превышали впятеро казенную подать. Такіе остатки старины все еще раздражали земледѣльца противъ прежняго феодальнаго господина. При сближеніи обоихъ сословій на провинціальномъ сеймѣ 1848 г. всѣ эти мелкіе сборы были уничтожены съ обоюднаго согласія и съ вознагражденіемъ той стороны, которая при этомъ терпѣла убытокъ, и искорененъ былъ всякій поводъ къ зависти и гнѣву однихъ, къ опасеніямъ другихъ.

За то болѣе и болѣе увеличивалось раздвоеніе между Сербами и противуположною нѣмецкому дворянству партіею нѣмецкихъ горожанъ и селянъ, которая совершенно увлечена была демократическимъ порывомъ. Въ той же мѣрѣ усиливалось между Сербами чувство приверженности къ законной власти. Вспыхнулъ Дрезденскій мятежъ: ни одинъ Сербъ въ немъ не участвовалъ; единственный Саксонскій полкъ, въ которомъ не явилось никакого колебанія въ вѣрности королю, былъ полкъ, набранный въ Сербскихъ селеніяхъ. Зато, когда мятежъ былъ съ кровопролитіемъ подавленъ, Сербы не испытали на себѣ тяжести наступившей реакціи; теперь-то, напротивъ, при водвореніи тишины, воспользовались они плодами своей твердости и благоразумія. 29 Августа 1849 г. пришелъ изъ Дрезденскаго министерства приказъ, удовлетворившій ихъ просьбамъ 1848 года. Постановлено было: 1) чтобы въ низшихъ (элементарныхъ) школахъ, гдѣ большинство дѣтей — сербское, ученіе производилось по-сербски, а гдѣ меньшинство, то чтобы Сербовъ учили по крайней мѣрѣ читать и писать на ихъ языкѣ, и имъ по-сербски преподавали законъ Божій; 2) чтобы пасторы и чиновники, назначавшіеся въ Сербскую землю, непремѣнно знали по-сербски; 3) чтобы судъ производился для Сербовъ на ихъ языкѣ, и всѣ законы и распоряженія правительства объявлялись имъ по-сербски.

Въ числѣ этихъ постановленій было еще одно весьма замѣчательное, и надобно объяснить его поводъ. Оно показываетъ, до какой степени Сербъ-простолюдинъ дорожитъ своею народностью. Еще въ 1847 г. пришелъ къ Смоляру простой поденьщикъ, по имени Швудракъ, возвратившійся домой изъ Дрездена съ работы. Онъ слыхалъ объ Смолярѣ, какъ объ заступникѣ всего сербскаго. Онъ излилъ передъ нимъ горькія жалобы, что долго жилъ въ Дрезденѣ и не могъ даже помолиться порядкомъ, что тамъ нѣтъ сербскаго богослуженія. «Нашихъ тамъ множество, говорилъ онъ, мужчинъ въ работникахъ, жен-

щинъ въ нянькахъ и служанкахъ, въ одномъ Остринскомъ предмѣстьи будетъ человѣкъ 70 Сербовъ, и все это живетъ, точно поганые, въ церковь не ходитъ. А коли бы къ намъ въ Дрезденъ (въ *Драждяны*, какъ говоритъ Сербъ), отъ времени до времени пріѣзжалъ изъ дому пасторъ и служилъ намъ по-сербски обѣдню, то всякій изъ насъ готовъ дать за каждую службу по 2, пожалуй, и по 4 гроша (6 или 12 копѣекъ сер.)...»

Пфуль, жившій въ Дрезденѣ, сталъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ приведенными выше постановленіями, министерство разрѣшило, чтобы 3 раза въ годъ пріѣзжалъ въ Дрезденъ священникъ для проповѣди и совершенія требъ на сербскомъ языкѣ; оно назначило для этого прекрасную церковь (такъ наз. Kreuzkirche) и даже приняло на себя издержки, а вскорѣ послѣдовало подобное распоряженіе въ пользу живущихъ въ Дрезденѣ Сербовъ католиковъ.

Такимъ образомъ въ 1849—1850 г. Сербо-лужицкая народность достигла полнаго, оффиціальнаго признанія въ Саксонскомъ королевствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное довѣріе сословій, которыя не мѣшали другъ другу развивать свою дѣятельность и предпріимчивость, привело къ небывалому прежде благосостоянію. Общества сельскаго хозяйства, дотолѣ почти безполезныя, потому что классъ земледѣльцевъ ихъ чуждался, процвѣли удивительно, когда произошло совершенное сближеніе рыцарей съ селянами. Потомки феодальныхъ владѣтелей-наѣздниковъ сдѣлались теперь передовыми вождями народа въ мирныхъ завоеваніяхъ прикладной науки. Всякая новая мысль по части сельскаго хозяйства ими первыми испытывается, всякое полезное открытіе ими первыми примѣняется на ихъ собственныхъ земляхъ и передается ихъ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ сосѣдямъ-пріятелямъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ.

«Нѣтъ у насъ теперь, говорилъ мнѣ Смоляръ, ни одного селянина-«землевладѣльца, который бы не былъ членомъ общества сельскаго «хозяйства. Съ тѣхъ поръ, какъ устроилось дѣло поземельнаго вы-«купа, продолжалъ г. Смоляръ, благосостояніе нашихъ Сербовъ «возросло неимовѣрно. Сосѣди-Нѣмцы съ завистью смотрятъ на наши «села. У насъ не привились тѣ демократическія и соціалистическія «начала, которыя сѣютъ у нихъ раздоръ и мѣшаютъ людямъ ду-«мать объ истинно-полезныхъ и дѣльныхъ вещахъ. Внутреннее со-«гласіе и при томъ природная склонность нашихъ Славянъ къ хлѣбо-«пашеству сдѣлали изъ Сербскихъ Лужицъ нашихъ самый богатый «край во всемъ околоткѣ. На то есть и поговорки и у нашего на-«рода, и у Нѣмцевъ: «воно со сміє яко Нѣмцъ на тыканцъ»—онъ «смѣется, ухмыляется, какъ Нѣмецъ передъ пирогомъ, — говоритъ «нашъ селянинъ, и Нѣмецъ оправдываетъ его поговоркою: «Gott

«verlässt einen Deutschen nicht, er lässt ihn eher ins Wendische betteln «gehen», т. е. что «Богъ не покинетъ Нѣмца, онъ его отправитъ «въ Сербскій край сбирать милостыню»... Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ «досугъ *учиться* сельскому хозяйству, нашъ простолюдинъ, котораго «прежде считали лѣнтяемъ и пьяницею, сдѣлался рѣшительно пер«вымъ земледѣльцемъ во всей странѣ. Его приглашаютъ теперь подъ «Дрезденъ, какъ руководителя, гдѣ заводятъ образцовое сельское хозяй«ство, платятъ ему большія деньги. Земля, которая у насъ во время «выкупа стоила 400 талеровъ, нынѣче цѣнится по меньшей мѣрѣ въ «4000. Вы не повѣрите такому приращенію, прибавлялъ Смоляръ, «но оно дѣйствительно такъ: и земля, оставшаяся во владѣніи ры«царей, и земля выкупленная у нихъ, поднялась съ тѣхъ поръ вде«сятеро, это у насъ принимается среднимъ числомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, «разумѣется, все улучшилось. Кто видѣлъ домашній бытъ нашихъ «селянъ тому назадъ лѣтъ 15 или 20, и посмотритъ на нихъ теперь, «тотъ не узнаетъ, что это тотъ же народъ. Грубыя домашнія ткани «замѣстило хорошее сукно, ситецъ и шелкъ; гдѣ въ избѣ стояла го«лая скамья да простой столъ, тамъ теперь удобная столярная ме«бель; ресорная бричка изгоняетъ у простыхъ хлѣбопашцевъ ста«ринную телѣгу; нерѣдко видно фортепьяно въ избѣ, гдѣ не такъ «давно была лишь родная «гусля.» Пьянство исчезаетъ; многіе изъ «нашихъ Сербовъ, не дождавшись и трети срока, съ которымъ по«гашается ихъ поземельный долгъ, уплатили разомъ всю остальную «сумму, чтобы ничто уже не тяготѣло на ихъ землѣ.»

Довольные своимъ положеніемъ, Саксонскіе Сербы, по справедливости, считаются самыми мирными, самыми преданными правительству членами государства. Съ какою радостью принимаютъ они всѣ тѣ знаки благоволенія къ ихъ сербской народности, которые правительство не перестаетъ имъ оказывать! Въ 1850 г. прибылъ въ Будышинъ губернаторомъ наслѣдный принцъ Альбрехтъ, и вдругъ пронесся по всему Сербскому краю слухъ, что къ принцу ходитъ Смоляръ, что ихъ будущій Государь учится по-сербски. И дѣйствительно, Смоляръ былъ приглашенъ давать ему уроки, и черезъ нѣсколько времени принцъ Альбрехтъ могъ уже, встрѣчаясь съ простолюдиномъ, по-сербски съ нимъ поздороваться и кое о чемъ потолковать. «Какъ, говорили Сербы, нашъ языкъ былъ въ загонѣ; «его называли грубою, мужицкою рѣчью, а теперь наслѣдный принцъ «ему учится! Видно, мы не такой еще отверженный народъ, хоть и «не много насъ...»

Въ 1853 г. праздновалась въ Дрезденѣ свадьба того же принца Альбрехта. Особая депутація поѣхала съ поздравленіемъ отъ лица Сербовъ. Смоляръ сочинилъ въ честь новобрачныхъ сербскій сонетъ,

его напечатали золотыми буквами, собрали къ этому поэтическому адресу тысячи сербскихъ подписей и представили Альбрехту и его супругѣ. Смоляръ говорилъ принцу сербскую рѣчь, принцъ отвѣчалъ также по-сербски. Молодая (принцесса изъ дома Ваза) внимательно слѣдила за ихъ словами, прислушивалась, и вдругъ сама вступила въ разговоръ: «ахъ, вѣдь я понимаю чуть ли не каждое «слово! И я скоро, пожалуй, заговорю съ вами по-сербски... Вотъ «это слово значитъ то-то, а это слово то-то?» «Представьте себѣ радость нашихъ Сербовъ», говорилъ мнѣ Смоляръ. Дѣло въ томъ, что принцесса долго жила въ Моравіи и нѣсколько научилась тамошнему славянскому языку; оттого рѣчь Сербовъ казалась ей такъ понятною.» Тѣ же самые восторги повторились опять, когда принцъ Альбрехтъ пріѣхалъ въ Будышинъ «представить» свою жену тамошнему краю (въ 1854 г.). Пошли снова сербскія поздравительныя рѣчи, Сербы обѣдали у принца, былъ сербскій концертъ на Чернобогѣ, главной горѣ Сербо-лужицкой земли.

Ученая и письменная дѣятельность также развивается у Сербовъ. Съ 1851 года учреждена каѳедра сербскаго языка при Будышинской гимназіи. Смоляръ, который нѣкогда мальчикомъ вздумалъ учить товарищей по-сербски изъ опасенія, что и они, и самъ онъ позабудутъ свой языкъ, теперь преподаетъ его наукообразно всѣмъ находящимся въ гимназіи сербскимъ уроженцамъ; и при этомъ онъ старается дать имъ, на сколько возможно, понятіе и о другихъ вѣтвяхъ славянскихъ. Объ изданіяхъ «Матицы» Будышинской я уже сказалъ. Сербо-лужицкая газета пошла удивительно. Она имѣетъ теперь [1]) 1200 подписчиковъ на 90,000 душъ, считая женщинъ и дѣтей [2]). Въ 1854 г. Смоляръ вздумалъ напечатать въ первый разъ календарь на Сербскомъ языкѣ. Дотого времени Сербы должны были покупать нѣмецкіе календари. Напечаталъ онъ для перваго опыта 1000 экземпляровъ, приспособивъ календарь къ потребностямъ своей сельской публики. 1000 экземпляровъ раскупили на расхватъ, и не достало: Смоляръ тотчасъ напечаталъ другую тысячу, и ту раскупили. По этой пропорціи, у насъ въ Европейской Россіи мало бы было милліона экземпляровъ.

Затѣмъ въ 1859 году начато изданіе полнаго Верхне-лужицкаго словаря. Этотъ словарь, я сказалъ, составляется уже нѣсколько лѣтъ

---

[1]) Писано въ 1856 году.

[2]) Къ сожалѣнію, кругъ ея читателей ограничивается только Верхне-лужицкими Сербами. Не смотря на то, что она могла бы быть понятна и Нижнимъ Лужичанамъ (потому что различіе нарѣчій не велико), Нижніе Лужичане чуждаются ея и вообще, къ несчастію, почти не участвуютъ еще въ умственномъ движеніи Сербовъ Верхнелужицкихъ. Впрочемъ объ этомъ у насъ рѣчь впереди.

молодымъ сербскимъ дѣятелемъ, Пфулемъ, съ помощію многихъ усердныхъ собирателей словъ и подъ покровительствомъ Сербской «Матицы». Словарь былъ уже почти полонъ и готовъ, но не знали, гдѣ найти средства издать его. Наконецъ, въ ноябрѣ 1855 г., сеймъ Лужацкихъ чиновъ пожертвовалъ на это 300 талеровъ, другіе 300 дала «Матица». Этотъ трудъ прекрасно свидѣтельствуетъ о вниманіи Сербовъ-Лужичанъ къ родному языку и не только принесетъ пользу ихъ письменности, но будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для обще-славянской науки.

Я изложилъ подробно событія, происходившія въ безвѣстности, въ маленькой смиренной землицѣ, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ. Не взыщите за множество мелкихъ подробностей: кругъ Серболужицкаго движенія такъ малъ, что въ этихъ мелочахъ состоитъ почти вся его исторія. Не забудьте, что пространство всей земли Сербо-лужицкой не больше одного уѣзда въ любой Россійской губерніи, и что цѣлый народъ Сербовъ-Лужичанъ не превышаетъ числомъ населенія какого-нибудь второстепеннаго города, какъ Варшава или Гамбургъ. При всемъ томъ, я увѣренъ, что каждый русскій съ уваженіемъ и сочувствіемъ взглянетъ на эту крохотную землю и крохотную дѣятельность ея народа. Относительно къ сферѣ, въ которой она заключена, и къ средствамъ, которыми располагаетъ, дѣятельность эта велика; она чиста и благородна. Любопытно видѣть, что̀ могутъ сдѣлать три-четыре человѣка, когда Богъ впушитъ имъ мысль, которая должна за тѣмъ стать мыслію народною. Зейлеръ, Смоляръ, Мѫжикъ, молодые люди безъ денегъ, безъ средствъ, безъ покровительства и значенія, возбудили къ самосознанію, вызвали къ умственной дѣятельности цѣлый народъ, который прежде спалъ глубокимъ сномъ, не зная себя и никѣмъ не знаемый, народъ малый, правда, и въ политикѣ ничего не значащій, но который съ тѣхъ поръ показалъ, что и онъ имѣетъ право жить своимъ умомъ и развиваться. Да, исторія Лужицкихъ Сербовъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ, при всей крохотности ея размѣровъ, явленіе примѣчательное въ наше время: она живое свидѣтельство, какъ сильна въ наше время въ Славянскомъ племени мысль о народности, какъ сильно стремленіе къ внутренней самобытности, какъ сильна потребность развитія. Кто бы подумалъ, что эта мысль и это стремленіе овладѣютъ и горсточкою земледѣльцевъ, затерянныхъ, точно островокъ славянскій, между Нѣмцами, забывшихъ про свою славянскую братію и про собственную исторію, помнящихъ только свой языкъ да свои пѣсни?

Народное движеніе Сербо-лужицкое главнымъ образомъ происходило въ Саксоніи. Сербы Верхне-лужицкаго племени въ Прусскихъ владѣніяхъ также участвуютъ въ этомъ возрожденіи. Хотя ихъ народный

языкъ не имѣетъ тамъ такого полнаго оффиціальнаго признанія, какъ въ Саксоніи, и сами они гораздо бѣднѣе Саксонскихъ Сербовъ (причина тому въ почвѣ ихъ края) [1]), однако чувство народности у нихъ возбуждено постояннымъ общеніемъ съ ихъ соплеменниками въ Саксоніи. Извѣстно, что они до постановленія Вѣнскаго конгресса (1815 г.) принадлежали Саксоніи; давнишняя связь до сихъ поръ не разорвана новою политическою границею, и главнымъ нравственнымъ средоточіемъ Прусской Верхней Лузаціи все еще остается, какъ въ старину, Будышинъ. Примѣромъ можетъ служить деревня Лазъ, о которой я такъ часто упоминалъ, гдѣ родился и много времени провелъ Смоляръ, гдѣ живетъ Зейлеръ и гдѣ долго составлялась «Тыжденьска Нòвина»; деревня эта лежитъ въ Прусскихъ владѣніяхъ, а дѣятельность, изъ нея исходившая, проявлялась преимущественно въ Саксонскихъ Лужицахъ, въ Будышинѣ. Юноши изъ Прусскихъ Верхнихъ Лужицъ поступаютъ обыкновенно въ Будышинскую гимназію; большая часть молодыхъ пасторовъ, получающихъ тамъ приходы, или родомъ изъ Саксонскихъ Лужицъ, или въ ней образовались: всѣ они проникнуты любовью къ славянству и усердно хранятъ его въ своихъ паствахъ. Теперь вся пограничная съ Саксоніею полоса Прусскихъ Лужицъ уже перешла въ попеченіе такихъ священниковъ: Вергапъ пасторомъ въ Ждарахъ (по-нѣмецки Gross-Särchen), Зейлеръ въ Лазѣ (Lohsa), Зоммеръ въ Вуѣздѣ (Uhyst) и друг. Совсѣмъ не то положеніе другой части Серболужицкой земли, принадлежащей Пруссіи, именно Нижнихъ Лужицъ. Сюда почти не проникло вліяніе того, что̀ дѣлается у Саксонскихъ Сербовъ; народъ ничего не знаетъ о своей Верхне-лужицкой братіи чуждается книгъ, которыя тамъ издаются, хотя могъ бы вполнѣ понимать ихъ, при всемъ различіи нарѣчій. Онъ еще остается чуть ли не въ такомъ же умственномъ оцѣпенѣніи, въ какомъ былъ за 30 или за 40 лѣтъ передъ симъ; мало людей заботилось о народности сербской въ Нижнихъ Лужицахъ. Если назовемъ Шпиндлера, издателя Новаго Завѣта, и Цвара, составителя словаря Нижне-лужицкаго, которые оба уже умерли, а изъ живыхъ Брѐзина и Штемпеля (всѣ четверо протестантскіе пасторы), то едва ли найдется еще кто-нибудь. Но не много пользы могутъ они принести, при равнодушіи народа, при бѣдности собственныхъ средствъ, при противодѣйствіи многихъ недоброжелателей и враговъ славянской народности. Мѣстныя власти и значительная часть духовенства усердно примѣняютъ въ Нижнихъ Лужицахъ ту теорію систематической германизаціи, которая господствуетъ въ Силезіи и Познанскомъ герцогствѣ.

---

[1]) Земля ихъ состоитъ большею частью изъ безплодной *голи*, о которой уже я говорилъ.

Еще въ настоящемъ столѣтіи прекращено въ нѣсколькихъ приходахъ Нижнихъ Лужицъ сербское богослуженіе (въ Старой Дарбнѣ, Alt-Döbern, съ 1814 г.; въ Прицнѣ, Pritzen, съ 1825; въ Викахъ, Petershain, съ 1842 г.; около того же времени въ Лазѣ—другомъ, чѣмъ Верхнелужицкій Лазъ, — Lase, въ Жарновѣ, Sorno, и др.), и первыя два селенія уже совершенно онѣмечились; также въ нынѣшнее же столѣтіе онѣмечено много селеній на противоположномъ (восточномъ) краю Нижнихъ Лужицъ, въ Жаровскомъ округѣ (Kreis Sorau), именно: Барицъ (Forsta), Тшесойцы (т. е. Трясовицы, по-нѣм. Schecksdorf), Божемышлье (Bademäusel), Трѣбулье (Triebel), и почти уже Роговъ (Horno) и Кольскъ (Grosse-Költzig).

«Во многихъ изъ этихъ онѣмеченныхъ селеній, говоритъ Верхнелужицкій писатель Іенчъ [1]), «можно еще тамъ и сямъ услышать отъ «стариковъ кое-что по сербски, а молодые люди большею частію уже «и не понимаютъ сербскаго языка. Только имена деревень, полей и «семей, старыя надписи и рукописи въ церквахъ, всякіе старые «сербскіе обычаи и нѣкоторыя обиходныя выраженія, свидѣтельствуютъ, что тутъ недавно жили Сербы. Къ сожалѣнію, продолжаетъ «онъ, селенія эти отличаются также довольно часто большимъ раз«вращеніемъ нравовъ которое не преминетъ развиться, коль скоро «отнимутъ у народа его священнѣйшія блага, рѣчь и народность»...

«Въ 1848 г., продолжаетъ Іенчъ, уже только Хотѣбузскій и «Гродковскій округи (Kreis Kotbus, Kreis Spremberg) были въ цѣ«лости Сербскіе. Въ нихъ всѣ селенія Сербскія и потому во всѣхъ «приходскихъ церквахъ, къ которымъ приписаны Сербы [2]), еще про«повѣдуютъ по-сербски, и во многихъ школахъ еще по крайней мѣрѣ «христіанское вѣроученіе преподается сербскимъ дѣтямъ по-сербски. «Кромѣ того, Сербы живутъ еще на краю Жаровскаго и въ большей «части Калавскаго округа. Въ Жаровскомъ округѣ, сколько мнѣ из«вѣстно, уже ни въ одной церкви не проповѣдуютъ по-сербски, хотя «это было бы еще нужно, особенно въ Роговѣ и Кольскѣ. Въ Калав«скомъ округѣ еще въ осьми селеніяхъ богослуженіе совершается по«сербски, но только въ Зломъ Коморовѣ (Senftenberg), въ Тшенцѣ

[1]) Въ прекрасной статьѣ „Судьбы сербской рѣчи и народности (Ставизны Сербске рыче а народносће), напечатанной въ „Часописѣ“ Матицы. Я соображался съ этою статьею въ началѣ своего разсказа, но не могъ много изъ нея извлечь, потому что Іенчъ кончаетъ тамъ, гдѣ я собственно начинаю, т. е. 1838 годомъ, основаніемъ Сербскаго общества при Будышинской гимназіи. Дальше онъ не пошелъ въ исторіи Верхнелужицкаго движенія потому вѣрно, что живетъ среди всѣхъ дѣятелей этой исторіи. Что касается Нижнихъ Лужицъ, то онъ довелъ свое повѣствованіе до 1849 г., и имъто я могъ здѣсь руководствоваться.

[2]) Есть, особенно въ городахъ, церкви для Нѣмецкихъ жителей, и въ нихъ, разумѣется, служатъ по-нѣмецки.

«(Steinitz) и въ Вѣтошовѣ (Vetschau) каждую недѣлю, а въ Лутахъ «(Laute), въ Великомъ Раньѣ (Gross-Räschen), въ Малиньѣ (Greifen-«hain) и въ Колкойцахъ (Kalkwitz) обыкновенно только одинъ разъ «въ восемь недѣль, въ Любновкѣ (Lübbenau) каждыя двѣ недѣли».

«Зо буђе [1]) со пр̀и [2]) тайкимъ шпатнымъ вобстараню Сербскего люда, богужель, тежъ въ тутыхъ послѣдниших сербскихъ восадахъ Сербска рычь а народносћь [3]) снадно гижомъ за нѣкотре ђесаћь лѣтъ згубиће, ѥ [4]) яра къ вѣрѥ подобно. Бо̀гъ хцылъ тегодля бо̀рзы тежъ Дельпимъ Сербамъ свѣрныхъ ђѣлаћерјовъ вубуђиће, млодыхъ а рыхлыхъ Сербскихъ во̀тчинцовъ, ки-жъ быху зђержећь пытали, што-жъ гиће къ зђерженю ѥ, а засо тварили а позбѣгныли, што-жъ ѥ суровосћь нѥпр̀еђелјовъ Сербскѥ рыче а народсће въ пр̀ѥдавшихъ часахъ поторгаћь, вутупиће а заничиће пыта-ла».

«Что при такомъ дурномъ попеченіи о сербскомъ народѣ, къ сожалѣнію, также въ сихъ послѣднихъ сербскихъ поселеніяхъ Сербская рѣчь и народность легко исчезнетъ уже черезъ какія-нибудь десять лѣтъ, это весьма вѣроятно. Дай же Богъ поскорѣе также и Нижнимъ Сербамъ надежныхъ дѣятелей, молодыхъ и бойкихъ Сербскихъ «отчинцевъ» (т. е. патріотовъ), которые старались бы поддержать то, что еще можетъ быть поддержано, и воскресили бы и воздвигнули то, что жестокость непріятелей Сербской рѣчи и народности въ минувшія времена пыталась расторгнуть, попрать и уничтожить».

Изъ этихъ словъ какъ нельзя лучше видно, до какой степени судьба Нижне-лужицкихъ Сербовъ озабочиваетъ ихъ дѣятельнѣйшихъ соплеменниковъ въ Саксоніи. Но есть надежда, что не всѣ ихъ опасенія сбудутся, и что съ 1849 года настала и у этихъ Славянъ пора народнаго пробужденія. Въ 1849 г. нѣкоторые изъ людей высшаго класса въ Нижнихъ Лужицахъ, поборники консерватизма, рѣшились издавать по-сербски газетный листокъ для поселянъ: имъ дѣла не было до народности, и они отстранили отъ себя этотъ вопросъ; но они хотѣли противодѣйствовать распространенію демократическихъ началъ между простонародьемъ, и чтобы найти въ немъ читателей, по неволѣ должны были взять его языкъ. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ составляли люди, плохо знакомые со вкусомъ своей славянской публики, и потому онъ имѣлъ немного подписчиковъ; но все же онъ держался и мало-по-малу пріучалъ поселянъ къ чтенію на ихъ языкѣ:

---

[1]) читай буджье.
[2]) чит. пии.
[3]) чит. народносьчь, джьесятьчь.
[4]) чит. е (мягко), какъ бы је.

можетъ-быть изъ этого маленькаго начала со временемъ разовьется бо̀льшее. Въ томъ же 1849 году ученики Хотѣбузской гимназіи, Сербскіе уроженцы, основали общество для упражненія въ родномъ языкѣ и для поддержанія его въ своемъ кругу. Общество это въ родѣ того, которое основалъ Мужикъ-Клосопольскій при Будышинской гимназіи въ 1838 г. Дай Богъ, чтобы оно принесло такую же пользу: чтобъ изъ него, какъ прежде изъ общества Будышинскаго, вышли тѣ первые «молодые и бойкіе Сербскіе *отчинцы* (патріоты)», о которыхъ Ієнчъ, уже увѣренный въ жизненности Славянства Верхне-лужицкаго, молилъ для Нижне-лужицкой братьи [1]).

Въ заключеніе настоящей статьи, считаю не лишнимъ остановиться нѣсколько на языкѣ Лужичанъ. Я выше выписалъ въ двухъ мѣстахъ по нѣскольку строкъ на Верхне-лужицкомъ Сербскомъ языкѣ Русскими буквами, чтобы дать понятіе объ этомъ самомъ маломъ изъ славянскихъ нарѣчій и по формамъ самомъ древнемъ изъ нынѣ живущихъ. Для выраженія Сербо-лужицкихъ звуковъ, къ Русскимъ буквамъ нужно прибавить только, по образцу Церковно-Славянской азбуки, мягкое є (je), для различія отъ е твердаго (какъ у насъ э въ словѣ *этотъ*), да сербскіе знаки ђ и ћ: ђ есть д, смягченное и подходящее къ дж, весьма мягко произносимому; ћ есть т, смягченное и звучащее въ иныхъ мѣстахъ у Верхнихъ Лужичанъ, какъ мягкое *ч* (какъ бы чь или тьчь), а въ иныхъ, какъ мягкое *ц* (какъ бы ць). Когда у Сербовъ-Лужичанъ, по примѣру Польскаго, *р*, смягчаясь, переходитъ въ звукъ *ш*, то я писалъ р̆, когда *о* переходитъ въ звукъ *у*—то я писалъ о̂ (*Бо̂гъ* какъ *Богъ*, *пр̆и* какъ *пши*). Необходимо также замѣтить, что у Верхнихъ Лужичанъ

ь звучитъ почти какъ јп (ji), или какъ Нѣмецкое jü;

г какъ Нѣмецкое h;

х почти не отличается отъ к;

л твердое звучитъ почти, какъ *в* или короткое *у;* такимъ образомъ *Б*, *Г*, *Л* читаются почти, какъ у Малороссіянъ. Что касается ударенія, то оно ставится въ обыкновенной рѣчи всегда на первомъ слогѣ каждаго слова [2]). Замѣтивъ все это, каждый правильно прочтетъ двѣ Верхне-лужицкія пѣсни, которыя я привожу какъ образецъ народной поэзіи Сербовъ-Лужичанъ:

---

[1]) Это было писано 12 лѣтъ тому назадъ. Въ эти 12 лѣтъ народность славянская стала пробуждаться по-видимому и въ Нижнихъ Лужицахъ. Въ томъ свидѣтельствуетъ увеличившееся въ послѣдніе годы число книгъ и повременныхъ изданій, печатаемыхъ на языкѣ Нижне-лужицкихъ Сербовъ.

[2]) Только въ народныхъ пѣсняхъ иногда нарушается этотъ законъ.

1 [1]).

«Нѣткъ-'лéй [2]) ми повѥзъ, голечо,
Што ѥ ми въ зымѥ зелене,
Такъ мло̀дне зелене?

— Ѣдла́ тамъ стеjи на го̀рцы,
Та ѥ ми въ зымѥ зелена,
Такъ мло̀дна зелена̀.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ въ лѣ̀ѣ бѥзъ квѣ̀ѣа,
Бѥзъ квѣ̀ѣа бѣлэго?» [3])

— Папроѣь тамъ стеjи подъ го̀рку,
То̀нъ ѥ ми въ лѣ̀ѣ бѥзъ квѣ̀ѣа,
Бѥзъ квѣ̀ѣа бѣлэго.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ дро̀жше слѣ̀бора,
Слѣ̀бо̀ра чистего?»

— Твоѝ та чесѣь, мо̀й руѣанъ вѣнцъ,
Тей сте́й [5]) ми дро̀жшей слѣ̀бора,
Слѣ̀бо̀ра чистего.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ ло̀жше пѥричка
Пѥрѝчка гусацогъ?»

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня зимою зелено,
Такъ молодо зелено?»

— Ель тамъ стоитъ на горкѣ,
Та у меня зимою зелена,
Такъ молода зелена.

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго?»

— Папороть тамъ стоитъ подъ горкою:
Она у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Безъ цвѣту бѣлаго.

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня дороже серебра,
Серебра чистаго?»

— Твоя честь, да мой рутовый вѣнокъ: [4])
Они у меня дороже серебра,
Серебра чистаго.

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня легче перушка,
Перушка гусинаго?»

---

[1]) Въ этой пѣсни удареніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступаетъ отъ обыкновеннаго правила: пѣсня должна читаться чисто ямбическимъ размѣромъ.

[2]) *Нѣткъ* или *нѣтко* значитъ собств. *теперь*, какъ Нѣмцы говорятъ, на примѣръ, „*Nun*, sage mir!“ *Лей* (собств. *глей*) есть сокращеніе изъ *гляjь*, гляди, и очень часто приставляется въ смыслѣ усилительномъ къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ.

[3]) Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ этомъ словѣ, *л* у Лужичанъ, какъ и у Поляковъ, сохраняетъ свой твердый звукъ передъ *е*: тогда я пишу лэ, для различія отъ *ле*, гдѣ *л* звучитъ мягко, какъ у насъ въ словѣ *лей*, и отъ лѥ, гдѣ слышно между *л* и *е* присутствіе краткаго і (*j*), какъ у насъ въ словѣ *новоселье*: Латинскими буквами Сербы пишутъ ље, *le* и *lje*.

[4]) Вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтокъ руты, есть символъ невинности и носится дѣвицею при вѣнчаніи.

[5]) Двойств. число, какъ церковно-слав. тѣ мстѣ.

— Наю̀ громàду-пр̆инђенѥ,
То ми ѥ лôжше пѥричка,
Пѥрѝчка гусацогъ.

«Нѣткъ-'лéй ми повѥзъ, голечо,
Што ми ѥ ћежше кáмѥня,
Камѥня млынскего?»

— Наю̀ то рôзно-ђѣленѥ,
То ѥ ми ћежше кáмѥня,
Камѥня млынскего.

— Наше «составаніе» (свиданіе),
Оно у меня легче перушка,
Перушка гусинаго.

«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Что у меня тяжеле камня,
Камня жерноваго?»

— Наше разставаніе,
Оно у меня тяжеле камня,
Камня жерноваго.

2.

Я пакъ тамъ хођахъ на горахъ,
На горахъ высокихъ.

Я пакъ тамъ глядахъ до дола,
До дола глубокогъ.

Я пакъ тамъ виђахъ лôђѥ ѣћь,
На лôђахъ гôльцы тсјо,

Тôнъ сређански, тôнъ найреньши,
Тôнъ со ми любеше.

Зћагнылъ ѥ вôнъ свôй першћень,
Свой першћень слѣборны.

«Іовъ машъ, јовъ машъ ты, голечо,
Тôнъ першћень слѣборны».

— Твôй першћень, тôнъ я несмѣмъ браћь,
Моя маћь ми вобара.

«Дужъ рек' ты твоѥй маћери,
Зо сы јонъ намкала».

— Своѥй маћери я несмѣмъ лгаћь,
ѥй дырбю правду знаћь.

А я тамъ ходила на горахъ,
На горахъ высокихъ.

А я тамъ глядѣла въ долъ,
Въ долъ глубокій.

А я тамъ видѣла, какъ лодки ѣхали,
На лодкахъ трое парней.

Тотъ средній, прекраснѣйшій,
Тотъ мнѣ полюбился.

Онъ снялъ свой перстень,
Свой перстень серебряный.

«Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дѣвица,
Перстень серебряный».

— Твой перстень, я его не смѣю брать,
Моя мать мнѣ запрещаетъ.

«Такъ скажи ты твоей матери,
Что ты его нашла».

— Своей матери я не смѣю лгать,
Ей я должна правду объявлять.

Веле радсјо 'цу ѥй прајићи:
Тôнъ млођеньць 'це ме мѣћь.

Гораздо охотнѣе я ей скажу:
Мòлодецъ хочетъ меня имѣть своею.

Слѣдующую пѣснь привожу, какъ образчикъ произведеній новыхъ Сербо-лужицкихъ поэтовъ. Она сочинена Зейлеромъ, но до того полюбилась народу, что поется въ деревняхъ на свадьбахъ, какъ пѣснь народная. Смоляръ принялъ ее въ свой Сборникъ народныхъ пѣсенъ.

«Сымъ Сербовъ Сербске голечо,
Ми Ганка рѣкая,
А веслѥ себи спѣвајо,
Мамъ спѣшносћь до ђѣла.

Я Сербскаго рода Сербская дѣвица,
Меня зовутъ Аннушка,
И, весело себѣ поючи,
Я работаю безъ устали.

Дыжъ шковрончкъ ранко заспѣва,
Ми спѣва къ ставаню,
А ѣду ли до ђѣћеля,
Зъ нимъ спѣвамъ на пр̆емы.

Запоетъ ли жаворопочекъ рано-раненько,
Онъ поетъ мнѣ, чтобы я вставала,
И какъ поѣду я за клеверомъ,
Пою съ нимъ въ запуски.

На мезу ѣзђу зелену,
Серпъ тупы вотсю сей,
А жнею травку росойту
На мезы квѣткойтей.

На межу пріѣду зеленую,
Тупой серпъ наточу себѣ,
И жну травку роспстую
На межѣ цвѣтучей.

А дыжъ со ручка вомача
Тей травцы росойтей,
Ми першћень мôй со блыскота
На ручцы на мокрей.

А какъ у меня рука замочится
Въ той травкѣ роспстой,
Мой перстень блеститъ
На рукѣ на мокрой.

Тôнъ першћень мамъ вотъ любего,
Рянего пахола;
Къ намъ вечоръ, дыжъ со засмѥркло,
Мôй любы пр̆ихађа.

Этотъ перстень я получила отъ милаго,
Отъ статнаго молодца;
Къ намъ вечеромъ, какъ смеркнется,
Мой милый приходитъ.

Сымъ зымѣ къ новей кошульцы
А къ платей напр̆адла,
Платъ давно ѥ жно натканы,
Платъ требамъ невѣста.

Я зимою на новую рубашечку
И на холстъ напряла,
Холстъ давно уже натканъ,
Холстъ мнѣ нуженъ, невѣстѣ.

Тежъ перѥ ѥ 'шо вудрене
На долгихъ вечорахъ,

И пухъ уже вычищенъ
Въ долгіе вечера,

Дужъ послешћа мамъ готове
Ве својихъ коморкахъ.

За червѥны бантъ на глови
'Цу мѣћь вѣнцъ рућаны,
Маћь буђе чепцовъ купићь ми
За дроге пенезы.

Ми дружчићь буђа голеча,

Те весне товаршки,
А буђе квасна госћина
Пр̆езъ тси дны заспôхи.

Да и постелюшка у меня готовая
Въ моемъ чуланчикѣ.

По красной лентѣ на головѣ
Будетъ у меня вѣнокъ рутовый[1]),
Мать мнѣ накупитъ чепцовъ[2])
За дорогія деньги.

При мнѣ на свадьбѣ будутъ дѣвушки,
Деревенскія подружки,
И будетъ свадебное угощеніе
Три дня безъ перемежки.

Февраль,
1856 г.

---

[1]) Непремѣнная и отличительная принадлежность свадебнаго убора дѣвушки.
[2]) Чепецъ надѣвается молодой тотчасъ послѣ вѣнчанія.

III.

РАЗВИТІЕ НАРОДНОСТИ

У

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

III.

Развитіе народности у западныхъ Славянъ[1].

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько вступительныхъ словъ. — Цѣль настоящаго очерка.

Въ послѣднее время стали много говорить о вступленіи Славянскаго племени въ кругъ Европейской дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это племя, долго остававшееся неизвѣстнымъ Западу и даже бывшее у него въ презрѣніи, должно принять важное участіе въ дѣлахъ міра. Въ то самое время, какъ Россія, ознакомившись со всѣмъ тѣмъ, что другіе народы выработали въ теченіе своей исторической жизни, начинаетъ утомляться подражательностью и ищетъ, повидимому, обновленія въ своихъ собственныхъ народныхъ началахъ, прилагая къ нимъ то, что европейская образованность представляетъ ей пригоднаго, — милiоны Славянъ, недавно еще пребывавшихъ въ глубокомъ оцѣпенѣніи подъ властію иноплеменниковъ, очнулись и требуютъ себѣ мѣста, если не между государствами, то по крайней мѣрѣ между народностями Европы. Одни изъ нихъ, именно тѣ, которые порабощены игу Турецкому, домогаются первоначальныхъ правъ человѣческаго общества, обезпеченія жизни и имущества, справедливости въ управленіи и возможности мирнаго развитія—всего того, что они уже завоевали себѣ въ Сербскомъ княжествѣ. Другіе славянскіе народы, принадлежащіе тремъ изъ Нѣмецкихъ государствъ, стараются мирнымъ образомъ оградить свое существованіе отъ наплыва германской стихіи и пріобрѣсти умственную самобытность, дабы имѣть право стоять въ ряду народовъ образованныхъ, не отказываясь для того отъ своей народной особен-

[1]) Эта статья, основанная на личныхъ наблюденіяхъ автора во время путешествій по Славянскимъ землямъ въ 1855—1857 годахъ, появилась сперва въ Парижѣ брошюрою на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Les Slaves Occidentaux“ и вслѣдъ за тѣмъ была напечатана по-русски въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858 года.

ности. — Мы начинаемъ довольно вѣрно понимать положеніе Славянъ Турецкихъ и ихъ стремленія, но до сихъ поръ обращали весьма мало вниманія на умственное движеніе, проявившееся въ славянскихъ областяхъ Австріи, а западные публицисты прямо искажаютъ его смыслъ, принимая это движеніе за тему для разглагольствованій о какомъ-то мнимомъ панславизмѣ, который, по словамъ Франкфуртскихъ и Вѣнскихъ публицистовъ, страшнѣе ордъ Чингизхана и Тамерлана, грозитъ уничтоженіемъ всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы. Поэтому я считаю полезнымъ представить въ истинномъ видѣ умственное и нравственное возрожденіе, совершающееся у Славянскихъ народовъ, подчиненныхъ Нѣмецкимъ державамъ. Я буду обозначать эти народы подъ общимъ именемъ Западныхъ Славянъ, въ отличіе, какъ отъ Восточныхъ Славянъ, составляющихъ народъ Русскій, такъ и отъ Славянъ Южныхъ, принадлежащихъ Турціи.

I.

Статистическія данныя о Славянской стихіи въ Германіи.

Славянская стихія слаба въ Пруссіи и въ Саксоніи. Она составляетъ въ первомъ изъ этихъ государствъ немного больше восьмой доли народонаселенія, съ небольшимъ 2 милліона на 17 милліоновъ жителей. Въ Саксоніи считаютъ всего 60,000 Славянъ на 2 милліона народонаселенія. Напротивъ, въ Австріи Славянская стихія весьма сильна численностію: тамъ на 39 милліоновъ общаго народонаселенія [1]) приходится отъ 16 до 17 мил. Славянъ; но эти 17 милліоновъ Славянъ раздроблены на 7 отдѣльныхъ народовъ, и самый многочисленный изъ нихъ, народъ Чехо-Моравскій, не превышаетъ $4^1/_2$ милл., тогда какъ нѣмецкая стихія представляетъ въ Австріи массу въ 7 милл., итальянская — въ 6, мадьярская въ 5 милліоновъ.

II.

Славяне въ Пруссіи: Словинцы. — Кашубы. — Поляки. Германизація Кашубовъ. — Отношеніе къ нимъ Поляковъ. — Мазуры.

Прусскіе Славяне принадлежатъ почти всѣ къ Польскому [2]) племени.

Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ сначала, въ восточной части Помераніи, нѣсколько жалкихъ остатковъ народа, бывшаго сильнымъ въ средніе вѣка, поселянъ и рыбаковъ, которые именуютъ себя безраз-

---

[1]) До уступки Австріею ея Итальянскихъ областей.

[2]) Или вѣрнѣе Ляшскому.

лично *Словинцами, Кашубами* и *Поляками*. Они исповѣдуютъ протестантскую вѣру, и подчинены систематической германизаціи со стороны духовенства и мѣстныхъ властей. Эти бѣдняки предвидятъ сами, что ихъ языкъ и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что объ нихъ не будетъ помину лѣтъ черезъ двадцать. Они утѣшаютъ себя пророчествами. Я слышалъ, какъ одинъ старикъ предвѣщалъ близкую кончину міра, которая наступитъ, по его словамъ, какъ скоро Словинскій или Польскій [1]) языкъ исчезнетъ съ лица земли; и онъ находилъ вѣру въ своихъ слушателяхъ.

Между границею Помераніи и устьемъ Вислы, въ области, называемой Западною Пруссіею, населеніе почти чисто славянское. Сѣверная часть этой страны занята 200,000 Кашубовъ, принадлежащихъ къ римскому исповѣданію; южная часть населена Поляками. Католическое духовенство, боясь въ Пруссіи нѣмецкой стихіи, какъ склонной къ протестантству, ревностно противодѣйствуетъ усиліямъ чиновниковъ правительства для распространенія этой стихіи; но оно презираетъ Кашубское нарѣчіе, считая его неблагороднымъ, и исключительно употребляетъ польскій языкъ, который, правда, понятенъ Кашубамъ, но все же не такъ близокъ имъ, какъ родная рѣчь. Дворянство и городское сословіе раздѣляютъ то же пренебреженіе къ народному нарѣчію. Это останавливаетъ умственное развитіе Кашубскаго народонаселенія, положеніе котораго притомъ чрезвычайно неблагопріятно, вслѣдствіе его малочисленности и отдаленности отъ другихъ Славянъ. Отчужденные разницею вѣроисповѣданія отъ Кашубовъ Померанскихъ, Кашубы въ Западной Пруссіи, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать за ними на пути германизаціи. Ихъ сосѣди, Поляки Познанскіе, должны бы были позаботиться о поддержаніи между ними славянской народности. Но вѣчно паря въ заоблачныхъ высотахъ политическихъ утопій, Познанскіе Поляки не имѣютъ досуга подумать о противодѣйствіи успѣхамъ нѣмецкой народности, которая, шагъ за-шагомъ, расширяется въ ихъ сосѣдствѣ на славянской почвѣ.

Упоминаю только мимоходомъ о Мазурахъ протестантскаго исповѣданія, составляющихъ довольно значительную часть сельскаго класса въ Восточной Пруссіи (Ospreussen). Подчиненная, подобно Славянамъ-протестантамъ въ Помераніи, вліянію духовенства и образованнаго сословія, состоящихъ изъ Нѣмцевъ, эта вѣтвь Польскаго племени исчезнетъ, вѣроятно, въ теченіи нынѣшняго столѣтія.

[2]) Такъ Померанскіе Славяне называютъ безразлично свое нарѣчіе, которое имѣетъ много сходства съ славянскимъ языкомъ, употреблявшимся въ средніе вѣка между Эльбою и Одрою.

III.

Познань. — Поляки и ихъ роль въ славянскомъ вопросѣ. — Возбужденное состояніе Польскаго общества съ 1836 по 1846 г.

Возвратившись на лѣвый берегъ Вислы, мы встрѣтимъ довольно значительное населеніе Поляковъ, занимающихъ половину Западной Пруссіи (Westpreussen) и большую часть Великаго Княжества Познанскаго. Познанская область была почти исключительно Польскою, когда вошла въ составъ Прусскаго королевства; теперь нѣмецкая стихія тамъ почти столько же сильна, сколько туземная, и распространяется съ неудержимою быстротою. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, Польское наименѣе способно сопротивляться наплыву германскому: ни у кого изъ Славянъ нѣтъ такой ненависти къ Нѣмцамъ, какъ у Поляка, и не смотря на то, никто изъ Славянъ не превращается такъ легко въ Нѣмца, какъ Полякъ, находящійся подъ властію нѣмецкою, коль скоро это превращеніе открываетъ ему возможность блеска или повышенія. Нѣтъ ничего печальнѣе явленій народной жизни въ Познанскомъ княжествѣ. Лѣтъ 12 тому назадъ предвидѣли въ Познани зарю новой жизни,—до такой степени сильнымъ казалось тамъ умственное движеніе. Польская эмиграція старалась основать въ Познани литературное средоточіе, въ надеждѣ, что отсюда ея стремленія распространятся на сосѣдніе края. Эта дѣятельность развилась особенно съ 1836 года. По-скольку она ограничивалась литературою, Прусское правительство ей не препятствовало, и эта просвѣщенная политика Пруссіи вполнѣ оправдалась своими послѣдствіями. — Основаны были въ Познани журналы; печатали тамъ множество книгъ, наполняли Польскую литературу разными философскими и соціальными ученіями, заимствованными у Французовъ и Нѣмцевъ. Двѣ школы обозначились въ Познани — одна, искавшая возрожденія Польши въ новыхъ демократическихъ идеяхъ Запада; другая, видѣвшая спасеніе только въ старомъ аристократическомъ духѣ Польскомъ, и эти двѣ школы боролись другъ съ другомъ на узкой почвѣ исключительнаго патріотизма Польскаго: безвыходная борьба между двумя мечтами, одинаково неразумными. Однако вся эта литература была лишь произведеніемъ искусственнымъ. Увлеченное модою и несбыточными надеждами, Польское общество въ Познани съ жадностію читало все, что издавалось тогда, но это усиліе, повидимому, истощило всю его умственную жизнь. Случилась революціонная вспышка 1846 года; нѣкоторые изъ Познанскихъ писателей были взяты подъ стражу; одинъ изъ выходившихъ въ Познани журналовъ былъ запрещенъ; сношенія съ эмиграціею были прерваны, и вся дѣятельность Познанская внезапно прекратилась. Повременныя изданія

пощаженныя Прусскою полиціею, вскорѣ упали сами собою. Съ 1846 года Познань не произвела никакого оригинальнаго и замѣчательнаго труда[1]). 1848 годъ породилъ тамъ лишь нѣсколько недолговѣчныхъ газетъ, и вся литературная дѣятельность въ Великомъ Княжествѣ ограничивается нынѣ однимъ единственнымъ повременнымъ изданіемъ, — журналомъ, выходящимъ подъ покровительствомъ римскаго духовенства.

IV.

Очеркъ дѣйствій Прусскаго правительства для германизаціи славянской стихіи.

Между тѣмъ, какъ Польскіе умы блуждали такимъ образомъ по ложному пути, Прусское правительство шло по избранному имъ направленію съ изумительнымъ постоянствомъ и успѣхомъ. Уже Фридрихъ Великій началъ водворять германскую стихію въ значительной части Помераніи, которая при немъ была еще польскою или кашубскою, а теперь уже совершенно нѣмецкая. Король Фридрихъ Вильгельмъ III продолжалъ то же дѣло въ польскомъ краѣ, ему доставшемся, и дѣло это, пріостановленное на нѣсколько времени событіями 1848 года, съ тѣхъ поръ возобновилось съ бо̀льшею еще силою. Прусское правительство поддерживается въ этомъ отношеніи общественнымъ мнѣніемъ всей Германіи. Нѣтъ человѣка, болѣе исключительнаго въ своихъ народныхъ чувствахъ, чѣмъ Нѣмецъ, перенесенный въ Познанскую область или сосѣдніе края. Эта исключительность не разъ проявлялась тамъ въ возмутительной грубости. Въ 1848 году, когда вся Германія только и мечтала о теоріяхъ народности, примѣненіе ихъ въ Познанскомъ Княжествѣ представило самыя странныя явленія. Извѣстно, какое общее негодованіе вспыхнуло во всей Германіи, лишь только Познанскіе Поляки потребовали для себя правъ народности, провозглашенныхъ Франкфуртскимъ сеймомъ, и какія произошли отъ того кровавыя столкновенія. —Впрочемъ, Пруссія не позволяетъ себѣ въ Познани никакого насилія и угнетенія. Успѣхъ ея зависитъ отъ того, что она является тамъ представительницею образованія. Мало того, что каждый Польскій мальчикъ необходимо долженъ выучиться нѣсколько по-нѣмецки, сперва въ элементарной школѣ, а потомъ въ воинной службѣ, которыя обязательны, и та и другая, для всякаго Прусскаго подданнаго; мало того, что гимназистъ учитъ всѣ свои уроки по-нѣмецки, и что всякій, кто желаетъ получить какую бы то ни было общественную должность, обязанъ знать нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ; нѣтъ, главное условіе, содѣйствующее усиленію гер-

[1]) Кромѣ нѣкоторыхъ спеціально-ученыхъ трудовъ, предпринятыхъ въ предъидущую эпоху, и продолжавшихся послѣ 1846 года.

манской стихіи, то, что тамошній Полякъ, коль скоро усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ, чувствуетъ себя членомъ могущественнаго своею образованностію общества, которое было бы закрыто ему, если бы онъ оставался только Полякомъ; а при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится Познанскій край, тотъ, кто усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ и образованность, вскорѣ привыкаетъ предпочитать и самую народность германскую своей собственной. Такимъ образомъ происходитъ германизація туземныхъ стихій. Но кромѣ того постоянно дѣйствуетъ наплывъ природныхъ Нѣмцевъ, которые переселяются въ Великое Княжество и, вмѣсто того, чтобы сливаться съ туземцами напротивъ налагаютъ на нихъ мало по малу свою народность. Прусское правительство поселило нѣмецкихъ выходцевъ по линіямъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, устроенныхъ имъ въ той области. Полякъ по природѣ расточителенъ. Большая и малая *шляхта* безпрестанно продаетъ свои помѣстья, по собственной волѣ или по принужденію заимодавцевъ, и почти всегда эти земли покупаются Нѣмцами. Правительство, по видимому, рѣшило, чтобы поземельная собственность перемѣнила, если можно такъ выразиться, свою народность въ Познани, чтобы она изъ Польскихъ рукъ перешла въ Нѣмецкія. При каждой продажѣ земли, ее пріобрѣтаетъ Нѣмецкій покупщикъ, а не Польскій, потому что правительство всякій разъ выдаетъ пособіе первому, даже если это представляетъ нѣкоторый рискъ, а отказываетъ во вспомоществованіи Поляку, хотя бы самому надежному. Не знаю, соблюдается ли это правило во всѣхъ случаяхъ съ такою строгою и не совсѣмъ безпристрастною исключительностью: но я это слышалъ отъ множества людей въ Познани. Какъ бы то ни было, въ большой части Быдгощскаго округа есть много мѣстностей, гдѣ на 10 землевладѣльцевъ-Нѣмцевъ остался одинъ Полякъ, между тѣмъ какъ лѣтъ 30 тому назадъ отношеніе было обратное. Если, въ округѣ Познанскомъ, нѣмецкая стихія еще не овладѣла до такой степени поземельною собственностью, то она и тамъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Въ городѣ Познани нѣмецкая стихія господствуетъ уже такъ сильно, что въ немъ можно встрѣтить, даже въ простонародьѣ, людей, которые тамъ родились и выросли, не выучившись ни слову по-польски. Можно предвидѣть тотъ день, когда въ Познани и Гнѣзнѣ, этой колыбели Польши, будетъ слышенъ только нѣмецкій языкъ, и когда славянская стихія низойдетъ въ Познанскомъ Княжествѣ на ту же степень, на которой она находится уже въ сосѣдней области, именно въ Верхней Силезіи. Тамъ Польскій языкъ сдѣлался просторѣчіемъ, употребляемымъ только въ самыхъ отдаленныхъ и бѣдныхъ деревняхъ и презираемымъ всѣми, кто только имѣетъ притязаніе на образованность и благосостояніе.

V.

Различіе между Поляками и другими западными Славянами. — Шляхта и ея роковое значеніе въ судьбахъ Польскаго народа.

Прежде, чѣмъ перейду къ изученію группы славянскихъ народовъ, сосредоточенныхъ подъ властію Австріи, я долженъ обозначить то важное различіе, которое существуетъ между ими и Поляками. Разумѣется, то, что̀ я говорю о характерѣ Поляковъ, относится столько же къ тѣмъ, которые подвластны Австріи и Россіи, сколько и къ Прусскимъ. Поляки живутъ исключительно въ своей народной сферѣ. Прочіе Западные Славяне одушевлены мыслію объ общности стремленій и выгодъ, долженствующей соединять и поддерживать ихъ взаимно. Поляки до сихъ поръ были всегда болѣе или менѣе недовѣрчивы къ Россіи, прочіе Славяне, напротивъ, полны сочувствія и уваженія къ ней. Поляки легко поддаются мирному напору нѣмецкой стихіи и поглощаются ею; прочіе Славяне противопоставляютъ ей отпоръ, неодолимый донынѣ. Замѣчательно, что германская народность сдѣлала, относительно, менѣе успѣховъ въ Богеміи, покоренной въ 1620 году, въ Штиріи и Краинѣ, издревле вошедшихъ въ составъ Нѣмецкихъ государствъ, нежели въ Познанскомъ Княжествѣ съ 1815 года. Нельзя сказать, чтобы эта могущественная народность обладала тамъ меньшею силою, нежели между Прусскими Славянами: ибо, если Славяне, вмѣстѣ взятые, составляютъ большинство жителей Австріи, то каждый изъ семи славянскихъ народовъ, на которые они раздѣлены, гораздо слабѣе нѣмецкаго населенія, и лишь въ недавнее время, едва 30 или 40 лѣтъ тому назадъ, они начали поддерживать другъ друга взаимнымъ нравственнымъ участіемъ. Я только что привелъ примѣръ Богеміи и Славянъ Иллирійскаго королевства: ихъ положеніе несравненно менѣе выгодно, чѣмъ положеніе Познанскихъ Поляковъ; взглядъ, брошенный на карту, убѣдитъ въ томъ каждаго. Они почти разобщены со всѣми прочими Славянами; они немногочисленны и вдались въ самое сердце чужихъ народовъ, которые окружаютъ ихъ съ трехъ сторонъ; между ними издавна живетъ цѣлое народонаселеніе Нѣмецкое, какъ туземное въ ихъ родинѣ; и при всемъ томъ они устояли. Стало быть, не случайнымъ обстоятельствамъ, а собственному характеру этихъ народностей должно приписать замѣченное нами различіе. Исторія завѣщала Польскому племени печальное наслѣдіе. Въ Польшѣ жила, чувствовала, дѣйствовала одна только аристократія, *шляхта*. Въ одной шляхтѣ сосредоточивались чувства патріотизма и народности. Купечество, мѣщанство, большинство мастеровыхъ принадлежатъ космополитскому племени Жидовъ или нѣмецкимъ колоніямъ;

простой народъ оцѣпенѣлъ подъ продолжительнымъ и безсмысленнымъ владычествомъ шляхты, которое оставило въ немъ глубокую апатію и полное отсутствіе народнаго чувства, поражающее всякаго, кто сравнитъ Польскаго поселянина съ поселянами другихъ славянскихъ странъ, хотя бы они даже уступали ему въ благосостояніи и практической дѣятельности. Въ немъ осталась также глубокая ненависть къ шляхтѣ. Недавнія событія доказали это. Нѣкоторые революціонеры задумали, въ 1846 году, взбунтовать Галицію. Мало надѣясь на сочувствіе Русскихъ, вовсе не расположенныхъ слѣдовать за «Ляхами», они обратились къ поселянамъ западныхъ, чисто Польскихъ округовъ этой страны. Они стали взывать къ деревенскому народу съ громкими фразами Польскаго патріотизма. «Что вы намъ толкуете про Польшу, — такъ отвѣчали имъ во многихъ мѣстахъ поселяне, — мы не Поляки, мы Мазуры!» И Австріи, мало разборчивой въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей, стоило только подать знакъ, для того чтобы Польскій поселянинъ возсталъ противъ своего господина, проповѣдывавшаго ему патріотическія чувства, убилъ его съ женою и дѣтьми, ограбилъ и сжегъ его домъ. Эта Галиційская рѣзня есть, конечно, одна изъ самыхъ ужасныхъ страницъ современной исторіи; и надобно замѣтить, что эти ужасы имѣли мѣсто только въ чисто Польскихъ краяхъ Галиціи (Бохнискомъ, Ясленскомъ, Тарновскомъ, Ржешовскомъ и Сончскомъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австрійскіе чиновники не только подали знакъ къ убійствамъ, но и приняли ихъ подъ свое покровительство, быть можетъ даже, платили за нихъ (увѣряютъ, что поселяне получали отъ 3 до 5 гульденовъ за голову шляхтича); но можно также судить по этому страшному событію, каково наслѣдіе, переданное старою, незавпсимою Польшею ея дѣтямъ, которымъ приходится теперь бороться съ огромною силою Германскаго наплыва. Представьте себѣ всѣ преданія народной жизни сосредоточенными исключительно въ рукахъ одной касты, до невѣроятности легкомысленной и непослѣдовательной, буйной, всегда расходующей свыше своихъ средствъ, тщеславной, увлекающейся всякою новизною, — и вамъ сдѣлается понятнымъ быстрый упадокъ Польской стихіи въ Прусскихъ и Австрійскихъ владѣніяхъ; вы поймете справедливость печальной картины, въ какой я изобразилъ состояніе Польской народности въ Познани; вы поймете также, что въ Польской части Галиціи положеніе славянской стихіи немногимъ лучше, и что въ городѣ Краковѣ, принадлежащемъ Австріи только съ 1846 года, нѣмецкое начало уже получило перевѣсъ надъ Польскимъ.

VI.

Сельское сословіе въ Славянскихъ земляхъ Австріи. — Иноплеменное дворянство и городское населеніе этихъ земель. — Сербское купечество. — Главнѣйшіе представители славянской народности въ Австріи.

Иное дѣло въ прочихъ Славянскихъ земляхъ Австрія. Не безпокойное и угнетающее меньшинство, а неколебимая и долго угнетенная масса сельскаго сословія хранитъ тамъ преданіе народной жизни. Дворянство чуждо этой жизни. Оно тамъ составляетъ касту иностранцевъ, болѣе или менѣе сильную, болѣе или менѣе справедливо взимающую деньги съ своихъ подданныхъ [1]), но которая уже въ теченіе многихъ столѣтій не участвуетъ въ ихъ народномъ бытѣ.

Въ Богеміи и Моравіи дворянство было уже на половину нѣмецкимъ во время политической самостоятельности этихъ странъ; послѣ 30-лѣтней войны оно сдѣлалось совершенно нѣмецкимъ. Оно было нѣмецкое издавна въ Штиріи и Краинѣ, оно мадьярское въ землѣ Словацкой [2]), оно, по большой части, итальянское въ Истріи и Далмаціи [3]), оно польское въ восточной половинѣ Галиціи, населенной Малоруссами. Въ одной только Хорватіи (Кроаціи) и въ Сербскихъ краяхъ, примыкающихъ къ Венгріи, высшее сословіе принадлежитъ большею частію къ славянской народности; но и тамъ иностранная стихія, въ особенности Мадьярская, весьма сильна въ дворянскомъ сословіи и, можетъ быть, даже сильнѣе народной.

Чуждая дворянству, славянская стихія чужда и городскому сословію. Городское сословіе образовалось въ Богеміи, въ Моравіи, въ Венгріи, въ Хорватіи, въ Иллирійскихъ областяхъ преимущественно изъ иностранцевъ, переселившихся въ эти страны или призванныхъ туда прежними туземными правителями, изъ Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Евреевъ и т. д. Исключеніе составляетъ только край, населенный православными Сербами на югѣ Венгріи. Сербы не только удержали въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю, но даже основали купеческія колоніи во многихъ городахъ Венгріи и Адріатическаго побережья. Но это Сербское купечество имѣетъ въ общей сложности Австрійской торговли такъ мало значенія, что его вліяніе почти незамѣтно, и общимъ правиломъ остается то, что городское сословіе, какъ я сказалъ, чуждо славянской народности въ Западно-Славянскомъ мірѣ.

---

[1]) Эти непосредственныя отношенія между дворянствомъ и поселянами прекратились съ 1849 года, вслѣдствіе выкупа повинностей, лежавшихъ на земледѣльцахъ; съ тѣхъ поръ правительство сдѣлалось посредникомъ между обоими сословіями.

[2]) Словаки занимаютъ сѣверозападную часть Венгріи.

[3]) Только въ двухъ южныхъ округахъ Далмаціи, Дубровницкомъ (Рагузскомъ) и Которскомъ, высшее сословіе также по большой части славянское.

Итакъ, хранители славянской народности въ Австрійскихъ владѣніяхъ суть только земледѣльцы и ремесленники. Представители ея въ области умственной суть низшее духовенство и сельскіе учители, люди, по большой части, бѣдные, всегда обремененные работою. Ея лучшіе мыслители, ея главные двигатели были и суть люди, вышедшіе изъ простонародья, дѣти поселянъ, какъ Добровскій, Юнгманъ, Коларъ, Ганка, Шафарикъ, Палацкій, Сушилъ, Бернолакъ, Штуръ, Блейвейсъ, Станко Вразъ, братья Мажуранчи, Досиѳей Обрадовичъ, Давидовичъ, Вукъ Караджичъ, Медаковичъ и многіе другіе, имена которыхъ я здѣсь не привожу. Деньгами и общественнымъ вліяніемъ славянское дѣло въ Австріи не располагаетъ; сословія, обладающія этими двумя силами, равнодушны или враждебны ему. Возможно ли, при такихъ обстоятельствахъ, требовать тамъ отъ славянской стихіи быстраго и блестящаго развитія? Возможно ли требовать отъ Славянъ Австрійскихъ тѣхъ великихъ твореній, которыя могутъ быть созданы только усиліемъ цѣлой жизни, свободной отъ заботъ вещественныхъ, или тѣхъ громадныхъ памятниковъ, которые осуществляются лишь при содѣйствіи просвѣщеннаго богача или щедраго правительства? А при всемъ томъ, дѣятельность этихъ бѣдныхъ поселянъ, покинутыхъ всѣми людьми богатыми и вліятельными, подозрительныхъ правительству и стѣсняемыхъ имъ, дала совсѣмъ другіе плоды, чѣмъ дѣятельность Поляковъ въ Познани и Галиціи, гдѣ все умственное движеніе сосредоточено въ высшемъ сословіи, въ *шляхтѣ*. Дѣло въ томъ, что сельскій народъ, коль скоро воодушевится какою нибудь мыслію, уже не покидаетъ ея, и что создаваемое имъ — вѣковѣчно.

VII.

Поляки и ихъ отношенія къ прочимъ Славянамъ. — Взглядъ Мицкевича на Славянскій міръ и задачу Польши въ ряду цивилизованныхъ народовъ.

Таково коренное различіе, существующее между характеромъ народной жизни у Поляковъ, съ одной стороны, и у всѣхъ прочихъ Западныхъ Славянъ съ другой. Этотъ исключительный духъ одной касты, хранящей въ себѣ народный патріотизмъ, мѣшаетъ Поляку сблизиться съ своими братьями-Славянами, живущими въ совершенно другой общественной сферѣ. Полякъ (это доказали недавнія событія [1]) имѣетъ гораздо болѣе дѣйствительнаго сочувствія къ Мадьяру, аристократу и угнетателю, нежели къ Словаку или Хорвату, котораго Мадьяръ хотѣлъ бы лишить права на народное существованіе;

[1]) Это было писано 1858 году, но и послѣдующія событія не опровергли того, что здѣсь сказано.

Полякъ охотнѣе приметъ даже сторону Турка, нежели Сербскаго или Болгарскаго *раіи*. Полякъ не скоро рѣшится протянуть руку своимъ братьямъ Славянамъ и соединить съ ними свою дѣятельность, даже въ наукѣ и литературѣ. Онъ не легко откажется, даже въ области отвлеченной мысли, отъ своего недовѣрія къ Русскому имени и отъ своего презрѣнія къ Восточной Церкви: двѣ жертвы, которыя ему необходимо принести прежде, нежели онъ можетъ усвоить себѣ начало нравственнаго общенія Славянъ.

Потому и начало это не могло получить жизненнаго значенія въ ряду вопросовъ, двигавшихъ Польскими умами. Но при всемъ томъ идея Славянства играетъ важную роль въ теоріяхъ, выработанныхъ въ послѣднее время Поляками. Въ особенности ввелъ ее въ эти теоріи безсмертный поэтъ Мицкевичъ. Его система есть полное и часто, можно сказать, невольное выраженіе взгляда, которымъ такъ называемые патріоты Польскіе хотѣли смотрѣть на Славянскій міръ; и въ его сочиненіи о Славянахъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ почерпаютъ свои воззрѣнія на славянскія дѣла. Славянскій міръ, по теоріи Мицкевича, издавна раздѣлился на двѣ противоположныя стороны, составляющія какъ бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюсъ, полюсъ Славянской идеи, заключается въ Польшѣ; Чехи и Сербы принадлежатъ также къ этой положительной сторонѣ славянства, но духъ въ нихъ ослабѣлъ и можетъ воскреснуть только подъ вліяніемъ Польши, которая хранитъ славянскія начала для всего остальнаго Славянскаго міра. Отрицательный полюсъ идеи, которую Мицкевичъ называетъ противо-славянскою, заключается, по его мнѣнію, въ Россіи. Древняя славянская народность на Руси, которую онъ именуетъ Русинскою, принадлежала первоначально къ славянскому направленію; но она погибла, по словамъ Мицкевича, и отъ нея осталась лишь масса людей, говорящая, правда, нарѣчіемъ Славянскимъ [1]), но которая, поглотивъ въ себя много Финскихъ и Татарскихъ стихій, утратила славянскія чувства; масса людей, которая не есть народъ, а государство, которая не имѣетъ вѣры, а только богослуженіе [2]), и которая проникнута духомъ Монгольскаго племени, духомъ рабства и

---

[1]) Мицкевичъ называетъ однако же Московское нарѣчіе языкомъ Русско-Финскимъ (курсъ I, лекц. 26); онъ увѣряетъ, что Русскій литературный языкъ образовался въ С.-Петербургѣ (II, 6), и что Великорусское племя не поетъ и не знаетъ, что̀ такое музыка (тамъ же). Польскій поэтъ самъ долженъ былъ чувствовать лживость своихъ словъ, ибо онъ долго жилъ въ Россіи. Грустно видѣть, что такой прекрасный геній, увлеченный духомъ партіи, нисходилъ до недобросовѣстности и лжи.

[2]) Мицкевичъ и вся его школа прямо отрицаютъ существованіе Русской народности и духовнаго начала въ Восточной церкви.

разрушенія, какъ его опредѣляетъ Польскій писатель. Духъ славянскій, воплощенный въ Польшѣ, всегда старался усвоить себѣ идеи Запада и распространить ихъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ [1]); но духъ этотъ выше Западнаго духа: онъ искони стремился къ осуществленію новыхъ началъ, долженствующихъ составить счастіе рода человѣческаго, и онъ осуществитъ ихъ въ будущемъ. Начала эти суть: братство между людьми и народами и господство Христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ жертву для искупленія рода человѣческаго, и эта жертва даетъ ей право и увѣренность сдѣлаться благодѣтельницею всѣхъ народовъ, которымъ она передастъ эти новыя начала; осуществленія ихъ она ожидаетъ не отъ совокупныхъ усилій людей и историческаго развитія, а отъ явленія великаго человѣка, который все обниметъ своею дѣятельностью, отъ новаго Мессіи, котораго предтечею былъ Наполеонъ. — Такова теорія Славянства, какъ его понялъ величайшій геній Польской словесности. Если бы эта теорія была только частнымъ созданіемъ болѣзненнаго воображенія, я не обратилъ бы на нее вниманія. Всякій день возникаетъ въ Европѣ какая нибудь новая система, о которой на другой же день уже не говорятъ; но эта теорія есть въ нѣкоторомъ смыслѣ произведеніе народное. Мицкевичъ высказалъ формулу, но тѣ же самыя мысли одушевляли цѣлую семью поэтовъ, философовъ, публицистовъ, которые были представителями односторонняго Польскаго патріотизма, сперва въ Вильнѣ и Варшавѣ, а потомъ въ эмиграціи. Ложь Мицкевича есть выраженіе лжи, въ которой долго жила цѣлая литература, цѣлый народъ. Дѣйствительно, изложенная мною теорія вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру прежнихъ Польскихъ стремленій. Это все тотъ же духъ узкаго эгоизма, который старается захватить Славянскій вопросъ въ свою исключительную пользу, прибѣгаетъ къ недобросовѣстности и лжи, для униженія другихъ народовъ, и, съ французскою непослѣдовательностью, къ несчастію, слишкомъ привычною «aux Français du Nord», принимаетъ внѣшнія формы за внутреннее содержаніе, дабы получить право восхвалять свои собственныя народныя начала.

Къ недобросовѣстности и лжи, говорю я, прибѣгаетъ Польскій теоретикъ, когда онъ ставитъ Чеховъ и Сербовъ въ нѣкоторую нравственную зависимость отъ Польской народности: ибо ему извѣстно, до какой степени характеръ всей исторической дѣятельности Чеховъ не сходенъ съ характеромъ дѣятельности Поляковъ (какъ видно особенно въ Гуситскихъ войнахъ); ему извѣстно, что если одинъ изъ

[1]) Это страннымъ образомъ подтверждается вѣковою политикою прежней Польши, употреблявшей всѣ свои усилія, чтобы преградить Россіи сношенія съ Западомъ.

этихъ народовъ имѣлъ вліяніе на другой, то, конечно, Поляки одолжены Чехамъ за многое въ своемъ просвѣщеніи, а никакъ не Чехи Полякамъ; ему извѣстно также, что Сербы не имѣютъ ничего общаго съ Польскими идеями, и что они обязаны сохраненіемъ своей народности единственно Восточной Церкви. А когда Мицкевичъ и вся ляже-патріотическая школа Польская отрицаетъ существованіе Русской народности и представляютъ ее чѣмъ-то въ родѣ Монгольской орды, устроенной государственно, то этого нельзя назвать даже недобросовѣстностью, а развѣ только ослѣпленіемъ разгнѣваннаго ребенка. Та же непослѣдовательность, о которой говорили мы выше, причиною тому, что школа Мицкевича отваживается говорить о братствѣ, какъ объ основѣ, на которой опирались въ прежнее время и стремится опираться въ будущемъ Польское общество и Польская политика; что она, эта школа, находитъ выраженіе этого братства въ старинной Польской конституціи, съ ея сеймами, которые объявляли себя вдохновенными Святымъ Духомъ братства и взаимной любви [1]), и съ ея актомъ соединенія Короны съ Литвою и Украиною: ибо братство было лишь пустымъ словомъ въ устахъ гордой касты, которая угнетала народъ, рѣзалась между собою [2]) и нынѣ еще представляетъ картину раздора, коль скоро внѣшняя сила ея не сдерживаетъ (какъ доказываетъ внутренняя исторія Польской эмиграціи). Что же касается до международныхъ отношеній, то слово «братство» было, дѣйствительно, вписано въ грамотѣ соединенія Польши съ землями, которыя она пріобрѣла бракомъ Ягеллы; но извѣстно, что́ было на самомъ дѣлѣ; извѣстно, какое угнетеніе Польша налагала на эти земли, какъ она преслѣдовала диссидентовъ, и чѣмъ она вызвала страшное возстаніе Хмѣльницкаго противъ этого братскаго соединенія. Событія эти, по видимому, должны были нѣсколько разстроить славянскую теорію Мицкевича, и потому онъ счелъ за лучшее обойдти ихъ молчаніемъ [3]), равно какъ не совсѣмъ безкорыстное

---

[1]) Такова была, дѣйствительно, формула, безжизненный остатокъ древняго славянскаго быта, начало котораго, впрочемъ, вообще является въ Польской исторіи въ видѣ внѣшней, условной и по этому самому безплодной формы.

[2]) Мицкевичъ сознается, что „братское сословіе“, шляхта, не осуществила своего идеала вслѣдствіе своей гордости и своего презрѣнія къ народу; но онъ предполагаетъ, что конституція Косцюшки (актъ 3-го Мая) поправила бы все и возстановила бы древнее славянское братство, потому что она распространяла на весь народъ права шляхты: какъ будто бы провозглашенный на бумагѣ законъ могъ уничтожить неравенство и распрю между людьми! Мы видимъ здѣсь ту же самую ошибку: форма, буква принимается за дѣло.

[3]) Виноватъ, я ошибаюсь: Польскій писатель мимоходомъ упоминаетъ о возстаніи Малороссіи; но спрашивается, чѣмъ онъ его объясняетъ? Излишнею любезностью Польскихъ пановъ, побѣды которыхъ надъ сердцами казацкихъ дамъ будто бы такъ раздражили ихъ мужей, что они наконецъ воспылали мщеніемъ.

участіе Польши въ дѣлахъ Московскаго государства во время междуцарствія. Нельзя, наконецъ, говорить безъ негодованія о томъ, какъ Польская мнимо-патріотическая школа смотритъ на религіозный вопросъ у Славянъ: ибо въ этомъ ея непослѣдовательность и недобросовѣстность доходитъ до богохульства. Мицкевича затрудняетъ тотъ фактъ, что Польша была чужда и даже враждебна преданію Св. Кирилла и Меѳодія, старавшихся сдѣлать христіанство вразумительнымъ для Славянъ; онъ, правда, объявляетъ, что ихъ трудъ былъ внушенъ Римскимъ престоломъ (что не совсѣмъ ясно доказывается многократными запрещеніями, произнесенными этимъ престоломъ противъ Славянской литургіи еще при жизни Меѳодія и послѣ его смерти, и насильственнымъ подавленіемъ этой литургіи въ Богеміи и Далмаціи). Но какимъ образомъ успѣетъ онъ представить Польшу средоточіемъ христіанской жизни у Славянъ, когда она терпѣла, чтобы христіанство выражалось у нея на чужомъ языкѣ и когда она постоянно, болѣе или менѣе, преслѣдовала Славянское богослуженіе? Такая бездѣлица не останавливаетъ Польскаго теоретика. Все это не бѣда, по его мнѣнію. Не достаточно ли, если религіозное образованіе преподается народу на родномъ языкѣ, но въ состояніи ли онъ понять Писаніе и литургію? Нѣтъ: все равно, переведены ли священныя книги или нѣтъ, произносятся ли «священныя формулы», сопровождающія таинства, по-латыни или по-славянски,—и книги и формулы все же останутся недоступными уму простонародья и будутъ понятны лишь немногимъ ученымъ (См. курсъ I, лекц. 9). Ясно, что христіанство въ понятіи Мицкевича стало простымъ условнымъ обрядомъ, а таинства вѣры — исключительною принадлежностью образованнаго класса. Понятое въ такомъ видѣ христіанство, естественно, должно было потерять свой божественный смыслъ въ теоріи Польскаго патріота, который, выдавая себя за его поборника, приходитъ однакоже къ невольному признанію, что оно въ его глазахъ недостаточно. Считая дѣло Спасителя несовершеннымъ, онъ простосердечно замѣняетъ его коллективнымъ существомъ, Польскимъ народомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ искупить будущія поколѣнія; а для того, чтобы найти опору своей вѣрѣ, онъ прибѣгаетъ къ возвѣщенію чуда: таковъ, дѣйствительно, характеръ появленія новаго Мессіи, котораго Мицкевичъ призываетъ для сверхъестественнаго вмѣшательства въ дѣла людскія.

Мои слова могли показаться жесткими. Но къ чему скрывать негодованіе при видѣ слѣпой страсти, вторгающейся въ святыню мысли, при видѣ людей, исполненныхъ таланта и почитающихъ себя патріотами, которые не устыдились прибѣгнуть къ явной недобросовѣстности, чтобы на ней основать систему, лестную для

ихъ народнаго самолюбія? Повторяю: я не остановился бы на теоріи Мицкевича, если бы она была только личнымъ его произведеніемъ. Но эта теорія есть полное выраженіе началъ и стремленій такъ называемыхъ Польскихъ патріотовъ, всѣхъ писателей и мыслителей Польскихъ, которые одушевлены были вѣрою въ исключительное, особливое призваніе ихъ отечества. Мессіанизмъ Мицкевича есть послѣднее слово всей богатой и дѣятельной литературы, которая началась при паденіи Польши, и которую прославили имена Нѣмцевича, Горецкаго, Мальчевскаго, Гарчинскаго, Залескаго, Гощинскаго, Словацкаго и, надъ всѣми, самого Мицкевича. Потому-то безсиліе и бездѣйствіе наступило въ ней послѣ прежней дѣятельности, какъ скоро Мицкевичъ формулировалъ ея основныя начала. Ибо нелѣпость формулы должна была убить всю школу, которая выразилась въ ней, и односторонне-польское патріотическое направленіе, породившее эти начала, уже не имѣло въ себѣ довольно силъ, чтобы въ замѣнъ ихъ выработать новыя.

VIII.

Одиночество Поляковъ въ общемъ возрожденіи Славянскаго міра. — Неумѣніе воспользоваться событіями совершившимися въ 1848 году. — Возрожденіе Русской народности въ Галиціи. — Численность Русскихъ въ этой странѣ. — Зубрицкій и Головацкій. — Галицко-Русская Матица. — Русскій Народный Домъ во Львовѣ. — Русскія газеты въ Галиціи; ихъ полемика съ Польскими. — Новое направленіе нѣкоторыхъ Польскихъ ученыхъ въ разработкѣ славянскаго вопроса.

Какое мѣсто занимаютъ эти формулированныя Мицкевичемъ начала въ умственномъ мірѣ Славянскомъ? Они вполнѣ соотвѣтствуютъ тому мѣсту, которое занимала въ Славянской семьѣ сама Польша, по общественному своему устройству и народному характеру. Исторія показываетъ намъ, какъ природное братство между людьми и пропстекающее изъ него общинное устройство, эти первоначальныя основы Славянскаго быта, со временемъ сдѣлались въ Польшѣ исключительнымъ достояніемъ одного сословія, которое, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и вліяній, стало полновластнымъ хозяиномъ въ государствѣ. Чрезъ то самое начала эти утратили тамъ свою жизненность и сдѣлались какими-то условными, безплодными формами безъ внутренняго смысла. Точно также и Польская теорія, представленная Мицкевичемъ, принимая существованіе коренныхъ началъ Славянскаго племени, не въ силахъ постигнуть ихъ въ природной ихъ широтѣ и въ ихъ органической жизни, и придаетъ имъ характеръ формулы и привилегіи; Польскій народъ является въ этой теоріи съ такимъ же характеромъ шляхетскаго преимущества между

Славянами, какой имѣло въ дѣйствительной жизни «братское сословіе» среди самаго этого народа.

Всѣ произведенія этой литературной школы Польской такъ односторонни, что они не могли имѣть никакого вліянія на другіе славянскіе народы. Понятно, что теорія славянства, выработанная Мицкевичемъ, не встрѣтила въ нихъ сочувствія. Поляки стоятъ одинокими въ Славянскомъ мірѣ. Другіе Славяне сожалѣютъ о нихъ; они желаютъ, чтобы они присоединились къ ихъ стремленіямъ, но не имѣютъ возможности питать къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія.

Событія 1848 года дали на нѣсколько времени Австрійскимъ Славянамъ надежду, что Поляки примутъ участіе въ ихъ дѣятельности. Они съ восторгомъ встрѣтили Польскихъ депутатовъ изъ Галиціи, пріѣхавшихъ въ Прагу на Славянскій сеймъ. Но вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, какъ далеко они расходились между собою въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Поляки хотѣли быть распорядителями и вождями всѣхъ другихъ Западныхъ Славянъ, въ надеждѣ увлечь ихъ къ революціи, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство въ Славянскомъ мірѣ; Чехи, Моравцы, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы отвергали напротивъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ и желали только мирнаго развитія своихъ народностей. Обѣ стороны разошлись еще болѣе послѣ закрытія сейма, и встрѣтились потомъ только на полѣ битвы, въ Венгріи: Поляки — сражаясь за революцію и Мадьяровъ, за аристократовъ и тѣснителей Славянъ, другіе Славяне — за порядокъ и равноправность народностей, символомъ чего, по роковому заблужденію, служила тогда для нихъ Австрія. Такимъ образомъ Поляки отстранились отъ всѣхъ своихъ Западныхъ единоплеменниковъ и лишили себя возможности имѣть какое бы то ни было вліяніе на нихъ. Въ это же самое время представилось другое важное обстоятельство, которое тоже не мало способствовало тому, чтобы оттолкнуть всѣхъ Австрійскихъ Славянъ отъ союза съ Польшею. Я разумѣю возрожденіе Русской народности въ Галиціи.

Извѣстно, что въ восточной половинѣ Галиціи живетъ болѣе 2 милліоновъ Малороссовъ, говорящихъ на томъ же нарѣчіи, какъ поселяне Волынскіе и Подольскіе. Они сами называютъ себя Русскими (*Русинъ* въ единственномъ числѣ, *Русскіе* во множественномъ) и принадлежатъ къ Уніатскому исповѣданію, принимаемому ими за Православную вѣру. Кромѣ того, въ сѣверовосточныхъ округахъ Венгріи, пограничныхъ съ Галиціею, находится до 625,000 этихъ Малороссіянъ. Всѣ они принадлежатъ къ низшему сословію. Дворянство въ Галиціи по большей части Польское, въ Русскихъ округахъ Венгріи—Мадьярское. Сверхъ того Галиція кормитъ безчислен-

ное множество чиновниковъ-Нѣмцевъ и торгашей-Жидовъ. До 1848 года никто не помышлялъ тамъ о Русской народности. Австрійскія власти не признавали даже ея существованія, такъ что, когда, въ 1837 году, одинъ Галицкій патріотъ (Я. Ѳ. Головацкій) вздумалъ издать маленькій альманахъ на народномъ нарѣчіи, Львовская цензура запретила его единственно по причинѣ языка, на которомъ онъ былъ написанъ; ему пришлось печатать эту книжку въ Венгріи, гдѣ цензура была въ то время свободнѣе. Между тѣмъ почтенный ученый старецъ Зубрицкій принялся за разработку отечественныхъ памятниковъ и началъ возстановлять исторію Русской народности въ Галиціи. Онъ, по привычкѣ, еще писалъ свои сочиненія по-польски, но по крайней мѣрѣ указалъ молодому поколѣнію историческія права и значеніе Русской стихіи въ этомъ краѣ. Движеніе, овладѣвшее славянскими народами въ Австріи въ 1848 году, проникло и въ Галицію. Всѣмъ Славянскимъ народностямъ въ имперіи дано было оффиціальное признаніе и обѣщано каждой введеніе ея нарѣчія въ мѣстное дѣлопроизводство и общественное преподаваніе. Естественно, что Русскіе Галичане захотѣли пользоваться этими общими правами, и отвергли Польскій языкъ, господствовавшій до тѣхъ поръ въ ихъ области. Сами Австрійскія власти, испуганныя революціонными попытками Краковскихъ и Львовскихъ Поляковъ, стали вдругъ покровительствовать Галицко-Русской народности, существованія которой онѣ прежде даже не признавали. Галиція раздѣлилась, въ 1848 году, на два враждебныхъ стана: революціонный Польскій и охранительный Русскій. Русскіе основали во Львовѣ общество для литературнаго развитія народной стихіи, подъ именемъ Галицко-Русской Матицы; они учредили, подъ покровительствомъ правительства, институтъ для образованія Русскихъ Галичанъ, подъ названіемъ Русскаго Народнаго Дома во Львовѣ; они основали газеты на Малорусскомъ и отчасти даже Великорусскомъ языкѣ. Освобожденіе крестьянъ въ Галиціи (въ 1848 г.) много способствовало развитію Русской стихіи. Но Поляки напали на эти новыя стремленія съ неимовѣрнымъ озлобленіемъ. Они называли Русскую, или Русинскую народность въ Галиціи выдумкою Австрійскихъ бюрократовъ и упорствовали въ своей ослѣпленной враждѣ къ этой народности, не смотря на благородныя усилія лучшихъ Чешскихъ, Хорватскихъ и Сербскихъ публицистовъ, склонить ихъ, именемъ справедливости и собственныхъ ихъ выгодъ, къ тому, чтобы они отказались отъ мысли налагать свой языкъ и свою народность на племя, желавшее воспользоваться правами внутренней самостоятельности, которыхъ Поляки же требовали для самихъ себя. Вся литература Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году полна этой полемики, по случаю эгоистическихъ притязаній Поляковъ на Русскую часть Галиціи.

Однако сами Русскіе дали твердый отпоръ этимъ притязаніямъ. Стремленія народной Галицко-Русской партіи нашли сильную опору въ сочувствіи самаго населенія. Многія сельскія общины участвовали своими пожертвованіями въ учрежденіи Матицы и Львовскаго Народнаго Дома. Періодическія изданія и книги на Русскомъ нарѣчіи распространились въ деревняхъ, гдѣ прежде отъ роду не видали страницы, напечатанной на родномъ языкѣ. Венгерскіе Русины принимали также дѣятельное участіе въ этомъ возрожденіи ихъ народности.

Но возвращаюсь къ предмету, о которомъ я говорилъ. Я изложилъ теоріи о Славянствѣ, какъ онѣ родились въ головѣ Польскихъ патріотовъ, и объяснилъ причины отчужденія другихъ Западныхъ Славянъ отъ этой Польской школы. — Какъ скоро ложь вполнѣ развилась, она падаетъ сама собою. Я сказалъ, что такъ называемая патріотическая школа Польская замолкла послѣ появленія теоріи Мессіанизма, выработанной Мицкевичемъ. Къ тому же политическія событія должны были разсѣять много мечтаній и призраковъ. Въ Польшѣ стало возникать новое направленіе, еще слабое, но которое несомнѣнно принесетъ прекрасные плоды. Къ этому направленію принадлежатъ ученые, каковы: Мацѣіовскій, Лукашевичъ, Бѣліовскій, Гельцель, Бартошевичъ, Малиновскій и многіе другіе, испытующіе безпристрастно показанія исторіи и филологіи. Къ этому направленію принадлежатъ знатоки народа, каковы: Войцицкій, Грегоровичъ, Кольбергъ и многіе молодые и талантливые писатели, изучающіе дѣйствительныя начала славянскаго быта, въ томъ видѣ, въ какомъ они еще живутъ въ Польскихъ деревняхъ. Мы находимъ уже у нѣкоторыхъ писателей старой школы, особенно у Лелевеля, признаки возвращенія къ дѣйствительности, страницы, въ которыхъ истина, сдѣлавшаяся очевидною въ слѣдствіе историческихъ изысканій, беретъ верхъ надъ одностороннимъ духомъ теорій. Новое поприще, открывающееся Польскимъ умамъ, необъятно. Нынѣ писатели новой школы слѣдуютъ еще простымъ эмпирическимъ путемъ; они разработываютъ древніе документы, они схватываютъ въ проявленіяхъ обыденной жизни духовныя начала, существующія въ народѣ. Но день придетъ, я увѣренъ, въ который шаги этой школы сдѣлаются тверже, и она поднимется на большую высоту, чтобы шире смотрѣть на міръ. Съ помощію неотклонимыхъ уроковъ современной исторіи, она мало-по-малу разсѣетъ вѣковые предразсудки Поляковъ, она расширитъ ихъ односторонніе взгляды и дастъ имъ возможность уразумѣть дѣйствительное братство съ славянскими народами. Россія должна въ особенности радоваться этому новому направленію: ибо только оно можетъ дать ей друзей и братьевъ тамъ, гдѣ она имѣла до сихъ поръ лишь подданныхъ или вра-

говъ. Но еще болѣе должна радоваться сама Польша этой новой зарѣ, которую безпристрастный разумъ и благородные труды науки ей возвѣщаютъ. Пусть выйдетъ она изъ своего ослѣпленія! Пусть отвергнетъ аристократическій и народный эгоизмъ, который отчуждалъ ее столько времени отъ всѣхъ славянскихъ племенъ! Пусть проникнется наконецъ убѣжденіемъ, что если она имѣетъ важное значеніе въ славянской семьѣ, то она въ ней все таки не старѣйшина и не распорядительница, и что она займетъ вновь мѣсто среди народовъ Европы тогда только, когда эта могущественная семья возвратитъ ей свое довѣріе и свою опору!

IX.

Чехи — первые провозвѣстники Славянской народности. — «Любушинъ Судъ». — Далимилова лѣтопись. — Пробужденіе Чешской стихіи вслѣдствіе мѣръ императора Іосифа II. — Пельцель и его взглядъ на отношенія Германской и Славянской — стихій. — Добровскій и его взглядъ на Чешскій языкъ. — Графы Штернбергъ и Коловратъ основатели народнаго музея и библіотеки. — Палацкій и «Чешская Матица». — Открытіе памятниковъ древне-Чешской народной поэзіи. — Панславизмъ и его настоящее значеніе. — Роль Словаковъ въ дѣлѣ панславизма. — Коларъ.

Возрожденіе и развитіе Славянскихъ народностей въ разныхъ областяхъ Австріи происходило внѣ Польскихъ вліяній и стремленій и совершенно въ иномъ духѣ. Чехи первые подали знакъ къ этому возрожденію. Имъ принадлежитъ честь перваго проявленія идеи Славянства. Чехи, можно сказать, были предназначены своимъ положеніемъ и своею исторіею къ тому, чтобы сдѣлаться первыми провозвѣстниками Славянской народности. Вдвинутые въ самое сердце Германіи, окруженные Нѣмцами даже въ своей родинѣ, проникнутые нѣмецкимъ образованіемъ, они принуждены бороться всѣми силами, чтобы сохранить свое народное бытіе. Эта борьба заставила ихъ почувствовать и сознать начало народности еще въ такую эпоху, когда это начало не представлялось мысли никакого другаго европейскаго народа. Мы находимъ тому доказательство въ первомъ памятникѣ Чешскаго языка, дошедшемъ до насъ (это вмѣстѣ съ тѣмъ и первый письменный памятникъ, существующій у Славянъ вообще), именно, въ эпической пѣснѣ, относящейся несомнѣнно ко времени Карла Великаго и извѣстной подъ именемъ «Любушина Суда». Княжна Любуша говоритъ тамъ, между прочимъ, своему народу:

«Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону свату *(святому)*,
Ю же *(которую)* принесеху отци наши» и т. д.

Эти слова свидѣтельствуютъ о чувствѣ народности, уже весьма ясно понятомъ. Потомъ, въ XIV вѣкѣ, одна Чешская лѣтопись, на-

зываемая Далимиловою, представляетъ намъ идею народности такъ опредѣлительно сознанною и выраженною, что можно бы было подумать, что лѣтопись эта сочинена въ наше время [1]). Страшное искорененіе протестантства въ Богеміи, во время 30-лѣтней войны, надолго подавило всякую жизнь въ этой странѣ. Чехи находились еще въ глубокомъ оцѣпенѣніи, когда императоръ Іосифъ II велѣлъ замѣнить Латинскій языкъ Нѣмецкимъ въ администраціи и училищахъ Богеміи и принялъ разныя мѣры къ уничтоженію въ ней Славянскаго языка. Можетъ быть, и безъ того тамъ уже начиналось нѣкоторое пробужденіе Чешской стихіи, но политика Іосифа II несомнѣнно способствовала этому пробужденію, вызвавъ неудовольствіе противъ насильственнаго, административнаго распространенія нѣмецкаго языка. Въ началѣ это противодѣйствіе было почти незамѣтно; жалкія театральныя піесы, нравоучительныя книжки для народнаго чтенія и нѣсколько сочиненій, касающихся изученія Чешскаго языка, — вотъ какія были первыя попытки этого возрожденія. Любопытно прочесть въ запискахъ Пражской Академіи Наукъ за 1790 годъ разсужденіе Пельцеля объ исторіи отношеній Германской и Славянской стихіи въ Богеміи. Пельцель начинаетъ съ разсказа о томъ, какъ древніе владѣтели Чешскіе покровительствовали первой изъ этихъ стихій, даже въ ущербъ народности собственныхъ своихъ подданныхъ, такъ что уже въ XIV вѣкѣ Прага была полу-нѣмецкимъ городомъ. Онъ описываетъ Славянскую реакцію, извѣстную подъ именемъ Гуситскихъ войнъ, и показываетъ, какъ, по окончательномъ подавленіи этой реакціи въ 30-лѣтнюю войну, Германская стихія получила въ Богеміи перевѣсъ, по видимому неодолимый, и стала распространяться въ ней все болѣе и болѣе. Онъ изъ всего этого хода дѣлъ выводитъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ чувствомъ живѣйшей скорби (ибо онъ былъ въ то время, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Тамомъ и Прохазкою, почти единственный въ Богеміи человѣкъ, искренно преданный Чешской народности), онъ выводитъ, говорю я, то заключеніе, что черезъ 50 лѣтъ Богемія не будетъ отличаться ничѣмъ отъ Мекленбургіи и Бранденбургіи, гдѣ не осталось другихъ слѣдовъ первобытныхъ славянскихъ жителей, какъ имена деревень и нѣсколько народныхъ повѣрій. А все-таки 50 лѣтъ уже прошло, и, вмѣсто упадка и смерти, совершилось въ Богеміи великое развитіе славянской стихіи, проявилась въ ней новая жизнь. Самъ Добровскій, отецъ славянской

---

[1]) Въ лѣтописи Далимиловой такъ живъ, если можно такъ выразиться, характеръ современности, что Австрійская цензура не позволяла перепечатывать ее, и она могла быть вновь издана только послѣ революціи 1848 года. Но и теперь еще въ училищахъ употребляютъ лишь такое изданіе древняго Чешскаго лѣтописца, въ которомъ выключены выходки противъ нѣмецкой народности.

филологіи, еще не хотѣлъ писать на родномъ языкѣ: онъ считалъ его мертвою рѣчью и изучалъ его съ этой точки зрѣнія. Между тѣмъ выступало новое поколѣніе. Ученые въ трудахъ своихъ обратили вниманіе на Чешскую исторію, Чешскія древности, Чешскій языкъ. Покровительство двухъ вельможъ, носившихъ имена, знаменитыя въ Чешскихъ лѣтописяхъ (графа Каспара Штернберга и графа Коловрата, тогдашняго оберъ-бургграфа Пражскаго), способствовало основанію народнаго музея и библіотеки (1820). Потомъ (въ 1831 г.) учрежденіе это было усилено, по настоянію человѣка энергическаго, г. Палацкаго, образованіемъ общества и капитала для содѣйствія развитію наукъ и словесности Чешской. Общество это, называемое Чешскою Матицею, имѣло огромный успѣхъ. Счастливымъ случаемъ было то, что именно въ эту пору возрожденія (въ 1819 г.) молодой Чехъ, Ганка, открылъ въ какой-то старой кладовой отрывки древнихъ народныхъ пѣсенъ красоты неподражаемой, и Чешская поэзія, которой до тѣхъ поръ недоставали оригинальные народные образцы, нашла въ нихъ чистый и живой источникъ вдохновенія. Новое поколѣніе принялось за дѣло съ рвеніемъ, предвѣщавшимъ Чешской народности блестящую будущность. Поколѣніе это уже не имѣло цѣлію, какъ предшествовавшіе дѣятели, доставлять только какое нибудь чтеніе для назиданія или увеселенія простаго народа, который еще не зналъ понѣмецки; оно не обращалось уже съ Чешской исторіею и филологіею, какъ съ предметами мертвыми. Что̀ Добровскій предпринялъ въ языкознаніи, то примѣнено было молодымъ поколѣніемъ ко всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Добровскій создалъ панславизмъ, показавъ живое родство всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Его преемники перенесли идею панславизма въ область историческихъ наукъ и словесности. Прошу своихъ читателей не ужасаться этого слова «панславизмъ», которое я употребляю. Германія, и въ особенности Австрія, боясь Славянъ и ихъ соединенія, старались сдѣлать изъ панславизма какое-то страшилище для Европы, чтобы навлечь на него ненависть Запада; онѣ говорили, что панславизмъ приведетъ Русскіе орлы на берега Адріатики и на Эльбу. Чтобы заподозрить его въ глазахъ Россіи, онѣ придавали ему демагогическій характеръ и пользовались для того мнимо-панславистическими произведеніями Польскихъ публицистовъ. Но духъ этихъ произведеній совершенно противоположенъ и чуждъ, какъ мы ясно показали, духу всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ; впрочемъ, событія 1848 и 1849 годовъ свидѣтельствуютъ, какъ мало въ Австрійскихъ панславистахъ склонности къ демагогіи, и какъ ихъ стремленія, всегда миролюбивыя, неопасны для спокойствія и образованности Запада. Эта идея ученаго и литературнаго панславизма была въ первый разъ

провозглашена Словакомъ; изъ средины Венгріи распространилась она вскорѣ между Славянами Австрійскими. Я полагаю, что это не было простою случайностью. Словаки занимаютъ именно срединное положеніе между всѣми славянскими племенами, соприкасаясь на западъ съ Чехами, на сѣверъ съ Поляками, на востокъ съ Русскими, и простираясь своими поселеніями на югъ до границъ Сербскаго племени. Въ то же время ихъ положеніе, какъ отдѣльнаго народа, чрезвычайно шатко и невыгодно. У нихъ нѣтъ собственной, народной исторіи, тогда какъ она-то всего болѣе нужна, чтобы внушить народу сознаніе его особности, индивидуальности; у нихъ нѣтъ своей отдѣльной земли, ибо ихъ отечество есть вмѣстѣ съ тѣмъ отечество враждебной имъ народности Мадьярской, съ которою ихъ не разграничиваетъ никакая опредѣленная естественная черта; у нихъ нѣтъ никакого города, довольно значительнаго для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться ихъ собственнымъ средоточіемъ (главныя средоточія Словаковъ суть два города, принадлежащіе не имъ однимъ, но и чужимъ народностямъ: Пресбургъ и Пештъ); наконецъ, даже языкъ ихъ не носитъ на себѣ печати индивидуальной особности и состоитъ, собственно, изъ нѣсколькихъ переходныхъ нарѣчій между Чешскимъ и Малороссійскимъ языками съ одной стороны и Чешскимъ и Польскимъ съ другой. Присовокупите къ этому, что Словацкое народонаселеніе довольно значительно по числу (Словаковъ считаютъ безъ малаго 3 милліона), что оно отличается чистотою славянскаго характера и быта, что оно трудолюбиво и предпріимчиво и одарено великою силою размноженія, такъ что оно мало-по-малу распространяется на счетъ Мадьярскаго племени—тогда вы поймете важность этого народонаселенія, массы мягкой и не опредѣлившейся рѣзко, которую Провидѣніе какъ бы нарочно поставило по серединѣ разныхъ славянскихъ народностей. Вотъ откуда раздался голосъ, который впервые заговорилъ Славянамъ объ ихъ умственной и нравственной общности и взаимности. Эта слава принадлежитъ сыну бѣднаго сельскаго писаря, предназначавшемуся отцемъ къ ремеслу мясника, Колару. Онъ сказалъ, что Славянскіе народы составляютъ одну семью, что они должны давать другъ другу нравственную опору, и что ихъ литература и ихъ ученые труды должны восполнять другъ друга взаимнымъ обмѣномъ мысли. Нужно было однако же, по мнѣнію Колара, предупредить излишнее разъединеніе Славянъ въ литературномъ отношеніи: ибо если бы каждое племя захотѣло имѣть литературу на собственномъ своемъ нарѣчіи, то произошелъ бы безвыходный хаосъ. Коларъ подалъ примѣръ самоотверженія: вмѣсто того, чтобы писать на своемъ родномъ языкѣ, онъ издавалъ свои сочиненія по-чешски, потому что Чешскій языкъ обладалъ уже довольно богатою словесностью, и упо-

треблялся Словаками-протестантами въ богослуженіи, съ тѣхъ поръ, какъ Гуситы передали имъ свою Библію и свои молитвенныя книги. По соображенію Колара, Славянское племя должно было имѣть четыре литературы: Русскую, Польскую, Чешскую (для Чеховъ, Моравцевъ и Словаковъ) и Сербскую (для Славянъ въ южной Австріи и въ Турціи). Чтобы подкрѣпить свои мысли и сдѣлать ихъ осязательными, онъ написалъ свою знаменитую поэму, «Дочь Славы», и собралъ въ ней воедино всѣ воспоминанія, которыми Славянское племя можетъ гордиться, и которыя даютъ ему право ненавидѣть своихъ многочисленныхъ притѣснителей.

X.

Чешская литература и наука въ послѣдніе двадцать-пять лѣтъ. — Прага. — Разъединеніе Чеховъ съ Моравцами и Словаками.

Рядъ знаменитыхъ людей выступилъ въ Чехіи. Всѣ они пошли по пути, указанному Коларомъ. Назову только Юнгмана, Челяковскаго, Палацкаго, Пуркине, Ганку, Шафарика, Пресля. Ихъ труды были огромные. Едва прошло четверть столѣтія съ возрожденія Славянской народности въ Австріи, люди, давшіе толчекъ этому движенію, были еще живы, — и уже совершены были успѣхи неимовѣрные. Въ Чехіи возникла цѣлая новая литература. Молодой Чехъ могъ уже пріобрѣсти довольно полное и многостороннее образованіе на родномъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи чужихъ литературъ; славянская рѣчь, скрывавшаяся прежде въ деревняхъ и мастерскихъ, поднялась изъ своего униженія; гордая знать Богемская опять считала для себя честію говорить на языкѣ Жижки и Подѣбрада или по крайней мѣрѣ учить ему своихъ дѣтей; само правительство, хотя и неблагопріятствовало этому движенію, боялось однако подавлять его и относилось съ уваженіемъ къ возродившейся Чешской народности. Едва пробудившись сами, Чехи оказали великія услуги всему славянскому просвѣщенію и пріобрѣли своею умственною дѣятельностью болѣе важное значеніе въ славянскомъ мірѣ, чѣмъ какое они могли занимать по своему числу и своей политической силѣ. Ихъ столица заслужила названіе Славянскихъ Аѳинъ. Прага распространяла свое умственное вліяніе на всѣхъ Австрійскихъ Славянъ и служила имъ свѣточемъ. Это была пора обаянія и мечтательныхъ надеждъ.

Но и тогда уже внимательный наблюдатель могъ бы почувствовать нѣкоторыя опасенія. Онъ удивился бы тому, что новое поколѣніе, которое готовилось заступить мѣсто Палацкаго, Юнгмана, Шафарика, Ганки и ихъ сподвижниковъ, было далеко ниже ихъ въ

отношеніи къ таланту и особенно энергіи, что поколѣніе переводчиковъ и журналистовъ должно было смѣнить этихъ строгихъ, сильныхъ мыслителей. И даже, при изученіи произведеній этихъ знаменитыхъ писателей, онъ удивился бы, находя въ нихъ, при превосходной аналитической учености, почти совершенное отсутствіе синтетическаго творчества. Онъ увидѣлъ бы, что, изучая до мельчайшихъ подробностей древности, языкъ, исторію, географію, народную поэзію и преданія Чеховъ и другихъ Славянъ, они теряли изъ виду вопросы жизненные, общественныя и религіозныя начала этихъ народовъ, причины ихъ развитія и паденія. Еще тягостнѣе поразилъ бы его разрывъ между Чехами, Моравцами и Словаками, этими тремя народностями, которыя всегда жили общею умственною жизнію, которыя въ своемъ союзѣ представляли немаловажную силу, а разрозненныя не имѣли бы почти никакого значенія, и которыя, наконецъ, взаимно дополняли другъ друга: ибо если Чехи вносили въ общее дѣло болѣе развитое образованіе и бо́льшую привычку къ умственной дѣятельности, то они могли напротивъ заимствовать отъ своихъ братьевъ чистоту славянскаго характера и природную энергію, утратившіяся въ Богеміи подъ наплывомъ чужихъ стихій.

Союзъ казался окончательно упроченнымъ съ развитіемъ умственной дѣятельности славянской въ Прагѣ, дѣятельности, которую вызвали общими силами Чехи, каковы — Юнгманъ и Челяковскій, Моравцы, каковъ — Палацкій, Словаки, каковы — Коларъ и Шафарикъ. Но тогда-то именно произошелъ разрывъ: ибо союзъ былъ собственно только искусственный. Хотя языкъ у нихъ общій, однако Чехи и Моравцы не считаютъ себя однимъ народомъ; они смотрятъ другъ на друга, какъ на чужихъ. Между ними существуетъ много началъ разъединенія. Въ Богеміи славянская народность сохранилась одинаково въ городахъ и селахъ; повсюду болѣе или менѣе искаженное смѣшеніемъ съ многочисленными колоніями нѣмецкими, Чешское населеніе тамъ весьма развито въ умственномъ отношеніи, оно одушевлено великими историческими воспоминаніями и весьма склонно къ религіозной свободѣ, отъ которой оно отказалось лишь послѣ двухвѣковаго геройскаго сопротивленія. Въ Моравіи, напротивъ, города почти совсѣмъ нѣмецкіе, но села зато, большею частію, чистославянскія. Моравцы лучше сохранили древній славянскій характеръ и обычаи; но они по большей части простые поселяне, весьма мало развитые, бѣдные историческими воспоминаніями, и которые, вмѣсто того, чтобы являть, подобно Чехамъ, склонность къ протестантизму и какое-то смутное стремленіе къ первобытному и народному христіанству, отличаются, напротивъ, слѣпымъ довѣріемъ къ католическому духовенству. Духовенство это поняло выгоды своего по-

ложенія въ Моравіи: оно поставило себя тамъ покровителемъ и защитникомъ Славянской народности, но воспользовалось этимъ покровительствомъ, чтобы овладѣть монополіею книгъ для народнаго чтенія. Оно создало въ Моравіи особенную славянскую простонародную литературу, и успѣло отстранить этотъ край отъ вліянія Чеховъ.

XI.

Штуръ и его сторонники, представители Словацкой народности. — Смѣшеніе нарѣчій въ Словацкой литературѣ.

Словаки отторглись отъ Чеховъ еще легче. Словацкая земля отдалена отъ Чехіи и почти вовсе не имѣетъ съ нею сношеній Чехъ и Словакъ еще болѣе чужды другъ другу, нежели Чехъ и Моравецъ; ихъ нарѣчія различны. Католическое духовенство давно уже стало употреблять народный языкъ для образованія Словаковъ, желая отклонить ихъ отъ чтенія протестантскихъ, Чешскихъ книгъ, весьма распространенныхъ въ сѣверной Венгріи. Коларъ, — протестантскій пасторъ,—напротивъ проповѣдывалъ, какъ мы видѣли, литературное единство съ Чехами. Но его преемники не хотѣли слѣдовать его примѣру. Штуръ, Годжа, Гурбанъ и другіе протестантскіе писатели, явившіеся между Словаками, сказали, что всякая славянская народность имѣетъ право обработывать литературно свой собственный языкъ, что совершенно несправедливо было бы предпочитать чужое, обѣднѣвшее и испорченное германизмовъ нарѣчіе своему родному, болѣе богатому, звучному и свободному языку, что, наконецъ, для образованія Словацкаго народа нужно говорить ему на его собственномъ языкѣ. Буря нападокъ и бранп поднялась противъ Штура и его сторонниковъ, которыхъ называли сѣятелями распри и измѣнниками общему дѣлу. Несмотря на то, они остались при своихъ убѣжденіяхъ и одержали побѣду. Они стали писать книги, поэмы, издавать газеты на простонародномъ нарѣчіи. Но положеніе ихъ было весьма затруднительно. Независимо отъ борьбы съ Чехами и отъ сильныхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались со стороны Мадьяръ, они не были въ состояніи соединиться между собою. Мы знаемъ, что Словаки не составляютъ рѣзко обособленной народности, и что ихъ рѣчь не имѣетъ опредѣленнаго типа, но можетъ быть названа скорѣе сборомъ переходныхъ нарѣчій между нѣсколькими изъ славянскихъ языковъ. Которое изъ этихъ нарѣчій слѣдовало принять за литературный языкъ? Каждый писатель употреблялъ свое, и нарѣчіе это, перенесенное въ область словесности, становилось для всего остальнаго края такимъ же условнымъ языкомъ, какимъ былъ языкъ Чешскій для Словаковъ, которые его за это и отвергли. Ни-

кто не хотѣлъ сообразоваться съ нарѣчіемъ, которое предлагалъ тотъ или другой литераторъ, всякій писалъ по-своему. Словацкая литература представляется какимъ-то хаосомъ. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что изъ этого хаоса выработаются плодотворныя начала.

XII.

Рознь въ средѣ южно-Австрійскихъ Славянъ. — Словенцы, Хорваты, Сербы. Досиеей Обрадовичъ основатель новой Сербской словесности. — Копитаръ и его вредное вліяніе на Славянское дѣло. — Вукъ Караджичъ: его собраніе народныхъ Сербскихъ пѣсенъ и азбука имъ изобрѣтенная.

Такое же несогласіе господствовало у Славянъ въ южной Австріи. Совершенно разобщенные съ Чехами, Моравцами и Словаками массою чужихъ народовъ, Нѣмцевъ на западѣ, Мадьяровъ по срединѣ и Валаховъ на востокѣ, они не могли согласиться даже между собою. Ихъ умственное соединеніе въ одной общей Сербской литературѣ осталось мечтою Колара. Ихъ положеніе и религіозныя начала разобщаютъ ихъ дѣятельность. Словенцы въ Штиріи, Краинѣ и Истріи составляютъ небольшой отдѣльный народъ въ 1.200,000 душъ. Они находятся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства; города въ ихъ странѣ нѣмецкіе и итальянскіе; сами они заключены въ своихъ горахъ и долинахъ, гдѣ сохранили свой языкъ и свои обычаи скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по чувству народности. На востокъ отъ Словенцевъ живутъ Хорваты, еще менѣе значительные числомъ (ихъ считаютъ 800,000), и которыхъ нарѣчіе, не имѣющее рѣзко опредѣленнаго типа, составляетъ переходъ между языками Словенскимъ и Сербскимъ, но которые сильны чувствомъ своей вѣковой конституціонной независимости, утраченной лишь въ 1850 году. Наконецъ, всѣхъ многочисленнѣе, но и всѣхъ разъединеннѣе — Сербы. Сербы Далматинскіе, заключенные въ узкой полосѣ между Адріатическимъ моремъ и Турецкою границею, совершенно отрѣзаны отъ своихъ соплеменниковъ; Сербы — граничаре и Сербы Славонскіе раздѣлены между собою религіозною враждою: исповѣдующіе католическую вѣру смотрятъ съ пренебреженіемъ на своихъ православныхъ братій, которыхъ обозначаютъ презрительнымъ именемъ *Влаховъ* (т. е., мужиковъ, пастуховъ); православные же считаютъ католиковъ народомъ чужимъ, недостойнымъ даже носить имя Сербовъ (которое послѣдніе, впрочемъ, сами отвергли, довольствуясь мѣстными наименованіями, смотря по странѣ, въ которой они живутъ). Наконецъ, Сербы Австрійской Воеводины, занимающіе обширное пространство на юго-востокѣ Венгріи и принадлежащіе къ Восточной церкви,

составляютъ сплошное населеніе только въ уголкѣ между низовьемъ Савы и Дуная. Въ огромныхъ же равнинахъ Темешварскаго Баната, Бачки и Бараньи, которые были въ старину исключительно въ рукахъ Сербовъ, и на которые они и теперь имѣютъ права,—ибо своею кровью освободили эти земли отъ Турокъ и возвратили ихъ хлѣбопашеству,—мы находимъ неимовѣрное смѣшеніе народностей. Страна эта имѣетъ видъ мозаики Сербскихъ, Мадьярскихъ, Нѣмецкихъ и Румынскихъ деревень, перемѣшанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ; въ каждомъ селеніи повторяется то же смѣшеніе, происшедшее тамъ мало-по-малу, въ слѣдствіе перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки. Теперь въ цѣлой Воеводинѣ осталось, кажется, только одно чисто Сербское село.

Умственная дѣятельность проявилась сперва въ этомъ краѣ, между православными Сербами. Монахъ, покинувшій свою обитель, чтобы идти учиться въ Германію и въ Грецію, Досиѳей Обрадовичъ (умершій въ 1811 г.) положилъ начало новой Сербской словесности, замѣнивъ Церковно-Славянскій языкъ, дотолѣ употреблявшійся въ книгахъ, народнымъ нарѣчіемъ. Онъ однако же не хотѣлъ разрывать связи между новымъ Сербскимъ языкомъ и древнею рѣчью, которая составляетъ общую собственность всѣхъ православныхъ Славянъ. Принимая за образецъ Русскаго поэта Ломоносова, онъ заимствовалъ изъ Церковнаго языка всѣ тѣ богатства, которыя казались ему соотвѣтствующими духу его народа. Его успѣхъ былъ значителенъ. Многіе молодые Сербскіе литераторы пошли по его слѣдамъ. Они основали (въ 1828 г.) въ Пештѣ, гдѣ они большею частію учились въ университетѣ, литературное общество, которое послужило образцомъ для Пражской Матицы и ознаменовало первые годы своего существованія весьма полезными трудами.

Направленіе это не нравилось однако католикамъ и Австріи. Оно слишкомъ громко провозглашало свою привязанность къ древней, Церковно-Славянской словесности, нераздѣльно связанной, у славянскихъ народовъ, съ преданіями православной церкви. Былъ въ то время человѣкъ, по происхожденію Словенецъ, одинаково извѣстный по своимъ ученымъ трудамъ и по тому вредному вліянію, которое онъ имѣлъ на славянское дѣло: это былъ Копитаръ. Онъ былъ первымъ изъ тѣхъ людей, мало дорожившихъ своею совѣстью, которые, снискавъ себѣ, своею ученою дѣятельностью, извѣстное значеніе въ славянскомъ мірѣ, пользовались имъ потомъ, чтобы продать дорого свои услуги Австріи. Онъ сдѣлался ея довѣреннымъ лицомъ и ея агентомъ въ вопросахъ славянскихъ. Даже въ дѣлѣ науки, въ которой Копитаръ имѣетъ несомнѣнныя заслуги, можно замѣтить въ немъ мысль, враждебную Славянскому духу и Восточной церкви: ибо все, что онъ

писалъ, имѣетъ цѣлью унизить значеніе Кирилловицы, священнаго письма православныхъ Славянъ, доказательствами въ пользу старшинства Глагольской азбуки (пользовавшейся, какъ извѣстно, покровительствомъ Рима), которой Кириллъ и Меѳодій были, по его словамъ, только подражателями, и въ пользу того мнѣнія, будто Славянскіе просвѣтители перевели Писаніе не на языкъ племени, принадлежащаго къ Восточной церкви, на древній языкъ Болгаръ, какъ обыкновенно принимаютъ и какъ подтверждаютъ несомнѣнно новѣйшія открытія, а на языкъ Иллирійскихъ Словенцевъ, находившихся всегда подъ властію Рима. Этотъ Копитаръ подружился съ молодымъ Сербомъ, Вукомъ Караджичемъ, который перешелъ въ Австрію съ остатками войска Карагеоргія, и ученость котораго ограничивалась въ то время умѣніемъ читать и писать. Караджичъ отличался умомъ замѣчательнымъ и необыкновеннымъ знаніемъ народныхъ свойствъ и преданій Сербскаго племени. Онъ образовался нѣсколько при соприкосновеніи съ Сербскими литераторами въ Пештѣ. Копитаръ побудилъ его къ составленію новой Сербской азбуки, которая совершенно отрывалась отъ Кирилловскаго преданія, сохраняя только наружную форму Русскихъ буквъ, но вводя Латинскую систему правописанія. Съ помощью Копитара, Вукъ издалъ этой азбукою нѣсколько книгъ, чрезвычайно важныхъ для знакомства съ Сербскимъ народомъ, съ его языкомъ, обычаями и повѣріями. Онъ отвергалъ въ своихъ сочиненіяхъ всякое общеніе съ Церковно-Славянскою и Русскою литературою и требовалъ, чтобы Сербскіе писатели ограничились стенографическимъ, такъ сказать, воспроизведеніемъ народной рѣчи; онъ совѣтовалъ имъ даже предпочитать, при заимствованіи чужихъ словъ, Турецкія Церковно-Славянскимъ или Русскимъ. Копитаръ распространилъ его славу въ Германіи. Неподражаемая красота народныхъ пѣсенъ Сербскихъ, которыя Вукъ собралъ и издалъ, снискала ему признательность всѣхъ Славянъ и большое значеніе между ними. Его превознесли похвалами, особенно въ Россіи. Онъ нашелъ нѣсколькихъ послѣдователей между Сербскими литераторами. Однако, чего не поняли въ Россіи, то было понято Сербами. Они замѣтили, что Вукъ разрывалъ преданіе, связывавшее ихъ съ дѣломъ Св. Кирилла, и что азбука, имъ изобрѣтенная, вела ихъ прямо къ принятію азбуки Латинской (которая служитъ у Славянъ символомъ католицизма). Живая и шумная полемика возгорѣлась по случаю этой азбуки. Противники Вука, которыхъ сперва осмѣивали, какъ педантовъ и противниковъ прогресса, стояли однако такъ твердо, что, по видимому, одержали побѣду. Книги, печатаемыя въ Австріи для чтенія православныхъ Сербовъ, продолжаютъ издаваться старымъ правописаніемъ: иначе духовенство и народъ отвергли бы ихъ, какъ писанныя въ духѣ Латинскомъ. Давидовичъ, заслужен-

ный Сербскій писатель, который былъ секретаремъ князя Милоша, побудилъ его произнести, въ 1833 году, запрещеніе противъ изданій, напечатанныхъ азбукою Вука; и запрещеніе это было возобновлено, въ 1849 году, Сербскимъ Верховнымъ Совѣтомъ. Впрочемъ, направленіе Вука вскорѣ совершенно обнаружилось. Онъ издалъ, въ 1846 г., переводъ Новаго Завѣта на простонародный Сербскій языкъ, и въ переводѣ этомъ нашли, кромѣ ложно истолкованныхъ мѣстъ, одно, которое имѣло прямо цѣлію приписать Св. Петру верховную власть надъ апостолами; узнали также, что переводъ этотъ былъ изданъ на счетъ Римской пропаганды.

Раздоръ, произведенный Вукомъ въ Сербской литературѣ, имѣлъ на нее весьма пагубное вліяніе. Онъ задержалъ ея развитіе. Лучшія силы ея обратились на безплодную полемику о томъ, можетъ ли существовать литературное преданіе, или писатели должны ограничиваться, въ слогѣ и правописаніи, мелочнымъ воспроизведеніемъ простонароднаго говора.

XIII.

Д-ръ Гай основатель особой литературной школы въ Загребѣ (Аграмѣ). — Введеніе Латинскаго алфавита въ словесность Хорватскую. — Покровительство Австрійскаго правительства *Иллирской* литературѣ. — Борьба Хорватовъ и Славонцевъ съ Мадьярами. — Усобица между Хорватами и Сербами. Литература Словенцевъ. – Поэтъ Прешеринъ. — Лужицкіе Славяне въ Саксоніи и Пруссіи.—

Между тѣмъ въ Загребѣ (Аграмѣ) образовалась третья литературная школа. Ее основалъ нѣкто Д-ръ Гай, человѣкъ извѣстный, какъ одно изъ самыхъ искусныхъ орудій Австрійской политики. Эта литература должна была служить Хорватамъ и Сербамъ-католикамъ въ Славоніи, Далмаціи и Босніи. Хорватское нарѣчіе, употребляемое народомъ въ Загребѣ и его окрестностяхъ, было слишкомъ бѣдно и неопредѣленно, для того, чтобы оно могло сдѣлаться языкомъ литературнымъ. Потому Гай принялъ Сербскій языкъ, но сталъ писать на немъ латинскими буквами. Но чтобы не назвать этого языка Сербскимъ, такъ какъ въ этомъ имени народъ привыкъ заключать представленіе о православіи, Гай придумалъ названіе *Иллирскаго* языка и *Иллирской* литературы.

Литература эта сперва пользовалась особеннымъ благорасположеніемъ Австрійскаго правительства. Надѣялись, что къ ней присоединятся мало-по-малу православные Сербы наравнѣ съ Сербами-католиками. Притомъ имѣли въ виду возможность употребить здѣсь идею Славянства, какъ полезное орудіе. Кроація и Славонія входили въ составъ Венгріи, но имѣли свою особую конституцію и права, одинаковыя съ королевствомъ Св. Стефана. Въ это именно время дво-

рянство Мадьярское, опираясь на свои вѣковыя привилегіи, начало поднимать вопросъ о народности и упорно противодѣйствовало замысламъ Вѣнскаго кабинета, стремившагося къ централизаціи. Оно уже сильно затрудняло его политику. Если бы Кроація и Славонія могли быть увлечены такимъ же движеніемъ, но въ противную сторону, то значительная часть силъ Мадьярской партіи была бы парализована. Гай сдѣлался самымъ жаркимъ проповѣдникомъ Славянства; газета, имъ издаваемая, нашла сильный отголосокъ въ цѣломъ краѣ; Хорватское дворянство, сопротивлявшееся требованіямъ Мадьяровъ, стало поддерживать ее. Загорѣлась дѣятельная борьба между Хорватами и Славонцами, которые дорожили своими провинціальными правами, и Пресбургскимъ сеймомъ, который хотѣлъ навязать на нихъ Мадьярскій языкъ и Мадьярскіе законы. На выборахъ 1841 и 1845 годовъ дѣло доходило до кровопролитія. Большая дѣятельность, литературная и политическая, возникла въ Кроаціи. Загребъ сдѣлался значительнѣйшимъ, послѣ Праги, умственнымъ средоточіемъ у Австрійскихъ Славянъ. Тамъ принялись за перепечатываніе памятниковъ старой словесности Дубровницкой (Рагузанской), давно преданной забвенію, и въ нихъ нашли прекрасные образцы языка и стиха. Молодые писатели, одаренные талантомъ и отличавшіеся большею чистотою характера, чѣмъ тотъ человѣкъ, который имъ открылъ дорогу, успѣли уже составить въ Загребѣ цѣлую литературную школу. Таковы были Станко Вразъ, братья Мажураничи, Кукулевичъ, Вукотиновичъ, Боговичъ и другіе. Но странная неопредѣленность народнаго имени все еще не прекращалась. Сербы возстали противъ этой школы, которая пользовалась ихъ языкомъ, ихъ преданіями и ихъ народною славою и, прикрывая себя классическимъ именемъ, не имѣющимъ смысла въ дѣйствительной жизни, хотѣла исключить ихъ изъ числа народовъ. Приверженцамъ такъ называемаго Иллиризма нечего было возражать на это. Они, впрочемъ, сами вскорѣ отказались отъ этого имени, которое оставалось чуждымъ народу. Политическія событія все болѣе и болѣе требовали отъ нихъ практической дѣятельности: имъ нужно было распространить въ народѣ идеи о Славянствѣ, чтобы найти опору противъ Мадьяровъ, которые становились со дня на день смѣлѣе и враждебнѣе. Общее наименованіе «Юго-Славянъ», предложенное нѣкоторыми писателями, имѣло тоже неудобство, будучи только научнымъ терминомъ. Пришлось обратиться къ имени «Хорваты», которое представляло по крайней мѣрѣ нѣчто живое и осязательное. Но по какому праву Хорваты употребляли Сербскій языкъ и требовали, чтобы ихъ городъ былъ умственнымъ центромъ Сербскаго народонаселенія, въ-шестеро болѣе многочисленнаго, нежели они сами? Обратились къ историческимъ памятникамъ, и нашли, что въ X вѣкѣ

Далматскіе Славяне назывались Хорватами, и что тогда существовало Хорватское королевство, обнимавшее не только Кроацію и Далмацію, но и Боснію. Если большая часть земель, въ которыхъ нынѣ господствуетъ языкъ Сербскій, въ старину называлась Хорватскою землею, сказали Загребскіе писатели, то Сербскій языкъ и Сербскія преданія наши, и мы имѣемъ полное право пользоваться ими, не будучи обязаны ограничиться испорченнымъ нарѣчіемъ маленькой области, сохранившей это, прежде столь распространенное, народное имя, или отказаться отъ имени Хорватовъ и принять имя Сербовъ, которое ввело бы насъ въ чужой религіозный міръ. Сербы, разумѣется, стали кричать, что у нихъ похищали ихъ народныя сокровища, и, обращая силлогизмъ въ противоположную сторону, могли сказать, что если край, въ древности извѣстный подъ именемъ Хорватскаго, нынѣ употребляетъ Сербскій языкъ, то вся исторія Хорватовъ есть ихъ собственность, и что Хорваты не имѣютъ права считать себя особымъ народомъ. Въ этомъ замѣтно, и еще въ сильнѣйшей степени, то странное явленіе, которое уже поразило насъ въ отношеніяхъ Чеховъ и Моравцевъ: мы опять видимъ два племени, говорящихъ на одномъ языкѣ, имѣющихъ общія преданія и общее прошедшее, и которыхъ однако же раздѣляетъ непреодолимое соперничество.

Надобно сказать еще нѣсколько словъ о литературѣ Словенской, возникшей въ Любляне (Laibach) и Цѣловцѣ (Klagenfurth) въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Ея образованію содѣйствовало въ особенности католическое духовенство. Оно не хотѣло, чтобы Словенцы въ Штиріи и Крайнѣ присоединились къ умственному движенію Хорватовъ и Сербовъ, не смотря на близость ихъ нарѣчій; оно опасалось, чтобы такое соединеніе не открыло Словенцамъ доступъ къ произведеніямъ Сербовъ «схизматиковъ». Нельзя требовать, чтобы литература, предназначенная для горсти Альпійскихъ поселянъ, имѣла блистательное развитіе. Въ ней однако же появился поэтъ съ несомнѣннымъ талантомъ, Прешерпнъ, оставшійся въ неизвѣстности, потому что его голосъ не раздавался далѣе тѣсныхъ предѣловъ Словенскихъ долинъ.

Чтобы дополнить эту картину Западно-Славянскихъ литературъ и ихъ возрожденія, слѣдуетъ перенестись на сѣверъ, за границу Австріи, въ предѣлы Саксоніи. Въ этомъ королевствѣ, гдѣ такъ сильно обозначился Нѣмецкій характеръ, равно какъ въ той части Лузаціи, которая была отдѣлена отъ него въ 1815 году и присоединена къ Пруссіи, сохранился, какъ островокъ, небольшой Славянскій край. Жители его, числомъ не болѣе 150,000, удержали имя Сербовъ; Нѣмцы называютъ ихъ Вендами; бо́льшая часть ихъ протестанты, и только 10,000 принадлежатъ къ Римской церкви. Лю-

бопытно видѣть, какъ населеніе, столь малочисленное и потерянное средя массы Нѣмцевъ, умѣло, своимъ постоянствомъ и своею смышленостью, сохранить свою народность, и какую силу сопротивленія оно выказываетъ противъ германской стихіи, которая окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Но его числительная слабость лишаетъ его значенія въ Славянскомъ мірѣ, и его литературныя стремленія развились подъ вліяніемъ Чеховъ, пробужденіе которыхъ вызвало изъ усыпленія Лужицкихъ Славянъ. Впрочемъ, это маленькое племя трудится на поприщѣ умственной дѣятельности съ ревностію, которая могла бы служить образцомъ для болѣе сильныхъ народовъ; оно имѣетъ теперь на своемъ языкѣ почти всѣ необходимыя для первоначальнаго образованія книги; оно имѣетъ свою газету, и литературное Славянское общество въ Будышинѣ (Bautzen) съ успѣхомъ занимается обработкою роднаго языка.

XIV.

Общая идея въ литературахъ всѣхъ Западно-Славянскихъ племенъ. — Какъ понимаютъ западные Славяне народность? — Въ чемъ состоитъ слабость Западно-Славянскаго міра противъ Германскаго?

Всѣ эти литературы, всѣ эти разнообразныя стремленія имѣютъ однако же общій характеръ; онѣ проникнуты одною общею идеею. Эта идея, которая бросается въ глаза въ каждомъ произведеніи Австрійскихъ Славянъ, равно какъ и Лужицкихъ Сербовъ, есть идея народности. Народность есть ихъ общій девизъ. Съ этимъ девизомъ они боролись противъ преобладанія иноземныхъ стихій. Съ этимъ же девизомъ они разошлись между собою, съ нимъ Словаки разорвали литературную связь съ Чехами, съ нимъ школа Вука отвергла литературныя преданія своего отечества, чтобы ограничиться единственно современною жизнію народа, съ нимъ Хорваты и Словенцы образовали свои особыя литературы.

Идея народности такъ важна по тому значенію, которое она имѣла и имѣетъ еще въ Западно-Славянскомъ мірѣ, что нужно вникнуть въ ея смыслъ, дабы дать себѣ отчетъ о характерѣ умственной и политической жизни этихъ племенъ. Что̀ такое народность, какъ ее понимаютъ Западные Славяне? Это есть право каждаго племени на свое индивидуальное существованіе, право быть самимъ собою, т. е., говорить и писать на своемъ языкѣ, сохранять свои преданія и быть управляемымъ, какъ особое племя. Идея народности не представляетъ Западнымъ Славянамъ ничего больше; въ ней они не видятъ никакого другаго начала. Но понятая въ этомъ смыслѣ народность есть, очевидно, нѣчто внѣшнее и отрицательное, форма безъ поло-

жительнаго содержанія. Она значитъ просто то, чтобы *не быть* Нѣмцемъ, Итальянцемъ или Мадьяромъ, когда человѣкъ родился Славяниномъ, чтобы *не быть смѣшиваему* правительствомъ съ другими народами. Но что̀ говорить и дѣлать въ качествѣ Славянъ, чего бы еще не сказали и не сдѣлали или не могли сказать и сдѣлать также хорошо Нѣмцы, Итальянцы и Мадьяры? Какое жизненное начало можетъ отличить Чеха, Словака, Хорвата, Словенца, Лужичанина отъ чужихъ народовъ, ихъ окружающихъ? Что̀ даетъ имъ право на бытіе, право сказать, что была бы потеря для рода человѣческаго, если бы они слились съ своими сосѣдями, Нѣмцами, Итальянцами или Мадьярами? Это такіе вопросы, о которыхъ Западные Славяне не думаютъ, и на которые они не дадутъ отвѣта.

Дѣло въ томъ, что они сохранили только внѣшнюю форму Славянской стихіи, языкъ, обычаи, преданія. Если въ глубинѣ личныхъ характеровъ живетъ Славянскій духъ, то эти врожденныя чувства, этотъ врожденный складъ мысли требовали бы совершенно иной среды, чтобы получить плодотворное развитіе. Но по своимъ общественнымъ началамъ, по своимъ религіознымъ идеямъ, по всей своей умственной сферѣ, Славяне эти принадлежатъ чужому міру, протестантскому и католическому Западу [1]); и этотъ чужой міръ, убивъ въ нихъ органическое развитіе Славянской жизни, далъ имъ въ замѣнъ лишь условныя формы.

Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе чувства единства у этихъ народовъ: ибо чувство это дается только тождественностью нравственныхъ и общественныхъ началъ; сходство языка, обычаевъ и преданій не въ состояніи создать его. Вотъ почему каждое племя у Западныхъ Славянъ стремится составить, въ умственномъ мірѣ, отдѣльную единицу; вотъ почему тамъ до такой степени размножились отдѣльныя мелкія литературы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ каждое племя и каждое нарѣчіе имѣетъ одинаковыя со всѣми прочими право на индивидуальное бытіе, то оно и стремится пользоваться этимъ правомъ, потому что нѣтъ общаго внутренняго начала, въ силу котораго оно отказалось бы добровольно отъ своего права въ пользу единства. Вспомнимъ о Германіи, раздѣленной на 36 государствъ и говорящей на множествѣ областныхъ нарѣчій, гораздо болѣе разнородныхъ и непонятныхъ другъ другу, нежели самыя отдаленныя вѣтви Славянскаго языка, и которая тѣмъ не менѣе живетъ одною умственною жизнію, имѣетъ одну литературу; сравнимъ ее съ Сла-

[1]) Нѣкоторыя стихіи духовной самостоятельности представляютъ, между Австрійскими Славянами, православные Сербы; но они въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ другому міру, къ южнымъ Славянамъ, которыхъ средоточіе находится въ Турціи; потому мы въ этомъ вопросѣ оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

вянскими племенами, которыя, находясь въ одной Австрійской имперіи и имѣя между собою столько общаго, породили однако 7 или 8 разныхъ литературъ, и мы поймемъ значеніе этой внутренней связи общественныхъ и нравственныхъ началъ. Есть еще другія отличительныя черты, свойственныя Западнымъ Славянамъ и происходящія изъ того же источника. Они сильны въ первую минуту увлеченія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы востребовать себѣ право говорить и писать на своемъ языкѣ и принадлежать своей народности; но они тотчасъ являются безсильными, коль скоро эта первая борьба съ чужими вліяніями кончится, и настаетъ время ознаменовать свою умственную независимость чѣмъ нибудь положительнымъ. Почти всѣ литературныя произведенія Западныхъ Славянъ суть подражанія иностраннымъ образцамъ, или если они хотятъ быть оригинальными, то оригинальность ихъ заключается лишь въ формѣ, перенесенной изъ народной рѣчи и поэзіи, тогда какъ въ общемъ планѣ созданія и въ идеяхъ не видно творческой свободы и силы. Ихъ ученые труды запечатлѣны, какъ я уже замѣтилъ, характеромъ аналитической учености, не восходящей до открытія органическихъ началъ. Потому-то и стремленія ихъ въ области умственной весьма скромны. Спросите ихъ, какая главная цѣль ихъ усилій въ наукѣ, и они вамъ отвѣтятъ, что цѣль эта — передать своему народу результаты Нѣмецкой науки, такъ чтобы онъ не имѣлъ нужды онѣмечиваться для полученія образованія. И можетъ быть, приспособляютъ они охотно, удастся намъ освободить эти результаты Нѣмецкой науки отъ ихъ педантическаго и отвлеченнаго характера: какъ будто бы была возможность исправить внѣшній типъ этой науки безъ повѣрки ея положеній и ея метода! Мысль о самостоятельномъ и свободномъ участіи въ умственномъ трудѣ человѣчества не является имъ даже, какъ отдаленная мечта. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли эти народы помышлять даже о второстепенной, даже о простой литературной и ученой дѣятельности подлѣ Германіи, которая подавляетъ ихъ своею могущественною работою? Едва успѣваютъ они охранять свой языкъ и внѣшніе признаки своей народности. Состязаніе было бы, конечно, возможно, если бы Австрійскіе Славяне составляли, подобно Германіи, одинъ духовный и нравственный организмъ. Но начала, которыя одни могли бы дать имъ эту органическую связь, забыты или отвергнуты въ продолженіе вѣковъ. И вотъ мы видимъ эти семнадцать милліоновъ Славянъ разъединенными, разсѣянными, страдательно подчиняющимися иноземному владычеству, въ которомъ они сами, по видимому, чувствуютъ потребность, служащими орудіемъ враждебному племени и враждебной жизни, враждебно стоящими подлѣ Запада, который подступаетъ къ нимъ все

ближе и ближе, который покрываетъ ихъ своими желѣзными дорогами, наводняетъ ихъ своими книгами, водворяетъ между ними свои колоніи и свои фабрики, втягиваетъ ихъ въ себя и поглощаетъ всѣ ихъ силы.

Но не слѣдуетъ еще отчаяваться въ будущности этихъ народностей, которыя только что выходятъ изъ многовѣковаго оцѣпенѣнія. Невозможно было, чтобы племена, едва получившія, можно сказать, право на существованіе, не захотѣли воспользоваться имъ каждое для себя и тотчасъ отказались отъ него для удовлетворенія требованіямъ единства, какъ бы требованія эти ни были законны и полезны. Невозможно было, чтобы, прожившъ столько вѣковъ подъ властію Германіи, они сохранили невредимо начала, которыя могли бы дать имъ органическую, своеобразную жизнь и создать у нихъ духовное единство, подобное тому, какимъ Германія обладаетъ уже столько времени. Начала эти Западнымъ Славянамъ придется пріобрѣтать вновь тяжелымъ трудомъ, черпая изо всѣхъ источниковъ, гдѣ Славянскія стихіи уцѣлѣли въ большей чистотѣ, и лишь послѣ долговременной работы духовнаго и общественнаго обновленія успѣютъ они составить естественный союзъ народностей, свободно соединенныхъ между собою общимъ духомъ, тамъ, гдѣ мы видимъ нынѣ лишь слабыя, разрозненныя племена, и гдѣ ученые тщетно силились установить искусственныя группы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1848 годъ: его послѣдствія для Австрійскихъ Славянъ и ихъ настоящее положеніе.

I.

Идея народности и ея жертвы въ 1848 г. — Программа Палацкаго. — Славянскій сеймъ въ Прагѣ. — Славяне спасаютъ Габсбургскую монархію. — Гавличекъ. — Народный сходъ Сербовъ въ Карловцахъ. — Для чего Славянамъ нужно было спасать Австрію?

Наступилъ 1848 годъ, память котораго Западные Славяне проклинаютъ, но который они обвиняютъ напрасно, потому что событія его лишь разсѣяли ихъ обманчивыя мечты и обнаружили ихъ слабость. Всякій политическій порядокъ вдругъ прекратился въ Австріи. Разные народы, составлявшіе эту державу, Нѣмцы, Итальянцы, Мадьяры, устремились по новымъ путямъ, полные одушевленія и надеждъ. Какая же была роль Австрійскихъ Славянъ въ эту критическую минуту? Они явили геройскую твердость въ защитѣ своей народности отъ враждебныхъ покушеній Нѣмцевъ и Мадъяровъ, но даже не подума-

ли о томъ, чтобы организоваться и создать что нибудь прочное для будущаго.

Я не стану описывать стойкости Чеховъ противъ тевтонскихъ притязаній Франкфуртскаго парламента и противъ происковъ ихъ собственныхъ соотечественниковъ — Нѣмцевъ; я не стану изображать твердаго отпора, который подобныя попытки встрѣтили у Штирійскихъ и Крайнскихъ Словенцевъ; я не буду говорить о самоотверженіи бѣдныхъ безоружныхъ Словаковъ, когда они отстаивали свое народное бытіе передъ фанатизмомъ воинственныхъ и могущественныхъ Мадьяровъ. Нѣтъ нужды разсказывать кровавую исторію Сербовъ и Хорватовъ, какъ они поголовно поднялись, за своимъ Патріархомъ и Баномъ, чтобы противостать, съ оружіемъ въ рукахъ, всѣмъ силамъ Венгріи; нѣтъ нужды разсказывать эту неравную борьбу, въ которой столько геройства было награждено такимъ обманомъ. Одной идеѣ всѣ эти племена принесли столько жертвъ, идеѣ народности, которой значеніе мы уже опредѣлили. Палацкій формулировалъ ее въ знаменитой своей статьѣ, и его формула сдѣлалась программою всѣхъ Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году. Эта программа требовала равенства всѣхъ народностей и права для каждой изъ нихъ, чтобы ея языкъ свободно развивался и получилъ оффиціальное признаніе въ области, гдѣ онъ употребляется. Но было ли это право практически примѣнимо? Если бы Славянская народность составляла въ Австріи одно цѣлое, то она могла бы требовать себѣ мѣста наравнѣ съ Нѣмецкою, Итальянскою и Мадьярскою; но семи Славянскимъ народностямъ, стремящимся каждая къ полной внутренней автономіи, трудно было выдержать борьбу съ соперничествовавшими стихіями. Гдѣ бы онѣ нашли себѣ основу и точку опоры? Даже если бы равенство было признано и утверждено за ними закономъ, то все-таки онѣ заняли бы весьма неравныя мѣста, смотря по ихъ дѣйствительному значенію. Очевидно, абсолютное равенство народностей, какого хотѣли тогда Австрійскіе Славяне, было мечтою, подобно абсолютному равенству между людьми, проповѣдывавшемуся тогда въ Европѣ.

Мечта эта стала однако на нѣкоторое время девизомъ Австріи, девизомъ, чтобы раздѣлаться съ которымъ, стоило ей только потомъ оставить его въ бумагахъ своего архива. Подъ господствомъ этой мечты собрался въ Прагѣ Славянскій сеймъ. Изо всѣхъ сеймовъ этой эпохи, столь обильной совѣщательными собраніями, Славянскій сеймъ въ Прагѣ былъ самый безсильный. Онъ съѣхался, но члены съ трудомъ понимали другъ друга. Одинъ говорилъ по-чешски, другой по-польски, третій по-сербски, четвертый по-малорусски. Не рѣдко, для того, чтобы объясниться съ товарищемъ-депутатомъ, члены при-

бѣгали къ помощи иностраннаго языка. Разсуждали о пустыхъ вопросахъ, подавали голоса объ общихъ мѣстахъ.

При всемъ томъ, этотъ безвредный сеймъ былъ ненавистенъ въ Вѣнѣ. Славянство выступало въ немъ слишкомъ смѣло, оно слишкомъ явно соперничало съ Франкфуртскимъ парламентомъ и съ Германскими стремленіями, которыя преобладали въ столицѣ. Нѣмецкая партія отрядила въ Прагу толпу молодыхъ демократовъ. Они произвели тамъ нѣкоторые безпорядки, стычка съ солдатами послужила князю Виндишгрецу предлогомъ бомбардировать городъ и разогнать сеймъ почти наканунѣ дня, въ который онъ намѣревался наконецъ приступить къ разсужденію о принятіи одного изъ Славянскихъ нарѣчій за общій оффиціальный и литературный языкъ.

Впрочемъ, Пражскій сеймъ былъ лишь незначительнымъ эпизодомъ исторіи Австрійскихъ Славянъ въ эту тревожную эпоху. Главный фактъ этой исторіи есть та добровольная и единодушная опора, которую они дали Австрійскому правительству. Всѣ народности, Нѣмцы, Итальянцы, Мадьяры были въ открытомъ возстаніи противъ него. Вѣнскіе граждане выгнали Габсбурговъ изъ ихъ древней столицы. Славяне всѣ, безъ внѣшняго побужденія и безъ предварительнаго соглашенія, объявили себя въ пользу древней династіи. Чехи дали ей первую нравственную опору, какую она нашла въ ту минуту, когда все, по видимому, обратилось противъ нея. Вся Германія, имѣя во главѣ Франкфуртскій парламентъ, провозгласила, такъ сказать, уничтоженіе Австріи; и въ эту минуту самый вліятельный изъ Чеховъ, г. Палацкій, выступилъ на защиту Австрійской монархіи во имя Славянскихъ интересовъ; Чехи послушались его голоса. Гавличекъ, пользовавшійся еще бо́льшею популярностью, нежели Палацкій, сталъ говорить и писать въ томъ же духѣ, и его мнѣніе, выражаемое въ «Народныхъ Новинахъ», которыхъ онъ былъ издателемъ, руководствовало Славянами въ Чехіи и Моравіи. Между тѣмъ какъ Чехи защищали Габсбургскую монархію передъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, въ Венгріи Словаки подымались за Австрію, Хорватскіе полки умирали за нее на поляхъ Италіи, мужественное народопаселеніе Кроаціи, Славоніи и Сербскихъ краевъ въ Бачкѣ, Банатѣ и Сремѣ вооружалось поголовно подъ знаменемъ Цесаря для противоборства революціи и Мадьярамъ. Народный сходъ Сербовъ, собравшійся 3-го Мая 1848 въ Карловцахъ, былъ первымъ усиліемъ спасти Австрію отъ Мадьяровъ, точно также, какъ протестъ, написанный почти въ тотъ же день Палацкимъ въ Прагѣ, былъ первою помощію, поданною ей противъ революціонной Германіи. Я не послѣдую за Хорватами Елачича въ ихъ походахъ въ Венгріи и не буду также описывать отчаянной борьбы горсти Сербовъ противъ

регулярной арміи Мадьярской. Достаточно, если я скажу, что Славяне *одни* вооружились за Австрію въ 1848 году, что *вся* Славянскія племена стали за нее въ годину опасности (за исключеніемъ Поляковъ, которые постоянно дѣйствовали розно съ своими соплеменниками), и что *Славяне* поддержали ее своими силами, пока вмѣшательство Россіи не спасло и не утвердило ея.

Зная это, я спрашиваю себя: какая причина побудила Славянъ жертвовать собою такъ усердно для правительства, стихіи котораго имъ чужды? Развѣ они его любили? Напротивъ, они ненавидѣли его, всѣ безъ исключенія. Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы, они ненавидѣли его изъ глубины сердца: кто можетъ отрицать это или въ этомъ сомнѣваться? Развѣ оно внушало имъ довѣріе? Напротивъ, Вѣнское вѣроломство обратилось у нихъ въ поговорку, и Чехи, Хорваты, Сербы слишкомъ хорошо знали свою исторію, полную посягательствъ на ихъ народную и религіозную независимость, чтобы они могли обманываться надеждою на обѣщанія, которыя Австрія имъ расточала въ замѣнъ получаемыхъ отъ нихъ услугъ. Стало быть, надобно, вѣрно, искать другой причины, заставившей эти народы собраться подъ знаменемъ Габсбургской державы. Инстинктивное и неодолимое чувство ихъ собственной слабости, ихъ разъединенія и неспособности создать своими силами новый порядокъ вещей, — вотъ что̀ принудило ихъ искать внѣ себя точки опоры и готоваго средоточія, которое стояло бы выше ихъ внутреннихъ распрей. «Если бы Австріи не было, намъ бы нужно было ее выдумать», говорилъ банъ Елачичъ съ глубокимъ и, безъ сомнѣнія, скорбнымъ убѣжденіемъ въ своей прокламаціи къ Славянскимъ народамъ, въ которой онъ объяснялъ причины похода, предпринимаемаго имъ на Вѣну для возстановленія власти Габсбурговъ. Чтобы скрыть отъ собственныхъ глазъ свое тяжелое положеніе, заставлявшее ихъ сдѣлаться поборниками правительства, которое они всегда считали своимъ злѣйшимъ врагомъ, эти несчастныя племена въ продолженіе двухъ лѣтъ ласкали себя мечтами о равноправности народностей, которую Австрія съ радостію признала и утвердила за ними, зная, что эта была только фраза, которая не могла имѣть приложенія на дѣлѣ.

II.

Результаты для Австріи событій 1848—1849 гг. Равенство сословій предъ закономъ и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. — Заботы правительства о низшемъ народѣ. — Австрійскіе финансы.

Спасенная Славянами, своими подданными, и Россіею, Австрія измѣнила свои правительственныя начала. Вѣнское министерство отбросило древнее преданіе такъ называемаго «отеческаго» управленія,

которое Габсбургская династія дотолѣ признавала нравственною основою своего правительства. Оно отвергло и уничтожило всѣ историческія права и преимущества отдѣльныхъ областей, и за единственную опору приняло внѣшнюю силу, т. е., войско, полицію и административную централизацію, которая есть та же внѣшняя сила въ рукѣ, ею располагающей. Австрійское правительство воспользовалось, какъ своимъ достояніемъ, двумя единственными прочными результатами, которые конституціонныя попытки 1848 и 1849 годовъ успѣли выработать, т. е., равенствомъ сословій передъ закономъ и уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія. Оно осуществило на дѣлѣ эти двѣ мѣры, изготовленныя и объявленныя Вѣнскимъ и Кремзирскимъ сеймами, и получило черезъ это большое вліяніе на умы простаго народа въ Богеміи, Моравіи, Галиціи, Кроаціи, Штиріи, Славянскихъ краяхъ Венгріи и проч. Оно вездѣ выказывало особенную заботливость о низшемъ классѣ, стараясь всячески подавить и разорить дворянство, дорожившее остатками древняго областнаго самоуправленія, тогда какъ простой народъ былъ весьма равнодушенъ къ этимъ привилегіямъ, которыми никогда не пользовался.

Можетъ быть, Австрія въ то время могла бы обновиться дѣйствительно, пріобрѣсти дѣйствительную силу и крѣпость. Ей стоило только выполнить дѣло, которое она объявляла цѣлію своихъ усилій, т. е., трудиться дѣйствительно для блага земледѣльческихъ массъ, и въ особенности 16 милліоновъ Славянскихъ поселянъ, которые пролили за нее столько крови, и которыхъ она такъ хорошо умѣла защищать отъ ихъ прежнихъ помѣщиковъ. Нужно было только оказывать нѣкоторое вниманіе къ матеріальнымъ интересамъ, нѣкоторое уваженіе къ народнымъ и религіознымъ чувствамъ этихъ миролюбивыхъ массъ, которыя, при всей ненависти къ Нѣмецкой администраціи, были однако же, большею частію, искренно преданы особѣ государя,—и Габсбургская династія нашла бы въ нихъ неколебимую опору. Но судьба, какъ кажется, рѣшила иначе.

Бѣдственное состояніе финансовъ сдѣлало нужнымъ огромное приращеніе налоговъ, а честолюбивое желаніе играть тотчасъ важную роль въ Европейской политикѣ помѣшало Австрійскому правительству заняться поправленіемъ этихъ обстоятельствъ. Оно стало тратить огромныя суммы, чтобы имѣть всегда на готовѣ армію слишкомъ въ 500 тысячъ человѣкъ и чтобы поминутно приводить то одинъ корпусъ, то другой на военное положеніе. Кромѣ войска, административная централизація, которую вводили, полиція и корпусъ жандармовъ, которымъ дали огромное развитіе, были источникомъ непомѣрныхъ расходовъ, и, для покрытія ихъ, казна представляла только постоянный дефицитъ. Безпрерывно увеличивали подати. Такъ называемыя

коронныя области (Эрцгерцогство Австрійское, Иллирія, Богемія, Моравія, Галиція и т.д.) должны были платить въ 5 или въ 6 разъ больше, чѣмъ до 1848 г., а извѣстно, что эти страны были всегда обременены налогами. Въ провинціяхъ же, которыя прежде пользовались привилегіями (Венгрія, Кроація, Трансильванія и т. д.), налоги по меньшей мѣрѣ удесятерились. Австрійскому подданному, имѣющему поземельную собственность, пришлось отдавать казнѣ по крайней мѣрѣ треть своего дохода, не считая мѣстныхъ поборовъ и косвенныхъ податей. Это страшное бремя, которое дѣлается еще несноснѣе отъ безпрестанныхъ притѣсненій, было еще увеличено тягостью насильнаго займа, названнаго національнымъ.

III.

Ошибочное направленіе внутренней политики Австрійскаго правительства. — Неблагодарность его къ Славянскимъ народностямъ. — Онѣмечиваніе Кроаціи; неисполненіе обѣщаній относительно Сербіи. — Церковное дѣло въ Сербской воеводинѣ. — Патріархъ Раячичъ. — Епископъ Атанасковичъ и его сочиненіе о Православной церкви въ Австріи. — Уничтоженіе областныхъ правъ въ Славянскихъ земляхъ Австріи.

Какъ видно по всему, Австрійское правительство ни мало непозаботилось о томъ, чтобы упрочить бережливостью и снисканіемъ расположенія народностей власть, которую стеченіе обстоятельствъ ему возвратило. Оно думало только о томъ, какъ бы пользоваться этою властію для того, чтобы играть важную роль въ Европейской политикѣ и чтобы внутри приготовить себѣ въ будущемъ не живой союзъ народовъ, съ преданностію окружающихъ общій престолъ, но слѣпую массу равнодушныхъ людей, лишенныхъ чувства народности. Я не высказываю предположенія, а говорю о фактѣ, который господствуетъ надъ всею внутреннею политикою Австріи.

Читатель видѣлъ, что желанія и требованія Славянскихъ областей не были неумѣрены. Онѣ добровольно защитили правительство во время опасности, потому что чувствовали невозможность обойтись безъ Вѣнскаго средоточія, а въ замѣнъ требовали только нѣкотораго уваженія къ ихъ языку и историческимъ преданіямъ, только нѣкоторой автономіи въ ихъ внутренней администраціи, но никогда не помышляли, развѣ только въ какихъ нибудь пустыхъ газетныхъ возгласахъ, о томъ, чтобы препятствовать правительству въ общей политикѣ и во всемъ, что́ касается до правъ верховной власти. Вмѣсто того, чтобы уважить ихъ желанія, Австрійское правительство поставило себѣ открыто за цѣль подавить Славянскія народности, не принимая вовсе въ расчетъ обѣщаній, данныхъ въ 1848 и 1849 годахъ. Оно подчинило Австрійскую имперію такой же полной центра-

лизаціи, какъ та, которая въ самой Франціи возбуждаетъ столько жалобъ. Кроація, потерявшая 80,000 человѣкъ въ сотнѣ битвъ за Габсбургскую династію, получила въ награду уничтоженіе своихъ восьмивѣковыхъ привилегій, введеніе Нѣмецкаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы, и, наконецъ удесятеренные налоги. Сербы, оказавшіе правительству столь важную услугу въ 1848 г., были обмануты съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи. Они просили исполненія обѣщаній, данныхъ имъ въ старину императоромъ Леопольдомъ, когда онъ пригласилъ ихъ перейти изъ Турціи въ Венгрію и образовать тамъ милицію для защиты Австріи отъ мусульманъ; обѣщанія эти состояли въ дарованіи имъ особой администраціи подъ начальствомъ выбраннаго народомъ воеводы и въ признаніи свободы православнаго вѣроисповѣданія подъ управленіемъ патріарха, и эти старинныя, но никогда не осуществленныя на дѣлѣ права были за ними торжественно обезпечены императоромъ Францемъ Іосифомъ, при его восшествіи на престолъ. Дѣйствительно, учредили Сербскую воеводину и отдѣлили ее отъ Венгріи, но подчинили управленію Темешварскихъ властей, т. е., нѣмецкихъ чиновниковъ. Возстановили титулъ Сербскаго воеводы, но объявили его присвоеннымъ лицу императора. Оффиціально признали за Карловецкимъ архіепископомъ, высокопреосвящ. Іосифомъ Раячичемъ, титулъ патріарха, но поручили министерскимъ приказомъ Новосадскую епархію, заключающую въ себѣ чуть ли не три четверти всего края, подчиненнаго непосредственному вѣдѣнію патріарха, — его постоянному противнику, Будимскому (Офенскому) епископу Платону Атанасковичу, который состоялъ въ 1848 и 1849 г. подъ покровительствомъ Кошута [1]) и запечатлѣлъ свое примиреніе съ Австріею изданіемъ брошуры, почитаемой Сербами какимъ-то еретическимъ произведеніемъ: онъ старался доказать въ ней, что Православная церковь въ Австріи зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ исключительно отъ воли Цесаря и существуетъ только по его милости. Сербы просили, чтобы Мадьярскій языкъ былъ исключенъ изъ судилищъ и общественнаго преподаванія въ ихъ краѣ, гдѣ его ввели въ недавнее время; ихъ желаніе было исполнено, но на мѣсто Мадьярскаго языка былъ введенъ Нѣмецкій. Такимъ же точно образомъ поступали во всѣхъ другихъ Славянскихъ областяхъ. Ми-

[1]) Революціонное Мадьярское министерство, провозгласивъ въ 1848 г. патріарха Раячича измѣнникомъ отечеству, передало его званіе Будимскому епископу. Когда Австрійское правительство опредѣлило его епископомъ Новосадскимъ, патріархъ протестовалъ и не хотѣлъ признать его, потому что это избраніе было сдѣлано безъ его вѣдома, тогда какъ законъ даетъ ему совѣщательный голосъ при замѣщеніи Новосадской епископской каѳедры. Онъ долго упорствовалъ, но наконецъ (въ 1856 году) настоянія министерства принудили его уступить и помириться съ Атанасковичемъ.

нистерство кн. Меттерниха сдѣлало тамъ, правда, весьма неохотно, разныя уступки народной стихіи, и первою мѣрою, принятою въ 1848 году, было повсемѣстное введеніе народнаго языка въ общественныя училища и въ областное дѣлопроизводство. Все это мало-по-малу отмѣнили. Народный языкъ былъ оставленъ только въ элементарныхъ школахъ, и то, надобно сказать, главнымъ образомъ, какъ средство для обученія дѣтей начаткамъ Нѣмецкаго языка. Гимназіи и университеты стали опять чисто-нѣмецкими. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ даже тамъ, гдѣ не существовалъ до 1848 года, какъ напримѣръ, въ Краковскомъ университетѣ и въ гимназіяхъ сѣверной Венгріи, гдѣ прежде все преподавалось по-мадьярски и по-словацки. Въ Словацкомъ краѣ, гдѣ администрація производилась до 1848 года на Мадьярскомъ языкѣ, съ 1850 года оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ Нѣмецкій. Вотъ почему Мадьяры теперь такъ горько насмѣхаются надъ Сербами, Хорватами и Словаками, которые сражались противъ нихъ въ пользу Австрійскаго правительства. «Вамъ пожаловали, какъ благодѣяніе и въ награду за вашу преданность», говорятъ они Славянамъ, «тѣ же самыя милости, какія мы получили въ наказаніе за нашъ мятежный духъ»: т. е., уничтоженіе областныхъ правъ и преимуществъ и народной особности. Они могли бы сказать не то еще: ибо Австрія поступила съ бунтовавшими народами гораздо почтительнѣе, нежели съ тѣми, которые проливали за нее кровь; она еще признаетъ въ своей державѣ существованіе народностей Итальянской и Мадьярской. Итальянскій языкъ остался оффиціальнымъ языкомъ, языкъ Мадьярскій, хотя исключенный изъ дѣлопроизводства, все еще господствуетъ въ училищахъ, въ Пештскомъ университетѣ и тамошней академіи; а всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ предоставлено только жить въ семейномъ кругу, въ сельской школѣ и въ церкви [1]).

IV.

Гоненія на Чешскую литературу. — Ссылка Гавличка. — Удаленіе отъ политической дѣятельности Палацкаго.

Чтобы довершить это дѣло, начатое тотчасъ послѣ усмиренія Венгріи и продолжаемое съ тѣхъ поръ съ неутомимымъ постоянствомъ,

---

[1]) Это было писано въ 1858 году. Событія послѣдующихъ лѣтъ, такъ глубоко потрясшія Австрію и заставившія ея правительство отъ абсолютизма Баха кинуться въ централизующій конституціонализмъ г. Шмерлинга, а потомъ перескочить въ конституціонный дуализмъ г. Бейста,—нисколько не примѣнили однако самаго существа направленія этого правительства, именно его образа дѣйствій въ главномъ жизненномъ вопросѣ Австріи, въ дѣлѣ Славянскомъ. Въ этомъ отношеніи все сказанное въ настоящей статьѣ остается вполнѣ вѣрнымъ. Мало того: въ 1868 году политика Австріи еще враждебнѣе Славянамъ и еще беззастѣнчивѣе въ своей враждѣ, чѣмъ какъ мы ее изображали въ 1858 году. Народности нѣмецкая, мадьярская и третья

Австрійское правительство старалось подавить литературную дѣятельность, проявившуюся у Славянскихъ народовъ. Дѣятельность эта развилась всего болѣе въ Чехіи и оттуда, можно сказать, разливалась на прочія области; тутъ, слѣдовательно, было всего болѣе хлопотъ Австрійскому правительству, тутъ давленіе было самое сильное. Прежде всего удалили или заставили молчать всѣхъ предводителей умственнаго движенія между Чехами. Гавличекъ подвергся судебному преслѣдованію за нѣкоторыя статьи, враждебныя главенству папы и римской іерархіи; оправданный судомъ (ибо предметъ обвиненія былъ только предлогомъ), онъ все-таки отвезенъ былъ въ Тироль, въ крѣпость, откуда его выпустили только тогда, когда предсмертная болѣзнь сломила всѣ его силы. Такъ отстраненъ былъ (въ 1850 г.) самый дѣятельный, самый вліятельный и популярный представитель славянскихъ идей. Глава народнаго дѣла у Чеховъ, г. Палацкій, который во время опасности первый подалъ голосъ въ пользу Австріи, испыталъ такія притѣсненія и оскорбленія, что онъ удалился изъ общества и заперся въ своемъ кабинетѣ, съ своими историческими матеріалами. Другой вождь Славянства въ Чехіи, Юнгманъ, былъ уже похищенъ смертію. Иные Чешскіе писатели принуждены были взять казенныя мѣста, и для сохраненія ихъ должны были ограничиться, въ дѣлѣ литературномъ, простыми учеными изысканіями, которыхъ однако достаточно въ Славянскихъ областяхъ Австріи для того, чтобы заподозрить ихъ авторовъ въ глазахъ правительства. Если, въ молодомъ поколѣніи, кто нибудь изъ Славянъ выказываетъ талантъ и народныя чувства, то власти, при окончаніи имъ учебнаго курса, спѣшатъ предложить ему казенную должность—предложеніе, которое ему трудно отвергнуть, потому что литературныя занятія не могутъ дать ему средствъ къ существованію, а славянское дѣло не располагаетъ въ Австріи деньгами и покровительствомъ аристократіи, поддерживающими тамъ литературу Мадьярскую и Итальянскую. Какъ только онъ вступилъ въ ряды бюрократіи или учительскаго сословія, молодой Славянинъ, который далъ себя замѣтить тѣмъ, что̀ обозначается въ слогѣ Австрійской полиціи подъ именемъ *тенденцій* (Tendenzen), посылается на службу куда нибудь въ Трансильванію, Ломбардію или Тироль, а мѣста въ канцеляріяхъ и гимназіяхъ Славянскихъ областей поручаются преимущественно Нѣмцамъ или Итальянцамъ. Ктому же нашли вѣрный способъ для того, чтобы отнять у молодаго учителя гимназіи всякую возможность и охоту заниматься

и гальянская (въ Далмаціи, Истріи и Словенскомъ Приморьѣ) признаются господствующими въ Австріи; Славянскія же народности должны быть нетолько принимаемы, но и окончательно *прижаты къ стѣнѣ,* какъ выразился первенствующій нынѣ министръ Австріи.

литературой: улучшивъ положеніе преподавателей прибавкою жалованья, съ тѣмъ вмѣстѣ до такой степени обременили ихъ оффиціальною работою, увеличеннымъ числомъ лекцій и всякаго рода комитетами, совѣтами и отчетами, что, со времени этого преобразованія, у нихъ остается только время, необходимое для физическаго отдыха.

V.

Оффиціальныя газеты въ Славянскихъ земляхъ. — Цензура и денежные залоги. — Упадокъ литературы. — Книжная торговля. — Чешскій театръ. — Угрозы жандармовъ поселянамъ за покупку Славянскихъ книгъ.

Одна изъ важныхъ мѣръ, принятыхъ Австрійскимъ правительствомъ и исполненныхъ такъ ловко, что она осталась почти незамѣченною, состояла въ томъ, чтобы взять въ свои руки всѣ политическія газеты въ Чехіи и другихъ Славянскихъ областяхъ. Министерство князя Меттерниха мало-по-малу дозволило разнымъ славянскимъ племенамъ имѣть періодическія изданія на своихъ нарѣчіяхъ; изданія эти подвергались строгой цензурѣ, но все-таки не принадлежали правительству. Событія 1848 года умножили число славянскихъ газетъ до безконечности. Народъ такъ привыкъ къ этому чтенію, что совершенно лишить его газетъ показалось невозможнымъ. Австрія оставила ему это чтеніе, но сдѣлала изъ него свою монополію. Чехія, Моравія, Словацкая земля, Кроація имѣютъ теперь только по одной газетѣ на родномъ языкѣ, именно, газету оффиціальную. Прочіе политическіе органы славянскіе были тамъ, одинъ за другимъ, куплены или запрещены правительствомъ, если не прекратились сами собою, въ слѣдъ за введеніемъ залога (Caution). Только двѣ неоффиціальныя Славянскія газеты удержались во всемъ пространствѣ Австрійской имперіи: одна Польская въ Краковѣ, другая Сербская въ Новомъ Садѣ. Всѣ остальные политическіе органы славянскіе принадлежатъ правительству[1]). Неполитическія повременныя изданія также почти исчезли въ Славянскихъ земляхъ. Журналъ значительнаго объема не можетъ существовать у Австрійскихъ Славянъ, отъ того что онъ требуетъ большаго капитала; поэтому журналы замѣнялись тамъ маленькими сборниками или альманахами, издаваемыми безсрочно. Ихъ выходило множество между 1830 и 1850 годами, теперь они появляются весьма рѣдко. Даже литературныя газеты, которыя выходятъ сотнями по-нѣмецки, и которыя не подчинены такому строгому надзору, какъ политическія изданія, съ трудомъ держатся у Славянъ:

[1]) Послѣ политическаго погрома 1859 г. возникли вновь независимые политическіе органы славянскіе, и въ настоящее время каждое изъ Славянскихъ племенъ Австріи (за исключеніемъ только Словенцевъ) имѣетъ одинъ такой органъ, Чехи же и Сербы даже нѣсколько.

до того дошелъ у нихъ упадокъ литературы. Изо всѣхъ прежнихъ газетъ такого рода, остается теперь только одна въ Прагѣ, другая въ Люблянѣ, третья въ Загребѣ, четвертая во Львовѣ [1]).

Нужно вдаться въ самыя мелочныя подробности, чтобы показать, до какой степени простирается преслѣдованіе Славянскихъ литературъ въ Австріи. Если книгопродавецъ въ Прагѣ предпринимаетъ изданіе библіотеки избранныхъ романовъ въ переводѣ на Чешскій языкъ, то запретить ему это невозможно (особенно въ странѣ, гдѣ, какъ въ Австріи, законъ признаетъ свободу книгопечатанія); но ему откажутъ въ правѣ разноса (colportage) этихъ книгъ, тогда какъ тысячи подобныхъ изданій на Нѣмецкомъ языкѣ разносятся по всѣмъ деревнямъ въ Чехіи; такимъ образомъ издатель-Чехъ лишенъ главнаго сбыта, на который онъ преимущественно расчитывалъ. Если Чешская публика находитъ несправедливымъ, что ей позволяютъ пользоваться Пражскимъ театромъ только въ такой неудобный часъ, въ который представленія на Чешскомъ языкѣ могутъ быть даваемы лишь по праздничнымъ днямъ, ибо въ будни никто въ этотъ часъ не бываетъ свободенъ; если Чешская публика, повторяемъ, будетъ просить разрѣшенія собрать подписку для сооруженія особаго Чешскаго театра, то, разумѣется, нельзя же будетъ не допустить столь невиннаго дѣла: правительство, конечно, разрѣшитъ подписку, но не дозволитъ учрежденія особой для нея кассы; оно потребуетъ, чтобы деньги вручались подписчиками мѣстной полиціи, для препровожденія въ театральную дирекцію путемъ административнымъ. Разумѣется, всякая охота къ дѣлу, всякое довѣріе исчезаетъ, и Чешское драматическое искусство остается по прежнему заброшеннымъ, не по причинѣ бѣдности репертуара или слабости актеровъ [2]), не по причинѣ равнодушія публики, а просто по матеріальному недостатку въ помѣщеніи. Еще черта: когда случится жандарму или полицейскому офицеру зайти въ избу какого нибудь поселянина, и ему попадется подъ руку славянская книга, то онъ не преминетъ замѣтить хозяину, что такая книга вещь опасная, и что онъ совѣтуетъ ему по дружбѣ не держать такихъ книгъ въ теперешнее время: «Богъ знаетъ», скажетъ онъ ему, «что тамъ написано и что можетъ случиться!» Не разъ бывали примѣры, особенно въ Чехіи, гдѣ поселяне весьма охот-

[1]) Въ настоящее время ихъ стало гораздо больше.

[2]) Напротивъ, драматическая литература, сравнительно, весьма богата и развита у Чеховъ, а актеры, въ общей сложности, недурны. Публика не только не равнодушна, но такъ интересуется Чешскими представленіями, что театръ бываетъ всякій разъ полонъ, когда играютъ по-чешски, тогда какъ по-нѣмецки приходится актерамъ весьма часто играть передъ пустыми скамьями. Съ 1862 года устроенъ особый временный театръ для чешскихъ представленій; до того времени по-чешски играли только по воскресеньямъ и праздникамъ отъ 3 до 6 часовъ, по-нѣмецки каждый вечеръ

но покупаютъ книги, что бѣдный поселянинъ, застращенный такими дружескими предостереженіями, бросалъ въ печь всю свою славянскую библіотеку, хотя бы она состояла изъ однихъ молитвенниковъ и хозяйственныхъ календарей.

VI.

Печальное положеніе Славянскаго дѣла въ 1849—1858 гг., бѣдность Чешской литературы этого времени, ея направленіе. — Стѣсненное положеніе «Чешской Матицы». — Отношенія разныхъ сословій въ Чехіи къ идеѣ народности.

Глубокое усыпленіе овладѣло всѣми этими племенами, которыя начинали выказывать столь замѣчательную умственную дѣятельность; и это не удивительно. Видѣть самыя дорогія свои надежды, съ которыми сражались, и за которыя страдали, подвергались разоренію и шли на смерть, видѣть ихъ обманутыми съ безпримѣрною въ исторіи безсовѣстностію,—этого было, я думаю, достаточно, чтобы привести въ уныніе людей, посвятившихъ себя народному дѣлу. Прибавьте къ этому, что главнѣйшіе славянскіе дѣятели умерли или замолкли, что славянскій языкъ почти вовсе исключенъ изъ преподаванія, что уже существующія славянскія литературныя общества подчинены полицейскому надзору, и что образованіе новыхъ не допускалось; что всякій, кто остается вѣрнымъ своей любви къ народности, подвергается нескончаемымъ прижимкамъ—и вы поймете, почему разныя славянскія литературы, такъ недавно возникшія въ Австріи, едва въ состояніи прозябать и готовы угаснуть [1]).

Лучше всѣхъ еще держится литература Чешская. Но что̀ произвела она съ 1850 года? Нѣсколько пустыхъ книгъ, порожденныхъ спекуляціею, и нѣсколько спеціально-ученыхъ трудовъ,—вотъ и все. Но политическія обстоятельства имѣли вліяніе и на область науки; нѣкоторые Чешскіе ученые уже покинули родной языкъ и стали писать опять по-нѣмецки, какъ это дѣлалось въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Если захотимъ отыскать какое нибудь общее направленіе въ этой обѣднѣлой и забитой въ колодки литературѣ, то мы замѣтимъ преимущественно стараніе обнаружить тѣ остатки древняго славянскаго быта, какіе еще хранятся въ Чешскихъ селахъ, и распространить между Чехами знакомство съ другими славянскими нарѣчіями, въ особенности съ Церковно-Славянскимъ и Русскимъ. Общество Поощренія Народной Словесности (Чешская Матица) продолжаетъ свои по-

---

[1]) Послѣ изображаемаго здѣсь литературнаго и общественнаго усыпленія у Австрійскихъ Славянъ, продолжавшагося съ 1849 по 1859 годъ, наступила эпоха новой дѣятельности, все болѣе и болѣе усиливающейся и понынѣ.

лезные труды. Правительство заставило его принимать полицейскаго коммиссара во всѣ засѣданія совѣта, завѣдывающаго его дѣлами; оно заставило удалить изъ этого совѣта настоящаго основателя и устроителя «Матицы», исторіографа Чехіи, г. Палацкаго; оно разорило общество, взявъ изъ его капитала 30,000 гульденовъ, по поводу народнаго займа; но тѣмъ не менѣе «Матица» остается средоточіемъ народной дѣятельности у Чеховъ.

Стихіи, участвующія въ этой дѣятельности, значительно измѣнились съ 1849 года. Дворянство, которое прежде выказывало большое сочувствіе къ идеямъ народности, съ этого времени совершенно ихъ отбросило. Оно въ одиночествѣ дуется на всѣхъ и на все; оно сердится на Славянскую партію, обвиняя ее въ томъ, что она была, на Вѣнскомъ и Кромѣржижскомъ (Кремзирскомъ) сеймахъ первою зачинщицею освобожденія крѣпостныхъ, совершившагося въ Австріи на невыгодныхъ для дворянства условіяхъ; съ другой стороны, оно дѣлаетъ оппозицію и правительству, которое лишило его прежнихъ привилегій и усердно его разоряетъ. Духовенство, по большей части, также удалилось отъ идей народности, которыхъ прежде не чуждалось, и перешло, дѣйствительно или притворно, на сторону правительства. Бо̀льшая часть мѣщанства, т. е., мѣщане-Нѣмцы, не щадятъ теперь выраженій презрѣнія и ненависти къ Славянству, съ тѣхъ поръ какъ не стало повода дорожить хорошими отношеніями съ Славянами, и какъ тевтонизмъ поступилъ подъ покровительство властей. Говорятъ, что Жиды сдѣлались самыми фанатическими проповѣдниками германизма. Женская половина Чешскаго общества, которая съ 1840 года становилась все болѣе и болѣе патріотическою, славянскою, повернулась съ вѣтромъ, и теперь говоритъ только понѣмецки. За славянскую народность, въ настоящее время, стоятъ только, кромѣ простаго народа, немногіе литераторы и бо̀льшая часть сельскихъ учителей.

VII.

Положеніе Моравской литературы. — Подавленіе Словацкой литературы. — Трагическая судьба Штура; — гоненіе прочихъ Словацкихъ писателей. — Давленіе правительства надъ литературами Хорватскою, Словенскою и Сербскою.

Въ Моравіи, въ 1848 и 1849 г., обозначилась нѣкоторая дѣятельность въ духѣ Славянства. Тамъ стали издавать нѣсколько газетъ и основали литературное общество, Моравскую Матицу, по образцу Чешской. Эти начатки были подавлены правительственнымъ гнетомъ и недоброжелательствомъ духовенства, которое, какъ я сказалъ, хотѣло пріобрѣсти въ Моравіи монополію славянской письменности. Молодые свѣтскіе писатели должны были покинуть литературу для занятій

бюрократическихъ или другихъ, также прибыльныхъ. Дѣятельность Брненской (Брюнской) Матицы ограничилась ежегоднымъ изданіемъ календаря. Другое общество основалось въ этомъ городѣ въ 1850 г. Основало его католическое духовенство, подъ названіемъ «Наслѣдія Св. Кирилла и Меѳодія». Оно пользовалось опорою правительства и въ особенности римской пропаганды, и въ скоромъ времени распространилось весьма значительно. Число членовъ его огромное; нѣтъ деревни въ Моравіи, гдѣ бы это общество не считало одного или нѣсколькихъ членовъ: до такой степени приходскіе священники умѣли популяризовать его. Взносы членовъ образуютъ капиталъ, употребляемый на изданіе духовныхъ книгъ на Моравскомъ (т. е. Чешскомъ) [1]) нарѣчіи. Духовенство съ особеннымъ усердіемъ разработываетъ въ этихъ изданіяхъ жизнь и легенду Славянскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія. Не нужно прибавлять, что оно не щадитъ исторической истины, дабы представлять Моравскому поселянину съ исключительно римской точки зрѣнія дѣятельность этихъ великихъ людей, которыхъ память онъ чтитъ и которыхъ призываетъ въ молитвахъ, какъ заступниковъ своего края.

Между тѣмъ какъ Моравская литература сдѣлалась клерикальною монополіею, литература Словацкая вовсе прекратилась; это случилось еще проще. Коларъ и Голы, лучшіе Словацкіе поэты, скончались въ 1848 и 1849 г. Главнѣйшій двигатель Славянства въ сѣверной Венгріи, Штуръ, во время Мадьярской революціи, принужденъ былъ бѣжать въ Прагу. Тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ клубѣ «Славянская Липа», — уничтожить имя Австріи и замѣнить его именемъ «Дунайскаго Союза». При всемъ томъ онъ участвовалъ въ Словацкомъ легіонѣ, вооружившемся въ пользу Австрійскаго правительства, и издавалъ въ 1849 и 1850 г. газету, которая имѣла большой успѣхъ, и въ которой онъ защищалъ начала религіи и общественнаго порядка противъ революціонныхъ ученій. Всѣми любимый и уважаемый, онъ былъ представленъ правительству, какъ кандидатъ на должность начальника Нитрпнскаго комитата. Но министерство не только не утвердило его, а объявило неспособнымъ къ занятію какой бы то ни было общественной должности. Онъ былъ принужденъ прекратить изданіе своей газеты и удалился въ деревню, преслѣдуемый заимодавцами, притѣсняемый полиціею и мучимый отчаяньемъ — не имѣть возможности снискивать себѣ насущный хлѣбъ. Этотъ человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ талантовъ и благороднѣйшихъ характеровъ между Австрійскими Славянами, подъ конецъ своей жизни долженъ былъ давать за нѣсколько крейцеровъ

[1]) Это одно и то же.

уроки деревенскимъ мальчишкамъ. Онъ влачилъ свою страдальческую жизнь до 1855 года. Его сотрудники, Гурбанъ, Годжа, Сладковичъ и др., отказались отъ литературы. Гурбанъ продолжалъ еще нѣсколько времени изданіе листка для образованія простаго народа; правительство арестовало его подъ ничтожнымъ предлогомъ; выпущенный изъ заключенія, онъ принужденъ былъ бросить литературу и удалился въ деревню, чтобы хозяйничать и поправить свои дѣла. Другіе Словацкіе писатели послѣдовали его примѣру. Нѣкоторые изъ нихъ попытались было основать литературное общество въ Быстрицѣ (Neusohl), но правительство этого не дозволило. Съ тѣхъ поръ не было и признака жизни въ Словацкой литературѣ. Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы труды Штура и его школы остались совершенно безплодными; кажется, напротивъ, что народное чувство, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, сильно пробудилось у Словаковъ, его замѣчаютъ особенно между Словаками-протестантами, и это чувство, овладѣвъ народомъ бодрымъ, юнымъ и чистымъ, каковы Словаки, ждетъ, можетъ быть, только благопріятныхъ условій, чтобы получить важное значеніе.

Было бы слишкомъ утомительно разсказывать всѣ подробности этого подавленія Славянскихъ умовъ во всѣхъ другихъ областяхъ Австріи. Скажу вообще, что то же самое повторилось у Словенцевъ, у Хорватовъ и у Австрійскихъ Сербовъ. Свѣтская литература Словенцевъ, довольно значительно обогатившаяся въ 1848, 1849 и 1850 годахъ, съ тѣхъ поръ почти заглохла и уступила мѣсто клерикальной литературѣ, въ родѣ Моравской. У Хорватовъ бо́льшая часть писателей также принуждены были бросить литературу, такъ что теперь едва три или четыре имени представляютъ Славянскую дѣятельность въ Загребѣ. Дѣятельность, начинавшая развиваться между Австрійскими Сербами и имѣвшая средоточіемъ Новый Садъ (Neusatz), была прервана войною съ Мадьярами, которые разрушили этотъ городъ въ 1848 году. Съ тѣхъ поръ Австрійское правительство постоянно старалось, чтобы она не возобновилась. Оно пре́градило всякое литературное сношеніе этого края съ Сербскимъ Княжествомъ, запретивъ ввозъ въ свои владѣнія Сербскихъ книгъ, издаваемыхъ въ Бѣлградѣ. Оно не позволяло возстановить въ Новомъ Садѣ Сербское «читалище» [1]), существовавшее тамъ до 1848 г. Оно не хотѣло допустить, чтобы туда перенесено было мѣстопребываніе «Сербской Матицы», основанной въ Пештѣ и владѣющей значительнымъ капиталомъ, но остающейся почти совершенно безплодною въ чужомъ городѣ. Впрочемъ, уже одно разореніе этого края, страшно

[1]) Общественная библіотека.

пострадавшаго въ войну съ Мадьярами, было достаточною причиною упадка въ немъ умственной дѣятельности.

Такимъ образомъ во всей Австріи подавлено было развитіе славянскихъ народностей, съ тѣхъ поръ какъ усмиреніе Славянами Венгріи, въ 1849 году, возвратило Вѣнскому правительству свободу дѣйствія.

VIII.

Политическая система Австріи относительно ея Славянскихъ подданныхъ. — Австрія какъ государство не представляющее народъ, а лишь совокупность подданныхъ. Происхожденіе Австріи. — Чувства внушаемыя всѣмъ народамъ существованіемъ Австріи. — Положеніе нѣмецкой народности въ Австріи. — Типичныя черты Австрійскаго нѣмца. — Что такое «Австрійскій народъ», «Австрійскій патріотизмъ» и «великое Австрійское отечество?»

Казалось бы труднымъ понять побужденія, заставляющія правительство уничтожать умственную дѣятельность подданныхъ ему Славянъ, на которыхъ ему нечего было жаловаться во время опасности. Конечно, не опасеніе революціоннаго духа было причиною такой политики, потому что революціонный духъ, какъ доказали событія, гораздо труднѣе овладѣваетъ Славянскими народами, крѣпкими своимъ бытомъ, нежели космополитскимъ мѣщанствомъ, которое Австрія такъ усердно старается расплодить въ своей имперіи. Нѣтъ, совсѣмъ другія пружины двигаютъ Австріею въ этомъ дѣлѣ, гдѣ она, по видимому, поставила себѣ задачею оскорбить народонаселеніе въ 17 милліоновъ душъ въ ихъ завѣтныхъ чувствахъ и интересахъ.

Пружины эти таятся въ самомъ жизненномъ началѣ, на которомъ основывается существованіе Австріи. Австрія не есть народъ, она есть только государство. Всѣ другія европейскія государства: Франція, Англія, Россія, Пруссія, Швеція, Голландія и т. д., представляютъ собою каждое народъ, занимающій свое мѣсто въ человѣческой семьѣ, какъ живой, самобытный организмъ, который получилъ, въ теченіе вѣковъ, ту или другую государственую форму. Иногда народъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько государствъ; иногда одинъ какой нибудь сильный народъ можетъ подчинить своей власти другой народъ, слабѣйшій и почему либо неспособный къ независимости; но вездѣ одинъ народъ служитъ основою государству, которое есть лишь его политическое проявленіе. Одна во всей Европѣ, Австрія есть просто государство, не представляющее въ себѣ народа, а только совокупность подданныхъ. Съ самаго начала Австрія не была народомъ, а военною колоніею, основанною на оконечности Германіи, какъ оплотъ имперіи со стороны востока. Начальники этой колоніи вскорѣ пріобрѣли нѣсколько Славянскихъ областей: Каринтію,

Штирію, Крайну и т. д. Нигдѣ отвлеченная идея государства, переданная императорскимъ Римомъ новой Европѣ, не могла найти такой удобной почвы, какъ въ этомъ владѣніи, составленномъ изъ военныхъ колоній Нѣмецкихъ и покоренныхъ мелкихъ племенъ Славянскихъ. Сильная этимъ отвлеченнымъ принципомъ, котораго не ограничивала никакая народная стихія, Австрія притянула къ себѣ сосѣднія страны, растерзанныя народною враждою и внутренними междоусобіями. Если слабая Нѣмецкая область, неспособная къ завоеваніямъ и послѣдняя изъ всѣхъ въ умственной дѣятельности, могла распространить свою власть на огромные края Славянскіе, Мадьярскіе и Румынскіе, то это было именно потому, что народы эти хотѣли подчиниться въ ней не особой народности, а только отвлеченно-построенному правительству. Мы не намѣрены говорить о томъ, какъ безнравственно такое явленіе, что государство, лишенное всякой органической стихіи, завладѣваетъ нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и, чтобы сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отнимаетъ у нихъ всякую свободу развитія. Мы не намѣрены говорить о томъ, что, вѣроятно, чувство этой безнравственности порождаетъ то естественное и, можно сказать, инстинктивное отвращеніе къ Австріи, которое ощущается почти всѣми. Но намъ необходимо было выставить политическое начало, на которомъ зиждется существованіе Австріи, чтобы показать, что вслѣдствіе этого-то существеннаго начала, она не можетъ, хотя бы благоразуміе, по видимому, того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ дѣятельность какой бы то ни было народности. Она, повторяемъ, не можетъ допустить этого, безъ самоотреченія, ибо Австрія есть государство, существующее только въ силу отрицанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ [1]). Читатель видѣлъ, что она сдѣлала для того, чтобы убить народную жизнь въ Славянскихъ областяхъ, только что спасшихъ ее отъ гибели. Предоставляю Итальянцамъ, Мадьярамъ, Румынамъ разсказать о томъ, какъ она поступала съ ними, чтобы достигнуть той же цѣли.

Подумаютъ, можетъ быть, что мы противорѣчимъ себѣ, когда говоримъ объ усиліяхъ Австріи къ онѣмеченію Славянъ. Подумаютъ, можетъ быть, что если она есть государство существенно враждебное всякой народности, то ей народность Нѣмецкая должна быть столько же противною, какъ всякая другая. Но въ Австріи Нѣмецкая народность имѣетъ совершенно особый характеръ. Вовсе не похожій

---

[1]) Этотъ отзывъ подтверждается тѣмъ, что мы видимъ теперь въ Австріи. Послѣ разгрома 1866 г. она рѣшилась помириться съ *одною* изъ подвластныхъ ей народностей и допустила свободное развитіе племени Мадьярскаго: это одно уже заставило Австрію отречься отъ всѣхъ вѣковыхъ своихъ государственныхъ основъ.

на своихъ Сѣверныхъ и Западныхъ братій, Австрійскій Нѣмецъ отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности, грубѣйшимъ матеріализмомъ. Нѣмецкая народность должна была непремѣнно утратить свою органическую силу, свою духовную жизнь на такой почвѣ, гдѣ она не развивалась самобытно, а взрощена была искусственными политическими вліяніями. Такимъ образомъ характеръ Австрійскихъ Нѣмцевъ сдѣлался совершенно сообразнымъ съ духомъ Вѣнскаго правительства, и это правительство, не смотря на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ въ кризисъ 1848 года отъ Нѣмецкаго народонаселенія, которое увлеклось чужими вліяніями, тотчасъ же возобновило свой союзъ съ нимъ и опять стало смотрѣть на него, какъ на исключительный предметъ своихъ интересовъ. Вѣнское правительство видитъ въ каждомъ Славянинѣ, въ каждомъ Мадьярѣ, въ каждомъ Итальянцѣ, естественнаго врага, а потому старается передѣлать его въ Нѣмца. Оно знаетъ, что каждый человѣкъ, который отречется отъ своего происхожденія, чтобы вступить въ ряды господствующаго племени, не будетъ имѣть никакого дѣйствительнаго чувства народности, и что въ его душѣ останется, въ отношеніи къ прежней братьѣ, та ненависть, какую ощущаетъ всякій ренегатъ къ покинутому имъ обществу; оно знаетъ, что эта ненависть поставитъ его въ ряды правительства противъ угнетаемыхъ народностей. Германизаціею своихъ подданныхъ Австрія достигаетъ двоякой цѣли: она втягиваетъ множество умовъ въ сферу безнародности и сѣетъ раздоръ въ областяхъ. Чтобы обмануть публику и скрыть подъ громкими словами свою политику германизаціи, она выдумала въ 1850 г. великолѣпныя выраженія: «Австрійскій народъ» и «Австрійскій патріотизмъ». Нашъ вѣкъ не видалъ болѣе безстыдной лжи, какъ эта фраза объ «Австрійскомъ народѣ» въ странѣ, составленной изъ десяти разныхъ племенъ, и объ «Австрійскомъ патріотизмѣ» въ государствѣ, гдѣ извѣстенъ только областной и народный патріотизмъ. Не удивительно, что выраженія эти были предметомъ всеобщаго хохота, когда впервые появились въ Вѣнскихъ газетахъ; но скоро бюрократія и часть Нѣмецкаго мѣщанства стали вѣрить имъ не на шутку.

Я надѣюсь, что объяснилъ причины, побудившія Австрію заглушать всѣми возможными средствами духовную жизнь своихъ подданныхъ-Славянъ, въ то именно время, какъ обстоятельства представляли ей, по видимому, самый удобный случай скрѣпить благонамѣренною политикою узы, привязавшія ихъ къ возобновленному престолу императора Франца-Іосифа. Конечно, Австрія не полагаетъ возможнымъ превратить семнадцать милліоновъ Славянъ въ Нѣмцевъ. Но она хочетъ, чтобы всякій, кто, между этими 17 милліонами Славянъ, возвысится надъ слѣпою массою простонародья и вступитъ въ

такъ называемый «интеллигентный» или «мыслящій» классъ (die Intelligenz), принадлежалъ тѣмъ самымъ къ Нѣмецкой народности и къ правительственнымъ идеямъ, чтобы онъ былъ членомъ «единой и католической Австріи» (einheitliches und katholisches Oesterreich), какъ гласитъ оффиціальная фраза. Пусть стадо семнадцати милліоновъ поселянъ продолжаетъ говорить на славянскомъ языкѣ, разныя нарѣчія котораго будутъ въ Австріи не болѣе, какъ деревенскими patois! Пусть оно продолжаетъ, если ему угодно, пѣть свои старинныя пѣсни и соблюдать обычаи своихъ предковъ! Какая въ томъ бѣда, лишь бы только люди, которые его учатъ и направляютъ, думали и говорили въ духѣ правительства? Эта мысль приковать къ себѣ навсегда Славянскія области, сдѣлавъ въ нихъ весь образованный и промышленный классъ участникомъ того, что̀ называется «великимъ Австрійскимъ и Нѣмецкимъ отечествомъ», была неоднократно выражаема газетами, служащими органомъ Вѣнскому министерству. Общее мнѣніе Славянъ приписываетъ сознательное развитіе и примѣненіе этой мысли главнымъ образомъ г. Баху, который, по ихъ сужденію, положилъ этотъ планъ въ основу всей внутренней политикѣ Австріи. Какъ бы то ни было, это стремленіе видно во всемъ образѣ дѣйствія Австріи относительно ея славянскихъ подданныхъ. Она покинула систему императора Іосифа II, заставлявшаго деревенскихъ дѣтей, не слыхавшихъ никогда слова по-нѣмецки, учить наизусть Нѣмецкія фразы и правила Нѣмецкой грамматики. Обученіе на Славянскомъ языкѣ оставлено элементарнымъ школамъ; но какъ скоро мальчикъ выйдетъ изъ сельскаго или приходскаго училища и захочетъ пріобрѣсти знанія, необходимыя для всякаго, кто не ограничивается состояніемъ земледѣльца или мастероваго, то все будетъ преподаваться ему уже по-нѣмецки, по-нѣмецки онъ постоянно будетъ говорить и писать, и Нѣмецкій языкъ сдѣлается ему скоро привычнѣе роднаго. Когда онъ кончитъ, послѣ 8-лѣтняго курса, гимназическое ученіе, то ему ужъ нужно будетъ употреблять усиліе народнаго патріотизма, чтобы говорить по-славянски въ своей частной жизни. Такимъ образомъ Австрія надѣется, съ помощью общественнаго обученія, вовлечь весь образованный классъ общества въ кругъ Нѣмецкой народности и Нѣмецкихъ идей. Бывшій Чешскій публицистъ и Славянскій патріотъ, графъ Левъ Тунъ, человѣкъ честолюбивый и безъ состоянія, былъ избранъ въ исполнители этого плана, подъ высшимъ руководствомъ г. Баха.

Стало быть, Австрія разсчитывала преимущественно на молодое поколѣніе, поступавшее въ училища послѣ 1850 года. Что же касается до старшаго поколѣнія, то на него дѣйствуютъ разными средствами, исчисленіе коихъ было бы излишнимъ, какъ-то: приманкою выгодъ и

мѣстъ, шпіонствомъ, внушеніями и угрозами полиціи, газетными статьями и т. д. Нѣмецкій языкъ есть языкъ оффиціальный и покровительствуемый: одного этого достаточно, чтобы дать ему страшный перевѣсъ и наложить его на всѣ образованныя сословія. Дѣла дошли уже до того, что по-славянски въ послѣдніе годы почти перестали говорить въ публикѣ и обществѣ [1]). Пусть Чехъ, пусть Словакъ, пусть Хорватъ или Австрійскій Сербъ, изъ людей «порядочныхъ», употребляетъ теперь въ публикѣ свою родную рѣчь: тѣмъ самымъ онъ будетъ признанъ за человѣка, дѣлающаго оппозицію правительству, а число людей, готовыхъ рисковать этимъ, не велико. Такой человѣкъ будетъ немедленно провозглашенъ панславистомъ и приверженцемъ Россіи (ein russischgesinnter Mensch), а этого титула достаточно въ Австріи, чтобы подвергнуть того, кто его носитъ, всякаго рода непріятностямъ; онъ дурно отмѣчается въ книгахъ полиціи и, если занимаетъ казенную должность, то получаетъ разные выговоры и находится всегда въ опасности лишиться своего мѣста и остаться безъ куска хлѣба.

IX.

Религіозная система Австрійскаго правительства. — Отношенія западныхъ Славянъ къ Папѣ. — Исключительное положеніе Польши. — Конкордатъ Вѣнскаго правительства съ Римомъ. — Отношенія духовенства въ Славянскихъ земляхъ къ дѣлу народности. — Общій выводъ объ отношеніяхъ Австріи къ Славянскому дѣлу.

Религіозная система Австріи дополняетъ ея политическую систему. Славянскія племена, какъ было не разъ справедливо замѣчено, отличаются своимъ религіознымъ духомъ. Ихъ религіозныя стремленія дѣлаютъ ихъ, вообще, мало склонными къ духовному правленію Рима, и, между всѣми Славянами, одна только Польша, можно сказать, дѣйствительно предана ультрамонтанизму; но мы знаемъ, что Польша приняла, во всѣхъ отношеніяхъ, особое направленіе, весьма далекое отъ направленія другихъ Славянъ. Моравцы, Словенцы и Хорваты находятся, правда, также подъ сильнымъ вліяніемъ римскаго клира, но народная партія, даже въ этихъ, строго католическихъ, земляхъ, весьма склонна къ духовной свободѣ [2]). Но эти племена составляютъ лишь довольно слабое меньшинство между Австрійскими Славянами. Большинство Австрійскихъ Славянъ суть явные или тайные противн-

---

[1]) Такъ было въ 1857—1858 годахъ. Послѣ пораженія, постигшаго Австрію при Маджентѣ и Сольферино, наступилъ, какъ замѣчено выше, поворотъ къ лучшему. Еще лучше стало послѣ Кенигреца.

[2]) У Словенцевъ осталось еще нѣсколько протестантской закваски: извѣстно, что протестантизмъ сильно распространился у нихъ въ исходѣ XVI вѣка.

ники Папскаго самовластія. Чехи не забыли преданій своей исторіи, которая вся заключается въ безконечной борьбѣ свободы совѣсти противъ господства Рима; они не забыли Гуситскихъ войнъ, самой блестящей страницы ихъ лѣтописей. Часть Словаковъ протестанты; Сербы принадлежатъ къ Восточной церкви; Русскіе Галичане также считаютъ себя еще ея членами, хотя были увлечены въ Унію. У всѣхъ этихъ Славянъ — диссидентовъ или *акатоликовъ*, какъ выражаются въ Австріи, религіозное чувство неразрывно связано съ чувствомъ народности, тогда какъ католицизмъ, который принялъ тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, плачевный характеръ государственнаго учрежденія, служитъ къ подавленію Славянской народности, даже когда ей, по видимому, покровительствуетъ. Это въ особенности замѣтно при сравненіи Словаковъ-протестантовъ съ ихъ братьею католиками, и православныхъ Сербовъ съ ихъ соплеменниками въ Славоніи, въ Далмаціи, подвластными Риму. Славяне считали церковныя учрежденія Рима столь противными духу своей народности, что довольно значительная партія между Чешскими патріотами была готова, во время броженія 1848 года, отречься отъ католической церкви. Для Австріи, напротивъ, католицизмъ, доведенный до крайнихъ своихъ теорій, служитъ самой вѣрною опорою и лучшимъ оплотомъ противъ развитія Славянскихъ народностей. Вотъ, конечно, одна изъ существенныхъ причинъ, породившихъ инквизиціонную политику, которой Австрія стала слѣдовать съ 1850 г., и которая выразилась въ конкордатѣ съ Римомъ, въ уничтоженіи церковныхъ законовъ императора Іосифа II, въ неограниченной власти, данной католическому духовенству въ дѣлѣ воспитанія и, наконецъ, въ призваніи Іезуитовъ. Епископы воспользовались произволомъ, который конкордатъ имъ предоставилъ надъ священниками, чтобы покарать всякаго изъ нихъ, кто подозрѣвался въ религіозномъ либерализмѣ. Въ тѣхъ славянскихъ областяхъ, гдѣ римскій клиръ сохранилъ еще власть надъ умами, онъ принялъ, особенно съ 1848 года, роль покровителя народности, но только для того, чтобы пользоваться ею, какъ орудіемъ своей политики. Такъ было въ Моравіи, я уже сказалъ объ этомъ; такъ было у Словенцевъ, гдѣ епископъ (г. Сломшекъ) основалъ славянское общество и раздаетъ его членамъ, между прочимъ, формулы молитвъ объ обращеніи Россіи и прочихъ Славянъ-схизматиковъ. Но гдѣ римское духовенство не можетъ распоряжаться Славянскою народностью, тамъ оно дѣлается ея противникомъ: примѣръ этого видимъ у Чеховъ. Австрійское правительство все болѣе и болѣе отдаетъ въ его руки учебныя заведенія. Римскій клиръ не только имѣетъ право надзора надъ ними; онъ уже сталъ завладѣвать учительскими каѳедрами во всѣхъ областяхъ имперіи: ему предоставлялись преимущественно каѳедры исторіи,

словесности и философскихъ наукъ; на нихъ стали возводить Іезуитовъ; почти всѣ инспекторы гимназій избирались въ этомъ орденѣ. Основываясь на томъ положеніи, что Греко-уніатское исповѣданье не есть отдѣльная церковь, а только особый обрядъ католицизма, поручаютъ католикамъ и между прочими Іезуитамъ богословское преподаваніе въ Русскихъ семинаріяхъ Галиціи. Принуждаютъ молодежь изъ диссидентовъ, воспитывающуюся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, присутствовать при классахъ римскаго катихизиса. Постоянно и при всякомъ случаѣ даютъ чувствовать Словакамъ-протестантамъ, также какъ православнымъ Сербамъ, превосходство католиковъ; въ особенности дѣйствуютъ на Сербское населеніе, чтобы склонить его къ принятію Уніи. Нравственное гоненіе, которое оно испытываетъ, превосходитъ всякое вѣроятіе: Сербы въ Далмаціи и Воеводинѣ единогласно признаютъ, что въ настоящее время участь ихъ братій въ Турціи гораздо завиднѣе въ отношеніи вѣры, нежели ихъ собственная; а вѣдь Боснія и Герцеговина не могутъ назваться обѣтованною землею для свободы совѣсти.

Я старался дать возможно полное понятіе о положеніи Западныхъ Славянъ. Я изобразилъ нравственный разрывъ, отдѣляющій Польшу отъ остальнаго Славянскаго міра, и обозначилъ, съ чувствомъ искренняго утѣшенія, начатки умственной работы, которая должна разсѣять безплодныя, высокомѣрныя и самолюбивыя притязанія Поляковъ и вывести ихъ изъ одиночества въ союзъ славянскаго братства. Я описалъ ходъ народнаго возрожденія всѣхъ Славянскихъ племенъ, подвластныхъ Австріи: я показалъ, съ какими мечтами они всѣ, въ 1848 году, устремились на защиту Австрійскаго правительства, и какую систему правительство это избрало для того, чтобы вознаградить ихъ за ихъ преданность и усердіе. Я, надѣюсь, объяснилъ читателю, что чувство народности имѣетъ въ этихъ племенахъ огромную жизненную силу, потому что оно коренится въ умахъ массъ, но что оно имѣетъ также свою слабую сторону, бывшую неизбѣжною причиною разочарованія, какое испытали славянскіе патріоты, когда обстоятельства вдругъ потребовали отъ нихъ отвѣта на практическіе бытовые вопросы. Эта слабая сторона, повторяю, заключается въ томъ, что образованный классъ Западныхъ Славянъ забылъ большею частью органическія начала своего племени и принадлежитъ, по своимъ идеямъ и своимъ общественнымъ стихіямъ, Германскому и Латинскому міру. Это забвеніе ихъ общихъ племенныхъ началъ было также, какъ читатель видѣлъ, главною причиною ихъ несогласій и разъединенія. Настоящая минута, можетъ быть, самая горькая въ ихъ жизни. Австрійскіе Славяне утратили мечты, сопровождавшія первые ихъ шаги на пути возрожденія, и попали безъ защиты въ

руки растлѣвающей политики такого правительства, которое есть природный врагъ всякой народной жизни; они не успѣли еще, послѣ недавняго паденія, вновь подняться на ноги, опираясь на уроки прожитыхъ годовъ и укрѣпляя свой духъ струею народной жизни, еще не изсякшей въ ихъ деревняхъ, и общеніемъ съ другими славянскими народами. Но въ этомъ они найдутъ силу несокрушимую! Сколько бы Австрія ни старалась, она не уничтожитъ семнадцати милліоновъ Чеховъ, Словаковъ, Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ, Русскихъ..... Чѣмъ больше станетъ она отрывать городскія сословія отъ народнаго дѣла, тѣмъ болѣе будетъ выступать на сцену жизни масса простонародья, съ ея неискаженнымъ характеромъ, съ ея духомъ, свободнымъ отъ чужихъ вліяній. Масса эта не поддастся на приманку должностей, она не устрашится полицейскихъ преслѣдованій, а употреблять силу, въ нашъ вѣкъ, для истребленія народностей уже невозможно.

Рагуза и Петербургъ.
1857—1858 г.

IV.

ВЕНГРІЯ И СЛАВЯНЕ.

IV.

Венгрія и Славяне.

Книга Шассена о Венгріи. — Духъ и призваніе Венгріи. — Славянскія государства тысячу лѣтъ тому назадъ. — Нашествіе Мадьяръ. — Языкъ и характеръ этого народа. — Вліяніе Мадьяръ на судьбу западно-славянскаго міра. — Арпадъ. — Солта. — Набѣги Мадьяръ. — Св. Стефанъ. — Его конституція. — Венгрія и древне-славянскій міръ. — Палатинъ. — Дворянство. — Мадьяры принимаютъ Половцевъ и Ясовъ. — Мадьяры подъ Кіевомъ. — Русскіе въ Венгріи. — Отношенія Мадьяръ къ туземцамъ. — Латинскій языкъ и его значеніе для Мадьярскаго народа. — Трансильванія. — Румыны. — Королевство Хорватское. — Либерализмъ Мадьяръ. — Завѣтъ св. Стефана. — Древняя Венгрія и древняя Англія. — Панславизмъ. — Кошутъ. — Венгерскіе Славяне въ войнѣ 1848–1849 г. — Отношенія Польши къ Венгріи. — Мадьяре и Польская шляхта. Рыцарство. — Возможна ли борьба Мадьяръ съ Славянскимъ міромъ? — Заключеніе.

Jean de Hunyad, récit du XV-e siècle, précédé de la Hongrie, son génie et sa mission. Etude historique par Charles-Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія пала предъ силами Россіи и Австріи [1]). Венгрія снова заговорила; Европа снова начинаетъ обращать на нее вниманіе. Снова, какъ десять лѣтъ тому назадъ, о Венгріи стали появляться во множествѣ статьи, брошюры, книги. Изъ числа этихъ сочиненій, мы выписали выше заглавіе одного, и намѣрены поговорить о немъ.

Книга г. Шассена о Гуніядѣ вышла теперь вторымъ изданіемъ. Первое напечатано было во время Восточной войны, но тогда слово о Венгріи было еще несвоевременнымъ. Теперь же книга эта скорѣе можетъ достигнуть цѣли, для которой она написана, именно: возбудить въ Западныхъ народахъ вниманіе къ Венгріи и дать имъ понятіе о Мадьярскомъ народѣ. Гуніядъ не есть главное дѣйствующее лице въ этой книгѣ. Онъ взятъ какъ типъ, какъ воплощеніе Мадьярскаго народа и его геройскихъ доблестей. Самъ авторъ говоритъ въ

[1]) Писано въ 1859 году.

своемъ предисловіи: «Книга моя состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ историческое и философское разсужденіе о Венгріи, ея духѣ и ея призваніи. Мы стараемся доказать въ немъ три великія истины: религіозный либерализмъ Венгерцевъ, ихъ политическій либерализмъ, ихъ геройство, когда имъ предстояло жертвовать собою для общаго дѣла. Борьба противъ свѣтскаго преобладанія католицизма, противодѣйствіе теократическимъ притязаніямъ Рима, независимость Венгерской церкви, постоянно охранявшаяся, сочувствіе, съ какимъ принята была реформа Лютера и Кальвина; конституція св. Стефана, ея источники и развитіе, ея смыслъ и значеніе; непрестанная борьба противъ Австрійскаго гнета и мѣръ порабощенія, принимавшихся Австрійскимъ министерствомъ, вопросъ о Мадьярской народности и враждебныхъ племенахъ (la question de la nationalité magyare et des races ennemies); наконецъ истинный характеръ войны противъ Турокъ въ средніе вѣка, польза естественнаго союза съ Турками въ современную эпоху (l'utilité de l'alliance naturelle aves les Turcs à l'époque contemporaine),—таковы главныя точки, на которыхъ мы останавливаемся въ этомъ черезъ-чуръ короткомъ обозрѣніи, чтобы объяснить всѣмъ, что̀ такое была Венгрія, къ чему она можетъ служить въ настоящихъ обстоятельствахъ, и чѣмъ она будетъ со временемъ, что̀ бы ни случилось.—Вторая часть обозначена на заглавіи прекраснѣйшимъ именемъ, какое только встрѣчается въ Венгерскихъ лѣтописяхъ: именемъ Ивана Гуніяда. Около этого героя, неизмѣримо великаго своимъ мужествомъ и своею честностію, мы сосредоточили цѣлый періодъ Венгерской исторіи, одну изъ самыхъ бурныхъ, самыхъ славныхъ ея эпохъ—крестовый походъ противъ Оттомановъ и первыя войны съ Австріею. Разсказать объ этой многотрудной порѣ самопожертвованія значитъ, по нашему мнѣнію, напомнить забывчивой Европѣ о томъ, какъ ее нѣкогда хранили и спасали рьяные наѣздники Мадьярскіе, и какъ ее могли бы еще хранить и спасать ихъ достойные сыны, свободные граждане новой Венгріи».

Эта программа не только даетъ понятіе о содержаніи книги г. Шассена; она показываетъ также, что исторія поставлена у него въ служебныя отношенія къ современности. Онъ пишетъ объ Гуніядѣ не для науки, не для Гуніяда, а для подтвержденія, примѣромъ Гуніяда, современной политической темы.

Потому мы въ правѣ отстранить здѣсь Гуніяда, и обратиться непосредственно къ политической темѣ, составляющей сущность книги г. Шассена. Мы посмотримъ, справедливъ ли его взглядъ «на Венгрію, на ея духъ и призваніе», какъ онъ выражается. Мы считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ обсудить этотъ взглядъ, что хотя г. Шас-

сенъ говоритъ отъ своего лица, однако издатель его книги помѣстилъ въ предисловіи къ ней письма нѣкоторыхъ Мадьярскихъ корифеевъ, нѣкоторыхъ знаменитыхъ представителей Мадьярской народности, которые выражаютъ автору самую теплую благодарность за его сочиненіе. Изъ этого мы заключаемъ, что его взглядъ встрѣтилъ сочувствіе въ Мадьярскихъ сердцахъ. Притомъ, во многихъ статьяхъ и брошюрахъ, защищающихъ интересы Мадьяръ, мы встрѣчаемъ подобныя мысли и воззрѣнія.

Начиная предстоящій намъ разборъ, мы прежде всего заявляемъ друзьямъ Мадьярскаго народа наше искреннее и полное сочувствіе къ нему. Да и возможно ли не сочувствовать народу, столь доблестному, исполненному благороднаго энтузіазма, безпредѣльной любви къ отечеству, безконечной готовности жертвовать собою для общаго блага? Надобно имѣть Австрійское сердце, чтобы не сочувствовать Мадьярамъ. Кто изъ насъ не слыхалъ отъ людей, участвовавшихъ въ кампаніи 1849 года, какъ Мадьяры имъ полюбились, какъ имъ было жаль ихъ, и какъ всякому изъ нихъ хотѣлось пожать руку благородному противнику? И въ настоящее время, вся Русская литература, какія бы ни были въ ней разногласія по другимъ вопросамъ, съ общимъ сочувствіемъ слѣдитъ за возрожденіемъ Венгріи, доказывая этимъ, что сочувствіе, родившееся одинадцать лѣтъ тому назадъ, при личномъ столкновеніи съ Мадьярами, перешло у насъ въ общественное сознаніе. Съ какой же стати намъ принимать на себя неблагородный и невозможный трудъ противодѣйствовать этимъ чувствамъ? Напротивъ, мы желаемъ, чтобы они у насъ росли и развивались постоянно, чтобы Русскіе привыкали все болѣе и болѣе уважать многострадальный и крѣпкій душою народъ Мадьярскій, чтобы они съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ участіемъ слѣдили за его судьбою.

Но именно потому, что мы желаемъ этого, поднимемъ мы голосъ противъ воззрѣній, высказанныхъ въ книгѣ Шассена, и тѣхъ стремленій, которыя въ нихъ выражаются. Г. Шассенъ говоритъ, что, проникнутый пламеннымъ сочувствіемъ къ Мадьярскому народу, онъ желалъ своимъ перомъ послужить ему; Мадьярскія знаменитости, какъ замѣчено выше, дѣйствительно засвидѣтельствовали, что онъ, по ихъ мнѣнію, принесъ пользу дѣлу Мадьяръ. А мы, напротивъ, полагаемъ, что воззрѣнія, высказанныя г. Шассеномъ, вредны для дѣла Венгріи,—во-первыхъ, потому что они ложны, во-вторыхъ, потому что они оскорбительны для другихъ народовъ, и отчасти даже безнравственны,—и что каждый истинный Венгерскій патріотъ долженъ встрѣтить ихъ съ неодобреніемъ.

Народы, какъ люди: въ обществѣ уважаютъ только тѣхъ людей, которые сами уважаютъ своихъ ближнихъ; въ обществѣ отворачиваютъ-

ся отъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ понять свое положеніе, и которые хвастливо возвѣщаютъ міру про свои особливые дары, про особливые подвиги, которые имъ назначено совершить.

Г. Шассенъ не только говоритъ объ особливомъ призваніи Мадьярскаго народа въ прошедшемъ; онъ объявляетъ о призваніи его въ будущемъ. Призваніе его въ прошедшемъ было (по словамъ г. Шассена)—защищать западную Европу отъ варваровъ Турокъ; призваніе его въ будущемъ—защищать, въ союзѣ съ Турками, западную Европу отъ новыхъ варваровъ, т. е., отъ Россіи. Многіе изъ читателей нашихъ, прочитавъ эти строки, спросятъ насъ: зачѣмъ мы тратимъ время на то, чтобы толковать о книгѣ, въ которой, въ наше время, пишутся такія пошлости? Но въ томъ-то и дѣло, что такіе взгляды еще не кажутся пошлостями нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ представителей Мадьярской народности [1]), какъ видно изъ благодарности, объявленной ими г. Шассену, и что мнѣнія и фразы его могутъ найти отголосокъ между Мадьярами. Потому только мы и не бросаемъ этой книги изъ рукъ, а продолжаемъ спокойно вести рѣчь объ ней, какъ будто бы о дѣльномъ сочиненіи.

Въ исторіи Гуніяда г. Шассена есть цѣлая глава подъ заглавіемъ: La Hongrie rempart de la civilisation (Венгрія—оплотъ образованности). Защитить своею грудью западную Европу отъ Азіятскихъ ордъ, отъ Татаръ и отъ Турокъ, было, по увѣренію нашего автора, задачею средне-вѣковой Венгріи. Дѣйствительно, Венгрія храбро воевала съ Татарами и Турками. Необширный, немногочисленный народъ Мадьярскій сдѣлалъ, относительно своихъ силъ, чрезвычайно много для отраженія этихъ дикихъ завоевателей. Но если бы авторъ не сосредоточилъ своего вниманія исключительно на Мадьярахъ, а посмотрѣлъ бы кругомъ и на другіе народы, то онъ сбавилъ бы восторженности въ своихъ фразахъ объ историческомъ *призваніи* Мадьярскаго народа въ средніе вѣка. Вообще, намъ кажется, что тутъ ни о какомъ особенномъ призваніи рѣчи быть не можетъ. Мадьярскій народъ жилъ на пути, по которому и Татаре и Турки должны были идти, чтобы распространить свои завоеванія на счетъ западной Европы. Татаре и Турки наткнулись на Мадьяръ: Мадьяры защищались; но и всякій другой народъ на ихъ мѣстѣ защищался бы, и, защищаясь, удержалъ бы на время Татаръ и Турокъ отъ нашествія на земли, которыя онъ заслонялъ собою. Въ этомъ отношеніи, другіе народы сдѣлали гораздо болѣе для охраненія западной Европы отъ

[1]) Этого мало: въ настоящее время, когда Австрійское правительство развязало Мадьярамъ руки и дало полную волю ихъ стремленіямъ, эта мысль сдѣлалась, какъ извѣстно, общею темою, единодушно провозглашаемою всѣми органами Мадьярской печати, всѣми Мадьярскими ораторами и политическими вождями.

Азіятскихъ ордъ, а г. Шассенъ о нихъ умалчиваетъ. Русь приняла на себя первые удары Татаръ, она болѣе всѣхъ остановила ихъ напоръ; Польша столько же сдѣлала, сколько и Венгрія, если не больше, чтобы оттолкнуть ихъ отъ западной Европы; а когда они, при первомъ налетѣ, сразили и Польшу, и Венгрію, то Чехи, съ одной стороны, Хорваты, съ другой, загородили имъ дорогу и побѣдами своими положили предѣлъ ихъ нашествію на Западъ. Г. Шассенъ, посвящая свое сочиненіе исторіи Мадьяръ, имѣлъ полное право выставить преимущественно ихъ участіе въ бояхъ съ Татарами; но почему онъ не указалъ на то мѣсто, которое ихъ частный подвигъ занимаетъ въ общей борьбѣ христіанскаго міра противъ потомковъ Чингизхана? Онъ сознается же, что вмѣстѣ съ Мадьярами и Польша спасла Европу отъ Татаръ: по какому случаю онъ приписываетъ эту честь только Мадьярамъ и Полякамъ, тогда какъ она принадлежитъ и Руси, и Чехамъ, и Хорватамъ? Потому ли только, что въ недавнее время Поляки были на сторонѣ Мадьяръ, а Хорваты, Чехи и Русскіе стояли противъ нихъ?

Такъ же точно смотритъ нашъ авторъ на борьбу Мадьяръ съ Турками. Опять онъ однимъ Мадьярамъ съ Поляками приписываетъ спасеніе отъ нихъ западной Европы. О другихъ народахъ, на которыхъ сломилась сила Османліевъ, онъ даже не удостоилъ упомянуть: ни о Русскихъ казакахъ, ни о Румынахъ, ни даже о Сербахъ и Хорватахъ, которые, конечно, больше сдѣлали, чтобы остановить и отразить Турокъ, нежели Мадьяры. Мнѣ возразятъ, что Сербы пали въ борьбѣ, — но сколько силъ Турки должны были потратить, чтобы сломить ихъ геройское сопротивленіе. Да и сами Мадьяры, наконецъ, пали тоже, послѣ гибельной битвы у Мухача; бо́льшая часть ихъ земли, съ столицею Будою; на полтораста лѣтъ сдѣлалась Турецкою областью; Трансильванія признала верховную власть Порты: а Хорваты съ частію Сербовъ продолжали геройски отстаивать свою родину, и трупами, грудами труповъ, загораживали дорогу на западъ, которую безъ нихъ не умѣли бы защитить малодушные государи Австрійскіе. Обо всемъ этомъ г. Шассенъ умолчалъ. Онъ даже не почтилъ ни однимъ словомъ тѣхъ Сербовъ и Хорватовъ, которые, сражаясь подъ Мадьярскими знаменами, прославились въ числѣ лучшихъ витязей христіанской Венгріи; онъ даже, увлеченный непонятною слѣпотою народной исключительности, рѣшился, на основаніи какихъ-то странныхъ силлогизмовъ, отрицать, чтобы благороднѣйшій боецъ Венгріи, великій Гуніядъ, былъ родомъ не Мадьяръ, а Румынъ, хотя самъ приводитъ свидѣтельства древнихъ актовъ, по которымъ его отецъ, Вукъ Бути изъ Гуніяда, прозывался *Олахъ*, что̀ по мадьярски значитъ Валахъ. Все это выказываетъ такую узкость

взгляда, которой мы не ожидали бы отъ Мадьяра, сколько-нибудь добросовѣстнаго и образованнаго, даже въ 1848 году, во время самаго сильнаго разгара народнаго фанатизма въ Венгерцахъ; а такъ пишетъ въ 1859 году, съ одобреніемъ Мадьярскихъ корифеевъ, Французскій авторъ, и думаетъ, что онъ служитъ этимъ дѣлу Мадьяръ!

Пусть Мадьяры гордятся доблестными подвигами своихъ предковъ,— что̀ можетъ быть лучше? Но пусть они и въ прошедшемъ не присвоиваютъ себѣ исключительно того, въ чемъ они были только участниками вмѣстѣ со многими другими народами. Борьба съ Азіятскимъ варварствомъ была въ продолженіе многихъ вѣковъ удѣломъ всей восточной Европы. Мадьяры приняли въ ней по необходимости участіе; они сражались храбро; но какое имѣютъ они право величаться званіемъ особливыхъ спасителей Европейской образованности? Пусть они взглянутъ на Россію: не выдержалъ ли Русскій народъ на своихъ плечахъ всю тяжесть Азіи? Не онъ ли стряхнулъ ее съ Европы и отодвинулъ назадъ, и донынѣ еще продолжаетъ неутомимо, непрестанно, отъ Каспійскаго моря до Тихаго Океана, борьбу христіанской Европы съ Азіятскимъ варварствомъ? Но кто изъ Русскихъ когда-либо величался этими подвигами и превозносилъ свой народъ передъ другими? А вѣдь подвиги эти не тѣмъ чета, которыми хвастаютея Мадьяры.

Нѣтъ ничего проще и очевиднѣе, чѣмъ историческая роль Мадьяръ въ прошедшемъ. Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть и не понять этой роли; но г. Шассенъ не могъ ее видѣть, потому что роль Мадьяръ опредѣляется только отношеніемъ ихъ къ другому, несравненно сильнѣйшему и важнѣйшему племени; а г. Шассенъ этого племени не любитъ, и на всю исторію восточной Европы смотритъ исключительно съ Мадьярской точки зрѣнія.

Мадьяры, какъ извѣстно, пришельцы въ Европѣ. Они заняли нынѣшнее свое отечество въ послѣднихъ годахъ девятаго столѣтія. Долго земля ихъ, — степное пространство по обѣимъ сторонамъ средняго Дуная, — переходила изъ рукъ въ руки, съ тѣхъ поръ какъ была оставлена Римлянами на произволъ народовъ, стремившихся разрушить всемірную имперію древности. Въ этихъ степяхъ царилъ Аттила; въ нихъ перебывали Руги, Готы, Гепиды, Лонгобарды, всѣ эти Нѣмецкія дружины, которыя шли завоевывать Западъ; потомъ Авары раскинули на нихъ свои шатры и сносили туда награбленныя богатства близкихъ и далекихъ странъ. Франки, послѣ тяжелой войны, низвергли державу Аварскую и почти уничтожили этотъ дикій народъ; нѣсколько лѣтъ оба берега средняго Дуная принадлежали къ Римской имперіи, возстановленной Карломъ Великимъ. Наконецъ, весь этотъ край перешелъ въ руки Славянъ, не завоеваніемъ,

а незамѣтнымъ наплывомъ этого племени, въ то время начинавшаго заявлять свою жизнь въ исторіи. На сѣверо-западъ отъ великой равнины Дунайской, въ Моравіи и подъ Карпатами, слагалось одно Славянское государство, такъ называемое Велико-Моравское княжество; на югѣ другое, Болгарія, достигала уже полнаго развитія своихъ силъ и уже владѣла нынѣшнею Валахіею и Трансильваніею. Съ обѣихъ сторонъ Славяне шли заселять плодородныя степи Аваровъ и сѣять хлѣбъ тамъ, гдѣ такъ долго кочевала съ своими стадами эта хищная орда. Еще въ 805 году Авары посылали жалобу къ Карлу Великому, что имъ отъ нашествія Славянъ негдѣ было жить. Скоро они совершенно исчезли, и черезъ нѣсколько лѣтъ, при распаденіи имперіи Карла Великаго, вся нынѣшняя Венгрія очутилась во власти Славянъ. Болгарія занимала юго-востокъ ея, Моравія сѣверъ, а на юго-западѣ возникло особое Славянское княжество Блатенское (названное такъ отъ Блатенскаго озера, Platten-See, по-мадьярски Balaton). Равнины эти, такимъ образомъ, сдѣлались средоточіемъ и мѣстомъ соприкосновенія всего западнаго Славянства. Западная часть Славянскаго племени, которая начинала уже распадаться на частныя группы и стремиться къ разъединенію, къ образованію нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ, снова увлечена была къ общенію и единству. Въ равнинахъ средняго Дуная поселенія Болгарскихъ Славянъ и Сербо-Хорватовъ сходились съ поселеніями Славянъ Закарпатскихъ; здѣсь могла образоваться точка соединенія между сѣверо-западною группою Славянъ, занимавшею въ то время все пространство отъ Эльбы до Вислы и далѣе, до предѣловъ Литвы, и между группою юго-западныхъ Славянъ, которая опиралась на Черное и Адріатическое моря. Въ западной половинѣ Славянскаго племени, простиравшейся отъ Даніи до Греціи, могло развиться то, что́ развилось потомъ въ восточной половинѣ, на Руси: единство народное и крѣпкая организація общественная и государственная. И дѣйствительно, какъ только Славяне утвердились въ Дунайской равнинѣ, ими овладѣло стремленіе къ единству. То племя и то княжество, которому принадлежала важнѣйшая часть этихъ земель, пространство между Карпатами и Дунаемъ, сдѣлалась весьма скоро, и, сколько видно, безъ всякаго насилія, средоточіемъ большаго Славянскаго государства. Въ исходѣ IX-го вѣка Велико-Моравское княжество (или королевство, какъ стали называть его) уже владѣло — на сѣверо-востокѣ Малою Польшею и частью нынѣшней Галиціи, на юго-западѣ Блатенскимъ княжествомъ. Это государство было такъ сильно, что отразило побѣдоносно всѣ удары Германіи. Политическое средоточіе всего западнаго Славянскаго міра, оно сдѣлалось также его духовнымъ средоточіемъ. Сюда, въ Великую Моравію, Кириллъ

и Меѳодій перенесли свою дѣятельность изъ Болгаріи. Христіанское просвѣщеніе, передаваемое на родномъ языкѣ и сопровождаемое Славянскою письменностью, стало разливаться отсюда съ неимовѣрною быстротою во всѣ стороны. Принятое уже Болгарами и Сербами, оно черезъ нѣсколько лѣтъ водворилось уже въ Чехіи и Малой Польшѣ, въ Краковѣ и Прагѣ. Связь религіозная должна была, разумѣется, ускорять и скрѣплять единство народное и политическое; она должна была вести къ тому, чтобы въ западной половинѣ Славянскаго міра образовался изъ всѣхъ, едва начинавшихъ обособляться, племенъ одинъ великій народъ (съ нѣкоторыми, быть можетъ, различіями нарѣчій и нравовъ), какъ эта связь повела у восточныхъ Славянъ, на Руси, къ образованію одного народа изъ многихъ племенъ, жившихъ тамъ въ IX вѣкѣ.

Къ чему всѣ эти предположенія? Онѣ намъ нужны для того, чтобы понять значеніе равнины средняго Дуная, и историческую роль Мадьяръ, которымъ судьба отдала эту равнину. Въ предположеніяхъ, нами сдѣланныхъ, нѣтъ, кажется, ничего произвольнаго: правильность ихъ очевидно подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе тотчасъ за водвореніемъ Славянъ въ той странѣ. Еслибы не помѣшала случайность, то западный Славянскій міръ, вѣроятно, приступилъ бы въ девятомъ вѣкѣ — къ исполненію той задачи, которая, какъ кажется, лежитъ на Россіи девятнадцатаго вѣка: соединившись въ единство народное и государственное, онъ началъ бы самостоятельное развитіе Славянскаго духа и быта съ помощію просвѣщенія другихъ народовъ, онъ принялъ бы самостоятельное участіе въ самомъ ходѣ Европейскаго просвѣщенія. Западному Славянскому міру помѣшала случайность, и эта случайность были — Мадьяры. Случайностью я называю ихъ пашествіе, разумѣется, не потому, чтобы я былъ поборникомъ того ученія, по которому случай является управителемъ судебъ человѣческихъ. Этого вопроса я вовсе на касаюсь, и говорю только, что, какъ фактъ, вторженіе Мадьяръ въ Европу имѣетъ характеръ случайности: да и не сохраняютъ ли они до сихъ поръ характера исторической и этнографической случайности? Окруженные Славянами, Нѣмцами, Романцами, они всѣмъ одинаково чужіе; Нѣмецъ, Романецъ, Славянинъ, не понимая другъ друга, все-таки слышатъ другъ у друга какой-то общій строй рѣчи; и всѣмъ имъ одинаково дика и странна кажется однообразно-звонкая рѣчь Мадьяра. Славянинъ, или Романецъ, или Нѣмецъ хотятъ взаимно выучиться языкамъ Нѣмецкому, Славянскому, Романскому: для этого имъ стоитъ только усвоить себѣ чужіе звуки и слова; но чтобы заговорить по-мадьярски, для нихъ недовольно выучить Мадьярскіе звуки и слова; они должны, такъ сказать, перевернуть въ головѣ весь способъ выраженія мысли въ рѣченіи. Не только въ рѣчи Мадьяра окружающіе Европейскіе

народы слышатъ что-то чужое; они видятъ чужое въ его характерѣ и бытѣ. Мадьяръ носитъ на себѣ печать той самоуглубленной гордости, которая отличаетъ Азіатскіе народы отъ Европейскихъ. Хотя онъ сдѣлался по неволѣ земледѣльцемъ, однако пастушескій бытъ ему сроднѣе: гдѣ можетъ, разводитъ онъ стада и съизмала срастается съ лошадью, какъ истый кочевникъ; просторная *пуста* (степь) ему необходима для житья; гдѣ кончается *пуста*, кончаются и жилища Мадьяръ. Разбросанныя по *пусти*, широкія селенія ихъ съ бѣленькими домиками сохраняютъ видъ шатровъ, укоренившихся на одномъ мѣстѣ.

Въ послѣднихъ годахъ IX вѣка, Мадьяры придвинули свои шатры и стада къ Карпатскимъ горамъ. Сначала отраженные Великo-Моравскими Славянами, они вскорѣ опять бросились на нихъ, когда эти Славяне сдѣлались неспособными къ дружной оборонѣ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ въ княжескомъ родѣ, и истощены были продолжительною борьбою съ Германіею. Мадьяры въ нѣсколько лѣтъ завоевали равнину средняго Дуная, истребили тамъ Славянъ или выгнали ихъ, и подчинили себѣ тѣхъ, которые жили на склонѣ Карпатовъ, также какъ Румыновъ, занимавшихъ Трансильванію. Горныя мѣста Мадьяры для себя занять не хотѣли.

Водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ имѣло неисчислимыя послѣдствія для западнаго Славянскаго міра. Племя, совершенно чуждое Славянамъ и всей Европѣ, раздѣлило западный Славянскій міръ на двѣ половины, сѣверную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновенія. Западный Славянскій міръ предоставленъ былъ всецѣло духу обособленія, который уже начиналъ проявляться въ немъ, когда утвержденіе Славянъ въ Дунайской равнинѣ вдругъ остановило западное Славянство на этомъ пути и дало перевѣсъ силѣ единенія. Но теперь ничего уже не могло воспрепятствовать началу обособленія. Ни въ сѣверной, ни въ южной группѣ, отдѣльно взятой, не было общаго средоточія, довольно сильнаго, чтобы стянуть каждую изъ нихъ и удержать отъ распаденія въ самой себѣ. И сѣверная и южная группа западныхъ Славянъ, со времени нашествія Мадьяръ, стала вырабатывать въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ народностей тамъ, гдѣ въ началѣ были только племена, едва отличавшіяся другъ отъ друга, и которыя, при иныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно такъ же легко слились бы въ одно цѣлое, какъ на Руси Поляне, Вятичи, Новгородскіе Словѣне и др. Напрасны были усилія могущественнѣйшихъ государей побороть этотъ духъ обособленія и установить единство, то въ сѣверной, то въ южной группѣ западныхъ Славянъ. Непреодолимая сила народной особности уничтожала ихъ труды. Ни Симеону Болгарскому въ X вѣкѣ, ни Стефану Душану Сербскому въ XIV-мъ, ни Болеславу Жестокому

Чешскому въ X-мъ, ни Болеславу Храброму Польскому въ XI-мъ, ни Вячеславу II Чешскому въ XIII-мъ вѣкѣ не удалось, при огромнѣйшихъ усиліяхъ, связать во-едино двухъ Славянскихъ народовъ, столь близкихъ между собою, какъ Чехи съ Поляками, Сербы съ Болгарами. Южная группа, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, осталась упорно раздѣленною на свои четыре народности (Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ); изъ четырехъ народностей, на которыя распалась сѣверная группа (Чеховъ съ Словаками, Лужицкихъ Сербовъ, Поляковъ и, наконецъ, Балтійскихъ Славянъ, подраздѣленныхъ, въ свою очередь, на нѣсколько племенъ, упорно отвергавшихъ соединеніе), только три первыя уцѣлѣли, а послѣдняя погибла подъ ударами Германіи.

Отдѣленные другъ отъ друга и разъединенные между собою, Славяне и сѣверной и южной группы не въ силахъ были сдѣлаться самостоятельными дѣятелями Европейскаго просвѣщенія, наравнѣ съ великими народами Романскими и Германскими. Сѣверная группа, отрѣзанная Мадьярами (въ началѣ язычниками, а впослѣдствіи католиками) отъ Греціи и Болгаріи, не могла отстоять православія противъ усилій римскаго и нѣмецкаго духовенства, и съ католицизмомъ приняла весь строй романо-германской жизни. Чехи, Поляки, Лужичане, нравственно, а частію и политически поработились западной Европѣ, а Балтійскіе Славяне, которые не хотѣли такого порабощенія, должны были остаться неподвижными при своемъ язычествѣ и были истреблены западною Европою; Поляки же, Чехи и Лужичане, въ слѣдствіе слабости своихъ силъ, сравнительно съ силами тяготѣвшаго надъ ними романо-германскаго міра, не въ состояніи были спасти природныхъ основъ своей славянской жизни даже въ глубинѣ народныхъ массъ: начала романо-германскаго міра, несомыя католицизмомъ, проникли у нихъ всюду, завладѣли всѣмъ народомъ, всѣми его понятіями, всѣмъ его бытомъ. Страшная реакція противъ католицизма и германскаго духа, родившаяся у Чеховъ изъ преданія православнаго христіанства и остатковъ славянскаго быта, и извѣстная подъ именемъ Гуситскихъ войнъ, вызвала дивные подвиги мужества; она имѣла огромное вліяніе на западную Европу, но не смогла освободить Чеховъ отъ нравственнаго подчиненія Западу; она только истощила ихъ силы въ благородной, но для нихъ самихъ безполезной борьбѣ и имѣла послѣдствіемъ совершенное ихъ порабощеніе Нѣмецкому племени. А у Поляковъ даже такой реакціи не было. Такимъ образомъ, историческая жизнь въ сѣверной группѣ западныхъ Славянъ протекла безъ внутренней самобытности, на почвѣ, подкопанной чужими стихіями и которая по этому даже не могла долго выдержать на себѣ никакого самостоятельнаго государственнаго зданія. Впрочемъ, разборъ явленій

исторической жизни у этихъ народовъ, явленій, которыя всѣ, посредственно, или непосредственно, развились изъ указаннаго нами начала, такой разборъ не относится къ предмету нашей статьи. Мы надѣемся изслѣдовать ихъ особо.

И такъ, водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ, мы сказали, предоставило сѣверо-западныхъ Славянъ безпрепятственно духу обособленія, и принудило ихъ примкнуть, какъ второстепенныя тѣла, къ организму несравненно сильнѣйшему, Романо-Германскому католическому Западу, который и заглушилъ въ нихъ свободное развитіе славянской жизни. А юго-западныхъ Славянъ Мадьяры, напротивъ, совершенно отрѣзали отъ Романо-Германскаго Запада и привязали къ гніющему организму Византіи. Вполнѣ чуждые окружающему міру народовъ, Мадьяры также мало могли быть для Славянъ Задунайскихъ проводниками образованности Латинскаго міра, какъ они не могли служить Чехамъ и Полякамъ звеньями соединенія съ міромъ православнымъ [1]). Юго-западные Славяне, Сербы и Болгаре, сохранили православное христіанство съ народнымъ богослуженіемъ и народною письменностью; но и они не въ состояніи были развиваться самобытно и плодотворно. На сѣверо-западѣ католицизмъ и бытъ латино-германскій подточили народную почву и тѣмъ обусловили паденіе; на юго-западѣ народная почва осталась цѣла, въ слѣдствіе внутренняго характера православной церкви, которая не только не разрушала существенныхъ стихій славянскаго духа и быта, а напротивъ, давала имъ пріютъ и освященіе; но у Сербовъ и Болгаръ было слишкомъ мало силы, чтобы удержаться отъ вліянія Византіи, съ которою Мадьяры, такъ сказать, заперли ихъ въ одну ограду, и тлетворный воздухъ гнившей имперіи заразилъ, если не народную почву, то всю государственную надстройку. Историческое развитіе Болгаръ и Сербовъ было также лишено внутренней самостоятельности, также слабо, какъ развитіе сѣверо-западныхъ Славянъ, и еще скорѣе кончилось паденіемъ [2]).

Мы указали на послѣдствія водворенія Мадьяръ въ Дунайской странѣ: послѣдствія огромныя, роковыя для цѣлой половины Славян-

[1]) Надобно помнить, что въ эпоху, въ которую опредѣлилось послѣдующее развитіе западныхъ Славянъ, средства сообщенія мыслей были ничтожны и производились отъ народа къ народу почти исключительно непосредственнымъ соприкосновеніемъ.

[2]) Въ этомъ очеркѣ я не упомянулъ о двухъ небольшихъ народахъ, принадлежащихъ этнографически къ группѣ юго-западныхъ Славянъ, но которыхъ мѣстныя условія подчинили другимъ вліяніямъ. Это Словенцы и Хорваты, которые примкнули къ западному міру: сѣверные Словенцы къ Германіи, южные Словенцы и Хорваты къ Италіи; наконецъ, сѣверные Хорваты, испытывая на себѣ и Нѣмецкое и Итальянское вліяніе, въ государственной жизни примкнули къ Венгріи и заимствовали многое у Мадьяръ. Внутренней самостоятельности эти народы не имѣли, и еще менѣе другихъ западныхъ Славянъ пользовались политическою независимостью.

скаго племени, для всей средней полосы Европы, отъ Эльбы до Нѣмана, отъ Адріатическаго до Чернаго моря! Вотъ всемірно-историческое значеніе Мадьярскаго народа въ прошедшемъ. Что въ сравненіи съ этимъ — ихъ войны съ Турціею, съ Австріею?

Мысль объ этомъ значеніи Мадьяръ была вполнѣ опредѣленно выражена уже Чешскимъ историкомъ Палацкимъ, хотя она въ его исторіи поставлена какъ-то отрывочно и теряется изъ виду при дальнѣйшемъ изложеніи судебъ Чешскаго народа [1]). Впрочемъ, дѣло такъ ясно, такъ осязательно, что не видѣть и не понять его нельзя безъ особеннаго ослѣпленія. Но Французскій авторъ книги о Венгріи, о которой мы повели рѣчь, этого не хотѣлъ понять, въ слѣдствіе какого-то, проявляющагося у него вездѣ, неуваженія и невниманія къ Славянскому міру, и желанія сочинить для Мадьяръ какую-то первенствующую, не обусловленную никакими посторонними

---

[1]) Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ (Dejiny národu českého I, 225): „Вторженіе Мадьярскаго народа и водвореніе его въ Венгріи принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ событій всемірной исторіи; никогда судьба не поразила Славянскаго міра ударомъ, который отзывался тяжеле на цѣлые вѣка. Въ девятомъ столѣтія Славяне расширили поселенія свои отъ границъ Голштиніи до Пелопоннеса, и хотя они, въ слѣдствіе старинной своей разрозненности, раздѣлены были между собою многоразлично, однако повсюду выказывали они себя храбрыми, воспріимчивыми и дѣятельными. Въ серединѣ обширной полосы, занятой ими, начинало, подъ рукою Ростислава и Святополка, образоваться зерно, успѣшное развитіе котораго обѣщало въ будущемъ прекрасный цвѣтъ просвѣщенія христіанскаго и вмѣстѣ народнаго; расположеніе, которымъ оно пользовалось и отъ Рима и отъ Цареграда, ручалось за безконечный, можно сказать, успѣхъ его развитія. Къ этому зерну примкнули бы со временемъ, по внутреннему и внѣшнему побужденію, всѣ племена Славянскія; отъ него онѣ получили бы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, если не новыя политическія учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, образованность ново-европейскую и притомъ народную, умственную и промышленную дѣятельность, единство языка, письменъ и литературы. Какъ на западѣ, подъ вліяніемъ Рима, возникла монархія Франкская, точно также возникла бы на востокѣ, не безъ вліянія Византіи, великая держава Славянская, и восточная Европа получила бы, тысячу лѣтъ тому назадъ, другой вообще строй, нежели какъ то случилось. Но тѣмъ, что Мадьяры, ворвавшись въ самое сердце возникающаго организма, истребили это сердце, уничтожены были навсегда всѣ такого рода надежды. Члены великаго тѣла, еще не успѣвшіе срости, распались снова, ибо чужая стихія насильно внѣдрилась между ними. Стоя одиноко, не зная никакихъ общихъ цѣлей, каждый членъ съ тѣхъ поръ заботился единственно о себѣ самомъ, тратилъ свои силы въ ничтожныхъ стычкахъ съ сосѣдями, и никогда уже не былъ въ состояніи твердо противостать иноземцамъ, соединеннымъ крѣпкою сосредоточенностью, основанною на общихъ ихъ выгодахъ. Эта разрозненность, это раздробленіе Славянъ, ихъ продолжительное пребываніе въ язычествѣ, и наконецъ, особенность ихъ мѣстоположенія, подвергавшаго ихъ необходимости въ продолженіе многихъ столѣтій отражать отъ Европы налеты дикихъ Азіатскихъ ордъ,—все это объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя вѣтви Славянскія, какъ-то: Бодричи, Велеты и Полабскіе Сербы, мало-по-малу совершенно погибли, а остальная часть Славянскаго племени, не смотря на свою воспріимчивость и природную способность, тѣмъ не менѣе отстала не на одно столѣтіе отъ народовъ западныхъ, пользовавшихся бо̀льшимъ спокойствіемъ“.

стихіями, роль на востокѣ Европы. А надобно замѣтить, что г. Шассенъ читалъ опредѣленіе историческаго значенія Мадьяръ, сдѣланное Палацкимъ; онъ читалъ это опредѣленіе и не понялъ его смысла, а удовольствовался только этимъ замѣчаніемъ, брошеннымъ вскользь: «Палацкій написалъ въ одной изъ своихъ книгъ: «Въ то самое мгновеніе, когда Славянскія племена готовы были слиться между собою, явились Мадьяры и, вонзившись въ средину Славянъ, воспрепятствовали ихъ соединенію». Отсюда (продолжаетъ г. Шассенъ) гнѣвъ панславистовъ противъ Венгровъ и ихъ постоянныя и несправедливыя нападки на Венгрію».

По какому случаю панслависты, какъ ихъ называетъ г. Шассенъ, дѣлали нападки на Мадьяръ, объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ послѣдствіи, и увидимъ, были ли эти нападки несправедливы или нѣтъ. Но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ панславистовъ (подъ этимъ именемъ разумѣю всѣхъ людей, желающихъ развитія Славянскихъ народностей и ихъ взаимнаго общенія), что ни одинъ изъ панславистовъ не питаетъ гнѣва противъ Мадьяръ за то, что̀ они сдѣлали Славянамъ въ прошлые вѣка. Гнѣваться на нихъ за это можно было развѣ въ сентиментальныхъ стихахъ, какъ Коларъ, оплакивавшій въ своей поэмѣ всѣ жертвы, какія судьба похитила у Славянскихъ народовъ. Это было кстати на извѣстной ступени развитія народнаго сознанія у западныхъ Славянъ, при младенческомъ взглядѣ, который отличаетъ сочиненія Колара, не уничтожая ихъ достоинствъ и значенія. Но съ какой стати вздумали бы теперь Славяне, болѣе хладнокровно и зрѣло смотрящіе на вещи, гнѣваться за то дѣло, которое судьба велѣла совершить Мадьярамъ? Гнѣваться на нихъ и на судьбу Славяне могли бы развѣ только тогда, когда бы они узнали, что было бы лучше, если бы самостоятельное и общее развитіе Славянскаго міра началось въ девятомъ вѣкѣ, а не въ девятнадцатомъ, если бы оно имѣло основною почвою средину Европейскаго материка по обѣимъ сторонамъ Карпатовъ, а не пространство отъ Бѣлаго моря до Чернаго и до Тихаго океана. Что̀ было бы лучше для Славянскаго міра и для всего человѣчества, никто не рѣшитъ; и потому никто не почувствуетъ вражды къ Мадьярамъ за то, что они лишили западныхъ Славянъ возможности начать въ девятомъ вѣкѣ общими силами самобытное историческое развитіе. Мало ли полегло на землѣ племенъ и поколѣній, не достигши полнаго проявленія своихъ природныхъ началъ? Можно жалѣть объ нихъ, но зная, сколько жертвъ требуетъ тяжелый ходъ исторіи, нечего питать безплоднаго гнѣва противъ тѣхъ, кто погубилъ эти племена и поколѣнія [1]).

[1]) Эти строки подадутъ, быть можетъ, поводъ обвинить насъ въ фатализмѣ. Трудно не сдѣлаться въ нѣкоторомъ смыслѣ фаталистомъ при размышленіи о ходѣ исто-

Мы знаемъ историческую роль Мадьяръ. Роль эта не ограничивается первымъ временемъ ихъ пребыванія въ Дунайской странѣ; она продолжалась много вѣковъ. Мы надѣемся, что въ настоящее время она кончилась, и что для Мадьярскаго народа наступила другая роль. Но останемся пока еще въ прошедшемъ.

Народъ немногочисленный, ворвавшійся въ средину племенъ чуждыхъ, несравненно многочисленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ, какимъ образомъ Мадьяры могли устоять въ завоеванной землѣ и не быть изгнанными или задавленными общимъ напоромъ сосѣдей? и вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ, удерживаясь среди Европейскихъ народовъ, могли они не утратить своей народности? Удержать свою народность, конечно, было для нихъ возможно въ слѣдствіе того, что Мадьяры не разсѣялись по всей покоренной ими странѣ, а столпились въ срединѣ ея, въ привольныхъ степяхъ, отодвинувъ туземцевъ подъ горы, и что, прикасаясь къ тремъ разнымъ народностямъ, Славянамъ, Румынамъ и Нѣмцамъ, они не могли подпасть подъ исключительное вліяніе ни одной изъ нихъ. Но какимъ чудомъ Мадьяры спаслись отъ изгнанія или истребленія дружнымъ натискомъ народовъ, которые столько пострадали отъ ихъ вторженія и которые, наконецъ, должны были соединиться противъ хищныхъ пришельцевъ? Почему они не были выгнаны, какъ Гунны, или не были истреблены, какъ Авары? Гунны и Авары принадлежали къ тому же племени, какъ Мадьяры; они расположились въ тѣхъ же мѣстахъ; они были сильнѣе и страшнѣе ихъ. Какимъ же образомъ Мадьяры избѣжали участи своихъ могущественныхъ предшественниковъ?

Этотъ народъ одаренъ былъ удивительнымъ инстинктомъ самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія составляетъ, такъ сказать, существенную черту всей прежней исторіи Мадьяръ, и особенно поразителенъ онъ въ началѣ ихъ Европейской жизни. Судьба какъ бы нарочно надѣлила Мадьяръ въ такой удивительной степени этимъ инстинктомъ сообразно съ необыкновенной опасностью ихъ положенія въ Европѣ, дабы могла устоять эта живая стѣна людей, раздѣлявшая на двое Западно-Славянскій міръ.

Изъ всѣхъ завоевателей Уральскаго племени, одни Мадьяры съ самаго начала умѣли воздержаться отъ главной причины, которая

ріи. Но это не такой фатализмъ, который уничтожаетъ личную и народную дѣятельность и отвѣтственность. Всякій человѣкъ и всякій народъ окружены враждебными стихіями. Если эти стихіи восторжествуютъ и человѣкъ или народъ погибнетъ, то — по собственному безсилію, по собственной винѣ. Такъ было и въ томъ случаѣ, который мы здѣсь разсматривали. Если Мадьяры вломились въ сердце западнаго Славянства и раздробили эти племена, то виноваты были сами Славяне: внутреннимъ раздоромъ и отсутствіемъ взаимной поддержки они приготовили побѣду врагу, который, пока не возникли у нихъ раздоры, тщетно пытался къ нимъ ворваться.

увлекла къ скорому паденію орды Аттилы и Баяна, Алпъ-арслана и Малекъ-шаха, Чингизхана и Тамерлана, и участвовала въ быстромъ ослабленіи Османліевъ: Мадьяры не прельстились подчиненіемъ себѣ огромнаго пространства земель, огромнаго количества народовъ. Они тотчасъ же и, какъ видно, совершенно добровольно и сознательно, ограничили пространство, которымъ хотѣли владѣть, естественными предѣлами страны, гдѣ они поселились и гдѣ получили дѣйствительный перевѣсъ надъ всѣми другими народностями. Это видно изъ древняго Мадьярскаго преданія о томъ, какъ тотчасъ послѣ покоренія всѣхъ племенъ внутри самой Венгріи, сынъ перваго завоевателя Арпада, Солта, опредѣлилъ границы своего государства: границы эти совпадаютъ съ естественными предѣлами Венгріи [1]). Это видно изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ Венгерскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ порывѣ воинственной ярости, сопровождавшей пріобрѣтеніе новаго отечества, Мадьяры стали дѣлать опустошительные набѣги на окрестныя земли, въ Германію, Италію и Греческія области; но эти набѣги имѣли единственною цѣлію поживиться добычею и показать свою удаль. Нѣтъ слѣда, чтобы какой-либо изъ этихъ набѣговъ былъ внушенъ мыслію о завоеваніи, объ утвержденіи Мадьярскаго господства за Карпатами и южнѣе Дуная и Савы. Ни въ одномъ изъ этихъ набѣговъ не участвовалъ самъ государь Мадьярскій; это были частныя предпріятія нѣкоторыхъ старшинъ для стяжанія богатства и славы. Но эти набѣги скоро прекращены были, какъ только Германія собралась съ силами для ихъ отраженія, и Венгры избѣгли, такимъ образомъ, мести со стороны западной Европы. Едва кончилась эпоха набѣговъ, обусловленная избыткомъ воинственныхъ силъ, какъ главною заботою преемниковъ Арпада сдѣлалось распространеніе и утвержденіе христіанства между Мадьярами. Этимъ только Мадьярскій народъ могъ вступить въ Европейскую семью. Распространеніемъ христіанства ознаменовалъ себя въ особенности четвертый преемникъ Арпада, св. Стефанъ, котораго народное преданіе именуетъ творцомъ Венгріи, и за которымъ исторія должна признать это названіе. Его учрежденіямъ Мадьярскій народъ обязанъ своимъ сохраненіемъ. Стефанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ организаторовъ, которыхъ судьба посылаетъ иногда младенчествующимъ народамъ, окруженнымъ опасностями, несоразмѣрными съ ихъ силами, и нуждающимся въ мудрой и крѣпкой постройкѣ государственнаго зданія, сообразнаго съ ихъ положеніемъ. Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобы учрежденія св. Стефана были личнымъ твореніемъ его

[1]) За исключеніемъ юго-западной границы, гдѣ лѣтописецъ хотѣлъ, какъ кажется, узаконить авторитетомъ древности современныя ему притязанія Венгріи.

произвола: какъ всѣ живыя учрежденія на свѣтѣ, они родились изъ потребностей народа и дали имъ только сознательную форму и освященіе. Венгерскіе историки не безъ основанія видятъ зародыши Стефановыхъ законовъ въ первыхъ распоряженіяхъ Арпада и его сподвижниковъ въ Дунайской странѣ. Возникши изъ живаго источника, учрежденія св. Стефана продолжали жить и развиваться при его преемникахъ, такъ что, вѣроятно, многое, приписываемое святому королю, установилось только въ послѣдующее время; но критическій разборъ этого предмета увлекъ бы насъ слишкомъ далеко.

Если мы сообразимъ положеніе Мадьяръ — чужаго племени, насильно захватившаго земли среди Европейскихъ народовъ и подвергнутаго опасности быть поглощеннымъ ими, либо изгнаннымъ и истребленнымъ, то мы увидимъ, что, кромѣ принятія христіанства, Мадьярамъ нуженъ былъ такой государственный порядокъ, который, съ одной стороны, не заключалъ бы въ себѣ излишней сосредоточенной власти, а съ другой — не отстранялъ бы единства въ правительствѣ; что слѣдовало, съ одной стороны, оставить за Мадьярами-завоевателями нѣкоторыя преимущества, а съ другой — дать подчиненнымъ племенамъ такія права, которыя вызвали бы въ нихъ участіе къ сохраненію порядка вещей, созданнаго Мадьярскимъ завоеваніемъ. Какъ отсутствіе правительственнаго единства было бы очевидною гибелью для Мадьяръ, такъ была бы гибельна для нихъ деспотическая централизація, которая поставила бы въ зависимость отъ личныхъ дарованій правителя судьбу такого шаткаго зданія, какимъ бываетъ всегда государство, основанное на завоеваніи: событія, разыгравшіяся въ тѣхъ же мѣстахъ послѣ смерти Аттилы и Баяна, доказываютъ это, не говоря о другихъ примѣрахъ. Нѣкоторыя преимущества Мадьяры должны были оставить за собою, чтобы ихъ потомки не имѣли охоты перерождаться въ Славянъ или Валаховъ; но нужно было предотвратить угнетеніе Славянской и Румынской народности Мадьярскою, чтобы не дать имъ повода возстать и призвать противъ Мадьяръ своихъ соплеменниковъ съ сѣвера, юга и востока. Такова была задача, предстоявшая первому устроителю Мадьярской державы. Св. Стефанъ рѣшилъ ее съ умѣньемъ, которому нельзя не дивиться.

Вопросъ объ единодержавіи былъ уже рѣшенъ до него. Хотя при вторженіи въ Европу, власть князя была весьма слаба, и онъ казался въ началѣ только главою союза почти независимыхъ старшинъ, соединившихся для общаго похода, однако, тотчасъ по водвореніи на Дунаѣ, значеніе этой власти, силою обстоятельствъ, стало все болѣе и болѣе возвышаться. Вѣроятно, если бы св. Стефанъ захотѣлъ воспользоваться своею побѣдою надъ частію народа, взбунтовавшеюся противъ введенія христіанства, и въ слѣдъ за тѣмъ покореніемъ Тран-

сильваніи (гдѣ одинъ изъ старшинъ, спутниковъ Арпада, основалъ было независимое княжество), то онъ могъ бы взять въ руки власть неограниченную. Но онъ этого не сдѣлалъ. Мадьяры съ гордостію указываютъ на свою конституцію, какъ на древнѣйшую въ Европѣ: они имѣютъ на это полное право. Конституція св. Стефана получила свое начало около 1000 г., и стало быть, слишкомъ столѣтіемъ старше Англійской *Magna Charta*. Не вдаваясь въ подробности ея, мы укажемъ только на то, что конституція св. Стефана совмѣщала въ себѣ всѣ условія, бывшія необходимыми для сохраненія Мадьярской народности въ завоеванномъ ею краѣ. Королевская власть была довольно сильна; но странѣ, раздѣленной на комитаты, предоставлялось полное мѣстное самоуправленіе; сеймъ, въ которомъ могли участвовать всѣ дворяне или свободные люди (это было одно и то же: древнее дворянство Мадьярское, по своей многочисленности и политическому значенію, соотвѣтствуетъ шляхтѣ, развившейся потомъ въ Польшѣ), — сеймъ рѣшалъ законодательные вопросы и другія важныя дѣла, общія для всей страны; въ каждомъ комитатѣ созывался сеймикъ или конгрегація, представлявшая въ маломъ видѣ подобіе общаго сейма. Замѣчательно сходство всего этого государственнаго порядка съ древнимъ политическимъ устройствомъ западныхъ Славянскихъ народовъ. Они также дѣлились первоначально на *жупы*, совершенное подобіе Венгерскихъ комитатовъ, имѣвшихъ каждый, какъ и Славянскія *жупы*, укрѣпленное средоточіе, гдѣ собирался народъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія, гдѣ производился торгъ, находился судъ, и жилъ начальникъ комитата, *ишпанъ* (слово — очевидно, передѣланное изъ Славянскаго *жупанъ*). Сходки въ славянскихъ *жупахъ* и общій сеймъ въ главномъ городѣ земли представляютъ такое же сходство между древнимъ устройствомъ западныхъ Славянъ и Мадьяръ. Весьма вѣроятно, или, лучше сказать, несомнѣнно, что государственный порядокъ Венгріи сложился на подобіе того порядка, въ которомъ Мадьяры застали туземныхъ Славянъ при водвореніи своемъ между ними. Но устройство *жупъ* съ ихъ сходками у западныхъ Славянъ подверглось повсюду скорому разложенію подъ вліяніемъ многихъ посторонніхъ стихій; а у Мадьяръ, сознательно принятое законодателемъ за основу всего политическаго бытія страны, оно утвердилось незыблемо и устояло донынѣ. Одно учрежденіе исключительно свойственно Венгріи, и возникло какъ будто бы изъ стремленія оградить государство отъ опасностей междуцарствія и отъ столкновеній между сеймомъ и королемъ. Это была должность палатина. Когда король правилъ, палатинъ былъ верховнымъ судьею и надзирателемъ пограничныхъ крѣпостей, оборонявшихъ страну; блюститель закона, онъ предсѣдательствовалъ на сеймахъ, хранилъ государственные уста-

вы и грамоты, и передавалъ королю жалобы его подданныхъ. Въ случаѣ же отсутствія короля или неспособности его къ правленію, а также во время междуцарствія, верховная власть переходила къ палатину. Нельзя не дивиться тому, что, при такихъ правахъ палатина, эта должность осталась неприкосновенною во все время независимости Венгріи, и что какъ короли не рѣшались уничтожить званіе, столь стѣснительное для нихъ, такъ, съ другой стороны, никто изъ палатиновъ не отважился присвоить себѣ королевскую власть.

Мы сказали, что политическія права (участіе въ сеймахъ и сеймикахъ и другія преимущества, о которыхъ мы не распространяемся) принадлежали дворянству, и что дворянами были въ Венгріи всѣ свободные люди [1]). Они не платили податей; они обязаны были итти на войну, по призыву короля. Первоначально этотъ господствующій классъ составляли завоеватели, Мадьяры; туземцы были обращены въ низшее сословіе, лишенное политическихъ правъ и жившее большею частію въ качествѣ крѣпостныхъ людей на земляхъ, которыя Мадьяры распредѣлили между собою при завоеваніи. Но Мадьяры умѣли избѣгнуть исключительности; они не поставили рѣзкой грани между собою и побѣжденными народами. Мадьярская терпимость относительно другихъ народовъ упрочила завоевательное государство Арпадово и спасла Мадьяръ. Терпимость эта проявлялась двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, Мадьяры не только не берегли своихъ правъ исключительно для себя, но охотно дѣлились ими со всѣми единоплеменными кочевниками, которые подходили къ ихъ границамъ. *Единоплеменниковъ* они тотчасъ принимали, какъ равноправныхъ братій, и отводили имъ жилища въ своихъ степяхъ. Эти пришельцы, естественно, теряли скоро свои особенности среди родственныхъ Мадьяръ, и органически сливались съ ними. Пріемъ пришлыхъ кочевыхъ племенъ въ общество Мадьяръ начинается на первомъ шагу ихъ въ Европѣ. Когда Мадьяры еще только сбирались перейти за Карпатскія горы, они допустили въ свою орду семерыхъ старшинъ Половецкихъ (Куманскихъ) съ ихъ родами и подвластнымъ имъ народомъ. При завоеваніи Трансильваніи, Мадьяры тотчасъ побратались съ такъ называемыми Секлерами, которыхъ преданіе, можетъ быть основательно, выдаетъ за потомковъ Гунновъ, оставшихся тамъ послѣ разрушенія Аттилиной державы. Сынъ Арпада, Солта, принялъ въ Мадьярское общество Биссеновъ; внукъ Арпада, Тотсунъ, какихъ-то магометанъ, выходцевъ изъ земли *Буларъ* (вѣроятно, Волжской Болгаріи), и водворилъ ихъ

[1]) Со времени св. Стефана званіе свободныхъ людей, но не дворянъ, стали получать также горожане (бюргеры), жители привилегированныхъ „свободныхъ королевскихъ“ городовъ, по большей части переселенцы изъ Германіи; имъ даны были также политическія права.

большею частію около Пешта, гдѣ они, по принятіи христіанства, слились съ Мадьярами. Переходъ кочевниковъ изъ Черноморскихъ степей въ Венгрію продолжался и въ послѣдующее время, и завершился въ XIII вѣкѣ самымъ значительнымъ переселеніемъ: тогда Мадьяры отвели у себя жилища всей ордѣ Половцевъ (Кумановъ) и Языговъ или Ясовъ, гонимыхъ Татарами, и дали имъ всѣ права, коими сами пользовались. Этотъ многократный приливъ единоплеменниковъ съ востока болѣе всего способствовалъ внутреннему упроченію Мадьярской народности; можно даже полагать, что безъ послѣдняго и главнаго приращенія силъ принятіемъ Половцевъ, она давно исчезла бы сама собой.

Въ отношеніи къ народамъ *Европейскимъ*, древніе Мадьяры руководствовались мудрою общительностію и терпимостью, и тѣмъ заставили ихъ забыть зло и обиды завоеванія. Эта черта проходитъ черезъ всю прежнюю исторію Мадьяръ, начиная съ первыхъ шаговъ ихъ на Европейской землѣ. Древнѣйшій Русскій лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, какъ Венгры прошли мимо Кіева, на пути къ своему новому отечеству; древнѣйшій лѣтописецъ Венгерскій говоритъ о томъ же, прибавляя сказаніе о войнѣ съ Кіевскимъ княземъ и о блистательной побѣдѣ надъ нимъ. Мы въ правѣ не вѣрить сказочнымъ подвигамъ Мадьяръ подъ Кіевомъ, тѣмъ болѣе, что самъ лѣтописецъ ссылается, для удостовѣренія въ правдивости своего повѣствованія, на народныя пѣсни Мадьярскія; однако, едва ли, при такомъ походѣ, могло обойтись безъ враждебныхъ столкновеній. Но и въ Мадьярскомъ преданіи война съ Русскими кончается миромъ и дружбою, такъ что, при переходѣ за Карпаты, многіе Русскіе пошли за Мадьярскимъ вождемъ, поселились въ Венгріи и вѣрно служили ея государямъ: «Потомство ихъ, говоритъ лѣтописецъ, живетъ тамъ до нынѣшняго дня». (Anonym. reg. Belae notarius, гл. 10). Нѣтъ никакого основанія отвергать это сказаніе; но какъ бы то ни было, обширныя поселенія Русскихъ людей (Малороссовъ) въ Венгріи восходятъ до отдаленнѣйшей древности, и эти Русскіе жили постоянно въ дружбѣ съ Мадьярами. Даже событія 1848 года не поколебали ея, сколько намъ извѣстно. Тяжеле была въ началѣ, безъ сомнѣнія, участь другихъ Славянъ въ Венгріи, а также Румыновъ, какъ народовъ завоеванныхъ; но, сколько видно изъ древнихъ свидѣтельствъ, Мадьяры не были жестоки въ обращеніи съ своими подданными. Они отличались этимъ отъ своихъ предшественниковъ въ завоеваніи Дунайской страны, Аваровъ, свирѣпость которыхъ на многіе вѣка осталась памятною Славянамъ; за то и гибель Аваровъ была ужасна, и обратилась въ притчу точно такъ же, какъ ихъ жестокость. Преданіе Мадьярское олицетворило въ первомъ завоевателѣ, Арпадѣ, дружеское об-

щеніе съ туземцами. Оно представляетъ его пирующимъ ежедневно съ своими Венграми и съ другими народами: «И сосѣдніе народы, — прибавляетъ Мадьярскій лѣтописецъ, — слыша о дѣлахъ Венгровъ, стекались къ князю Арпаду, и, добровольно покоряясь, служили ему съ великимъ рвеніемъ, а многіе сдѣлались у него домашними гостями». Скоро Славяне и Румыны стали приниматься въ ряды свободныхъ людей или дворянъ, а, съ другой стороны, многіе изъ Мадьяръ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, переходили въ разрядъ крѣпостныхъ. Уже во время св. Стефана въ Венгріи, можно полагать, не все дворянство состояло изъ Мадьяръ, и не всѣ туземные жители, Славяне и Румыны, лишены были политическихъ правъ. Право мѣстнаго самоуправленія получили, по конституціи св. Стефана, одинаково комитаты чисто Мадьярскіе и комитаты, въ которыхъ жили почти исключительно Славяне и гдѣ, по всей вѣроятности, само дворянство было болѣе или менѣе Славянское. Такимъ образомъ, конституція св. Стефана сдѣлалась дорогою не только Мадьярамъ, но и Славянамъ, какъ хранительница общихъ правъ и вольностей. Венгерскіе Славяне стали сами съ ревностію поддерживать уставъ, на которомъ держалось все государственное зданіе, воздвигнутое Мадьярами въ завоеванной Славянской землѣ. Св. Стефанъ, въ своей конституціи, прибавилъ еще одно важное примирительное начало: вмѣстѣ съ христіанствомъ, принятымъ изъ Рима, онъ ввелъ Латинскій языкъ въ Венгріи, не только какъ языкъ церкви, но какъ языкъ правительственный и административный. Латинскій языкъ, употребленіе котораго въ средніе вѣка принесло другимъ странамъ западной Европы огромный вредъ, задержавъ развитіе народной образованности и заглушивъ много живыхъ народныхъ силъ, оказалъ, напротивъ, Мадьярамъ неисчислимую пользу; можно сказать, что Латинскій языкъ, вмѣстѣ съ конституціею св. Стефана, спасъ Мадьяръ отъ народной борьбы съ Славянами и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ гибели. Языкъ нейтральный, онъ предупреждалъ столкновеніе обѣихъ народностей въ дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ, и ограничивалъ, какъ Мадьярскій языкъ, такъ и Славянскій, областью частной жизни, гдѣ оба могли существовать безобидно другъ для друга. Латинскій языкъ былъ такою жизненною потребностію для Венгріи, что онъ укоренился тамъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и съ самаго начала сдѣлался не только языкомъ государственныхъ актовъ, но языкомъ устныхъ преній на сеймахъ и сеймикахъ и въ судахъ, языкомъ всѣхъ оффиціальныхъ сношеній. Всякій житель Венгріи, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ, выучивался говорить по-латыни, коль скоро хотѣлъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ такомъ употребленіи Латинскій языкъ оста-

вался въ Венгріи, какъ извѣстно, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; извѣстно также, въ какое замѣшательство пришли тамъ взаимныя отношенія народностей, когда отмѣнили оффиціальное значеніе Латинскаго языка.

Мы говорили до сихъ поръ преимущественно объ отношеніяхъ, въ какія древніе Мадьяры вступили къ Славянской народности. Въ этихъ отношеніяхъ заключался, для потомковъ Арпада, вопросъ жизни и смерти, ибо очевидно, что главная опасность грозила Мадьярамъ со стороны реакціи покоренныхъ Славянъ и ихъ заграничныхъ соплеменниковъ. Мы видѣли, что чувство самосохраненія внушило Мадьярамъ и ихъ первому устроителю, св. Стефану, такой образъ дѣйствія, который не только предупредилъ возстаніе Славянъ, но даже позволилъ имъ забыть зло, сдѣланное имъ Мадьярами: во всей прошедшей исторіи нѣтъ слѣдовъ народной вражды Венгерскихъ Славянъ противъ завоевательнаго племени; нѣтъ такихъ слѣдовъ въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Подобная политика руководила Мадьярами и въ отношеніи къ другимъ народностямъ. Св. Стефанъ поселилъ въ Венгріи много Нѣмецкихъ ремесленниковъ и рудокоповъ, и въ Трансильваніи основалъ сплошныя Нѣмецкія колоніи. Эти переселенцы получили большія права, и народность ихъ была вполнѣ ограждена. Венгрія издревле славилась своимъ гостепріимствомъ; люди изъ разныхъ странъ селились тамъ подъ охраною Мадьярской терпимости, и многіе пріобрѣтали съ дворянствомъ всѣ политическія права. Только участь Румыновъ въ Трансильваніи была тяжела. Трансильванія получила устройство, не сходное съ Венгріею; она раздѣлена была на три народности: Мадьярскую, Секлерскую и Нѣмецкую, которыя управлялись отдѣльно, сами собою, а общія дѣла рѣшали совокупно на сеймѣ; Румыны же, хотя составляли главную массу населенія Трансильваніи, не были признаны самостоятельною народностью, имѣющею политическія права, и тѣ изъ Румыновъ, которые были признаны дворянами, не являлись представителями своего племени, а засѣдали между членами привилегированныхъ народностей. Трудно рѣшить, почему древніе Мадьяры поступили такъ несправедливо относительно Румыновъ: потому ли, что не боялись этого народа, не имѣвшаго въ то время никакого политическаго бытія, или въ слѣдствіе случайныхъ причинъ, которыхъ мы здѣсь не станемъ доискиваться.

Черезъ сто лѣтъ послѣ основанія конституціи св. Стефана, Венгрія пріобрѣла цѣлое Славянское государство, простиравшееся отъ Дравы до Адріатическаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что дружелюбныя отношенія, въ которыя Мадьяры умѣли поставить себя къ завоеваннымъ ими Славянамъ, и преимущества конституціи св. Стефана были

главною причиною того, что Хорватскій народъ, когда прекратилась его древняя династія, добровольно согласился призвать на свой престолъ родъ Арпада. Венгрія признала за Хорватами полную независимость внутренняго самоуправленія; между Венгріею и Хорватіею установлена была только политическая связь въ лицѣ короля и тѣхъ депутатовъ, которыхъ Хорватскій сеймъ отправлялъ на сеймъ Венгерскій представителями интересовъ Хорватіи. Руководствуясь своею мудрою политикою относительно Славянъ, Мадьяры не только подписали эти условія, но — надобно сказать къ ихъ чести — свято хранили ихъ во все продолженіе своего самостоятельнаго существованія. За то и Хорваты грудью стояли за Венгрію.

Съ своею терпимостью относительно чужихъ народностей, Мадьяры соединяли постоянно полную религіозную терпимость. Г. Шассенъ, въ своемъ введеніи къ исторіи Гуніяда, посвятилъ цѣлую главу доказательству религіознаго либерализма Мадьяръ. Въ самомъ дѣлѣ, они даже въ самую темную пору среднихъ вѣковъ упорно отвергали вмѣшательство папской власти въ свѣтскія дѣла, и православные постоянно пользовались у нихъ свободою вѣроисповѣданія. Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Трансильванскіе Румыны не были унижены, какъ въ политическихъ правахъ. Въ самой Венгріи православная вѣра была въ началѣ сильно распространена, и какъ кажется, до XIII вѣка преобладала между Мадьярами надъ католицизмомъ. Она уступила ему мало-по-малу въ слѣдствіе постояннаго усиленія западнаго вліянія и недостатка общенія съ Востокомъ, а также въ слѣдствіе стараній латинскаго духовенства, которое св. Стефанъ одарилъ огромными матеріальными средствами. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы Мадьярское правительство стѣсняло свободу православныхъ и предпринимало противъ нихъ гоненія. Венгерскіе Русины могли сохранить православное исповѣданіе неприкосновеннымъ во все время самостоятельности Венгріи, и обращены были въ унію только ревностью Австрійскаго правительства (окончательное ихъ присоединеніе къ уніатамъ совершилось въ 1768 году) [1]). Вѣротерпимость должна была сдѣлаться такимъ же основнымъ правиломъ для Мадьяръ, какъ терпимость къ народностямъ; ибо послѣдняя не могла существовать безъ вѣротерпимости, а терпимость въ дѣлѣ народностей была, какъ мы видѣли, жизненнымъ условіемъ для существованія самаго Мадьярскаго народа. Католицизмъ не привилъ къ Мадьярамъ своей исключительности; его нетерпимость не соотвѣтствовала ихъ потребностямъ. Потому нигдѣ, какъ между Мадьярами, реформа, пропо-

[1]) См. объ этомъ статью: „Унія Венгерскихъ Русиновъ“ (Русск. Бесѣда, 1858, IV). Тамъ же приведены вкратцѣ свидѣтельства о распространеніи православной вѣры между Мадьярами въ древнее время.

вѣданная Лютеромъ и Кальвиномъ, не нашла столь скораго и полнаго отголоска. Еще въ XVI вѣкѣ протестантство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ Мадьяръ. Для защиты свободы вѣроисповѣданья, они вели кровавыя войны съ Австрійскимъ правительствомъ. Чтобы возстановить католицизмъ въ Мадьярскомъ народѣ, нужны были всѣ ужасы императора Леопольда I и его палачей, Іезуитовъ, ужасы, которымъ трудно найти подобныхъ въ исторіи рода человѣческаго; нужна была политика, избравшая себѣ девизомъ: faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam (обращу Венгрію въ рабство, потомъ въ нищенство, наконецъ въ католичество). Но и девятимѣсячныя казни въ Эперіесѣ, которыя превосходятъ, по жестокости истязаній и числу жертвъ, все, что̀ совершилось на землѣ безчеловѣчнаго, не могли сдѣлать католицизма господствующимъ исповѣданіемъ Мадьяръ. При первой возможности, они снова заставили Австрію признать, вмѣстѣ съ древними конституціонными правами Венгріи, свободу вѣроисповѣданія. Хотя численный перевѣсъ между Мадьярами остался, со времени гоненій Леопольда, на сторонѣ католиковъ, однако реформатская вѣра до сихъ поръ называется въ Венгріи «Мадьярскою вѣрою» по преимуществу; событія 1860 года показали, какъ Мадьяры, вѣрные памяти своихъ великихъ вождей, Бочкая, Текели и Ракоци, умѣютъ отстаивать свободу совѣсти.

Все, что̀ мы сказали объ образѣ дѣйствія прежнихъ Мадьяръ и началахъ ихъ политической и религіозной жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко мы цѣнимъ этотъ народъ, какъ высоко мы цѣнимъ благородныя преданія, завѣщанныя ему исторіею. Никто изъ Мадьяръ не обвинитъ насъ въ недостаткѣ сочувствія къ ихъ славному прошедшему. Во многомъ мы здѣсь почти повторяли слова Мадьярскаго панегириста, г. Шассена. Но въ исходной точкѣ нашего взгляда мы съ нимъ не согласны. Мы того мнѣнія, что роль Мадьяръ въ прошедшемъ обусловливалась преимущественно ихъ положеніемъ средп Славянъ, и что ихъ терпимость, въ отношеніи къ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, и всѣ основныя начала ихъ гражданскаго устройства были необходимымъ послѣдствіемъ чувства самосохраненія, которымъ судьба такъ богато одарила Мадьярскій народъ и его первыхъ законодателей. Г. Шассенъ, не обращая никакого вниманія на особенность положенія Мадьяръ въ Европѣ, приписываетъ, напротивъ, все это *природному либерализму*, которымъ будто бы Мадьярскій народъ отличается между всѣми племенами восточной Европы. Намъ трудно повѣрить, чтобы были племена по природѣ либеральныя, а другія по природѣ нелиберальныя; намъ даже такое мнѣніе кажется несовмѣстнымъ съ идеею о возможности развитія въ родѣ человѣческомъ. Либерализмъ и нелиберализмъ народовъ зависитъ не

отъ врожденныхъ стихій, а отъ тысячи обстоятельствъ, творимыхъ, измѣняемыхъ и разрушаемыхъ ходомъ исторіи. Въ одномъ положеніи, народъ дѣйствуетъ и, дѣйствуя, привыкаетъ мыслить либерально; въ другомъ положеніи, онъ является нелиберальнымъ; часто народъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, изъ нелиберальнаго дѣлается либеральнымъ, изъ либеральнаго—нелиберальнымъ; часто въ одно и то же время народъ является въ однихъ отношеніяхъ либеральнымъ, въ другихъ нелиберальнымъ. Отъ чего древній Римъ, когда въ его внутреннемъ гражданскомъ устройствѣ господствовалъ либерализмъ, на сколько могло быть либеральнымъ древнее общество, былъ страшнымъ деспотомъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ народамъ, а когда далъ у себя просторъ громадному деспотизму, сталъ либеральнымъ къ подвластнымъ племенамъ? Отъ чего Англія такъ либеральна у себя дома и въ Канадѣ, въ Австраліи, и такъ нелиберальна въ Индіи и на цѣломъ Востокѣ? Отъ чего, наконецъ, сами Мадьяры въ 1847 и 1848 г. выставляли себя представителями либеральныхъ началъ въ отношеніи къ Австріи, и поступали такъ нелиберально съ Хорватами, Сербами, Румынами? Странно читать, въ книгѣ г. Шассена, что въ восточную Европу явилась съ какимъ-то природнымъ либерализмомъ завоевательная орда Арпадова, эта ближайшая соплеменница Гунновъ и Аваровъ, Половцевъ, Татаръ и Турокъ, какъ допускаетъ самъ г. Шассенъ. Дѣло въ томъ, что эта орда по природѣ не была ни болѣе, ни менѣе либеральна, чѣмъ всѣ выходцы изъ Азіатскихъ степей, вторгавшіеся поочередно въ Европу. Но Мадьяры, или ихъ первые вожди, умѣли понять, что если они не уживутся въ своемъ новомъ отечествѣ со всѣми племенами, какія нашли тамъ, то накличутъ на себя такую грозу, которая ихъ сотретъ съ земли. Вотъ отъ чего Мадьяры и стали дѣйствовать либерально относительно народностей и религій. Сознаніе существенной необходимости для Мадьярскаго народа ладить съ другими племенами въ его землѣ было такъ живо и сильно въ эпоху перваго его устроенія въ Европѣ, что св. Стефанъ, въ своемъ завѣщаніи къ сыну, выразилъ въ слѣдующемъ странномъ изрѣченіи свой взглядъ на основанія могущества государствъ: «Помни, писалъ онъ Эмерику, что государство, единое по языку и по быту, бываетъ слабо и шатко» (unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est). Какъ понять это правило перваго Венгерскаго законодателя, прямо противоположное тому, что̀ всеобщій политическій смыслъ признаетъ залогомъ силы и стойкости всякой державы? Очевидно, мысль о необходимости для *Мадьярскаго* государства состоять изъ нѣсколькихъ народностей, взаимно признающихъ свои права, до того овладѣла сознаніемъ творца Венгерской конституціи, что онъ пере-

несъ эту норму въ свое представленіе о государствѣ вообще: видя, какъ пагубно было бы желаніе сдѣлать Венгрію государствомъ одного народа, онъ вообразилъ, что разнообразіе народныхъ стихій составляетъ существенную потребность всякаго вообще государства.

Но г. Шассенъ не раздѣляетъ мнѣнія св. Стефана, и сожалѣетъ, что преемники великаго законодателя соблюдали его правило (разумѣется, покуда на тронѣ Венгріи не сидѣли Австрійцы). Онъ говоритъ: «Всѣ преемники короля-апостола слѣдовали его *опасному* наставленію..... Какъ нарочно, они воздерживались отъ мадьяризаціи Румыновъ, что̀ было для нихъ чрезвычайно легко», и т. дал. Нѣсколько ниже, г. Шассенъ продолжаетъ: «Постоянная децентрализація была доведена (у Мадьяръ) до крайнихъ предѣловъ. Не только Мадьяры *позволили* Румынамъ, Славянамъ и Нѣмцамъ удержать подлѣ нихъ свою народную особность, но даже, когда дѣлали завоеванія въ Болгаріи, Босніи, Сербіи, Россіи, Молдавіи, Валахіи, Чехіи, Польшѣ, или Австріи, они не отваживались слить въ обычаяхъ и языкѣ завоеванія эти съ своими собственными владѣніями. Мало того: всѣмъ иностранцамъ, какіе бы они ни были, Жидамъ, Измаилитамъ и Цыганамъ, а также поселившимся въ нѣкоторыхъ свободныхъ городахъ Итальянцамъ, Грекамъ, Французамъ, — Мадьяры оставляли преданія и обычаи ихъ предковъ. По излишней ревности, они не разъ принуждали силою къ обращенію въ христіанство, но никогда не производили вооруженной пропаганды въ пользу своей народности. Нестройныя части цѣлаго связывались одна съ другою только конституціею св. Стефана.... Такая система, слишкомъ сложная и не довольно крѣпкая, чтобы создать единство среди разнообразія, помѣшала Венгріи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Франція со временъ Людовика XI и Ришельё, — народомъ обезпеченнымъ въ своемъ будущемъ, неразрушимымъ, недѣлимымъ, потому что разнородныя племена, изъ которыхъ она нѣкогда слагалась, были слиты другъ съ другомъ и составляютъ одинъ народъ. Франція подверглась вооруженному нашествію: ее не разрѣзали на части. Побѣдители не могли лишить ее естественныхъ границъ, Рейна, Альповъ, Пиренеевъ и Атлантики, потому что между этою рѣкою, этими горами и этимъ моремъ, встрѣтили цѣльный народъ. Венгрія неспособна выдержать операцію въ родѣ договоровъ 1815 года: событія послѣднихъ лѣтъ доказали это слишкомъ прискорбнымъ опытомъ. Она была бы свободна и велика въ настоящее время, если бы имѣла нѣкогда, какъ мы (т. е., Французы) своихъ *уравнителей* (нивелёровъ). Въ этомъ мы не сомнѣваемся».

Напрасно г. Шассенъ старается за тѣмъ загладить бездушную жестокость взгляда, выраженнаго въ этихъ строкахъ, фразами о «ве-

ликодушіи» Мадьяръ, «которое дозволило родиться и существовать этому *плачевному* ученію» (cette déplorable doctrine — т. е., терпимости въ отношеніи къ народностямъ) и другими изліяніями гуманитарной фразеологіи. Все-таки *ученіе*, которое помѣшало Мадьярамъ истребить Славянъ и Румыновъ въ своихъ владѣніяхъ, остается плачевнымъ, по мнѣнію г. Шассена; все-таки онъ сожалѣетъ, что Мадьяры, когда имъ удавались завоеванія въ чужихъ земляхъ, не налагали на тамошнихъ жителей своего языка и своего быта: что̀, разумѣется, могло быть достигнуто, если только было возможно, уничтоженіемъ одной части населенія, и страшными насиліями надъ другою. По какому же праву, спросимъ мы г. Шассена, онъ осуждаетъ Іезуитовъ и Австрійцевъ за рѣзню въ Эперіесѣ, за потоки крови, пролитые для водворенія католицизма въ Венгріи? Человѣку, излагающему подобныя мнѣнія, прямая дорога — въ іезуитскій орденъ. Родись г. Шассенъ въ XVII в., а не въ XIX-мъ, онъ не довольствовался бы мысленнымъ истребленіемъ Славянъ и Румыновъ въ пользу Мадьярской народности; онъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Колоничемъ и Караффою, истреблялъ бы вещественно Мадьяръ-протестантовъ въ пользу католицизма. Если бы мы не принимали въ соображеніе разстоянія между словомъ и дѣломъ, между теоріею и исполненіемъ, то пришлось бы даже поставить Колонича и Караффу выше г. Шассена: ибо Караффа и Колоничъ могли вѣрить въ католицизмъ, какъ въ единоспасающую церковь, а г. Шассенъ не можетъ вѣрить въ единоспасительность Мадьярской народности.

Мы не обратили бы вниманія на приведенныя мнѣнія нашего автора, которыя должны внушить отвращеніе всякому его читателю, если бы событія нашего времени не сдѣлали нужнымъ напоминать Мадьярамъ завѣтное правило: «Какою мѣрою мѣрите, отмѣрится вамъ». Желая положить на Славянъ и Румыновъ Мадьярскій языкъ и Мадьярскую народность, они тѣмъ самымъ оправдываютъ Австрію, когда она старается онѣмечить ихъ самихъ: или пусть они докажутъ, что Мадьярская народность абсолютно лучше Нѣмецкой.

Развитіе централизаціи и подведеніе всего подъ одинъ уровень, на подобіе Франціи, этотъ недостигнутый идеалъ Венгріи, по мнѣнію г. Шассена, — было для Венгріи совершенною невозможностью. Полагать, что она могла и должна была стремиться къ этой цѣли, доказываетъ полнѣйшее непониманіе самыхъ условій ея существованія. Мы надѣемся, что представили довольно ясно причины, по которымъ Мадьярскій народъ, если хотѣлъ жить въ Европѣ, долженъ былъ руководствоваться полною терпимостью въ дѣлѣ народностей и вѣроисповѣданій, и держаться началъ децентрализаціи и самоуправленія, завѣщанныхъ ему конституціею св. Стефана; въ противномъ случаѣ, его

ожидала участь Гунновъ и Аваровъ. Какъ же возможно было, при такихъ условіяхъ, слѣдовать централизующей и все подводящей подъ одинъ уровень политикѣ Франціи? Да и составляетъ ли такая политика особенное счастіе для страны? Внутреннее чувство Мадьяръ не обмануло ихъ: никто изъ природныхъ королей ихъ никогда не помышлялъ объ уничтоженіи конституціи св. Стефана; а потомъ, когда Венгрія перешла подъ власть Габсбургской династіи, съ какою безпримѣрною стойкостью оберегала она свое древнее уложеніе съ его двумя основными началами — мѣстнымъ самоуправленіемъ и свободою исповѣданья! сколько крови пролила для нихъ! Мадьярскій народъ чувствовалъ, что съ ними отстаиваетъ самое свое существованіе. Не даромъ называлъ онъ конституцію св. Стефана и свободу исповѣданья палладіумомъ своей народности. Это сознаніе коренилось такъ глубоко, что когда Австрія пыталась уничтожить свободу исповѣданья и ограничить права протестантовъ и православныхъ въ пользу католицизма, то противъ нея вооружались не только православные и протестанты, но сами католики-Мадьяры. Это мы видѣли недавно, и то же самое повторялось при всякомъ нарушеніи, со стороны Австріи, начала свободы совѣсти; даже въ XVII вѣкѣ, когда религіозный фанатизмъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда готовилась уже въ Европѣ страшная тридцатилѣтняя война, вождемъ Мадьяръ, возставшихъ для защиты религіозной свободы, сдѣлался католикъ, Стефанъ Бочкай, который и принудилъ императора Рудольфа II къ подписанію Вѣнскаго договора, объявлявшаго полную свободу протестантамъ въ Венгріи (1606 г.).

Не тотъ путь, по которому развивалось государство во Франціи, предстоялъ Венгріи. Всѣ существенныя ея стихіи могли, напротивъ, уподобить ее Англіи во внутреннемъ развитіи. Венгрія въ началѣ XI-го, Англія въ началѣ XII-го вѣка, получили уже основанія конституціоннаго порядка. И въ Венгріи и въ Англіи эти основанія были аристократическія, запечатлѣны были слѣдами недавняго завоеванія; но онѣ, съ одной стороны, не уничтожали значенія верховной власти, и въ слѣдствіе этого не могли вести къ образованію олигархіи, а съ другой, давая полный просторъ мѣстному самоуправленію, открывали доступъ въ конституціонную жизнь народнымъ стихіямъ, и несли съ собою примиреніе завоеванныхъ съ завоевателями. Во всемъ этомъ древняя Венгрія сходилась съ древнею Англіею. Но Англія на этихъ основаніяхъ построила одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій человѣческихъ, а Венгрія...? Органическому развитію Венгріи помѣшала, съ одной стороны, многочисленность и сосредоточенность завоевательной, Мадьярской стихіи, которая не могла слиться со стихіею завоеванною, Славянскою, какъ Норманны слились съ Англо-Саксами; а съ другой стороны, Венгрію задержала опасность ея по-

ложенія. Со дня наступленія Турокъ всѣ силы ея должны были направиться къ борьбѣ за независимость, за христіанство; внутренняя, гражданская жизнь страны сдѣлалась для нея второстепенною заботою. Вскорѣ опасность отъ внѣшняго врага принудила Венгрію искать опоры въ династіи, которая располагала, или должна была располагать, силами всей Германской имперіи и состояла въ ближайшей связи съ могущественнѣйшею державою тогдашней Европы, съ усерднѣйщею противницею ислама, съ Испаніею. А попавши подъ скипетръ Габсбурговъ, Венгрія тѣмъ самымъ прощалась съ возможностью внутренняго развитія. Нынѣ, въ XIX-мъ вѣкѣ, ей приходится отстаивать еще тѣ существенныя условія ея бытія, которыя, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, положены были въ основаніе ея политическихъ и гражданскихъ учрежденій.

Между тѣмъ какъ Венгрія, съ XV-го вѣка до XIX-го, билась и тратила всѣ свои силы, чтобы только сохранить возможность существованія, чтобы отразить Турокъ и устоять подъ властію Австріи,— Славянскій міръ вокругъ нея мѣнялся. Поочередно упадали, на западѣ и югѣ, Славянскіе народы, нѣкогда разрозненные Мадьярами и шедшіе съ тѣхъ поръ путемъ обособленія и односторонняго развитія, одни за Романо-Германскою Европою, другіе за Византіею. А на востокѣ слагался и расширялъ свою державу другой Славянскій народъ, болѣе цѣльный, огромный, и въ которомъ сосредоточилась судьба Славянскаго міра. Наконецъ, въ наше время, западные Славянскіе народы, упавшіе, лишившіеся политической самостоятельности, стали сознавать причины своего паденія, и захотѣли сойти съ того пути, который привелъ ихъ уже къ гибели и могъ вести дальше къ совершенному уничтоженію. Эти народы стали сознавать, что причиной гибели, которою кончилась прошедшая исторія каждаго изъ нихъ, — было, во-первыхъ, взаимное обособленіе и отчужденіе, а во-вторыхъ, неразрывно связанный съ этимъ отчужденіемъ, упадокъ собственныхъ народныхъ, славянскихъ началъ, и господство чужихъ стихій, разрушившихъ у нихъ народный и государственный организмъ. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ родилась, внушенная естественнымъ чувствомъ самосохраненія, потребность устранить причины прежней гибели и замѣнить ихъ тѣмъ, что нужно было Славянскимъ народамъ для ихъ спасенія и будущаго преуспѣянія, т. е., замѣнить прежнее обособленіе и отчужденіе сближеніемъ и общеніемъ, прежнее подобострастіе къ чужимъ стихіямъ—развитіемъ своей собственной народности, однимъ словомъ, родился панславизмъ. Таково, дѣйствительно, его точное опредѣленіе, такова его сущность, очищенная отъ клеветъ и нелѣпыхъ вымысловъ, какіе на него навязали враги его; а у панславизма природныхъ враговъ не мало. При-

родные враги панславизма суть всѣ тѣ, коимъ выгодно было паденіе Славянъ, для коихъ еще выгоднѣе бы было ихъ совершенное уничтоженіе, и которые поэтому не могутъ желать ихъ возрожденія и развитія. Такимъ образомъ, въ нелюбви къ панславизму сходятся Австрійцы и всѣ ихъ друзья и всѣ приверженцы Германіи; Турки и всѣ люди, желающіе продленія ихъ власти въ Европѣ; наконецъ, даже нѣкоторые изъ Грековъ, желающіе поддержать преобладаніе Греческаго элемента въ Славянскихъ земляхъ Турціи. Все это всячески старалось подавлять распространеніе панславизма; все это взводило на него небылицы, чтобы сдѣлать изъ него пугало. Такимъ образомъ, говорили, смотря по публикѣ, къ какой относилась рѣчь, съ одной стороны, что панславизмъ есть скрытая форма западныхъ революціонныхъ идей, приспособленная къ востоку Европы, съ другой стороны, что онъ есть орудіе Русскаго правительства для распространенія его господства на западъ и югъ. Всѣ возгласы о панславизмѣ, которые намъ случалось читать во множествѣ книгъ и брошюръ, направленныхъ противъ этого новаго начала, въ сущности повторяютъ, съ большею или меньшею расточительностью фразъ, съ болѣе или менѣе патетическими указаніями грозящихъ отъ панславизма ужасовъ — то или другое изъ вышеприведенныхъ обвиненій. Противники панславизма не обратили вниманія на то, что эти два обвиненія взаимно уничтожаютъ другъ друга; что нельзя повѣрить, чтобы панславизмъ былъ союзникомъ революціонныхъ идей, когда въ то же самое время выставляютъ его орудіемъ Русскаго правительства и обратно. Но они разсчитывали на людское легковѣріе, и дѣйствительно, находили, особливо прежде, сильный отголосокъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы. Имъ дѣла не было до того, какъ нелѣпо само по себѣ каждое изъ двухъ обвиненій, взводимыхъ ими на панславизмъ. Скажите, не было ли нелѣпостью обвинять въ связи съ западными революціонными идеями направленіе, которое хотѣло освободить Славянъ отъ зависимости въ отношеніи къ Западу и обращало ихъ къ нормальному развитію собственныхъ народныхъ началъ? Не было ли нелѣпостью обвинять живое начало панславизма въ томъ, будто оно орудіе Русскаго правительства? Можно ли было допустить предположеніе, чтобы люди, стоящіе во главѣ разныхъ Славянскихъ народовъ, лучшіе, наиболѣе уважаемые ихъ люди, увлекающіе за собою мнѣніе своихъ соотечественниковъ, захотѣли служить кому бы то ни было орудіемъ? Противники панславизма не хотѣли подумать о томъ, что сколько съ одной стороны, невѣроятно, будто бы это ученіе было орудіемъ чужой политики, или, если бы оно было такимъ, могло не потерять тотчасъ всякое значеніе, столько же, съ другой стороны, законна и неизбѣжна у Славянскихъ на-

родовъ любовь къ Россіи и стремленіе сблизиться съ нею. Сущность панславизма заключается въ идеѣ общенія и взаимности Славянскихъ народовъ: что же значила бы эта идея, если бы исключенъ былъ обширнѣйшій, самый могущественный и наиболѣе исполненный живыхъ силъ народъ Славянскій? Сущность панславизма заключается въ развитіи, въ каждой изъ Славянскихъ земель, народныхъ славянскихъ началъ: что же значила бы эта идея, если бы исключенъ былъ тотъ Славянскій народъ, у котораго эти начала сохранились въ наибольшей чистотѣ и силѣ!

Мнѣ нечего оправдывать панславизмъ: это одно изъ тѣхъ стремленій человѣческихъ, которыя оправдываютъ себя сами, и которыхъ не могутъ остановить никакія клеветы, никакія усилія противниковъ. Мнѣ нужно было объяснить точное значеніе панславизма только для того, чтобы опредѣлить необходимыя послѣдствія его для Венгріи.

Какъ въ прошедшемъ историческая роль Венгріи обусловливалась ея положеніемъ относительно Славянскаго міра, такъ обусловливается она этимъ положеніемъ и въ настоящее время. Но самое положеніе Венгріи относительно Славянскаго міра совершенно измѣнилось подъ вліяніемъ идеи панславизма. Въ прежнее время, Мадьярскій народъ держалъ западныхъ и южныхъ Славянъ въ вещественной раздѣльности и способствовалъ чрезъ это ихъ внутреннему разъединенію и всему развившемуся, на основаніи разъединенія, историческому ходу, который кончился, какъ намъ извѣстно, поочереднымъ паденіемъ всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянъ. Роль Мадьярскаго народа въ общей исторіи Славянъ была, по существу своему и по своимъ послѣдствіямъ, враждебною для нихъ, хотя сами Мадьяры старались уживаться и ладить съ Славянами и этимъ держались. Теперь Славяне отказываются отъ прежняго разъединенія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ началъ, и стремятся къ соединенію, если не матеріальному, то умственному и нравственному. Станутъ ли Мадьяры препятствовать этому новому началу, проявившемуся въ жизни Славянъ, и держать ихъ по прежнему въ разъединеніи? Это невозможно. Мадьярамъ пришлось бы бороться вещественнымъ средствомъ противъ начала невещественнаго, имъ пришлось бы употребить свое матеріальное положеніе между сѣверо-западною и юго-западною группою Славянъ, какъ средство уничтожить между ними возможность общенія, обмѣна мыслей и союзнаго дѣйствія. Въ наше время, при нынѣшнемъ состояніи Европы, такая роль немыслима. Какою бы китайскою стѣною посреди Славянъ ни захотѣли сдѣлаться Мадьяры, токъ идей черезъ нее проникнетъ и ее мало-по-малу разрушитъ живой ростъ народовъ, ею раздѣляемыхъ. Но Боже сохрани Мадьяръ отъ безплодной роли китайской стѣны между Славянами, сознавшими свое братство и стре-

мящимися къ единенію! Если они не слѣпы, то они должны видѣть, что исторія въ настоящее время идетъ къ возрожденію Славянскаго племени во всѣхъ его вѣтвяхъ, къ проявленію его природныхъ силъ, къ его сознательному и общему дѣйствію въ судьбахъ человѣчества. Горе Мадьярамъ, если они захотятъ мѣшать: историческій ходъ сокрушалъ и не такіе народы.

А въ началѣ Мадьяры захотѣли мѣшать Славянамъ въ новомъ фазисѣ ихъ развитія. За то какъ скоро и какъ горько почувствовали они свою ошибку.

При первомъ появленіи панславизма, Мадьяры встрепенулись. Они почуяли тотчасъ, что дѣло зашло о самыхъ жизненныхъ ихъ интересахъ. Вниманіе ихъ тѣмъ болѣе обращено было на панславизмъ, что онъ провозглашенъ былъ впервые въ ихъ же землѣ: знаменитый Коларъ былъ Венгерскій Словакъ, онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Венгріи, его поэма «Дочь Славы» напечатана была въ Пештѣ, въ 1832 году. Понятно, почему именно среди Венгерскихъ Славянъ родилась идея панславизма: для нихъ всего осязательнѣе была ихъ разрозненность и слабость, которая отъ этого происходила, и поэтому всего ощутительнѣе потребность союза и нравственнаго единенія. Мадьяры отнеслись къ новому началу, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ люди, которымъ не хочется мѣнять старый порядокъ вещей, гдѣ они занимаютъ преобладающее мѣсто, на новый, выгоды котораго для нихъ сомнительны: они отнеслись враждебно къ возрожденію Славянскихъ народностей и къ ихъ единенію. Они стали сейчасъ приписывать матеріальную цѣль этому единенію, и испугались мысли о сліяніи всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянъ въ одно Славянское государство, которое стерло бы съ лица земли чужой народъ, водворившійся среди нихъ. Мадьяры немедленно признали и провозгласили панславизмъ и вообще идеи Славянской народности своимъ опаснѣйшимъ врагомъ.

Мы не станемъ описывать здѣсь ни распространенія народнаго самосознанія и стремленій къ единенію между Славянами, ни борьбы этихъ началъ съ Мадьярами, которые, съ своей стороны, выставили принципъ Мадьярской народности, и, пользуясь выгодами своего положенія, захотѣли наложить ее, посредствомъ насильственныхъ законодательныхъ мѣръ, на всѣхъ Славянъ, живущихъ въ Венгріи и земляхъ, исторически съ нею соединенныхъ. Испугъ ихъ передъ панславизмомъ былъ такъ великъ, что они не считали себя безопасными, покуда въ предѣлахъ Венгріи останется хоть одинъ Славянинъ. Въ какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ (съ 1836 по 1848 включительно) Мадьяры, въ борьбѣ съ невѣдомымъ дотолѣ врагомъ, совершенно оторвались отъ основнаго начала всей прошедшей своей исторіи, отъ то-

го начала, которому они обязаны своимъ существованіемъ въ Европѣ, отъ терпимости относительно народности. Тѣ люди, которые простирали до крайнихъ предѣловъ *нетерпимость*, пріобрѣли тогда самую огромную популярность между Мадьярами и стали во главѣ ихъ, напримѣръ Кошутъ, говорившій, что онъ не признаетъ въ предѣлахъ Венгріи никакой другой народности, кромѣ Мадьярской. Какъ далеки эти слова отъ древняго завѣщанія св. Стефана: *unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est.* Но за то св. Стефанъ на восемьсотъ слишкомъ лѣтъ обезпечилъ Мадьярскій народъ, а Кошутъ въ одинъ годъ сгубилъ его.

Извѣстна исторія междоусобной войны, вызванной въ 1848 г. исключительностью и нетерпимостью Мадьяръ, и противодѣйствіемъ развившагося у Славянъ сознанія собственной народности. Эта междоусобная война, которая длилась 14 мѣсяцевъ, которая опустошила цѣлыя области и свела въ могилу десятки тысячъ людей, принадлежитъ къ числу самыхъ горькихъ явленій современной исторіи. Славяне оплакиваютъ ее столько же, сколько и Мадьяры, и кажется, можно произнести надъ нею безпристрастный приговоръ.

Но не таковъ приговоръ, произносимый надъ этою войною г. Шассеномъ и товарищемъ его, Мадьяромъ, г. Ираньи, которые посвятили описанію ея особое сочиненіе. У нихъ Мадьяры повсюду являются благородными рыцарями, Славяне, и преимущественно ихъ двигатели, панслависты, — агентами, купленными Австріею и сѣявшими, для пользы ея, *мятежъ* противъ благородныхъ и справедливыхъ Мадьяръ. Кажется, время прошло писать исторію въ такомъ тонѣ. Если гг. Шассенъ и Ираньи не стыдятся выписывать изъ старыхъ газетъ и выдавать за правду подобныя клеветы на Славянское движеніе у Хорватовъ, Сербовъ и Словаковъ Венгерскихъ, то почему бы и намъ не выписать, также изъ старыхъ газетъ, и выдать за правду, что всѣ движенія, бывшія во Франціи противъ народнаго конвента въ 1793 и 1794 гг., всѣ возстанія въ Вандеѣ, въ Ліонѣ, въ Тулонѣ и проч., были произведены «золотомъ Питта и Кобурга», какъ гласила фраза того времени? — Но Славяне вступили въ союзъ съ Австріею и помогли ей покорить Венгрію. Это вовсе не доказательство, чтобы движеніе ихъ пропстекло изъ Австрійскаго источника, также какъ добровольный переходъ Тулонскихъ жителей на сторону Англіи во время революціи не подастъ никакому разумному человѣку повода предполагать, чтобы возстаніе Тулона противъ конвента было въ сущности дѣломъ Англіи. Тулонъ возсталъ, и имѣлъ на это *свои* причины; ему угрожала опасность: тогда онъ, не видя ни съ какой другой стороны помощи, забылъ природную Французскую антипатію къ Англіи, и бросился въ ея объятья. Такъ точно

поступили, въ подобныхъ обстоятельствахъ, Венгерскіе Славяне. Можно сожалѣть о печальной необходимости, заставившей ихъ, когда не было никакой другой точки опоры, стать подъ Австрійское знамя. Но укорять ихъ въ этомъ Мадьяры не имѣютъ никакого права: зачѣмъ они, въ то время, когда Славянское движеніе было еще совершенно народно и не имѣло ничего общаго съ Австрійскими интересами, зачѣмъ они въ то время отвергали всякое примиреніе съ Славянами, провозглашали ихъ бунтовщиками, и настаивали упрямо на безусловномъ ихъ подчиненіи безразсуднымъ требованіямъ ультрамадьярской партіи? Зачѣмъ они искали союза съ явными врагами Славянскихъ народовъ, съ Турціею и съ Франкфуртскимъ парламентомъ, который, съ своей стороны, также раздражилъ Славянъ требованіемъ абсолютной германизаціи въ Чехіи и другихъ Славянскихъ земляхъ Нѣмецкаго союза, какъ Петшскій сеймъ безусловнымъ отрицаніемъ правъ Славянской народности въ Венгріи. Гг. Шассенъ и Ираньи хвалятъ эти союзы и указываютъ на Оттоманскую Порту и на «либеральную, единую (unitaire) Германію», какъ на естественныхъ союзницъ Мадьярскаго народа въ будущемъ. Мы совсѣмъ другаго мнѣнія, и полагаемъ, что союзъ такого рода былъ бы для нихъ гибелью. Заключая союзъ, надобно имѣть въ виду, во-первыхъ, чтобы союзникъ обладалъ дѣйствительною силою (иначе какая отъ него польза?), а во-вторыхъ, чтобы дружба съ нимъ не возбудила вражды съ тѣми стихіями, съ которыми находишься въ ближайшей связи. Что же Порта Оттоманская можетъ сдѣлать въ пользу Мадьяръ?— а союзъ съ нею будетъ всегда возбуждать негодованіе Сербовъ и Хорватовъ, съ которыми Мадьяры живутъ вмѣстѣ. Какая была сила у Франкфуртскаго парламента? Но положимъ, что когда нибудь *унитарная* Германія сдѣлается существенностью; однако, союзъ съ нею, если онъ только будетъ направленъ противъ Славянъ, о чемъ именно и помышляютъ гг. Шассенъ и Ираньи, естественно подыметъ противъ Мадьяръ Чеховъ и ихъ ближайшихъ соплеменниковъ, Словаковъ, т. е., все населеніе сѣверо-западной Венгріи: выгодно ли это будетъ?

Наконецъ, гг. Шассенъ и Ираньи указываютъ на третьяго союзника для Мадьяръ противъ Славянъ или панславизма, какъ они выражаются, — на Польшу. Дѣйствительно, между обоими народами существуетъ издавна сочувствіе, и оно проявилось въ 1848 и 1849 гг. помощью, которую Мадьяры получили отъ Польскихъ выходцевъ. Сочувствіе это въ прежнее время обусловливалось общею борьбою противъ Турокъ, а еще болѣе общимъ артистократическимъ, или, лучше сказать, *шляхетскимъ* направленіемъ. Не знаю, задавалъ ли себѣ кто-нибудь вопросъ о вліяніи Мадьяръ на образованіе въ Поль-

шѣ шляхетства? Это вліяніе должно было существовать, какъ намъ кажется, и существовать весьма сильно. Мы не предполагаемъ, чтобы оно шло съ противоположной стороны, т. е., чтобы Польша имѣла въ этомъ отношеніи вліяніе на Венгрію, какъ потому, что въ Венгріи, гдѣ общественный порядокъ основанъ былъ на завоеваніи, аристократическая стихія была явленіемъ естественнымъ и необходимымъ, а въ Польшѣ, въ землѣ Славянской, гдѣ общество сложилось безъ участія завоеванія, шляхетство имѣло характеръ неестественнаго нароста, искаженія жизни; это подтверждается уже и тѣмъ, что у Мадьяръ аристократическая стихія стояла во главѣ общественныхъ учрежденій съ самаго начала ихъ гражданственности, съ конституціи св. Стефана, а польское шляхетство стало развиваться гораздо позднѣе.

Какъ бы то ни было, мы видимъ разительное сходство между старымъ польскимъ понятіемъ о шляхтѣ, содержащей въ себѣ исключительно всю полноту народной и государственной жизни, всю *рѣчь посполитую*, и между старымъ мадьярскимъ понятіемъ о *дворянскомъ народѣ*, совмѣщающемъ въ себѣ также всю полноту политической жизни страны. Оба народа, Польскій и Мадьярскій, заслужили славу рыцарскихъ народовъ (peuples chevaleresques, какъ ихъ величаютъ французскіе публицисты, въ томъ числѣ и г. Шассенъ). Общія рыцарскія наклонности могли служить имъ связью въ прошедшемъ; память объ этой связи сохранилась и въ старинной пословицѣ: Węgier, Polak dwa bratanki, Tak do szabli, jak do sklanki (Венгерецъ, Полякъ — два братца, какъ при саблѣ, такъ и за стаканомъ); но въ настоящее время рыцарство, ни какъ учрежденіе дѣйствительно существующее, ни какъ духъ учрежденія минувшаго, не можетъ представлять народамъ ни опоры, ни условій плодотворнаго развитія внутри или полезной связи во внѣшнихъ отношеніяхъ. По существу своему, рыцарство есть учрежденіе противочеловѣческое и противохристіанское: ибо дѣлая нѣкоторыхъ людей какъ бы привилегированными представителями нравственнаго благородства, признавая за ними какъ бы монополію доблестей, дѣлающихъ ихъ достойными гражданской свободы, оно тѣмъ самымъ, въ принципѣ своемъ, отвергаетъ нравственное благородство и эти доблести во всѣхъ прочихъ людяхъ: стоитъ только вспомнить переходъ французскаго слова vilain отъ понятія «поселянинъ» къ понятію человѣка безчестнаго, низкаго душею. Рыцарство является смягченною и облагороженною степенью древняго общественнаго устройства, противопоставлявшаго гражданина рабу, въ которомъ отвергалось не только нравственное достоинство, но и всякое человѣческое право. Новый міръ все болѣе и болѣе понимаетъ безнравственность учрежденія и сама-

го понятія рыцарства, и сбрасываетъ ихъ съ себя повсемѣстно. Счастливы страны, которыя избавились отъ рыцарскаго духа совершенно (какъ, напримѣръ, Англія и Франція)! Еще счастливѣе тѣ страны, въ которыхъ его никогда не бывало (какъ, напримѣръ, Америка и Россія съ цѣлымъ православнымъ міромъ). И горько ошиблись бы тѣ страны, которыя хотѣли бы еще основать что-нибудь на рыцарскомъ началѣ, какъ мечтаютъ нѣкоторые изъ Мадьяръ и Поляковъ.

Мы показали несостоятельность одной основы, на которой хотѣли утвердить союзъ Мадьяръ съ Поляками противъ остальныхъ Славянъ. Другая основа, о которой особенно распространяется г. Шассенъ, это — антипатія Поляковъ къ панславизму. Дѣйствительно, въ 1848 г. многіе Поляки стояли противъ своихъ братій Славянъ, Сербовъ, Хорватовъ и др. Дѣйствительно, Поляки долго отстраняли себя отъ стремленія къ единенію и самобытному развитію народныхъ началъ, которое овладѣло всѣми другими Славянами, западными и южными, отъ Лузаціи до Македоніи, и которое не осталось безъ сочувственнаго отголоска въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ [1]) подробно разобраны причины этого отчужденія Поляковъ отъ общаго, всеславянскаго движенія ихъ соплеменниковъ. Эти причины заключаются въ «рыцарской», шляхетской стихіи, которая проникаетъ Польскую жизнь, Польскія воззрѣнія. Внутреннюю несостоятельность этой стихіи мы только что показали; она также мѣшаетъ сближенію Поляковъ съ другими Славянами, чуждыми рыцарскому духу, а главное, не дозволяетъ имъ искренно признать начало народности, составляющее всю основу новой жизни прочихъ Славянъ, потому что это начало принудило бы ихъ отказаться отъ старыхъ своихъ притязаній на восточную Галицію, на половину Малороссіи, на Бѣлоруссію и Литву. Въ самомъ дѣлѣ, Поляки могутъ выдавать эти земли за Польскія только въ томъ случаѣ, если шляхта будетъ почитаться, какъ въ былыя времена, содержащей въ себѣ всю полноту народной жизни; ибо эти земли Польскія только по шляхетскому сословію, а не по народу. Неправое притязаніе мѣшаетъ имъ вступить чистосердечно въ Славянское общеніе. Но шляхетскій взглядъ на вещи не устоитъ передъ духомъ времени, и Поляки откажутся отъ него, какъ отказываются уже лучшіе, здравомыслящіе ихъ люди. Они уже видятъ, что вся будущность Польши заключается въ ея сближеніи и единеніи съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Мадьяры не могутъ разсчитывать на Польшу, какъ на будущую союзницу противъ развитія Славянъ, ихъ окружающихъ; въ будущемъ она можетъ быть ихъ союзницею только въ такомъ случаѣ, если они сами искренно сблизятся съ Славянами.

[1]) См. выше, стр. 59 и слѣд.

На какую сторону Мадьяры ни посмотрятъ, они вездѣ увидятъ невозможность борьбы съ Славянскимъ міромъ, съ идеею единенія и народнаго развитія, которая все болѣе и болѣе его одушевляетъ. Уже 1848 годъ показалъ имъ невозможность борьбы. Какія бы ни были причины, способствовавшія побѣдѣ Славянъ, и какое бы ни было разочарованіе, которое сопроводило эту побѣду, одержанную съ помощью Австріи, общій, основной смыслъ историческаго урока ясенъ: Мадьяры не могутъ бороться съ новымъ стремленіемъ, которое овладѣло Славянскими племенами, и которое западные публицисты называютъ панславизмомъ. Мадьяры такъ и поняли этотъ урокъ, но, къ несчастію, слишкомъ поздно для предупрежденія катастрофы 1849 года. Послѣднія засѣданія тогдашняго Венгерскаго сейма, уже удалившагося изъ Пешта и собравшагося въ Сегединѣ, были посвящены уничтоженію всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыми Мадьяры хотѣли наложить свой языкъ и свою народность на прочія племена Венгріи, особливо на Славянъ; изготовлено было новое законоположеніе, дававшее просторъ всѣмъ народностямъ въ этой странѣ и отстранявшее все то, что̀ побудило Хорватовъ и Сербовъ взяться за оружіе противъ Мадьяръ. Прежній фанатикъ безусловнаго господства мадьярской стихіи въ Венгріи, г. Кошутъ, въ 1851 году, во время своего изгнанія въ Малой Азіи, издалъ проектъ будущей организаціи своего отечества, и въ этомъ проектѣ отвергалъ всѣ прежнія свои положенія, предлагалъ Славянской и другимъ народностямъ полнѣйшую свободу развитія, полнѣйшее равенство съ Мадьярскою, уступалъ Сербамъ право выбирать себѣ воеводу, наконецъ, отказывался отъ всѣхъ недавнихъ притязаній Венгріи на подчиненность Хорватіи и Славоніи, оставляя между ними только федеративную связь. Сегединскіе законы и Кошутовъ проектъ были всенародною исповѣдью Мадьяръ въ грѣхѣ, который они совершили противъ Славянъ. Мы на столько вѣримъ благородству Мадьяръ, что понимаемъ ихъ въ *этомъ* именно смыслѣ, и не считаемъ ихъ лишь обманчивыми обѣщаніями, данными въ минуту опасности, въ надеждѣ ихъ не исполнить въ день торжества [1]). Мы хотимъ также вѣрить тѣмъ выраженіямъ дружбы, которыми Мадьяры съ тѣхъ поръ осыпали своихъ сограждан̀ъ Славянъ, мы хотимъ вѣрить чистотѣ ихъ намѣреній при совершившемся въ послѣднее время сближеніи ихъ съ Сербами, Хорватами и Чехами. Но если ихъ дружба дѣйствительно искренняя, если ихъ намѣренія въ отношеніи къ Славянамъ дѣйствительно чисты, то зачѣмъ Мадьяры хвалятъ и благодарятъ автора книгъ въ родѣ тѣхъ, которыя издаетъ г. Шассенъ, гдѣ возрожденіе Славянскихъ народовъ, гдѣ Русскій на-

[1]) Современныя событія показываютъ, какъ мало искренности было во всѣхъ этихъ Мадьярскихъ увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ.

родъ и все Славянство осыпаны отвратительнѣйшею бранью и клеветою; гдѣ чистые и честные дѣятели Славянскаго возрожденія, изъ коихъ многіе запечатлѣли свой подвигъ кровію, представлены какими-то низкими орудіями чужихъ интригъ? Зачѣмъ Мадьяръ, г. Ираньи, поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ г. Шассена на одномъ изъ такихъ сочиненій? Тѣ Славяне, которые прочитаютъ эти книги, будутъ имѣть полное право усомниться въ искренности и добросовѣстности нынѣшней дружбы къ нимъ Мадьяръ. Еще бо̀льшее право будутъ они имѣть не вѣрить имъ и готовиться противъ нихъ, если справедливо то, что́ мы слышали, будто Мадьяры, заискивая дружбу болѣе сильныхъ Славянскихъ племенъ, Сербовъ и Хорватовъ, въ то же самое время притѣсняютъ народность Словаковъ, менѣе сосредоточенныхъ и потому слабѣйшихъ; будто они скрытымъ образомъ стараются мадьяризовать Словаковъ и не хотятъ признавать ихъ народности наравнѣ съ Хорватскою и Сербской, на томъ основаніи, что послѣдніе имѣютъ за себя историческое право, а Словацкая народность не имѣетъ такихъ правъ. Мы надѣемся, что, къ чести Мадьяръ, эти слухи окажутся ложными, или, что если есть между ними люди съ подобными взглядами, то ихъ мнѣніе замолкнетъ передъ заслуженнымъ негодованіемъ всѣхъ мадьярскихъ патріотовъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли въ такомъ вопросѣ ссылаться на историческое право, когда право это основывалось на уничтоженныхъ нынѣ въ Венгріи (самимъ Мадьярскимъ сеймомъ 1848 года) привилегіяхъ сословій, и когда въ этомъ правѣ не было помину о началѣ народности, о коемъ нынѣ идетъ рѣчь? Отстраняя совершенно это начало, средневѣковое историческое право Венгерское давало фактически полное равенство всѣмъ народностямъ, и своею терпимостью обезпечивало, какъ мы видѣли, внутреннюю безопасность Венгріи: а теперь нѣкоторые люди основываются на этомъ самомъ правѣ, чтобы отказывать народности Словаковъ въ равномъ признаніи съ Мадьярскою!

Но положимъ даже, что историческое право было бы за Мадьяръ въ этомъ вопросѣ (а мы показали противное): какъ могутъ благоразумные Мадьяры обращать вниманіе на историческое право, коль скоро оно противорѣчитъ новому жизненному началу, отъ котораго зависитъ и современное преуспѣянье и вся будущность Мадьярскаго народа!

Мадьярскій народъ прожилъ всю свою историческую жизнь среди Славянскаго міра. Несравненно слабѣйшій, по малочисленности и одинокости своей въ Европѣ, онъ въ прежніе вѣка держался тѣмъ, что

---

[1]) Увы! эти свѣдѣнія не только оказались вѣрными, но когда Австрія дала Мадьярамъ волю и власть, они и съ Сербами и Хорватами стали поступать такъ, какъ прежде поступали съ безправными Словаками.

умѣлъ ладить съ окружающими его жилища, а отчасти обитающими съ нимъ вмѣстѣ, Славянскими народами, разъединенными между собою не только во внѣшней дѣятельности, но и во внутреннемъ сознаніи. Нынѣ Славянскіе народы устремились къ умственному и нравственному единенію и къ общей самостоятельной дѣятельности. Недавній опытъ доказалъ Мадьярамъ, что они безсильны воспрепятствовать этому движенію. Поставленные судьбою среди Славянскаго міра, они должны учиться ладить съ нимъ при новомъ его направленіи, какъ ладили съ нимъ въ былыя времена.

На огромномъ пространствѣ восточной Европы, отъ Бѣлаго моря до Адріатики, отъ Чешскихъ горъ до Кавказа, раскинуто поле для Славянскаго племени: но среди этого пространства, среди восьмидесяти милліоновъ Славянъ, его занимающихъ, судьба поставила нѣсколько небольшихъ, чужихъ Славянамъ, своеобразныхъ народовъ. Таковы на сѣверо-западѣ полтора милліона Литвы, на юго-западѣ около двухъ милліоновъ Албанцевъ, на югѣ слишкомъ восемь милліоновъ Румыновъ; таковы въ срединѣ, у западнаго края, пять милліоновъ Мадьяръ. Неразрывно связаны всѣ эти народы съ Славянскимъ міромъ; обусловленная самою природою, связь эта проходитъ чрезъ всю ихъ прошедшую исторію; она вся вращалась въ кругу Славянскаго міра; никакая сила этой связи не расторгнетъ. Вступить во вражду съ Славянскимъ міромъ для этихъ народовъ было бы безразсудствомъ. Пользуясь разрозненностью Славянъ, тотъ или другой изъ этихъ народовъ могъ бы получить временный успѣхъ въ распрѣ съ своими ближайшими Славянскими сосѣдями: но къ чему бы это повело? есть ли у этихъ народовъ матеріальная сила для постоянной борьбы съ Славянскимъ міромъ? и что̀ еще важнѣе, есть ли у нихъ духовная сила, которая оправдала бы ихъ соперничество съ Славянами? Какія самобытныя, жизненныя начала могутъ Литва, Румыны, Албанцы, Мадьяры, внести въ развитіе человѣчества? И вотъ, въ настоящее время, когда весь Славянскій міръ начинаетъ сознавать себя, когда онъ начинаетъ сознавать свое призваніе къ самобытному, жизненному подвигу въ развитіи человѣчества, мы хотѣли бы сказать этимъ народамъ, и въ особенности Мадьярамъ, которымъ посвящена была наша рѣчь, мы хотѣли бы сказать имъ: «Соедините ваши сердца съ Славянами; соедините съ ними вашъ трудъ. Среди Славянскаго міра нашлось мѣсто для вашего доблестнаго и своеобразнаго народа: найдется мѣсто и для вашего доблестнаго, своеобразнаго труда въ великомъ подвигѣ, который долженъ быть предпринятъ Славянскимъ міромъ для всего человѣчества».

С. п. б.
Ноябрь 1860.

V.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВО ХОРВАТСКАГО НАРОДА.

V.

Историческое право Хорватскаго народа.

Заслуги Хорватовъ для цивилизованнаго міра. — Начало исторіи этого народа. — Борьба его съ Карломъ Великимъ. — Соединеніе съ Венгріей. — Побѣда надъ Татарами. — Четырехъ-вѣковая борьба съ Турками. — Общественное право Хорватовъ на полноправность и независимость. — Какое мѣсто въ семьѣ Европейскихъ народовъ долженъ занимать Хорватскій народъ? — Какъ долженъ быть рѣшенъ *Хорватскій вопросъ?* — Отношеніе Хорватской и Сербской народностей. — Хорватское государство.

Въ 1859 г. въ Парижѣ вышла въ свѣтъ книга: «La Croatie et la confédération italienne; avec une introduction par L. Léouzon le Duc», книга замѣчательная, появленію которой нельзя не порадоваться.

Кромѣ введенія, принадлежащаго перу Французскаго писателя, г. Леузонъ ле-Дюкъ, она составлена природнымъ Хорватомъ, который изложилъ въ ней, на основаніи документовъ, всѣ права своего народа и всѣ нарушенія этихъ правъ со стороны Австріи. Пора, наконецъ, Славянскимъ народамъ поднять свой голосъ передъ Европою. Пора и имъ заявлять свои права на гражданскую жизнь. Прекрасный примѣръ показалъ неизвѣстный намъ хорватскій писатель, сдѣлавшись защитникомъ своего народа передъ Европою, и мы желаемъ искренно, чтобы ему послѣдовали и Чехъ, и Моравецъ, и Словакъ, и Словенецъ, и Сербъ, и Болгаринъ, столь же хорошо знакомые, какъ онъ, съ исторіею и историческимъ правомъ земли своей.

Полное уваженіе къ его труду, столь новому въ европейской литературѣ, заставляетъ насъ посвятить ему подробный разборъ; это мы считаемъ тѣмъ болѣе нашею обязанностью, что мы должны сдѣлать автору нѣсколько замѣчаній по предметамъ, вѣрное пониманіе которыхъ необходимо и для самихъ Хорватовъ, и для всѣхъ вообще Славянъ, раздѣляющихъ ихъ участь. Начнемъ, однако, съ изложенія содержанія занимающей насъ книги.

Она раздѣлена на три части. Въ первой представлена, въ краткихъ чертахъ, исторія Кроатовъ, или, какъ собственно мы должны называть ихъ Славянскимъ именемъ, Хорватовъ, и прекрасно доказано, что вся дѣятельность этого народа была посвящена благород-

ной борьбѣ противъ лютыхъ враговъ христіанства и европейской образованности. Въ этой главѣ авторъ напоминаетъ великія черты мужества и самоотверженія, которыми гордилось бы все Славянское племя, если бы одинъ Славянскій народъ умѣлъ цѣнить дѣянія другаго и если бы насъ не учила исторіи только западная Европа; а западная Европа, въ пользу которой Хорваты, въ продолженіе тысячи слишкомъ лѣтъ, приносили неисчислимыя жертвы, и которая, когда они были нужны для ея безопасности, называла ихъ, устами императоровъ и папъ, своимъ оплотомъ, — отвернулась отъ нихъ потомъ и сдѣлала изъ имени Кроата синонимъ варвара, грубіяна, разбойника.

Первая страница исторіи Хорватскаго народа носитъ уже тотъ характеръ, которымъ запечатлѣна вся его послѣдующая дѣятельность. Эти Славяне пришли изъ-подъ Карпатскихъ горъ на берега Дравы, Савы и Адріатическаго моря, чтобы, по зову императора Ираклія, вырвать эти прекрасныя земли изъ рукъ орды Аваровъ и стать на стражѣ образованнаго міра противъ этихъ степныхъ дикарей, имѣвшихъ свой главный притонъ въ равнинахъ средняго Дуная.

Вскорѣ новый подвигъ ожидалъ Хорватовъ. Быстро распространилась по Европѣ власть Франковъ, и Карлъ Великій, съ огромными силами нападая на западныя вѣтви Славянскаго племени, подчинилъ ихъ одну за другою своей державѣ. Хорваты первые, въ 819 году, вооружились, подъ предводительствомъ своего великаго Людевита, и, послѣ долгой, ожесточенной борьбы, освободились отъ Германскаго ига и помогли освобожденію сосѣднихъ Славянскихъ племенъ.

Четыреста пятьдесятъ лѣтъ протекло; народъ Хорватскій составилъ довольно обширное государство, потомъ сдѣлался жертвою междоусобій и наконецъ подчинился династіи Венгерскихъ королей. Уже соединенные съ Венгріею, подъ державою одного государя, хотя съ полною внутреннею независимостію отъ Венгріи (эти отношенія изложены авторомъ во второй части его книги), явились Хорваты вновь защитниками Европы отъ Азіятскаго варварства. Татары покорили Русь, пронеслись, какъ опустошительная саранча, по Польшѣ, Трансильваніи, Болгаріи, Венгріи. Король Венгерскій и Хорватскій Бела IV, разбитый на голову, оставилъ Венгрію на произволъ Татаръ и бѣжалъ въ Хорватскую землю почти одинъ; тогда Хорваты вооружились поголовно, сначала оборонялись въ своихъ твердыняхъ на берегу Адріатики, а потомъ, перейдя къ нападенію, на полѣ, подъ замкомъ Гробникомъ, поразили Татаръ, принудили къ бѣгству, освободили южную Европу отъ ихъ полчищъ и возвратили Белѣ его родную державу. Европа забыла объ этомъ великомъ подвигѣ Хор-

ватскаго народа. Неблагодарность дошла до такой степени, что даже ученый Роттекъ, изображая вторженіе Татаръ въ западныя государства, приписываетъ внезапное исчезновеніе ихъ орды «или чуду, или же вѣсти о приготовленіяхъ, дѣлавшихся противъ нихъ въ Германіи». Но — какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ — Татары, выросшіе въ школѣ Чингизъ-хана, были не такой народъ, чтобы испугаться отдаленной опасности, а чудо дѣйствительно совершила въ то время храбрость Хорватовъ. Впрочемъ, и самъ король Бела засвидѣтельствовалъ во многихъ документахъ, въ какомъ безпомощномъ состояніи онъ явился въ Хорватскую землю и съ какимъ одушевленіемъ Хорваты ополчились за него противъ Татаръ. Любопытны выписки изъ этихъ документовъ, приводимыя нашимъ авторомъ.

Что̀ Хорватамъ случилось сдѣлать тогда противъ одной мимолетной орды, то̀ предстояло имъ потомъ въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ противъ завоевательнаго государства Оттомановъ. Борьба Хорватовъ, стоявшихъ безсмѣнно на стражѣ юго-западной Европы, полна дѣлъ безпримѣрнаго мужества и самоотверженія. Если бы нашъ Хорватскій писатель обладалъ бо̀льшимъ талантомъ изложенія, то онъ разсказалъ бы эту борьбу въ страницахъ, которыя тронули бы всякаго европейскаго читателя; къ несчастію, онъ собралъ только сухіе факты и замѣнилъ живость изложенія громкими эпитетами. На Хорватахъ лежитъ обязанность болѣе достойнымъ образомъ увѣковѣчить подвиги Ивана Таловца, защитника Бѣлграда противъ всѣхъ силъ султана Мурата; Матвѣя Геребича и Эмерика Деренчина, спасителей своей родины послѣ паденія Босніи; всей семьи Франкопановъ, выставлявшей въ продолженіе столѣтія героевъ; Петра Кегловича, побѣдителя Солимана; Николая Юришича, который, съ тысячью Хорватовъ, остановилъ въ крѣпостцѣ Гюнсъ Турецкую армію, шедшую на Вѣну; Николая Шубича Зриньскаго, погибшаго подъ Сигетомъ; бана Ѳомы Эрдеди-Бакача и Николая Зриньскаго, отстоявшихъ Хорватскую землю послѣ покоренія Турками Венгріи, и столь многихъ другихъ, которые одинаково отличались храбростью въ битвахъ и скромнымъ безкорыстіемъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Пусть Хорватскіе писатели ярко и живо выставятъ передъ Европою тотъ несомнѣнный фактъ, что всѣ неудачи и пораженія въ этой четырехсотлѣтней борьбѣ проистекали отъ трусости или коварства Австрійскихъ полководцевъ и Вѣнскаго двора, и что Хорватамъ потомъ приходилось кровью своею искупать малодушіе и предательство какого-нибудь Катціанера, Ауерсперга, Ламберга, принца Гильдбурггаузенскаго и другихъ подобныхъ имъ Австрійскихъ героевъ.

Во второй части своего сочиненія, неизвѣстный Хорватскій писатель излагаетъ, на основаніи подлинныхъ актовъ, общественное пра-

во своего народа. Изъ этого, вполнѣ основательнаго и добросовѣстнаго разбора, оказываются несомнѣнно слѣдующіе факты:

1) Когда Хорваты, по прекращеніи древней Славянской своей династіи и послѣ многихъ междоусобій, признали, въ 1102 году, своимъ государемъ Венгерскаго короля Коломана и его преемниковъ изъ рода Арпадова, то Коломанъ торжественно обѣщалъ и присягнулъ за себя и своихъ потомковъ управлять Хорватскою землею по ея правамъ и обычаямъ, не брать съ нея для себя податей, не посылать туда Мадьяръ; въ замѣнъ, Хорваты обязались воевать за него на собственный счетъ въ своихъ предѣлахъ, а на его иждивеніе внѣ своей земли; онъ короновался въ приморскомъ Бѣлградѣ (Zara vecchia) королемъ Хорватскимъ и Далматскимъ.

2) При прекращеніи династіи Арпадовой, Хорваты, какъ народъ самостоятельный, стали избирать себѣ государей по своему усмотрѣнію, независимо отъ выбора, производившагося въ Венгріи; хотя иногда выборъ падалъ случайно на одно и то же лицо у обоихъ народовъ, однако также часто бывали особые короли у Хорватовъ и у Венгровъ, и законность выбора Хорватовъ Венграми не оспоривалась. Такъ послѣ смерти Андрея III, послѣдняго изъ династіи Арпадовой, Хорваты, въ 1301 году, выбрали себѣ въ короли Карла Роберта Неаполитанскаго, а Венгры — Вячеслава Чешскаго, за нимъ Оттона Баварскаго, и только въ 1308 году, когда Венгры сами возвели на свой престолъ Карла-Роберта, обѣ короны соединились на его главѣ и перешли къ его сыну Людовику; послѣ смерти послѣдняго, въ 1385 году, Хорваты отвергли его дочь, признанную королевою Венгерскою, и обратились къ другимъ членамъ Неаполитанскаго дома; потомъ обѣ короны опять соединились, но послѣ смерти Матвѣя Корвина — Хорваты избрали его сына Ивана, а Венгры Владислава Польскаго. Когда Иванъ, боясь не устоять между Венграми и Турками, вошелъ въ сношенія съ Владиславомъ и хотѣлъ передать ему Хорватскую землю, то Хорваты не захотѣли допустить этой сдѣлки, нарушавшей ихъ независимость, и сначала предложили свою корону эрцгерцогу Австрійскому Максимиліану, а Владислава признали только, когда онъ присягнулъ соблюдать всѣ древнія права ихъ, какъ свободно избранный ими государь.

3) Послѣ гибели короля Чешскаго, Венгерскаго и Хорватскаго Людовика, Владиславова сына, въ несчастной битвѣ при Мухачѣ (1526), опять пресѣклась династія въ этихъ странахъ, и народъ Хорватскій вновь долженъ былъ полноправно рѣшить свою судьбу. Тогда эрцгерцогъ Австрійскій, король Чешскій Фердинандъ, выбранный, 26 ноября 1526 года, въ короли Венгерскіе, послалъ къ Хорватамъ своихъ полномочныхъ, чтобы предложить себя въ кандидаты на Хорват-

скій престолъ. Должно замѣтить это: корона Венгерская не давала Фердинанду, даже въ собственныхъ глазахъ его, никакого права на Хорватовъ, и онъ, чтобы не оскорбить ихъ народнаго самолюбія, въ грамотахъ, съ которыми отправилъ своихъ пословъ на Хорватскій сеймъ, даже не упоминалъ своего титула короля Венгерскаго. Когда послы Фердинанда обѣщали именемъ своего государя сохранить всѣ, издревле утвержденныя, права и вольности Хорватскаго народа, сеймъ единогласно провозгласилъ его и наслѣдниковъ его королями Хорватскими и отправилъ къ Фердинанду депутатовъ, которые получили отъ него самого то же торжественное обѣщаніе.

4) Когда предстояло прекращеніе мужскаго колѣна въ Габсбургскомъ домѣ, то императоръ Карлъ VI, какъ король Хорватскій, созвалъ въ Загребѣ, въ 1712 году, сеймъ Хорватскаго народа и предложилъ ему утвердить престолонаслѣдіе въ женскомъ колѣнѣ. Сеймъ принялъ это предложеніе, подъ условіемъ утвержденія всѣхъ давнишнихъ правъ и вольностей Хорватскаго народа, — что̀ сдѣлано было Карломъ самымъ торжественнымъ образомъ.

Всѣмъ этимъ авторъ разбираемой книги доказалъ неопровержимо:

что Хорватскій народъ былъ искони обществомъ полноправнымъ и независимымъ;

что онъ никогда не былъ подчиненъ Венгріи, и только соединялся съ нею добровольнымъ признаніемъ однихъ и тѣхъ же государей;

что Австрійское правительство поступало незаконно, когда, изъ угожденія Мадьярамъ и для сѣянія раздора, попускало Венгріи предъявлять притязанія на Хорватію, какъ на землю, будто бы отъ нея зависимую и обязанную подчиняться рѣшеніямъ Венгерскаго сейма (чему первая попытка сдѣлана была въ 1723 году и что̀ продолжалось съ тѣхъ поръ втихомолку, пока въ 1836 году не объявилось всенародно),

и наконецъ, что Австрійское правительство нарушило въ послѣдніе годы всѣ условія, подъ которыми Хорваты согласились признать въ 1527 году Габсбургскую династію и въ 1712 году допустили въ ней женское престолонаслѣдіе, тогда какъ народъ Хорватскій ни чѣмъ не нарушилъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ этой династіи, и Богъ-вѣсть какія жертвы принесъ для спасенія ея въ 1848 и 1849 годахъ.

Выводъ изъ всего ясенъ, и понятно, почему авторъ считаетъ себя въ правѣ обратиться, именемъ своихъ соотечественниковъ, къ суду Европы и требовать отъ нея покровительства противъ Австріи, которая, нарушивъ то, что̀ узаконивало ея власть въ Хорватіи, продолжаетъ господствовать тамъ насиліемъ.

Но зачѣмъ Европѣ вмѣшиваться въ дѣла Хорватовъ и принимать

подъ свою защиту ихъ права? Неужели только потому, что на ихъ сторонѣ справедливость, а на сторонѣ Австріи беззаконіе? Нашъ авторъ не смотритъ такъ наивно на современность и вполнѣ сознаетъ, что Европа въ своихъ рѣшеніяхъ руководствуется не одною только отвлеченною справедливостью, но и политическою потребностью времени. Поэтому онъ старается доказать Европѣ, что возвращеніе Хорватскому народу принадлежащихъ ему правъ не только справедливо, но и полезно. Вотъ тутъ-то мы обязаны сдѣлать Хорватскому писателю наши замѣчанія, — потому, что мы не такъ на это дѣло смотримъ, какъ онъ.

Чтобы снискать сочувствіе Европы къ Хорватскому народу, авторъ указываетъ на то, что возстановленіе его самостоятельности будетъ полезно для огражденія Италіи, — и только. Хорватскій народъ долженъ остаться въ будущемъ тѣмъ же, чѣмъ держали его въ прошедшемъ, т. е. слугою западной Европы, а не свободнымъ членомъ Европейской семьи.

Если въ прошедшемъ Хорватскій народъ жилъ почти исключительно для пользы западной Европы, а не для собственнаго развитія, если онъ проливалъ потоки крови для отраженія мусульманскаго варварства отъ Италіи и Германіи, и въ этой борьбѣ до такой степени позабылъ о собственныхъ интересахъ, что отдался безъ сопротивленія въ руки Австріи, — то мы объ этомъ можемъ только сожалѣть, воздавая полную дань уваженія его мужеству и безкорыстію. Но позорною кажется намъ мысль о возобновленіи, въ будущемъ, такихъ служебныхъ отношеній Хорватскаго народа къ западной Европѣ, позорною показалась намъ лесть передъ Западомъ, съ которой авторъ начинаетъ свою книгу. Онъ поставилъ эпиграфомъ: «Mes braves Croates!» *Napoléon I,* и говоритъ: «Когда великій человѣкъ, въ плѣну на Св. Еленѣ, произнесъ эти памятныя слова: «Мои храбрые Кроаты!» о маленькомъ народѣ, онъ не могъ имѣть иной цѣли, какъ указать на него общественному уваженію и благодарности образованнаго свѣта», и проч. Хвастаться народу Хорватскому лестными словами Наполеона I, или какого бы то ни было другаго великаго человѣка, право, нечего: Наполеону I дѣлаетъ, конечно, честь, что онъ оцѣнилъ по достоинству доблести Хорватовъ; но Хорваты роняютъ себя, когда, для какой-то captatio benevolentiæ передъ европейской публикою, ссылаются на рекомендацію Наполеона; нѣтъ, рекомендаціею Хорватамъ въ прошедшемъ служатъ ихъ славныя дѣла, въ будущемъ — то, что они принадлежатъ къ семьѣ Славянскихъ народовъ и имѣютъ право участвовать въ нравственномъ и общественномъ возрожденіи ихъ Славянскихъ братій.

На этотъ-то послѣдній вопросъ авторъ разбираемой книги не об-

ращаетъ никакого вниманія. Намъ кажется даже, что онъ нарочно обходитъ его молчаніемъ. Онъ сдѣлалъ, можетъ быть, слѣдующее соображеніе: «Заговори я вообще о возрожденіи Славянскихъ народностей, вся Европа ужаснется громадности этого вопроса и не обратитъ никакого вниманія на воззваніе въ пользу моихъ Хорватовъ; дайка я отрѣшусь отъ вопроса Славянскаго и примкну съ дѣломъ Хорватскимъ къ вопросу Итальянскому». Разсчетъ близорукаго эгоизма, который строго наказывается впечатлѣніемъ, производимымъ самою книгою. Прежде всего, вслѣдствіе этого разсчета, народъ Хорватскій становится, какъ я уже замѣтилъ, въ служебное отношеніе къ Западу. Ничего не значитъ, что авторъ нѣсколько разъ повторяетъ, по поводу Итальянцевъ и Хорватовъ, правило юристовъ: quod uni justum alteri aequum (что̀ справедливо для одного, то слѣдуетъ и другому); вопросъ о народномъ правѣ Хорватовъ теряетъ въ его книгѣ свое значеніе внутренней непреложности и низводится на степень вопроса о временной выгодѣ и удобствѣ для западной Европы. Это такъ вѣрно, что самъ издатель книги Хорватскаго автора, Французъ, г. Леузонъ-ле-Дюкъ, въ такомъ именно смыслѣ понялъ ее. Вотъ какъ начинаетъ онъ предисловіе, которымъ снабдилъ ее: «Противопоставить Австріи, для защиты противъ нея Хорватскаго народа, тѣ же самые доводы, которые она противопоставляла недавно Европѣ, для защиты своего владычества въ Италіи, — такова цѣль этой книги. Кромѣ того, въ ней стараются доказать (и въ этомъ ея великій интересъ современности), что предметъ, въ ней разсматриваемый, находится въ неразрывной связи съ событіями, только что совершившимися; что вопросъ Хорватскій составляетъ естественное и логическое послѣдствіе Итальянскаго вопроса»... И нѣсколько далѣе: «Народъ Хорватскій... требуетъ признанія своихъ правъ; онъ требуетъ отъ Европы болѣе справедливой и просвѣщенной оцѣнки своего значенія и достоинства; наконецъ, онъ хочетъ теперь, когда Итальянская независимость есть дѣло рѣшенное, указать державамъ на внутреннюю связь, на необходимое соотношеніе между требуемымъ имъ удовлетвореніемъ и твердымъ, прочнымъ основаніемъ этого новаго учрежденія» (стр. I). А далѣе, г. Леузонъ-ле-Дюкъ еще яснѣе опредѣляетъ свое воззрѣніе на Хорватское дѣло: «Что̀ нужно сдѣлать, чтобы Виллафранкскій договоръ не былъ мертвою буквою, жалкою мистификаціею, а чтобы Итальянскій союзъ былъ тѣмъ, что̀ имѣлъ въ виду Наполеонъ III, т. е. твердымъ, преуспѣвающимъ и прочнымъ учрежденіемъ? Нужно поставить Австрію въ невозможность взять назадъ свое слово и нарушить свои обязательства. А между средствами къ достиженію этой цѣли, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ есть, конечно, рѣшеніе *Хорватскаго вопроса*. Хорватія, вновь предоставленная себѣ самой, возста-

новленная въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, была бы въ настоящее время для Италіи тѣмъ, чѣмъ была она нѣкогда для христіанства — могущественнымъ и несокрушимымъ оплотомъ. Это слѣдуетъ самымъ очевиднымъ образомъ изъ книги, которую мы предлагаемъ читателямъ» (стр. XIII).

Мы желаемъ всевозможнаго блага и преуспѣянья народу Итальянскому и Итальянской независимости; но мы не хотимъ, чтобы какой бы то ни было народъ Славянскій существовалъ для Италіи. Пусть народъ Хорватскій оказываетъ, въ случаѣ возможности, услуги Итальянцамъ какъ добрымъ сосѣдямъ и союзникамъ; но пусть помнитъ онъ, что народы не предназначены къ тому, чтобы быть одни господами, а другіе слугами, въ семьѣ человѣческой, и что народъ позоритъ себя и отрекается отъ правъ на существованіе, если онъ ищетъ оправданія своему бытію не въ началахъ своей собственной жизни, а въ удобствѣ для жизни другихъ.

Вотъ какой важный, существенный законъ забытъ нашимъ авторомъ, вслѣдствіе угодливости передъ западной Европою.

Но привела ли эта угодливость, по крайней мѣрѣ, къ желанной цѣли? Отрѣшившись отъ общаго Славянскаго вопроса, сдѣлалъ ли онъ свой частный Хорватскій вопросъ болѣе практичнымъ въ глазахъ Европы? Напротивъ того. Какъ ни старайся, а Хорватскаго народа одного не освободишь, не коснувшись его сосѣдей. Не говоря уже о Венгріи, но самостоятельная Хорватія, при порабощенныхъ членахъ того же славянскаго народа, — Штирійскихъ, Краинскихъ и Истрійскихъ Словенцахъ на западѣ, Далматинцахъ и Боснякахъ на югѣ,—просто не мыслима. Самъ авторъ сознаетъ это, и въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія не только доказываетъ права на самостоятельность Словенцевъ, но даже, хотя съ возможною вѣжливостью, протестуетъ противъ Парижскаго трактата, который, гарантируя поземельный составъ Турецкой имперіи, обезпечилъ тѣмъ самымъ ея господство надъ Босніею. Стало быть, для возстановленія Хорватскаго народа недостаточно отнять небольшую землю, называемую Кроаціею, у Австрійской имперіи; надобно раздробить всю Австрію, чтобы получить отъ нея Штирію, Крайну, Истрію, Далмацію; надобно раздробить Турцію, чтобы получить отъ нея Боснію, — и все это нужно сдѣлать для чего же?—для огражденія Италіи отъ Австрійской политики. Право, г. Хорватскій писатель, для *этого* дѣла Европа съумѣетъ придумать средство болѣе удобное и дешевое.

Такимъ образомъ, нашъ авторъ, при всемъ своемъ желаніи отрѣшиться изъ ложно понятаго практицизма, отъ общаго вопроса о возрожденіи Славянскихъ народностей, на дѣлѣ долженъ былъ прійти къ нему, по крайней мѣрѣ отчасти. Но между тѣмъ это отрѣшеніе

владѣло его мыслію, и привело его къ страннымъ и печальнымъ результатамъ.

Онъ выводитъ изъ историческихъ источниковъ, что земля Словенцевъ въ Штиріи, Краинѣ, Горицѣ и Истріи принадлежитъ къ области Хорватской. Страны эти, дѣйствительно, составляли одно политическое цѣлое съ Хорватіею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ IX вѣкѣ, во время возстанія Людевита противъ Франковъ, а нѣкоторые округи, ближайшіе къ Хорватіи, входили въ ея составъ въ послѣдующее время, даже въ XV столѣтіи; но славянское племя, занимающее эти земли, составляетъ особый народъ, называетъ себя Словенцами, а не Хорватами, говоритъ на особомъ нарѣчіи. Этотъ народъ долженъ имѣть такія же притязанія на самобытность, какъ народъ Хорватскій, и никакое историческое право не можетъ позволить Хорватамъ считать землю Словенцевъ своею принадлежностью; ибо историческое право, на которое Хорваты могутъ ссылаться въ отношеніи къ Австріи, потому что тамъ дѣло идетъ о договорахъ и ихъ соблюденіи или нарушеніи, непримѣнимо въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ народамъ: тутъ основаніемъ отношеній служитъ не договоръ, не историческое право, а братская любовь. Австрія приняла въ отношеніи къ Хорватамъ такія-то обязательства; она ихъ нарушила, безъ всякаго повода со стороны Хорватовъ: пусть же Хорваты протестуютъ противъ Австріи и требуютъ своихъ правъ. Но обязались ли когда-либо Словенцы принадлежать Хорватамъ? Нѣтъ. Какое же право имѣютъ Хорваты объявлять, на основаніи историческихъ случайностей, притязаніе на ихъ земли? Если бы авторъ сталъ на точку зрѣнія обще-славянскую, если бы онъ понялъ, что кромѣ историческаго права есть и законъ братолюбія, то онъ не оскорбилъ бы Словенцевъ своимъ требованіемъ подчиненія, а представилъ бы имъ вопросъ совсѣмъ иначе. Онъ сказалъ бы имъ, что они имѣютъ точно такія же права на возрожденіе и самобытность, какъ Хорваты; онъ убѣдилъ бы ихъ въ томъ, что они сами по себѣ слишкомъ слабы и раздроблены, чтобы составить отдѣльное цѣлое; что ихъ соединяютъ съ Хорватами и общность историческихъ преданій, и близость нарѣчій, и условія географическія; онъ предложилъ бы имъ свободно и братски соединиться съ народомъ Хорватскимъ, — и предложеніе, такимъ образомъ высказанное, могло бы быть одобрено Словенцами.

Еще въ худшее положеніе становится авторъ къ Сербамъ. Отношенія Хорватской народности къ Сербской принадлежатъ къ числу самыхъ странныхъ явленій Славянскаго міра и ведутъ, какъ видно уже въ области литературной, къ безконечнымъ распрямъ, коль скоро разсматриваются съ точки зрѣнія историческаго права и мѣстнаго патріотизма.

Нашъ авторъ утверждаетъ, что почти вся Боснія до горъ Романійскихъ и города Вышеграда и половина Герцеговины до рѣкъ Неретвы и Буны «составляютъ, по праву и природѣ, первоначально и безспорно неотъемлемую часть владѣній Хорватскаго государства, и поземельную собственность, исключительно принадлежащую народу Хорватскому» (стр. 250). Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, разумѣется, съ негодованіемъ отвергаетъ притязанія Сербовъ на эти земли.

Право Хорватовъ и «Хорватскаго государства» (l'Etat croate) на Боснію и сѣверную Герцеговину основываетъ авторъ на показаніи императора Константина Багрянороднаго, описывавшаго въ X вѣкѣ первоначальное распредѣленіе Хорватскихъ и Сербскихъ земель. Что свидѣтельство Константина заслуживаетъ довѣрія и что оно подтверждается другими свидѣтельствами того времени, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; нѣтъ сомнѣнія, что до X и даже до XI вѣка вся Боснія, кромѣ южной ея оконечности, и сѣверная Герцеговина принадлежали къ Хорватскимъ землямъ, а не къ Сербскимъ. Но выше свидѣтельства Константина Багрянороднаго, для рѣшенія дѣлъ современныхъ, стоитъ свидѣтельство современнаго народа. Спросите жителей Босніи и Герцеговины, какого они народа? огромное большинство отвѣтитъ, что Сербы; другіе назовутъ себя, смотря по вѣроисповѣданію, Латинами или Турками, хотя они тоже происхожденія славянскаго и говорятъ на томъ же самомъ языкѣ, какъ Сербы: имени Хорвата не присвоитъ себѣ никто.

Тутъ, очевидно, вопросъ народности перешелъ въ область религіозную. Но странно, какимъ образомъ могло случиться, даже подъ вліяніемъ вѣроисповѣданія, что значительная часть прежнихъ Хорватовъ приняла имя Сербовъ, и это даже въ такихъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Боснійской Краинѣ), которыя никогда не были подъ властію Сербскаго государства? Дѣло въ томъ, что имена *Хорватъ* и *Сербъ* не обозначали первоначально различія народнаго; Хорваты и Сербы пришли изъ-подъ Карпатскихъ горъ за Дунай, какъ двѣ вѣтви одного и того же народа; первоначальная ихъ исторія была общая, языкъ ихъ былъ и остался одинъ и тотъ же. Тождественность этихъ именъ такова, что съ одной стороны въ сѣверо-западной Босніи, которая долго оставалась подъ властію Хорватовъ и за которою по сю пору сохранилось оффиціальное названіе Турецкой Кроаціи, жители не поняли бы того, кто назвалъ бы ихъ Хорватами [1]); а съ другой стороны, старшина Черногорцевъ, составляющихъ артель поденщиковъ въ Константинополѣ, называется тамъ Хорватъ-баши, т. е., главою

[1]) Тамъ, также какъ въ остальныхъ мѣстахъ Босніи, народъ называетъ себя Сербами, Латинами и Турками, смотря по вѣроисповѣданію.

Хорватовъ, тогда какъ Черногорія со времени Константина Багрянороднаго и понынѣ принадлежала безспорно къ числу Сербскихъ земель и жители ея постоянно признавали себя за Сербовъ.

Изъ этихъ двухъ тождественныхъ именъ одно, Хорваты, установилось за жителями сѣверо-западной части земель, занятыхъ Хорвато-Сербскимъ народомъ, другое, Сербы, за жителями южной и восточной части. Первые сдѣлались католиками, послѣдніе православными. Православная вѣра такъ совоплотилась въ этомъ народѣ съ идеею славянской народности, что имя Серба сдѣлалось у него мало по малу синонимомъ православнаго Славянина, и потому православные жители Босніи и Герцеговины (тамъ значительное большинство населенія православные) причислили себя къ Сербской народности. Напротивъ того, между римско-католическою вѣрою и славянскою народностью у Хорватовъ не произошло такого союза, имя Хорватъ не сдѣлалось въ глазахъ народа синонимомъ католика: отъ того оно сохранилось только тамъ, гдѣ поддерживалось постояннымъ политическимъ преданіемъ, т. е., въ собственной конституціонной Кроаціи; въ Босніи же и Герцеговинѣ Славяне-католики, окруженные большинствомъ православныхъ — Сербовъ, и почти утратившіе сами чувство народности, забыли это имя и стали именоваться исключительно по своему вѣроисповѣданію, т. е., Латинами.

Таково отношеніе Хорватской и Сербской народности въ настоящее время. Могутъ ли Хорваты предъявлять свои историческія права на Боснію и Герцеговину? Нѣтъ; это дѣло для нихъ потерянное, потому что Сербы, не завоеваніемъ, не политическимъ вліяніемъ, а силою духовнаго единства вѣры, безъ всякаго съ своей стороны усилія, привлекли къ себѣ три четверти народонаселенія этихъ областей, и именно самую живую, дѣятельную и воинственную часть его — единственную, въ которой сохранилось въ полной мѣрѣ сознаніе народности. Возвратите теперь свободу Босніи и Герцеговинѣ— и тамошніе православные жители скорѣе дадутъ изрубить себя въ мелкіе куски или опять призовутъ Турокъ, чѣмъ присоединятся къ Хорватамъ, а не къ братьямъ Сербамъ; посреди ихъ исчезъ бы голосъ немногочисленныхъ, относительно, Латиновъ. Равновѣсіе могло бы быть возстановлено въ пользу послѣднихъ, если бы мусульманская часть Боснійскихъ и Герцеговинскихъ Славянъ, которая уже предвидитъ неотразимую въ будущемъ необходимость возвратиться въ хрпстіанство, перешла на сторону Латинства. Но и въ этомъ отношеніи преимущество должно будетъ остаться за тою церковью, которая сроднилась съ Славянскою народностью. Именно народный характеръ даетъ православной вѣрѣ въ глазахъ Славянъ-мусульманъ такое значеніе, что они считаютъ ее единственною хрпстіанскою; по

ихъ понятіямъ Христіанство (т. е. православіе) само по себѣ, а Латинство само по себѣ; потому, хотя исторія свидѣтельствуетъ, что Боснійская и Герцеговинская аристократія, передъ обращеніемъ своимъ въ исламъ, исповѣдовала большею частію римско-католическую вѣру, однако потомки этой аристократіи увѣрены теперь, что ихъ предки были православные, такъ какъ они были христіанами. Вотъ почему аристократія эта, если ей придется отречься отъ мусульманства, непремѣнно перейдетъ (развѣ случатся такія обстоятельства, какихъ мы предвидѣть не можемъ) въ то христіанское исповѣданіе, которое она считаетъ за вѣру своихъ отцовъ и съ принятіемъ котораго она вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ себѣ народность.

Во всякомъ случаѣ, нашъ авторъ, обращая вниманіе исключительно на историческое право и отдѣляя Хорватскіе интересы отъ интересовъ обще-славянскихъ, глубоко оскорбляетъ Сербскій народъ [1]); вѣдь онъ отнимаетъ у него братій, Сербовъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ; а могутъ ли Хорваты сдѣлать что нибудь безъ Сербовъ? Но положимъ, что они могли бы распространить свое владычество на всю прежнюю Хорватскую область, что «государство» Хорватское, какъ выражается авторъ, получило бы все пространство до Неретвы и Дрины: это повело бы неминуемо къ междоусобному кровопролитію, потому что большинство жителей въ этихъ странахъ причисляетъ себя, какъ я сказалъ, къ Сербскому народу и скорѣе предпочтетъ иго Турокъ, чѣмъ власть другихъ Славянъ, кромѣ Сербской, т. е. своей собственной.

Хорватское государство, возстановленное въ какомъ бы то ни было объемѣ, принадлежитъ еще къ числу утопій; но если авторъ позволилъ себѣ перейти въ область утопій, то зачѣмъ представилъ онъ своимъ идеаломъ утопію эгоистическую, утопію невообразимую безъ пролитія братской крови? Зачѣмъ не сказалъ онъ такъ: «Мы Хорваты и вы Сербы,—мы братья по происхожденію, по языку, по преданіямъ нашей исторіи, по борьбѣ съ мусульманствомъ; мы были бы однимъ народомъ, если бы насъ не раздѣлила вѣра. Наша Хорватская область была въ старину больше вашей Сербской; но мы не требуемъ отъ васъ прежнихъ Хорватскихъ, а теперь Сербскихъ земель, потому что вы пріобрѣли ихъ не насиліемъ, а свободнымъ выборомъ народа, пріобщившагося къ вамъ. Да не будетъ между нами

---

[1]) Оскорбительнымъ для Сербовъ можетъ быть и то, что Хорватскій писатель нашъ, говоря о подвигахъ Хорватскаго народа противъ Турокъ, не упоминаетъ вовсе объ участіи Сербовъ въ этихъ подвигахъ; а участіе ихъ было велико: самые храбрые полки, съ которыми Хорватскіе витязи поборали силу Турецкую, набирались между православными Сербами, водворенными Матвѣемъ Корвиномъ на Ликѣ и Корбавѣ, въ приморской Хорватіи.

ссоры и распри. Мы сознаемъ, что мы теперь безъ васъ слабы и ничтожны; вы намъ нужны, но и мы нужны вамъ: вамъ нужна наша образованность, наша опытность въ отношеніи Запада, вамъ нужны наконецъ наши гавани на Адріатическомъ морѣ. Составимъ же опять союзъ, какъ въ началѣ нашей исторіи, пусть обниметъ этотъ союзъ всѣ земли Сербскія и Хорватскія и земли Альпійскихъ Словенцевъ, если они захотятъ присоединиться къ намъ; пусть не будетъ въ этомъ союзѣ господства одной народности надъ другою, одной вѣры надъ другою, но пусть каждый членъ союза распоряжается, какъ хочетъ, своими собственными дѣлами». Пусть и это покажется утопіей; но отъ той утопіи, которую народъ, какъ и каждый человѣкъ, ставитъ себѣ идеальною цѣлью, зависитъ характеръ его стремленій и дѣйствій. Если Хорваты признаютъ за свою цѣль то, что имъ предлагается въ разбираемой книгѣ, т. е., государство Хорватское, возстановленное въ своихъ обширнѣйшихъ историческихъ предѣлахъ помощью западной Европы, то они будутъ раболѣпны передъ Западомъ, горды и исключительны передъ своими братьями Славянами. Они слишкомъ хорошо испытали на себѣ, что западная Европа готова пользоваться ихъ кровью на полѣ битвы, но не желаетъ хлопотать объ ихъ пользахъ; они должны были понять, что спасенія своего раздробленные Славянскіе народы могутъ ожидать только отъ Славянскаго единенія и братолюбія. Пусть же Хорваты не преклоняются передъ западною Европою и пусть они воспитываютъ въ себѣ не гордость и исключительность въ отношеніи къ своимъ братьямъ Славянамъ, а чувство единенія и любви.

С.п.б.
1860.

VI.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

СЕРБСКАГО НАРОДА ВЪ ТУРЦІИ.

VI.

Государственное право Сербскаго народа въ Турціи [1].

I.

Сербское царство: его распаденіе. — Царь Сербскій Стефанъ Душанъ и его преемники. — Князь Лазарь. — Первыя условія вассальства Сербовъ въ отношеніи къ Турціи. — Битва на Косовомъ полѣ. — Покореніе Болгаріи Турками. — Стефанъ Лазаревичъ.

Когда султанъ Орханъ, около половины XIV столѣтія, покорилъ Галлипольскій полуостровъ, то держава его соприкоснулась съ Сербскимъ царствомъ. Но царство это, только что основанное, распалось со смертію своего основателя (Стефана Душана Сильнаго). Событіе это значительно облегчило Османліямъ дальнѣйшія завоеванія. Имъ, съ той поры, приходилось бороться только съ ослабѣвшими народами, съ разъединенными между собою государствами.

Преемникъ Душана, Урошъ V, съ неопытностью молодости соединялъ слабость характера. Къ довершенію несчастія, обширное царство, которое онъ наслѣдовалъ, носило уже въ себѣ сѣмена внутренняго раздора. Душанъ Сильный сдѣлалъ ту ошибку, что раздѣлилъ свои владѣнія на нѣсколько большихъ намѣстничествъ. Намѣстники, послѣ смерти его (онъ умеръ въ 1356 г.), отказались вскорѣ отъ повиновенія безсильному Урошу, стали воевать между собою и нѣкоторые сдѣлались совершенно независимыми. Намѣстникъ Акарнанскій первый подалъ этотъ пагубный примѣръ. По его слѣдамъ пошли намѣстники Ѳессаліи, Албаніи и Герцеговины. Боснія и Болгарія отдѣлились окончательно, а Греки, съ своей стороны, отняли

[1] Подъ заглавіемъ: „Погледъ на исторію све-србскогъ државногъ права у турскомъ царству“ помѣщенъ въ „Сербскихъ Новинахъ“, издаваемыхъ въ Бѣлградѣ, рядъ замѣчательныхъ статей о государственномъ правѣ сербскаго народа въ Турціи; статьи эти потомъ отпечатаны особою брошюрой. Въ настоящемъ очеркѣ излагается ихъ содержаніе.

часть владѣній сербскихъ въ Македоніи. Урошъ, послѣдній изъ рода Неманичей, оставался жалкимъ свидѣтелемъ этого распаденія и, наконецъ, былъ убитъ Вукашиномъ, который перенесъ на свой домъ царское достоинство (1367 г.).

Въ Вукашинѣ не было недостатка способностей и энергіи. Онъ непрестанно боролся съ Турками, разбилъ ихъ въ большомъ сраженіи, гдѣ на ихъ сторонѣ погибло до 30,000 чел., и удержалъ Македонію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ въ союзъ съ государями Боснійскимъ и Болгарскимъ и принялъ участіе въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ, который въ это время провозгласилъ папа Урбанъ V. Но станъ его, дурно стерегомый, подвергся, ночью, нападенію въ расплохъ, Сербы были разбиты на-голову и самъ Вукашинъ, во время бѣгства, умерщвленъ своимъ слугою (1371 г.). Поле этой битвы, на Марицѣ, близь Адріанополя, доселѣ называется у Турокъ Сирфшиндили, т. е. Сербское пораженіе. Послѣ этого бѣдственнаго событія, многіе небольшіе владѣтели Сербскіе и Болгарскіе не были въ состояніи удержаться иначе, какъ обязавшись платить султанамъ дань и помогать имъ въ войнахъ. Такому условію принужденъ былъ подчиниться, между прочими, сынъ Вукашина, королевичъ Марко, витязь, прославленный народными пѣснями той эпохи. Но на него напалъ и изгналъ его изъ Сербскихъ предѣловъ князь Лазарь Гребляновичъ, котораго Сербскіе властели (бояре) возвели на престолъ послѣ смерти Вукашина, въ уваженіе къ его достоинствамъ и къ родству его жены, Милицы, съ царскимъ родомъ Неманичей.

Лазарь I сталъ стремиться къ возстановленію разрушенной державы Душановой. Онъ возвратилъ Сербіи Герцеговину и часть Далмаціи, отнялъ у Венгерцевъ Бѣлградъ и Мачву, и завоевалъ весь Банатъ. Приблизительно границы его царства были: Адріатическое море, цѣпь горъ, отдѣляющихъ Герцеговину отъ Босніи, р. Дрина, Драва, Тиса, Марошъ, Тимокъ, а на югъ оно простиралось до городовъ Жаркова, Софіи и Велеса, до земли Мирдитовъ и гавани Антиварн. Въ такихъ размѣрахъ Сербская держава могла внушать опасенія Туркамъ. Они напали на нее въ 1375 г. Лазарь храбро защищался, но послѣ сдачи Ниша принужденъ былъ просить мира, и получилъ его подъ условіемъ платить султану ежегодно 1,000 фунтовъ серебра и ставить на помощь его войску 1,000 всадниковъ. Въ тоже время султанъ велъ переговоры съ Болгарскимъ царемъ Шишманомъ, зятемъ и союзникомъ Лазаря. Шишманъ, вмѣсто дани, отдалъ за султана свою дочь.

Таковы были, по свидѣтельству всѣхъ лѣтописцевъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, начало и первыя условія вассальства Сербскаго народа въ отношеніи къ Турціи.

Лазарь въ точности исполнялъ условія мира, но тяжело сносилъ ихъ, также какъ всѣ Сербскіе *властели*. Всѣ ждали только случая, чтобы сбросить съ себя эти условія. Случай представился. При осадѣ Коніяха (Иконіи), въ Малой Азіи, султанъ Муратъ I велѣлъ казнить нѣсколькихъ человѣкъ изъ Сербскаго вспомогательнаго отряда, за нарушеніе военной дисциплины. Ихъ товарищи, воротясь изъ похода, взволновали народъ разсказами о жестокомъ способѣ этой казни. Лазарь поддался общему движенію; видя въ Боснякахъ, Албанцахъ и Болгарахъ расположеніе стать съ нимъ за общее дѣло, онъ отказалъ султану въ дани и собралъ около 100,000 войска. Одинъ отрядъ этого войска разбилъ, въ передовой стычкѣ, 20,000 Турокъ, такъ что изъ нихъ 5,000 легло на мѣстѣ. Султанскій визирь, Алипаша, открылъ роковую войну, бросившись на Лазарева союзника, царя Болгарскаго Шишмана. Послѣ сдачи Шумлы и паденія Тернова, окруженный въ Никополѣ, Шишманъ просилъ мира, но въ этотъ разъ получилъ его только подъ условіемъ платить дань и уступить побѣдителямъ Силистрію. Когда великій визирь удачно кончилъ этотъ походъ и обезопасилъ правое крыло Турокъ, Муратъ двинулся къ Сербіи, съ 300,000 чел. Сраженіе произошло 15 Іюня 1389 года, на Косовомъ полѣ. Побѣда въ началѣ казалась на сторонѣ Сербовъ; но Вукъ Бранковичъ, въ рѣшительную минуту, оставшись въ бездѣйствіи, съ конницею, на правомъ крылѣ, даровалъ ее Туркамъ. На Косовомъ полѣ погибъ цвѣтъ Сербской знати, погибли оба государя, и съ этого дня Турецкое царство было утверждено въ Европѣ.

Бранковичъ не получилъ ожидаемой награды за свою измѣну: ибо Баязидъ, котораго Турецкое войско тутъ же, на Косовомъ полѣ, провозгласило султаномъ, призналъ за Стефаномъ, сыномъ Лазаря, отцовское наслѣдіе, подъ условіемъ прежней дани и военной помощи, которая съ 1,000 чел. была увеличена до 10,000. Сверхъ того, Стефанъ принужденъ былъ отдать за своего верховнаго государя (suzerain), султана, младшую сестру свою Милеву.

Такимъ образомъ, условія вассальства Сербіи, состоявшія въ дани и въ военномъ контингентѣ, остались неизмѣненными, и только число контингента было увеличено. Въ силу этихъ условій, за Сербскимъ народомъ признано было государство, въ томъ пространствѣ какое ему принадлежало при Лазарѣ, самостоятельное и независимое, только подчиненное дани. Такъ какъ условія эти никогда отмѣнены не были, то они остались основаніемъ новаго государственнаго права Сербскаго на Балканскомъ полуостровѣ. Позднѣе, какъ мы увидимъ вскорѣ, когда, со смертію Стефана, пресѣклось мужское потомство Лазаря, и права престолонаслѣдія перешли на женщинъ, султаны присвоили себѣ самовластно державныя права этой династіи; но должно замѣтить, что они сдѣ-

лали это не въ силу завоеванія или какого-либо новаго условія, а единственно на основаніи брачныхъ связей съ Сербскими княжнами. Изъ этого слѣдуетъ, очевидно, что султаны сами почитали себя въ Сербіи не инымъ чѣмъ, какъ законными преемниками рода Лазарева. Если бы это начало соблюдалось султанами и принято было самими Сербами, то Турецкіе государи только лично заступали бы мѣсто народныхъ владѣтелей Сербскихъ, управляя Сербіею на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ народные владѣтели прежде управляли ею; то есть, глава Турецкаго царства былъ бы, въ то же время, главою королевства Сербскаго, которое оставалось бы, по прежнему, самостоятельною и независимою, хотя подчиненною дани, державою... Но обратимся къ дальнѣйшему ходу историческихъ событій.

Болгарскій царь Шишманъ нарушилъ условія мира съ Турками; они напали на него, лишили его жизни и обратили Болгарію въ Турецкую-провинцію (1393 г.). Владѣтель Сербскій, испуганный этимъ, вступилъ въ союзъ христіанскихъ государей, который составилъ, въ это время, Французскій король Карлъ VI, по настоянію Византійскаго императора Іоанна Палеолога. Пораженіе союзниковъ у Никополя (1396 г.) принудило Стефана покориться снова Баязиду, который не хотѣлъ, или не могъ наказать его такъ, какъ, незадолго передъ тѣмъ, наказалъ государя Болгарскаго. Сербскій вспомогательный отрядъ участвовалъ въ великой битвѣ между Турками и Татарами, у Ангоры, и отличился необыкновенною храбростью. Въ рѣшительную минуту, Стефанъ, съ своею конницею, окружилъ Баязидова сына Сулеймана, пробился съ нимъ сквозь побѣдоносные полки Тамерлана и привелъ Турецкаго престолонаслѣдника невредимымъ въ Константинополь. Баязидъ, какъ извѣстно, былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ Татарами. Въ распрѣ, возникшей въ слѣдъ за тѣмъ между сыновьями Баязида, Стефанъ, по соглашенію съ Греческимъ императоромъ Еммануиломъ, провозгласилъ султаномъ Сулеймана и помогъ ему побѣдить своего брата Мусу. Но магометанинъ, забывъ всѣ благодѣянія христіанскаго государя, которому онъ обязанъ былъ и жизнію и престоломъ, началъ покровительствовать его домашнимъ соперникамъ, въ особенности его брату, Вуку Лазаревичу, который, вслѣдствіе этого, и получилъ половину Сербской державы. Раздраженный Стефанъ принялъ тогда сторону третьяго сына Баязидова, Магомета I. Магометъ, съ помощью его, низложилъ обоихъ своихъ братій, Сулеймана и Мусу, и назвался великимъ султаномъ. Въ это время мы находимъ, что Стефанъ вовсе избавился отъ дани и сдѣлался, такимъ образомъ, совершенно независимымъ государемъ, но объ этомъ намъ не достаетъ еще обстоятельныхъ свѣдѣній. Стефанъ, испытавъ неблагодарность и со стороны Магомета, умеръ въ 1427

году. Не имѣя сына, онъ завѣщалъ престолъ Юрію Бранковичу, своему племяннику, передавъ, такимъ образомъ, наслѣдство въ женскую линію.

II.

Бранковичъ и его борьба съ Мурадомъ. — Битва подъ Варною. — Распри Сербскихъ бояръ. — Царица Ирина. — Уступка Туркамъ Смедерева. — Султанша Мара и опекунъ ея султанъ Магометъ II. — Стефанъ Томашевичъ король Боснійскій.

Султанъ Мурадъ II, сынъ Магомета I (который умеръ въ 1422 году) и внукъ Милевы, дочери Сербскаго царя Лазаря, предъявилъ свои права на Сербію, послѣ смерти Стефана Лазаревича, оставшагося, какъ мы видѣли, безъ потомства. Это притязаніе не имѣло законнаго основанія, потому что Юрій Бранковичъ былъ тоже внукомъ другой дочери Лазаря, и при томъ старшій, къ тому же престолъ былъ завѣщанъ ему прежнимъ княземъ. Въ войнѣ, возникшей по этому поводу, Бранковичъ призвалъ на помощь Венгерцевъ, но они, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, заключили перемиріе, и Бранковичъ, оставленный своими союзниками, воспользовался нѣкоторыми успѣшными дѣлами и поспѣшилъ заключить миръ, подъ тѣмъ же условіемъ дани и военнаго воспомоществованія. Такимъ образомъ, султанъ отказался отъ своего притязанія, признавши, юридически и фактически, родъ Бранковича законнымъ преемникомъ Лазаревой династіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за народомъ Сербскимъ право имѣть своихъ туземныхъ владѣтелей и по прекращеніи прежней династіи.

Но Турецкіе султаны играли международнымъ правомъ по своей прихоти. Мурадъ, черезъ четыре года, по самому ничтожному предлогу, снова пошелъ на Сербію войною. Бранковичъ заключилъ съ нимъ миръ и отдалъ за него свою дочь Мару (Марію). Новый зять владѣтеля Сербскаго собирался, въ 1437 году, напасть на Венгрію; онъ потребовалъ пропуска своихъ войскъ черезъ Сербію и уступки крѣпости Смедерева (Семендріи), какъ точки опоры для этого похода. Бранковичъ сослался на заключенныя съ Сербіею условія; Мурадъ напалъ на него и осадилъ Смедерево. Турки, отраженные въ этотъ разъ, на слѣдующій годъ воротились съ бо́льшими силами и взяли крѣпость; они ослѣпили двухъ сыновей Бранковича, попавшихся тамъ въ плѣнъ, и увели ихъ въ рабство. Казалось, что Сербія погибла навсегда. Но государь ея былъ человѣкъ дѣятельный и мужественный. Въ 1443 г. онъ вступилъ въ свою землю съ войскомъ, составленнымъ изъ Сербовъ, Венгровъ, Поляковъ, Валаховъ и Нѣмецкихъ крестоносцевъ, раздѣляя предводительство съ знаменитымъ Венгерскимъ героемъ Гуніадомъ. Христіане, разбивъ Турокъ въ че-

тырехъ битвахъ, оттѣснили ихъ за Софію. Въ то же время, герой Албаніи, Скандеръ-бегъ, освобождалъ свое отечество и вступалъ въ сношенія съ Сербами. Испуганный султанъ предложилъ Бранковичу возвратить ему его владѣнія и сыновей, и уменьшить дань. Бранковичъ, согласившись съ Венграми, подписалъ миръ, по которому ему возвращена была вся Сербія съ Герцеговиною, а Трансильванія признана была за Венгріей.

Но Венгры тотчасъ нарушили договоръ. Они были разбиты на голову, въ знаменитой битвѣ подъ Варною (1444). Бранковичъ не только имъ не содѣйствовалъ, но даже помѣшалъ Скандеръ-бегу соединить съ ними свои силы. Черезъ четыре года онъ снова отказался отъ участія въ войнѣ Венгровъ противъ Турокъ, за что Венгры напали на Сербію, какъ на непріятельскую землю.

Въ награду за вѣрность Бранковича, преемникъ Мурада, Магометъ II, на другой день послѣ завоеванія Константинополя, предъявилъ свое право на Сербію, на основаніи своего происхожденія отъ Лазаревой дочери Милевы. Началась война, исходъ которой такъ неблагопріятенъ былъ для Турокъ, что Магометъ принужденъ былъ заключить миръ, оставивъ Бранковича въ спокойномъ обладаніи Сербіею и опредѣливъ дань въ 30,000 червонцевъ. Бранковичъ умеръ въ 1457 году, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за нимъ въ гробъ его сынъ и преемникъ, Лазарь, оставивъ единственную дочь (она была за мужемъ за Стефаномъ Томашевичемъ, сыномъ короля Боснійскаго Томаша) и жену, Ирину Палеологъ, которую онъ и назначилъ своею наслѣдницею.

Сербскіе властели (бояре), неохотно подчинявшіеся власти женщины, раздѣлились на двѣ партіи. Одна, сильнѣйшая, требовала, чтобы Ирина передала правленіе своему зятю, Стефану Боснійскому. Это была боснійская партія, которая, для бо́льшаго обезпеченія, поставила себя подъ покровительство папы, въ то время еще много значившаго въ Европѣ. Тогда и Венгерскій сеймъ торжественно призналъ Боснійскаго королевича, Стефана Томашевича, законнымъ наслѣдникомъ Сербскаго престола, на основаніи его женитьбы на дочери послѣдняго государя Сербскаго, отреченія Ирины и согласія большинства Сербской знати; въ то же время, Томашъ, отецъ Стефана, принялъ уже предварительно, за своего сына, титулъ короля Боснійскаго и Сербскаго, признавъ Ирину своей намѣстницей въ Сербіи. Другая (турецкая) партія Сербскихъ бояръ искала тѣснѣйшаго сближенія съ возраставшею постоянно державою Турецкою и провозгласила Михаила Богоевича, брата великаго визаря Махмудъ-паши, соправителемъ Ирины. Они имѣли въ виду выдать Ирину за Богоевича и, такимъ образомъ, положить начало новой династіи въ Сербіи. Но Ирина, ненавидѣвшая

Богоевича, пригласила его къ себѣ въ Смедерево, велѣла схватить и выдала Венгерцамъ (1459 г.).

Тогда властели турецкой стороны призвали султана, чтобы съ его помощью освободиться отъ власти Ирины и боснійской партіи и забрать землю въ свои руки. Это, имъ казалось, было возможно безъ особенной опасности для Сербіи, тѣмъ болѣе, что султанъ Магометъ, назначивъ султаншѣ Марѣ, дочери Бранковича, королевское содержаніе и особый дворъ, провозгласилъ себя ея опекуномъ, съ намѣреніемъ воскресить ея права на отцовскій престолъ. Такимъ образомъ, и въ этотъ разъ султанъ требуетъ власти надъ Сербіею единственно какъ представитель владѣтельныхъ правъ султанши Мары, какъ нѣкогда Милевы, хотя, разумѣется, права эти законнымъ образомъ должны были перейти не къ ней, а къ Лазарю Юрьевичу и его потомству.

Магометъ съ большимъ войскомъ направился на Сербію. Положеніе короля Боснійскаго, находившагося между Турками и внутренними непріятелями, какъ между двухъ огней, было опасно въ высшей степени. Онъ помирился съ Магометомъ, уступивъ ему Смедерево, самую крѣпкую твердыню Сербіи, и обязавшись выслать Ирину въ Венгрію. Сербо-турецкая партія торжествовала. Начальники Вышеграда, Чернова и Бѣлой Стѣны перешли къ ней и открыли эти крѣпости Магомету. Хотя султана принимали вездѣ съ отверстыми объятіями, какъ опекуна Мары, однако Магометъ опасался, что такое расположеніе въ странѣ не продлится, и, пользуясь случаемъ, передавшимъ въ его руки всю власть въ Сербіи, отправилъ 200,000 Сербовъ поселенцами въ опустошенныя окрестности Константинополя, гдѣ они, нѣкоторымъ образомъ, могли служить ему заложниками. Послѣ такого насильственнаго поступка онъ удалился изъ Сербіи, оставивъ прежнихъ властелей управлять ею именемъ Мары, этой тѣни законной владѣтельницы (1459).

Такимъ образомъ, ошибочно мнѣніе, обыкновенно выражаемое въ историческихъ сочиненіяхъ, будто бы султанъ Магометъ II обратилъ Сербію въ простую провинцію Турціи. Онъ дѣйствовалъ тамъ, не смотря на частные случаи насилія, не какъ завоеватель, а какъ защитникъ правъ султанши Мары, какъ покровитель той партіи, которая, потерявъ Богоевича, стала подъ знамя Мары. Во имя ея передавались ему города и крѣпости Сербскіе. Впрочемъ, земля осталась при внутреннемъ самоуправленіи, при прежнихъ народныхъ властеляхъ.

Только глава правительства былъ перемѣненъ: на мѣсто законнаго преемника прежнихъ народныхъ государей, Стефана Томашевича Боснійскаго, вступилъ незаконный, султанъ Турецкій, опекунъ

Мары и представитель ея правъ. Торжество Магомета въ Сербіи было дѣломъ партіи, а не грубаго завоеванія.

Впрочемъ, только одна часть Сербіи признала права Мары и власть султана; Герцеговина и Зета (нынѣшняя Черногорія съ прилежащими краями) держались короля Боснійскаго, какъ законнаго государя Сербіи. Даже тамъ, гдѣ господствовалъ султанъ (въ восточной части Сербскихъ земель), многіе властели продолжали стоять на сторонѣ Стефана Томашевича и нападали на приверженцевъ противоположной партіи. Мы разскажемъ теперь, какъ въ этой части Сербіи, мало-по-малу, исчезли слѣды народнаго самоуправленія, но предварительно взглянемъ на судьбу тѣхъ земель Сербскихъ, которыя остались подъ властію короля Боснійскаго.

III.

Отцеубійца Томашевичъ. — Вторженіе Магомета II въ Боснію. — Побоище на Благайскомъ полѣ. — Отреченье боснійской знати. — Покореніе Герцеговины. — Внутреннее самоуправленіе въ Сербскихъ земляхъ. — Народные властели. — Королевичъ Марко. — Сербскіе кнезы (старшины). — Боснійскіе властели-мусульмане. — Общій выводъ.

Венгерцы, раздраженные противъ короля Боснійскаго за уступку Туркамъ Смедерева, этого ключа Дуная, рѣшились устранить Томаша. Интриги ихъ нашли доступъ во властолюбивое сердце его сына, Стефана Томашевича. Онъ сдѣлался отцеубійцею (1459). Проклятіе легло на несчастную Боснію.

Когда вѣсть объ этомъ злодѣяніи разнеслась въ странѣ, бо́льшая часть властелей отказались отъ повиновенія Стефану. Сама королева-мать призвала султана Магомета, чтобы онъ наказалъ короновапнаго убійцу, ея сына, за смерть ея мужа. Магометъ послушался зова, вступилъ въ Боснію, разорилъ тамъ цѣлые края и—оставилъ на престолѣ Стефана, наложивъ на него дань въ 25,000 черв. Мать, въ угрызеніяхъ совѣсти за это несчастное призваніе Турокъ, удалилась въ Римъ, и вступила тамъ въ монастырь.

Венгры, видя, что Боснія не въ силахъ уже служить имъ оплотомъ отъ Турокъ, рѣшились завладѣть пограничными Боснійскими крѣпостями на рѣкѣ Савѣ и склонили Стефана къ ихъ уступкѣ. Къ довершенію несчастій, обрушившихся на Боснію, братъ и сестра короля стали искать покровительства Турціи, приняли мусульманскую вѣру и предъявили свои права на престолъ. Султанъ началъ готовиться къ новому походу въ Боснію, а между тѣмъ послалъ къ королю требовать условленной дани. Стефанъ, видя неизбѣжность войны, отказалъ. Тогда, весною 1463 года, Магометъ вступилъ въ Боснію, ведя съ собою 150,000 войска. Послѣ краткой осады, сда-

лась самая сильная крѣпость въ странѣ, Бобовецъ. Король затворился въ другой крѣпости, Яйцѣ, но считая себя небезопаснымъ тамъ, удалился въ Ключъ. Яйце сдалась. Ключъ нѣсколько времени отбивалъ осаждавшихъ, но король, видя невозможность долгаго сопротивленія, вступилъ въ переговоры съ великимъ визиремъ Махмудомъ. Визирь, именемъ своего государя, присягнулъ на коранѣ въ томъ, что Стефанъ и его семья сохранятъ жизнь и имущество, и что король получитъ отъ султана удѣлъ въ Босніи или другой странѣ. Стефанъ явился въ станъ къ султану, который объявилъ, что утвердитъ условія мира только въ такомъ случаѣ, если король всѣмъ остальнымъ крѣпостямъ и замкамъ прикажетъ сдаться. Стефанъ долженъ былъ повиноваться. Съ другой стороны, братъ короля, ренегатъ, призывалъ, своими посланіями, Боснійскихъ властелей покориться султану, если желаютъ сохранить свои права и права своей земли. Вслѣдствіе этого, въ теченіе одной недѣли сдались Туркамъ болѣе семидесяти замковъ и крѣпостей; тогда Магометъ, видя себя властителемъ всей страны, рѣшился не щадить Боснійскую знать такъ, какъ онъ пощадилъ Сербскую. Онъ созвалъ всѣхъ властелей Босніи на Благайское поле, для подтвержденія ихъ привилегій, и велѣлъ окружить ихъ своимъ войскомъ. Тогда онъ, прежде всего, приказалъ казнить короля, его дядю и главнѣйшихъ вельможъ Боснійскихъ; остальнымъ онъ предложилъ выборъ между отреченіемъ отъ христіанства и смертію. Тѣ властели, которые принадлежали къ сектѣ богомиловъ (а ихъ было большинство), безпрекословно объявили себя мусульманами; православные и католики почти всѣ предпочли казнь. Такимъ образомъ потурчилась Боснійская знать, потомки которой находятся доселѣ въ Босніи и Старой Сербіи: потурчилась она не добровольно, а насильственно.

Тѣ изъ властелей, которые не явились на Благайское поле, бѣжали въ Венгрію или Дубровникъ. Въ Босніи христіанство осталось только въ простомъ народѣ. 30,000 Босняковъ были взяты въ янычары. Потурченцамъ оставлены были ихъ феодальныя права и полное внутреннее самоуправленіе; только мѣсто короля заступилъ визирь, который былъ представителемъ султана, но не долженъ былъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны. За то потурчившіеся, но все-таки сохранившіе свою народность, властели Боснійскіе были обязаны помогать султану военнымъ контингентомъ; а на народъ, т. е. на христіанъ, наложена была дань, подъ именемъ харача. Королева-мать, свидѣтельница гибели своей родины, прожила въ Римѣ еще 15 лѣтъ и завѣщала папѣ престолъ Боснійскій, въ случаѣ, еслибы ея потурчившійся сынъ не возвратился къ христіанству. Магометъ, покоривъ Боснію этимъ вѣроломнымъ способомъ, напалъ на

Герцеговину, но не имѣлъ успѣха: Герцеговина отстаивала еще нѣсколько лѣтъ свою свободу, и покорена была только въ 1498 году, султаномъ Баязидомъ II, и сравнена въ правахъ съ Босніею. Это было окончательнымъ паденіемъ стараго государства Сербскаго. Только господари Зеты, потерявъ всѣ владѣнія свои въ равнинахъ, удержались въ неприступныхъ ущельяхъ Черногоріи, да маленькая республика Дубровницкая осталась на берегу морскомъ.

Изъ всего предъидущаго изложенія видно, что земля Сербскаго народа [1]) не была, просто, взята съ бою Турками, не сдѣлалась безусловно добычею ихъ оружія, какъ случилось съ областями Болгарскими и Греческими; ею не управляли оттоманскіе чиновники, въ ней не судили турецкіе судьи, не взимали податей турецкіе сборщики. И въ Сербіи, и въ Босніи, всѣ принадлежности власти остались въ рукахъ туземцевъ, и внутреннее самоуправленіе страны было юридически признаваемо на тѣхъ же въ сущности основаніяхъ, какъ во время князя Лазаря. Но мало-по-малу, султаны старались, исподтишка, уничтожить это внутреннее самоуправленіе въ Сербскихъ земляхъ, преимущественно въ собственной Сербіи, гдѣ властели, народные правители, были христіане; въ Босніи, гдѣ они приняли мусульманство, самоуправленіе сохранилось почти до нашихъ временъ (до 1851 года); къ сожалѣнію, исторія Сербскаго народа съ конца XV столѣтія покрыта глубочайшимъ мракомъ.

Послѣ смерти султанши Мары, исчезла въ Сербіи послѣдняя тѣнь народной династіи. Султаны стали хозяйничать въ этой землѣ, истощенной войнами и насильственными выселеніями. Когда какой нибудь Сербскій властель умиралъ, не оставивъ сыновей, то наслѣдіе и должность его отдавали какому нибудь Турку; при малѣйшемъ подозрѣніи, устраняли властелей христіанъ и замѣщали пришельцами-мусульманами. Многіе изъ народныхъ властелей сами принимали исламъ, другіе переселялись въ Венгрію. Но нѣкоторые остались, и должны были напрягать всѣ силы свои, чтобы устоять противъ напливa Турокъ. Олицетвореніемъ этихъ народныхъ властелей, борющихся съ Турками и заступающихся за народъ, является, въ народныхъ пѣсняхъ, королевичъ Марко. Въ другихъ пѣсняхъ эти же властели изображаются въ видѣ христіанскихъ юнаковъ (витязей), которые имѣютъ свои замки и богатые дворы, носятъ цвѣтныя платья и блестящее оружіе, часто бьются съ Турками, а часто также приглашаются къ нимъ сватами (дружками) и даже роднятся съ ними. Послѣдніе потомки этихъ туземныхъ правителей-христіанъ были наслѣдственные

---

[1]) Включая и Боснію, населенную тѣмъ же Сербскимъ племенемъ, хотя она составляла отдѣльное королевство.

князы (волостные старшины), которыхъ застало въ Сербіи возстаніе 1804 года, князы, собиравшіе подати въ своей княжинѣ (волости), производившіе въ ней судъ и расправу и представлявшіе волость передъ султанскимъ визиремъ. Такихъ князовъ не было въ Турціи нигдѣ, внѣ предѣловъ Лазарева государства. Въ Сербскихъ князахъ хранилось древнее начало внутренняго самоуправленія въ Сербіи, и начало это, наконецъ, восторжествовало, послѣ двукратной борьбы 1804 и 1815 годовъ. Борьба эта со стороны Сербовъ не имѣла характера мятежа: князы и другіе вожди народные требовали только, чтобы внутреннее самоуправленіе, предоставленное въ Сербіи христіанамъ и никогда не отнятое у нихъ юридически, было имъ возвращено; чтобы мѣстная власть, незаконно переданная въ руки Турокъ, снова перешла къ христіанамъ; чтобы господство насилія замѣнено было владычествомъ закона. Словомъ, эта была не революція, а простое возстановленіе державы Лазаревой, хотя въ тѣснѣйшихъ географическихъ предѣлахъ.

Въ Босніи дѣла приняли другой оборотъ. Народные властели, сдѣлавшись мусульманами, не допустили наплыва мусульманъ-османліевъ. Они удержали все свое прежнее значеніе, всю власть надъ страною. Боснія сдѣлалась мусульманско-аристократическою республикою въ предѣлахъ Турецкаго государства. Но аристократія эта дѣйствовала неразумно, страшно угнетала христіанъ. Христіане жаловались безпрестанно султану и визирю Боснійскому. Ослабѣвшее правительство Турецкое съ недоброжелательствомъ смотрѣло на эту аристократію: оно боялось ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, опасалось возстанія христіанъ, все болѣе и болѣе выводимыхъ ею изъ терпѣнія. Правительство, подъ предлогомъ облегченія участи христіанъ, стало стѣснять внутреннее самоуправленіе, принадлежавшее Боснійскимъ властелямъ, а властели защищали свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣло кончилось походомъ Омеръ-паши (1850 и 1851 г.), уничтожившимъ всѣ права туземной аристократіи и обратившимъ Боснію въ область, лишенную всякихъ политическихъ правъ. Но, съ другой стороны, Турецкое правительство вздумало задобрить мусульманскую аристократію на счетъ христіанскаго населенія, и подчинило его огромному оброку въ пользу мусульманъ-землевладѣльцевъ: прежній оброкъ этотъ былъ утроенъ, и христіанское населеніе разорено. Аристократія Боснійская поступаетъ по-прежнему неразумно. Вмѣсто того, чтобы сблизиться съ христіанами, когда это сближеніе сдѣлалось для нея единственнымъ выходомъ изъ ничтожества, въ которое ее привело Турецкое правительство, она продолжаетъ давить христіанъ, подвергаясь ежедневной опасности быть истребленной или исчезнуть въ Турецкой административной централизаціи.

Безименный сербскій авторъ, которому мы слѣдовали въ этомъ

очеркѣ, кончаетъ свой историческій обзоръ правъ Сербскаго народа въ отношеніи къ Турціи, слѣдующимъ выводомъ: «Сербскій народъ получилъ, по договорамъ съ султанами, тѣ же самыя права, какія получилъ народъ Румынскій. Если Молдавія и Валахія полнѣе удержали свою внутреннюю независимость, то это произошло отъ того, что, будучи, по своему положенію, менѣе подвержены ударамъ Турокъ, онѣ сохранили своихъ христіанскихъ правителей; что высшее сословіе въ нихъ не перешло въ магометанство, и что онѣ, такимъ образомъ, были избавлены отъ гибельныхъ послѣдствій, которыя все это повлекло за собою въ земляхъ Сербскихъ. Европа, видя у Румыновъ христіанское правительство и христіанскую аристократію, никогда не могла усомниться въ ихъ правѣ на внутреннюю самостоятельность; а у Сербовъ находила она султанскаго визиря, вмѣсто прежнихъ королей, мусульманскую аристократію, вмѣсто христіанской, и, не вникая въ сущность дѣла, въ ходъ событій, легко могла повѣрить ложнымъ показаніямъ Турокъ, будто бы Сербское королевство сдѣлалось простою провинціею Турецкою. Но ложь должна разсѣяться, и всякому будетъ ясно, что государственное право всего Сербскаго народа въ Турціи состоитъ въ слѣдующемъ: внутреннее самоуправленіе, съ народными владѣтелями христіанами, подчиненными султану какъ вассалы».

С. Петербургъ.
1861 года.

VII.

ЧѢМЪ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ ВѢРА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

VII.

Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ?

Опасности, среди которыхъ находится Православная вѣра у южныхъ Славянъ.— Есть ли противодѣйствующія имъ стихіи? — Константинопольскіе фанаріоты.— Низшее духовенство. — Церкви и монастыри. — Народныя училища. — Духовная литература.—Положеніе Православной церкви въ Австріи. — Случаи вѣроотступничества у православныхъ Славянъ въ Австріи и Турціи. — Болгары и латинство. — Боснійскіе и Герцеговинскіе богомилы и магометане. — Введеніе христіанства у южныхъ Славянъ. — Пропаганда католицизма. — Князь Неманя и православіе. — Св. Савва, просвѣтитель Сербовъ. — Народность Православной вѣры у южныхъ Славянъ.

Когда мы читаемъ или слышимъ о бѣдственномъ состояніи Православной Церкви у единовѣрныхъ намъ южныхъ Славянъ, то многіе изъ насъ, быть можетъ, спрашиваютъ себя: чѣмъ же поддерживается у нихъ вѣра православная? Вѣдь это бѣдственное, это ужасающее состояніе не со вчерашняго-дня, оно длится слишкомъ четыреста лѣтъ.

Вопросъ трудный и вызывающій на размышленіе: чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ, подъ игомъ Турціи и властію Австріи? Исчерпать его я не берусь; но позволю себѣ представить нѣсколько мыслей, къ которымъ этотъ вопросъ привелъ меня, когда я старался объяснить себѣ на мѣстѣ причины, привязывающія южныхъ Славянъ къ православной вѣрѣ.

Единственная опора какой бы то ни было вѣры, у какого бы то ни было народа, есть его убѣжденіе въ томъ, что она истинна. Это несомнѣнно, и сколько примѣръ исторіи, столько же и здравый смыслъ показываютъ, что всякая другая опора, подставляемая подъ вѣру,— насиліе ли, свѣтскія ли выгоды и соображенія и тому подобное, — не только не поддерживаютъ вѣры, а напротивъ, губятъ ее, будучи отрицаніемъ свободы убѣжденія, единственной годной для нея основы, такъ какъ эта основа одна соотвѣтствуетъ сущности вѣры.

Въ массѣ народа, исповѣдывающей извѣстную вѣру, убѣжденіе въ томъ, что она истинна, передается семейнымъ и общественнымъ преданіемъ и воспитаніемъ изъ рода въ родъ, и возвышается до степени духовнаго сознанія (гдѣ это сознаніе возможно: я не говорю о религіяхъ низшихъ) размышленіемъ, чтеніемъ, наставленіемъ, — словомъ сказать, духовнымъ образованіемъ у тѣхъ людей, которымъ доступно это благо. Это можетъ быть такъ, положимъ, у насъ въ Россіи: убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры живетъ въ народѣ и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію свободно и безпрепятственно; есть многочисленное духовенство, призванное къ тому, чтобы наставлять народъ, и проповѣдью, частнымъ поученіемъ, совершеніемъ таинствъ, наконецъ примѣромъ собственной жизни утверждать его убѣжденіе въ истинѣ исповѣдываемой имъ вѣры; есть церкви, построенныя по всѣмъ мѣстамъ для того, чтобы народъ внималъ въ нихъ слову Божію; есть всякаго рода училища, въ программахъ которыхъ разумное утвержденіе въ вѣрѣ постоянно сопровождаетъ образованіе въ наукахъ; есть духовная литература, у которой должна быть цѣль — распространять въ читателяхъ всѣхъ сословій пониманіе истинъ православнаго христіанства, и свободнымъ обсужденіемъ отстранять всякое сомнѣніе и недоразумѣніе; есть, наконецъ, типографіи, существующія для того, чтобы дѣлать священныя книги доступными всякому человѣку въ Россіи, даже самому бѣдному.

А взгляните на южныхъ Славянъ, нашихъ единовѣрцевъ. И они, также какъ Русскій народъ, наслѣдовали православную вѣру отъ своихъ предковъ. Но вотъ уже четыреста слишкомъ лѣтъ, какъ стоитъ надъ ними, съ поднятой саблей или палкой, Турокъ и твердитъ каждому изъ нихъ, съ дѣтства до конца жизни: «Твоя вѣра не правая, а моя, мусульманская вѣра, истинна, и видишь ли, за это Богъ даровалъ мнѣ власть и силу, а тебя, неправовѣрнаго, сдѣлалъ моимъ рабомъ!» — и колотитъ онъ его, и показываетъ ему на его отцѣ, братѣ или сосѣдѣ, что онъ властенъ отрубить и ему голову, и приговариваетъ: «А покинь-ка ты свою вѣру и обратись къ истинной, Магометовой, и ты будешь такимъ же господиномъ, какъ я, будешь властвовать и блаженствовать на этомъ свѣтѣ и на томъ».

Мало того. Къ этимъ православнымъ, стоящимъ подъ саблею и палкою Турокъ, приходитъ миссіонеръ Римской церкви, образованный, знающій свѣтъ, умѣющій лѣчить разныя болѣзни: онъ пренебрегаетъ всѣми трудностями и опасностями пути, презираетъ всѣ удобства жизни, чтобы служить, съ ревностью, достойной уваженія и удивленія, тому, что онъ считаетъ христіанской истиной; онъ приходитъ къ православному Славянину въ Турціи и говоритъ ему: «Ты вѣришь въ истиннаго Бога, какъ христіанинъ, но ты не принадлежишь къ

настоящей церкви, установленной Спасителемъ на преемствѣ Петра Апостола; Греки, изъ гордости, отложились отъ этой церкви, и изъ корыстолюбія привлекли къ себѣ твою братью; но за то, посмотри, какая разница! твой Цареградскій владыка только беретъ съ тебя деньги, а мой епископъ даетъ, напротивъ, деньги своимъ бѣднымъ: какъ онъ печется о своемъ стадѣ, во-истину по примѣру апостольскому! И какъ сами Турки уважаютъ нашу церковь: они не смѣютъ обращаться съ нашими людьми такъ, какъ обращаются съ вашими; могущественнѣйшія государства, Франція, Австрія, служатъ папѣ и не даютъ въ обиду его вѣрныхъ чадъ; онѣ строятъ имъ церкви, училища: переходи къ намъ, ты вѣры своей не перемѣнишь, а будешь пользоваться такими преимуществами, какихъ Греческая церковь не имѣетъ и никогда имѣть не будетъ».

Наконецъ, является къ бѣдному православному и Англійскій миссіонеръ, основываетъ въ его городѣ училище, принимаетъ туда даромъ бѣдныхъ дѣтей, и вдобавокъ даетъ деньги ихъ родителямъ, сыплетъ на всѣ стороны священныя книги и говоритъ: «Читай, поучайся и не вѣрь своей церкви, которая умѣетъ только предписывать ненужные обряды, налагать лишнія бремена; вѣрь просто слову Писанія, какъ мы, и присоединись къ намъ. Видишь ли, мы первый народъ на свѣтѣ, самый свободный, самый сильный: Турція трепещетъ передъ нами. Если ты будешъ нашимъ, никто не посмѣетъ тронуть и волоска на твоей головѣ!»

Такимъ образомъ, главнѣйшая основа, поддерживающая существованіе вѣры въ народахъ, т. е. преемственная передача изъ рода въ родъ убѣжденія въ ея истинѣ, окружена у православныхъ Славянъ въ Турціи противными силами, которыя многоразличными способами стремятся поколебать ее, и уничтожить или ослабить въ каждомъ изъ этихъ Славянъ убѣжденіе въ томъ, что вѣра, наслѣдованная имъ отъ предковъ, есть истинная вѣра.

Посмотримъ же теперь, существуютъ ли у православныхъ Славянъ Турецкихъ стихіи, которыя противодѣйствовали бы этимъ усиліямъ и могли бы утверждать въ ихъ сознаніи увѣренность въ истинѣ ихъ исповѣданія?

Духовенство содѣйствуетъ ли исполненію этой задачи? Извѣстно, что высшая іерархія въ славянскихъ земляхъ Турціи выбирается изъ числа такъ называемыхъ Константинопольскихъ фанаріотовъ, для которыхъ управленіе славянскими паствами Македоніи, Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи составляетъ главнѣйшую доходную статью, отдаваемую на откупъ почти что съ торговъ. Понятны отношенія такимъ іерарховъ къ этимъ паствамъ.

Извѣстно, что еще не такъ давно православные Болгаре, жители

города Кукуша (въ Македоніи), для того только, чтобы избавиться отъ подобнаго іерарха, рѣшились обратиться въ унію и просить себѣ епископа изъ Рима, — и тотчасъ отреклись отъ папы и возвратились въ православіе, какъ только патріархъ поставилъ имъ архіерея — Болгарина. Этотъ случай говоритъ собою достаточно, и избавляетъ насъ отъ обязанности приводить другіе примѣры въ доказательство того, что подобныя отношенія православныхъ Славянъ къ такъ называемымъ фанаріотамъ существуютъ по всей Турціи. Низшее духовенство, какъ мірское, такъ и монашествующее, въ этихъ земляхъ свое родное, славянское; но образованія оно не имѣетъ, потому что рѣшительно негдѣ ему получать его, и не смотря на высокія нравственныя достоинства многихъ его членовъ, оно въ умственномъ развитіи вообще не стоитъ выше народа: потому оно (кромѣ немногихъ лицъ, которыя заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго уваженія) не въ состояніи воспитывать народъ, наставлять его въ вѣрѣ, и въ преніяхъ о вѣрѣ побѣждать миссіонеровъ римскихъ и протестантскихъ.

Церкви, монастыри и общественное богослуженіе, конечно, много содѣйствуютъ поддержанію у православныхъ Славянъ Турціи вѣры отцовъ; но ихъ слишкомъ мало: есть до сихъ поръ цѣлые края православные, гдѣ никто не слыхалъ богослуженія, а до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія число церквей, особенно сельскихъ, и монастырей было еще несравненно меньше нынѣшняго; притомъ, въ обширной Славянской области (Македоніи и восточной Албаніи, гдѣ жители Болгаре) въ немногихъ существующихъ церквахъ и монастыряхъ богослуженіе совершается по-гречески, и, будучи непонятно народу, не можетъ имѣть на него достаточнаго дѣйствія [1]).

Училищъ почти нѣтъ у южныхъ Славянъ въ Турціи: прежде ихъ не было вовсе, развѣ что въ немногихъ монастыряхъ обучались церковной грамотѣ готовящіеся къ духовному званію; въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ городахъ православные учредили народныя училища, но ихъ число такъ незначительно и преподаваніе въ нихъ еще такъ недостаточно, что они до сихъ поръ не могли имѣть замѣтнаго участія въ поддержаніи православной вѣры въ этихъ земляхъ.

Духовная литература у южныхъ Славянъ въ Турціи не существуетъ вовсе, священныя книги у нихъ не печатаются [2]), а полу-

[1]) Даже простой народъ въ славянскихъ областяхъ Турціи, какъ видно изъ разговора со всякимъ тамошнимъ простолюдиномъ, дорожитъ смысломъ богослуженія: онъ не возвысился еще до той степени, на какой стоятъ нѣкоторыя (къ счастію весьма рѣдкія) образованныя лица у насъ, предпочитающія обѣдню на чужомъ языкѣ обѣднѣ Славянской, потому что непонятные звуки, по ихъ мнѣнію, болѣе располагаютъ къ благоговѣнію.

[2]) Кажется, въ недавнее время предпринято въ Константинополѣ изданіе нѣ-

чаются изъ Россіи съ великимъ трудомъ, такъ что самыя церкви нуждаются въ нихъ, а народу онѣ рѣшительно не доступны.

Все вышесказанное относится къ южнымъ Славянамъ, Сербамъ и Болгарамъ, находящимся подъ властію Турціи. Но кромѣ того, часть южныхъ Славянъ, именно почти два милліона православныхъ Сербовъ, живетъ въ Австріи. Этихъ Славянъ Турки не трогаютъ, протестантскіе миссіонеры не имѣютъ къ нимъ доступа; но при всемъ томъ, конечно, православная вѣра у нихъ не болѣе безопасна отъ искушеній, чѣмъ въ Турціи. Церковь православная не имѣетъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ гражданскихъ правъ, одинаковыхъ съ римско-католическою; ея членамъ ежедневно дается чувствовать ихъ униженіе; молодые люди православнаго исповѣданія, обучающіеся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, обязываются присутствовать при урокахъ римско-католическаго законоучителя, а законоучителей православныхъ при этихъ заведеніяхъ не бываетъ; почти всѣ гимназіи въ областяхъ, гдѣ обитаютъ православные Сербы, находятся исключительно въ рукахъ римскаго духовенства [1]); а курсъ въ этихъ гимназіяхъ обязателенъ для всякаго православнаго, желающаго получить какую бы то ни было общественную должность: поступая на службу, военную или гражданскую, православный Сербъ въ Австріи знаетъ напередъ, что весь свой вѣкъ останется въ низшихъ чинахъ, а переходъ въ католицизмъ даетъ ему вѣрное ручательство въ повышеніи. Такъ потрясаетъ Австрія православныя убѣжденія въ высшемъ слою Сербскаго общества; а на простой народъ призываются къ дѣйствію іезуитскіе и францисканскіе проповѣдники, которые обѣщаютъ

которыхъ церковныхъ книгъ на Славянскомъ языкѣ; но я не слыхалъ еще, чтобы оно перемѣнило положеніе дѣла въ этомъ отношеніи, да притомъ и не могло перемѣнить его, по своей новости и скудости средствъ.

[1]) Вотъ извлеченныя изъ оффиціальнаго адресъ-календаря Австрійскаго (Hof-und Staatshandbuch des Kaiserthumes Oesterreich. Funfter Theil. 1859) свѣдѣнія о гимназіяхъ въ земляхъ, гдѣ живутъ преимущественно православные Сербы: 1) въ Сербской Воеводинѣ и Банатѣ: гимназія въ Темешварѣ, всѣ преподаватели—члены ордена піаристовъ; въ Бечкерекѣ — то же; въ Соботкѣ (Maria-Theresiopol) — Францисканцы; въ Баѣ—половина преподавателей католическіе духовные; православная гимназія въ Новомъ Садѣ имѣетъ только низшіе классы и лишена права выдавать оффиціальные аттестаты. 2) въ Хорватіи и Славоніи: въ Горнемъ Карловцѣ (Carlstadt), гдѣ сосредоточено православное населеніе этого края, гимназія исключительно въ рукахъ Францискацевъ; въ другихъ Хорватскихъ гимназіяхъ, въ городахъ по преимуществу католическихъ, въ Загребѣ, Осѣкѣ, Рѣкѣ, Пожегѣ и Вараждинѣ, допущены были и свѣтскіе преподаватели. 3) Въ Далмаціи — только въ Сплѣтѣ, гдѣ нѣтъ вовсе православныхъ, гимназія свѣтская, а въ мѣстахъ, гдѣ живутъ православные, въ Дубровникѣ, Синѣ и Задрѣ—въ первомъ городѣ гимназія исключительно іезуитская, во второмъ францисканская, въ третьемъ въ рукахъ мірскаго духовенства католическаго. 4) Въ рукахъ того же духовенства находится преподаваніе въ Сеньѣ (Zengg), въ Хорватской военной границѣ, гдѣ значительная часть населенія православные Сербы.

поселянамъ всякія льготы, въ особенности относительно податей, если они согласятся перейти — не въ католицизмъ, а только въ унію. Для распространенія ея между Сербами даны Австрійскимъ правительствомъ большія средства, построеніемъ уніатскихъ церквей въ такихъ даже мѣстахъ, которыя еще ждутъ уніатовъ, назначеніемъ при нихъ священниковъ съ хорошимъ содержаніемъ и т. под.

И такъ, нельзя сказать, чтобы въ Австріи преемственное храненіе православной вѣры въ народѣ встрѣчало меньше противодѣйствія, чѣмъ въ Турціи. А кто можетъ тамъ блюсти за этимъ храненіемъ и утверждать въ народѣ вѣру, которую такъ сильно стараются поколебать въ немъ? Патріархъ? Но онъ стѣсненъ гражданскими властями такъ, что его голосъ рѣдко и слабо долетаетъ до народа. Подчиненные ему епископы? Но Австрія озабочивается, чтобы ихъ выбирали между людьми «неопасными», не умѣющими протестовать. Приходскіе священники и братія существующихъ въ этихъ земляхъ старинныхъ православныхъ монастырей? Но они въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подверглись такому разоренію (податями, отъ которыхъ до 1850 г. были избавлены, и отнятіемъ принадлежавшихъ прежде православнымъ монастырямъ помѣстій, за которыя они одни не получили никакого вознагражденія), что бьются теперь изъ куска хлѣба и утратили отчасти прежнюю энергію. Притомъ, въ слѣдствіе недостатка духовныхъ православныхъ училищъ и отнятія казною капиталовъ, завѣщанныхъ въ прежнее время на такія училища, число молодыхъ людей, способныхъ къ принятію священства, ежегодно уменьшается, и ряды православнаго духовенства въ Австрійскихъ областяхъ видимо рѣдѣютъ. Много ли, стало быть, можетъ сдѣлать духовенство у Австрійскихъ Сербовъ, при неоспоримомъ усердіи и достоинствѣ своемъ, противъ всѣхъ мѣръ, приспособленныхъ къ ослабленію и разрушенію въ этомъ народѣ православной вѣры? О характерѣ тамошнихъ училищъ я сказалъ; о церквахъ, которыя въ этомъ краѣ не оправились еще отъ разоренія, причиненнаго въ 1848 году, и у которыхъ по большей части отняты капиталы, служившіе для ихъ поддержки, я умалчиваю, также какъ о духовной литературѣ, столь слабой и подавленной [1]), что имѣть замѣтное вліяніе на народъ она не можетъ; умалчиваю и объ изданіи нѣкоторыхъ священныхъ книгъ православныхъ, предпринимавшемся въ разное время по распоряженію Австрійскаго правительства, такъ какъ эти книги не только не распространяются въ народѣ, но даже отвергаются имъ, какъ подозрительныя.

---

[1]) Никакая полемика для защиты православнаго ученія противъ римско-католическаго въ ней не допускается.

При всемъ томъ, однако, какъ въ Австріи, такъ и въ Турціи, православная вѣра у южныхъ Славянъ рѣшительно не слабѣетъ. Въ ея средѣ не возникло ни раскола, ни ереси, ни какого бы то ни было отступленія отъ чистоты христіанскаго ученія, не смотря на то, что предметы религіозные сильно занимаютъ умы этихъ племенъ, и что невѣжество народа и слабость вліянія на него высшей іерархіи могли бы, повидимому, облегчить распространеніе ложныхъ мнѣній и толковъ. Переходъ же частныхъ лицъ изъ православной вѣры въ мусульманство или въ другое христіанское исповѣданіе случается чрезвычайно рѣдко, да и то большею частію невольно или безсознательно; такъ, напримѣръ: сирота, оставшійся послѣ православныхъ родителей, берется въ мусульманскій домъ [1]), или призрѣвается въ католическомъ или протестантскомъ училищѣ, и воспитывается такимъ образомъ въ другомъ исповѣданіи; деревенская дѣвушка увлекается или, еще чаще, насильственно похищается мусульманиномъ, и, чтобы не возвратиться въ родительскій домъ опозоренною, предпочитаетъ остаться мусульманкою въ гаремѣ своего соблазнителя; замужняя женщина измѣняетъ своему долгу связью съ мусульманиномъ и потомъ спасается въ его домъ и объявляетъ себя мусульманкою; православная дѣвушка влюбляется въ католика, и какъ въ Турціи смѣшанный бракъ не допускается, принимаетъ вѣру своего жениха (это бываетъ и въ Австріи, и даже въ гораздо сильнѣйшей степени, такъ какъ тамъ и православный мужчина, чтобы жениться на католичкѣ, обращается въ католицизмъ, тогда какъ въ Турціи, для избѣжанія смѣшаннаго брака, невѣста-католичка, чтобы выйти за православнаго, обыкновенно принимаетъ его вѣру, и такимъ образомъ, въ общей сложности, равновѣсіе обоихъ исповѣданій не нарушается).

Случаи независимаго отъ такихъ внѣшнихъ отношеній вѣроотступничества у православныхъ Славянъ въ Австріи и Турціи такъ рѣдки, что въ жизни церкви они совершенно незамѣтны. Въ западныхъ славянскихъ областяхъ Турціи, т. е., въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, я не встрѣтилъ ни одного подобнаго случая, не смотря на то, что мусульманскій гнетъ тамъ ужасенъ, и что, съ съ другой стороны, католицизмъ именно въ этихъ областяхъ всего сильнѣе [2]). Не ручаюсь за Болгарію, гдѣ созрѣвшая въ народѣ и доходящая иногда до страстности потребность имѣть, какъ въ былыя времена, свою родную іерархію и богослуженіе на Славянскомъ

---

[1]) Иногда бываютъ и случаи похищенія христіанскихъ дѣтей мусульманами и въ особенности мусульманками.

[2]) Въ Босніи и Герцеговинѣ издревле живетъ весьма многочисленное римско-католическое населеніе.

языкѣ, могла вызвать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мысль — подчиниться Риму на правахъ уніатовъ, для того только, чтобы освободиться отъ іерархической власти Грековъ. Но это мимоходныя явленія, которыя, какъ мы видимъ на дѣлѣ, отстраняются тотчасъ, какъ скоро Константинопольскій патріархъ рѣшится удовлетворить законнымъ требованіямъ славянской паствы. Если мы посмотримъ на такія явленія съ точки зрѣнія самихъ Болгаръ, то мы не сочтемъ ихъ за признакъ упадка въ нихъ убѣжденія въ истинѣ православной вѣры: ибо возникшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи мысль отложиться отъ Константинопольскаго патріархата имѣетъ единственнымъ поводомъ отчужденіе высшей іерархіи, какъ особенной касты, отъ народа, и введеніе въ славянскихъ церквахъ богослуженія на чужомъ языкѣ: и то и другое скорѣе согласно съ началами римской церкви; но въ отношеніи Болгаръ, римская церковь, чтобы пользоваться ошибкою патріархата, отрекается отъ своихъ началъ и обѣщаетъ недовольнымъ Болгарамъ и народную іерархію и славянское богослуженіе. Конечно, мы не думаемъ оправдывать помышленій объ уніи, родившихся въ умахъ нѣкоторыхъ Болгаръ. Мы видимъ въ этомъ ихъ неопытность и совершенное незнаніе того, какая судьба постигла другихъ Славянъ-уніатовъ; но мы хотѣли показать, что такія помышленія, какъ они ни печальны и оскорбительны для насъ, еще не обличаютъ въ Болгарахъ упадка убѣжденія въ истинѣ православной вѣры: они обличаютъ въ нихъ, напротивъ, только слишкомъ нетерпѣливое чувство того, что церковное управленіе въ ихъ землѣ не соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ,—желаніямъ, вполнѣ согласнымъ съ духомъ православія.

Случаи же сознательнаго перехода Болгаръ въ католицизмъ или протестантизмъ, также какъ и въ мусульманское исповѣданіе, сколько мы знаемъ, чрезвычайно рѣдки, и въ этомъ народѣ убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры живетъ также упорно, какъ въ Сербахъ Турецкихъ и Австрійскихъ. Послѣдніе, т. е., Австрійскіе Сербы, не уступаютъ своимъ Турецкимъ собратьямъ въ твердости, съ какою они хранятъ православное преданіе. Вѣроотступничество такого человѣка, какъ Омеръ-паши или какихъ-нибудь (хотя весьма немногочисленныхъ) Австрійскихъ офицеровъ и чиновниковъ изъ православныхъ Сербовъ, которые свою карьеру предпочли вѣрѣ своей, составляетъ явленіе столь ничтожное въ жизни народа и церкви, что объ немъ говорить не стоитъ.

Словомъ сказать, въ какую сторону мы ни посмотримъ у южныхъ Славянъ, вездѣ мы встрѣчаемъ тотъ же важный и, надобно сознаться, многозначительный фактъ: убѣжденіе въ истинѣ православной вѣры укоренено въ этихъ племенахъ такъ, что оно противостоитъ всему.

Четыреста лѣтъ Турецкаго, сто семьдесятъ лѣтъ Австрійскаго плѣна, усилія разныхъ пропагандъ, соединенныя съ самыми невыгодными обстоятельствами внутри самой церкви у Сербовъ и Болгаръ, не могли поколебать въ нихъ этого убѣжденія. Такой фактъ я называю знаменательнымъ даже въ отношеніи къ самой Россіи: сравните безопасность православной церкви въ нашихъ предѣлахъ, сравните средства, которыми могутъ утверждать у насъ въ народѣ сознаніе въ истинѣ православія, сравните все это и многое другое съ положеніемъ единовѣрныхъ намъ южныхъ Славянъ, — и вспомните, что у нихъ нѣтъ раскола, нѣтъ примѣровъ добровольнаго и сознательнаго предпочтенія чужаго исповѣданія своему.

Въ чемъ же заключается, наконецъ, эта дивная сила православной церкви у южныхъ Славянъ? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ по крайнему моему разумѣнію, не прибѣгая за объясненіемъ къ какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, напримѣръ къ невѣжеству народа, которое будто бы поддерживаетъ въ немъ отцовскія преданія, какъ говорятъ иные (ибо наши раскольники доказываютъ, напротивъ, до какой степени невѣжество пагубно для храненія православной истины), и не удовлетворяясь также, какъ дѣлаютъ другіе, мыслію объ особенномъ содѣйствіи Божіемъ: ибо, скажу словами одного изъ замѣчательнѣйшихъ истолкователей православія, — «если, съ одной стороны, справедливо признавать пути Провидѣнія во всемъ развитіи исторіи, то, съ другой, неразумно и, можетъ быть, несогласно съ христіанскимъ смиреніемъ отгадывать случаи прямаго вмѣшательства Божіяго въ дѣла человѣческія» [1]).

По моему мнѣнію, сила православной вѣры у южныхъ Славянъ заключается въ томъ, что самая сущность православія вполнѣ сродна съ сущностью Славянскаго духа и быта.

Возьмите Магометанство, религію по преимуществу фанатическую, вонистенную, отрицающую у женщины безсмертную душу; религію, которая во внѣшнемъ поклоненіи отвергаетъ все говорящее чувствамъ, а во внутреннемъ созерцаніи погружаетъ человѣка въ чувственность; которая стѣсняетъ свободу частной жизни условными обрядами, и свободу жизни общественной деспотическимъ религіозно-государственнымъ авторитетомъ. Всѣми этими и многими другими существенными свойствами магометанство прямо противоположно существеннымъ свойствамъ Славянскаго племени. Впрочемъ, чтобы объяснить неуспѣхъ магометанской проповѣди между южными Славянами, достаточно признать въ нихъ (а это несомнѣнно) на столько благородства душев-

---

[1]) Хомякова, Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales. Paris. 1853, стр. 18.

наго, чтобы предпочесть высоту духовную высотѣ матеріальнаго положенія; а всякій изъ этихъ Славянъ, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, какъ бы мало ни понималъ свою собственную, христіанскую вѣру, чувствуетъ внутреннимъ чутьемъ (если онъ не въ состояніи уразумѣть сознательно) неизмѣримую высоту христіанской вѣры сравнительно съ исламомъ. Разговоръ съ каждымъ, самымъ простымъ и одичалымъ, поселяниномъ въ этихъ странахъ убѣдитъ васъ въ существованіи этого внутренняго чувства.

Коль скоро это чувство и это сознаніе существуетъ въ южныхъ Славянахъ, вопросъ заключается въ томъ: готовъ ли Славянинъ жертвовать выгодами мірскими для сохраненія своей духовной высоты, и способенъ ли онъ подвергнуться страданіямъ и, если нужно, смерти, чтобы не измѣнить тому, что̀ считаетъ истиной? Кажется, исторія и современность довольно громко отвѣчаютъ въ пользу Славянскаго народа.

Однако же въ Турціи мы находимъ не малое число Славянъ-мусульманъ; именно, въ Босніи и значительной части Герцеговины. Положимъ, въ настоящее время исламъ не имѣетъ силы привлекать къ себѣ Славянъ; но въ старинное время, когда въ немъ было больше энергіи, противъ его завоевательнаго фанатизма, какъ видно, плохою защитою было и чувство превосходства христіанской вѣры и готовность жертвовать собою для служенія истинѣ?

Надобно вглядѣться попристальнѣе въ это явленіе, и оно откроетъ намъ многое.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Боснія и Захолміе (т. е. три четверти нынѣшней Герцеговины, за исключеніемъ южной ея части, древней Травуніи, гдѣ теперь православная вѣра господствуетъ почти исключительно) находились издавна въ самомъ неустроенномъ религіозномъ состояніи. Оффиціально эти земли считались въ духовной области Рима, и православная вѣра хотя, какъ видно, проникала въ народъ, однако не достигла первенства; а между тѣмъ дуалистическая ересь, извѣстная подъ названіемъ Богомильской, преемница Манихейскаго и Павликіянскаго ученія, вѣроятно именно въ слѣдствіе борьбы латинства съ православіемъ въ самомъ народѣ, распространилась здѣсь съ удивительной быстротою. Богомильство и католицизмъ оспоривали другъ у друга умы князей и аристократіи Босній-ской и Захолмской; въ XIII вѣкѣ богомильство по-видимому совершенно владѣло этими странами, но въ XIV и XV-омъ, благодаря вліянію Венгріи, усиліямъ папъ и усердію посланныхъ сюда монаховъ Францисканскаго ордена, католицизмъ одержалъ верхъ при дворѣ Босній-скихъ государей, и множество богомиловъ добровольно или по принужденію приняли римское исповѣданье; православная же вѣра хра-

нилась въ значительной части простонародья, но не пользовалась въ Босніи и Захолміи покровительствомъ властей и высшаго сословія, такъ что даже не оставила по себѣ въ этихъ земляхъ почти никакихъ памятниковъ, ни церквей, ни монастырей, ни даже письменности. Вдругъ нагрянулъ исламъ,— и богомильство, котораго не могли искоренить всѣ усилія Рима, мгновенно исчезло: объ немъ съ тѣхъ поръ не было помину въ Босніи и Захолміи, а тамошная аристократія является съ того времени вся исповѣдывающею магометанство. Стало быть, вотъ почва, на которой исламъ водворился между южными Славянами. Легкость, съ которою богомилы приняли его, объясняется, кромѣ желанія сохранить свое аристократическое положеніе, самымъ характеромъ ихъ вѣры. И дуализмъ и исламъ были порожденіе южнаго востока (хотя вышли, разумѣется, изъ двухъ различныхъ точекъ созерцанія); и дуализмъ и исламъ отдѣляли бездною неисполнимою Божество отъ человѣчества, не сознавали въ Божествѣ любви, не понимали Божественной Троицы, вѣровали въ явленіе пророка-параклита послѣ Христа [1]), въ богослуженіи отвергали все символическое, и замѣняли символъ голымъ, обязательнымъ обрядомъ [2]). Это внутреннее сродство обѣихъ религій доказываетъ, что переходъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ богомиловъ въ исламъ не былъ случайнымъ, а существенно необходимымъ фактомъ, коль скоро исламъ явился властелиномъ въ страну, наполненную богомилами. Оттого мы даже не видимъ въ историческихъ памятникахъ слѣдовъ борьбы между этими исповѣданіями: богомильство вдругъ исчезаетъ въ этихъ странахъ и магометанство вдругъ является въ нихъ исповѣданіемъ высшаго сословія и части остальнаго народа.—Я упомянулъ о томъ, что католицизмъ въ Босніи и Захолміи долго боролся съ богомильствомъ и наконецъ привлекъ къ себѣ часть его послѣдователей. Въ Босніи и Герцеговинѣ, эти двѣ религіозныя стихіи вездѣ совмѣстны были въ своемъ постоянномъ антагонизмѣ, тогда какъ православная вѣра, сколько видно, оставалась внѣ ихъ круга. Этимъ, кажется, объясняется то, что мусульманство и теперь еще преимущественно распространено въ тѣхъ краяхъ Босніи и Герцеговины, гдѣ изъ двухъ христіанскихъ исповѣданій преобладаетъ католицизмъ, и несравненно слабѣе тамъ, гдѣ христіанское населеніе принадлежитъ къ православ-

[1]) Манесъ, Магометъ.

[2]) Косма, пресвитеръ Болгарскій, говоритъ о богомилахъ: „Кланяются, затворшеся въ хизѣхъ своихъ, четырежды днемъ, четырежды нощію и вся пятеро врата отверсты имуще, яже повелѣнна суть затворити; кланяющеся глаголютъ: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ.“ Въ такомъ видѣ молитва Господня, соединенная съ восьмикратнымъ обязательнымъ и притомъ не общественнымъ поклоненіемъ, потеряла у богомиловъ характеръ христіанской свободы и низведена на степень талисманическаго обряда: сходство съ пятикратнымъ домашнимъ поклоненіемъ мусульманина совершенное.

ной вѣрѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что, при завоеваніи этихъ областей султаномъ Магометомъ II, исламъ былъ принятъ и значительною частью римско-католическаго населенія; ибо непосредственно передъ Турецкимъ завоеваніемъ католицизмъ сдѣлался тамъ, какъ я сказалъ, религіею двора и аристократіи и многіе изъ богомиловъ были принуждены подчиниться ему для свѣтскихъ выгодъ: что же имъ стоило потомъ, для такихъ же выгодъ, опять отречься отъ католицизма и признать себя мусульманами, коль скоро мусульманство было до такой степени сродно ихъ первоначальному вѣроисповѣданію? Впрочемъ, и въ позднѣйшее время, когда о богомильствѣ не осталось и помину, католики довольно легко совращались въ исламъ: это доказываютъ и воспоминанія мѣстныхъ жителей и жалобы римскаго духовенства. Причину этого явленія я вскорѣ постараюсь объяснить, а теперь поставлю только общій выводъ изъ предъидущаго изложенія, именно: что исламъ утвердился между Славянами преимущественно на почвѣ дуалистической ереси, отчасти также и на почвѣ католицизма, но отнюдь не на почвѣ православія.

Это находитъ новое, неопровержимое подтвержденіе въ томъ, что между всѣми южными Славянами исламъ пріобрѣлъ себѣ послѣдователей только въ Босніи и Герцеговинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ такое явленіе. Въ Босніи и Герцеговинѣ (за исключеніемъ юго-западнаго ея угла) туземцы-мусульмане составляютъ почти четверть всего населенія; въ Болгаріи же и собственно Сербскихъ земляхъ (княжествѣ Сербіи, Старой Сербіи и южной Герцеговинѣ) [2]) Славяне-мусульмане составляютъ самую незначительную долю населенія, — и именно эти страны были чисто православныя, когда ихъ застало Турецкое владычество. Но откуда взялись тамъ тѣ немногіе мусульмане, которые говорятъ по-сербски и по-болгарски и, по-видимому, принадлежатъ къ славянской народности? Не полагаю, чтобы они всѣ, или даже большинство ихъ, происходили отъ тѣхъ частныхъ случаевъ обращенія, о которыхъ я говорилъ выше и которые встарину были гораздо обыкновеннѣе (ибо извѣстно, что прежніе султаны брали насильно толпы дѣтей въ покоренныхъ христіанскихъ зе-

---

[1]) Подробности о вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ въ Босніи и Герцеговинѣ читатель найдетъ въ изданномъ мною сборникѣ: „Босния, Герцеговина и Старая Сербія“. Спб. 1859 (XIII-я книга Записокъ Русскаго Географическаго Общества).

[2]) Сѣверная и средняя Герцеговина, гдѣ мусульманство и католицизмъ почти также сильны, какъ въ Босніи, до сихъ поръ отличаются этнографически отъ южной, исключительно православной части этой области: жители первой называются Умяками (Умяци, т. е., Хумяци, жители Холмскаго края или древняго Захолмія: по сербскому произношенію, х у м ъ, у м ъ есть то же, что х о л м ъ), жители второй именуются по преимуществу Сербяками или Сербами, хотя, впрочемъ, православные во всей Герцеговинѣ, также какъ въ Босніи, усвоили себѣ имя Сербовъ.

мляхъ и воспитывали ихъ въ мусульманствѣ для зачисленія въ янычары). Но независимо отъ этого первые государи Турецкіе раздавали своимъ сподвижникамъ помѣстья въ новопокоренной Болгаріи и Сербіи, и водворяли цѣлыя массы Турокъ и обращенныхъ въ мусульманство Арнаутовъ въ важнѣйшихъ городахъ и стратегическихъ пунктахъ этихъ земель: понятно, что потомки переселенцевъ сродпились съ языкомъ окружающаго христіанскаго племени и теперь отличаются отъ него только вѣроисповѣданіемъ [1]). Притомъ, въ Болгаріи были тоже многочисленные богомилы, и хотя видно, что эта ересь уже угасала тамъ во время, предшествовавшее Турецкому завоеванію, однако весьма вѣроятно, что остатки ея еще были застигнуты исламомъ и, конечно, столь же легко поглощены имъ, какъ въ Босніи (ближайшихъ данныхъ объ этомъ я, впрочемъ, не имѣю). Наконецъ, въ Болгарію приливало много Татарскихъ, мусульманскихъ стихій и гораздо прежде нашествія Турокъ [2]), и разумѣется, эти стихіи тотчасъ привились къ Турецкому магометанству и нашли въ немъ опору, безъ которой онѣ иначе исчезли бы въ преобладающемъ христіанскомъ населеніи. Вотъ многочисленные источники, изъ которыхъ проистекло большинство мусульманскихъ жителей Болгаріи; самая же малая часть ихъ (впрочемъ, и безъ того немногочисленныхъ сравнительно съ Босніею и Герцеговиною) могла произойдти отъ православныхъ Болгаръ вѣроотступниковъ [3]).

Покончивъ дѣло съ мусульманствомъ, разсмотримъ внутреннія отношенія южныхъ Славянъ къ вѣроисповѣданіямъ, раздѣляющимъ христіанскій міръ.

Въ христіанство южные Славяне обратились безъ труда и сопротивленія; крещеніе Сербовъ началось уже въ VII вѣкѣ, крещеніе Македонскихъ и Ѳракійскихъ Славянъ въ VIII-мъ, а можетъ быть и раньше. Въ Болгаріи противодѣйствіе христіанству выходило не изъ покоренной славянской стихіи, а изъ среды завоевателей, задонскихъ Болгаръ, и принятіе княземъ Борисомъ крещенія доставило полное нравственное торжество славянской стихіи, съ которой заво-

---

[1]) Таково происхожденіе многочисленныхъ мусульманъ въ Лѣсковецкомъ пашалыкѣ, на западномъ краю Болгаріи, въ этомъ стратегическомъ ключѣ центральной Турціи, какъ называетъ его Буэ (см. Recueil d'Itinéraires de la Turquie d'Europe. I, 81).

[2]) Древнѣйшія свидѣтельства объ этомъ я привелъ въ своей „Исторіи Сербовъ и Болгаръ", т. I настоящаго изданія. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ этотъ приливъ еще болѣе усилился Ногайскими Татарами, которые на короткое время покорили Болгарію. Достовѣрно извѣстно, что многочисленные мусульмане въ Добруджѣ и прилегающихъ къ ней мѣстахъ Болгаріи суть потомки Татарскихъ ордъ.

[3]) По недостатку данныхъ, не знаю къ какому изъ этихъ источниковъ отнести такъ называемыхъ Помаковъ, Болгаръ-мусульманъ, которые живутъ, въ числѣ около 50,000, въ епархіи Филиппопольской и сосѣднихъ мѣстахъ Македоніи.

свати-Болгаре съ тѣхъ поръ совершенно слились, оставивъ Славянамъ только свое имя.

Это легкое и безпрепятственное торжество христіанской вѣры между южными Славянами, совпадающее съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ явленій въ другихъ славянскихъ земляхъ, объясняется, конечно, не равнодушіемъ Славянъ къ вѣрѣ, а съ одной стороны внутреннимъ согласіемъ христіанства съ требованіями ихъ духа, съ другой слабымъ развитіемъ у нихъ языческой миѳологіи [1]). Не смотря на близость южныхъ Славянъ къ Византіи, а иногда по причинѣ этой самой близости, православное исповѣданіе не пріобрѣло у нихъ безсовмѣстнаго господства въ началѣ ихъ христіанской жизни: напротивъ, перевѣсъ находился на сторонѣ католицизма. Сербы получили первую христіанскую проповѣдь изъ Рима, по свидѣтельству самихъ Византійскихъ источниковъ, и хотя въ IX вѣкѣ Восточная церковь приняла дѣятельное участіе въ утвержденіи между Сербами христіанства, однако до XII-го вѣка земля Сербская оставалась оффиціально въ области римской церкви. Сербскіе князья и короли признавали надъ собою власть папы и постоянно сносились съ нимъ, главный пастырь Сербской земли, архіепископъ Барскій (Антиварійскій), завиѣлъ отъ Рима и получалъ оттуда *палліумъ*, и ему подчинены были епископства въ Сербскихъ и Албанскихъ предѣлахъ [2]). Въ Болгаріи съ самаго крещенія Борисова началась борьба Западной церкви съ Восточною. Борисъ нѣсколько времени стоялъ рѣшительно на сторонѣ первой, и проповѣдники ея имѣли въ Болгаріи обширное поприще дѣятельности; и хотя Борисъ потомъ объявилъ себя въ пользу Восточной церкви и Болгарія была признана за нею, однако государи ея рѣдко были искренно преданы православію. Они боялись вліянія сосѣдней Греческой имперіи, и охотно искали себѣ опоры на Западѣ. Извѣстны сношенія могущественнѣйшаго изъ царей Болгарскихъ, Іоанна Асѣня, съ папою Иннокентіемъ III; такая политика была, можно сказать, наслѣдственною у Болгарскихъ государей.

При такомъ направленіи верховной власти, конечно не отъ нея зависѣло, что католицизмъ не водворился въ Болгарскомъ народѣ во время его независпмаго существованія. Верховная власть не только не поддерживала искренно православной вѣры, но давала народу всевозможные поводы отступать отъ нея. Не смотря на то, католицизмъ

---

[1]) Я старался подробно разобрать отношенія Славянъ-язычниковъ къ христіанству въ своей „Исторіи Балтійскихъ Славянъ".

[2]) Именно: Которское, Palachiensis (?), Свачское, Скадрское, Дривостское, Пилотское (Пулати, въ сѣверной Альбаніи), Сербское, Боснійское, Требиньское. См. буллу папы Александра II къ Петру Антиварійскому, 1062 г., у Фарлата (т. VII, изд. Колети) и Яффе, Regesta Pontificum Roman.

вовсе не пріобрѣлъ въ Болгаріи послѣдователей между православными: тѣ католики, которые тамъ оказались, были исключительно обращенные богомилы [1]). Стало быть, не правительство, а самъ народъ сохранилъ въ Болгаріи неприкосновенною православную вѣру.

Еще разительнѣе представляется это явленіе въ Сербскихъ земляхъ. Они, какъ я сказалъ, состояли оффиціально подъ властію Рима и связаны были съ нимъ своею іерархіею. Но славянское богослуженіе и проповѣдь Кирилла и Меѳодія проникли къ Сербамъ, и православная вѣра водворилась въ народѣ. Какимъ образомъ это происходило, мы не знаемъ: это былъ органическій процессъ народной жизни, который остался незамѣченнымъ въ современныхъ памятникахъ, но который вдругъ обнаружился великимъ фактомъ, измѣнившимъ совершенно направленіе Сербской исторіи. Въ 1143 году, одинъ изъ мелкихъ удѣльныхъ владѣтелей, раздѣлявшихъ между собою Сербскую землю, Немања, въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, отрекся отъ латинской вѣры и принялъ православіе. Всѣ прочіе удѣльные князья возстали противъ него, и не разъ онъ находился на краю погибели. Но онъ одолѣлъ, и вмѣсто крошечнаго наслѣдственнаго удѣла своего, въ части нынѣшней Черногоріи, оставилъ своимъ сыновьямъ обширную державу, заключавшую въ себѣ значительную часть Сербскихъ земель. Очевидно, Немања пользовался какою-то вновь вызванною къ дѣятельности силою, если онъ въ короткое время могъ совершить въ Сербскихъ земляхъ такой огромный переворотъ: эта сила была народъ, а народъ сталъ за него, какъ за представителя православной вѣры. Что Немања сдѣлалъ для православія у Сербовъ въ области политической, то сдѣлалъ сынъ его св. Савва въ области церковной. Онъ установилъ тамъ православную іерархію, онъ проповѣдью своею обратилъ въ православную вѣру тѣхъ, которые ей не принадлежали, и утвердилъ въ остальномъ народѣ ея чистоту. Вотъ почему Сербскій народъ назвалъ и называетъ до сихъ поръ св. Савву своимъ просвѣтителемъ. Названіе это могло казаться страннымъ и безсмысленнымъ тѣмъ, которые не принимали во вниманіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ; вѣдь Сербская земля была давнымъ-давно просвѣщена христіанствомъ, когда св. Савва началъ въ ней дѣйствовать [2]): св. Савва былъ ея просвѣтителемъ въ смыслѣ православія.

---

[1]) Это важное обстоятельство утверждается, какъ неоспоримая истина, тѣмъ, что въ Болгаріи туземцы-католики (впрочемъ весьма немногочисленные) именуются павликіянами: Павликіяне были, какъ, извѣстно, послѣдователи дуалистической ереси, отъ которой богомилы вели свое начало. Императоръ Цимисхій переселилъ собственныхъ Павликіянъ изъ Малой Азіи во Ѳракійскую Болгарію (въ окрестности Филиппополя): тамъ-то преимущественно и находятся теперь павликіяне-католики.

[2]) Начало христіанской проповѣди у Сербовъ относится къ VII вѣку, какъ я за-

Обыкновенно смотрѣли иначе на характеръ дѣятельности Немани и на причину его быстрыхъ успѣховъ [1]); а какъ тутъ лежитъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ пониманію древней исторіи Сербовъ, то мы постараемся подкрѣпить нашъ взглядъ нѣкоторыми доводами.

Только такой переворотъ, какой долженъ былъ произойти въ исторической жизни Сербовъ правительственнымъ признаніемъ народнаго православнаго вѣроисповѣданія, можетъ дать разумное объясненіе необыкновенному факту, поражающему насъ въ Сербской исторіи. Позволю себѣ привести слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ: «Сербы считаютъ, такъ сказать, свое историческое существованіе со дня крещенія Немани въ православную вѣру; вся прежняя, пятисотлѣтняя, не бездѣятельная и не безславная, исторія ихъ сдѣлалась до такой степени чужда имъ, что во всѣхъ ихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ не говорится о ней ни слова. Эти лѣтописи и сказанія начинаются всѣ съ великаго Немани, называя его внукомъ сестры равноапостольнаго царя Константина. Между Константиномъ Великимъ, который умеръ въ 337 году, и Неманею, который родился въ 1103, лѣтописцы Сербскіе помѣщаютъ два поколѣнія! Этотъ безсмысленный анахронизмъ, который сдѣлался общимъ достояніемъ всѣхъ Сербскихъ лѣтописей, имѣетъ, однако, свое значеніе: онъ самъ есть, можно сказать, выраженіе историческаго факта; именно онъ значитъ то, что весь долговременный періодъ, прожитый Сербами отъ паденія Римской имперіи и до крещенія Немани, весь этотъ періодъ, въ которомъ они подчинены были римской церкви, исчезъ въ сознаніи народа, какъ нѣчто не существовавшее для него». Это доказываетъ также, что торжество православной вѣры въ Сербіи, виновникомъ котораго явился Неманя, не было дѣломъ личнымъ или правительственнымъ; а приготовлено и вызвано было самимъ народомъ; иначе латинство нашло бы убѣжище въ народѣ, и до насъ дошелъ бы хоть какой-нибудь голосъ оппозиціи съ его стороны въ Сербіи.

Только одна извѣстная мнѣ Сербская лѣтопись упоминаетъ о томъ, что была до Немани какая-то эпоха въ исторіи Сербскаго народа; характеръ же этой эпохи лѣтопись опредѣляетъ именно такъ, какъ

мѣтилъ, окончательное торжество христіанская вѣра получила тамъ въ концѣ IX-го вѣка, а св. Савва родился въ 1169 г., скончался въ 1237-мъ.

[1]) Г. Майковъ въ своей „Исторіи Сербскаго языка“, объясняетъ всю дѣятельность Немани стремленіемъ къ единодержавію. Разумѣется, онъ стремился къ единодержавію, и дѣйствительно создалъ его у Сербовъ; но кто изъ его предшественниковъ не стремился къ тому же? Успѣхъ Немани, сравнительно съ неуспѣхомъ всѣхъ прежнихъ Сербскихъ князей въ созданіи единодержавія, можетъ объясниться только опорою, которую онъ нашелъ въ народѣ по принятіи православнаго исповѣданія.

мы его понимаемъ: она указываетъ на ту самую религіозную причину, по которой эпоха эта должна была исчезнуть изъ памяти Сербскаго народа. Вотъ слова, которыми начинается лѣтопись, подъ заглавіемъ: «Житіа и начелства Срьбскых господь, кои по кимь колико царствова», найденная нами въ рукописи XV вѣка, въ Ипекской патріаршей обители:

«Такъ какъ было написано о преданіи древнихъ вѣковъ и о мимотекущихъ временахъ и лѣтахъ и о бывшихъ царяхъ, какъ они царствовали съ начала міра и по потопѣ даже до сихъ послѣднихъ временъ, то подобаетъ вспомянуть и о Сербской землѣ, какъ она была обращена въ христіанскую вѣру первоначально, *и потомъ, когда угасла въ ней первая проповѣдь благочестія, какъ и кѣмъ она во второй разъ привлечена была къ первоначальной, проповѣданной апостолами, благочестивой вѣрѣ,* въ которой мы и видимъ ее сіяющею; и наконецъ, когда благочестіе озарило ее, кто начальствовалъ надъ нею въ эти послѣднія времена.

«Объ нихъ-то преимущественно предстоитъ намъ слово боголюбезное и достойное всякой хвалы: ибо явились въ ней (т. е. въ Сербской землѣ) великіе свѣтильники міру, одни равночестные апостоламъ, другіе мѵроточцы и чудотворцы, и архіереи достоблаженные, и множество преподобныхъ и праведныхъ мужей. Откуда же намъ наилучшимъ образомъ начать нашу рѣчь? Очевидно, что отсюда, откуда и слѣдуетъ.

«И такъ, *когда угасла*, какъ я сказалъ, *первая проповѣдь, преданная святыми апостолами, въ землѣ Сербской, и различныя ереси умножились въ ней на много лѣтъ, то начальствующіе никакъ не заботились объ истребленіи еретическихъ плевеловъ, до самаго того времени, когда явился великій жупанъ Неманя*, который и возобладалъ самовластно этою землею, какъ написано въ его житіи, составленномъ тамъ, гдѣ онъ находится (т. е. гдѣ почивали его мощи, въ Студеницкой Лаврѣ). Въ этомъ житіи говорится о томъ, какъ онъ жилъ богоугодно въ мірѣ и какъ, сочтя себя у цѣли земной славы своего царствованія, и покинувъ ее, принялъ крестъ Господень,.... поселился въ горѣ Аѳонской и подвизавшись тамъ остальные годы, перешелъ въ вѣчность.... При жизни же, когда онъ еще былъ правителемъ, *онъ истребилъ всѣ ереси въ державѣ своей, землѣ Сербской, и насадилъ благочестіе,* и построилъ многія церкви» и т. дал. [1]).

---

[1]) Вотъ начало этого лѣтописца по подлиннику (буквы подъ титлами печатаемъ курсивомъ): Житіа и начелства срьбскыхъ господь кои по кимь колико царствова.

Понѥже сьписанно бысть ѡ памети дрѣвныхь вѣкь. и мимотекоущіихь врѣменѣхь, и лѣтѣхь. и ѿ бывшыхь царехь. како царствоваше ѡтъ начела и по потопѣ. даже и

Такимъ образомъ нашъ лѣтописецъ положительно указываетъ на то, что послѣ первоначальнаго водворенія христіанства въ Сербской землѣ, въ ней наступилъ долгій періодъ неправославный, и что великій жупанъ Неманя (1144—1197) былъ въ ней не только творцомъ единовластія, но главное — возстановителемъ православія.

Мы можемъ сказать съ увѣренностію, что православная вѣра проникла въ Сербскія земли и укоренилась тамъ вопреки первымъ государямъ и іерархіи, находившимся въ зависимости отъ Рима, что распространеніе тамъ православной вѣры было дѣломъ самого народа, и что Неманя и св. Савва только установили и признали въ области правительственной и іерархической народную вѣру.

Но преемники Немани не были тверды въ православной вѣрѣ. Побуждаемые распрями съ Византіею, они не разъ вступали въ сношенія съ папами и не разъ выказывали готовность принять католицизмъ. Ихъ церковная политика сходствовала съ политикою Болгарскихъ царей, и мы должны повторить относительно преемниковъ Немани на Сербскомъ престолѣ то же, что̀ мы сказали о Болгарскихъ государяхъ: если въ Сербіи подъ ихъ правленіемъ православная вѣра сохранилась ненарушимо, то этимъ она обязана была народу, кото-

---

до сіихь послѣдныхь врѣмень. Подобно ѥсть вьспоменꙋти и о скрьбскои *(такъ)* землы. како ꙋвѣрена бысть въ начелѣ. поѥже прьвѣи благочьстіа оугаснꙋти проповѣды, како пакы и кимь второѥ кь прьвѣи, ꙗже апостоломь проповѣданнѣи благочьстіа вѣры, привлѣчена бысть, въ нѥи же и свѣтлѣѥсе зритсе. и поѥже пакы просвьтѣтисе благочьстію вь нѥи. кто начелствоваше сею въ сіа послѣднꙗ врѣмена.

Кь тѣм бо намь паче прѣдлежіить слово. благолюбьзно. и всакоє почьсти достоино. ꙗвише бо се вь нѥи велици свѣтилныци мирꙋ. ѡвы апостоломь равночьстны. дрꙋзы мироточци, и чюдотворци. ины оучителиѥ велици. и архиіереиѥ достоблаженны. и множьство преподобныхь и праведныхь мꙋжи. ѡткꙋду оубо намь ѥсть. и добрѣише сьтворити начело. ꙗвѣ ꙗко ѡтнꙋдоуже ѥсть и подобно.

Поѥже ꙗкоже рѣхь, прьвѣи благочьстіа ꙋгасноути проповѣды. прѣданнѣи святыми апостолы, вь землы срьбсцѣи. и ѥресемь различнымь оумножившіимсе вь нѥи на лѣта мнѡга. и никакоже начелствꙋющіи ѡ истреблены єресныхь плѣвель попекшесе, даже и до врѣмене въ нѥже ꙗвисе великы жꙋпань неманꙗ, иже и самовластно землѥю тою ѡблада, ꙗкоже въ жити тамо емꙋ идѣже ѡбрѣтаѥтсе пише ꙗже ѡ нѥмь. како богоꙋгодно пожить мирскоѥ житиѥ проходе. и како славꙋ царствіа земльнꙋю, ꙋ мети вьменивь. и сію ѡставль, господьнь крьсть по писанномꙋ вьзьмь. и распетыхь жию *(такъ)* постничьскѡмꙋ боголюбивыхь инокь примѣсивь себѣ жити люботрꙋднѣ, ѡтрексе земльныхь, вь горѣ аѳонсцѣи изволи вь нѥи же и проча лѣта подвызавсе кь желаемомꙋ прѣиде. ѡттꙋдꙋ же пакы и вь свое ѡтчьство, дьржавы, боголюбивыми ѡтрасльми, сыны глаголю своимы, чьстнѣ мирѡмь мощеи своихь светыхь. ꙋмащаѥ, прѣнесень бысть. ꙗкоже зритсе и дьньсь. при животѣ же, и вь начельствы єще сꙋщꙋ емꙋ потрѣбы єресы вьсе дрьжавы своѥе землѥ срьбскыѥ. и насады благочьстиѥ. и црьквы сьзда многы. сьзда же и великоꙋ црьковь стꙋденицꙋ великꙋю. дѡмь прѣсветыѥ богородице. и на топлици црьковь светомоу никѡлау. тоужде винꙋ на топлици црьковь светѣи богородици и иніє светыє храмы по землы своеи. и ина єлика многа добраа дѣла. и милостиниѥ сьтворы. и ѡ православы и ѡ прочихь дѣлѣхь богоꙋгодныхь. изрещи мощно нѣсть. ѡбаче сама благодать светаго доуха проꙗвы на нѥмь.

рый своею твердостью въ вѣрѣ помѣшалъ правителямъ осуществить многократныя попытки соединенія съ Римомъ.

Народъ, народъ! — вотъ сила, которая утвердила православную вѣру въ Сербскихъ и Болгарскихъ земляхъ во время ихъ государственной независимости; и эта же самая сила продолжала хранить ее въ послѣдующую эпоху, подъ тяжелою властію мусульманскихъ правителей.

Но какъ объяснить эту народность православной вѣры у южныхъ Славянъ? Какъ объяснить этотъ органическій процессъ слiянія православной вѣры съ стихіями ихъ народной жизни, безъ котораго невозможно понять, напримѣръ, самые существенные факты въ исторіи Сербскаго народа?

Южнымъ Славянамъ предстоялъ выборъ между православною вѣрою и католицизмомъ. Конечно, рѣшеніе зависѣло не столько отъ догматической части, различіе которой не могло не оставаться болѣе или менѣе недоступнымъ народному сознанію, сколько отъ внутренняго строя церковной жизни. Ту церковь Славяне должны были почесть истинною, которая осуществляла въ духовной сферѣ ихъ высшій идеалъ общественной жизни человѣчества.

Безконечно-разнообразныя явленія общественной жизни человѣчества опредѣляются отношеніями двухъ, вѣчно совмѣстныхъ и сопроникающихся, началъ: прирожденной свободы всякаго лица и общественнаго авторитета, полагающаго границы этой свободѣ.

Славянское племя издревле пыталось согласовать эти два противоположныя начала человѣческой жизни не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ — и это есть существенная особенность славянскаго духа и его бытовыхъ проявленій: Славянское племя не хотѣло ограничить личной свободы внѣшнимъ авторитетомъ отвлеченной идеи государства, какъ древній міръ и народы Романскіе; оно не хотѣло ограничить ея авторитетомъ аристократическаго преимущества нѣкоторыхъ членовъ общества, подобно народамъ Германскимъ, а искало ограниченія личной свободѣ каждаго члена общества въ нравственномъ авторитетѣ единодушной воли всѣхъ его членовъ: свобода и единогласіе, вотъ существенныя стихіи славянской жизни. Кто сколько-нибудь всмотрится и вдумается въ ея явленія, кто сличитъ ея особенности въ древнія времена, когда начала ея проявлялись въ наибольшей чистотѣ, съ тѣмъ, что̀ осталось еще въ Славянскихъ земляхъ самороднаго, тотъ призна́етъ, мы надѣемся, справедливость этого опредѣленія.

Спору нѣтъ, что никогда и нигдѣ Славянское племя не осуществило идеала своей общественной жизни (да и какой народъ вполнѣ осуществилъ его?); спору нѣтъ, что свободное единогласіе, какъ на-

чало общественнаго строя, слишкомъ высоко стояло надъ условіями практической государственной жизни, и Славяне вездѣ ставили себѣ или признавали, такъ или иначе, другой, внѣшній общественный авторитетъ; спору нѣтъ, что, при многоразличныхъ переворотахъ и всякихъ посторонніхъ вліяніяхъ, коренное ихъ общественное начало частью искажалось, частью подавлялось или даже совершенно сглаживалось въ ихъ бытѣ и государственной жизни. Но могло ли оно исчезнуть изъ Славянскаго духа?

Не находя себѣ достаточнаго удовлетворенія среди внѣшнихъ условій общества, оно искало себѣ убѣжища въ средѣ, недоступной этимъ условіямъ, и нашло его въ православной церкви.

Такъ и Романскій міръ, въ то время, когда терялась въ жизни общественной римская идея отвлеченнаго государственнаго авторитета, возсоздалъ ее въ церкви, и положилъ основаніе папизму. Такъ и Германскій міръ, въ то время, когда терялся, порожденный его бытовыми началами, средневѣковой аристократизмъ, возсоздалъ его стихіи въ церковной сферѣ, въ видѣ протестантства [1]).

Но разница между отношеніями этихъ племенъ къ церкви и отношеніями къ ней Славянъ огромная, существенная. Романскіе и Германскіе народы низвели вселенскій строй церкви до уровня своихъ собственныхъ началъ; Славяне не прикоснулись до вселенскаго строя церкви, а свободнымъ избраніемъ вступили въ него, ибо почуяли въ немъ осуществленіе, въ духовной области, своего собственнаго общественнаго идеала.

Въ чемъ же заключается сущность и отличительная особенность строя православной церкви, какъ не въ томъ, что она признаетъ въ себѣ свободу человѣческую; ограничиваетъ же ее и хранитъ единство не силою внѣшняго авторитета, а нравственною силою единодушія и единогласія всѣхъ своихъ членовъ?

Для тѣхъ читателей, которые, можетъ быть, не вникали вполнѣ въ этотъ предметъ, приведу въ подкрѣпленіе моей мысли свидѣтельство четырехъ восточныхъ патріарховъ, которые въ окружномъ посланіи, отъ 6 Мая 1848, такимъ образомъ отвѣчали папѣ Пію IX, обвинившему православную церковь въ отсутствіи авторитета для

---

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что аристократическій духъ лежитъ въ корнѣ протестантства. Отрѣшая вѣру отъ преданія и начала единства церкви, и подчиняя ее личному толкованію, протестантство, собственно, дѣлаетъ вѣру принадлежностью класса людей богословски-образованныхъ, и лишаетъ народъ того, что, по протестантскимъ понятіямъ, есть вѣра въ истинномъ ея смыслѣ. Этотъ характеръ протестантства прекрасно изображенъ въ приведенной уже брошюрѣ А. С. Хомякова: Quelques mots par un chrétien orthodoxe etc. Paris, 1853. Замѣчательно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ протестантство не пришлось по характеру народа, какъ-то во Франціи и въ Польшѣ, оно сдѣлалось, однако, на время исповѣданіемъ аристократіи.

ограждения произвола въ вѣроученіи: «Православіе сохранило въ нашей средѣ вселенскую церковь,... хотя насъ не поддерживаетъ никакая внѣшняя власть, въ родѣ того, что его святѣйшество (папа) именуетъ церковнымъ правительствомъ, и хотя мы не имѣемъ между собою другой связи, кромѣ взаимной любви, и другаго ручательства въ единствѣ, кромѣ сыновней преданности общей нашей Матери; у насъ охрана вѣры заключается въ цѣломъ тѣлѣ церкви, т. е., въ самомъ народѣ, который хочетъ, чтобы его религіозный догматъ оставался вѣчно незыблемымъ и согласнымъ съ преданіемъ его отцовъ». Подробный же разборъ этихъ двухъ началъ, свободы и единогласія, соприсущихъ и сопроникающихся въ строѣ православной церкви, сравнительно съ внутреннимъ строемъ католицизма и протестантства, читатели найдутъ въ трехъ разсужденіяхъ Хомякова, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales (Paris. 1853, Leipzig. 1855 и 1858); мы указываемъ на нихъ, считая неумѣстнымъ вдаваться здѣсь въ вопросъ, выходящій далеко за предѣлы нашей задачи.

И такъ, допустимъ съ одной стороны тотъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнный фактъ, что въ основаніи первоначальнаго славянскаго быта лежало начало свободы и единогласія, какъ нравственнаго закона, ограничивающаго произволъ свободы; съ другой стороны примемъ свидѣтельство окружнаго посланія Восточной церкви о духовной свободѣ и нравственномъ законѣ единогласія, какъ объ основѣ православнаго строя церкви. Это даетъ намъ право сказать, что въ православномъ строѣ церкви Славянскіе народы нашли осуществленіе своего собственнаго идеала общественной жизни человѣчества; это и объясняетъ, почему Славянскіе народы сами, часто безъ содѣйствія властей, а иногда и вопреки имъ, въ силу какого-то внутренняго органическаго процесса, принимали и усвоивали себѣ православную вѣру. Это объяснитъ также, почему ни католицизмъ, ни протестантство не въ силахъ отвлечь южныхъ Славянъ отъ православной церкви, какъ бы ни было невыгодно въ матеріальномъ отношеніи состояніе у нихъ этой церкви, какія бы преимущества проповѣдники двухъ западныхъ вѣроисповѣданій ни выставляли имъ на видъ въ случаѣ обращенія. Это объяснитъ, наконецъ, почему между южными Славянами православные относительно стоятъ гораздо крѣпче за свою вѣру, нежели католики [1]).

Явленія религіозной жизни южныхъ Славянъ, очевидно, соотвѣтствуютъ многимъ существеннымъ явленіямъ жизни Русскаго народа,

---

[1]) См. объ этомъ подробности въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», стр. 128 et passim.

о которыхъ напоминать не нужно. И тамъ, и на Руси начала славянскаго духа развились въ одинаковомъ направленіи. Развитіе было противоположное у тѣхъ Славянскихъ народовъ, которые получили христіанскую вѣру не въ видѣ православія. Но именно эта противоположность не служитъ ли отрицательнымъ доказательствомъ нашей мысли? А что должно сказать о Чехахъ, которые такъ долго и такъ упорно хранили, окруженные со всѣхъ сторонъ римско-нѣмецкою средою, остатки мимоходной православной проповѣди, посѣтившей ихъ землю, и въ лицѣ Гуса сдѣлали попытку возстановить у себя собственными силами ученіе и строй вселенской церкви? Но я предвижу, что мнѣ сдѣлаютъ одно возраженіе, именно относительно нашего отечества; меня спросятъ: какимъ образомъ въ Русскомъ народѣ, и именно въ народѣ, могъ появиться расколъ, если коренныя начала этого народа до такой степени сродны духу и строю православной церкви? Прошу тѣхъ, которые захотѣли бы возразить это, подумать, въ самомъ ли дѣлѣ расколъ направленъ противъ церкви, по скольку она православна, т. е., противъ ея внутренняго, существеннаго духа и строя, и не есть ли онъ скорѣе неразумный протестъ одной части народа противъ внѣшняго строя общественнаго, обнимающаго и внѣшнее проявленіе церкви, по скольку эта внѣшность кажется иноземною и неправославною?

Впрочемъ, я не высказываю *a priori* мысли о внутреннемъ сродствѣ коренныхъ началъ славянскаго быта съ существенною основою, на которой зиждется строй православной церкви: я выразилъ эту мысль потому, что не нашелъ другаго удовлетворительнаго объясненія важнѣйшимъ фактамъ прошлой и современной жизни южныхъ Славянъ. Но приложеніе этой мысли было бы огромное и простерлось бы на все широкое поле славянской исторіи и славянской современности, она бы объяснила многое и многое въ жизни Русскаго народа и въ болѣзненной исторіи западныхъ Славянъ: пусть же подвергнется она добросовѣстному критическому анализу.

Возвращаюсь къ спеціальному вопросу о южныхъ Славянахъ, и пользуюсь, пока, вышеизложеннымъ результатомъ, безъ котораго, какъ сказано, я не нахожу разумнаго объясненія явленіямъ ихъ народной жизни.

Православная вѣра до такой степени слилась съ ихъ народностью, что въ народныхъ наименованіяхъ Сербъ и Болгаринъ заключается *impliciter* понятіе о православномъ вѣроисповѣданіи. Если бы только одинъ изъ этихъ народовъ, хоть, напримѣръ, Сербскій, соединялъ съ своимъ именемъ понятіе о православной вѣрѣ и могъ не знать о существованіи другихъ единовѣрныхъ народовъ, то мы, пожалуй, сочли бы такое соединеніе чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ, противопола-

гаемымъ иновѣрію чужихъ народовъ, не Сербовъ; но всякій Сербъ знаетъ, что подлѣ живутъ Болгаре и Греки: онъ безпрестанно встрѣчаетъ ихъ, и ему извѣстно, что они хотя не Сербы, однако такіе же православные христіане, какъ онъ самъ; то же самое должно сказать о Болгарахъ. Предполагать въ Сербахъ и Болгарахъ мысль о какой-то монополіи православной вѣры у ихъ народа, отдѣльно взятаго, было бы нелѣпо и противорѣчило бы ихъ собственному народному взгляду на церковь. И такъ, если Болгаринъ и Сербъ, называя себя своимъ народнымъ именемъ, тѣмъ самымъ произноситъ исповѣданье православной вѣры, то онъ дѣлаетъ это не изъ гордаго чувства монополіи и не въ противоположность чужимъ народамъ, а потому, что православная вѣра сдѣлалась внутреннею принадлежностью его народнаго духа: въ ней, какъ я сказалъ, нашли себѣ убѣжище и осуществленіе собственныя коренныя начала его славянской народности, и если православная вѣра отъимется отъ него, то и народность его исчезаетъ.

Вотъ почему люди Сербскаго и Болгарскаго племени, какъ скоро перестаютъ быть православными, не только теряютъ свое народное имя въ глазахъ своихъ соплеменниковъ, но сами отъ него тотчасъ же отказываются. Сербъ и Болгаринъ, обращенный въ мусульманство или въ католицизмъ, ни за что уже не назоветъ себя Сербомъ или Болгариномъ, хотя и говоритъ по-сербски или по-болгарски и живетъ между Сербами и Болгарами. Мусульманинъ назоветъ себя Туркомъ (хотя бы и не зналъ ни слова по-турецки) или (спеціально въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи) Помáкомъ; католикъ назоветъ себя Латиномъ или (спеціально въ части Болгаріи) Павликіаномъ. Даже родному своему языку отступившіе отъ православія Сербы и Болгаре не сочтутъ возможнымъ дать наименованіе Сербскаго или Болгарскаго, а назовутъ его какъ нибудь иначе, напримѣръ просто *нашимъ* языкомъ, или языкомъ такой-то мѣстности. Въ этомъ любопытномъ отношеніи народности къ православной вѣрѣ существуетъ, по-видимому, оттѣнокъ между южными Славянами съ одной стороны и Греками съ другой. Оттѣнокъ кажется мнѣ довольно замѣчательнымъ, и я остановлю на немъ вниманіе читателей, хотя и въ этомъ случаѣ нужна еще критическая повѣрка моего наблюденія. Греки считаютъ православную вѣру священнѣйшимъ завѣтомъ своихъ предковъ, своимъ достояніемъ среди народовъ міра, и въ поддержаніи ея между ними участвуетъ въ значительной степени народный патріотизмъ; но люди Греческаго племени (хотя весьма немногочисленные), которые приняли исламъ или католицизмъ, не перестаютъ быть и считать себя Греками; у южныхъ же Славянъ въ поддержаніи православной вѣры участвуетъ не столько народный патріотизмъ, сколько внутреннія стихіи ихъ

народнаго быта. Однимъ словомъ, Грекъ хранитъ православную вѣру потому, что онъ Грекъ, но онъ остается все-таки Грекомъ, хотя бы измѣнилъ своей вѣрѣ (что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ для него измѣну своему отечеству); Сербъ и Болгаринъ хранитъ свою народность только по скольку онъ хранитъ православную вѣру, и покидая свою вѣру, не только измѣняетъ своему отечеству, но теряетъ свою народность: онъ перестаетъ быть Сербомъ или Болгариномъ.

Такимъ образомъ, у южныхъ Славянъ православную вѣру поддерживаетъ самая народность Славянская.

Но скажутъ, можетъ быть, что есть у православной вѣры между Сербами и Болгарами и внѣшняя поддержка: Россія и княжество Сербія. Можетъ быть, и между ними самими иногда слышатся голоса, что «православная вѣра у насъ погибла бы, если бы не было Россіи и Сербіи». Не должно вѣрить этимъ рѣчамъ, вызваннымъ безграничною преданностью страждущихъ Славянъ къ единовѣрной братіи, не должно въ особенности гордиться этимъ. Были вѣка, когда Россія не имѣла никакого вліянія на южныхъ Славянъ, когда самое имя Россіи, можетъ быть, незнакомо было большинству народа у нихъ, и это были самые тяжелые вѣка Турецкаго владычества, и все-таки православная вѣра у нихъ уцѣлѣла.

Конечно, въ новѣйшее время надежды южныхъ Славянъ все болѣе и болѣе усиливаются, и Сербское княжество, питая эти надежды своимъ примѣромъ, имѣетъ самое благотворное вліяніе на поддержаніе православной вѣры въ сосѣднихъ земляхъ. Но что̀ же поддержало ее въ самомъ этомъ княжествѣ въ теченіе тѣхъ четырехъсотъ лѣтъ, когда оно раздѣляло участь Босніи и Болгаріи? неужели надежда на матеріальное избавленіе, а не внутреннія стихіи народной жизни?

Южные Славяне не потому стоятъ твердо въ вѣрѣ, что говорятъ себѣ: «Потерпимъ еще до-завтра: авось завтра Россія или Сербія избавятъ насъ» (хотя надежда избавленія, болѣе или менѣе отдаленная, разумѣется, не можетъ ихъ покинуть не только по историческимъ воспоминаніямъ, но по самому существу природы человѣческой); нѣтъ, ихъ мысль относительно Россіи и Сербіи слѣдующая: «Мы страдаемъ за нашу вѣру: на то воля Божія, но, славу Богу, есть у насъ единовѣрная братія, которая не страдаетъ, а благоденствуетъ; дай Богъ ей благополучія, и награди Онъ насъ также со временемъ за то, что мы хранимъ Его святую вѣру».

Я не спорю, что Россія имѣетъ огромное значеніе для южныхъ Славянъ относительно вѣры: я отвергаю лишь возможность такого предположенія, будто бы православная вѣра хранилась тамъ только въ слѣдствіе надеждъ на Россію. Это вовсе не уменьшаетъ обязан-

пости Русскихъ помогать поддержанію вѣры между южными Славянами всѣми средствами, какія можетъ внушить имъ братская любовь. Вѣдь если я богатъ, а братъ мой бѣденъ, то увѣренность, что братъ мой не погибнетъ, хотя бы я и не помогъ ему, ни мало не избавляетъ меня отъ обязанности ему помочь.

А имѣютъ ли для насъ взаимно православные Славяне значеніе относительно вѣры? Имѣютъ, или по крайней мѣрѣ могутъ имѣть, и, кажется, немаловажное. Не говоря о множествѣ другихъ сторонъ (ибо этотъ предметъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи), укажу только на одно обстоятельство. И для насъ можетъ быть не безполезно знать, чѣмъ именно поддерживается православная вѣра въ народахъ? Южные Славяне даютъ живой и неопровержимый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если есть у насъ еще такіе люди, которые считали бы нужнымъ у насъ для охраненія православной вѣры какое-либо внѣшнее стѣсненіе, то пусть они взглянутъ на южныхъ Славянъ. Православная церковь стоитъ тамъ не въ оградѣ, изъ которой заперты выходы: она стоитъ, какъ вольный соборъ единомыслящихъ людей, которые сказали бы всякому, кто бы вздумалъ ихъ покинуть: «мы тебя не держимъ», — и которыхъ все-таки никто не покидаетъ.

Май 1860.
С. п. б.

VIII.

ВЗГЛЯДЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ГРЕКА

НА БОЛГАРСКІЯ И КРИТСКІЯ ДѢЛА.

VIII.

Взглядъ константинопольскаго Грека на болгарскія и критскія дѣла.

Римская пропаганда на островѣ Критѣ. — Порта въ роли защитницы православія. — Взглядъ константинопольскаго Грека на исторію болгарской народности; понятіе его о языкѣ Болгаръ. — Чѣмъ обязана Россія Византіи? — Истинные враги православія и болгарской народности. — Вожди возстанія Болгаръ. — Обращеніе константинопольскаго Грека къ магометанскому закону для возстановленія *порядка* въ Болгаріи. — Отношенія нынѣшнихъ Грековъ къ болгарской народности.

Въ 1860 г. въ Константинополѣ напечатана брошюра безимяннаго автора, подъ заглавіемъ: «Голосъ справедливаго» (Ἡ φωνὴ τοῦ δικαίου). Брошюра раздѣлена на три главы, и въ каждой разсматривается отдѣльный предметъ. Въ первой говорится о дѣйствіяхъ римской пропаганды на островѣ Критѣ и вообще о критскихъ дѣлахъ; во второй о несогласіяхъ, происшедшихъ «во Θракіи и Иллиріи» (подъ этими классическими именами Грекъ подразумѣваетъ неклассическую Болгарію) съ Константинопольской патріархіей; въ третьей — о дѣйствіяхъ господаря Валахо-Молдавскаго князя А. Кузы въ вопросѣ объ имѣніяхъ Аѳонской горы и Іерусалимскихъ церквей.

Послѣдній предметъ мы можетъ оставить въ покоѣ, какъ неимѣющій особеннаго интереса для большинства нашихъ читателей. Главное вниманіе мы должны обратить на важный для всѣхъ насъ вопросъ о возраждающейся Славянской народности въ Болгаріи. Но сперва посмотримъ, какъ авторъ брошюры отзывается о Критскихъ дѣлахъ; мы найдемъ тутъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ его взглядъ на вещи.

Повидимому, можетъ ли въ этомъ предметѣ встрѣтиться для насъ причина несогласія съ нимъ? Онъ нападаетъ на римскую пропаганду, направленную къ обращенію православныхъ Критянъ; и мы

охуждаемъ дѣйствія этой пропаганды, и мы скорбимъ объ успѣхахъ, проистекающихъ единственно изъ неустройствъ православныхъ народовъ на Востокѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ автору греческой брошюры, когда онъ говоритъ, что папская власть сдѣлала бы гораздо лучше, еслибъ занялась благомъ своихъ Итальянцевъ, нежели сѣяньемъ раздора между православными Критянами и другими подданными Турціи; что она, для своихъ успѣховъ, на Востокѣ употребляетъ средства, недостойныя христіанства и, равнодушная ко всѣмъ остальнымъ предметамъ вѣры, требуетъ отъ своихъ прозелитовъ только признанія папской власти, обѣщая имъ за то покровительство Франціи. Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи документъ, обнародованный въ разсматриваемой нами брошюрѣ. Это — письмо одного римскаго миссіонера на островѣ Критѣ, капуцина о. Серафима. Миссіонеръ излагаетъ, довольно безграмотнымъ образомъ на плохомъ греческомъ языкѣ, что католическая церковь есть то же самое, что̀ православная, съ признаніемъ только главенства папы; далѣе онъ продолжаетъ: «священники (православные), которые дѣлаются католиками, не обязаны измѣнять ни малѣйшей частицы въ своей вѣрѣ или въ своихъ догматахъ, или въ совершеніи таинствъ, или въ прочихъ церковныхъ службахъ; священники, которые дѣлаются католиками, остаются въ священномъ санѣ, какъ и прежде, и Франція признаетъ ихъ французскими подданными съ ихъ семействомъ, и вмѣстѣ съ ихъ церковью и училищемъ, они поступаютъ подъ покровительство достославнаго народа Французскаго».

Для автора брошюры было священнымъ долгомъ обличить эти недостойныя дѣйствія пропаганды, которая такъ обманываетъ людей невѣжественныхъ увѣреніями, будто не заставляетъ ихъ отступать отъ ихъ вѣры, и такъ нагло присвоиваетъ папизму авторитетъ французскаго покровительства. Интриги и обманъ защитникъ православной церкви обязанъ былъ встрѣтить честнымъ и правдивымъ словомъ, честно и правдиво слѣдовало ему указать Критянамъ на то, что̀ они теряютъ, покидая вѣру своихъ предковъ, и чего они могутъ ожидать отъ вліянія папской власти и господства западнаго духовенства. Онъ долженъ былъ стараться рѣчью своею возбудить въ Критянахъ религіозное и народное самосознаніе и, вслѣдствіе того, нравственный отпоръ обманщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ пригласить всѣ православные народы къ нравственному участію въ судьбѣ Критской церкви, которая, конечно, не находилась бы въ такой опасности, еслибъ единовѣрная братія поддерживала ее своимъ сочувствіемъ и своею посильною помощью.

Эти единственныя, дѣйствительныя и законныя, единственныя христіанскія средства противоборствовать римской пропагандѣ на

Востокѣ, какъ-будто бы не существуютъ для нашего автора: о нихъ нѣтъ помину въ его брошюрѣ. Онъ прибѣгаетъ къ средству совсѣмъ другаго рода и, по его мнѣнію, гораздо вѣрнѣйшему: доноситъ на латинскихъ миссіонеровъ Турецкому правительству. Онъ спрашиваетъ: «имѣютъ ли дѣйствія папы въ Критѣ, Македоніи и другихъ мѣстахъ цѣлью религіозной прозелитизмъ, или политическое господство папы въ Султановой державѣ?»—«Папа (отвѣчаетъ онъ) ищетъ политическаго господства, а не религіознаго, и его миссіонеры, шатающіеся по Криту и другимъ мѣстамъ, суть слуги не религіознаго дѣла, а политическаго, *то-есть, они суть бунтовщики* (εἶναι στασιασταί), *и высокая Порта должна ихъ схватить и наказать или выслать изъ своихъ предѣловъ*, прежде нежели зло умножится такъ, что ужь не будетъ исправленія».

Хорошъ защитникъ православія, обращающійся для его защиты отъ западной пропаганды къ помощи высокой Порты! Стало быть, вѣры въ православіе, которою онъ такъ хвастается, въ немъ не осталось ужь ни мало; стало быть, онъ до глубины сердца заразился тѣмъ, въ чемъ упрекаетъ латинскихъ миссіонеровъ, и самъ видитъ въ религіозномъ вопросѣ только вопросъ политическихъ разсчетовъ! Какъ должно было обрадовать миссіонеровъ этихъ появленіе такой книги! Безъ всякаго сомнѣнія, они показывали ее съ самодовольствомъ Критянамъ и говорили имъ: «Посмотрите-ка, защитникъ вашей религіи самъ сознается, что она противъ папы бороться не въ силахъ, если онъ противъ папы зоветъ на помощь султана!»

Нѣтъ для вѣры ничего вреднѣе и оскорбительнѣе, какъ желаніе поддержать ее политическими, мірскими интересами: такое желаніе доказываетъ отсутствіе искренняго убѣжденія въ ея истинѣ и нравственной силѣ, и подрываетъ вѣру вмѣсто того, чтобъ ее поддерживать. Оно прилично іезуитизму, но не православію. Потому мы увѣрены, что брошюра «Голосъ справедливаго» вредитъ дѣлу, за служителя котораго выдаетъ себя ея авторъ, и что она позоритъ греческую литературу. Грекамъ она, впрочемъ, должна представляться отвратительной не только съ религіозной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія ихъ народности. Ибо, вслѣдъ за доносомъ Портѣ на латинскихъ миссіонеровъ въ Критѣ, мы читаемъ въ ней, написанный, вѣроятно, ради задобренія Турокъ, панегирикъ Вели-пашѣ, Сами-пашѣ, и Хусни-пашѣ, управлявшимъ этимъ островомъ впродолженіе послѣднихъ лѣтъ, и доносъ на мнимыхъ эллинскихъ агитаторовъ, которые будто бы были единственною причиною жалобъ жителей на этихъ пашей и волненій, возникшихъ между Критскими христіанами. Вели-паша, по словамъ автора, «человѣкъ европейскаго воспитанія, разума и образованія, человѣкъ, который любилъ и любитъ Критъ болѣе, чѣмъ любитъ его

самый горячій Критянинъ»; Сами-паша, это—«многоопытный и благородный мужъ, воспитанный знаменитымъ своею справедливостью отцомъ въ богодарованномъ людямъ духѣ правды»; Хусни-паша—человѣкъ, который ознаменовалъ себя въ Критѣ «многоцѣнными и блестящими дарами добродѣтели и дѣятельности». Неужели все христіанское населеніе острова Крита лгало, когда единогласно свидѣтельствовало о своихъ турецкихъ правителяхъ совершенно противное? Свидѣтельства эти извѣстны всей Европы изъ газетъ; тѣмъ не менѣе авторъ брошюры пишетъ слѣдующее:

«А! васъ угнетали, говорите вы, ваши бывшіе правители. Который же изъ нихъ тиранъ? Критяне! не правители ваши угнетали васъ, а угнетали васъ и угнетаютъ козни немногихъ интригантовъ, которымъ достается въ жертву довѣрчивость и невинность ваша. И вотъ, повѣрившъ воззваніямъ иноземцевъ (т.-е. жителей Греческаго королевства), вы возмущались противъ высокой Порты. По всякій разъ высокая Порта прощала ваши преступныя дѣйствія и удостоивала васъ благородной амнистіи; а между тѣмъ, еслибъ вы поступили подобнымъ образомъ въ любомъ европейскомъ государствѣ, а особенно въ Эллядѣ, гдѣ присуждаются къ изгнанію и цѣлыя семьи и отдѣльныя лица не за одни мятежныя дѣйствія, но за слова, сказанныя на вѣтеръ, то огонь и мечь упали бы на ваши головы!» Авторъ, по своему обыкновенію, кончаетъ доносомъ: «Объявивъ все это (говоритъ онъ), мы увѣрены, что Порта и, вмѣстѣ съ нею, всѣ державы примутъ мѣры къ изгнанію и наказанію этихъ ложныхъ проповѣдниковъ (т.-е. мнимыхъ агитаторовъ, дѣйствующихъ въ Критѣ во имя Эллинской народности), а равно къ возвращенію несчастнаго народа Критскаго къ его отеческому образу мыслей». Что скажутъ Греки о такомъ Грекѣ, каковъ нашъ авторъ?

Покончивъ съ Критомъ, онъ обращается къ Болгаріи. Возрожденіе Болгарской народности по обѣимъ сторонамъ Балкана ему также противно, какъ пробужденіе Эллинскаго духа на островѣ Критѣ, и даже, кажется, еще гораздо противнѣе. Читатель нашъ можетъ легко угадать напередъ, какое оружіе константинопольскій Грекъ употребляетъ противъ этого возрожденія.

Авторъ начинаетъ издалека изложеніемъ исторіи болгарской народности. Мы должны сдѣлать длинную выписку, чтобы показать его историческіе взгляды. Чужими словами эти взгляды передать невозможно; но любопытны отзывы константинопольскаго Грека о ближайшемъ къ его родинѣ Славянскомъ народѣ.

«Когда *родъ Гераклидовъ* (говоритъ онъ), разлившись за свои предѣлы, пріобрѣлъ и заселилъ многія страны и, между прочимъ, занялъ и собралъ воедино области около Гемуса (т. е. Балкана), то,

вслѣдъ за тѣмъ вторглась туда толпа *дикихъ*, *какъ стадо быковъ* (ἀγρίων, ὥσπερ ἀγέλη βοῶν), и опустошила нѣкоторыя изъ этихъ областей. Но туземное населеніе, возставъ, выгнало ихъ; они же, вновь собравшись, вторглись опять, но снова выгнаны были туземцами и разсѣялись по окрестнымъ мѣстамъ. О таковомъ посрамленіи варваровъ свидѣтельствуетъ и многое другое, въ особенности же то, что они во всей нынѣ такъ-называемой Болгаріи не оставили нигдѣ слѣдовъ своего пребыванія (!). Иначе пусть покажетъ кто-либо изъ *сихвствующихъ* (τῶν σχοδιζόντων: то-есть изъ людей, почитающихъ Болгарію за славянскую страну) или памятникъ, или надпись, или малѣйшую монету варваровъ. Мглу заблужденія этихъ людей разсѣваютъ, какъ солнце, проникающее мракъ, неисчерпаемыя сокровища открываемыхъ по всему пространству этой страны памятниковъ величія древнихъ. Но какимъ образомъ сдѣлалось господствующимъ и освятилось *это имя Болгарія* въ поселеніяхъ древнихъ народовъ около Гемуса и въ окрестныхъ мѣстахъ, въ Одиссѣ, въ Анхіалѣ, Мисіи, Пеоніи, Иллиріи и Ѳракіи—показать легко. Это *несчастное* имя совершенно чуждо языку древнихъ. Оно дано было впослѣдствіи, или потому, что въ числѣ вторгшихся въ эти страны Скиѳовъ были нѣкоторые изъ прибрежныхъ жителей рѣки Волги, или потому, что жители Дунайскихъ береговъ сосѣдили съ тѣми краями (т.-е. съ краями приволжскими) и имя дано имъ было сосѣдями *ради благозвучія*, вмѣсто имени Скиѳъ. Но примемъ ли мы то или другое толкованіе, именемъ не уничтожается происхожденіе никакого народа. И Пелопоннезъ доселѣ называется Морея, Керкира—Корфу, и многіе другіе города перемѣнили свои наименованія, но не народность свою. Изъ сего слѣдуетъ, что *имя Болгаринъ—чужое и употребляемое въ смыслъ поношенія* [1]), и тѣ, которые признаютъ его исконнымъ, не знаютъ своей исторіи, или намѣренно искажаютъ ее».

И такъ Грекъ весьма своеобразно доказалъ, что нѣтъ на свѣтѣ Болгарскаго народа, а около Балкановъ живутъ потомки Гераклидовъ, которые немножко *сихвствуютъ* теперь [2]). Исторія прибалканскихъ странъ,

---

[1]) Нашъ греческій авторъ тѣмъ болѣе долженъ былъ воздержаться отъ этихъ словъ (которыя, вдобавокъ, совершенно ложны), что и самое имя его собственнаго народа — Грекъ, не всегда и вездѣ употреблялось въ похвальномъ смыслѣ, въ этомъ можно удостовѣриться изъ любаго французскаго лексикона.

[2]) Опровергать константинопольскаго Грека не стоитъ, замѣтимъ только, что земли, занимаемыя нынѣ Болгарами, никогда не принадлежали Грекамъ въ собственномъ смыслѣ, а въ древности заселены были Ѳракійцами, Македонцами, Мисами и другими племенами, которыя у древнихъ греческихъ авторовъ строго отдѣляются отъ Грековъ. Потомъ земли эти вошли въ составъ Македонской державы, которая, какъ извѣстно, покорила также и Грековъ. При распаденіи монархіи Александра Вел., въ предѣлахъ нынѣшнихъ болгарскихъ земель образовалось нѣсколько туземныхъ дер-

какъ онъ ее разсказалъ, напоминаетъ намъ, какъ Греки, живущіе въ Филиппополѣ, чтобъ присвоить своей народности этотъ городъ, населенный большинствомъ Болгаръ, ссылаются на то, что Филиппополь построенъ былъ Евмолпомъ (если не ошибаемся, во время Троянской войны). Но автору константинопольской брошюры слѣдуетъ отдать первенство передъ филиппопольскими Греками въ историческихъ выводахъ: онъ имѣетъ объ иперборейскихъ краяхъ, т.-е. всѣхъ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Константинополя, такое же вѣрное понятіе, какъ отецъ исторіи, Геродотъ.

Но, впрочемъ, отъ автора не укрылось то обстоятельство, что въ Болгаріи существуетъ издавна какой-то языкъ, не греческій, а особенный, **скиѳскій**, на который даже переведено священное писаніе. Это могло бы внушить нѣкоторымъ невѣждамъ, что все-таки Болгаре не потомки Гераклидовъ, а народъ, получившій отъ Бога такія же права на умственную самобытность, какъ другіе народы и какъ сами Греки. Нашъ авторъ спѣшитъ предупредить это воззрѣніе, столько же невѣжественное, сколько и преступное, и употребляетъ на сей конецъ слѣдующее разсужденіе:

«Греческое государство, о дѣяніяхъ котораго свидѣтельствуетъ исторія, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось отцомъ Россіи чрезъ божественное крещеніе, *заботилось и о политическомъ ея освобожденіи* (ἡ Γραικῶν αὐτοκρατορία... ἀὴ οὗ κατέστη πατὴρ διὰ τοῦ θειοῦ βαπτίσματος τῆς Ρωσσίας, ἐζήτει τὴν χειραφέτησιν ταύτης καὶ πολιτικῶς) [1]), и вмѣсто того, чтобъ посылать ей учителей, которые передавали бы гражданственность тамошнимъ племенамъ, выбрало косвенныя и вредныя для него самого средства, которыя, мы можемъ сказать, ускорили его собственное разложеніе.

«Великая церковь Христова успѣла въ то время [2]) принять въ свои

жавъ, которыя потомъ завоеваны были Римлянами. Въ VI вѣкѣ въ эти страны вступили огромными толпами Славяне и, несмотря на сопротивленіе Византійскихъ войскъ и туземныхъ жителей, заняли ихъ довольно легко и водворились въ нихъ окончательно; ихъ масса поглотила въ себѣ всѣ народныя стихіи, какія встрѣтила отъ Дуная до стѣнъ Солуня и за Охридское озеро. Во второй половинѣ VII вѣка вторглась изъ Черноморскихъ степей въ предѣлы нынѣшней Болгаріи, Македоніи и Ораніи, которыя въ то время греческіе писатели называли Славиніей, т. е. Славянской землей, кочевая орда Болгаръ, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Орда эта подчинила себѣ Славянъ, дала имъ династію правителей; но чрезъ нѣсколько поколѣній исчезла безъ слѣда въ массѣ подвластнаго славянскаго народа, давъ ему только свое имя (явленіе, совершенно сходное съ тѣмъ, что происходило при образованіи Русскаго государства). Уже въ IX вѣкѣ Болгарія является чисто-славянскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ никогда не теряла своего славянскаго характера.

[1]) Изъ этихъ словъ должно заключить, что константинопольскій историкъ сдѣлалъ новое историческое открытіе, именно, что Россія прежде была и въ политическомъ отношеніи подвластна Греческому государству.

[2]) Не правда: обращеніе Славянъ во Ораніи и Македоніи въ христіанскую вѣру

нѣдра, кромѣ Россіи, и такъ называемую *нынѣ* Болгарію... Политика, которая желала, какъ мы сказали, *освободить малую въ то время державу россійскую* (она была внушена началами, *чуждыми справедливости*, и потому привела къ самоубійству), политика эта, въ своемъ заблужденіи, собрала воедино *варварскія нарѣчія* племенъ, разсѣянныхъ около Гемуса (Балкана) *и слила ихъ въ одну смѣсь, изъ чего составила и установила болгарскій языкъ, который до той эпохи былъ то же, что́ албанскій, куцо-влахскій и цыганскій* [1]) (ἐντεῦθεν ἐδημιούργησεν καὶ ἐνομοθέτησε τὴν Βουργαρικὴν γλῶσσαν, ἥτις μέχρι τῆς ἐποχῆς ἐκείνης ἦτο, ὅτι ἡ Ἀλβανικὴ, ἡ Κουτζοβλαχικὴ καὶ ἡ Κατζιβελλικὴ). Языкъ этотъ хотѣла она (то-есть греческая политика) употребить, чтобъ дѣйствовать въ забалканскихъ странахъ» (то-есть въ Россіи), и проч.

Не правда ли, этотъ взглядъ на отношенія Греческаго племени къ Славянскимъ народамъ переноситъ насъ въ какой-то намъ невѣдомый міръ? Въ Европѣ никто не дерзнулъ бы такъ писать и печатать. Въ Европѣ образовался запасъ основныхъ понятій и свѣдѣній, который дѣлается непремѣннымъ достояніемъ всякаго писателя: какъ бы ни заблуждался европейскій писатель, можно съ нимъ толковать и опровергать его, потому что съ нимъ имѣемъ, такъ-сказать, общую почву въ этихъ основныхъ понятіяхъ и свѣдѣніяхъ. Но какъ прикажете толковать съ Китайцемъ, который вдругъ вздумалъ бы сказать, что Китайская имперія заботилась о политическомъ освобожденіи Россіи, и что, для успѣха своей пропаганды за Ураломъ, Китайское правительство составило Славянскій языкъ, который прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ Монгольскаго, Якутскаго и Цыганскаго? Сколько мы знаемъ о сужденіяхъ Китайцевъ про чужіе народы, мы позволяемъ себя предположить, что Китаецъ могъ бы составить себѣ такой взглядъ на славянскій міръ и обнародовать его печатно; а константинопольскій Грекъ, какъ мы видимъ, дѣйствительно составилъ себѣ такой взглядъ и обнародовалъ его [1]).

началось уже въ VII вѣкѣ, а въ VIII-мъ константинопольскій патріаршій престолъ уже занималъ природный Славянинъ, именно патріархъ Никита (отъ 776 до 780 года). Окончательное же принятіе христіанской вѣры болгарскимъ княземъ Борисомъ и всѣмъ народомъ болгарскимъ совершилось слишкомъ сто лѣтъ до крещенія Владиміра.

[1]) Цѣль всей этой нелѣпицы — унизить славянскій языкъ, поставивъ его на ряду съ варварскими, т.-е. необработанными литературно, языками албанскимъ и романскимъ, т.-е. македоно-романскимъ нарѣчіемъ (Куцо-Влахами называютъ Румуновъ, живущихъ немногочисленными поселеніями въ Албаніи и Македоніи) и съ языкомъ Цыганъ. Жаль, что константинопольскій Грекъ не знаетъ основныхъ началъ сравнительной лингвистики: онъ зналъ бы тогда, что изъ европейскихъ языковъ именно греческій ближе всѣхъ по коренному родству съ албанскимъ и куцо-влахскимъ, или романскимъ, и что цыганскій языкъ точно такъ же связанъ родствомъ съ благородною рѣчью Эллиновъ, какъ и съ варварскою рѣчью Славянъ; ибо онъ есть одинъ изъ прямыхъ потомковъ языка древнихъ Индусовъ или санскрита, съ которымъ, какъ извѣстно,

Мы ничего не стали бы говорить обо всемъ, что̀ пишетъ авторъ про Болгаръ и болгарскую народность, еслибы въ немъ высказывалось только его невѣжество, подобіе котораго, какъ сказано, нашлось бы развѣ въ Китаѣ. Но съ невѣжествомъ соединяется въ этомъ греческомъ писателѣ слѣпая вражда къ возрождающемуся Болгарскому народу; а слѣпая вражда прибѣгаетъ часто къ самымъ непозволительнымъ средствамъ, чтобъ вредить противнику. Впрочемъ, о нравственной неразборчивости нашего автора мы имѣемъ уже понятіе.

Россія, по его мнѣнію — мы это знаемъ — обязана византійскимъ Грекамъ своимъ политическимъ освобожденіемъ и славянскимъ языкомъ. Изъ этого авторъ выводитъ, что Россія, изъ благодарности, должна давить Болгарскую народность, елико возможно, и никакъ не признавать за нею правъ на существованіе. Напротивъ, долгъ благодарности, по мнѣнію автора, предписываетъ Россіи стараться о томъ, чтобъ Болгарія оставалась принадлежностью Греческой народности (дабы, разумѣется, константинопольскіе Греки могли быть въ ней господами и пользоваться для своихъ цѣлей ея богатыми средствами и силами). Къ нескончаемой скорби и простому негодованію своему, авторъ замѣтилъ въ Россіи, напротивъ, признаки сочувствія къ Болгарской народности; онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ дѣятелей, воскрешающихъ въ Болгаріи славянскія начала, получили образованіе въ Россіи. Онъ старается положить конецъ этому движенію, и для этого клевещетъ на Болгаръ передъ Россіею и пишетъ на нихъ доносъ Турецкому правительству.

Клевещетъ онъ на нихъ передъ Россіею, называя ихъ врагами православной церкви. Спрашивается, кто врагъ православія? Грекъ ли, поставленный къ челѣ славянской паствы, и управленіемъ своимъ до такой степени выводящій ее изъ терпѣнія, что она, когда всѣ другія средства истощены, грозитъ переходомъ въ унію; или тотъ Болгаринъ, который, получивъ эту епархію послѣ Грека, однимъ своимъ появленіемъ между единоплеменниками возстановляетъ въ народѣ православную вѣру? Кто враги православія? Греки ли, которые въ Болгарскомъ городѣ удерживаютъ, иногда насиліемъ, богослуженіе и чтеніе священнаго писанія на непонятномъ народу греческомъ языкѣ, вопреки всѣмъ правиламъ церкви и даже дозволенію высшаго духо-

---

и греческій и славянскій языки имѣютъ исконное сродство. Странenъ пріемъ нашего Грека противоставить славянскій и другіе языки греческому, какъ варварскія нарѣчія языку благородному: такой взглядъ мы привыкли находить въ наше время только у Китайцевъ. Что̀ сказать, наконецъ, о мысли, будто бы церковно-славянскій языкъ *составленъ* былъ, по порученію Византійскаго правительства, изъ разнородныхъ элементовъ? Это такая нелѣпость, что она превосходитъ всякое вѣроятіе! Отчего бы не допустить въ такомъ случаѣ, что и языкъ Гомера составленъ былъ по приказанію царя Агамемнона или тиранна Пизистрата?

внаго начальства, и лишая тѣмъ народъ пониманія его вѣры, дѣлаютъ его доступнымъ иновѣрной пропагандѣ, — или Болгаре, которые хотятъ, чтобъ богослуженіе и священное писаніе были народу понятны?

Россія сочувствуетъ Грекамъ, какъ братьямъ по вѣрѣ; Болгарамъ она сочувствуетъ, какъ братьямъ по вѣрѣ и по крови. Чувство справедливости не дозволяетъ Россіи желать, чтобъ ближайшая, кровная братія ея присвоила себѣ земли, заселенныя греческимъ племенемъ [1]). Но можетъ ли Россія желать, чтобъ области, несселенныя ея кровной братіею, Болгарами, присвоивались Греческою народностью? чтобъ въ нихъ, для самолюбія и корысти немногихъ Грековъ, сотни тысячъ людей лишаемы были драгоцѣнныхъ даровъ народнаго развитія? чтобъ въ нихъ искажался на чужой ладъ родной славянскій духъ, погибала славянская рѣчь и чтобъ религіозное просвѣщеніе и образованность умственная держались въ сокровенности отъ народа, какъ монополія людей привилегированныхъ, знающихъ по-гречески? Кого изъ русскихъ людей, къ какому бы онъ, впрочемъ, ни принадлежалъ направленію, не возмутитъ мысль о подобномъ порядкѣ вещей? А именно къ поддержанію и упроченію такого порядка вещей въ землѣ единокровной братіи нашей, Болгаръ, призываетъ насъ константинопольскій Грекъ.

Патетическаго воззванія его къ Россіи приводить не стоитъ. Замѣтимъ только, что авторъ объявляетъ намъ, будто бы въ Болгаріи образовалось какое-то общество (этерія), которое дѣйствуетъ въ пользу Болгарской народности. Далѣе, авторъ увѣряетъ, что общество это, подъ видомъ религіозныхъ цѣлей, отравляетъ народъ въ политическомъ отношеніи разными мятежными идеями, и компрометируетъ самую Россію. Двойной доносъ на болгарскихъ дѣятелей: и Турецкому правительству и Русскому.

---

[1]) Впрочемъ, ни малѣйшаго признака такого присвоенія чужихъ земель со стороны Болгаръ до сихъ поръ не было и, вѣроятно, никогда не будетъ, потому что оно было бы слишкомъ противно духу этого до крайности миролюбиваго и спокойнаго славянскаго народа. Если въ немъ, наконецъ, проявилось нѣкоторое движеніе, то единственною причиною тому Греческое племя, чрезмѣрно властолюбивое и склонное къ присвоиванью чужаго. Опираясь на немногочисленныя колоніи въ нѣкоторыхъ городахъ Болгарскихъ и на то, что высшая іерархія, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, сдѣлалась въ Болгаріи почти исключительно греческою, это племя объявило притязанія на обширныя области, населенныя сплошь Болгарами, хотѣло лишить этихъ Болгаръ ихъ народности и ихъ языка и сдѣлать изъ нихъ безсознательную массу, готовую служить греческимъ интересамъ. Противъ этого-то присвоенія Греками болгарскихъ областей стали дѣйствовать совокупными силами всѣ образованные и преданные своему отечеству Болгаре, которыхъ нашъ авторъ величаетъ за то „ересіархами“. Болгаре, повторяемъ, хотятъ только удержать за своимъ народомъ то, что ему принадлежитъ, и никогда не помышляли о присвоеніи чужаго.

А вотъ и другой извѣтъ константинопольскаго Грека на Болгаръ. Онъ говоритъ: «въ 1838 году перешли Гемусъ (Балканы) и прошли его окрестности, или *нынѣ такъ-называемую Болгарію*, нѣкіе люди въ *русской одеждѣ* (вѣрно, не въ русской, а въ нѣмецкой). Съ появленіемъ ихъ возмутилась вся Болгарія, и съ одной стороны родилась вражда противъ великой церкви Христовой (мы знаемъ, что Болгаре враждуютъ не противъ церкви, а противъ лицемѣровъ, прикрывающихся ея именемъ, каковъ нашъ авторъ) и получилъ свое начало дикій, раздробляющій прозелитизмъ (авторъ разумѣетъ прозелитизмъ славянской народности въ Болгаріи), а съ другой стороны, *возгорѣлись три мятежа въ тѣхъ краяхъ, которые высокая Порта погасила въ мгновеніе ока*, съ неисчислимыми потерями для бунтовавшихъ и къ стыду поджигавшихъ ихъ на такія дерзновенныя предпріятія».

И такъ авторъ нашъ говоритъ Турціи безъ обиняковъ, что возрожденіе Болгарской народности ведетъ къ бунтамъ и мятежамъ противъ султанской власти. О, благородный потомокъ Гераклидовъ! какъ ни усердно упрашиваетъ онъ Россію прекратить дѣятельность Болгаръ, на Турцію онъ все-таки больше надѣется въ этомъ отношеніи, чѣмъ на Россію; потому онъ съ особенною выразительностью настаиваетъ на томъ, что интересамъ Турціи противно возрожденіе Болгарской народности, и призываетъ противъ Болгаръ на помощь законъ магометанскій.

«Когда Греческая имперія (говоритъ онъ) пала передъ полками султана Магомета II, сей великій побѣдитель обратилъ вниманіе на положеніе христіанъ, и онъ великодушно даровалъ, а всѣ послѣдующіе за нимъ султаны до нынѣ благополучно царствующаго, подтвердили великой церкви и народу Греческому права и священныя преимущества... Эти права и преимущества основаны на началахъ магометанскаго закона (στηριαζόμενα εἰς τὰς βάσεις τοῦ Μωαμεθανικοῦ νόμου), и, всякій, кто возстаетъ противъ Великой церкви (а нашъ Грекъ, какъ намъ извѣстно, утверждаетъ, что Болгаре, требующіе отъ константинопольскаго патріархата народной іерархіи и славянскаго богослуженія, именно возстаютъ противъ Великой церкви), всякій, кто возстаетъ противъ Великой церкви, возстаетъ противъ этого (то-есть магометанскаго) закона и противъ великихъ преимуществъ сей церкви, дарованныхъ султанами и получившихъ отъ времени священную неприкосновенность».

И этотъ Грекъ не стыдится называть себя православнымъ, когда онъ противъ братскаго, православнаго народа, для защиты устарѣвшаго, исполненнаго злоупотребленій порядка вещей, обращается за помощью къ магометанскому закону! Если бы авторъ былъ Турокъ

то призывъ его къ Портѣ былъ бы вполнѣ понятенъ. Съ точки зрѣнія Турка-мусульманина можно не только объяснить, но даже извинить панегирикъ Критскимъ пашамъ и озлобленіе противъ возникающаго на Критѣ эллинизма; можно объяснить и извинить требованіе, чтобъ Турецкое правительство приняло на себя защиту православія на островѣ Критѣ противъ латинской пропаганды, такъ какъ это усилило бы только вліяніе ислама и уронило бы предъ нимъ достоинство христіанской церкви. Съ точки зрѣнія Турка-мусульманина можно объяснить и даже извинить доносъ на возрожденіе народнаго самосознанія въ Болгаріи и дикую вражду противъ него; можно объяснить и извинить требованіе, чтобъ Россія отказалась отъ своей единокровной и единовѣрной братіи Болгаръ. Даже всѣ нелѣпицы, выдуманныя авторомъ брошюры для униженія славянской народности и славянской рѣчи передъ греческою, понятны единственно съ точки зрѣнія Турка-мусульманина; ибо, во-первыхъ, онѣ приличны только степени научнаго образованія, на которой стоятъ Турки; а во-вторыхъ, нелѣпицы эти неминуемо должны раздражить Болгаръ и поселить въ нихъ ненависть противъ греческой стихіи; а кореннымъ правиломъ Турокъ, для сохраненія господства надъ разнообразными народностями Востока, безъ сомнѣнія, служитъ старинное «divide et impera», успѣшному приложенію котораго ихъ могутъ ежечасно учить друзья и сосѣди — Австрійцы.

Изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ признаковъ брошюры мы заключаемъ, что въ авторѣ ея, подъ личиною православнаго Грека, таится мусульманинъ-Турокъ. Турки начали посылать своихъ юношей для образованія въ европейскія училища: не побывалъ ли кто-нибудь ихъ нихъ въ какой-либо іезуитской школѣ, и воротившись на родину, не написалъ ли брошюры подъ заглавіемъ «Голосъ справедливаго»? Турки начали писать и печатать на европейскихъ языкахъ, въ особенности на французскомъ; нашъ предполагаемый воспитанникъ іезуитской школы могъ также хорошо избрать греческій языкъ для обнародованія своихъ мыслей, коль скоро это показалось ему полезнымъ для дѣла мусульманства.

Но оставляя въ сторонѣ разсмотрѣнный нами памфлетъ, чей бы онъ ни былъ, повторимъ слова, сказанныя однимъ изъ лицъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ славянской народности и къ Болгарамъ [1]): «миръ Грековъ и Болгаръ есть покой и радость православной церкви и Россіи; вражда ихъ есть скорбь той и другой. Никто не долженъ обвинять насъ въ несправедливости, если мы,

[1]) Г. Т. Филиповымъ, въ его возраженіи на статьи г. Даскалова о церковныхъ дѣлахъ Болгаріи.

отклоняя отъ себя судъ надъ злоупотребленіями, устремляемъ все вниманіе на примиреніе нашихъ братій. Не осужденъ Моисей за то, что, видя двухъ враждовавшихъ Израильтянъ, призывалъ ихъ къ миру, не заботясь о томъ, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Да услышатъ же и наши враждующіе единовѣрцы его примирительный голосъ: «мужіе, братія есте вы: вскую обидите другъ друга?»

Но внемлютъ ли Греки? Мало, повидимому, дѣйствуютъ эти уроки на Грековъ: они продолжаютъ обижать Болгаръ, поносятъ ихъ языкъ, насильно изгоняютъ изъ церкви славянское богослуженіе, требуютъ, чтобъ болгарскія области находились въ рукахъ Грековъ, доносятъ на Болгаръ, съ одной стороны — Турціи, съ другой — Россіи. Этимъ Греки только вредятъ самимъ себѣ; а какъ мы не желаемъ этого, то просимъ греческихъ патріотовъ, и въ-особенности литераторовъ греческихъ, поднять свой голосъ въ пользу справедливости, въ пользу духовнаго и умственнаго освобожденія болгарской народности и заставить Болгаръ простить и забыть все зло, какое сдѣлали и дѣлаютъ имъ нѣкоторые Греки.

1861 г.
С.п.б.

IX.

ДУХЪ НАРОДА СЕРБСКАГО.

IX.

Духъ народа Сербскаго.

ДУХЪ НАРОДА СРБСКОГЪ,

ОДЪ ІОВАНА ХАЏИЋА. У КАРЛОВЦЫ, 1858.

Характеръ и направленіе литературъ западныхъ Славянъ. — Хаджичъ и его книга. — Взглядъ Хаджича на усобицу областей Сербской земли. — Меропхи и Влахи. — Самоуправленіе Сербскихъ жупъ (волостей). — Настоящее политическое положеніе Сербскаго народа. — Заключительный выводъ о книгѣ Хаджича.

Литературы Западныхъ Славянъ состоятъ почти исключительно изъ такъ называемыхъ беллетристическихъ произведеній и изъ спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ науки. Мало въ нихъ (я говорю здѣсь о литературахъ Славянъ Австрійскихъ и Сербовъ, а не о богатой и разнообразной Польской литературѣ), мало въ нихъ такихъ твореній, въ которыхъ бы общая мысль овладѣвала матеріаломъ, добытымъ учеными изысканіями. Если является общая мысль, то она выражается обыкновенно отрѣшенною отъ матеріала, отъ положительныхъ фактовъ, бо̀льшею частію въ формѣ поэтическаго созданія; если представляются положительные факты, то они остаются сухимъ, безжизненнымъ матеріаломъ. Иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ народное самосознаніе только что начинаетъ пробуждаться. Въ этомъ отношеніи исторія Чехіи, Палацкаго, стоитъ совершенно особнякомъ; но и въ ней матеріалъ не вездѣ оживленъ мыслію. Сербы же не имѣютъ никакого подобнаго труда въ своей литературѣ.

Книга г. Хаджича осталась бы не замѣченною въ литературѣ, болѣе развитой, чѣмъ Сербская; но въ Сербской литературѣ она есть явленіе замѣчательное и утѣшительное. Г. Хаджичъ, Сербскій литераторъ, съ 1827 года получившій извѣстность подъ псевдонимомъ

Милоша Светича и участвовавшій въ 1837 и слѣдующихъ годахъ въ составленіи законодательства Сербскаго княжества, пытается въ своемъ послѣднемъ сочиненіи разгадать и объяснить тѣ жизненныя начала, которыя проникаютъ Сербскую исторію и настоящій бытъ Сербскаго народа. Такой попытки еще не было въ литературахъ Австрійскихъ Славянъ и Сербовъ. Честь и слава г. Хаджичу!

У Чеховъ подобная попытка, если бы взялся за нее человѣкъ, которому она была бы подъ силу, могла бы быть исполнена легче, потому что тамъ уже довольно хорошо разработаны данныя, предлагаемыя какъ исторіею, такъ и современнымъ бытомъ народа. У Сербовъ задача была гораздо труднѣе: порядочной исторіи Сербіи нѣтъ, и даже значительная часть памятниковъ ея не только не разработаны критически, но даже не изданы. Все, что̀ сдѣлано для разработки того, что̀ уже издано, принадлежитъ нашему соотечественнику, г. Майкову. Бытъ народа Сербскаго извѣстенъ только въ нѣкоторыхъ краяхъ; но до сихъ поръ въ Сербской землѣ находятся такія мѣста, гдѣ не только бытъ жителей, но даже самые города, села, рѣки и горы совершенно непзвѣстны (такъ напримѣръ обширное пространство отъ Новаго-Пазара до Лѣсковца и отъ Лѣсковца до Приштины). Притомъ же Сербскіе писатели еще мало привыкли къ строгимъ пріемамъ науки и критики; они еще слишкомъ любятъ поверхностно смотрѣть на предметъ и выхватывать изъ него случайно тѣ или другія данныя, какія имъ придутся по вкусу. Всѣ эти недостатки существуютъ въ книгѣ г. Хаджича: и неполное критическое подготовленіе матеріала, на которомъ онъ основываетъ свои выводы, и неопытность въ наукообразной критикѣ, и поверхностность (часто даже ошибочность) въ томъ, что̀ онъ извлекаетъ изъ показаній древнихъ писателей, и склонность выбирать частные, подходящіе къ его мысли, факты, не обращая вниманія на другіе факты, ей противорѣчащіе. Но, не смотря на всѣ эти недостатки, книга г. Хаджича не только заслуживаетъ похвалы, какъ первая попытка приняться за рѣшеніе важнаго вопроса: она имѣетъ положительное достоинство, по вѣрности своихъ основныхъ мыслей. На это-то достоинство мы должны обратить главное вниманіе, не останавливаясь на недостаткахъ, неизбѣжность которыхъ показана.

Странно въ книгѣ г. Хаджича,—и это, конечно, слѣдствіе того, что матеріалъ науки у Сербовъ неподготовленъ и что самъ авторъ не привыкъ обращаться наукообразно съ своимъ матеріаломъ,—странно, говорю я, что въ этой книгѣ основныя мысли сочинителя вѣрны, тогда какъ историческія и лингвистическія изслѣдованія, на которыхъ онъ опираетъ ихъ, шатки, часто ошибочны и вовсе не доказываютъ этихъ мыслей. Видно, основныя мысли эти выработались

у автора изъ внутренняго чутья исторической истины и изъ глубокаго, инстинктивнаго пониманія народнаго быта, а не изъ его ученыхъ изысканій. Эти мысли заслуживаютъ здѣсь краткаго изложенія.

Г. Хаджича поражаетъ страшная ненависть и зависть, раздѣляющая жителей разныхъ областей Сербской земли. Отчего произошелъ этотъ гибельный разладъ? Онъ старается доказать, что еще въ отдаленной древности, гораздо раньше прихода (въ началѣ VII вѣка по Р. Х.) Сербовъ и Хорватовъ изъ-за Карпатскихъ горъ въ ихъ нынѣшнее отечество, тамъ жили Славянскія племена. Присутствіе нѣкоторыхъ Славянскихъ поселеній на среднемъ Дунаѣ еще до завоеванія этихъ странъ Римлянами кажется мнѣ фактомъ несомнѣннымъ, но все-таки доказательства, приводимыя г. Хаджичемъ, его не утверждаютъ. Онъ пользуется извѣстіями писателей классической древности отрывочно и не критически, дѣлая иногда самыя странныя производства собственныхъ именъ и впадая въ явныя ошибки. По прочтеніи его разсужденія объ этомъ предметѣ, подумаешь скорѣе, что Славянъ въ древности не было на Дунаѣ; надобно избрать другой путь, чѣмъ произвольную этимологію именъ Сарматы, Боіи, Бата, и т. под., для доказательства того, что Славяне дѣйствительно жили издревле въ этихъ странахъ. Принявъ старобытность Славянъ на Дунаѣ за основаніе своей теоріи, г. Хаджичь вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о воинственномъ нашествіи толпы Сербовъ и Хорватовъ, призванныхъ въ VII вѣкѣ Греческимъ императоромъ Ираклiемъ съ сѣвера для освобожденія Иллирика отъ власти орды грабителей, Аваровъ. Г. Хаджичь полагаетъ, что эти Славяне—пришельцы заняли не весь Иллирійскій треугольникъ; что Хорваты водворились только на западной окраинѣ его, а Сербы распространились по восточной и южной его окраинѣ, гдѣ нынѣ Сербское княжество, Ново-Пазарская область и Черногорія. Между этими двумя полосами, занятыми пришлымъ, завоевательнымъ Славянскимъ племенемъ, остались нетронутыми Боснія и Герцеговина съ своими Славянами-старожилами. Вотъ, по мнѣнію г. Хаджича, главный источникъ ненависти и зависти, раздѣляющей эти области съ тѣми краями, которые были заняты, съ одной стороны Хорватами, съ другой Сербами: вотъ главная причина, почему Боснякъ и Герцеговинецъ, хотя время изгладило всѣ слѣды различія въ языкѣ и памяти народной, не такъ дорожитъ именемъ Серба, какъ потомокъ настоящихъ Сербовъ, т. е. житель Сербскаго княжества и Черногорецъ; вотъ причина, почему онъ менѣе одушевленъ Сербскимъ патріотизмомъ и всегда, въ старину также какъ теперь, думаетъ только о своихъ областныхъ интересахъ. Далѣе, г. Хаджичь старается прослѣдить это различіе въ старинныхъ памятникахъ Сербскаго языка, и имѣетъ въ

виду показать въ этихъ памятникахъ двѣ стихіи, мало-по-малу сливающіяся, именно стихію мягкой рѣчи южныхъ Славянъ-старожиловъ и стихію жесткаго говора пришельцевъ съ сѣвера. Но всѣ филологическія соображенія, которыя онъ дѣлаетъ по этому поводу, не выдерживаютъ строгой критики.

Вообще, мнѣ кажется, что положеніе г. Хаджича о двухъ стихіяхъ, вошедшихъ въ составъ Сербскаго народа, — туземной, неохотно покорившейся, и пришлой, завоевательной, — вѣрное въ основаніи, должно быть совсѣмъ иначе понято въ приложеніи. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы завоевательные полки Сербовъ и Хорватовъ водворились исключительно въ двухъ полосахъ, какъ будто бы математически начертанныхъ, оставивъ другія области не тронутыми. Я полагаю, напротивъ, что завоеватели равномѣрно разселились повсюду, и повсюду равномѣрно застали туземцевъ, которые должны были имъ подчиниться. Оттого-то въ древнемъ Сербскомъ государствѣ такъ рѣзко обозначилось раздѣленіе на сословія. Что̀ такое эти Меропхи и Влахи являющіеся въ древнемъ Сербскомъ государствѣ въ качествѣ низшаго сословія, какъ не потомки покорившихся или покоренныхъ туземцевъ? Вѣдь еще въ XIV вѣкѣ Сербу въ Сербскомъ государствѣ запрещено было жениться на дочери Влаха; а Влахи, исчисляемые въ дарственныхъ грамотахъ этого времени, носятъ всѣ, почти безъ исключенія, славянскія имена, стало быть, не были какіе нибудь иностранцы, какъ можно бы было иначе предположить, а туземные, славянскіе или ославяненные, жители края. Вотъ это-то различіе покоренной и завоевательной стихіи, равно принадлежащее всѣмъ областямъ сербскимъ и съ теченіемъ времени перешедшее въ различіе рѣзко разграниченныхъ сословій, было причиною того внутренняго разлада, котораго нельзя не замѣтить въ древней жизни Сербовъ, во время ихъ независимости. А разладъ между отдѣльными областями совершенно просто объясняется, мнѣ кажется, естественнымъ разъединеніемъ ихъ въ странѣ, изрѣзанной цѣпями горъ, и природною склонностью Сербовъ жить розно, мелкими волостями, дорожащими правомъ внутренняго самоуправленія и вовсе не заботящимися о болѣе обширныхъ требованіяхъ государственнаго устройства.

Самъ г. Хаджичъ признаетъ и прекрасно опредѣляетъ это характеристическое свойство Сербскаго быта, и двѣ послѣднія главы его сочиненія, посвященныя разбору древняго, коренаго начала самоуправленія сербскихъ волостей или жупъ, жупанствъ, и потомъ примѣненію этого разбора къ настоящему времени, составляютъ лучшую часть книги, пасъ теперь занимающей. Онъ прекрасно объясняетъ, что Сербы сначала такъ покорно подчинились верховной власти Византійскихъ императоровъ, потому что они вовсе не заботились о госу-

дарственномъ строѣ, а Византія не вмѣшивалась во внутреннія распорядки отдѣльныхъ волостей; онъ показываетъ, какъ, въ слѣдствіе упадка власти и значенія прежняго, внѣшняго государственнаго центра, т. е. Византіи, и наконецъ завоеванія ея латинскими крестоносцами, потребность такого центра внутри самой Сербіи стала возникать мало-по-малу: какъ представителемъ этого новаго, государственнаго начала явился родъ Неманичей, бывшихъ жупановъ, т. е. волостныхъ правителей Зетскихъ [1]), и какъ имъ постоянно противодѣйствовалъ народъ, преимущественно же боярское сословіе, стоявшее за прежнюю волостную независимость. Вотъ общее заключеніе, къ которому г. Хаджичъ приходитъ послѣ этихъ историческихъ разсужденій:

«То, что̀ мы видѣли до сихъ поръ, указываетъ намъ на два могучихъ, жизненныхъ начала, лежащихъ въ глубинѣ души Сербскаго народа. Одно начало, съ которымъ онъ уже пришелъ въ свои настоящія жилища (около 640 г.), есть личная свобода и самоуправленіе подъ собственными старшинами, по старымъ народнымъ обычаямъ и по законамъ, предписаннымъ общимъ голосомъ на сходкѣ. Другое начало, принятое тотчасъ по приходѣ въ теперешнія жилища и усвоенное имъ, есть вѣра христіанская, православная восточная. Вотъ жизненныя начала Сербскаго народа, или лучше сказать, самая его жизнь; безъ нихъ онъ себя считаетъ какъ бы не живущимъ. За нихъ онъ всегда боролся, за нихъ проливалъ свою кровь. Верховная государственная власть могла находиться внѣ Сербскаго народа, какъ и было въ первые шесть вѣковъ его исторіи, отъ прихода Сербовъ за Дунай до Немани. Если бы Греческое православное царство не было потрясено и не досталось въ руки иноземцевъ, кто знаетъ, стали ли бы Сербы помышлять о томъ, чтобы верховная власть надъ ними перешла въ ихъ собственную землю? Этимъ самымъ началомъ объясняется, почему Сербы подъ Юріемъ Бранковичемъ отдали въ 1433 г. Бѣлградъ и верховную власть надъ своею землею Мадьярамъ, надѣясь съ ихъ помощію отстоять свою волостную независимость и православную вѣру. Вслѣдъ за тѣмъ они водворили свое устройство волостнаго самоуправленія въ Сремѣ, и за право пользованія имъ проливали свою кровь подъ знаменемъ Мадьяръ. Мадьяре вначалѣ охотно признавали за ними право внутренней свободы управленія, потому что помощь сербскаго оружія была имъ весьма нужна и полезна для защиты отъ Турокъ и поддержки государства. Деспотъ Сербскій въ Сремѣ управлялъ народомъ своимъ независимо, въ сово-

[1]) Зета — юговосточная часть Черногоріи съ прилегающимъ краемъ у Скутарскаго озера.

купности съ народными старшинами, по собственнымъ законамъ и обычаямъ Сербовъ; а самъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ верховной земской власти Венгерскаго королевства. И позднѣе, всякій разъ, когда Сербы, въ бо́льшемъ еще числѣ, переселялись въ Венгрію, они поставляли эти два непремѣнныхъ условія: свободу своего вѣроисповѣданія и собственное управленіе подъ своими домашними старшинами, по своимъ законамъ и обычаямъ (propriis magistratibus, legibus et consuetudinibus). Это всегда имъ и было обѣщаемо, но никогда не исполнялось долго. Отсюда рождались между Сербами жалобы и неудовольствія. Что̀ подвинуло ихъ покинуть свои жилища и въ 1750 г. подъ предводительствомъ Ивана Хорвата, въ 1752 и 1753 г. подъ предводительствомъ Іована Шевича и Райка Прерадовича, переселиться въ Россію? Оставляю въ сторонѣ все прочее, что̀ нарушало оба существенныя начала ихъ жизни, и упоминаю только объ одномъ законѣ, провозглашенномъ Маріею Терезіею въ 1741 г., которымъ постановлялось: «чтобы въ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи отнынѣ поддерживалось единственно римско-католическое вѣроисповѣданіе; чтобы митрополиту греческой церкви впредь не было дозволено простирать свою власть на эти края; чтобы наблюдали за существующими еще епископами греко-несоединенной церкви, дабы они не производили какихъ нибудь безпорядковъ или волненій; чтобы въ этихъ областяхъ, согласно постановленію 1723 года, § 86, только римско-като́лики могли владѣть поземельною собственностью, а люди иныхъ исповѣданій не занимали даже сельскихъ должностей». По этимъ постановленіямъ можно судить и обо всемъ другомъ и понять, почему Сербы покинули тогда свои жилища въ Австрійской державѣ и пошли искать отдаленнаго отечества въ Россіи. Дѣло въ томъ, что враждебная рука прикоснулась до жизненнаго начала, безъ котораго народъ этотъ существовать не можетъ. Лишенные домашняго самоуправленія и видя опасность, угрожавшую ихъ вѣроисповѣданію, Сербы Австрійскіе побрели по бѣлому свѣту, чтобы спасти по крайней мѣрѣ одну святыню своей жизни, православную вѣру. Какъ глубоко вкоренены эти двѣ потребности въ душѣ сербской, потребность внутренняго самоуправленія и свободнаго исповѣданья православной вѣры, видно и изъ того, что ни рука непріятельская, ни враждебная судьба, ни коварная политика не успѣла въ теченіе вѣковъ изгладить въ ней или вырвать изъ нея эти чувства. Сколько разъ Сербы, въ продолженіе своего бѣдственнаго существованія, жертвовали всѣмъ, всею своею жизнію, лишь бы сохранить или вновь пріобрѣсти эти двѣ святыни своего духа, — и наконецъ пріобрѣли ихъ съ оружіемъ въ рукѣ, и завоевали, если не во всей сербской землѣ, то по крайней мѣрѣ въ придунайской части ея (нынѣшней Сербіи), внут-

реннюю независимость подъ управленіемъ собственныхъ старшинъ, по своимъ законамъ и обычаямъ, и обезпечили тамъ свою православную вѣру. Нужно ли говорить о Черной Горѣ, которая въ продолженіе столькихъ вѣковъ, хотя и лишенная части своего стариннаго достоянія, именно приморскаго края, отбиваетъ оружіемъ всѣ силы Турціи для охраненія этихъ двухъ святынь народнаго сердца? По истинѣ, Сербы не заботились такъ о верховной государственной власти; они равнодушно признавали ее за Греками, за Турками, за Мадьярами, за Австрійцами, и только ни за что не отказывались отъ двухъ указанныхъ мною святынь своего народнаго бытія. Черногорцамъ еще въ древнее время, когда Дубровникъ (Рагуза) пересталъ признавать надъ собою господство Византіи, досталась въ руки и полная верховная власть надъ своею землею; но они не дорожили этимъ началомъ, довольствуясь своею волостною свободою и внутреннимъ самоуправленіемъ; ибо они, по старому обычаю, по которому признавали нѣкогда православнаго царя Греческаго своимъ верховнымъ государемъ и покровителемъ, охотно и добровольно, влекомые внутреннимъ чувствомъ, стали въ послѣдствіи почитать въ душѣ своей православнаго царя Русскаго въ томъ же смыслѣ. Наконецъ, что̀ другое было вооруженіе Сербовъ Австрійскихъ въ 1848 и 1849 г. противъ Мадьяръ, и избраніе народомъ патріарха и воеводы, какъ не стремленіе къ защитѣ православной вѣры и къ возобновленію уничтоженной волостной независимости съ собственнымъ внутреннимъ управленіемъ, т. е. съ народнымъ правителемъ или воеводою (жупаномъ) и по народнымъ законамъ и обычаямъ? а верховная власть при этомъ ненарушимо признавалась въ лицѣ императора Австрійскаго, въ пользу котораго Сербы возстали, надѣясь получить подъ его покровительствомъ то, чего они такъ долго лишены были подъ господствомъ Мадьяръ.»

На послѣдней страницѣ своей книги г. Хаджичъ повторяетъ вновь свои выводы въ примѣненіи къ настоящему политическому положенію Сербскаго народа. Онъ спрашиваетъ: «Въ какомъ положеніи находятся нынѣ Сербы въ Сербскомъ княжествѣ? Они пользуются нынѣ, отвѣчаетъ онъ, полною домашнею, волостною (жупскою) независимостью, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ старѣйшинъ, по своимъ законамъ и обычаямъ, — независимостью, признанною и утвержденною трактатомъ 1829 года между Россіею и Портою, и гарантированною всѣми пятью великими Европейскими державами; а верховная власть, принадлежитъ Турецкому государству. Такимъ образомъ эти Сербы находятся, можно сказать, въ томъ же точно государственномъ отношеніи, въ какомъ они состояли къ Византійской имперіи со времени прихода своего въ эти земли до

Немани. Только ихъ настоящее положеніе въ томъ смыслѣ лучше и счастливѣе, что пять первобытныхъ жупъ, на которыя распадалась тогда эта страна, теперь не раздѣлены между пятью особыми жупанами, а всѣ вмѣстѣ (хотя и не въ совершенной цѣлости: Сремъ и нѣкоторые другіе куски отошли отъ Сербіи) находятся подъ управленіемъ одного старшины, одного князя, составляютъ одно княжество и живутъ одною общею жизнію, чѣмъ значительно облегчается рѣшеніе задачи сербской исторіи въ будущемъ. Въ какомъ положеніи находятся Сербы въ Босніи и Герцеговинѣ? Они лишены волостной независимости и самоуправленія [1]), и состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Турціи. — Въ какомъ положеніи находятся Сербы въ Сремѣ и Венгріи? Они живутъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Австріи. — Въ какомъ положеніи находятся Черногорцы? Они пользуются полною волостною свободою и независимостью, подъ управленіемъ своего князя и своихъ старшинъ, по своимъ законамъ и стариннымъ обычаямъ, совмѣщая въ себѣ и верховную власть надъ своею землею и не имѣя, внѣ ея, надъ собою государя, но почитая въ душѣ, по старинному народному чувству, единаго православнаго царя Русскаго, какъ покровителя своей свободы и своего православія».

Этими словами кончаетъ г. Хаджичъ свое замѣчательное сочиненіе. Мы могли упрекать его въ недостаткѣ полноты и критики, когда онъ разбиралъ извѣстія древнихъ писателей и филологическія данныя. Мы могли не согласиться съ его мыслію о неравномѣрномъ, такъ сказать, распредѣленіи двухъ стихій, образовавшихъ Сербскій народъ, туземной и завоевательной; да притомъ то, что онъ самъ говоритъ во второй части своей книги объ основныхъ началахъ Сербскаго общества, прямо противорѣчитъ такой неравномѣрности и подтверждаетъ мнѣніе, нами высказанное объ этомъ предметѣ, ибо начала, выставляемыя г. Хаджичемъ, какъ основы сербской жизни, какъ «святыня сербскаго духа», господствуютъ совершенно одинаково во всѣхъ Сербскихъ земляхъ, и въ тѣхъ, гдѣ онъ видитъ исключительно потомковъ завоевателей VII вѣка, и въ тѣхъ, гдѣ населеніе происходитъ, по его взгляду, отъ старожиловъ-Славянъ. Но, указывая на ошибку г. Хаджича, мы не отнимаемъ тѣмъ высокаго достоинства у его книги. Мы ему благодарны за ясное указаніе и развитіе мысли о значеніи двухъ стихій, туземной и завоевательной, въ образованіи Сербскаго народа [2]). Мысль эта сдѣлается достояніемъ

---

[1]) Но не вездѣ: въ нѣкоторыхъ краяхъ Герцеговины, прилегающихъ къ Черногоріи, жители пользуются полнымъ самоуправленіемъ, признавая только верховную власть Турціи. *А. Г.*

[2]) Эта мысль была выставлена нами въ „Письмахъ объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ".

науки, какъ скоро, при свѣтѣ ея, изучены будутъ критически явленія сербской исторіи и древняго сербскаго быта. Что же касается до опредѣленія и разбора основныхъ стихій сербской жизни, то мы тутъ видимъ въ г. Хаджичѣ глубокое пониманіе своего народа и можемъ желать только, чтобы такое пониманіе встрѣчалось чаще, и не у однихъ Сербовъ, но и въ другихъ Славянскихъ земляхъ.

X.

ГАВЛИЧЕКЪ.

X.

Гавличекъ.

Нѣсколько словъ о его жизни. — Образцы его поэзіи: Тирольскія элегіи.

Гавличекъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Чешскихъ въ послѣднее время. Въ 1848 и 1849 году онъ былъ редакторомъ «Народныхъ Новинъ», лучшей газеты Чешской и получилъ посредствомъ этого органа великое и благотворное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Онъ принадлежалъ всею душою дѣлу возрожденія славянской народности, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ не видѣлъ для Чеховъ другаго спасенія отъ преобладанія германизма, представителемъ котораго былъ Франкфуртскій парламентъ, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ Австрійскимъ правительствомъ, обѣщавшимъ покровительство и равноправность всѣмъ народностямъ въ своей державѣ. Потому Гавличекъ дѣятельностью своею оказалъ этому правительству важныя услуги. Но въ 1850 году, когда опасность для Австріи миновалась, она стала преслѣдовать Гавличка неумолимо за его ревность къ славянской народности и противодѣйствіе ультрамонтанскимъ стремленіямъ клерикальной партіи. Его сперва принудили удалиться изъ Праги и предали его сочиненія судебному разбору; но судъ оправдалъ его. Не смотря на то, въ 1851 году его схватили и отправили съ жандармомъ въ крѣпость Бриксенъ, въ Тиролѣ. Въ 1855 году, больной чахоткою, онъ былъ прощенъ и возвращенъ въ Прагу, гдѣ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Предлагаемыя здѣсь въ подлинникѣ и дословномъ переводѣ стихотворенія писаны были Гавличкомъ въ Бриксенѣ; они пользуются у Чеховъ необыкновенною популярностью, хотя долго не могли быть въ Австріи напечатаны, да и нынѣ изданы тамъ съ пропусками.

Примѣчаніе. Печатая чешскій текстъ русскими буквами, мы должны замѣтить только слѣдующія правила, относительно чешскаго произношенія:

1) *и* имѣетъ звукъ твердаго, *і* — звукъ мягкаго *и*, подобно какъ въ малороссійскомъ парѣчіи; *и* не выговаривается такъ твердо, какъ у насъ, а почти также, какъ малороссійское *и*; но когда на немъ приходится долгота (ы), то оно получаетъ протяжный звукъ, почти какъ *эй*.

2) *е* произносится всегда твердо, *є* — мягко, какъ въ малороссійскомъ нарѣчіи.

3) *ô* произносится какъ протяжное *у* или *уо*.

4) ў послѣ гласной имѣетъ значеніе полугласной и относится къ *у*, какъ *й* къ *и*; такъ сочетаніе оў составляетъ двугласную, выговариваемую почти какъ нѣмецкое *au* въ словѣ *aus*, или какъ англійское *ou* въ словѣ *out*.

5) *г* произносится какъ у малороссіянъ, т. е. придыхательно (латинское *h*); гдѣ у Чеховъ (въ иностранныхъ словахъ) встрѣчается звухъ латинскаго *g* или великороссійскаго *г*, тамъ мы ставимъ латинскую букву g.

6) *л* произносится какъ у малороссіянъ.

7) р̆ имѣетъ звукъ слитно выговариваемаго *рж*, какъ польское *rz*.

8) *ъ* передъ согласными *р* и *л* въ серединѣ слова означаетъ присутствіе скрадываемаго въ произношеніи гласнаго звука, вслѣдствіе котораго *р* или *л* съ другою согласною составляетъ отдѣльный слогъ, напримѣръ кърчма читается не односложно, *крчма*, а двумя слогами: к'рч-ма.

9) Знакъ ', ставимый надъ гласными, выражаетъ у Чеховъ долготу или протяженіе; различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, подобно какъ въ древнихъ языкахъ, составляетъ особенность чешскаго языка между славянскими нарѣчіями. Различіе протяженія гласныхъ не мѣшаетъ у Чеховъ ударенію, которое находится у нихъ постоянно на первомъ слогѣ каждаго слова, и не отмѣчается особымъ знакомъ.

Тирольске́ елеѕне
(въ розмлува́хъ съ мѣсичкемъ).

I.

Сви́ть, мѣси́чку, по легоўчку
Скързъ тенъ густы́ мракъ!
Якъ пакъ се ти Бриксенъ ли́би́?
Не шкаредь се такъ!

Не поспи́хей, позаставъ се,
Не ходь еште спатъ,
Абы́хъ съ тебоў єнъ хви́линку моглъ
Дишкурироватъ.

Нейсемъ здейши́, мôй мѣси́чку,
То зна́шъ подле́ кр̆ику,
Не ути́кей, нейсемъ *treu und bieder*,
Семъ зде єнъ ве цвику.

II.

Семъ-ть я зъ крає музикантôвъ,
На посоўнъ семъ гра́лъ,
А тенъ пор̆а́дъ ты́ Ви́денске́ па́ны
Зе сна бурцовалъ.

Тирольскія элегіи
(въ разговорахъ съ луною).

I.

Свѣти, луна, полегоньку сквозь этотъ густой туманъ! Ну, какъ тебѣ нравится Бриксенъ? Не гляди такъ кисло!

Не спѣши, пріостановись, не ходи еще спать. Дай-ка мнѣ минуточку съ тобою побесѣдовать.

Я не здѣшній, моя луна, ты знаешь это по голосу. Не бѣги. я не *вѣрный и благонадежный*, я здѣсь пока только въ ученіи.

II.

Я изъ страны музыкантовъ [1]), игралъ я на тромбонѣ, да тромбонъ мой все тревожилъ сонъ Вѣнскихъ господъ.

---

[1]) Извѣстно, что Чехія отечество множества музыкантовъ.

Бы се по свы́хъ тежкы́хъ пра́цехъ
Годнѣ выспали,
Єдноў въ ноци кочáръ полицайтôвъ
Про мне послали.

Чтобы послѣ своихъ тяжелыхъ трудовъ [1]) хорошенько выспаться, они однажды послали за мною карету съ полицейскими.

Двѣ годины по пôлноци,
Кдыжъ на трéти́ шло,
Ту ми дáвалъ жандармъ у постелс
Штястне́ добры́тро!

Было два часа по полуночи, уже пошелъ третій часъ, когда жандармъ сказалъ мнѣ у постели: «доброе утро!»

Се жандармемъ славны́ оўрадъ
Целы́ въ парáдѣ,
Пупекъ певнѣ кордемъ обвáзаны́,
Злато на крадлѣ:

Съ жандармомъ было почтенное присутствіе, всѣ въ парадной формѣ, брюхо крѣпко перетянуто шарфомъ, на воротникахъ золотое шитье.

Встáваі, пане редакторъ,
Не лекаі се,
Деме въ ноци, нейсме вшакъ злодѣі,
Єномъ комисе.

«Вставайте, господинъ редакторъ, не пугайтеся [2]). Ходимъ мы ночью, однако мы не разбойники, а только коммиссія.

Одъ вшехъ зъ Ви́дне поздравени́,
Панъ Бахъ є ли́бá,
Соў-ли пры́ здрáвъ? а тугле-то псани́
По нáсъ посылá.

Всѣ въ Вѣнѣ кланяются вамъ, господинъ Бахъ цѣлуетъ васъ, спрашиваетъ, здоровы ли, и посылаетъ съ нами вотъ эту бумагу».

Я семъ и на лачны́ животъ
Вждыцкы здворилы́:
«Одпусть, славнá комисе,
Же семъ въ кошили!»

Я и на тощій желудокъ всегда вѣжливъ: «Простите, почтенная коммиссія, что я въ одной рубашкѣ!»

Але Джокъ, мôй черны́ бульдогъ,
Тенъ е gробиáнъ,
На *habeas corpus* тузе звы́клы́,
Онъ є англичанъ.

Но Джокъ, мой черный бульдогъ, тотъ грубіянъ, черезъ-чуръ привыкшій къ *habeas corpus:* онъ англичанинъ.

---

[1]) Намекъ на тревоги 1848—49 годовъ.

[2]) Въ чешскомъ оригиналѣ чиновники обращаются къ поэту въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, какъ Нѣмцы.

Ма́лемъ бы былъ хлапъ пр̀естоупилъ
Єденъ парагрáфъ,
Іжъ на славны́ оўр̀адъ зъ-подъ постеле
Удялъ: врръ, хафъ, хафъ!

Едва успѣлъ читавшій кончить одинъ параграфъ, вдругъ онъ изъ-подъ кровати на почтенное присутствіе: врръ, хафъ, хафъ!

Годилъ семъ му тамъ подъ постель
Ришскы́ законни́къ:
Добр̀е, же семъ мѣлъ тенъ моудры́ на́падъ,
Іжъ ани неквикъ.

Я бросилъ въ него подъ постель *Reichsgesetzbuch* [1]): хорошо, что я такъ умно догадался: уже бульдогъ не пикнулъ.

III.

Обчанъ звыклы́ на пор̀а́декъ, —
Было то въ просинци,
Пр̀еде вши́мъ семъ си обулъ пунчохы
Въ славне́ ассистенци.

III.

Гражданинъ, привыкшій къ порядку, я прежде всего (дѣло было въ декабрѣ) надѣлъ чулки въ торжественномъ присутствіи.

Пакъ семъ теп̀ървъ четлъ псани́,
Вшакъ го тугле ма́мъ:
Розуми́шъ-лп оўр̀едни́ нѣмчинѣ,
Пр̀ечти си го са́мъ.

И тогда только прочелъ я бумагу, — впрочемъ, вотъ она здѣсь у меня. Коли понимаешь канцелярскій нѣмецкій языкъ, прочти себѣ ее сама.

Бахъ ми пи́ше, яко докторъ,
Же ми не свѣдши́
Въ Чеха́хъ здрави́, же пры́ потр̀ебую
Змѣну повѣтр̀и́;

Бахъ пишетъ мнѣ, какъ докторъ [2]), что мое здоровье не поправляется въ Чехіи, что-де мнѣ нужна перемѣна воздуха.

Же є въ Чеха́хъ тузе душно,
Горке́ вы́пары,
Много смраду по те́ октроі́рце,
Голе́ нездрави́;

Что въ Чехіи очень душно, жаркія испаренія и много вонп послѣ этой *октроировки* [3]), просто тлетворная атмосфера.

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ издается въ Австріи собраніе законовъ и постановленій.

[2]) Извѣстно, что Бахъ, бывшій австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ степень доктора.

[3]) Конституція, *октроированная* въ 1850 году австрійскимъ правительствомъ.

Же онъ теды схва́льнѣ про мне
Коча́ръ семъ послалъ,
Абыхъ се гнедъ на ста́тни оўтраты
На цесту выдалъ.

А жандармôмъ же нар̆и́дилъ,
Ать мне годнѣ нути́,
Кдыбыхъ не хтѣлъ зе скромности пр̆иймоўтъ
Єго наби́днути́.

Что онъ поэтому послалъ сюда за мною нарочно карету, чтобы я тотчасъ же отправился въ путь на казенный счетъ,

И что онъ поручилъ жандармамъ пристойнымъ образомъ понудить меня, если бы я изъ скромности не захотѣлъ принять его приглашенія.

IV.

Цожъ є дѣлатъ? же пакъ муси́мъ
Глоўпы́ звыкъ тенъ ми́тъ,
Же не могу жандармôмъ съ флинтами
Праницъ одепр̆и́тъ.

Дедера мне таке́ нутилъ,
Абыхъ ѣлъ єнъ гнедъ,
Же бы хтѣли Бродшти́, ажъ се збуди́,
Тр̆еба съ на́ми ѣтъ.

Правилъ ми, же не ма́мъ съ себоў
Збранє жа́дне́ бра́тъ,
Небъ же они маі нар̆и́зени́
Мне охранёватъ.

Же ма́мъ те́жъ покудъ сме въ Чеха́хъ
Инкоgнито ѣтъ,
Сицъ на́мъ даі доти́рави́ лиде́
Грôзу комисъ гнедъ.

Єшть ми далъ панъ Дедера
Ви́це моўдры́хъ радъ,
Дле нихъ-жъ се Бахови́ пациенти
Маі справоватъ.

IV.

Что же дѣлать, что у меня такая глупая привычка: не могу ни въ чемъ отказать жандармамъ съ ружьями.

Дедера [1]) тотчасъ сталъ торопить меня ѣхать, не теряя времени: а то Бродскіе [2]) жители, когда проснутся, пожалуй, захотѣли бы ѣхать съ нами.

Онъ говорилъ мнѣ, что я не долженъ брать съ собою никакого оружія, такъ какъ они имѣютъ приказаніе охранять насъ;

Что я долженъ, покуда будемъ въ Чехіи, ѣхать *инкогнито*, иначе докучливые люди нададутъ намъ пропасть коммиссій.

Еще далъ мнѣ господинъ Дедера много мудрыхъ совѣтовъ, которымъ должны слѣдовать паціенты Баха.

---

[1]) Имя полицейскаго чиновника.
[2]) Бродъ — городъ въ Чехіи, близъ котораго родился Гавличекъ.

Такъ мне вабилъ якъ Сирéна,
Ажъ семъ обулъ боты,
Облúкъ весту, кабáтъ пакъ и кожихъ,
Дрúве вшакъ калготы.

Такъ манилъ онъ меня, будто Сирена, покуда я напялилъ сапоги, надѣлъ жилетъ, сертукъ и шубу, а прежде, однако, брюки.

Коне а жандарми стали
Дáвно прéдъ домемъ:
Мили́ браши, маличке́ стърпени́,
Гнедъ іжъ поѣдемъ.

Лошади и жандармы стояли давно передъ домомъ: братцы милые, немножко терпѣнія, сейчасъ поѣдемъ.

V.

О мѣсúчку! вшакъ ты женске́
Добрé знашъ а вúшъ,
Яки́ съ нимп чловѣкъ на томъ свѣтѣ
Часто мúвá крúжъ.

V.

О луна! ты вѣдь женщинъ знаешь хорошо, ты знаешь, какой онѣ часто крестъ для человѣка на этомъ свѣтѣ.

Такé-съ многéго лоучени́
Тайны́мъ свѣдкемъ былъ,
Ты знáшъ лúпъ нежъ кажды́ повелиста,
Горкостъ тѣхъ-то хвиль.

Также не разъ бывала ты тайною свидѣтельницею прощанья, ты лучше всякаго писателя повѣстей знаешь горечь этихъ мгновеній.

Матка, жена, сестра, дцерка
Малá Зденчинка
Стáлы около мне въ тихéмъ плáчи:
Горкá хвúленка!

Мать, жена, дочка — маленькая Зденчинка, стояли вокругъ меня въ тихомъ плачѣ: горькая минута!

Я семъ сице стары́ козáкъ
Въ пôткáхъ тужены́,
Тенкратъ семъ мѣлъ троху тѣснá пърса
А зракъ скалены́.

Я хотя старый козакъ [1]), затвердѣлый въ бояхъ, однако въ этотъ разъ почувствовалъ немножко стѣсненіе въ груди и темноту въ глазахъ.

Втискнулъ семъ вшакъ подѣбрадку
Сильнѣ до чела,
Абы се тѣмъ полицайтôмъ сълза
Не заблúштѣла.

Я надвинулъ шапку-*подъбрадку* [2]) крѣпко на лобъ, чтобы передъ этими полицейскими не блеснула слеза.

---

[1]) Намекъ на то, что Гавличекъ жилъ въ Россіи. Онъ былъ въ 1842—44 гг. домашнимъ учителемъ у покойнаго проф. Шевырева въ Москвѣ.

[2]) Шапка, какую носили Чехи-патріоты: названа она именемъ великаго героя чешскаго, Юрія Подѣбрадскаго.

Небъ ти вшицкни блúже двѣрú
Посудъ стáли стрáжъ,
Абы мѣла та-то смутнá сцена
Цúсарскоў стафáжъ.

VI.

Трубка брешти́, кола гърчи́,
Ѣдемъ къ Іглави,
Взаду, абысме ницъ не стратили,
Клюшоў жандарми,

Тенъ Боровскы́ костели́чекъ
Стоí на вършку,
Скързы лѣсы смутнѣ на мне гледѣлъ:
«Си то, мôй гошку?

Поде мно́ў естъ твá колúбка,
Я те видѣлъ кр̀титъ,
Старéму викáри министроватъ,
Пильнѣ се учитъ.

Тагноўтъ свѣтемъ на скушеноў,
Пакъ съ походни́ íтъ,
Наши́ хáсы съ пламенемъ веселúмъ
На цесту свúтитъ.

Види́шъ, якъ ты рокы плыноў:
Зна́емъ те тр̀идцетъ лѣтъ.....
Але, хлапче, яке́ то облуды
Види́мъ съ тобоў ѣтъ?»

VII.

Кдыжъ сме ѣли пр̀есъ Іглаву
Мѣлъ семъ Шпильбергъ въ мысли,
За Линцемъ засъ мышленкы на Куфштейнъ
Зъ главы ми не вышли.

Тепърва кдыжъ сме нехали
Куфштейнъ вправо ста́тъ,

Потому что всѣ они держали до тѣхъ поръ караулъ у дверей, дабы эта печальная сцена имѣла казенную декорацію.

VI.

Рожокъ трубитъ, колеса стучатъ, ѣдемъ къ Иглавѣ. Сзади, чтобы мы ничего не обронили, трясутся жандармы.

Боровская церковка стоитъ себѣ на вершинкѣ. Грустно глядѣла она на меня сквозь лѣса. «Ты ли это, мой молодчикъ?

Подо мною твоя колыбель, я видѣла, какъ тебя крестили, какъ ты прислуживалъ старому священнику, какъ ты прилежно учился;

Какъ ты побрелъ по свѣту за опытностью и потомъ пошелъ съ свѣточемъ, освѣщать веселымъ пламенемъ дорогу нашимъ племенамъ.

Видишь ли, какъ бѣгутъ года. Знаю тебя ужъ тридцать лѣтъ. Но скажи, молодчикъ, что это за уроды ѣдутъ съ тобою?»

VII.

Когда мы ѣхали черезъ Иглаву, у меня былъ въ мысли Шпильбергъ; а за Линцемъ не выходилъ у меня изъ головы Куфштейнъ

Только когда остался у насъ Куфштейнъ на право, альпійская

Зачла се ми альпейска́ краіна
Пр̆и́ємнѣйши́ зда́тъ.

страна начала казаться мнѣ пріятнѣе.

Глоўпа́ і́зда, милы́ браху,
Кдыжъ се не ви́ камъ:
Веселе́ те трубкы постильонôвъ
Соў єнъ би́дны́ кламъ.

Глупая ѣзда, любезный братецъ, когда не знаешь, куда ѣдешь. Эти веселые рожки почтальоновъ лишь плохая шутка.

Вшуде коломазъ а вшуде
Пр̆епр̆аговали:
Кдыбысте рачъ ве Ви́дни пр̆епр̆агли
А намазали!

Вездѣ смазка колесъ, вездѣ перепряжка. Лучше бы было вамъ въ Вѣнѣ перепрячь и смазать колеса.

Телеgрафъ є пр̆еце єномъ
Гезкы́ вына́лезъ:
Тенъ пр̆едъ нами вшуде нежъ сме пр̆ишли
Огла́шени́ несъ,

Телеграфъ, впрочемъ, прекрасная выдумка. Онъ повсюду передъ нами несъ объявленіе,

Бы на́мъ могла полицие,
Старостлива́ ма́ти,
Вшуде, др̆и́ве нежъ тамъ пр̆иѣдеме,
Камна розегр̆а́ти.

Чтобы полиція, попечительная мать, повсюду могла, до пріѣзда нашего, нагрѣвать каминъ.

Не сми́мъ але запоменоўтъ
Будейовице:
Тамъ Дедера коўпилъ Мєльницке́го
Чтыры лагвице.

Нельзя мнѣ, однако, забыть про Будеіовицы: тамъ Дедера купилъ четыре бутылки мельницкаго [1]):

Чили се въ немъ властенецке́
Гнулы мышле́нкы,
Чили доўфалъ, же то про мне буде
Лете на Чехы.

Заговорила ли въ немъ патріотическая мысль, или онъ надѣялся, что оно будетъ мнѣ Летою для Чехіи.

Мельницке́ семъ да́вно допилъ,
Пию власке́ засъ,
Але зда́ се, же є въ обоў стейны́
Непокойны́ квасъ.

Мельницкое я давно выпилъ, теперь пью итальянское, но кажется, что въ обоихъ бродитъ одинаковая безпокойная закваска.

VIII.

Тедь мѣси́чку! нехме елеgие,
А пр̆ейдѣме въ героицкы́ тонъ,

Ну, луна! оставимъ элегію и перейдемъ въ героическій тонъ,

---

[1]) Мельницкое вино почитается лучшимъ чешскимъ виномъ.

Небо цо ти хци тедь выправоватъ,
То былъ чертôвъ сгонъ.

потому что то, о чемъ хочу разсказывать, было чертовской ѣздою.

Цеста зъ Рейхенгаллу до Вайдрингу, —
Ты і мусишъ такé добрѣ знáтъ, —
Та се не дá жáдноў ордоннанцí
Прѣоктройоватъ.

Дорога отъ Рейхенгалля до Вайдринга, ты ее должна также знать хорошо: это такая дорога, что ея не передѣлаешь указомъ, какъ конституцію.

Голé скалы, огромнѣйшí єштє
Нежъ єстъ глоўпость мези нáроды,
Ведле цесты пропастъ безедна якъ
Държка армады.

Голыя скалы, еще огромнѣе, нежели глупость въ народахъ; вдоль дороги пропасть бездонная, какъ издержки на войско.

Темнá ноцъ, якъ наше сватá цúркевъ,
А мы ѣдемъ съ копце яко мжúкъ,
Дармо крúчí Дедера: «държь конє!» —
Прáздны є козлúкъ.

Ночь темная, какъ наша католическая церковь, а мы ѣдемъ съ горы какъ вѣтеръ, напрасно Дедера кричитъ: «держи лошадей!» на козлахъ нѣтъ никого.

Кочáръ прашти́ а конє ве вѣтру,
Іжъ є дябелъ горемъ падемъ несе,
А постильонъ нѣкде тамъ за копцемъ
До дымкы си крѣсе.

Слышенъ стукъ кареты и лошадей при свистѣ вѣтра; самъ дьяволъ мчитъ ихъ въ гору и подъ гору, а почтальонъ гдѣ-то за холмикомъ высѣкаетъ себѣ огонь для трубочки.

Долу яко съ вѣже цеста плиткá,
Вôзъ якъ шúпка клоўже гы! а гатъ!
Снадъ нáсъ годлá нѣкде до пропасти
Интернироватъ.

Дорога внизъ крута какъ лѣстница съ башни, карета скользитъ какъ кусокъ стекла, хипъ-хопъ, — какъ будто бы хотѣла насъ *интернировать* въ пропасти.

Ахъ, то была про мне хутнá хвилька,
Неботь не знáмъ жáдноў вѣтшí сластъ,
Нежли видѣтъ славноў полиции
Оўзкостí се трáстъ.

Ахъ, это была для меня пріятная минута, ибо я не знаю бóльшаго наслажденія, чѣмъ видѣть, какъ почтенная полиція трясется отъ страха.

Нападнулъ ми (семъ-ть я′ чтенáръ библе),

Мнѣ вспомнился (я вѣдь чтецъ Библіи) тотъ печальный случай,

Смутны́ пр̀ибѣгъ тенъ,
Якъ Іонаше къ утишени́ боур̀е,
зъ лодкы
Выгодили венъ.

«Метейме лосъ, прави́мъ: мези
на́ми
Муси́ нѣкдо велики́ гр̀и́шни́къ бы́тъ,
А тенъ къ усми́р̀ени́ небе муси́
Зъ возу выскочитъ!»

Єнъ то выр̀кну, ейгле, полицайти
Ани свѣдоми́ не спытовали,
А каіцнѣ, выразивше дви́р̀ка,
Зъ возу выска́кали.

Ахъ ты свѣте, обрацены́ свѣте!
Взго́ру ногами ве шкарпѣ лежи́
стра́жъ,
Але съ панемъ делинквентемъ са-
мы́мъ,
Клюше екипажъ!

Ахъ ты вла́до, пр̀евра́цена́ вла́до!
На́роды на шнурце водитъ хцешъ,
Але чтырми кони на опрати́хъ
Вла́дноўтъ не мо́жешъ!

Безъ кочи́го, безъ опрати, по тмѣ,
У сильнице пропасть ми́сто шкар-
пы,
Такъ семъ цва́лалъ са́мъ а са́мъ
въ коча́р̀е,
Якъ ви́тръ съ Альпы.

Свѣр̀ити сво́й осудъ таке́ єдноў
Коньо́мъ сплашены́мъ се я' мамъ
ба́тъ,
Я, обчанъ Ракоўски́? Цожъ се
ми мо́же
Горши́го іжъ ста́тъ?

когда Іону, для утишенія бури, выбросили вонъ изъ корабля.

«Бросимъ жребій, говорю: между нами кто-то долженъ быть великій грѣшникъ, и этотъ, для усмиренія неба, обязанъ выскочить изъ кареты».

Только вымолвилъ я это, глядь, полицейскіе даже не стали испытывать своей совѣсти, и кающіеся, отворивши дверцы, повыскакали изъ экипажа.

Ахъ ты свѣтъ, вывороченный свѣтъ! Вверхъ ногами, въ шарфахъ лежатъ стражники, а съ господиномъ преступникомъ однимъ ѣдетъ себѣ карета.

Ахъ ты Австрія! опрокинутая Австрія! ты хочешь вести народы на шнуркѣ и не можешь совладать съ четырьмя лошадьми на возжахъ.

Безъ кучера, безъ возжей, въ темнотѣ, съ пропастью подъ бокомъ вмѣсто шарфа, такъ мчался я съ Альпъ, какъ вѣтеръ, одинъ одинехонекъ.

Да чего же мнѣ бояться ввѣрить свою судьбу испуганнымъ лошадямъ, мнѣ, гражданину Австрійскому? развѣ можетъ со мною случиться что-нибудь хуже [1])?

---

[1]) Т. е., чѣмъ быть такимъ гражданиномъ.

Такъ семъ, хладноў ресидпаци въ главѣ,
Въ губѣ але вр̆елоу цидару,
Черствѣй нежъ цáръ рускы́ пр̆иѣлъ къ поштѣ
Въ добрéмъ розмару.

Такъ, съ холоднымъ равнодушіемъ въ головѣ, съ горящей сигарой во рту, пріѣхалъ я, скорѣе чѣмъ ѣздитъ русскій царь, на станцію въ пріятномъ расположеніи.

Тамъ семъ затúмъ, мустръ делинквентôвъ,
Безъ охраны повечер̆елъ гезкы,
Нежъ за миоў стражъ съ одр̆еныúми носы
Пр̆иклюсала пѣшкы.

Затѣмъ я, образецъ преступниковъ, прекрасно поужиналъ тамъ безъ охраненія, пока не приплелись за мною пѣшкомъ стражники съ ободранными носами.

Я спалъ добр̆е, али полицайти
Мѣли ту ноцъ ве Вайдрингу злоў,
Мазали си шпиритýсемъ зáда,
Носы арникоў.

Я спалъ хорошо, но для полицейскихъ эта ночь въ Вайдрингѣ была плоха: они мазали себѣ задъ спиртомъ, носы арникою.

Ту є конецъ тéто епопее,
Къ ни́жъ семъ не пр̆ибáспилъ ани хлупъ:
Вшехно вáмъ досвѣдчи́ ве Вайдрингу
Поштмистръ Дальрупъ.

Тутъ конецъ этой эпопеи: въ ней я не прибавилъ къ истинѣ ни волоска: все засвидѣтельствуетъ вамъ въ Вайдрингѣ почтмейстеръ Дальрупъ.

IX.

IX.

Пр̆иѣли сме до Бриксену
Безъ вши́ турбаци́,
Крайска́ влáда дала Дедерови
На мне квитáнци́.

Пріѣхали мы въ Бриксенъ безъ всякой помѣхи; окружное начальство дало Дедерѣ квитанцію во мнѣ.

Мúсто мне тенъ кусъ папúру
Врáтили до Чехъ,
Мне зде черны́ двойглаваты́ орелъ
Държи́ въ клепетехъ!

Вмѣсто меня этотъ клочекъ бумаги отослали въ Чехію, а меня здѣсь держитъ въ когтяхъ черный двуглавый орелъ.

Крайскоў влáду, подкрайскéго,
Жандармерии,
Ты ми дали за анделе стрáжце
Въ тé Сиберии.

Окружное начальство, помощника окружнаго, жандармерію, вотъ кого дали мнѣ ангелами хранителями въ этой Сибири.

XI.

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНОСТИ

И ПОЛЬСКАЯ ПАРТІЯ ВЪ АВСТРІИ.

XI.

Славянскія народности и польская партія въ Австріи.

Новый фазисъ въ борьбѣ Австрійскихъ Славянъ за свою народность. — Программа Австріи относительно Славянъ послѣ революціи 1848—49 гг. — Бахъ и нѣмецкая культура. — Безплодность усилій Австріи въ германизаціи Славянъ. — Императорскій дипломъ 20 октября 1860 г. — Партіи въ западно-славянскомъ мірѣ: ихъ цѣли и стремленія. — Историческое право — Идея федеративной перестройки Австріи и значеніе этой идеи въ Славянскомъ вопросѣ. — Отъ кого зависитъ разрѣшеніе Славянскаго вопроса? —

При внимательномъ взглядѣ на происходящее у Австрійскихъ Славянъ, всякій убѣдится, что общественные вопросы вступаютъ тамъ [1]) въ новый фазисъ.

Доселѣ вся дѣятельность этихъ Славянъ, Чеховъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словенцевъ, Русскихъ Галичанъ, сосредоточивалась въ одномъ: въ заявленіи своего народнаго бытія, въ утвержденіи правъ своей народности противъ стихій, ея не признававшихъ.

Эта работа началась, какъ извѣстно, въ наукѣ и литературѣ, и потомъ, мало-по-малу, перешла въ жизнь практическую. 1848 годъ обнаружилъ силу воскресшаго въ Австрійскихъ Славянахъ сознанія своей народности. Одни, какъ Хорваты, Сербы и Словаки, взялись за оружіе и составили полки и арміи, чтобы отражать Мадьяръ, отвергавшихъ ихъ народныя права, отрицавшихъ самое право ихъ на народное существованіе. Другіе, какъ Чехи, Иллирійскіе Словенцы и Русскіе Галичане посвятили всѣ свои общественныя силы, все вліяніе своихъ голосовъ на сеймахъ одной цѣли: охраненію себя отъ притязаній Нѣмцевъ и Поляковъ.

Одни только Поляки въ Краковѣ и Галиціи оставались чуждыми этому всеобщему движенію Австрійскихъ Славянъ. Имъ нечего было

---

[1]) Писано въ 1861 году.

въ немъ участвовать. Движеніе это имѣло, какъ сказано, единственною цѣлію—отстоять свою народность отъ тѣхъ стихій, которыя хотѣли поглотить Славянъ, какъ свое достояніе. Положеніе Австрійскихъ Поляковъ было совсѣмъ другое: опасность быть поглощенными Германіею стояла для нихъ на второмъ планѣ, а инымъ казалась и вовсе не существующею; на первомъ планѣ было притязаніе присвоить себѣ Русскую Галицію (не говоря о другихъ областяхъ), на основаніи идей, смѣшанныхъ изъ Западнаго либерализма и аристократическаго духа, точно также какъ Нѣмецъ-либералъ во Франкфуртскомъ парламентѣ присвоивалъ себѣ Чехію, Моравію и землю Иллирійскихъ Словенцевъ, точно также, какъ либералъ-Мадьяръ въ Пештскомъ сеймѣ не признавалъ въ предѣлахъ Венгерской короны ничего, кромѣ Мадьярской народности. Сходство положенія, сродство стремленій вызвало союзъ. Мадьярскій сеймъ отправилъ посольство къ Франкфуртскому парламенту, который принялъ представителя благородной націи Венгерской съ громомъ рукоплесканій и неоднократно выражалъ свое сочувствіе Мадьярамъ. Поляки, ссорясь съ Франкфуртскимъ парламентомъ и либеральною Германіею за Познань, въ дѣлахъ Австрійскихъ соглашались съ ними, помогали имъ, стояли на ихъ сторонѣ въ Австрійскихъ палатахъ. Такимъ образомъ Австрійскіе Славяне увидѣли противъ себя либеральную Германію, либеральныхъ Мадьяръ и либеральныхъ Поляковъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кому выгодно было отрицать народное бытіе того или другаго славянскаго племени, присвоивать ту или другую славянскую землю. Сочувствіе притязаніямъ и стремленіямъ Мадьяръ, совершенно сходнымъ съ ихъ собственными притязаніями и стремленіями, повлекло Дембинскаго и Бема, повлекло тысячи Польскихъ волонтеровъ въ ряды арміи, которая сражалась противъ Словацкаго легіона Гурбана, противъ Хорватовъ и Сербскихъ полковъ Елачича и Кничанина. Сочувствіе положенію русскихъ Галичанъ, которые терпѣли то же самое отъ Поляковъ и того же самаго отъ нихъ домогались, что̀ они терпѣли и чего они домагались отъ Нѣмцевъ и Мадьяръ, сдѣлало Чеховъ, Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, самыми горячими защитниками русскаго дѣла въ Галиціи, наполнило всю тогдашнюю ихъ журналистику самою жаркою полемикою противъ Поляковъ за права Русской народности.

Словомъ, Поляки одни не приняли въ 1848 году участія въ общемъ движеніи Австрійскихъ Славянъ; напротивъ того, они стояли въ станѣ ихъ враговъ, на сторонѣ Мадьяръ и либеральной Германіи.

Но остальная Польша, кромѣ Галиційской шляхты и заграничной эмиграціи, была въ то время безмолвна и не могла поддержать своихъ братій въ Австріи. Усилія ихъ не удались и имѣли только

одинъ результатъ: они выказали Австрійскимъ Славянамъ на дѣлѣ характеръ Польскихъ стремленій и удалили ихъ отъ Поляковъ.

Усилія всѣхъ прочихъ Австрійскихъ Славянъ удались въ одномъ: они дѣйствительно отстояли бытіе своихъ народностей. Чехи и Словенцы не дали себя поглотить собирателямъ Нѣмецкой земли, засѣдавшимъ во Франкфуртѣ; Хорваты, Сербы и Словаки не дали наложить на себя народность Мадьярскую, Русскіе Галичане не дали себя уничтожить Полякамъ.

Но для борьбы съ такими врагами, какъ Поляки, составляющіе въ Галиціи все шляхетское сословіе, какъ цѣлая либеральная Германія, какъ Мадьяры, располагавшіе 100-тысячною арміею,—Славяне, разбросанные по мѣстоположенію, разъединенные историческимъ развитіемъ и религіей, должны были схватиться за какой-нибудь общій центръ, за центръ уже готовый, имѣющій силу существующаго, признаннаго факта. Они схватились за Австрійскую династію, за Австрійскую монархію и поддержали и ту и другую.

Чехи, Словенцы, Хорваты, Сербы, Словаки, Русскіе Галичане отстояли свое народное бытіе отъ либеральной Германіи, отъ Мадьяръ, отъ Поляковъ; но въ пылу борьбы отдались совершенно въ руки Австрійскаго правительства и послѣ побѣды очутились въ полномъ ему подчиненіи.

Спасенной монархіи Австрійской предстояло два пути: или признать, какъ это было обѣщано, законное бытіе славянскихъ народностей, дать славянской стихіи въ общественномъ устройствѣ тотъ перевѣсъ, который она имѣетъ въ народонаселеніи имперіи, сдѣлаться, однимъ словомъ, федеративнымъ государствомъ съ преобладаніемъ славянскихъ народностей и оправдать такимъ образомъ надежды Славянъ; или же остаться, по прежнему, при владычествѣ нѣмецкаго меньшинства надъ массою непризнаваемыхъ въ своей народности Славянъ и другихъ, помощью Славянъ низложенныхъ племенъ. Первый путь черезъ-чуръ противорѣчилъ всѣмъ вѣковымъ преданіямъ Австрійскаго дома; избранъ былъ второй путь. Но чтобы оправдать до нѣкоторой степени въ собственныхъ глазахъ свой поступокъ съ Славянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти опору либеральной Германіи, разочарованной неудачею 1848 года и искавшей новаго выхода своимъ завоевательнымъ стремленіямъ, Австрія приняла на себя роль носительницы Нѣмецкой образованности, «deutsche Culturträgerin» на Востокѣ. Программа Франкфуртскаго парламента сдѣлалась, относительно Славянъ и другихъ не-нѣмецкихъ народовъ, программою Австріи, — и съ бо́льшимъ еще деспотизмомъ, нежели это дѣлалъ Франкфуртскій парламентъ, — принялся бывшій либералъ въ этомъ парламентѣ, ставши Австрійскимъ министромъ,

Бахъ, проводитъ безпощадный уровень нѣмецкой «культуры» надъ всѣми народностями имперіи, а преимущественно надъ Славянами.

Снова пришлось всѣмъ Славянскимъ племенамъ Австріи, Чехамъ, Словенцамъ, Хорватамъ, Сербамъ, Словакамъ, Русскимъ Галичанамъ, отстаивать свое народное бытіе, уже не подъ знаменемъ Австрійскимъ, а противъ Австріи, въ союзѣ съ Мадьярами, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ Поляками (хотя въ Галиціи Поляки не отказывались отъ своихъ притязаній на Русскую землю и даже пользовались содѣйствіемъ Австрійскаго правительства для подавленія тамъ Русской народности [1]). Десять лѣтъ слишкомъ длилась эта борьба Славянъ противъ германизирующей Австріи, борьба скрытая, безъ шума и блестящихъ подвиговъ, но ежечасная, повсемѣстная.— Австрія была побѣждена не какимъ-нибудь однимъ проиграннымъ дѣломъ, а безплодностью своихъ десятилѣтнихъ усилій, разстройствомъ своихъ финансовъ, всеобщимъ озлобленіемъ народовъ, ихъ радостью при ея пораженіяхъ въ Италіи. Она бросила свою роль «носительницы Нѣмецкой культуры» и 20 Октября 1860 г. провозгласила снова политическую равноправность всѣхъ народностей, призвала ихъ къ законному участію въ общественной жизни.

Съ этого времени славянскій вопросъ въ Австріи, какъ мы сказали въ началѣ нашей статьи, вступаетъ въ новый фазисъ, и является гораздо болѣе сложнымъ, нежели онъ былъ прежде, когда вся дѣятельность Славянъ сосредоточивалась просто въ заявленіи и оборонѣ своего народнаго бытія. На прежней точкѣ стоятъ уже только слабѣйшія славянскія народности въ Австріи, которымъ грозитъ еще опасность быть не признанными и поглощенными, какъ Словенцы въ Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Истріи, тѣснимые Нѣмцами и Итальянцами, Словаки и Сербы, подавляемые Мадьярами, Русскіе въ восточной Венгріи, которыхъ попираютъ тѣ же Мадьяры, Русскіе въ Галиціи, которыхъ попираютъ Поляки. Другія славянскія народности въ Австріи, Чехи, Хорваты, Поляки, въ настоящее время обезпечены отъ опасности быть уничтоженными; ихъ бытіе признано и Нѣмцами и Мадьярами. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончился для нихъ фазисъ простаго сопротивленія чужимъ элементамъ, простой защиты своего бытія. Наступили новыя требованія: оборонительнаго положенія недостаточно, надобно двинуться впередъ, но по какому пути? Избрать путь — вотъ трудная задача, которую должны разрѣшить себѣ эти

[1]) Извѣстны, между прочимъ, мѣры, которыя приняты были въ то время губернаторомъ Галиціи, Полякомъ, графомъ Голуховскимъ, для уничтоженія между Русскими Галичанами употребленія русскихъ и церковно-славянскихъ письменъ, и замѣны ихъ латинскими: эта попытка была общимъ дѣломъ Польской шляхты и Австрійской бюрократіи въ Галиціи.

Славяне въ настоящее время, — причина ихъ недоумѣній, ихъ колебаній, запутанности ихъ дѣйствій.

У нихъ, сколько мы могли замѣтить, обозначались двѣ партіи; одну мы назовемъ федеративно-австрійскою, другую — партіею историческаго права или польскою.

Федералисты видятъ, что славянскія племена Австріи, по своей разрозненности и по множеству чужихъ стихій, которыя повсюду парализируютъ ихъ силы, нигдѣ не могутъ, своими собственными средствами, создать себѣ удовлетворительное политическое положеніе. Поэтому они возобновляютъ мысль, родившуюся въ 1848 г.,— общими силами преобразовать Австрію и сдѣлать изъ нея федерацію равноправныхъ народностей, между которыми Славянская, по своему численному перевѣсу, непремѣнно получила бы первенство. Въ 1848 г. эта идея руководила всѣми вождями славянскаго движенія; теперь она болѣе принадлежитъ консерваторамъ, особенно у Чеховъ. Безпрестанно выражаютъ они ее въ разныхъ формахъ. Такъ, напримѣръ, мы читали въ Чешской газетѣ «Часъ», по поводу Венгерскаго вопроса: «Намъ Славянамъ воистину можно повѣрить, когда мы стараемся о мирномъ разрѣшеніи Венгерскаго дѣла, что мы дѣйствуемъ не изъ какихъ-нибудь постороннихъ побужденій. У насъ нѣтъ въ запасѣ какого-нибудь Grossdeutschland [1]), и наше единственное пристанище — Австрія. Въ ней единственно можемъ мы, не только сохранить себя, но и развиваться, и потому съ нашимъ народнымъ существованіемъ отождествилось изреченіе нашего Палацкаго: «Еслибы Австріи не было, мы должны бы были создать ее себѣ». Насъ нельзя упрекать въ томъ, что мы изъ любви къ Мадьярамъ неутомимо стараемся о мирномъ разрѣшеніи Венгерскаго вопроса, ибо нѣтъ причины, чтобы мы держали сторону Мадьяръ, отъ которыхъ Славяне еще ничего хорошаго не видали, и еслибы дѣло зависѣло отъ однихъ Мадьяръ, то и впредь никогда бы не увидѣли. Если мы при всемъ томъ хлопочемъ о мирномъ соглашеніи, то мы дѣлаемъ это, по истинѣ, не для пользы Мадьяръ, чтобы поддерживать ихъ притязанія: мы дѣлаемъ это для пользы Австріи, съ благосостояніемъ которой тѣсно связано наше собственное благосостояніе, не только какъ гражданъ, но и какъ народности».

Точно также судятъ и Хорваты, за исключеніемъ той анти-славянской партіи у нихъ (особенно между аристократіей), которая мадьярскимъ аристократическимъ идеямъ готова жертовать своею собственною народностью. Народная же партія стоитъ тоже за федеративную

---

[1]) Т. е. всеобщей, великой Нѣмецкой имперіи, къ которой думаютъ присоединиться Австрійскіе Нѣмцы-либералы, въ случаѣ, еслибы они принуждены были отказаться отъ Венгріи.

Австрію. Она разсуждаетъ такъ: «Если Венгрія отдѣлится отъ Австріи или сохранитъ съ нею связь только династическую, съ своими собственными министерствами, своими финансами, своею арміею, то мы погибли. Намъ невозможно будетъ остаться независимыми отъ Венгріи, и еслибы даже Мадьяры согласились признать за нами внутреннее самоуправленіе, это ни къ чему бы не послужило. Завися отъ Пешта, мы были бы совершенно въ ихъ рукахъ, они бы насъ поглотили. Но мы также мало хотимъ быть подъ властію Нѣмецкой централизаціи, какъ подъ властію централизаціи Мадьярской; намъ нужна Австрія, но Австрія федеративная».

Эта славянская федералистическая партія, поддерживающая Австрію, не есть, нужно замѣтить, партія правительственная. Правительство Австрійское въ настоящее время слѣдуетъ преимущественно идеямъ нѣмецко-централизаціонной конституціи. Оттого-то такая полемика между либеральными Славянами-федералистами, поддерживающими Австрію, и либеральными же Австрійскими правительственными органами, понимающими Австрію въ другомъ, нѣмецкомъ смыслѣ.

Ближе къ правительству, хотя тоже на почвѣ федерализма, стоятъ тѣ Славяне, которымъ приходится еще, какъ мы сказали, отстаивать свое народное бытіе—Словаки, Русскіе въ Галиціи, Сербы (въ бывшей Воеводинѣ) и др. Они также желаютъ перерожденья Австріи въ федеративное, по преимуществу славянское государство; но это перерожденіе Австріи, какъ дѣло будущаго, стоитъ у нихъ на второмъ планѣ; настоящее же, исполненное опасностей для самаго существованія ихъ народностей, требуетъ союза съ Австрійскимъ правительствомъ, какое бы оно ни было. Оттого мы видимъ, что съ уменьшеніемъ опасности отъ чужихъ стихій, эти Славяне приближаются къ федералистической оппозиціи; съ увеличеніемъ опасности, дѣлаются безусловными поборниками правительства, какъ, напримѣръ, Русскіе депутаты изъ Галиціи, которые недавно, въ засѣданіяхъ Австрійскаго *рейхсрата*, давали единодушно свои голоса Нѣмецкой правительственной сторонѣ противъ общей федералистической оппозиціи всѣхъ другихъ Славянъ, и такимъ образомъ доставили первой большинство—потому только, что въ рядахъ оппозиціи видѣли Польскихъ депутатовъ, съ прежнимъ упорствомъ отрицающихъ, даже нынѣ, права Русской народности въ Галиціи.

Эти Славяне сознаютъ сами, куда это ведетъ, но иначе дѣйствовать они не могутъ. Они жертвуютъ надеждами на политическую свободу въ настоящемъ, сохраненію, для будущаго, своего народнаго бытія. Что можетъ быть, въ этомъ смыслѣ, выразительнѣе слѣдующихъ строкъ, которыя мы выписываемъ изъ одной передовой статьи органа Словаковъ, «Пештъ-Будимскихъ Вѣдомостей за 1861 годъ»:

«Прошелъ уже годъ, какъ изданъ императорскій дипломъ 20 Октября. Къ этой грамотѣ обращалъ свои взоры каждый изъ народовъ Австріи, какъ къ древу жизни, надѣясь тотчасъ, какъ только вкуситъ его плода, излѣчить болѣзни, порожденныя 12-лѣтнимъ деспотизмомъ. Вскорѣ однако оказалось, что только нѣкоторые народы, какъ-то Нѣмцы и Мадьяры, были призваны и избраны подѣлить между собою сокровища Октябрскаго диплома, а другимъ суждено было—тщетно взывать: «дайте и намъ того, что̀ тамъ обѣщано и что̀ принадлежитъ намъ по праву!»—и отойти съ пустыми руками... Между всѣми народами Австрійской монархіи, намъ, Сѣверославянамъ (т. е. Словакамъ) достался самый худшій удѣлъ. Правда, Вѣнское правительство выпустило насъ изъ подъ ферулы Нѣмецкаго абсолютизма, но отдало насъ въ руки Мадьярскихъ конституціонныхъ пашей, и мы попали изъ огня въ полымя. Назначивъ во всѣ комитаты великихъ жупановъ, изъ числа лицъ, извѣстныхъ своею мадьяроманіею, правительство посадило намъ, Сѣверославянамъ (Словакамъ), на шею столько пашей, сколько комитатовъ въ нашей землѣ. — Тотъ полководецъ самый лучшій, который умѣетъ, не вынимая меча, уничтожить непріятеля имъ же самимъ. Правительство хорошо поняло эту тактику, назначивъ такихъ великихъ жупановъ, которые съ выбранными, или лучше сказать, назначенными каждымъ изъ нихъ конгрегаціями, сами бросаются въ сѣти деспотизма и тащатъ туда, какъ Мадьярскій, такъ и другіе народы. Эти всемогущіе господа, за которыми слѣдуетъ ослѣпленный, но впрочемъ благородный народъ Мадьярскій, приведутъ, или вѣрнѣе, привели уже насъ, Словаковъ, и другія угнетенныя народности, къ тому, что мы будемъ искать помощи, гдѣ и какъ знаемъ, и что, какъ мы, такъ и они, найдемъ себѣ только гробъ политической свободы и самостоятельности. Мадьяры, по собственной своей винѣ, проиграютъ не только то, что̀ имѣютъ, но и то, что̀ могли бы имѣть еще. Мы, напротивъ, выиграемъ, вотъ почему: мы выиграемъ именно тѣмъ, что Мадьяры будутъ въ проигрышѣ, и что они снова лѣтъ двѣнадцать будутъ вмѣстѣ съ нами степать подъ наспіемъ, ими самими накликаннымъ, и такимъ образомъ либо погибнутъ, либо научатся уважать право и правду».

Перейдемъ отъ этихъ Славянъ, стоящихъ еще въ прежнемъ оборонительномъ положеніи, къ противоположной партіи, къ партіи крайняго движенія, которую мы назвали партіею историческаго права или польскою. Она могла, пока, проявиться только у Чеховъ и можетъ быть, отчасти, у Хорватовъ (хотя послѣднимъ антагонизмъ съ Мадьярами мѣшаетъ смѣло вступить на почву историческаго права, на которой стоятъ сами Мадьяры). Извѣстно, что̀ такое историческое право, какъ его понимаютъ Мадьяры и Поляки, и какъ начи-

наетъ понимать его одна партія у Чеховъ: по ихъ понятіямъ, исторія создала для избраннаго ею народа право господства надъ извѣстнымъ пространствомъ земель, которыя когда-либо подпадали подъ его владычество. Таково основаніе, на которомъ «избранный судьбою», «благородный», «просвѣтительный» народъ Мадьярскій отыскиваетъ исключительнаго господства не только надъ своею собственною Мадьярскою землею, но и надъ всѣми Славянскими народами, которые принадлежали нѣкогда къ коронѣ св. Стефана. Таково основаніе, на которомъ «избранный судьбою», «благородный», «просвѣтительный» народъ Польскій отыскиваетъ исключительнаго господства не только надъ страною, населенною Польскимъ племенемъ, но и надъ всѣмъ пространствомъ Русскихъ и Литовскихъ земель, когда-либо состоявшихъ подъ владычествомъ Польши. Чехи также вспомнили свою исторію, свидѣтельствующую о прежней обширности ихъ государства, которое обнимало не только Чехію и Моравію, но и Силезію. Возсоздать это государство собственными силами нѣтъ никакой надежды; но нельзя ли бы возстановить древнюю «корону» Чешскую въ союзѣ съ возстановленною «короною» Венгерскою, съ возстановленною въ ея историческихъ предѣлахъ Польшею? Эта мысль представилась Чехамъ и, сколько можно судить, овладѣла умами нѣкоторыхъ передовыхъ ихъ дѣятелей. По крайней мѣрѣ замѣтна въ этихъ дѣятеляхъ какая-то небывалая прежде благосклонность къ притязаніямъ Мадьяръ и снисходительность къ нимъ, даже когда эти притязанія нарушаютъ право Славянскихъ народностей въ Венгріи, и очевидна несомнѣнная благосклонность къ притязаніямъ Поляковъ. Они, которые прежде такъ жарко ратовали противъ Поляковъ за право Русской народности въ Галиціи, теперь какъ бы игнорируютъ Русскую народность не только въ Галиціи, но и во всѣхъ областяхъ, на которыя простираются Польскія притязанія [1]).

Народы, основывающіе свое дѣло только на историческомъ правѣ, не могутъ имѣть удачи. Историческое право можетъ быть полезнымъ политическимъ орудіемъ для противоборства такому правительству, какъ Австрійское, которое существуетъ только въ силу историческаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ его безпрестанно нарушаетъ. Но никакая народность не можетъ безнаказанно провозглашать историческое право своимъ руководящимъ началомъ въ отношеніи къ другимъ племенамъ. Въ этомъ смыслѣ, историческое право заключаетъ

---

[1]) Такъ было въ 1861 г., когда писана настоящая статья. Неудача Польскаго возстанія въ 1863—4 гг. охладила, образъ дѣйствій Мадьяръ и Поляковъ въ отношеніи къ Австрійскимъ и Турецкимъ Славянамъ въ 1866—7 гг. совершенно разорвалъ эту дружбу къ нимъ Чеховъ.

въ себѣ ложь и раздоръ: оно есть самоубійство для народа. Каждая народность имѣетъ равныя права на существованіе въ своихъ предѣлахъ и на безпрепятственное развитіе; это прямо истекаетъ изъ самаго права человѣческой личности, и какъ это право не мѣшаетъ людямъ разниться другъ отъ друга способностями, силою, случайнымъ счастіемъ, богатствомъ, такъ и равноправность народностей оставляетъ между ними различіе, происходящее отъ матеріальной и нравственной силы, отъ дарованій, отъ выгодъ положенія, отъ количества накопившагося умственнаго и вещественнаго капитала и т. д. Но что такое значитъ, между всѣми этими условіями, рѣшающими взаимныя отношенія народностей, историческое право? и по какому мѣрилу судить объ историческомъ правѣ одного, объ историческомъ безправіи другаго, когда исторія, въ вѣчномъ своемъ движеніи, постоянно низвергаетъ старое право, коль скоро оно отжило, и создаетъ новое, коль скоро оно предъявляетъ живыя начала? Поляки имѣютъ притязанія на западныя русскія области и на Галицію, Мадьяры на славянскія и другія земли, принадлежавшія коронѣ св. Стефана, на томъ основаніи, что они ими нѣкогда владѣли: но было время, когда первыя входили въ составъ Русскаго государства; было время, когда вся нынѣшняя Венгрія принадлежала Славянамъ. Или новѣйшее право Поляковъ и Мадьяръ уничтожило древнѣйшее право Русскихъ на Западную Русь, Славянъ на Венгрію? Если новѣйшее право устраняетъ древнѣйшее, то почему же должно дѣйствовать *это* новѣйшее право, а не другое, еще новѣйшее? Если, напримѣръ, Мадьяры оправдываютъ свои притязанія на господство надъ славянскими землями тѣмъ, что завоевали ихъ въ 900 году, то отчего же бы Австріи не оправдывать своего господства надъ самими Мадьярами тѣмъ, что завоевала ихъ въ 1849-мъ? Очевидно, что не этотъ принципъ можетъ рѣшать взаимныя отношенія народовъ. Онъ не только заключаетъ въ себѣ свое собственное отрицаніе, онъ противенъ всѣмъ жизненнымъ началамъ настоящаго міра, онъ требуетъ возвращенія къ средневѣковымъ началамъ. Въ ученіи историческаго права международныя отношенія опредѣляются не народностью самого народа, а господствующей надъ ними аристократіи. Въ Полякѣ, а также въ Мадьярѣ, живъ до сихъ поръ шляхтичъ среднихъ вѣковъ: дворянство въ Литвѣ, въ Западной Руси, въ Галиціи—польское, стало быть эти земли принадлежатъ Польшѣ! дворянство въ краѣ Словаковъ и Карпаторусовъ, въ Сербской воеводинѣ, въ Хорватіи и Славоніи, исключительно или отчасти мадьярское, стало быть эти земли принадлежатъ Мадьярамъ! Перенесите этотъ принципъ изъ области отношеній международныхъ въ сферу отношеній гражданскихъ, и вы прямо придете къ праву человѣка надъ человѣкомъ, шляхтича надъ холопомъ.

Оттого-то, чтобы прикрыть эту радикальную ложь своего принципа, чтобы снискать сочувствіе либеральнаго Запада къ ихъ «либеральнымъ» стремленіямъ и, можетъ быть даже, чтобы заглушить въ самихъ себѣ внутреннее противорѣчіе правды, эти люди выдумываютъ и пускаютъ въ свѣтъ самыя дикія теоріи, самую наглую историческую фальшь. Вы читаете, напримѣръ, что народъ Польскій или Мадьярскій—это особенный избранникъ Провидѣнія, особенный сосудъ благодати Божіей, предопредѣленный быть борцомъ противъ варварскаго, Русскаго и Славянскаго міра, и сдѣлаться его просвѣтителемъ; Польша и Мадьяры—это искупители народовъ, «о ихъ же ризѣ меташа жребій», и которыхъ воскресеніе возродитъ и спасетъ все человѣчество. Это́ еще самыя умѣренныя изъ теорій Польскихъ и Мадьярскихъ. Но и такія теоріи не могутъ еще достаточно оправдать притязаній на владычество Поляковъ надъ Русскими землями, Мадьяръ надъ Славянами. Тутъ-то хватаются они за историческую ложь и утверждаютъ передъ лицомъ Европы, напримѣръ, что орда Мадьяръ-завоевателей, которыхъ современники рисуютъ самыми звѣрскими, самыми кровожадными разбойниками, принесли съ собою Славянамъ принципы свободы и равенства; они утверждаютъ, что унія церковная совершилась также непринужденно и была благодѣяніемъ для народа. Но этого все еще мало; они идутъ далѣе; они утверждаютъ, что Русской народности вовсе нѣтъ на свѣтѣ, что древняя Кіевская и Новгородская Русь—это была Польша, что «Слово о Полку Игоревѣ» и «Русская Правда» писаны по-польски, что нынѣшнее Южно-Русское племя—тѣ же Поляки, а Великорусское племя, «Москали» – смѣсь Финновъ съ Татарами и вовсе не Славяне, что «Екатерина II указомъ предписала Москалямъ именоваться Русскими», что «Шафарикъ и Карамзинъ согласно доказали, что Русскій языкъ не чисто Славянскій» [1]) и т. д.

Ложь порождаетъ ложь. Чтобы прикрыть ложь принципа историческаго права, берется историческая фальшь, превышающая размѣръ всякой виданной лжи человѣческой.

Дѣло, прибѣгающее къ такимъ средствамъ, обличаетъ свою несостоятельность и можетъ временно успѣвать только тогда, когда встрѣчаетъ передъ собою другую ложь или мракъ, а не свѣтъ и правду.

Мы глубоко скорбимъ о народахъ, которые имѣютъ несчастіе осно-

---

[1]) Нельзя повѣрить, что есть люди, которые не смущаясь произносятъ такую ложь; но все это дѣйствительно находится въ печатныхъ сочиненіяхъ Поляковъ; а Поляки все-таки хоть что-нибудь должны знать про Русскій народъ и языкъ, про Русскую исторію, про Шафарика и Карамзина: извинить у нихъ подобныя вещи невѣжествомъ невозможно, какъ мы извинили бы ихъ, пожалуй, еслибы онѣ написаны были Китайскими или Бразильскими публицистами.

вывать свою дѣятельность на историческомъ правѣ. Ложь его извращаетъ и отравляетъ всѣ стороны ихъ жизни, убиваетъ въ нихъ умственную свободу и чувство правды. Мало того: эта ложь властолюбиваго шляхетства, прикрывающагося личиною либерализма, словами «свобода и братство», являѣтся столь ненавистною народамъ, которыхъ оно хочетъ подчинить себѣ, что эти народы готовы отдать все, лишь бы только избавиться отъ такого господства. Разительные примѣры тому передъ нашими глазами: Русскіе Галичане подаютъ свои голоса въ пользу нѣмецкой централизаціонной партіи, чтобы не сдѣлаться жертвою польскихъ притязаній; Словаки объявляютъ, что они предпочитаютъ возстановленіе полновластія Австрійской бюрократіи владычеству мадьярскаго либерализма. Словомъ, народы, стоящіе на гибельной почвѣ историческаго права, убиваютъ себя самихъ, и внутреннею ложью своего принципа и отчаяннымъ противодѣйствіемъ, которое они вызываютъ въ другихъ народахъ.

Жаль бы было Чеховъ, еслибы они поддались искушенію этого блестящаго для народнаго самолюбія, но смертоноснаго принципа. Они поставили бы себя въ безъисходный антагонизмъ съ цѣлою Германіею, которая можетъ и должна признать равноправность Чешской народности съ Нѣмецкой, но ни въ какомъ случаѣ не согласится уступить Чехамъ исключительное господство въ земляхъ древней ихъ короны, наполненныхъ теперь Нѣмецкимъ элементомъ. Но этого мало. Чехи утратили бы сами пониманіе чистыхъ славянскихъ, противныхъ всякому аристократическому преимуществу, началъ, которымъ они обязаны тѣмъ, что возрожденіе Чешской народности, — недавно еще мечта немногихъ мыслителей, — осуществилось нынѣ въ жизни нѣсколькихъ милліоновъ людей; они утратили бы чувство славянскаго братства, которое снискало имъ сочувствіе и нравственную поддержку всѣхъ славянскихъ племенъ. И какой страшный грѣхъ противъ славянскаго дѣла берутъ они на себя, помышляя только о возможности нарушенія цѣлости и нераздѣльности Россіи,—этой единственной живой опоры славянскаго міра, этой единственной хранительницы славянскихъ началъ,—Россіи, безъ которой славянскія племена были бы на востокѣ Европы тѣмъ, чѣмъ Кельты на западѣ, матеріаломъ послужившимъ къ образованію другихъ народовъ и уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ въ жалкихъ обломкахъ. Намъ тяжело говорить такъ ученикамъ Шафарика, Челяковскаго и Ганки, этихъ великихъ дѣятелей славянскихъ, которые любили горячо Россію, какъ единственную надежду славянскихъ народовъ, которые дорожили ея благомъ и ея величіемъ, какъ величіемъ и благомъ всего Славянства. Предъявляя притязанія на область древней короны Чешской и принужденные для этого, по принципу, потакать самымъ ложнымъ, самымъ исключительнымъ при-

тизаніямъ Польскимъ и Мадьярскимъ, Чехи ставятъ себя въ антагонизмъ и съ Германіею, которая сильнѣе ихъ, и со всѣмъ остальнымъ славянскимъ міромъ, который одинъ можетъ поддержать ихъ противъ Германіи: они сами налагаютъ на себя руку.

Къ несчастію, и на другомъ пути, на которомъ стоятъ Австрійскіе Славяне, на пути федеративномъ, мы не можемъ ожидать для нихъ успѣха. Но этотъ путь по крайней мѣрѣ не развратитъ ихъ и не погубитъ внутреннею ложью; не касаясь самыхъ началъ народной жизни Славянъ, идея федеративной перестройки Австріи можетъ повести ихъ къ политической неудачѣ, какъ было уже въ 1848 году, но будущаго ничѣмъ не связываетъ. Что дѣйствительно политическая неудача снова ожидаетъ Славянъ, что въ Австріи восторжествуетъ начало нѣмецко-централизаціонное, это можно предвидѣть, если дѣла пойдутъ такъ, какъ они шли до сихъ поръ, и въ разрѣшеніи ихъ не вмѣшаются какія-нибудь постороннія стихіи. Конечно, Славянъ въ Австріи болѣе 15 милліоновъ, противъ 17 милліоновъ, раздѣленныхъ между четырьмя антипатичными другъ другу народностями, Нѣмцами и Итальянцами, Мадьярами и Румынами. Но мы видѣли, какъ различно политическое направленіе этихъ 15 милліоновъ Славянъ; федералисты, Чехи и Хорваты, стоятъ тутъ между Поляками и другими поборниками историческаго права, — и Словаками, Русскими, Сербами, которые, чтобы не сдѣлаться жертвою историческаго права, готовы на безусловный союзъ съ Нѣмецкимъ централизаціоннымъ правительствомъ. Какъ же этому правительству, имѣющему при томъ на своей сторонѣ силу существующей государственной организаціи, не воцариться снова надъ этимъ хаосомъ народностей, — если, повторяемъ, не вмѣшаются какія-нибудь непредвидимыя постороннія обстоятельства?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное движеніе принесетъ Австрійскимъ Славянамъ огромную пользу тѣмъ, что укрѣпитъ, распространитъ и разовьетъ въ нихъ народное сознаніе. Но положеніе ихъ неутѣшительно, и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое, отрадное будущее еще далеко. Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только одно: будущее Славянскаго міра неразрѣшимо внѣ участія Русскаго народа.

С.-Петербургъ.
31 Окт. 1861 г.

XII.

ВЗГЛЯДЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ НА РОССІЮ.

XII.

Взглядъ западныхъ Славянъ на Россію.

«Пештъ-Будимскія Вѣдомости» и вопросъ объ участіи Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. — Опасенія Западныхъ Славянъ компрометироваться сужденіями о Русскомъ народѣ. — Положеніе общественныхъ стихій въ западно-славянскомъ мірѣ и отличіе отъ него Южныхъ Славянъ. — Взглядъ Западныхъ Славянъ на государственную сторону Россіи. — Невниманіе Славянъ къ народному элементу Россіи. — Понятія Австрійскихъ Славянъ о «славянофилахъ.» — Общественныя начала славянскаго міра и Русскій народъ. — Мицкевичъ и его изображеніе Русскаго народа.

Я хочу говорить о предметѣ довольно важномъ — о взглядѣ Славянъ на Россію, — по самому пустому и ничтожному поводу. Поводъ этотъ — нѣсколько словъ, мною сказанныхъ въ статьѣ «Славянскія народности и Польская партія въ Австріи», которымъ выходящая въ Пештѣ Словацкая газета «Пештъ-Будимскія Вѣдомости» придала, въ переводѣ статьи моей, совсѣмъ другой оборотъ и другой смыслъ. Мнѣ показалось, что въ этой маленькой неточности «Пештъ-Будимскихъ Вѣдомостей» отразилось непреднамѣренно, безъ всякаго желанія редакціи исказить мои слова, господствующее у Австрійскихъ Славянъ общее настроеніе мыслей относительно Россіи, и объ этомъ-то настроеніи захотѣлось мнѣ дать отчетъ.

Но какую-же фразу измѣнили «Пештъ-Будимскія Вѣдомости» такъ, что это могло навести на разсужденіе объ общемъ вопросѣ?

Послѣднія строки моей статьи были слѣдующія:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное движеніе принесетъ Австрійскимъ Славянамъ огромную пользу тѣмъ, что укрѣпитъ, распространитъ и разовьетъ въ нихъ народное сознаніе. Но положеніе ихъ неутѣшительно, и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое, отрадное будущее еще далеко. Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только одно: *будущее Славянскаго міра неразрывимо внѣ участія Русскаго народа*».

Начало фразы, какъ и вообще вся статья, переведено въ Пештъ-

Будимскихъ Вѣдомостяхъ» совершенно вѣрно; но вотъ какъ передѣланы послѣднія слова: «Положеніе Славянъ неутѣшительно, — сказано въ переводѣ, — «и имъ предстоитъ еще много обманутыхъ надеждъ, много тяжелыхъ испытаній; свѣтлое будущее еще далеко. Когда же настанетъ оно? Не знаемъ; мы знаемъ только, что *Славянскіе народы можетъ спасти лишь Славянская политика*».

Въ заключительной фразѣ моей статьи было сказано, во-первыхъ, о необходимости и неизбѣжности участія Русскаго народа въ будущей судьбѣ Славянскаго міра: переводчикъ или редакторъ «Пештъ-Будимскихъ Вѣдомостей» не захотѣлъ, чтобы тутъ было упомянуто о Русскомъ народѣ. Во-вторыхъ, у меня въ этой фразѣ говорилось о народѣ Русскомъ, а не о Россіи какъ государствѣ; считая настоящее положеніе западныхъ Славянъ безвыходнымъ, пока они будутъ ограничиваться самими собою, я выражалъ мнѣніе, что исходъ ихъ дѣла зависѣть будетъ отъ участія нашего отечества, и именно отъ участія народа, т. е. общественныхъ и нравственныхъ силъ земли нашей; мнѣ и на умъ не приходило какое нибудь государственное вмѣшательство, а тотъ, кто поправлялъ мои слова, заставилъ меня говорить о политикѣ: онъ перенесъ мою мысль изъ сферы общественной въ сферу государственную.

Я увѣренъ, что такое измѣненіе сдѣлано въ моей статьѣ «Пештъ-Будимскими Вѣдомостями» безъ всякой внѣшней понудительной причины, т. е. помимо всякихъ цензурныхъ побужденій: ибо теперешнее положеніе печати въ Австріи не можетъ требовать подобной осторожности въ выраженіяхъ.

Что же заставляло Словацкую газету исключить изъ статьи мысль о необходимости участія Русскаго народа въ разрѣшеніи Славянскаго вопроса? Что заставляло ее заговорить о политикѣ, когда у меня говорилось о дѣлѣ общественномъ? Въ этомъ-то именно, кажется мнѣ, и отразилось то общее настроеніе Западныхъ Славянъ относительно Россіи, о которомъ хочу повести рѣчь. Я упомянулъ о томъ, что сдѣлала съ мыслью, выраженною въ моей статьѣ, Словацкая газета, только для того, чтобы отъ этого частнаго случая перейти къ общему явленію.

Останавливаясь же на немъ, невольно спрашиваю: не находится ли во всемъ, что говорится западными Славянами въ ихъ общественныхъ собраніяхъ, во всемъ, что ими пишется, очевидное опасеніе «компрометироваться» какимъ нибудь словомъ о Русскомъ народѣ,— компрометироваться, разумѣется, не передъ Австрійскимъ правительствомъ, въ отношеніи къ которому они ужъ не такъ-то осторожны,— а передъ своимъ же общественнымъ мнѣніемъ? Далѣе, не замѣчается ли также, что все вниманіе ихъ устремлено на вопросы государ-

ственные, на *политику* внутреннюю и внѣшнюю, а вопросы о началахъ *общественныхъ* для нихъ какъ будто не существуютъ?

Изъ этихъ двухъ явленій послѣднее, по моему мнѣнію, есть существенное, основное, и первое изъ него проистекаетъ, какъ естественное послѣдствіе.

Западные Славяне [1]) тѣмъ глубоко отличаются отъ насъ, что ихъ дѣятельность сосредоточена исключительно въ сферѣ внѣшнихъ, государственныхъ отношеній. Трудно полагать, что бы могло быть иначе въ настоящее время. Исторія совершенно подчинила ихъ господству общественныхъ началъ Запада; всѣ общественныя стихіи славянскія у нихъ стерты; Славянинъ въ Чехіи, въ Моравіи, въ Штиріи и Каринтіи разнится, въ настоящее время, отъ своего сосѣда Нѣмца, въ землѣ Словаковъ отъ Мадьяра, только — съ одной стороны признаками внѣшними, т. е. языкомъ, костюмомъ, обычаями, съ другой стороны свойствами личными, т. е. особенностями своего характера; но въ жизни общественной онъ совершенно отождествился съ Нѣмцемъ или Мадьяромъ, онъ стоитъ вполнѣ на общественной почвѣ Запада; его понятія о государствѣ и государственной власти, о конституціи, его сословныя отношенія съ преобладаніемъ въ настоящее время класса бюргеровъ (которому у насъ нѣтъ и соотвѣтствующаго слова), его взглядъ на землевладѣніе, наконецъ его религіозное направленіе,— все это ни чѣмъ не отличается отъ взглядовъ и отношеній нѣмецкихъ и мадъярскихъ, все это — принятое отъ Западнаго міра [2]). Между тѣмъ, въ славянскихъ земляхъ Австріи еще не развились причины, которыя въ болѣе населенныхъ и промышленныхъ, болѣе обремененныхъ пролетаріатомъ странахъ Запада, ближе къ Атлантическому

---

[1]) Подъ этимъ именемъ я, въ настоящей статьѣ, разумѣю только западныхъ Славянъ *Австрійскихъ*, т. е. преимущественно Чеховъ, Моравцевъ и Словаковъ, хотя многое, что здѣсь говорится, можетъ быть примѣнено и къ Австрійскимъ южнымъ Славянамъ-католикамъ, Хорватамъ и Словенцамъ. Поляки, въ смыслѣ этнографическомъ принадлежащіе къ группѣ *Западныхъ* Славянъ, здѣсь не имѣются въ виду, потому что взглядъ ихъ на Россію имѣетъ другіе источники и другой характеръ, и требовалъ бы объясненій инаго рода.

[2]) Южные Славяне (за исключеніемъ Словенцевъ) въ этомъ отличаются отъ западныхъ. У православныхъ Сербовъ во всѣхъ ихъ краяхъ, и въ княжествѣ Сербіи, и въ Босніи, и въ Герцеговинѣ, и въ Черногоріи, и въ Австрійской Военной границѣ и другихъ Австрійскихъ владѣніяхъ, сохранились самобытныя общественныя начала, какъ-то семейная—отчасти родовая—община съ нераздѣльнымъ въ кругѣ каждой поземельнымъ владѣніемъ, и (тамъ гдѣ не мѣшаютъ внѣшнія условія) совѣщательное отношеніе народа къ власти, не ограниченной формально, при отсутствіи всякаго аристократическаго начала. Хорваты-католики удержали отчасти семейную общину (такъ назыв. *задругу*), хотя впрочемъ усвоили себѣ мадьярское аристократическое начало и другія стороны западно-европейскаго общественнаго устройства. Что касается до общественныхъ началъ, существующихъ въ народѣ Болгарскомъ, то я, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, ничего не могу сказать объ этомъ.

океану, породили чувство недовольства существующимъ общественнымъ порядкомъ, породили стремленія соціалистовъ. Австрійскіе Славяне совершенно ужились съ общественными Началами западной Европы и, пока, ими вполнѣ довольны; между ними нѣтъ соціалистовъ. Къ тому, недосугъ имъ думать о вопросахъ соціальныхъ. Поневолѣ, все вниманіе ихъ поглощено вопросами чисто политическими, правами славянской народности въ отношеніи къ народностямъ не славянскимъ и къ государству, которое вездѣ, и въ коронныхъ земляхъ Австріи, и въ Венгріи, служитъ интересамъ, враждебнымъ славянской народности. Единственный предметъ, ихъ занимающій, состоитъ въ томъ: какъ устроить государственную конституцію Австріи и Венгріи такъ, чтобы Славянскія племена нашли въ ней законное признаніе и покровительство? или далѣе, какія могутъ явиться политическія комбинаціи, чтобы доставить Славянамъ еще полнѣйшую государственную независимость? Словомъ, Западные Славяне живутъ, мыслію и дѣломъ, исключительно въ области государственной, политической.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что наше направленіе другое, что намъ вопросы политическіе кажутся второстепенными. Если мы, къ какимъ бы мнѣніямъ ни принадлежали (за исключеніемъ тѣхъ, уже немногихъ, которые не признаютъ возможнымъ ничего, кромѣ того, что есть на Западѣ), если мы всѣ въ томъ смыслѣ соціалисты, что мы задаемъ себѣ и, такъ или иначе, думаемъ рѣшить вопросы о началахъ общественныхъ, то существенная причина этому заключается, вѣроятно, въ самомъ настроеніи современной русской жизни, которая вынесла изъ прошлаго и теперь стремится осуществить свои общественныя начала, не находившія себѣ выраженія при господствѣ у насъ иноземныхъ понятій и правилъ. Но этой-то стороны Западные Славяне рѣшительно не видятъ въ Россіи и не могутъ ея понять. Сами занятые единственно вопросами политическаго характера, они видятъ въ Россіи только государство, замѣчаютъ въ ней, дѣйствительно съ большимъ вниманіемъ (на сколько доходятъ до нихъ свѣдѣнія), каждый шагъ Русскаго правительства и тѣ проявленія нашего общественнаго мнѣнія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ вопросамъ правительственнымъ. Но ничего другаго, повторяю, Западные Славяне не видятъ въ Россіи. Они представляютъ ее себѣ какою-то Австріею, огромною махиною, сдерживаемою единственно государственною властію въ которой борются двѣ силы, правительственная и противуправительственная [1]).

[1]) Поѣздка Славянскихъ депутатовъ на этнографическую выставку въ Москву въ 1867 году была первымъ шагомъ къ лучшему ознакомленію западныхъ Славянъ съ Россіею. Только съ этого времени ихъ взглядъ на Россію, охарактеризованный въ настоящей статьѣ, начинаетъ (но только начинаетъ) становиться менѣе односторонним и поверхностнымъ.

Обращая свои взоры только на государственную сторону Россіи, Западные Славяне, очень понятно, не находятъ въ ней того, чего считаютъ себя въ правѣ ожидать отъ славянскаго государства, единственно независимаго Славянскаго государства на свѣтѣ. Такъ, относительно внѣшнихъ дѣлъ, они желали бы, чтобы политика Россіи опиралась преимущественно на идеѣ славянской народности, имѣла въ виду главнымъ образомъ славянскіе интересы,—и разочаровывались всякій разъ на счетъ нашего отечества, коль скоро замѣчали въ Русской политикѣ начала, къ которымъ они равнодушны или даже враждебны, напримѣръ интересъ Германскій, интересъ принципа легитимности и т. п. Такое же разочарованіе должна была производить на Славянъ внутренняя сторона Россіи, какъ государства. Они жаловались у себя на господство бюрократіи,—но не меньшее развитіе бюрократическихъ началъ встрѣчали они въ томъ, что могли прочесть о Россіи; они жаловались у себя на отсутствіе свободы совѣсти, на законы стѣснительные для протестантовъ и православныхъ: и у насъ они читали про стѣсненіе раскольниковъ. Въ другихъ отношеніяхъ, они находили даже, что государственныя учрежденія, подъ которыми имъ приходится жить, болѣе развиты, чѣмъ государственныя учрежденія Россіи, напримѣръ относительно равенства всѣхъ передъ закономъ гражданскимъ и уголовнымъ, гласности судопроизводства, свободы слова и т. п. Ясно, что государственная сторона Россіи не могла не разочаровывать Славянъ. А только государственные вопросы, какъ я сказалъ, ихъ занимаютъ, сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе. Всякаго Русскаго, къ нимъ пріѣзжающаго, они встрѣчаютъ съ братскими объятіями; но самой Россіи чуждаются, потому что видятъ въ ней только государство и его учрежденія, и не видятъ народа и его общественныхъ началъ. Поразительно невниманіе Славянъ къ народному элементу Россіи, совершенное непониманіе того, что въ землѣ нашей существуютъ вопросы о началахъ общественныхъ. Въ ихъ литературахъ замѣтенъ живой интересъ къ Россіи какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и отвлеченно-ученомъ, напримѣръ въ томъ, что касается нашихъ древностей, филологическихъ особенностей нашего языка, нашей литературы, преданій и пѣсенъ Русскаго народа. Нѣкоторые труды западно-славянскихъ ученыхъ оказали намъ самимъ важныя услуги: не упоминая о прочихъ, назову, для примѣра, превосходный трудъ Шафарика — разборъ древнѣйшихъ извѣстій о Славянахъ, обитавшихъ въ Россіи. Тѣмъ замѣчательнѣе, что среди всѣхъ этихъ дѣятелей, ни одинъ не обратилъ никакого вниманія на современный общественный строй земли Русской. Не только особаго сочиненія, я не встрѣтилъ въ западно-славянскихъ литературахъ даже статейки о Русскомъ народѣ въ отно-

шеніи къ его общественнымъ началамъ. Приведу еще любопытную черту этой односторонности взгляда на Россію. Извѣстно, до какой степени такъ называемые славянофилы пользуются вниманіемъ и сочувствіемъ въ Славянскихъ земляхъ, и это происходитъ, конечно, оттого, что славянофилы, ранѣе и болѣе другихъ литературныхъ партій нашихъ, стремились къ знакомству и сближенію съ Славянами. Но какъ понимаютъ они славянофиловъ? Въ ихъ глазахъ это есть партія чисто-политическая, главная цѣль которой — придать Русской политикѣ славянское направленіе, вывести Россію изъ-подъ политическаго вліянія Нѣмцевъ и соединить самихъ Славянъ въ одно государство; славянофиловъ они обыкновенно называютъ «палеславистическою партіею въ Москвѣ». Сущность славянофильскихъ мнѣній, — вопросы о началахъ общественныхъ, — до такой степени чужда кругу идей, ихъ занимающихъ, что они ее такъ сказать «игнорируютъ». Читая изданія славянофиловъ съ бо́льшею, можетъ быть, охотою, чѣмъ прочія произведенія Русской литературы, Славяне съ любопытствомъ останавливаются на каждой въ нихъ статьѣ, касающейся какого-нибудь политическаго вопроса славянскаго, и спѣшатъ ее перевести, перепечатать, какъ бы она ни была незначительна, какъ бы мало ни заключала для нихъ новаго; а между тѣмъ, ни одна капитальная статья, коль скоро въ ней рѣчь идетъ не о политикѣ, а о началахъ общественныхъ, не показалась имъ заслуживающею подобной чести [1]). Не находится ли въ этихъ частныхъ фактахъ подтвержденіе моей мысли, что въ явленіяхъ современной Россіи, Западные Славяне хотятъ видѣть только политическую сторону? Нѣмцы, Англичане, даже Французы въ этомъ отношеніи лучше понимаютъ Россію; у нихъ обращали вниманіе (конечно недостаточно и весьма часто невѣрно) на общественныя начала нашего народа. Нѣмецъ Гакстгаузенъ путешествовалъ по Россіи нарочно съ цѣлію изученія ея бытовыхъ стихій; хорошо ли, дурно ли онъ ихъ понялъ, это вопросъ посторонній, но по крайней мѣрѣ видно, что предметъ этотъ показался ему важнымъ. А изъ Славянъ никто до сихъ поръ не былъ въ Россіи съ подобною цѣлію, — тогда какъ изслѣдователь-Славянинъ, близкій къ Русскому народу по чувству родства, способный усвоить себѣ его языкъ, могъ бы проникнуть въ его бытъ, въ его общественныя стихіи, несравненно глубже и вѣрнѣе всякаго другаго иностранца, и заглянувъ на насъ со стороны, могъ бы, вѣроятно, сказать что нибудь и для насъ самихъ поучительное. Но что̀ гово-

[1]) Такъ, напримѣръ, существенно важная для самихъ Западныхъ Славянъ, по своимъ выводамъ, статья К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности“ не могла найти, не смотря на всѣ мои старанія, между Западными Славянами переводчика; это одинъ случай изъ многихъ.

рить тутъ о нашей пользѣ, когда самый живой, самый существенный интересъ самихъ Славянъ очевидно требуетъ, чтобы Русскія общественныя начала сдѣлались для нихъ предметомъ изученія и размышленія? Россія сохранила въ живой современности общественныя начала, которыя были нѣкогда общею принадлежностью Славянскихъ народовъ: поземельную общину и міръ, отсутствіе аристократическаго принципа въ высшемъ классѣ, даже при наружномъ отождествленіи его съ аристократическимъ дворянствомъ другихъ странъ; отсутствіе опредѣленнаго средняго, городскаго сословія; отсутствіе условленныхъ, формулированныхъ договоромъ отношеній между верховною властію и обществомъ, и проч. Весь этотъ совершенно своеобразный строй общества, въ существѣ своемъ общинно-демократическій, съ правительствомъ чисто-монархическимъ, можетъ быть оцѣниваемъ такъ или иначе, можно считать его признакомъ дѣтскаго состоянія народа или залогомъ высокаго его призванія въ мірѣ, можно желать его устраненія и замѣны другими началами, или, напротивъ, его полнѣйшаго развитія; но во всякомъ случаѣ, существующій фактъ несомнѣненъ; тотъ фактъ, что таковъ былъ дѣйствительно первоначальный, самобытный общественный строй у всѣхъ Славянскихъ племенъ, и что первоначальныя, самобытныя общественныя начала Славянскія уцѣлѣли въ Россіи подъ огромной исторической надстройкой, слагавшейся изъ самаго разнороднаго, часто чуждаго, даже совершенно противнаго свойствамъ основной почвы матеріала, и не только уцѣлѣли, но остались основаніемъ громадной державы Славянской. Какимъ же образомъ такой фактъ не занимаетъ мысли Западныхъ Славянъ? Какимъ образомъ они, съ необыкновенною любовію обращающіеся къ памятникамъ своей давноминувшей политической независимости, — памятникамъ, которые на каждомъ шагу указываютъ на бывшій нѣкогда у нихъ самобытный общественный строй, — не пожелаютъ сличить эти свидѣтельства мертвой старины съ живымъ организмомъ, съ тѣмъ, что̀ существуетъ въ Русскомъ народѣ? Что̀, если и они узнаютъ, какъ уже узнали мы, въ Русскомъ народѣ первобытныя, коренныя общественныя начала Славянскаго племени, сохранившіяся въ теченіе мучительнаго тысячелѣтія государственнаго сложенія земли Русской и просящіяся къ жизни въ новомъ мірѣ? Какое значеніе получитъ тогда Русскій народъ для другихъ Славянъ!

Но до этого сознанія, можетъ быть, еще далеко. Въ настоящее время, вопросы общественные чужды Западнымъ Славянамъ, ибо они такъ освоились съ общественнымъ складомъ Западно-Европейскимъ, который имъ совершенно овладѣлъ, что не чувствуютъ потребности и, можетъ быть, даже возможности другихъ общественныхъ началъ. Забо-

тясь единственно объ интересахъ правительственныхъ, политическихъ, они смотрятъ на насъ только съ государственной стороны. Народъ Русскій для нихъ не существуетъ, или существуетъ только какъ масса грубыхъ «мужиковъ» (это слово они приняли, съ оттѣнкомъ отчасти бранным), «мужиковъ», которыхъ вы неоднократно встрѣтите [1]) въ карикатурахъ чешскихъ въ видѣ, болѣе или менѣе уподобляющемся виду медвѣдя, и съ которыми какъ-то неловко и стыдно сказаться сродни, а тѣмъ болѣе соединить идею коренныхъ Славянскихъ началъ. Даже настоящее освобожденіе этихъ «мужиковъ», какъ они выражаются,—съ надѣломъ землею и мірскимъ началомъ, не представляется имъ ничѣмъ особеннымъ; они придаютъ ему значеніе исключительно политическое и административное, подобное тому, какое имѣло уничтоженіе крѣпостнаго права въ Австріи. Что эта масса «мужиковъ-варваровъ», нынѣ освобождаемыхъ, можетъ имѣть свое значеніе въ исторіи не только какъ грубый матеріалъ, а какъ сила нравственная, этого и не снится Западнымъ Славянамъ. Безъ сомнѣнія, на понятія ихъ о Россіи и Русскомъ народѣ дѣйствуютъ отчасти и Поляки, и отзывами своими, и въ особенности, всѣмъ тѣмъ, что печатаетъ о насъ эмиграція. Въ представленіи Западныхъ Славянъ о Русской землѣ и Русскомъ народѣ все какъ будто бы носится предъ ними картина, нарисованная Мицкевичемъ, въ которой столько ослѣпленія (къ несчастію едва ли невольнаго, ибо Мицкевичъ жилъ въ Россіи и зналъ ее) соединяется съ такою красотою стиха:

Kraina pusta, biała i otwarta,
Jak zgotowana do pisania karta—
Czyż na niej pisać będzie palec Boski,
I ludzi dobrych używszy za głoski,
Czyliż tu skreśli prawdę swiętéj wiary.
Że miłość rządzi plemieniem człowieczem,
Że trofeami świata są: ofiary?
Czyli też Boga nieprzyjaciel stary
Przyjdzie i w xiędze téj wyryje mieczem,
Że ród człowieczy ma być w więzy kuty,
Że trofeami ludzkości są: knuty?

. . . . . .

Spotykam ludzi — z rozrosłémi barki,
Z piersią szeroką, z otyłemi karki;
Jako zwierzęta i drzewa północy,
Pełni czerstwości i zdrowia i mocy.
Lecz twarz każdego jest jak ich kraina,
Pusta, otwarta i dzika równina;
I z ich serc, jako z wułkanów podziemnych,
Jeszcze nie przeszedł ogień aż do twarzy,
Ani się w ustach rozognionych żarzy,
Ani zastyga w czoła zmarszczkach ciemnych,

[1]) Это было такъ въ 1861 и 1862 гг. и продолжалось до 1864 года.

Jak w twarzach ludzi wschodu i zachodu,
Przez które przeszło tyle po kolei
Podań i zdarzeń, żalów i nadziei,
Że każda twarz jest pomnikiem narodu.
Tu oczy ludzi, jak miasta tej ziemi,
Wielkie i czyste, — i nigdy zgiełk duszy
Niezwykłym rzutem źrenic nie poruszy:
Nigdy ich długa żałość nie zaciemi;
Zdaleka patrząc—wspaniałe, przecudne,
Wszedłszy do środka—puste i bezludne.
Ciało tych ludzi, jak gruba tkanica,
W której zimuje dusza gąsiennica,
Nim sobie piersi do lotu wyrobi,
Skrzydła wyprzędzie, wytcze i ozdobi.
Ale gdy słońce wolności zaswieci,
Jakiż z powłoki téj owad wyleci?
Czy motyl jasny wzniesie się nad ziemię,
Czy ćma wypadnie, brudne nocy plemię?

«Страна пустынная, бѣлая и открытая, какъ приготовленная для письма бумага. Чтожъ, будетъ ли на ней писать перстъ Божій, и взявши себѣ за буквы доблестныхъ людей, начертаетъ тамъ истину святой вѣры, что любовь правитъ родомъ человѣческимъ, что трофеи міра суть жертвы? Или же придетъ старый соперникъ Бога и въ книгѣ той вырѣжетъ мечемъ, что племя людское должно быть ковано въ узы, что трофеи человѣчества — кнуты?»

. . . . . .

«Встрѣчаю людей — съ окладистою бородою, съ широкою грудью и жирнымъ затылкомъ; какъ звѣри и деревья сѣвера, полны свѣжести, здоровья и силы. Но лицо каждаго таково, какъ ихъ страна — пустынная, открытая и дикая равнина, и изъ ихъ сердецъ, какъ изъ подземныхъ волкановъ, огонь еще не достигъ до лица, не пылаетъ въ рдѣющихъ устахъ, не застываетъ въ темныхъ морщинахъ чела, какъ въ лицахъ людей Востока и Запада, по которымъ прошло чередомъ столько преданій и событій, столько горестей и надеждъ, что каждое лицо есть памятникъ народа. Здѣсь глаза у людей, какъ города этой земли, — большіе и чистые, и никогда крикъ души не мелькнетъ въ очахъ необычнымъ взглядомъ; никогда не затмитъ ихъ долгая скорбь. Смотришь издалека — величественны, дивны; войдешь въ средину — пусты и безлюдны. Тѣло этихъ людей какъ грубая ткань, въ которой зимуетъ душа — гусеница, пока не расправитъ себѣ грудь для полету, пока не спрядетъ, не вытчетъ и разукрасптъ себѣ крылья. Но когда засіяетъ солнце свободы, какая изъ этого чехла вылетитъ бабочка? свѣтлый ли мотылекъ взнесется надъ землею, или вылетитъ грязная моль, исчадіе ночи?»

Таково, дѣйствительно, на сколько я могу судить, въ сущности

понятіе Западныхъ Славянъ о Россіи [1]): бѣлая бумага, на которой не извѣсто, что̀ напишется, а написано, пока, только государственное устройство; народъ — грубыя тѣла людскія, въ которыхъ общественная мысль еще спитъ летаргическимъ сномъ зимующей гусеницы, и Богъ вѣсть, что̀ принесетъ міру: пожалуй, порабощеніе народовъ, а въ томъ числѣ самихъ Славянъ, какъ столько времени твердили европейскіе публицисты со словъ Наполеона I.

Сказанное мною, быть можетъ, покажется Славянамъ для нихъ оскорбительнымъ; но они сознаются, что я сказалъ правду, по крайней мѣрѣ относительно *общаго* господствующаго у нихъ взгляда и настроенія на-счетъ Россіи. Есть, конечно, личныя исключенія, но и между ними бо̀льшая часть, вѣроятно, любятъ Россію съ идеальной, чисто отвлеченной славянской точки зрѣнія, какъ великую независимую Славянскую землю, надежду Славянскаго міра, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ именно въ землѣ этой должно быть важно и любезно для Славянъ, что́ должно ихъ обнадеживать. — У насъ въ Россіи, мною, вѣроятно, недовольны будутъ тѣ, въ которыхъ я разрушаю сентиментальныя понятія о безпредѣльной, безотчетной преданности Славянъ нашему отечеству. Но, во-первыхъ, сентиментальность вредна и всегда ведетъ къ разочарованіямъ; а во-вторыхъ, слова мои относятся только къ Славянамъ Западнымъ, а отнюдь не къ православнымъ южнымъ Славянамъ, гдѣ дѣйствительно, масса народная безпредѣльно предана Россіи, — хотя мы должны опасаться, чтобы наше равнодушіе и нашъ образъ дѣйствія—ея наконецъ отъ насъ не оттолкнули, какъ уже отшатнулись отъ насъ весьма многія личности, выдѣлившіяся изъ этой массы европейскимъ образованіемъ. Наконецъ, я прошу замѣтить, что хотя сужденіе мое о взглядѣ Западныхъ Славянъ на Россію отчасти жестко̀, однако же оно не заключаетъ въ себѣ никакого противъ нихъ обвиненія. Я старался показать, что взглядъ этотъ у Западныхъ Славянъ есть необходимое послѣдствіе, съ одной стороны — обусловленной разными обстоятельствами односторонности ихъ понятій и стремленій, сосредоточенныхъ исключительно въ сферѣ идей государственныхъ, а съ другой стороны — приложенія этой односторонности мыслей и интересовъ къ Россіи; а что такого рода односторонній взглядъ на Россію не можетъ быть благопріятнымъ для насъ, въ томъ, разумѣется, виноваты не они, а мы сами.

Но какъ бы односторонность ни была естественна и извинительна, она все же заключаетъ въ себѣ долю неправды и вредъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанность изъ нея выйти, коль скоро она замѣчена.

---

[1]) Дѣлаемъ нынѣ (въ 1868 г.) ту же оговорку, какая помѣщена на стр. 268.

Было бы желательно (разумѣется, если высказанныя здѣсь мнѣнія будутъ признаны справедливыми), чтобы хотя одинъ человѣкъ между Западными Славянами созналъ односторонность взгляда своихъ соплеменниковъ на Россію и обратился къ изученію Русскаго народа, его общественныхъ началъ. Мы думаемъ тутъ не о себѣ, — для нашего патріотизма это не нужно; мы думаемъ о пользѣ Славянъ. Пусть Западные Славяне, не предрѣшая вопроса, придутъ и посудятъ сами. А искать живаго родника самобытныхъ общественныхъ началъ славянскихъ имъ необходимо, это для нихъ вопросъ жизни или смерти. Вѣдь нельзя же народу быть живучимъ, самостоятельнымъ организмомъ безъ внутреннихъ самобытныхъ органическихъ началъ; вѣдь не политика же, какая бы она ни была, славянская или всякая другая, можетъ спасти Славянскіе народы!

Прежде чѣмъ заключу эту статью, позволю себѣ прибавить нѣсколько строкъ въ поясненіе; боюсь, чтобы не поняли послѣднихъ моихъ словъ въ томъ смыслѣ, будто я предполагаю, чтобы Западные Славяне, изученіемъ Русскихъ народныхъ началъ и перенесеніемъ ихъ на свою почву, могли возстановить существовавшій у нихъ въ древнія времена самобытный общественный строй. О такой нелѣпости рѣчи быть не можетъ; искусственно нельзя создать самобытности въ обществѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ Славянскихъ народахъ живетъ еще, подъ оболочкою господствующихъ западно-европейскихъ общественныхъ понятій и отношеній, оцѣпенѣвшій духъ самобытнаго организма. Слишкомъ неутѣшительно было бы предполагать противное. Неужели племена эти находятся дѣйствительно и окончательно въ такомъ состояніи, что только языкомъ и наружными обычаями, только какими нибудь оттѣнками въ характерѣ личностей, разнятся отъ Нѣмцевъ или Мадьяръ, а по внутреннимъ общественнымъ стихіямъ своимъ представляютъ лишь воспроизведеніе чужаго, плеоназмъ въ Европейской семьѣ? Въ такомъ случаѣ не лучше ли бы было, если бы они отказались и отъ внѣшнихъ признаковъ, отдѣляющихъ ихъ отъ Нѣмцевъ и Мадьяръ, и слили съ ними свои силы, по примѣру своихъ соплеменниковъ въ Силезіи и Саксоніи, въ Помераніи и другихъ Прибалтійскихъ странахъ, гдѣ Славяне, утративши, вслѣдъ за своею независимостью, и свои самобытныя общественныя начала, вполнѣ отождествились съ Нѣмецкимъ народомъ, и уже въ его составѣ, — съ привнесеніемъ въ него, быть можетъ, какихъ нибудь личныхъ свойствъ славянскаго характера, — совершили многое для человѣческой мысли и человѣческаго развитія? Но что однако же Чехамъ и другимъ Западнымъ Славянамъ не надлежитъ итти по этому слѣду, о томъ свидѣтельствуетъ сила, съ какою держится ихъ народность, сила, доказывающая именно, что они еще не вполнѣ поддались обще-

ственному духу Германіи, что въ нихъ еще таятся задатки общественныхъ началъ славянскихъ. Вызвать эти начала къ жизни, къ развитію, вотъ что̀ для нихъ должно быть важнѣе всего: ибо до тѣхъ поръ они будутъ — народами безъ народныхъ стихій, тѣлами безъ внутренняго органическаго содержанія. Но вызвать къ жизни то, что̀ въ нихъ еще осталось отъ самобытнаго общественнаго организма славянскаго, они, при томъ состояніи, въ какое привела ихъ исторія, могутъ только усиліемъ мысли и волн. Что̀ воскресило къ внѣшней жизни Западныя Славянскія племена, что̀ вызвало въ нихъ сознаніе народнаго бытія, какъ не усилія передовыхъ людей, какъ не мысль Добровскаго, Юнгманна, Ганки, углублявшихся въ языкъ Славянскій и его памятники, Шафарика, возсоздавшаго древности своего племени, Палацкаго, объяснившаго Чехамъ ихъ прошлое, Колара, воспѣвшаго древнюю славу Славянъ, Челяковскаго, Сушила и Эрбена, выведшихъ изъ забвенія ихъ народную поэзію, Штура и Гавличка, возбудившихъ сознаніе ихъ правъ, и другихъ дѣятелей науки и литературы? Плоды ихъ трудовъ на лицо: Западные Славянскіе народы, которыхъ, еще въ началѣ нынѣшнго столѣтія, даже бывшіе между ними патріоты считали осужденными на скорое исчезновеніе, пробудились и хотятъ жить. То же самое можетъ сдѣлать мысль и слово передовыхъ людей для воскрешенія хранящихся въ этихъ племенахъ остатковъ самобытнаго общественнаго организма. Только для этого мало будетъ кабинетныхъ трудовъ ученаго и литературной дѣятельности журналиста; нужно и живое общеніе съ живымъ общественнымъ организмомъ Славянскимъ.

1862 г.
С. п. б.

XIII.

ПИСЬМО КЪ Г. РИГЕРУ ВЪ ПРАГУ

О РУССКО-ПОЛЬСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

XIII.

Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о Русско-Польскихъ дѣлахъ.

Чешская журналистика о Русско-Польскомъ вопросѣ. — Отношенія Чеховъ къ идеѣ возстановленія Польши. — Невѣдѣніе положенія и внутренняго значенія Россіи. — Вѣсти о Россіи въ Чешскихъ газетахъ: источникъ ихъ и характеръ. — Наивность «Народныхъ Листовъ» при сообщеніи этихъ извѣстій. — Заявленія всѣхъ сословій Русскаго народа. — Адресъ старообрядцевъ. — Различіе въ отношеніяхъ Австрійцевъ и Русскихъ къ своему государству.

М. г.! Рѣшаюсь писать къ вамъ, чтобы высказать вамъ мое мнѣніе о тонѣ, принятомъ органами Чешскаго общества въ Польско-Русскомъ спорѣ[1]). Обращаюсь съ письмомъ объ этомъ предметѣ именно къ вамъ, зная васъ, милостивый государь, какъ одного изъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ представителей Чешской народности, и надѣясь, что мой голосъ, во имя старой нашей пріязни, будетъ выслушанъ вами со вниманіемъ.

Слѣдя за Чешскою журналистикою, я весьма часто спрашиваю себя невольно: не находится ли Чешскій народъ въ войнѣ съ Русскимъ?

Ваши органы, выдающіе себя за отголосокъ Чешскаго общественнаго мнѣнія, именующіе себя поборниками Чешской народности, стали относительно Россіи въ одинъ рядъ съ Краковскимъ *Часомъ*, со Львовскимъ *Гонцомъ*, съ Варшавскимъ тайнымъ *Рухомъ*. Они сыплютъ на Россію и Русскій народъ безпредѣльные потоки клеветы; для нихъ Русскій человѣкъ есть варваръ, Русскій солдатъ — трусъ и разбойникъ, Русское государство — воплощеніе злыхъ силъ, зданіе, которое нужно разрушить для блага человѣчества. Вамъ Чеш-

---

[1]) Письмо это было писано въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ самый разгаръ Польскаго возстанія.

ская журналистика слишкомъ хорошо знакома для того, чтобы я обязанъ былъ подтверждать все это выписками изъ *Народныхъ Листовъ* и другихъ вашихъ газетъ.

Въ лагерѣ возставшихъ Поляковъ такіе голоса понятны: они воюютъ противъ насъ, они стараются нанести намъ возможный вредъ и, не щадя насъ на дѣлѣ, могутъ не щадить и словами.

Понятно также, что мы слышимъ подобные отзывы во многихъ органахъ Нѣмецкой, Французской и Англійской журналистики. Западные народы опасаются Россіи и не знаютъ ея. Нѣтъ надобности, чтобы я объяснялъ вамъ, Чеху и одному изъ передовыхъ борцовъ славянскаго дѣла въ Чехіи, изъ какихъ побужденій значительная часть Германскихъ и другихъ Западныхъ публицистовъ желаютъ видѣть распаденіе единственной Славянской державы, единственнаго славянскаго народа, который имѣетъ свою полную самобытность. Источники сочувствія Германіи и вообще Западной Европы къ Полякамъ, — коль скоро они вооружаются противъ Россіи (но не тогда, когда они отстаиваютъ свою народность отъ германизаціи), — источники этого сочувствія такъ явны, что было бы съ моей стороны даже смѣшно ихъ раскрывать передъ вами.

Все это для насъ въ Россіи совершенно ясно; но чѣмъ мы объяснимъ себѣ то положеніе, въ какое становятся къ намъ ваши соотечественники?

Отъ народа, пробужденнаго къ умственной дѣятельности трудами Колара, Шафарика, Ганки, Палацкаго, трудно было ожидать такого ослѣпленія, такого невѣжества въ вопросѣ, столь тѣсно связанномъ съ историческими и этнографическими условіями Славянскаго міра, какъ вопросъ Польско-Русскій.

Одного взгляда на Славянскую карту Шафарика, — этотъ замѣчательный памятникъ прежняго Чешскаго безпристрастія въ славянскомъ дѣлѣ, — достаточно, чтобы разсѣять въ прахъ всѣ проповѣдываемыя теперь вашею журналистикой идеи о возстановленіи Польскаго государства въ историческихъ предѣлахъ Ягеллонской монархіи. Неужели все, чему учили Чеховъ великіе воскресители ихъ народности, до такой степени забыто, что они не видятъ, въ чемъ заключается Польско-Русскій вопросъ? Неужели они, подъ туманомъ либеральныхъ фразъ и дипломатическихъ нотъ, пускаемыхъ Западомъ, не въ состояніи разглядѣть, что мы, что Россія отстаиваетъ права народа противъ средневѣковаго, завоевательнаго польскаго аристократизма, какъ бы онъ ни прикрывался знаменемъ европейской демократіи?

Неужели они не видятъ, что въ сущности дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы спасти Польскую національность отъ угнетенія, и даже не

о томъ, чтобы дать землѣ, населенной Польскимъ народомъ, полную независимость отъ Русскаго правительства; что дѣло идетъ о раздробленіи Русскаго народа, о возстановленіи въ западной части Русскихъ земель ига Польскаго меньшинства надъ Русскою народною массою, о разрушеніи Русскаго государства? Коль скоро вопросъ поднятъ въ этомъ смыслѣ, онъ перестаетъ, очевидно, быть Польскимъ вопросомъ и становится Русскимъ; онъ касается уже не одного правительства Русскаго въ его отношеніяхъ къ Польшѣ, а касается всего Русскаго народа; и, кажется, нужно было прежде всего подумать: согласится ли Русскій народъ на распаденіе и на принятіе снова ига Польскаго меньшинства въ западной части земли своей? потерпитъ ли Русская земля, чтобы разрушили насиліемъ государство, которое она строила тысячу лѣтъ, потерпитъ ли она это особенно въ такое время, когда народъ, всѣмъ жертвовавшій для своего государства, начинаетъ находить вознагражденіе своихъ жертвъ въ свободномъ развитіи, которое государство ему открываетъ?

Но ваши соотечественники рѣшительно затыкаютъ себѣ уши, зажмуриваютъ глаза, чтобы не видѣть и не слышать. Я не встрѣчалъ въ органахъ Чешскихъ ни малѣйшаго признака, чтобы они старались вникнуть въ положеніе и внутреннее значеніе Россіи, и даже узнать мнѣніе и голосъ Русскихъ людей; я не видалъ въ нихъ перевода ни одной Русской статьи; а между тѣмъ, все, что̀ печатается въ Польскомъ станѣ, у васъ переводится, комментируется, принимается на вѣру какъ святыня. Если редакція какой либо̀ изъ вашихъ газетъ удостоитъ заимствовать, и то, конечно, изъ иностранной, Нѣмецкой или Французской газеты, — свѣдѣніе, происходящее изъ Русскаго источника, — то всякое такое свѣдѣніе сопровождается слѣдующею оговоркою: «этому нельзя еще вѣрить; подождемъ, что̀ скажетъ *Часъ* или *Ружъ*».

Для меня эта тактика, вдругъ принятая вашими соплеменниками, въ прежнее время высказывавшими намъ столько вниманія и сочувствія, эта тактика остается до сихъ поръ совершенно загадочною. Признаюсь, я не разъ думалъ: не попались ли Чешскіе либералы въ сѣти ультрамонтанскихъ вліяній? Впрочемъ, это такой вопросъ, который вы лучше рѣшите въ Прагѣ, нежели я въ Петербургѣ.

Я хочу только спросить у васъ: какая политическая мысль руководитъ вашими соплеменниками въ ихъ литературномъ ополченіи противъ насъ? По всему видно, что тутъ есть общій *mot d'ordre*, что вся Чешская журналистика имѣетъ въ этомъ горячемъ вопросѣ какую-нибудь опредѣленную практическую цѣль. Какая же эта практическая цѣль?

Вся Европа знаетъ, и у васъ это знаютъ и высказываютъ лучше

чѣмъ гдѣ либо, — что Польское возстаніе можетъ достигнуть какого-нибудь успѣха только при вооруженной помощи со стороны Западныхъ державъ. Органы Польскихъ инсургентовъ, — и Чешскіе ихъ союзники вмѣстѣ съ ними, — дѣйствительно полагаютъ всю надежду на вмѣшательство Франціи, Швеціи, Турціи и т. дал.; если же такого вмѣшательства не будетъ, то, — всѣ это чувствуютъ, — силы Польскаго возстанія истощатся, экзальтація охладѣетъ, терроризмъ найдетъ отпоръ въ здоровой части Польскаго народа, — и все дѣло кончится ничѣмъ. Внѣ этихъ двухъ возможныхъ случаевъ, иностраннаго вмѣшательства или полной неудачи возстанія, кажется нельзя предвидѣть никакого другаго исхода.

Предположимъ сперва послѣдній случай: иностраннаго вмѣшательства не будетъ и Польское возстаніе потухнетъ. Какими глазами будутъ смотрѣть тогда соплеменники ваши на единственный могущественный и независимый народъ Славянскій? Что скажутъ они въ извиненіе безчисленныхъ оскорбленій, которыя они теперь наносятъ Русскому имени? Противъ Поляковъ Россія, — за это можно поручиться, — не сохранитъ чувствъ злобы. Противнику павшему въ борьбѣ, протягиваютъ руку послѣ боя, и Русская земля не злопамятна: вы объ этомъ можете судить по нашимъ отношеніямъ къ Французамъ, Англичанамъ и Итальянцамъ послѣ Крымской войны. Но что мы будемъ думать о томъ Славянскомъ народѣ, который до тѣхъ поръ, пока считалъ насъ сильными, выражалъ намъ, устами лучшихъ людей своихъ, братское сочувствіе, а въ минуту опасности вдругъ сталъ осыпать нашъ народъ, наше войско, наше государство словами вражды и поруганія!

Отчего Чехи, въ этомъ домашнемъ спорѣ между двумя Славянскими племенами, одни не могли принять того положенія, которое такъ естественно для всякаго Славянина иностранца, не причастнаго къ борьбѣ, т. е. положеніе нейтралитета, желающаго быть по возможности безпристрастнымъ, какъ это сдѣлали органы Словаковъ, Хорватовъ, Словенцевъ, Сербовъ, Болгаръ?

Теперь возьмемъ другую возможную гипотезу: иностранныя державы, въ той или другой комбинаціи между собою, пойдутъ на насъ войной во имя Польши. Съ этимъ, разумѣется, польскій интересъ тотчасъ отодвигается на второй планъ, а впередъ выступятъ разнообразные интересы Западныхъ державъ въ борьбѣ съ Россіей. За кого будутъ тогда соплеменники ваши? Въ Крымскую войну они были рѣшительно за насъ и высказывали это на сколько могли; они видѣли въ нашемъ знамени знамя славянскаго дѣла. Теперь же имъ пришлось бы торжествовать при успѣхахъ Французовъ, или Англичанъ, или Шведовъ, или Турокъ, и оплакивать побѣды Русскаго ору-

жія. Не правда ли, иначе быть не можетъ, въ такое положеніе Чехи себя поставили?

И соплеменники ваши чувствуютъ фальшивость своего положенія въ отношеніи къ Россіи. Зайдя такъ далеко, они придумываютъ себѣ какое-нибудь оправданіе, и находятъ его въ томъ софизмѣ (которому, разумѣется, сами не вѣрятъ), что будто Польское возстаніе есть народное дѣло для Россіи, будто Русскій народъ ему сочувствуетъ и готовъ стать въ Польскіе ряды. Съ какою радостью хватаются Чешскіе публицисты за каждую статью, печатаемую въ этомъ смыслѣ Польскими газетами, какъ усердно они прикидываются вѣрящими въ подлинность издаваемыхъ Поляками корреспонденцій изъ Россіи, какъ усердно строятъ они на нихъ разныя политическія комбинаціи! Позволю себѣ напомнить вамъ нѣсколько подобныхъ извѣстій, которыя я читалъ въ Чешскихъ газетахъ, пользующихся въ вашемъ народѣ наибольшимъ авторитетомъ. Сегодня они перепечатаютъ статью одного изъ трехъ или четырехъ Русскихъ, живущихъ въ средѣ эмиграціи, о необходимости самоуничтоженія Россіи, и объявятъ, что это есть мнѣніе всѣхъ людей, *либерально мыслящихъ* въ моемъ отечествѣ; завтра онѣ провозгласятъ слухъ, что въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе и что сообщеніе его съ Москвою прервано; то онѣ откроютъ въ Малорусскомъ народѣ сердечное сочувствіе къ Полякамъ; то объявятъ, что Казанскіе Татаре взбунтовались и подаютъ руку помощи Польшѣ и что «Русское правительство только скрываетъ это возстаніе»; то Курляндія вооружаетъ стрѣлковъ на помощь Полякамъ, то эту помощь готовятъ имъ студенты нашихъ университетовъ и наши раскольники, то наконецъ (кто бы этому повѣрилъ!) сама Москва бѣлокаменная вступаетъ въ союзъ съ Польскими инсургентами. Съ какимъ восторгомъ и умиленіемъ перепечатали *Народные Листы* № 95 слѣдующую статью, которую Львовскій «Goniec» напечаталъ какъ корреспонденцію *изъ Москвы:* «домовые обыски у насъ не прекращаются, полиція хватаетъ ночью, мы всѣ живемъ подъ висящимъ мечемъ. — Всѣ упреки, дѣлаемые Россіи (вѣроятно Поляками), несправедливы. Россія есть вѣрнѣйшая сестра Польши. Восторгаясь ея великими дѣяніями, она трепещетъ до корня своего духа (sic), каждому герою (Польскому) она рукоплещетъ, она трепещетъ въ восхищеніи нести свою кровь, свою жизнь, за дорогое дѣло (Польское). Больше вамъ сказать не могу, не хочу и не смѣю... Знаю достовѣрно и могу вамъ поручиться, что Польская кровь не пала на камень, что съ нею польется другая кровь, что все готово даже въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашихъ, что Русская молодежь ничѣмъ не разнится отъ Польской, что она составляетъ одно цѣлое съ *нашею* (sic, т. е. Польскою), что множество ея находится въ рядахъ

нашихъ. И дѣти чиновниковъ и *поповъ* готовы вступить въ ряды наши. Не смѣшивайте царскаго войска съ Русскимъ народомъ. Молодежь и народъ любятъ васъ (т. е. Поляковъ), они не имѣютъ словъ и слезъ для вашего утѣшенія, но ихъ кровь потечетъ вскорѣ и брызнетъ до полночной зари» (sic).

Понятно, что въ настоящее время Польскіе инсургенты стараются протянуть возстаніе какъ можно дольше, сознавая необходимость дождаться иностраннаго вмѣшательства, на которое возлагаютъ всѣ свои надежды; понятно, что для воспламененія охлаждающихся умовъ, они придумываютъ всякіе слухи, какіе только могутъ обнадежить въ полученіи помощи съ какой бы то ни было стороны, хотя бы отъ Казанскихъ Татаръ. Но я удивляюсь вѣрѣ мирныхъ публицистовъ Чешскихъ въ эти порожденія воспламененной фантазіи. Да еще какъ серьозно они толкуютъ о нихъ; какъ серьезно, напримѣръ, *Народные Листы* коментируютъ приведенную корреспонденцію *Гонца* изъ Москвы: «О движеніи въ Россіи, говорятъ они, доходили постоянно лишь темныя свѣдѣнія. Теперь однако *Гонецъ* получилъ изъ Москвы *столь опредѣленныя* извѣстія, что *невозможно уже сомнѣваться* въ близкой катастрофѣ въ самомъ средоточіи Русскаго народа».

Чтобы дать вамъ средства судить о томъ, какъ близка катастрофа «въ самомъ средоточіи Русскаго народа», осмѣливаюсь переслать вамъ, милостивый государь, при семъ листы Русскихъ газетъ, въ которыхъ вы найдете нѣсколько заявленій, довольно характеристическихъ въ этомъ отношеніи. Заявленія эти не принадлежатъ какимъ нибудь отдѣльнымъ личностямъ: они принадлежатъ дворянству Московской и другихъ губерній, Московскому и другимъ городскимъ обществамъ, Московскому университету, крестьянамъ и раскольническимъ общинамъ.

Прочтите также слова, произнесенныя, по случаю этихъ заявленій, Русскимъ Государемъ; замѣтьте—къ какимъ разнороднымъ элементамъ Русской земли они были обращены и какъ тѣсно эти элементы, въ заявленіяхъ, на которыя рѣчь Государя была отвѣтомъ, связывались одною общею мыслію. Въ особенности же вникните въ слова, написанныя такъ называемыми раскольниками.

Милостивый Государь! Эти слова русскихъ старообрядцевъ со временемъ, смѣю думать, будутъ памятны всему Славянскому міру болѣе многаго такого, о чемъ теперь трубитъ журналистика ваша, какъ о великихъ историческихъ событіяхъ.

До сихъ поръ въ моемъ отечествѣ, — въ которомъ, вы со мною согласитесь, сосредоточены главныя силы Славянскаго племени,—существовалъ глубокій внутренній разрывъ. Правительство и высшая

часть общества, вслѣдствіе реформъ Петра Великаго, удалились совершенно отъ народныхъ преданій, почти оторвались отъ народнаго духа; съ другой стороны, народъ отстранялъ себя отъ европейской образованности, внесенной реформами Петра Великаго въ сферу правительства и высшаго общества, и это отчужденіе во всей полнотѣ своей выразилось въ старообрядцахъ и другихъ раскольническихъ сектахъ, которыя идеалъ Русской жизни поставляли себѣ въ давноминувшихъ вѣкахъ.

Вы поймете, до какой степени такое состояніе парализовало правильное внутреннее развитіе Русской жизни и въ высшихъ сферахъ и въ народной массѣ.

Многіе думали, что болѣзнь почти неизлечима, что внутренній разрывъ въ нашей жизни долго останется непримиримымъ.

Но исторія приготовила лекарство, примиреніе уже началось. Уничтоженіе крѣпостнаго права, снявшее матеріальную преграду, которая раздѣляла высшій, европейски-образованный слой Русскаго общества отъ Русскаго народа, открываетъ народу возможность подыматься до уровня высшаго общества, не отрекаясь отъ своихъ народныхъ началъ; а высшему обществу — входить въ кругъ народной жизни, не отказываясь отъ европейской образованности.

И посмотрите: едва прошло два года со дня великаго акта 19-го Февраля, и русскіе старообрядцы произнесли слово, неслыханное доселѣ въ землѣ нашей: они сказали преемнику Петра I-го, что они ему, царю-освободителю, преданы сердцемъ своимъ; что въ новизнахъ его царствованія имъ старина наша слышится; что въ немъ они узнаютъ духъ древнихъ Русскихъ царей добродѣтельныхъ. Они засвидѣтельствовали, что ихъ старина можетъ перестать быть непримиримою съ нашею новизною. Они, полагавшіе идеалъ Русской жизни исключительно въ невозвратимомъ прошедшемъ, начинаютъ видѣть его въ будущемъ; они, смотрѣвшіе назадъ, стали съ нами за одно смотрѣть впередъ, прилагаютъ свои силы къ нашимъ силамъ, не только для отраженія внѣшняго врага, но и для внутренняго развитія земли Русской. А такихъ людей у насъ болѣе 10 милліоновъ. Скоро эти 10 милліоновъ сольются съ остальнымъ народомъ Русскимъ въ одну семью, ибо послѣ акта 19 Февраля, совершенное уравненіе между раскольниками и нами, логическое послѣдствіе этого акта, есть уже только вопросъ времени.

Вы видите, милостивый государь, причины, по которымъ я ставлю нѣсколько строкъ, написанныхъ Русскими старообрядцами, въ число историческихъ событій нашего времени, почему простыя выраженія людей, которыхъ у васъ представляютъ себѣ бородатыми

варварами, въ глазахъ моихъ поважнѣе многихъ и многихъ дипломатическихъ нотъ, наполняющихъ газеты толками и комментаріями.

Повторяю: прочтите съ безпристрастнымъ вниманіемъ посылаемыя вамъ мною заявленія, ознаменовавшія у насъ день 17 Апрѣля. Они произведутъ на васъ, не сомнѣваюсь, нѣкоторое впечатлѣніе. Вы увидите, какъ велика разница между понятіями Русскаго народа о его государствѣ и тѣми понятіями, которыя существуютъ въ вашей Чешской средѣ и которыя она вноситъ въ свои сужденія о Россіи. Дѣло въ томъ, что у васъ государство не есть созданіе вашихъ народныхъ силъ, а созданіе вашего правительства. Вы живете въ государствѣ, какъ граждане, но вашъ народъ не выросъ въ немъ и оно не выросло изъ вашего народа. Оно охватываетъ васъ, какъ внѣшняя сила, но не имѣетъ съ вами внутренней органической связи. Вчера у васъ отрѣзали Ломбардію, и вы не чувствовали боли. Завтра хотятъ отнять у васъ Галицію и прирѣзать къ вамъ кусокъ изъ Турціи: для васъ это все равно. У насъ не то. Въ мирное время, вы можете видѣть у насъ самыя противоположныя мнѣнія и партіи по нашимъ внутреннимъ дѣламъ; вы можете услышать у насъ много такого, что̀ вы, въ вашей средѣ, приняли бы за признаки кореннаго антагонизма между государствомъ и народомъ. Но появись только внѣшняя опасность для государства,—и, какъ выразилось Московское дворянство, «всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества», и всѣ будутъ «какъ одинъ человѣкъ»; ибо Русское государство куплено «цѣною крови отцовъ и дѣдовъ» Русскаго народа, ибо «Русскій престолъ и Русская земля не чужое добро ему, а свое кровное»; и въ борьбѣ за неприкосновенность нашихъ предѣловъ «найдется весь народъ Русскій отъ мала до велика, грудью и достояніемъ своимъ отстаивающій цѣлость и неприкосновенность державы Русской».

Милостивый государь! Эта разница между отношеніями нашими и вашими къ государству должна быть понята другими Славянами, если они хотятъ судить о Россіи. По этому, желая, чтобы дѣло сколько-нибудь разъяснилось соплеменникамъ вашимъ, я прошу васъ настоятельно — принять на себя трудъ помѣстить прилагаемыя заявленія Русскихъ людей въ одной изъ Чешскихъ газетъ, преимущественно же въ *Народныхъ Листахъ*, такъ часто ссылающихся на авторитетъ вашего имени. Газета эта находила мѣсто на своихъ столбцахъ для безчисленныхъ и длиннѣйшихъ прокламацій Польскихъ инсургентовъ; редакція ея, когда вы ей скажете: audiatur et altera pars, не можетъ отказать вамъ въ исполненіи моего желанія. Если же, чего я не могу ожидать, послѣдуетъ въ томъ отказъ, то это будетъ свидѣтельствомъ, которое я буду считать вовсе не излишнимъ: ибо во

всякомъ случаѣ намъ весьма полезно разъяснить наши отношенія, знать, въ комъ мы имѣемъ друзей и въ комъ недруговъ; въ особенности же это полезно въ семьѣ одноплеменныхъ народовъ, гдѣ взаимныя сочувствія и антипатіи не обусловливаются однѣми только мимоходными политическими комбинаціями, а имѣютъ свои корни гораздо глубже. Въ настоящемъ же случаѣ я считаю такое разъясненіе даже существенно необходимымъ. Вы знаете, что недавно былъ возбужденъ вопросъ о переселеніи Чеховъ въ Амурскій и Усурійскій край. Вы были въ числѣ первыхъ, отъ которыхъ я слышалъ эту мысль; я первый (если не ошибаюсь), послѣ возвращенія изъ Чехіи въ 1859 году, высказалъ такое предположеніе въ статьѣ, напечатанной въ Иркутской газетѣ *Амуръ*. Теперь уже дѣло подвинулось довольно далеко. Депутаты отъ Чешскихъ переселенцевъ въ Америкѣ осмотрѣли мѣста въ Усурійскомъ краѣ, нашли ихъ удобными и вручили, кажется, проектъ Русскому правительству. Если голосъ современной Чешской журналистики есть дѣйствительно голосъ Чешскаго общества и Чешскаго народа, то я раскаялся бы въ участіи, принятомъ мною въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что на берегахъ Восточнаго Океана зародилась бы новая Польша. Но я надѣюсь, что вы мнѣ дадите такой отвѣтъ, который уничтожитъ всѣ мои опасенія.

Эту надежду подаетъ мнѣ въ особенности дошедшій до меня недавно слухъ, что нѣкоторые изъ передовыхъ людей Чешскаго народа засвидѣтельствовали передъ нѣкоторыми изъ Русскихъ, живущихъ въ Австріи, что они не раздѣляютъ «увлеченій» Чешской журналистики въ Польскомъ вопросѣ и что ея злословіе противъ Россіи и Русскихъ не есть выраженіе общественнаго мнѣнія Чеховъ. Къ сожалѣнію, не знаю, вѣренъ ли этотъ слухъ, и во всякомъ случаѣ, вы понимаете сами, что такое негласное свидѣтельство не можетъ имѣть для насъ никакого значенія въ виду всѣхъ тѣхъ оскорбленій, которыя *гласно*, среди Чешскаго общества, отъ имени Чешскаго общественнаго мнѣнія, наносятся нашему народу и нашему государству. Если эти оскорбленія не выражаютъ вашихъ народныхъ понятій, если они принадлежатъ непризванному меньшинству, то это должно быть заявлено гласно.

Цѣль моя была: обратить искреннею рѣчью ваше вниманіе на неправильное положеніе, которое Чешская журналистика приняла относительно Россіи. Для самой Россіи эта неправильность взгляда не можетъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій, но я опасаюсь, что она можетъ принести существенный вредъ вѣрному пониманію славянскаго дѣла въ вашемъ отечествѣ. Лестное вниманіе, въ прежнее время оказывавшееся мнѣ въ Чешской литературѣ, подаетъ мнѣ надежду, что настоящее мое письмо будетъ прочтено въ средѣ вашей

съ благосклоннымъ вниманіемъ и во всякомъ случаѣ принято будетъ за свидѣтельство моего искренняго желанія — принести посильную пользу соплеменникамъ вашимъ.

Примите и проч. [1]).

С.-Петербургъ.
24-го Апрѣля, 1863 года.

---

[1]) Отвѣтъ Д-ра Ригера, въ видѣ письма въ редакцію газеты „Народные Листы“, см. въ газетѣ „День“ 1863 г. № 28.

XIV.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

XIV.

Польскій вопросъ [1]).

I.

За что борются Русскіе съ Поляками? — Завѣтъ Пушкина. — Отношенія русскаго общества и русской печати (въ Апрѣлѣ 1863 г.) къ Польскому дѣлу. — Обзоръ исторіи борьбы Россіи съ Польшей. — Въ чемъ состоитъ сущность русско-польскаго вопроса? — Литература польская, туземная и эмиграціонная и характеръ ихъ участія въ разрѣшеніи польскаго вопроса. — Поляки и панславизмъ. — Трагическое положеніе современной Польши. — Причины безсилія польскаго дѣла. — Чѣмъ должна кончиться борьба?

За что борются Русскіе съ Поляками? этотъ вопросъ, вѣроятно, не разъ задаютъ себѣ читатели, слѣдящіе за печальною, кровавою распрею между двумя единоплеменными народами; не разъ, вѣроятно, представляется онъ, среди скуки ночнаго караула или послѣ боя, людямъ, которые славянскими руками проливаютъ славянскую кровь и сами ждутъ смерти отъ брата-Славянина.

Спросите Поляка, за что *онъ* борется противъ Русскихъ? Онъ вамъ отвѣтитъ громко и смѣло: «я борюсь за свое отечество и его сво-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ здѣсь перепечатываются три статьи, написанныя мною во время послѣдняго Польскаго возстанія и помѣщенныя въ „Русскомъ Инвалидѣ“, откуда ихъ заимствовала и газета „День“. Первая статья, писанная въ Апрѣлѣ 1863 г., была озаглавлена: „За что борются Русскіе съ Поляками“. Вторая, относящаяся къ Іюлю мѣсяцу того же года, имѣла заглавіемъ: „Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу“. Третья — подъ заглавіемъ „Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ“, писана въ Декабрѣ 1863 г. Статьи эти носятъ на себѣ отпечатокъ той тревожной поры, въ которую онѣ вышли въ свѣтъ, — и мы не сглаживаемъ съ нихъ этого историческаго колорита: мы оставляемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ явились въ разгаръ борьбы съ Поляками, хотя многое, что въ то время казалось сомнительнымъ, съ тѣхъ поръ окончательно уяснилось, и многое осуществилось, о чемъ въ 1863 году едва дерзали мечтать.

боду, за свою народность и ея независимость». И онъ совершенно искренень: онъ дѣйствительно борется за свое отечество и свою народность; и нельзя, — при всей скорби, возбуждаемой этою пагубною распрею, при всемъ справедливомъ гнѣвѣ, внушаемомъ намъ тою страшною ненавистью, какую выказываютъ Поляки къ «*Москалямъ*», тѣми потоками клеветы, которыми они насъ преслѣдуютъ въ Европѣ, — нельзя, говоримъ мы, не воздавать заслуженной дани уваженія и удивленія безпримѣрному самопожертвованію этихъ людей. Исторія, можетъ быть, осудитъ ихъ дѣло; но самопожертвованіе Поляковъ останется въ ней славною, хотя печальною, страницей. И не мы Русскіе, станемъ умалять или чернить клеветою тѣ чувства патріотизма, которыя въ настоящее время заставляютъ польскихъ матерей высылать на вѣрную смерть сыновей своихъ, заставляютъ образованныхъ юношей изъ школъ Кракова и Познани спѣшить на поле битвы, нестройныя толпы шляхты выходить, съ плохимъ оружіемъ, на русскіе штыки и штуцера.

.....«Не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца».

Кажется, русская литература не измѣнила завѣту своего великаго Пушкина; и въ настоящее время, Поляки не могутъ упрекнуть ее въ раздраженіи и злобѣ противъ нихъ. Среди кипящей противъ насъ борьбы, борьбы перенесенной Поляками и во всѣ журналы, во всѣ общественныя собранія образованнаго міра, мы не отвѣчаемъ клеветой на клевету, бранью на ругательства, проклятьемъ на проклятья. Когда мы вдаемся иногда въ полемику, то ограничиваемся опроверженіемъ выдуманнаго или искаженнаго факта, возстановленіемъ въ истинномъ свѣтѣ того, что было, но никогда не отплачиваемъ Полякамъ ихъ монетою. Если у насъ въ послѣднее время одинъ органъ, именно «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», сталъ вести противъ Поляковъ довольно запальчивую полемику, то не должно забывать, что этотъ «Вѣстникъ» есть исключительно мѣстное явленіе, порожденіе края, въ которомъ Русскіе живутъ въ ежедневномъ столкновеніи съ Поляками и отчасти въ матеріальной отъ нихъ зависимости; а что такое близкое сосѣдство не совсѣмъ располагаетъ въ пользу Поляковъ, тому самымъ неопровержимымъ доказательствомъ служатъ всѣ русскія газеты и брошюры, какія печатаются внѣ предѣловъ нашихъ, въ Галиціи. Кажется, нельзя подозрѣвать, чтобы Галицко-русская печать была въ зависимости отъ Россіи. Напротивъ того, Галицкіе соплеменники наши, въ органахъ своихъ, то и дѣло открещиваются отъ Россіи, потому что Поляки безпрестанно обвиняютъ ихъ передъ Австрійскимъ правительствомъ

въ желаніи передаться *Москалямъ*. А тамъ-то въ Галиціи, внѣ Россіи, русская печать вступаетъ съ Поляками въ такую полемику, какая у насъ, въ литературныхъ органахъ нашихъ, казалась бы невозможною; и вотъ мѣстный Кіевскій журналъ [1]), о которомъ мы упомянули и который рѣшается отвѣчать крупными словами на тѣ невообразимыя для насъ слова, какими разные польскіе органы честятъ Москалей, — этотъ журналъ, повторяемъ, стоитъ совершенно особнякомъ въ нашей литературѣ.

Что же? Неужели намъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчать Полякамъ нечего? Неужели мы боремся только потому, что велѣно, и не знаемъ — за что мы боремся, или не чувствуемъ за собою въ этой борьбѣ никакого права, никакого историческаго призванія и, отъ этого, не смѣемъ поднять голоса, сказать нашего слова?

Это было бы для насъ очень печально. Конечно, для матеріальнаго успѣха войны почти все равно. Воинъ не спрашиваетъ и не можетъ спрашивать, за что, по какому праву, за какую идею онъ борется. Онъ идетъ въ походъ, куда его посылаетъ власть, представительница вооружившей и снарядившей его на службу страны, онъ сражается потому, что это его долгъ.

Но и онъ иной разъ подумаетъ: «за что мы, Русскіе, бьемся?» А еще чаще думаемъ объ этомъ мы, отдаленные зрители борьбы. И на этотъ-то, наталкивающійся на всякаго вопросъ, русская печать слишкомъ скупа отвѣтами.

Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ много сѣтованій на это предполагаемое равнодушіе нашей литературы къ русскому дѣлу въ борьбѣ съ Поляками, мы слышимъ много различныхъ объясненій этого явленія.

Одни говорятъ намъ: «это злорадство: наши писатели, вслѣдствіе нелюбви къ правительству, очень рады затрудненіямъ, которыя дѣлаетъ ему Польша». Мы рѣшительно отвергаемъ такое толкованіе, которое было бы слишкомъ оскорбительно для нашей литературы. Люди, взводящіе на нее подобное обвиненіе, забываютъ одно: вѣдь отъ польской войны терпитъ не одно правительство; гораздо больше страждетъ отъ нея народъ. Сколько она стоитъ народу людей, сколько денегъ; какъ разоряются жители края, въ который проникаютъ вооруженныя толпы Поляковъ! А какъ бы наши писатели ни относились къ правительству, ни одинъ изъ нихъ не сознается въ томъ, чтобы онъ не любилъ Русскаго народа.

Другое объясненіе, которое мы тоже не разъ слышали: «русскіе литераторы, чтобы не лишиться имени либераловъ, боятся тронуть

[1]) Въ послѣдствіи редакція „Вѣстника“ перенесена была въ Вильну.

Поляковъ, которымъ сочувствуетъ либеральная Европа и которые на своемъ знамени пишутъ самыя либеральныя слова: свобода, братство, равенство и проч.». Эта мелкая причина можетъ имѣть вліяніе лишь на нѣкоторыя отдѣльныя мелкія личности и, конечно, не объясняетъ общаго явленія.

Третье объясненіе: «наша русская печать поставлена, внѣшними обстоятельствами, въ такія условія, что ей неловко говорить о вопросѣ, недопускающемъ въ нашихъ предѣлахъ открытой полемики». Этому мы, дѣйствительно, приписываемъ очень важное вліяніе на положеніе дѣла, не входя, впрочемъ, въ дальнѣйшій разборъ приведеннаго объясненія.

Четвертое предположеніе: «многіе писатели дѣйствительно не вполнѣ уяснили себѣ, за что собственно идетъ борьба съ Поляками. Они не вполнѣ убѣждены въ *нашемъ* дѣлѣ, тогда какъ на сторонѣ Поляковъ священныя идеи свободы, отечества, національности». Это, совершенно искреннее и почтенное чувство сомнѣнія и составляетъ, какъ кажется, существенную причину слабаго участія нашей литературы къ польско-русской борьбѣ, и связывается тѣсно съ общимъ фактомъ современной русской жизни: съ слабымъ развитіемъ сознанія нашихъ славянскихъ началъ, историческаго нашего значенія въ Славянскомъ племени.

Много разъ было уже говорено и писано, что только на почвѣ Славянства возможно примиреніе Русскихъ съ Поляками. Мало того, только на почвѣ Славянства опредѣляется самая борьба, раздирающая нынѣ эти два народа, находится отвѣтъ на вопросъ: за что мы боремся? и уясняется намъ, что боремся мы не только потому, что велѣно, не только за права, дарованныя намъ какими нибудь трактатами 1815 года, но за наше вѣковое всеславянское, историческое дѣло.

Поясникъ нашу мысль.

Корень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. Зародышъ ея, можно сказать, существовалъ въ Славянскомъ племени уже тогда, когда ни Россія, ни Польша еще не являлись на историческомъ поприщѣ и когда историческая жизнь сосредоточивалась въ другихъ Славянскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ кругъ дѣятельности исторической, передъ ними становился вопросъ: войдутъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнію въ составъ старшаго, болѣе образованнаго римско-германскаго міра, или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія? Вопросъ этотъ предлагался Славянскому племени самою силою исторіи, иначе быть не могло: ибо, съ одной стороны, Славянское племя было такъ молодо, такъ неразвито сравни-

тельно съ крѣпко-организованнымъ міромъ романскаго и нѣмецкаго Запада, что этотъ міръ могъ казаться Славянамъ высшимъ идеаломъ человѣческаго общества и самъ долженъ былъ стремиться захватить въ свой кругъ слабые организмы Славянскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, Славянское племя было такъ велико, такъ свѣжо, что въ немъ естественно должна была жить потребность не только внѣшней, но и внутренней самобытности, инстинктъ самостоятельнаго историческаго призванія. На юго-западѣ зачатки свободнаго славянскаго развитія были легко заглушены громаднымъ перевѣсомъ Западнаго міра, и эти народы утратили даже, мало по малу, свою политическую независимость. Жизнь Славянскаго племени сосредоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной равнины Европейской: въ Польшѣ и Россіи. Польша была ближе къ западу. Западный міръ налегалъ на нее своею завоевательною силою и, въ тяжелой борьбѣ съ Германскою имперіею, Польское племя утратило значительную часть своихъ земель: вся прилегавшая къ Германіи окраина славянская (все поморье Балтійское, вся Польская страна около Одера, Силезія и т. д.) была шагъ за шагомъ отнята и онѣмечена. Но дальше завоеванія матеріальнаго хватала сила завоеванія религіознаго, нравственнаго и общественнаго. Пока западная окраина Польскаго племени дѣлалась добычею Германіи, восточныя его части сосредоточивались въ независимое государство и, спасая этимъ свою славянскую народность, въ то же время проникались всѣми началами Западной жизни. Польскій народъ входилъ всѣмъ своимъ организмомъ въ составъ западно-европейскаго міра. Религіозныя начала католицизма, общественныя начала рыцарства, городская жизнь, цѣликомъ перенесенная изъ Германіи, просвѣщеніе, основанное на преданіяхъ римскаго классицизма, — словомъ, все было принято и органически усвоено Польшею съ Запада. Польша, оставаясь славянскою, сдѣлалась вполнѣ членомъ латино-германской семьи народовъ, единственною славянскою страною, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу матеріальнаго завоеванія, а добровольнымъ принятіемъ западно-европейскихъ стихій въ основу своей собственной, славянской жизни. Этотъ органическій процессъ внутренняго совоплощенія Польши съ латино-германскимъ или западно-европейскимъ міромъ составляетъ сущность первой эпохи Польской исторіи; въ XIV вѣкѣ Польша принадлежала уже, всѣми стихіями своими, къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ.

Между тѣмъ, Русская земля шла другимъ, несравненно болѣе медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія. Въ первые вѣка историческаго существованія обѣихъ странъ, пока въ Польшѣ еще происходила внутренняя органическая борьба проникавшихъ въ нее Запад-

ныхъ идей съ ея Славянскими преданіями, сама Польша заслоняла Русскую землю отъ непосредственнаго вліянія латино-германской Европы и способствовала тому, что на дальнемъ востокѣ нашемъ могли окрѣпнуть зародыши самобытной славянской жизни: то великая, хотя безсознательная, историческая для насъ заслуга древней Польши, заслуга, которой мы не должны забывать. Религія, принятая Русскою землею, связала ее съ міромъ древняго просвѣщенія, но съ такимъ міромъ, который стоялъ внѣ западно-европейской семьи народовъ; и въ то же время эта религія, по самому своему характеру невмѣшательства въ мірское устройство, не предопредѣляла развитія славянской жизни чужими, внѣ ея опредѣленными началами и формами; подъ ея покровомъ могъ устоять и окрѣпнуть народъ на своихъ славянскихъ основахъ; подъ ея покровомъ, эта часть Славянскаго племени могла сложиться въ народный и государственный организмъ, вполнѣ самобытный во всѣхъ стихіяхъ своей общественной и духовной жизни. Но тяжелъ, какъ сказали мы, и медленъ былъ этотъ историческій ходъ; а уже въ XIV вѣкѣ Польша представляла общество вполнѣ развитое, созрѣвшее подъ вліяніемъ Запада, проникнутое всѣми началами его жизни. Дѣятельность ея должна была обратиться на востокъ, на Русскую землю. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ исторіи обѣихъ странъ: ибо коль скоро Польскій народъ всецѣло отдался западно-европейской жизни, коль скоро тѣ идеи, которыя владѣли западнымъ міромъ, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ кровь и плоть Поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ человѣчества (а эта вѣра живетъ въ Полякахъ до нынѣшняго дня), — то нести этотъ идеалъ, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образованность другимъ Славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священнымъ завѣтомъ Польскаго народа; и въ этомъ чувствѣ, которое озаряетъ какимъ-то сіяніемъ вѣры самыя темныя, самыя горькія для Русской земли страницы Польской исторіи, находили себѣ оправданіе эгоистическія стремленія какъ цѣлой страны и цѣлыхъ сословій, такъ и отдѣльныхъ лицъ; оно освящало и духъ пропаганды, присущій католическому духовенству, и духъ господства, присущій шляхетскому рыцарству, и народное честолюбіе, и властолюбіе какого нибудь *ходачковаго* [1]) шляхтича, который дома ходилъ въ лаптяхъ, а въ мужицкой странѣ Русской выступалъ знатнымъ бариномъ. Сама же Русь, съ своей стороны, могла только способствовать, въ то время, укорененію въ Полякахъ вѣры въ призваніе быть ея просвѣтителями и властелинами.

---

[1]) *Ходачковою* называлась бѣдная, носившая лапти, шляхта, въ Польскихъ земляхъ, особенно въ Великой Польшѣ и Мазовіи.

Дѣло было въ XIV, въ XV вѣкѣ: что̀ представляла Полякамъ тогдашняя Русь? — страну глубокаго невѣжества, съ едва начинающимися зачатками государственной организаціи, въ одной половинѣ своей подчиненную дикимъ язычникамъ Литовскимъ, въ другой — раболѣпствующую передъ ханомъ Татарской орды. Сама исторія какъ будто приглашала Поляковъ въ эти обширные края вѣстниками высшей цивилизаціи, высшей жизни общественной и духовной . . . .

Всякій, кто вникалъ въ существенныя черты Польской исторіи, въ сущность отношеній старой Польши къ Русской землѣ, согласится, что мы не объясняемъ произвольно этихъ отношеній. Такъ понимаютъ ихъ сами историки польскіе. Сошлюсь на одного изъ нихъ, на талантливѣйшаго изъ польскихъ историковъ г. Шайноху, который слѣдующими словами опредѣляетъ характеръ Польской исторіи, съ самого ея начала: «Токъ жизненныхъ силъ этого великаго тѣла стремился отъ запада къ востоку. Эти двѣ противоположныя стороны были двумя полюсами Польши со временъ Мечислава и въ послѣдующіе вѣка; западъ—ея воспріемлющимъ полюсомъ, которымъ проникало въ нее организаціонное вліяніе остальнаго цивилизованнаго міра; востокъ—полюсомъ дѣйствующимъ, гдѣ это усвоенное внутреннимъ процессомъ чужое вліяніе воздѣйствовало самостоятельно на дальнѣйшемъ, въ началѣ не имѣвшемъ еще опредѣленныхъ очертаній, поприщѣ историческомъ. Проникновеніе этимъ органическимъ вліяніемъ было, очевидно, начальною, первою эпохою этой дѣятельности; распространеніе того же вліянія на дальнѣйшіе края — позднѣйшею, второю» [1]).

Кажется, взглядъ замѣчательнѣйшаго изъ современныхъ польскихъ историковъ какъ нельзя болѣе оправдываетъ нашу характеристику. Теперь позволю себѣ привести изъ книги того же писателя другое мѣсто, въ которомъ выкажется, какъ этотъ совершенно тожественный взглядъ можетъ вести къ противоположнымъ понятіямъ. Г. Шайноха, приступая къ разсказу о первомъ историческомъ столкновеніи Польши и Руси при Болеславѣ Храбромъ, упоминаетъ о свадьбѣ дочери Польскаго государя съ Владиміровымъ сыномъ Святополкомъ, который, вслѣдствіе этого, едва ли не первый на Руси, подвергся вліянію польско-латинскому (это тотъ самый Святополкъ, котораго наша древность прозвала *окаяннымъ*: черта замѣчательная!). Вотъ слова г. Шайнохи: «Вслѣдствіе прирожденной Польшѣ и Руси противоположности духовной, объусловленной ихъ различнымъ положеніемъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ, и всею ихъ первоначальною исторіей, брачный союзъ восточнаго великаго князя

[1]) Bolesław Chrobry стр. 11.

съ западною княжною не могъ не получить прозелитическаго характера. И какъ не востокъ имѣлъ на западъ, а западъ на востокъ цивилизующее вліяніе, то не изъ Руси, а изъ Польши выходила эта невольная дѣятельность необходимаго прозелитизма. И вотъ, вмѣстѣ съ дочерью Болеслава, пріѣзжаетъ на Русь, именно въ столицу Святополка въ землю Туровскую, отъ Болеслава епископъ Рейнбернъ, и вмѣстѣ съ польскою женою и польскимъ епископомъ, Святополкъ принимаетъ, первый въ этихъ краяхъ, сѣмена западной образованности, которая заключалась въ ту пору всецѣло въ религіозномъ обрядѣ запада, такъ явно соединенномъ съ вліяніемъ Польши, что все это западное вѣроисповѣданіе получило на востокѣ названіе польскаго и слова «Полякъ» и «послѣдователь западнаго обряда» значили то же самое. А это религіозное вліяніе было также важно, какъ велика была разница между исповѣданіемъ запада и востока. Разницы этой нельзя искать только въ позднѣйшихъ временахъ раздѣленія этихъ церквей, но въ самомъ началѣ христіанства, въ совершенно различномъ ихъ положеніи, и, потому самому, развитіи. Церковь Восточная подчинилась преобладанію свѣтской власти, сперва Византійскихъ императоровъ, потомъ государей каждой отдѣльно страны и, наконецъ, нашла въ этихъ государяхъ свое средоточіе, свое начальство и, утонувъ въ сліяніи, такъ сказать, съ свѣтскою властію, утратила свою нравственную силу, сдѣлалась орудіемъ свѣтскихъ цѣлей» (въ этихъ словахъ г. Шайнохи отражается общій взглядъ Поляка и западнаго человѣка, смѣшивающій церковь съ іерархіей и принимающій невмѣшательство въ политическія дѣла за роболѣпство). «Напротивъ того, церковь Западная, которой, именно въ эпоху появленія Польши и Руси на историческомъ поприщѣ, грозила такая же участь неволи передъ свѣтскою властію, успѣла освободиться отъ этого вещественнаго ярма, вооружила духъ противъ плоти и, вызвавъ исполинскую войну власти духовной, папской, противъ свѣтской власти Германскихъ императоровъ, — это самое величественное зрѣлище всемірной исторіи,—вызвала, дальнѣйшими послѣдствіями этой войны, нынѣшнее западно-европейское просвѣщеніе, у котораго весь восточно-христіанскій міръ не смѣетъ еще оспаривать превосходства» [1]).

Послѣднія слова польскаго историка наводятъ насъ на то, въ чемъ именно заключается сущность русско-польскаго вопроса.

Если Западная жизнь, со всѣми ея стихіями, религіозными и общественными, есть дѣйствительно высшій идеалъ человѣчества; если Славянское племя призвано войти всѣмъ своимъ организмомъ въ со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 176.

ставъ латино-германскаго міра; если оно, пока не сольется съ нимъ внутреннею жизнію, должно оставаться жертвою мрака и зла, — то польское дѣло есть, очевидно, дѣло исторически-правое; польская пропаганда должна быть признана благодѣтельницею славянскаго народа, еще чуждаго Западной жизни, и исторія не можетъ не дать окончательно торжества Польшѣ и польскимъ идеямъ во всемъ Славянскомъ мірѣ.

Такъ думали и думаютъ большая часть Поляковъ. Это убѣжденіе и эта надежда присущи почти всѣмъ польскимъ мыслителямъ; они вдохновляютъ и въ настоящее время большинство двигателей польскихъ.

Г. Шайноха не высказывается положительно; онъ сомнѣвается. Польша, говоритъ онъ, пріобщилась къ западно-европейскому просвѣщенію, у котораго весь восточно-христіанскій міръ *еще* не смѣетъ оспаривать превосходства: такова нерѣшительная фраза польскаго историка.

А что, если онъ когда нибудь станетъ его оспаривать? Что, если Славянское племя должно и дѣйствительно имѣетъ силу стремиться не къ подчиненію стихіямъ латино-германской Европы, а напротивъ — къ внутренной самобытности? Что, если темная масса Русскаго народа оказалась убѣжищемъ и хранительницею возможной, духовной и общественной, самобытности Славянскаго племени? Какъ представилось бы въ такомъ случаѣ историческое дѣло Польши?

Въ такомъ случаѣ мы (не обвиняя, разумѣется, въ частности ни прежнихъ поколѣній польскихъ, ни Поляковъ, современниковъ нашихъ, ибо это невольный плодъ исторической судьбы), мы сказали бы, что Польша совершила историческую измѣну славянскому дѣлу, что, въ прошедшемъ, казавшееся столь близкимъ торжество польскаго владычества въ Русской землѣ убило бы всю будущность Славянскаго племени и что, въ настоящемъ, Поляки, вооружающіеся во имя преданій своей прежней исторіи противъ Русской земли, тѣмъ самымъ ратуютъ противъ исторической будущности Славянскаго міра.

И таковъ именно *нашъ* взглядъ на эту борьбу...

Но впрочемъ, кому что за дѣло до нашего взгляда? Исторія представляетъ факты, ея логика сильнѣе нашихъ теоретическихъ выводовъ.

Когда Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго органическаго сліянія своего съ латино-германскою Европою и могла обратиться на русскій востокъ съ пропагандою воспринятыхъ ея началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала Польша. Почти безъ насилія земля Галицкая при-

соединилась къ ней при Казимірѣ Великомъ. Это было первымъ шагомъ къ нравственному завоеванію Поляками Русскихъ земель. Примѣръ Галиціи возбудилъ въ Полякахъ сознаніе той будущности, которая открывалась имъ на славянскомъ востокѣ, и, руководимые этимъ сознаніемъ, магнаты польскіе нарочно, почти насильственно [1]) навязали наслѣдницѣ Польскаго престола бракъ съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягеллою, властелиномъ всей западной половины Русскихъ земель. Вліяніе польское вдругъ распространилось до Смоленска, до Кіева, до Новгородъ-Сѣверска и Брянска; и этотъ союзъ, еще сомнительный при Ягеллѣ, скрѣплялся все тѣснѣе и тѣснѣе съ каждымъ поколѣніемъ, и при внукѣ Ягелла самъ Великій Новгородъ едва не присоединился къ этимъ мирнымъ завоеваніямъ, которыя доставляло Польшѣ превосходство ея образованности, ея аристократической организаціи надъ невѣжествомъ и безсознательностью Русской земли.

Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя славянскія начала не поддавались стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала подымать голову противъ польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ приходится уже полунасиліемъ упрочивать свое господство надъ русскимъ народомъ. Полунасиліемъ заставляетъ она литовско-русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (Люблинская унія 1569 года); полунасиліемъ заставляетъ она русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (Брестская унія 1595 года) и насильственно вводитъ эту унію. Наконецъ, полное торжество Польши надъ русско-славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ: польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться пропагандѣ польской цивилизаціи.

Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу Славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни: на столько развилось уже въ Русской землѣ сознаніе ея внутренней самобытности.

Изгнаніе Поляковъ изъ Московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: Русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: Русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ ска-

---

[1]) Это вполнѣ доказано польскимъ историкомъ г. Шайнохою, въ его превосходной книгѣ „Jadwiga i Jagiełło“.

зать, историческую задачу Польши въ отношеніи къ Русской землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, два прежнихъ великихъ факта: освобожденіе Москвы и возстаніе Малороссіи, доказали только, что Русская земля предпочитаетъ свою религіозную и общественную самостоятельность западно-европейскимъ стихіямъ католической и шляхетской Польши; но на сторонѣ Польши оставалось еще одно огромное преимущество, одно сильное орудіе преобладанія — образованность и наука, принятыя Польшею отъ Западнаго міра вмѣстѣ съ его религіозными и общественными началами. Пока Польша была образована, а Россія невѣжественна, вопросъ еще былъ сомнителенъ, какой сторонѣ принадлежитъ будущность въ Славянскомъ мірѣ: образованной ли славянской землѣ, но отказавшейся отъ внутренней самобытности, или землѣ, съ задатками самобытнаго развитія, но коснѣющей въ невѣжествѣ?

При Петрѣ Великомъ Русская земля окрѣпла уже до такой степени, что для нея сдѣлалось возможнымъ принять западную науку и образованность, не отказываясь не только отъ своей внѣшней независимости, но и отъ внутренней самобытности своей жизни (мы не говоримъ, разумѣется, объ отдѣльныхъ увлеченіяхъ западными идеями и формами, увлеченіяхъ, которыя такъ сильно дѣйствуютъ и донынѣ и значенія которыхъ въ русско-польскомъ вопросѣ мы еще коснемся; но общій историческій смыслъ и окончательный результатъ Петровской реформы именно таковъ). — Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизаціи, и съ этимъ не вошла, подобно Польшѣ, въ составъ латино-германскаго міра, не потеряла началъ своего самобытнаго славянскаго развитія. Дѣло Польши въ русскомъ мірѣ, какъ сказано, устранялось реформою Петра Великаго, и замѣтьте, какъ ясно засвидѣтельствовала о томъ сама исторія. Петръ былъ первый изъ Русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней, какъ у себя дома: такъ безсильна стала Польша передъ Россіею, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія — западною образованностью.

Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя Русскія области, которыя она въ XIV и XV вѣкѣ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ Русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія). Польская земля, т. е. земля, населенная Поляками, старая земля Казиміра Велпкаго, очутилась

какимъ-то жалкимъ обрубкомъ среди сложившихся вокругъ ея государствъ, похожая на человѣка, котораго весь жизненный подвигъ оказался несостоятельнымъ и который, потерявши все, остается безпріютнымъ и сирымъ среди новыхъ лицъ, новыхъ потребностей. Это чувство безпріютности и сиротства составляетъ, безспорно, самую характеристическую черту Польскаго народа въ эпоху, начавшуюся для него съ конца XVIII вѣка. Оно можетъ пройти только тогда, когда Польша дѣйствительно сознаетъ несостоятельность своего прежняго историческаго стремленія — властвовать во имя Западныхъ началъ въ Славянскомъ мірѣ, когда она сама сдѣлается славянскою по духу. Но всякій пойметъ, какъ тяжелъ долженъ быть такой подвигъ самоотреченія, сколько нужно для него времени и разочарованій. И надобно сказать, что совершеніе этого подвига зависѣть будетъ не только непосредственно отъ Польши, но и отъ самой Россіи. Россія одна въ состояніи, органическимъ развитіемъ славянскаго духа, положить рѣшительный конецъ старымъ преданіямъ и надеждамъ польской пропаганды, іезуитской и шляхетской; и тогда только въ Полякахъ можетъ возникнуть потребность новой дѣятельности, дружной съ Русскимъ народомъ, направленной къ общему благу Славянства. Но сама Россія, принимая богатства западной образованности, также, въ увлеченіи западною жизнію, забывала свои славянскія начала. Увлеченія эти, правда, были только частныя, ограничивавшіяся верхними слоями общества; славянскія начала не уступили въ Россіи, какъ въ Польшѣ, мѣсто латино-германскимъ стихіямъ; славянскій духъ уцѣлѣлъ въ Россіи, и по мѣрѣ подъема народныхъ силъ, нынѣ освобожденныхъ отъ узъ неволи, онъ неминуемо будетъ развиваться все болѣе и болѣе. Однако увлеченіями своими къ западнымъ началамъ жизни, Россія, по самой природѣ вещей, способствовала поддержанію въ Полякахъ ихъ старыхъ преданій и понятій; всякое уклоненіе Россіи отъ самобытной почвы славянской въ область западныхъ стихій давало и даетъ пищу старому польскому духу. Такимъ образомъ Россія, которая при Екатеринѣ II окончательно развила у себя крѣпостное право и довела его до послѣднихъ крайностей, Россія примѣнила этотъ самый принципъ, совершенно чуждый славянскимъ понятіямъ, подарокъ Запада Славянскому племени, къ землямъ, пріобрѣтеннымъ при раздѣлахъ Польши. Вмѣсто того, чтобы уничтожить тамъ это насажденіе Польши, она его признала и узаконила: она узаконивала тѣмъ самымъ гражданское владычество польскаго шляхетскаго меньшинства надъ милліонами русскаго народа. И неудивительно, что Поляки продолжали считать себя господами въ этомъ пространномъ русскомъ краѣ, что они не теряли надежды возстановить въ немъ и политическое свое владычество, возвратить въ бу-

дущемъ Польшѣ области по Днѣпръ и Двину, т. е. весь тотъ край, въ которомъ они сохраняли гражданскую власть въ силу крѣпостнаго права, утвержденнаго за ними Екатерининскимъ законодательствомъ.

Увлеченіе Западомъ, и потому самому уступчивость наша старымъ польскимъ идеямъ, достигли своего апогея при императорѣ Александрѣ I, воспитанникѣ Лагарпа, другѣ Чарторижскаго. Извѣстно, что его русскіе подданные даже сѣтовали на него за предпочтеніе, которое онъ оказывалъ Полякамъ. Объ этомъ знаютъ люди, помнящіе ту эпоху, объ этомъ говорятъ самыя вѣрныя письменныя свидѣтельства. Императоръ Александръ I сочувствовалъ аристократическому духу Поляковъ; онъ восхищался ихъ рыцарскимъ характеромъ, и не находилъ ни этого аристократическаго характера, ни этого рыцарства въ Русскомъ народѣ. Занявъ, послѣ пораженія Французовъ въ 1812 году, правомъ завоевателя, Варшавское герцогство, т. е. Польшу въ собственномъ смыслѣ, землю Польскаго народа, Русскій государь рѣшился возстановить Польское королевство съ полною гражданскою и даже военною автономіею, и онъ исполнилъ это вопреки сильнѣйшему противодѣйствію главныхъ европейскихъ державъ. Не только континентальныя державы всѣми силами старались на Вѣнскомъ конгрессѣ отклонить Александра Павловича отъ этого намѣренія, даже Англія убѣждала его «обратить Польшу въ простыя русскія губерніи». Кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею европейской дипломаціи 1814 и 1815 годовъ, тому извѣстны всѣ эти, кажущіеся для насъ теперь столь странными, факты. Извѣстно также, что императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія препятствіями, какія воздвигались Европою противъ его мысли о возстановленіи Польши, былъ готовъ объявить за это войну своимъ союзникамъ, что манифестъ и воззваніе къ Польскому народу были уже написаны, и что только полученное въ то время извѣстіе о высадкѣ Наполеона устранило эту войну. Извѣстно, что въ рѣчи, при открытіи въ Варшавѣ сейма, Поляки были выставлены передъ Россіею какъ образецъ, къ которому ей слѣдовало стремиться. Извѣстно, наконецъ, что при Александрѣ Павловичѣ правительство дало въ западныхъ губерніяхъ такой просторъ и оказывало такое покровительство польской стихіи, что значительная часть тамошняго мѣстнаго русскаго дворянства именно въ это время перешла въ католицизмъ и приняла польскую народность.

При такихъ условіяхъ въ самой Россіи, весьма естественно, что Поляки не теряли надежды, что того и гляди западная половина имперіи отдана будетъ Польшѣ, и отечество ихъ явится снова одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но надежды эти не сбыва-

лись. Императоръ Александръ I, при всемъ своемъ сердечномъ влеченіи къ Полякамъ, не могъ измѣнить долгу Русскаго государя, не могъ отдать имъ полъ-Россіи; еще менѣе возможно было ожидать этого отъ его преемника. Тогда Поляки поднялись, чтобы взять силою то, чего они прежде ожидали отъ нравственнаго вліянія своего, отъ вліянія западныхъ идей на Русское правительство.

Всякій, кому сколько нибудь знакома исторія того времени, понимаетъ, что обвиненіе въ нарушеніи конституціи, данной Польшѣ Александромъ Павловичемъ, было только оффиціальнымъ предлогомъ революціи 1830 года, фразою для прокламацій и европейской печати, а что дѣйствительною цѣлію возстанія было—возстановить Польшу въ ея прежнемъ господствѣ надъ западными русскими областями, дѣйствительнымъ поводомъ — надежда легче достигнуть этого при тогдашнемъ замѣшательствѣ европейскихъ дѣлъ. Прочтите любой памятникъ польскій, принадлежащій стану инсургентовъ 1830 и 1831 годовъ, и вы въ томъ убѣдитесь; а чтобы показать, какъ крѣпко укоренилась эта мысль въ тогдашнихъ Полякахъ, я приведу слѣдующій фактъ, который знаю отъ очевидца. Когда въ 1831 году Русскія войска стали подъ Варшавой и готовились брать штурмомъ послѣднее убѣжище Поляковъ, Вольское укрѣпленіе, фельдмаршалъ Паскевичъ пригласилъ командовавшаго Полякми генерала Круковецкаго на свиданіе для переговоровъ. Дальнѣйшая защита была уже очевидною невозможностью, и фельдмаршалъ считалъ нужнымъ спросить Круковецкаго объ условіяхъ, на которыхъ онъ думалъ прекратить безполезное кровопролитіе. И что же? Польскій генералъ объявилъ, что единственное условіе капитуляціи, это—возстановленіе Польскаго государства въ границахъ 1772 года, съ Бѣлоруссіей, Литвою и Украйной!

Катастрофа 1831 года не ослабила этихъ надеждъ. Напротивъ того, онѣ еще сильнѣе воспламенились, вслѣдствіе образовавшейся тогда польской эмиграціи, которая, будучи оторвана отъ почвы дѣйствительности, отъ народа и его живыхъ силъ, вся предалась обаянію фантазіи. Надобно помнить, что польская эмиграція была чрезвычайно многочисленна, что она состояла изъ десятковъ тысячъ людей, все болѣе или менѣе лицъ образованныхъ, считала въ своихъ рядахъ политическія знаменитости, какъ князя Адама Чарторижскаго, поэтовъ, какъ геніальнаго Мицкевича, ученыхъ, какъ Лелевеля и мн. др., — и это объяснитъ намъ ея громадное вліяніе на страну. Она имѣла свою исторію; она имѣла свою литературу, откликалась на вопросы текущаго дня и всему, что̀ относилось, посредственно или непосредственно, къ Польшѣ, придавала тотъ фантастическій колоритъ, который можно понять и должно извинить потому только, что это было именно плодомъ эмиграціи, плодомъ общества, поставлен-

наго внѣ всякой жизненной дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, между 1830 и 1848 годами стала все болѣе и болѣе развиваться идея славянской народности и славянскаго братства. Какой же видъ приняла эта идея въ литературѣ польской эмиграціи? Во-первыхъ, Русскихъ пришлось исключить изъ славянской семьи, изъ славянскаго братства: *Москали* были признаны Финнами, Татарами, Монголами, смѣсью какихъ угодно племенъ, но только не Славянами. Однако эти *Москали* заняли въ славянскомъ мірѣ весьма замѣтное мѣсто, котораго отрицать было невозможно. Вслѣдствіе того, создалась въ польской эмиграціи особая историко-мистическая теорія; славянскій міръ былъ раздѣленъ на двѣ враждующія противоположности, на міръ добра и свободы, представительницею котораго служила Польша, и на міръ рабства и зла, воплощенный въ Россіи (см. курсъ Мицкевича о Славянской литературѣ, книгу Мѣрославскаго «de la nationalité polonaise dans l'équilibre européen» и множество другихъ произведеній эмиграціи). Стòило ступить шагъ далѣе, и эта историко-мистическая теорія прямо переходила въ новую религію. И дѣйствительно, Мицкевичъ, который въ началѣ своихъ курсовъ о Славянской литературѣ развивалъ эту систему дуализма Польши и Россіи, — въ концѣ тѣхъ же курсовъ выступилъ открыто какъ проповѣдникъ мессіанизма, новой вѣры, откровеніе которой онъ получилъ отъ извѣстнаго Товіанскаго и которой онъ далъ санкцію своего великаго имени. Сущность этой религіи состояла въ томъ, что Польскій народъ есть новый Мессія, посланный для искупленія всего рода человѣческаго, что онъ, какъ Мессія, страдалъ, былъ распятъ и погребенъ, и воскреснетъ, и одолѣетъ духъ мрака, воплощенный преимущественно въ Россіи, и принесетъ съ собою всему человѣчеству царство свободы и блаженства. Мессіанизмъ, развившійся въ 1842 — 1844 годахъ, возбудилъ противъ себя протесты самого католическаго духовенства и не могъ долго удержаться даже въ средѣ польской эмиграціи: но онъ важенъ, какъ самый яркій признакъ того умственнаго состоянія, до котораго могли дойти эти люди. — Однако и послѣ паденія мессіанизма, характеръ эмиграціонной литературы не измѣнился. Западно-европейскій демократизмъ былъ внесенъ въ нее и примѣненъ къ Польшѣ, къ Славянскому племени. Но и демократическій духъ въ этой сферѣ оставался также чуждъ народнымъ началамъ славянскимъ, какъ аристократическій духъ старой, шляхетской Польши, державшійся упорно въ одной партіи между эмигрантами. Польскій демократизмъ оставался произведеніемъ Западныхъ понятій, идеею, діаметрально противоположною славянской общинѣ, этой демократической основѣ коренного славянскаго быта, замѣняя славянскую общину завистливымъ равенствомъ не связанной никакимъ внутреннимъ союзомъ толпы. Но

какъ же отзовется этотъ принципъ равенства и демократіи на вопросъ о западно-русскихъ областяхъ, стольщекотливый для него, ибо Польша можетъ имѣть притязаніе на нихъ только во имя аристократическаго, пришлаго меньшинства надъ массами туземнаго народа? Отвѣтъ эмиграціи слѣдующій: Русскаго народа нѣтъ, это миѳъ; есть Москали, но они (какъ приведено уже выше) не Славяне, не Русскіе, и Русскими стали именоваться только по указу императрицы Екатерины II; народонаселеніе же въ западныхъ губерніяхъ Россіи и Галиціи — *Русины* или *Рутены*, вѣтвь Польскаго племени, говорящая польскимъ нарѣчіемъ, такъ что даже преподобный Несторъ былъ польскій лѣтописецъ. Все это читатели найдутъ буквально въ цѣлой массѣ произведеній польской эмиграціонной литературы; въ доказательство, что я не преувеличиваю, приведу только первую страницу длиннаго вступленія г. Рыкачевскаго къ его французскому переводу Лелевелевой «Исторіи Литвы и Руси до ихъ окончательнаго соединенія съ Польшею въ 1569 г.» Цѣль этого вступленія, по словамъ автора, «доказать, что то, что̀ называютъ Россія, есть лишь выдумка, безсмыслица, новое напменованіе, отвергаемое исторіей». «Нынѣшняя Россія, продолжаетъ польскій писатель, — «за исключеніемъ областей, занятыхъ въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, равно какъ и тѣхъ, которыя захвачены были въ XVII вѣкѣ, областей, которыя всѣ принадлежатъ польской народности, есть ни что иное, какъ Московія, страна неславянская, народности азіятской и варварской, объявленная въ XVIII столѣтіи европейскимъ государствомъ, объявленная принадлежащею къ славянской народности по указу, созданію абсолютной власти одной царицы. Россія носитъ имя, ей непринадлежащее; она славянская по тому же праву, какъ Австрія. Московія, основанная въ XII вѣкѣ, въ противоположность и изъ ненависти къ духу славянскому или лучше сказать, польскому, возвысилась раздѣломъ славянскихъ земель, уничтоженіемъ ихъ народности. Нынѣшняя Россія есть наибольшая противоположность славянскимъ идеямъ, въ особенности же идеямъ и вѣрованіямъ польскимъ. Что̀ Польша утверждаетъ, то отрицаетъ Россія. Это наименованіе *Россія* ничего не обозначаетъ. Это есть выраженіе чисто дипломатическое. Народность русская также мало представляетъ дѣйствительна. Существуетъ народность московская,— славянская, если вы непремѣнно этого хотите, но весьма слабая, неимѣющая въ себѣ ничего серьезнаго, и только внѣшняя, кажущаяся. Что же касается до души, до идеи славянской, то она еще не родилась. Достаточно ли выражаться по-французски для того, чтобы принадлежать къ французской народности? Русскіе употребляютъ славянскій языкъ, который они усвоили себѣ въ XII вѣкѣ, исказивъ

его. Но какія идеи, какія вѣрованія у нихъ общія съ Славянами, и въ особенности съ Польшею? Никакія...» [1])

Любопытно видѣть, какъ и въ этомъ хаосѣ просвѣчиваетъ сознаніе внутренней противоположности началъ русскихъ съ польскими.

Мы просимъ нашихъ читателей не смѣшивать всей этой эмиграціонной литературы съ произведеніями польскихъ писателей въ Варшавѣ, Познани и Львовѣ, въ Вильнѣ и Петербургѣ. Здѣсь, въ сферѣ жизни дѣйствительной, въ соприкосновеніи съ народною почвою, польскою или русскою, не могло возникнуть ничего подобнаго. Среда живой дѣйствительности производила и живыя, основанныя на сознаніи дѣйствительныхъ фактовъ, явленія; она произвела глубокоученые труды Мацѣевскаго, она произвела добросовѣстную исторію Моравевскаго, она произвела превосходныя историческія монографіи Шайнохи и множество другихъ замѣчательныхъ сочиненій. Съ этими писателями можно во многомъ не соглашаться, можно часто (особенно у Шайнохи) видѣть нѣкоторую односторонность и увлеченіе во взглядѣ, однако чувствуешь, что тутъ находишься совсѣмъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ въ литературѣ польской эмиграціи.

Но въ послѣдніе годы и еще въ настоящее время, слово остается не за живою, туземною, такъ сказать, литературою польскою, а за литературою эмиграціонною. Мы сами отчасти извѣдываемъ на опытѣ, какъ велико можетъ быть умственное вліяніе эмиграціи, даже самой немногочисленной. Представимъ же себѣ, какое вліяніе на цѣлыя сферы общества должна была имѣть эмиграція польская, считающая тысячами своихъ членовъ, располагающая огромными денежными источниками, связанная безчисленными нравственными узами съ родиною и дѣйствующая на страну, которую историческая судьба поставила подъ власть иноземцевъ. Вспомнимъ, что дѣйствіе это продолжается уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, составивъ себѣ по приведеннымъ образчикамъ очеркъ идей, вырабатываемыхъ и распространяемыхъ этою эмиграціею, посудимъ о томъ, какое нервическое раздраженіе, какія фантастическія понятія должны были овладѣть значительною частію польскаго общества.

Прибавимъ ко всему этому, что сила исторіи требуетъ отъ Поляковъ, въ отношеніи къ Русской землѣ, жертвы дѣйствительно тяжелой, одной изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, какая когда либо требовалась отъ человѣческаго общества безпощадною властію историческаго развитія. Небольшой народъ Польскій, воспитанный въ принципахъ католицизма и аристократіи, во имя этихъ принциповъ пріі-

[1]) Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie jusqu'à leur union définitive avec la Pologne conclue à Lublin en 1569, par Joachim Lelewel, traduit par E. Rykaczewski, avec les notes du traducteur. Paris et Leipzig 1861. Introd. pag. V et VI.

обрѣлъ господство надъ огромнымъ пространствомъ славянскихъ земель, населенныхъ народомъ другаго нарѣчія, другой вѣры, другихъ началъ общественныхъ. Нѣсколько столѣтій наслаждался онъ этимъ господствомъ; онъ привыкъ считать его законнымъ и вѣчнымъ, потому что католицизмъ твердилъ ему, что римская церковь одна властна надъ міромъ, одна источникъ спасенія для души человѣческой, что вѣра подвластнаго народа есть вѣра холопская; аристократическій принципъ твердилъ ему, что Польша, по праву своей шляхты, закрѣпила за собою безспорнымъ владѣніемъ эти прекрасныя русскія и литовскія земли; народная гордость, воспитанная католицизмомъ, аристократическимъ духомъ и прошлымъ господствомъ, твердила, что польская нація дѣйствительно призвана къ такому владычеству, и оправдывала это владычество чувствомъ презрѣнія къ подчиненному племени. И что же? Вдругъ на дальнемъ горизонтѣ востока является недуманно-негаданно какая-то чуждая сила: это Москва, бившая челомъ предъ Татарскимъ ханомъ, исповѣдующая ту же вѣру, какъ бѣлорусскій и украинскій *хлопъ*, незнающая шляхетскаго *гонору*, и по всему этому также презираемая, какъ западно-русское простонародье. И эта Москва мало-по-малу развѣнчиваетъ Польскую націю, забираетъ всѣ ея области. И теперь сила историческаго развитія требуетъ, чтобы Полякъ отказался отъ мысли властвовать надъ Русскимъ народомъ, чтобы онъ, шляхтичъ и католикъ, призналъ себя гостемъ, терпимымъ по милости, въ странѣ, гдѣ предки его были хозяевами, чтобы онъ призналъ тамъ первенство и прирожденное право господства за мужицкою народностью, за мужицкою вѣрою. Поймите всю тягость этой требуемой жертвы, поймите, что съ этимъ поставленъ вопросъ: быть ли Полякамъ — небольшимъ 5-ти или 6-ти милліоннымъ народомъ или властителями значительной части европейскаго материка, и вы поймете, за что собственно идетъ современная намъ борьба.

Борьба эта есть результатъ (и, будемъ надѣяться, приготовленіе къ исходу) всей прежней исторіи, привившей славянскую Польшу къ чужому организму, къ міру латино-германскому, сдѣлавшей ее носительницею чуждыхъ Славянскому племени историческихъ началъ. И вотъ, въ послѣднее время, особенно подъ гальваническимъ вліяніемъ эмиграціи, доводящей до абсолютной формулы въ теоріи и до болѣзненной крайности на практикѣ всѣ историческія начала польской жизни, выступило наружу, облеклось въ дѣйствительные факты это внутреннее противорѣчіе польскихъ историческихъ началъ съ славянскою основою Польскаго народа. «По дѣламъ ихъ познаете ихъ». И мы видѣли, и видимъ ихъ дѣла; мы осязаемъ это внутреннее противорѣчіе.

Мы видѣли ихъ въ 1848 году проливающими свою кровь за угнетателей Славянскихъ народовъ, за Мадьяръ, противъ Сербовъ, Хорватовъ, Словаковъ и Русскихъ и, послѣ пораженія, вступающими въ ряды другихъ угнетателей Славянъ, — въ Турецкую армію.

Мы видѣли ихъ въ 1854 году снаряжающими «казацкій легіонъ» на защиту Турецкаго мусульманства отъ христіанской и славянской Россіи.

Мы видѣли ихъ въ 1862 году командующими Турецкими войсками для завоеванія Черногоріи.

Мы видѣли и видимъ, какъ они сами рекомендуютъ себя западной Европѣ, «какъ единственныхъ между Славянами враговъ и противоборцевъ *панславизма*» (т. е. предполагаемой въ будущемъ самобытности и единенія Славянскихъ народовъ), и какъ нѣмецкіе либералы, тѣ самые люди, которые мечтаютъ о будущемъ господствѣ Германіи надъ славянскимъ Востокомъ, берутъ ихъ за это подъ свое покровительство (прочитайте только рѣчи либеральной германской партіи въ Прусскомъ парламентѣ, прочитайте, что̀ пишутъ либеральныя нѣмецкія газеты въ Австріи и другихъ странахъ).

Есть въ этомъ положеніи современной Польши что-то трагическое, плодъ именно этого внутренняго противорѣчія между общественными стремленіями Польши и историческими требованіями ея славянской основы; и это противорѣчіе особенно ярко обозначается въ настоящемъ возстаніи.

Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ готовили по видимому мирное разрѣшеніе русско-польской распри. Съ одной стороны, освобожденіе крестьянъ выводило милліоны русскаго народа въ западныхъ губерніяхъ нашихъ изъ-подъ господства чужой народности, открывало этой части русскаго племени путь къ развитію, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, это дѣло обходилось безъ истребленія и безъ экспропріаціи польскаго аристократическаго меньшинства, какъ было при освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ. А съ другой стороны, земля собственно польская, Царство Польское, — всѣ это видѣли, — быстро приближалось къ полной гражданской автономіи относительно Россіи, при сохраненіи съ нею связи, польза которой для Россіи можетъ казаться весьма сомнительною, но которая, въ виду возрастающей силы Германскаго элемента на западѣ, едва ли бы могла быть замѣнена, въ интересахъ Польской народности, болѣе выгодною политическою комбинаціею.

И среди этого мирнаго развитія обстоятельствъ, развязывавшаго мало-по-малу русско-польскій узелъ — возвращеніемъ Русскому народу самосостоятельности въ русскихъ областяхъ, возвращеніемъ Польскому народу автономіи въ польской землѣ, — вспыхнуло возстаніе.

Иначе, кажется, и быть не могло; слишкомъ трудно было, чтобы Поляки при всѣхъ тѣхъ стихіяхъ, которыя таились въ ихъ общественной жизни, согласились безъ боя на такой исходъ ихъ вѣковой борьбы съ Русскою землею; слишкомъ трудно было чтобы они безъ протеста приняли изреченіе своего великаго историка: «Давнія времена не возвращаются; настоящее должно быть или много ниже или же много выше прошедшаго» [1]). И замѣчательное совпаденіе: первыя волненія въ Варшавѣ послѣдовали непосредственно за обнародованіемъ манифеста 19-го Февраля 1861 года; нынѣшнее возстаніе (если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) было расчитано именно въ виду предстоявшаго истеченія перваго двухгодичнаго срока крестьянской реформы. Такимъ образомъ Поляки вооружались противъ Россіи подъ знаменемъ свободы именно въ то время, когда Россія мирно сбрасывала съ себя узы народнаго порабощенія и возвѣщала свободу всей массѣ своего населенія. Польша становилась въ противорѣчіе съ необходимымъ политическимъ результатомъ освобожденія Русскаго народа и, сперва устами Подольскихъ дворянъ и дворянъ, готовившихъ извѣстный адресъ Замойскаго, а затѣмъ тысячами воззваній и газетныхъ статей, наводнившихъ всю европейскую журналистику и сопровождавшихъ вооруженное вторженіе въ русскія области, захотѣла снова наложить на этотъ освобождаемый народъ иго чужой національности. И хотя инсургенты, на первыхъ порахъ, какъ увѣряютъ, носили передъ собою, идя на встрѣчу русскимъ войскамъ, знамя, на которомъ было написано: «за свободу нашу и вашу», — однако живой историческій инстинктъ сказался въ нашихъ солдатахъ и въ народныхъ массахъ западно-русскихъ губерній: они поняли, что это знамя не несетъ свободы Русскому народу.

Въ самомъ дѣлѣ, то внутреннее противорѣчіе, которое преслѣдуетъ славянскую Польшу въ ея подчиненіи историческимъ началамъ чуждаго, неславянскаго міра, это внутреннее противорѣчіе характеризуетъ и нынѣшнюю борьбу Поляковъ.

Они сражаются во имя свободы и сами искренно вѣруютъ этому; а западная Европа, Англія и Германія радуются и сочувствуютъ этой борьбѣ, потому что она на неопредѣленное время отсрочиваетъ освобожденіе Славянскихъ народовъ на Востокѣ.

Они сражаются подъ знаменемъ европейскаго либерализма, и искренно убѣждены въ либеральности своихъ идей; а въ то же время они союзники самыхъ крайнихъ представителей средневѣковаго фанатизма: не только Монталамберъ, но и Вельо привѣтствуютъ этихъ бойцовъ либеральныхъ идей.

---

[1]) Jadwiga i Jagiełło 2-е изд. стр. X.

Они сражаются подъ знаменемъ народности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности 10-милліоннаго, славянскаго же народа на Руси, стремясь къ возстановленію господства надъ нимъ Польской національности. Они считаютъ себя демократами и, чтобы привлечь этотъ народъ къ себѣ, обѣщаютъ ему матеріальную свободу, но съ тѣмъ вмѣстѣ несутъ съ собою нравственное закрѣпощенье Бѣлорусса, Малорусса, Литвина аристократическому меньшинству польскому, поселившемуся въ ихъ землѣ.

Вотъ это-то внутреннее противорѣчіе и составляетъ безсиліе польскаго дѣла. Но не будемъ судить этихъ людей слишкомъ строго и въ особенности не станемъ надъ нимъ глумиться: это плодъ старой судьбы исторической, это необходимый, но невольный исходъ всей прежней исторіи Польши. И вспомнимъ, что мы сами не безвинны, вспомнимъ, много ли мы сдѣлали, чтобы предупредить рѣзкій характеръ этого исхода — своевременнымъ содѣйствіемъ развитію Русской народности въ областяхъ, гдѣ она находилась подъ властію Поляковъ, своевременнымъ удовлетвореніемъ потребностямъ Польской народности въ ея собственномъ отечествѣ? Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не мы стали бы оспаривать въ чемъ либо истину горячихъ строкъ, вылившихся изъ-подъ пера автора брошюры, слишкомъ мало, къ сожалѣнію, у насъ извѣстной и оцѣненной: «Взглядъ на политическое и общественное развитіе въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 года до нашихъ временъ» [1]).

Но прошлаго не воротишь, и теперь намъ приходится бороться съ Поляками кровавою борьбою. Я надѣюсь, что въ предъидущихъ страницахъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени разъяснить историческое значеніе этой борьбы и показать, что войска наши сражаются не только потому что велѣно, не только за политическое право, основанное на трактатахъ 1815 года, и даже не только за права Русской народности въ Русской землѣ, но что подъ наше знамя исторія поставила самобытность Славянскаго племени, свободную будущность общественнаго и духовнаго развитія Славянства.

Не могу предвидѣть, долго ли продлится настоящее возстаніе, и какіе будутъ его непосредственные политическіе результаты для Россіи и для Польши. Но какой бы дѣла ни приняли оборотъ, я буду смотрѣть на будущее совершенно спокойно. На то есть простая логика человѣческая, чтобы знать, что такое племя, какъ Славянское, не можетъ быть осуждено на подчиненіе общественнымъ и духовнымъ началамъ инаго историческаго міра, что оно должно быть призвано къ само-

---

[1]) Rzut oka na rozwój polityczny i społeczny w Królestwie Polskiem od roku 1831 do naszych czasów. Лейпцигъ, 1862. Брошюра эта приписывалась маркизу Велепольскому.

бытному органическому развитію. На то есть логика исторіи, чтобы знать, что Русская земля, коль скоро она, и именно она одна (въ чемъ и сомнѣнья нѣтъ), представляетъ возможность такого самобытнаго, органическаго развитія славянскаго, не можетъ не одолѣть силъ, вооружающихся противъ этого развитія, и что неотвратимый ходъ событій долженъ нести ее впередъ.

3-го Апрѣля 1863 г.
С. п. б.

II.

Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу? — Вмѣшательство Европы. — Отношенія Русскаго народа къ чужимъ племенамъ.—Можетъ ли Россія отдѣлаться отъ Польши? — Польша XIX и Чехія XVII столѣтій. — Западная Русь и польскія притязанія. — Способы соединенія Польши съ Россіей. — Система дѣйствій правительства съ 1772 по 1 Марта 1863 года. — Освобожденіе крестьянъ въ Западной Руси: — характеръ стремленій *Русскихъ* и *Польскихъ* дворянъ при разработкѣ Положеній 19 Февраля. — Параллель между Россіею и Америкой. — При какихъ условіяхъ возможно полное возрожденіе западной Руси? — Въ западной Руси ключъ къ разрѣшенію Польскаго вопроса.

Въ началѣ 1863 года мы прочли въ газетахъ о ночномъ нападеніи вооруженныхъ людей на наши войска въ Царствѣ Польскомъ; и то, что̀ могло казаться тогда мимолетною вспышкою нѣсколькихъ безумцевъ, приняло вдругъ размѣры громаднаго государственнаго вопроса для всей Россіи, поглотило все ея вниманіе, привело въ напряженіе всѣ ея силы.

Разумѣется, возстаніе въ Царствѣ Польскомъ получило такое огромное значеніе для насъ не вслѣдствіе матеріальныхъ успѣховъ нашихъ противниковъ, а по причинѣ европейскаго вмѣшательства. Но и вмѣшательство Европы отозвалось у насъ такой патріотической тревогой не потому единственно, что оно затронуло нашу честь, достоинство нашего народа и государства, и грозитъ намъ опасностями войны съ могущественнѣйшими державами запада; сила впечатлѣнія, произведеннаго у насъ попытками европейскаго вмѣшательства, принадлежитъ, безспорно, въ значительной долѣ и самому характеру вопроса, сдѣлавшагося предметомъ вмѣшательства, сознательному или инстинктивному пониманію того значенія, какое польскій вопросъ имѣетъ для Россіи.

Польша есть больное мѣсто Россіи: это сдѣлалось афоризмомъ въ Европѣ, и нѣтъ ничего вѣрнѣе, только афоризму этому надобно дать нѣсколько другой смыслъ, нежели въ какомъ онъ обыкновенно произносится. Польша есть больное мѣсто Россіи не потому только, что это безпокойная, неугомонная страна, которою мудрено править и которая вѣчно грозитъ бунтомъ; а, главное, потому, что Польша ставитъ Россію въ постоянное внутреннее противорѣчіе съ самой собою и тѣмъ отнимаетъ у нея свободу дѣйствія.

Россія, по своему значенію, есть держава по преимуществу славянская, единственная въ Европѣ представительница Славянскаго племени. При этомъ Русскій народъ, по своему характеру, не есть народъ, склонный къ угнетенію чужихъ племенъ, и въ славянской Россіи другія, неславянскія народности, вошедшія въ составъ нашего государства, не поставлены въ худшее положеніе, нежели Русскіе, а иногда пользуются лучшимъ положеніемъ. Финляндецъ, Остзеецъ, Закавказскій житель не скажутъ, чтобы Финская или Шведская, чтобы Нѣмецкая, Грузинская, Армянская народности были угнетены Русскою; а между тѣмъ единственная славянская народность, которую славянская Россія присоединила къ своему государству, играетъ въ немъ роль жертвы, взываетъ на всю Европу о своемъ угнетеніи, приглашаетъ всѣ неславянскіе народы освободить ее отъ русской власти!...

Вдумаемся въ этотъ фактъ, и мы поймемъ, въ какое противорѣчіе онъ насъ ставитъ. Мы влечемся искреннимъ сочувствіемъ ко всякому благородному подвигу у народовъ Европы; мы порываемся вѣрить въ высокую задачу нашего народа, нашего отечества; мы порываемся вѣрить, что Россія призвана

Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство
И правду, и безкровный судъ....

И вотъ мы оглядываемся вокругъ себя, и насъ встрѣчаетъ Польша, и вмѣсто любви и «святаго братства племенъ», вмѣсто того, чтобы быть «носителями правды и безкровнаго суда», мы видимъ, что насъ считаютъ палачами; мы видимъ себя предметомъ племенной вражды и ненависти, простирающейся до того, что насъ хотятъ лишить права на славянское происхожденіе, только чтобы не признавать въ «Москалѣ» своего брата по крови. Мы порываемся вѣрить, что прямое, священное призваніе Россіи есть покровительство Славянскимъ народамъ, заступничество за нихъ передъ Европою, содѣйствіе ихъ освобожденію. И опять мы должны оглянуться на Польшу, или если бы мы хотѣли забыть про нее, намъ укажутъ на нее наши недруги

и напомнятъ съ укоризною: «*врачу, исцѣлися самъ*».—Мы тяготимся преданіями «священнаго союза», мы рвемся на просторъ иной политической системы, мы видимъ себѣ природную точку опоры и надежныхъ союзниковъ въ живыхъ силахъ воскресающихъ или развивающихся народностей. И опять-таки мы спотыкаемся о Польшу; опять-таки должны сворачивать къ старымъ преданіямъ «священнаго союза», отступаемся отъ принципа народностей, опасаясь его примѣненія къ Польшѣ.

Вездѣ, на всѣхъ путяхъ, Польша заставляетъ Россію противорѣчить самой себѣ, своему призванію, своимъ политическимъ стремленіямъ и надеждамъ. И въ этомъ-то состоитъ коренная причина, почему Русскіе вообще такъ тяготятся обладаніемъ Польши, почему мы такъ часто и такъ искренно говоримъ про Польшу: «да Богъ съ ней совсѣмъ, не надо намъ ее». Едва ли какой нибудь другой народъ относится съ такими стоическими чувствами къ обладанію страною, которую приходится держать силою: едва ли Англичанинъ скажетъ, что ему Ирландіи не надо, едва ли Турокъ пожелалъ бы избавиться отъ Албаніи или Босніи, Прусакъ — отъ Познанской области.

«Такъ Богъ съ нею, съ Польшею», скажетъ читатель, если онъ согласенъ съ изложеннымъ въ предыдущихъ строкахъ взглядомъ на значеніе Польши для насъ: «надобно бросить Польшу, отдать ее; Богъ съ нею». Но въ томъ-то и дѣло, что отдать Польшу Россія не можетъ, что ей не отдѣлаться такимъ легкимъ и дешевымъ, физическимъ, такъ сказать, способомъ, отъ того внутренняго, *нравственнаго* противорѣчія, въ которое ставитъ ее обладаніе Польшею. Мы не можемъ отдать Царства Польскаго, по причинѣ связи Польши съ западными губерніями, мы не можемъ отдать Царства Польскаго, развѣ его у насъ отнимутъ силою, послѣ европейской войны, о которой подумать страшно и всего страшнѣе должно быть именно для Поляка, любящаго свое отечество: ибо въ такомъ случаѣ Польша имѣла бы, вѣроятно, такой же конецъ, какъ другая славянская страна, столь сходная съ нею по своему историческому развитію. О Польшѣ въ XIX вѣкѣ пришлось бы сказать то же самое, что̀ исторія говоритъ о Чехіи XVII вѣка, что она, отставъ отъ развитія окружающихъ странъ и остановившись на своихъ средневѣковыхъ аристократическихъ понятіяхъ и притязаніяхъ, — въ безразсудной попыткѣ шляхетскаго бунта, сама уже безсильная, сдѣлалась яблокомъ раздора между двумя половинами Европы и истекла кровью подъ ударами съ обѣихъ сторонъ. Вотъ какой былъ конецъ Чехіи, и не дай Богъ Польшѣ повторить эту трагедію и стать предметомъ и театромъ войны между западомъ и востокомъ Европы, какъ нѣкогда Чехія между католическою и протестантскою половинами европейскаго Запада. Для

насъ, конечно, война была бы тягостна и опасна; но, во всякомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ нея, послѣ большихъ или меньшихъ усилій и пожертвованій, съ миромъ болѣе или менѣе выгоднымъ. А Польша... для Польши европейская война будетъ окончательною гибелью, ее раздавятъ въ столкновеніи двухъ половинъ Европы, отъ нея останется груда развалинъ и трупъ издыхающаго народа, какъ отъ Чехіи послѣ тридцатилѣтней войны. Уже чешскій историкъ Палацкій произнесъ, по поводу настоящихъ событій, имя тридцатилѣтней войны; онъ напомнилъ Полякамъ о послѣдствіяхъ европейской борьбы, которую вызвала чешская шляхта и отъ которой погибъ весь Чешскій народъ. И именно тотъ, кому дорого дѣло Славянства, кто любитъ Польскій народъ въ надеждѣ его будущаго единенія съ Славянскимъ міромъ, содрогнется отъ подобной мысли.

Но, повторяемъ, хотя Польша тяготитъ насъ какъ источникъ внутренняго для насъ самихъ противорѣчія, отдѣлаться отъ нея, отдать ее мы не можемъ, если ее не вырветъ у насъ война; и причины тому такъ ясны, и уже такъ часто были высказываемы въ послѣднее время, что распространяться о нихъ было бы лишнимъ трудомъ. Мы должны держать Польшу не просто изъ народнаго или государственнаго самолюбія (хотя нельзя отрицать, что и честь Россіи имѣетъ въ этомъ дѣлѣ свой голосъ, особенно послѣ всѣхъ стараній, приложенныхъ Поляками и ихъ сотрудниками на Западѣ къ тому, чтобы сдѣлать ее чувствительною). Всякому очевидно, что мы не можемъ отдать Польшу вслѣдствіе существующихъ притязаній Поляковъ на обладаніе западною Русью. Отдать Польшу Полякамъ съ предоставленіемъ ей полной независимости значило бы, черезъ годъ или два, видѣть вторженіе польскаго войска въ западныя губерніи и быть поставленными въ необходимость снова завоевывать Польскую землю. Отдѣлаться отъ нея, уступивъ ее Пруссіи или Австріи, или обѣимъ вмѣстѣ, значило бы принести цѣлую славянскую народность въ жертву германизаціи (которой Поляки, какъ извѣстно, такъ мало способны противостоять), и вдобавокъ дать иностранцамъ, обладателямъ Польши, черезъ Поляковъ огромное вліяніе на весь нашъ западный край.

Мы должны держать Польшу для нашихъ западныхъ губерній. Но теперь представимъ себѣ всѣ случаи, всѣ способы, какими мы могли бы держать Польшу, — и они на практикѣ разобьются всѣ о тотъ же камень преткновенія, о притязанія Поляковъ на западную половину Россіи.

Дайте Польшѣ полную автономію съ династическою только связью между сю и Россіею, придумайте для нея какую угодно конституцію, — и польская шляхта западныхъ губерній будетъ тянуть къ ней,

повторяться будутъ Подольскіе адресы, и не прекратится въ западномъ краѣ болѣзненный антагонизмъ.

Соедините Польшу съ Россіей. Вы можете соединить ихъ двумя способами: во-первыхъ, общею абсолютною, безусловною диктатурой, во-вторыхъ, какими нибудь общими государственными учрежденіями. О первомъ способѣ и говорить нечего; вредъ его уже испытанъ и доказанъ исторіею. При такомъ способѣ мы поставили бы Польшу снова въ роль невинной жертвы, закалаемой деспотизмомъ и, благодаря этой роли и общему безмолвію, она стала бы опять подкапываться подъ насъ, стала бы ополячивать русскія области.

Затѣмъ оставался бы второй способъ. Но соедините Польшу съ Россіей общими государственными учрежденіями, какими угодно, хоть, совѣщательными, хоть всякими другими,—и въ эти учрежденія будетъ внесено, по причинѣ притязаній Поляковъ на западныя губерніи, зерно раздора и противорѣчія. Въ одномъ журналѣ высказана была мысль, что общее представительство было бы средствомъ для примиренія Польши съ Россіею. Но всякое представительство, будь оно совѣщательное, которое уже давно покойный К. С. Аксаковъ считалъ наиболѣе соотвѣтствующимъ основнымъ началамъ и воззрѣніямъ Русскаго народа, будь оно конституціонное въ западно-европейскомъ смыслѣ, подразумѣваетъ въ себѣ собраніе людей, имѣющихъ общую цѣль — желаніе блага государству, ихъ призывающему, и народу, ихъ избравшему. Всѣ партіи, всѣ разномыслія должны сходиться на этой общей для всѣхъ основной точкѣ. Оппозиція въ представительствѣ немыслима какъ оппозиція благу народа и интересамъ государства, а какъ оппозиція извѣстному воззрѣнію на это благо и на эти интересы и проистекающей отсюда системѣ дѣйствія. Оппозиція должна быть His Majesty's opposition [1]), точно такъ же какъ правительственная партія составляетъ His Majesty's government. Сама Россія, во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ Русскаго народа, т. е. Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы, русская, такъ сказать, Россія, безъ всякаго сомнѣнія, осуществила бы вполнѣ эту задачу, какъ свидѣтельствуетъ о томъ, лучше всего, образъ дѣйствія русскаго общества и русскаго народа въ исполненіи великой крестьянской реформы. Но къ Русскимъ, прибавьте представителей Поляковъ, при существованіи польскихъ притязаній на западную Россію: Поляки эти, естественно и съ своей польской точки зрѣнія весьма добросовѣстно, лзъ чувствъ самаго почтеннаго патріотизма, станутъ въ систематическую оппозицію, не тому или другому взгляду или дѣйствію правительства, а самымъ

---

[1]) *Оппозиція его величества* (а не его величеству), въ противоположность *правительству его величества:* извѣстные термины англійской конституціонной жизни.

жизненнымъ интересамъ Русскаго народа, самому бытію Русскаго государства.

И такъ, что же выходитъ изъ всего этого?

Обладаніе Польшею ставитъ Россію въ неестественное внутреннее противорѣчіе съ ея характеромъ и стремленіями; но отказаться отъ Польши Россія не можетъ, по причинѣ польскихъ притязаній на западныя губерніи.

Въ то же время, обязанная держать Польшу, Россія не можетъ уладиться съ нею правильнымъ образомъ — опять-таки по причинѣ притязаній Поляковъ обладать западною Русью, и нельзя придумать для Царства Польскаго никакой комбинаціи, которая исправила бы ненормальность его положенія относительно Россіи и могла бы устранить проистекающее отсюда для насъ внутреннее противорѣчіе.

Ясно, что корень зла лежитъ не въ самой Польшѣ, а въ западной Руси, что тамъ надобно искать источниковъ того гибельнаго противорѣчія, на которое мы указывали въ началѣ этой статьи и которое связано для насъ, уже столько времени, съ обладаніемъ Польшею.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы вникнемъ въ положеніе западной Руси и въ характеръ той роли, которую Россія играла тамъ съ конца прошлаго столѣтія, то мы поймемъ причину затрудненій, поставляемыхъ намъ теперь польскимъ вопросомъ. Логика историческихъ событій неумолима. Ненависть къ намъ славянскаго народа, соединеннаго съ нами подъ одною властію, — ненависть, являющаяся отрицаніемъ всѣхъ нашихъ народныхъ началъ, истекаетъ изъ притязаній Поляковъ на западную Русь, которымъ мы удовлетворить не можемъ. Но не будучи въ силахъ удовлетворить этимъ притязаніямъ и имѣя полное право ихъ отвергать во имя здраваго смысла, исторической истины и всего, что составляетъ существо нашего народнаго и государственнаго бытія, мы ничего не сдѣлали для того, чтобы притязанія эти прекратились; а времени было, кажется, довольно. Вотъ уже четвертое поколѣніе живетъ въ западной Руси со времени ея освобожденія отъ матеріальной власти Поляковъ. Мы платимся теперь за всю прежнюю систему дѣйствій въ западной Руси.

Исторія и современность знаютъ государства, гдѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ господствующая, создавшая государство, народность подавляетъ другія, покоренныя племена. Въ англійскомъ государствѣ англійская народность подавляетъ туземное племя Ирландіи; въ Австріи нѣмецкою народностью, въ Турціи народностью турецкою подавляются туземныя народности многихъ покоренныхъ областей и т. под. Все это явленія прискорбныя и вредныя, но естественныя, основанныя на простомъ фактѣ завоеванія и которыя устраняются такъ же просто, какъ возникли. Либо завоевательная народность ко

гда нибудь уступитъ полную равноправность народности завоеванной и онѣ уживутся вмѣстѣ; либо завоеванные избавятся отъ своихъ притѣснителей и возстановятъ свою народность въ полномъ господствѣ, какъ сдѣлали Грецiя, Сербiя и др. Но гдѣ видала исторiя примѣръ, чтобы народность, господствующая въ государствѣ, народность его создавшая, была въ одной части этого государства подавлена другою, покоренною народностью? чтобы народность завоеванная и потому играющая въ оффицiальной жизни государства и передъ лицомъ другихъ странъ роль жертвы, на самомъ дѣлѣ попирала народность господствующаго въ государствѣ племени? Такого диковиннаго явленiя не сыскать въ лѣтописяхъ древняго и новаго мiра, его дано было осуществить Россiи, которая въ теченiе трехъ поколѣнiй могла сносить, чтобы подъ ея властiю, въ пространныхъ областяхъ ея державы, русская народность была подавляема, преслѣдуема и даже уничтожаема меньшинствомъ иноземцевъ. И это она допускала въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ началось гражданское развитiе Русскаго народа, гдѣ такъ долго сосредоточивалась его государственная жизнь и его просвѣщенiе!... Но когда эти области снова возвратились подъ русскую державу, Россiя страдала двумя недугами: неполнотою сознанiя русской народности и крѣпостнымъ правомъ, съ которымъ соединялся аристократическiй взглядъ на простой народъ.

При Екатеринѣ, Россiя пріобрѣла западно-русскiя губернiи матерiально, но вслѣдствiе этихъ двухъ тогдашнихъ недуговъ, не могла понять политическаго и нравственнаго призванiя своего въ той странѣ. Освобожденный матерiальною силою Россiи отъ власти Польскаго государства, западно-русскiй народъ оставленъ былъ, ея политическимъ непониманiемъ и нравственнымъ безсилiемъ, подъ властiю польской народности. Аристократическiй блескъ польскаго магната былъ сроднѣе тогдашней петербургской сферѣ, чѣмъ необтесанная фигура своего брата Русскаго, хлопа или «попа», съ которыми нельзя было и говорить, потому что они не понимали по-французски. Да и принципъ крѣпостнаго права находился тогда въ апогеѣ; недавно онъ одержалъ такую блистательную побѣду въ Малороссiи: нельзя же было не уважить правъ собственности польскихъ пановъ, переименованныхъ въ благородное россiйское дворянство западныхъ губернiй, нельзя же было вывести холопа, и съ ними русскую народность, изъ подчиненiя дворянину и съ нимъ народности польской....

Всѣмъ извѣстна эта печальная исторiя, длившаяся съ 1772 года по 19 Февраля 1861 года и кончающаяся только съ 1 Марта 1863 года. Мы не станемъ входить въ подробности тогдашней системы дѣйствiй Россiи въ западныхъ ея областяхъ, системы, въ которой всего осязательнѣе проявились послѣдствiя двухъ главныхъ и такъ

тѣсно связанныхъ между собою недуговъ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка, отчужденія отъ русской народности и крѣпостнаго права. Частныя проявленія и результаты этой системы такъ многочисленны, что даже краткій ихъ перечень увеличилъ бы настоящую статью непомѣрно; общее же проявленіе и общій результатъ не долго опредѣлить. Во-первыхъ, благодаря отчужденію отъ русской народности и крѣпостному праву, въ Русскомъ государствѣ, цѣлыя области, населенныя русскимъ народомъ, шестью съ половиною милліонами русскихъ людей, продолжали состоять подъ властію польскаго меньшинства, одного милліона двухъ-сотъ семидесяти тысячъ Поляковъ или людей, приставшихъ къ польской народности большею частію уже во время русскаго владычества. Затѣмъ польская народность могла и, мало того, естественно должна была считать эту страну своею, Поляки не могли отказаться отъ притязаній ее ополячивать и окончательно присоединить къ себѣ, а отсюда и проистекаютъ тѣ ненормальныя отношенія между Россіей и Польшей, вслѣдствіе которыхъ имъ нельзя ни разойтись мирно, ни ужиться вмѣстѣ ни при какомъ политическомъ устройствѣ.

Дурная система законодательства гражданскаго порождаетъ много зла; но это зло исправляется легко, когда дурное законодательство замѣнится хорошимъ; дѣло можетъ обойтись тихо, гражданскимъ порядкомъ, и примѣръ тому представляетъ крѣпостное право въ Великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ оно было просто проявленіемъ дурнаго законодательства гражданскаго. Но зло, порожденное ложною системою политическою, не такъ легко исправить; оно искупается кровью, и, конечно, кровь не лилась бы теперь отъ польскаго возстанія, если бы съ самаго начала Екатерина II или ея ближайшіе преемники возвратили гражданскую свободу и возстановили общественное значеніе русской народности въ западной Руси; да и давно бы не было, въ такомъ случаѣ, помину о польскомъ вопросѣ и Польша, вѣроятно, жила бы теперь такъ же спокойно въ единеніи съ Россіей, какъ живетъ напр. Финляндія.

При этомъ невольно приходитъ на умъ сравненіе между двумя огромными государствами, которыя, какъ два молодыхъ великана, стоятъ на противоположныхъ концахъ стараго міра, государствами, которыя уже часто поставлялись въ параллель другъ съ другомъ, даже въ ихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Россія и Сѣверная Америка одинаково таили въ себѣ, по причинѣ допущенной въ старину и въ то время казавшейся едва замѣтною, уступки личнымъ интересамъ господствующаго класса въ одной части страны, начало, отрицавшее самую основу ихъ бытія, и одинаково повергнуты нынѣ, по милости этого враждебнаго начала, въ ужасы междоусобной войны.

Сѣверная Америка, государство, основанное на договорѣ колонистовъ, не связанныхъ между собою никакими другими узами, кромѣ этого договора, во главу основнаго акта государственнаго бытія своего поставила начало свободы и равенства всѣхъ людей, — и въ то же время, изъ угожденія интересамъ немногихъ плантаторовъ, допустила въ части штатовъ сохраненіе домашней институціи прямо, противоположной ея основному принципу. И эта домашняя институція рабства, которую вначалѣ такъ легко было устранить, все крѣпче и крѣпче внѣдрялась, и, чувствуя неестественность своего положенія въ странѣ всеобщей свободы, южная рабовладѣльческая аристократія стала развивать дѣятельность неутомимую, изумительную въ своей послѣдовательности и дружномъ усердіи, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти, чтобы изолировать свой край отъ вліянія противныхъ ей идей, чтобы поставлять свой рабовладѣльческій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи» и устранять всякую критику, всякій непріятный намекъ. Книга, статья, проповѣдь въ пользу свободы негровъ, какой нибудь портретъ г-жи Бичеръ-Стоу, дѣлались предметомъ доноса, представляясь мѣстной власти, какъ «возбужденіе къ соціализму и рѣзнѣ бѣлыхъ черными», и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало силъ плантаторскому вліянію. И была эпоха, когда правительство свободной Америки дѣйствительно служило дѣлу рабства всѣми своими силами и средствами, и аболиціонистъ признавался человѣкомъ опаснымъ для спокойствія республики. Но время и возрастающее самосознаніе въ свободной части государства все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду рабовладѣльцевъ, и 4 ноября 1860 года, основной принципъ Сѣверно-Американскаго государства одержалъ наконецъ побѣду, избраніемъ въ президенты человѣка, неблагосклоннаго къ дѣлу рабства.

Велики во всемъ несходства и даже противоположности между Россіею и Соединенными Штатами; нѣтъ ничего общаго между русскимъ народомъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и африканскимъ племенемъ; сходно только одно: уступка въ основномъ, жизненномъ принципѣ страны, сдѣланная изъ угожденія господствующему классу въ части ея областей. Какъ Америка нарушила краеугольный камень своего бытія признаніемъ домашней институціи Юга, такъ точно случилось и съ нами. Что такое основной, элементарный такъ сказать и во всемъ подразумѣвающійся принципъ Россіи, какъ не то, что это есть страна русской народности? Подъ знаменемъ Русской народности и во имя этого своего кореннаго принципа, Россія

отобрала въ концѣ XVIII вѣка отъ Польши западно-русскія области; и тогда же нарушила его изъ угожденія господствующему классу новоприобрѣтеннаго края, допустивъ, чтобы польское меньшинство продолжало господствовать надъ Русскою народностью въ этихъ областяхъ: и опять-таки, какъ въ Америкѣ признаніе рабства не было вначалѣ выговорено, а заключалось implicite въ актѣ 1787 года, такъ и здѣсь нарушеніе кореннаго начала страны не было высказано, а подразумѣвалось, въ перенесеніи на польскую шляхту русскихъ дворянскихъ привилегій, въ утвержденіи за нею крѣпостнаго права и разныхъ другихъ уступкахъ польской аристократіи. Вотъ все, что было сходнаго въ странахъ, такъ несходныхъ между собою, и посмотрите, какъ изъ этой одной общей точки сходства развился рядъ явленій, аналогическихъ не только въ крупныхъ чертахъ, но часто даже, mutatis mutandis, и въ подробностяхъ. И въ Россіи, господство Польской стихіи надъ Русскою народностью въ западныхъ губерніяхъ, — господство, которое на первыхъ порахъ можно было, вѣроятно, устранить безъ большихъ затрудненій и безъ всякой несправедливости, — укоренялось все крѣпче и крѣпче и, чувствуя шаткость своего положенія въ государствѣ Русской народности, Поляки, паны, надъ русскимъ народомъ, развили непреклонную, самую дружную, самую систематическую и ни предъ чѣмъ не останавливавшуюся дѣятельность, чтобы упрочивать свое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, чтобы покрывать себя и свое дѣло авторитетомъ правительства и, по возможности, захватить въ свои руки орудія исполнительной власти; они употребляли неутомимыя усилія, чтобы изолировать западный край отъ вліянія русскихъ идей, чтобы поставить свой польско-шляхетскій принципъ подъ покровительство религіи и «дѣла цивилизаціи», чтобы устранять всякую критику, всякій намекъ, имъ непріятный. Книга, статья, проповѣдь въ пользу западно-русской народности, какой нибудь малороссійскій букварь, какая нибудь насыпь надъ гробомъ Шевченки, дѣлались предметомъ доноса, представляясь мѣстной власти, какъ возбужденіе къ соціализму и рѣзнѣ дворянъ мужиками, и вызывали преслѣдованія, на сколько хватало сплъ польскому вліянію. И была эпоха (еще недавно), когда правительство Русскаго государства, подъ вліяніемъ принципа крѣпостнаго права, дѣйствительно способствовало утвержденію польскаго владычества надъ русскою народностью въ западномъ краѣ. Но время и возрастающее самосознаніе Россіи все-таки опередили лихорадочную, искусственную пропаганду польскаго шляхетства, и 19-го Февраля 1861 года, основной принципъ Россіи одержалъ наконецъ побѣду, великимъ актомъ, которымъ дарована была свобода Русскому народу.

Довольно любопытна роль Польскаго дворянства западныхъ губерній въ приготовленіяхъ къ этому акту. Россія сохранитъ ему вѣчную благодарность за то, что оно (въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской) первое подписало оффиціальное заявленіе, съ котораго начались гласно эти приготовленія; но замѣчательно то, что Поляки, столь щедро расточающіе передъ Европою похвалы своему самоотверженію и своимъ подвигамъ на благо человѣчества, какъ-то забываютъ хвастать этимъ актомъ 1857 года, которымъ они оказали дѣйствительно великую услугу человѣчеству; они (на сколько мы могли замѣтить) какъ будто стараются обходить этотъ актъ молчаніемъ. Дѣйствительно, съ ихъ стороны это была величайшая политическая ошибка. Со временемъ, исторія раскроетъ тѣ побужденія и постороннія внушенія, которыя вовлекли въ нее польскихъ дворянъ Литвы; исторія разскажетъ также, какъ Польскіе дворяне думали вначалѣ, проведеніемъ мысли объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, превратить Русское и Литовское простонародье въ пролетаріатъ, безусловно зависимый отъ землевладѣльцевъ въ своемъ существованіи, и тѣмъ самымъ, подъ эгидою свободы, упрочить навсегда свое господство. Теперь еще не время разбирать столь близкіе къ намъ факты, но мы можемъ привести слова, которыми одинъ участникъ дѣла, знакомый со всѣми его подробностями, характеризовалъ намъ отношеніе Русскихъ дворянъ и Польскихъ къ крестьянской реформѣ во время ея обсужденія. «Русскіе дворяне, т. е. нелиберальное большинство, говорилъ онъ, хлопотали почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброку, вотъ къ чему сводились ихъ толки и представленія. Польскіе дворяне имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщикомъ власть надъ крестьянскими участками отстраненіемъ принципа безсрочнаго пользованія; вмѣсто безграмотнаго, какъ они его называли, волостнаго суда ввести судъ и разбирательство помѣщика, назначить помѣщиковъ начальниками волостей, съ предоставленіемъ имъ, между прочимъ, надзора за всѣми учебными и благотворительными заведеніями въ предѣлахъ волости; не допускать въ не-великороссійскихъ губерніяхъ установленія крестьянскихъ общинъ, не давать крестьянамъ самоуправленіе, однимъ словомъ удержать крестьянское населеніе (т. е. Русскихъ и Литвиновъ) въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства, вотъ чего, всѣми силами, добивались Поляки западныхъ губерній, пока приготовлялась крестьянская реформа».

Тотъ же участникъ дѣла, которому мы обязаны этою характеристикою, доставилъ намъ слѣдующій любопытный коллективный от-

зывъ Польскихъ дворянъ, призванныхъ изъ комитетовъ западныхъ губерній, въ которомъ они выразили свой взглядъ на проектированное устройство крестьянскихъ волостей съ выборными старшинами и внутреннимъ самоуправленіемъ: «Мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи», писали эти господа 24-го марта 1860 года (и надобно признаться къ стыду, что они нашли между русскими депутатами нѣсколькихъ людей, которые присоединили къ нимъ свои подписи, но тогда не всѣ понимали, куда дѣло клонится), «мы съ трудомъ можемъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на *десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ *избраннымъ отъ сохи* начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей *по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи*, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, во-первыхъ, что устраненіе *консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія* введетъ въ русскую жизнь такой *крайній демократическій принципъ*, который несовмѣстенъ съ сильною правительственною властію и отъ котораго могутъ пострадать *общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ;* во-вторыхъ, намъ извѣстно, что всякая отвлеченная система, не принимающая въ разсчетъ ни *историческаго* быта, *ни мѣстныхъ условій*, требуетъ, чтобы дѣйствительная жизнь подчинялась началамъ, которыя не вытекаютъ изъ самой жизни, а въ иныхъ случаяхъ и прямо ей противорѣчатъ», и т. д. Недурно, и этотъ протестъ дворянъ-депутатовъ западныхъ губерній [1]) противъ *крайняго демократическаго принципа* крестьянскаго самоуправленія, предвѣщавшаго освобожденіе русской туземной народности отъ господства польскаго шляхетства, можетъ быть поставленъ на ряду съ тѣми безчисленными протестами, которыми плантаторы южныхъ штатовъ въ 1860 году встрѣтили избраніе г. Линкольна, какъ торжество принципа «дикаго произвола», долженствовавшаго, по ихъ выраженію, «низвергнуть порядокъ и спокойствіе республики и нарушить мѣстныя условія ихъ быта». Къ счастію, заявленія польскаго дворянства западныхъ губерній противъ крестьянскаго самоуправленія не были услышаны; но нельзя сказать, чтобы оппозиція его осталась вначалѣ вовсе безуспѣшною. Всякій можетъ за-

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, и притомъ вліятельнѣйшіе между ними принимали, какъ потомъ оказалось, прямое и дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг.

мѣтить это при сравненіи мѣстнаго крестьянскаго положенія для губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской съ мѣстнымъ положеніемъ великороссійскимъ, особенно въ томъ, что первое не опредѣляетъ нормы крестьянскихъ повинностей, предоставляя назначить ихъ на основаніи инвентарей, которые, какъ извѣстно, въ этихъ губерніяхъ составлялись исключительно по показаніямъ самихъ помѣщиковъ [1]). Это была великая побѣда, одержанная въ то время Польскимъ дворянствомъ, и такое постановленіе, вмѣстѣ съ примѣненіемъ къ тѣмъ губерніямъ общаго правила о выборѣ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ (значитъ, изъ Поляковъ), было причиною, что населеніе того края, какъ извѣстно, почти не ощутило перемѣны отъ акта 19-го Февраля и только почувствовало его дѣйствительность послѣ дополненія, сдѣланнаго 1-го Марта 1863 года. Множество мѣстныхъ корреспонденцій и извѣстій доказываютъ намъ необходимость распространенія этой послѣдней мѣры и на три юго-западныя губерніи, гдѣ отношенія почти тѣ же, и нельзя не надѣяться, что это ожиданіе скоро осуществится.

Такимъ образомъ, актъ 19-го Февраля былъ, собственно говоря, менѣе всего чувствителенъ для западныхъ губерній и для интересовъ тамошняго польскаго дворянства, — и въ этомъ опять мы можемъ продолжать нашу параллель съ Америкой. Избраніе Линкольна не имѣло, собственно, никакого угрожающаго для противной партіи значенія. Напротивъ того, всѣ заявленія новаго правительства свидѣтельствовали объ уваженіи его къ существующимъ правамъ рабовладѣльцевъ. Сколько новый президентъ, въ первыхъ своихъ манифестахъ и распоряженіяхъ, употреблялъ усилій, чтобы успокоить интересы плантаторовъ, съ какою предупредительностью и уступчивостью онъ обращался къ нимъ! Но ничто не помогло. Южная аристократія поняла, что ея царству предстоитъ неминуемый конецъ, коль скоро правительственная власть, искусственно поддерживавшая ея интересы, ускользнула изъ ея рукъ. Она поняла, что самое имя Линкольна было знаменемъ принципа свободы, и что этотъ основный принципъ страны, разъ признанный всенародно въ лицѣ избраннаго правителя, подкопаетъ и рано или поздно низвергнетъ противорѣчащую ему домашнюю институцію. Панъ или пропалъ,—и Южане схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государственнаго союза,

[1]) Правда, что мѣстное положеніе установляло регулированіе этихъ повинностей впослѣдствіи особыми повѣрочными коммисіями. Но, принимая въ соображеніе, что, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, коммисіи эти могли бы состоять почти исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ, т. е. преимущественно Поляковъ, легко усмотрѣть, что за польскимъ дворянствомъ оставалась выгода не только въ отсрочкѣ приведенія въ дѣйствіе фактическаго освобожденія крестьянъ, но и въ нѣкоторой гарантіи, что все это дѣло до извѣстной степени останется въ его рукахъ.

уже переставшаго гарантировать имъ вѣчное обладаніе рабами, чтобы завоевать себѣ мечомъ, съ полною самостоятельностью, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Также и актъ 19 Февраля, какъ мы сказали, не затрогивалъ непосредственно положенія польской шляхты въ западномъ краѣ, но актъ 19 Февраля былъ знаменемъ освобожденія русскаго народа; выводя русскихъ людей изъ зависимости отъ польскаго пана, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ неминуемо вывести русскую народность въ западномъ краѣ изъ-подъ власти польскаго меньшинства и возстановить тамъ нарушенное нѣкогда самою Россіею, во имя крѣпостнаго права, основное начало ея бытія — господство русской народности въ странѣ, обитаемой Русскимъ народомъ. Актъ 19 Февраля подкапывалъ основы, на которыхъ держалось зданіе полонизма въ западной Руси, и рано или поздно, оно должно было рухнуть. Панъ или пропалъ, — и Поляки схватились за оружіе, чтобы вырваться изъ государства, переставшаго гарантировать имъ вѣчное господство надъ чужими областями, которыя вчетверо больше самой Польши, чтобы завоевать себѣ, съ полною самостоятельностію, полное осуществленіе своихъ общественныхъ стремленій. Мы впали бы въ самую грубую ошибку, если бы думали, что движеніе, начавшееся 25 Февраля 1861 г. въ Варшавѣ и мало-по-малу разросшееся въ настоящее возстаніе, имѣло главною, первоначальною цѣлію Царство Польское и что западная Русь была включена потомъ въ программу, какъ предметъ второстепенный. Напротивъ того: отвоевать западную Русь—вотъ что́ составляло съ самаго начала главную, существенную задачу всего польскаго движенія. Точка опоры была Варшава, но цѣль—Вильно и Кіевъ. Это доказываютъ до очевидности самый характеръ первыхъ демонстрацій, трауръ, наложенный еще 3 Марта 1861 года архіепископомъ Фіалковскимъ на «всѣ части стародавней Польши», послѣдовавшія тотчасъ за тѣмъ демонстраціи на берегу Нѣмана, знаменитый Городельскій съѣздъ и безчисленныя заявленія, о которыхъ излишне было бы напоминать. Да наконецъ, если бы первоначальная программа Поляковъ была не та, которая мало-по-малу развилась передъ нами во всей ея широтѣ, если бы первоначально имѣлось въ виду пріобрѣтеніе какой-нибудь либеральной конституціи для Польши, то неужели вожди движенія выбрали бы, для первыхъ враждебныхъ противъ Россіи выходокъ, тѣ самые дни, когда вся Россія вступала въ новую эру освобожденія, и захотѣли бы сдѣлать Русскому правительству затрудненія въ ту самую минуту, когда всякое затрудненіе могло только отклонить его отъ либеральныхъ началъ? Впрочемъ, послѣднія событія такъ ясно опредѣлили шляхетскій характеръ польскаго движенія, такъ ярко обрисовали цѣль его—возстановить господство польской народно-

сти надъ областями прежняго Польскаго государства, что уже не можетъ быть серьозно рѣчи о либеральныхъ намѣреніяхъ Поляковъ относительно Бѣлорусскаго, Малорусскаго и Литовскаго племени. Золотыя грамоты, всякій это видитъ, были пуфомъ, затѣяннымъ, чтобы посѣять раздоръ въ Русскомъ народѣ, и нельзя найти достаточныхъ словъ негодованія противъ людей, которые терпѣливо сносили военную диктатуру прежнихъ лѣтъ, которые оставались спокойными и при возстаніи ихъ братій въ Галиціи (въ 1846 г.) и при возстаніи въ Познани (въ 1848 г.), которые не шевельнулись во время гнета,—и вдругъ поднимаются противъ Россіи и русскаго «деспотизма» въ то самое время, почти въ тотъ самый день, когда Россію оглашаетъ давно ожиданная вѣсть о народной свободѣ. 19 Февраля — манифестъ, снимающій цѣпи съ русскаго народа: 25 Февраля — первая демонстрація въ Варшавѣ со знаменами старыхъ провинцій, принадлежавшихъ Польшѣ по праву господства шляхты надъ Русскимъ народомъ, этого совпаденія исторія не забудетъ. Такія совпаденія не бываютъ случайно, и нѣтъ тяжеле укора Польскому дѣлу какъ это совпаденіе.

Впрочемъ, и Американскіе сепаратисты точно такъ же, какъ Поляки, пишутъ свободу на своемъ знамени. Прочтите любой ихъ манифестъ, и если бы не было нѣсколько словъ, указывающихъ на мѣстность, вы могли бы подумать, что это какая нибудь польская прокламація. Вѣдь и сепаратисты, защищая свою домашнюю институцію, провозглашаютъ, что они идутъ на смерть за «священное дѣло свободы» противъ «невыносимаго деспотизма» грубыхъ *Янки*, какъ Поляки, защищая свою «домашнюю институцію» (владычество ихъ шляхетской народности надъ русскою), увѣряютъ міръ, что подняли мечъ за свободу противъ невыносимаго деспотизма варварскихъ *Москалей*. И тѣ, и другіе дѣйствительно сражаются за свободу,—но только для себя, съ тѣмъ, чтобы другіе были ихъ слуги и рабы. И тѣ, и другіе соединяютъ изумительный героизмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ (плодъ аристократическаго воспитанія цѣлыхъ поколѣній) съ мерзостью употребляемыхъ въ дѣло лжи, клеветы и террора (послѣдствіе нравственной несостоятельности), наконецъ, чтобы аналогія была совершенно полная, и тѣ и другіе возбуждаютъ къ себѣ одинаково сочувствіе Западной Европы.

Что же касается до выраженія этого сочувствія матеріальнымъ содѣйствіемъ, то тутъ все зависитъ, очевидно, отъ степени уваженія, внушаемаго Европѣ обѣими сторонами, въ которыхъ идетъ междоусобная борьба. Если бы варварскихъ Московитовъ боялись, какъ боятся грубыхъ Янки, которые шутить не любятъ и съ флотомъ которыхъ шутить нельзя; если бы мы глядѣли Европѣ такъ же смѣло въ

глаза, какъ глядятъ Сѣверные штаты, то, конечно, дѣло ограничилось бы и въ отношеніи къ намъ газетной войною и демонстраціями не опаснѣе той, которую произвелъ въ Англійскомъ парламентѣ г. Робакъ въ пользу добродѣтельныхъ и милыхъ его сердцу плантаторовъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ Американскіе сепаратисты, такъ и Поляки въ сочувствіи Западной Европы тотчасъ видѣли готовность на вооруженную помощь и одинаково на нее разсчитывали.

Возстаніе Южанъ, опирающихся на правильную армію и на огромныя военныя средства, переданныя имъ измѣннически прежнимъ правительствомъ Буканана, грозитъ, по-видимому, величайшею опасностью Американской республикѣ. Возстаніе Поляковъ не располагаетъ тѣми силами и тѣми средствами, хотя и оно составляетъ немаловажную опасность для Россіи, какъ предлогъ къ иностранному вмѣшательству. Но и то и другое возстаніе имѣло одинаковое, неизмѣримое, въ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, дѣйствіе: постепенно, невольно, силою вещей, оно привело, и въ той и въ другой странѣ, къ необходимости опереться прямо, искренно, безусловно на основной принципъ государства и положить конецъ внутреннему противорѣчію, въ которое оно себя поставило прежними уступками въ пользу личныхъ интересовъ одного класса. Кто могъ ожидать, при первыхъ враждебныхъ демонстраціяхъ сепаратистовъ и при тогдашней деликатности президента Линкольна, что, черезъ два года, сдѣлано будетъ то, о чемъ прежде и помышлять никто не смѣлъ,—объявлено будетъ разомъ прекращеніе рабства? что полки африканскихъ рабовъ будутъ призваны въ ряды бѣлаго свободнаго войска? И кто могъ ожидать при первыхъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и при тогдашней уступчивости Русскаго правительства, что, черезъ два года, сдѣлано будетъ то, на что прежде никто изъ насъ и не смѣлъ надѣяться, что возстановлено будетъ не только гражданское, но и политическое значеніе Русской народности въ Западно-Русскомъ краѣ? что Западно-Русскій народъ будетъ призванъ Россіей къ охраненію его роднаго края, котораго столько лѣтъ онъ не могъ считать своимъ? Такова сила событій. И въ Россіи и въ Америкѣ пришлось поставить основной принципъ государственнаго бытія выше правъ и интересовъ одного класса, пришлось сказать, какъ древній Римъ: *sao lus Rei Publicae lex suprema esto* [1]), и съ этимъ какъ бы вдругъ исчезло заклятіе, подъ которымъ восемдесятъ лѣтъ держалъ обѣ страны страхъ предъ тѣмъ, что̀ называлось «нарушеніемъ наслѣдованныхъ правъ и интересовъ собственности». Внутреннее противорѣчіе, губившее Америку вопросомъ рабства, губившее насъ Польскимъ во-

[1]) Благо государства — да будетъ высшимъ закономъ.

просомъ, кончено, и если мы платимъ теперь за грѣхи нашего прошедшаго, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что выстрадаемъ отъ нихъ полное очищеніе. Развѣ мы не платимъ, въ настоящее время, за вину тѣхъ поколѣній, которыя, презрѣвъ Русскую народность въ западной Руси, оставили ее подъ ногами польской шляхты и тѣмъ, питая притязанія Поляковъ на возвращеніе «забраннаго края», сдѣлали установленіе какихъ бы то ни было нормальныхъ отношеній между Россіей и Польшей также невозможнымъ, какъ квадратура круга? Источникъ польскаго вопроса находится въ западныхъ губерніяхъ, въ господствѣ тамъ польскаго шляхетскаго меньшинства надъ Русскою народностью, и только когда этого господства не станетъ и надежда его возвратить пройдетъ, только тогда, говоримъ мы, но не прежде, польскій вопросъ перестанетъ быть неразрѣшимымъ.

Сами Поляки, къ нашему счастію, помогаютъ такому исходу. Если бы они ограничились возстаніемъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ Польская народность представляетъ дѣйствительную силу, и оставались спокойными тамъ, гдѣ одинъ Полякъ приходится на 10 или на 100 человѣкъ Русскихъ, и гдѣ все его значеніе основывалось на русской дворянской грамотѣ да на мертвенности туземнаго народа,—то дѣло едва ли пришло бы такъ скоро къ развязкѣ. Мы сами, конечно, не вздумали бы, въ такомъ случаѣ, затронуть господство польскаго шляхетства въ западныхъ губерніяхъ, и все осталось бы по старому. Но невозможно было, чтобы Поляки въ западной Руси остались спокойными, когда дѣло шло именно объ ихъ правахъ на западную Русь,—и вотъ, изъ-за того, чтобы «засвидѣтельствовать фактомъ передъ лицомъ всего міра, что Витебскъ, и Могилевъ, и Минскъ, и Кіевъ, и Волынь, и Подолія, это все Польша», эти люди сами приняли на себя трудъ приготовить дѣло для Россіи. Мы, на нашихъ глазахъ, видѣли и видимъ, какъ встрепенулся, какъ вдругъ ожилъ политически и созналъ себя народъ Западно-Русскій. Остается только открыть дорогу его матеріальному и нравственному развитію.

Въ корреспонденціяхъ изъ Кіева, помѣщавшихся въ Аугсбургской Всеобщей Газетѣ, мы встрѣтили одно весьма мѣткое и дѣльное замѣчаніе. «Прежняя система правленія въ этихъ областяхъ, пишетъ корреспондентъ, была безпощадно строга къ отдѣльнымъ личностямъ изъ Поляковъ, навлекшихъ на себя нерасположеніе власти; но она ничего не дѣлала противъ полонизма, какъ принципа, противъ народности Польской, какъ господствующей стихіи въ западномъ краѣ». Нечего и говорить, что это истекало изъ признанія, въ то время, неприкосновенности крѣпостнаго права; нечего и говорить, какъ эта система была ложна и вредна для насъ, ибо ничто такъ не возбуждаетъ ненависти, какъ личныя притѣсненія; мы обижали и раздражали Поля-

ковъ; мы надѣвали на нихъ вѣнецъ мучениковъ, и въ то же время предоставляли имъ, на дѣлѣ, полный просторъ господства и нравственныхъ завоеваній. Вотъ, между прочимъ, одна изъ существенныхъ причинъ, почему они привыкли считать Русскихъ вмѣстѣ и тиранами и глупцами, какъ показываютъ всѣ ихъ отзывы о насъ, въ послѣднее время сдѣлавшіеся извѣстными и русской публикѣ.

Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ Западно-Русскій народъ ожилъ самъ и Россія рѣшительно оперлась на него, о прежней системѣ рѣчи быть не можетъ. Самъ народъ такъ громко заявилъ, что Западная Русь есть *русская* земля, что право существованія тамъ полонизма, какъ принципа, падаетъ само собою; но съ того дня, какъ мы приняли безусловно начало Русской народности въ западномъ краѣ, устраняется сама собою необходимость въ излишней строгости къ безвиннымъ личностямъ. При крѣпкой системѣ противодѣйствія *принципу* полонизма, польское меньшинство потеряетъ серьозное политическое значеніе въ краѣ, и эти гости въ средѣ Русскаго народа будутъ совершенно безопасны для Россіи. Но сколько еще остается сдѣлать, чтобы достигнуть этого результата! Подавленіе вооруженнаго возстанія есть только первое и самое легкое начало дѣла; дѣло будетъ собственно впереди, дѣло возвращенія Русской народности въ Западной Руси того значенія, которое ей принадлежитъ по праву. Дѣло это потребуетъ постояннаго участія всего русскаго общества въ дружномъ содѣйствіи правительству. Оно потребуетъ не столько дѣйствій *противъ* Польскаго элемента, сколько дѣйствій *въ пользу* Русскаго народа. Объ одномъ изъ первыхъ, самыхъ существенныхъ дѣйствій этого рода мы уже говорили, именно о распространеніи постановленій 1-го Марта на Кіевскую, Волынскую и Подольскую губерніи.[1]) Дай Богъ, чтобы эта надежда скорѣе осуществилась.

Вторымъ, не менѣе важнымъ дѣйствіемъ было бы, по нашему мнѣнію, уравненіе крестьянъ государственныхъ въ западныхъ губерніяхъ съ крестьянами, освобожденными указомъ 1-го Марта 1863 года[2]). Мы безпрестанно встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и частныхъ корреспонденціяхъ извѣстіе, что тамошніе государственные крестьяне далеко отстаютъ отъ бывшихъ помѣщичьихъ въ сознаніи своего народнаго дѣла и въ сопротивленіи Полякамъ. Вещь понятная. Бывшіе помѣщичьи крестьяне освобождены и пользуются собственнымъ самоуправленіемъ, государственные находятся въ совершенной

[1]) Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ означенныхъ трехъ губерніяхъ, совершилось, какъ извѣстно, Указомъ 30 Іюля 1863 г.; а Указомъ 2 Ноября того же года, эта мѣра распространена на Могилевскую и бѣлорусскіе уѣзды Витебской губерніи.

[2]) Подобная мѣра принята Указомъ 16 Мая 1867 года.

зависимости отъ мѣстной администраціи, чисто польской по своему составу. Предоставить государственнымъ крестьянамъ западныхъ губерній поземельный надѣлъ въ полную собственность, какъ это сдѣлано для помѣщичьихъ крестьянъ и дѣлается теперь для удѣльныхъ, дать имъ полное мірское самоуправленіе и освободить администрацію государственныхъ имуществъ отъ тѣхъ элементовъ, вслѣдствіе которыхъ она до сихъ поръ служила въ западномъ краѣ одною изъ главныхъ опоръ полонизма — вотъ, какъ намъ кажется, первая существеннѣйшая задача наша въ этомъ дѣлѣ.

Православное духовенство должно быть выведено изъ униженія, въ которомъ его держали до сихъ поръ, должно получить матеріальное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ, равное тому, которымъ пользуется католическое, и быть поставленнымъ въ совершенную независимость отъ помѣщиковъ и вообще въ такое положеніе, чтобы оно могло свободно и безъ препятствій дѣйствовать въ пользу русской народности и народнаго образованія.

Разумѣется, въ такомъ отдаленіи отъ мѣста нельзя писать подробную программу дѣйствій въ западномъ краѣ, да и мы не чувствуемъ въ себѣ къ тому никакого призванія. Не имѣя мѣстныхъ данныхъ, мы не рѣшимся даже въ общихъ словахъ высказать положительное мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ, какъ напр. элементарное народное образованіе: какъ и на какомъ языкѣ преподавать народу? Недавно, преимущественно въ Петербургѣ, утверждали, что первоначальное обученіе въ западномъ краѣ должно быть производимо непремѣнно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, особенно тамъ, гдѣ господствуетъ нарѣчіе малорусское; но затѣмъ поднялись голоса мѣстныхъ дѣятелей, опровергающіе этотъ взглядъ. Такимъ образомъ, мы теперь находимся въ недоумѣніи и можемъ желать только, чтобы учили народъ западно-русскій, а какъ его учить, по великорусски ли, или на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ, можетъ указать всего лучше сама жизнь. Вредно было бы предрѣшать этотъ вопросъ регламентаціей a priori въ ту или въ другую сторону.

Что же касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, такъ же какъ Латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть производимо на ихъ языкахъ, совершенно самостоятельныхъ. Россія, уже признавъ безусловно принципъ народности въ Западно-Русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями Литовскаго племени. Если бы мы стали прежде эту точку зрѣнія и не предоставляли польскому меньшинству владычества надъ Литовскою народностью то, конечно, не удалось бы ксендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудь за Польшу, отъ которой Литовская народность такъ дол-

го и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшею народность изъ омертвѣнія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языкѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія,—и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ западномъ краѣ.

Мы ничего несправедливо не отнимаемъ у Польши; напротивъ того, самая справедливость требуетъ, чтобы Польская народность господствовала тамъ, гдѣ живетъ Польскій народъ, но не тамъ, гдѣ его нѣтъ. Все зданіе польскихъ притязаній держится въ западной Руси и Литвѣ на власти и привилегіяхъ дворянства, съ которыми соединялась до сихъ поръ монополія образованія, тѣмъ болѣе, что тамъ купечество и вообще средній классъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ Евреевъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы эта монополія образованія была какъ можно больше обезпечена Полякамъ, существовало въ томъ краѣ учрежденіе *дворянскихъ училищъ*, закрывающее всѣмъ не-дворянамъ, значитъ всей массѣ Русскаго и Литовскаго туземнаго населенія, возможность итти далѣе элементарнаго обученія. Теперь матеріальная власть надъ народомъ отнята у Польскаго дворянства. Отнимите у него монополію образованія, открывъ всѣмъ классамъ населенія равный доступъ во всѣ училища, низшія, среднія и высшія и, на первыхъ порахъ, оказывая содѣйствіе Русскимъ и Литвинамъ, которые хотѣли бы учиться; отнимите у гимназій въ западной Руси тотъ исключительно-польскій характеръ, который онѣ имѣютъ теперь, какъ видно по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ; дайте Литовскому языку въ гимназіяхъ и другихъ училищахъ собственно Литовскаго края по крайней мѣрѣ то мѣсто, какое вы даете Польскому; объясняйте Литвинамъ законы по-литовски, а не по-польски, какъ дѣлается теперь, отстраните тѣ обветшалыя и, со времени крестьянской реформы, уже ненужныя привилегіи, по которымъ шляхтичъ, т. е. Полякъ, стоитъ выше не-шляхтича, т. е. Русскаго и Литвина; старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебныя и земскія учрежденія такъ, чтобы мѣстное Русское и Литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ соотвѣтствующій его дѣйствительному значенію, — словомъ слѣдуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не давайте ни въ чемъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе,—и это разомъ положитъ конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ Польской народности. И если бы нѣкоторые тамошніе Поляки продолжали предъявлять притязанія въ родѣ тѣхъ,

которыя руководили Подольскимъ дворянствомъ въ его извѣстномъ адресѣ, не преслѣдуйте ихъ судомъ и казнями: ибо законъ не можетъ запретить Поляку желать жить въ Польшѣ, а просто приглашайте такихъ господъ переселиться въ Польшу, коль скоро они не хотятъ быть гражданами въ Русской средѣ. Но такихъ притязаній уже не будетъ. Хотя Journal des Débats и разсказываетъ намъ, что «Смоленскіе инсургенты сдѣлали диверсію и съ успѣхомъ, какъ видно, сразились съ Русскими на Московской дорогѣ [1])»; хотя при объявленіи въ нашихъ газетахъ призыва къ оружію четырехъ полковъ Малороссійскихъ козаковъ, Поляки сейчасъ разгласили по Европѣ, что это «конные отряды» инсургентовъ формируются и спѣшатъ къ нимъ на помощь изъ Черниговской, полтавской и Харьковской губерній,—однако, дѣйствительно и серьозно, Польскія притязанія не идутъ, какъ видно по всему, далѣе границъ 1772 года; Поляки оставляютъ намъ и Смоленскъ, и Черниговъ, и Полтаву, и Харьковъ, не смотря на то, что и тамъ живетъ не малое ихъ число и что Польша имѣетъ точно такое же историческое право на эти страны, какъ на Кіевъ, на Минскъ и на Вильно. Дѣло въ томъ, что въ Смоленскѣ и Малороссіи на лѣвомъ берегу Днѣпра народность Польская уже стала въ положеніе иностранной стихіи среди господствующей народности туземцевъ. Коль скоро туземной народности, Русской и Литовской, возвращено будетъ въ Кіевѣ, Минскѣ и Вильнѣ, въ Гроднѣ, Могилевѣ и Житомірѣ, такое же фактическое значеніе, какое туземная, русская народность имѣетъ въ Черниговѣ, Полтавѣ и Смоленскѣ, польская стихія станетъ тамъ, по самой силѣ вещей, въ такое же точно положеніе; всѣ притязанія, которыя теперь усложняютъ наши отношенія къ Польшѣ, падутъ сами собою, и Польша сдѣлается дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она должна быть, землею Польскаго народа. Тогда Поляки займутъ въ Славянскомъ мірѣ свое природное мѣсто, мѣсто на ряду со всѣми другими Славянскими племенами, соотвѣтствующее ихъ числительности и дѣйствительному значенію, ихъ географическому положенію и народному характеру. Тогда не будетъ польскаго вопроса и о Польшѣ будетъ рѣчь въ одномъ общемъ славянскомъ вопросѣ. Отдѣльному польскому вопросу будетъ конецъ и не будетъ никакихъ поводовъ къ борьбѣ между Россіей и Польшей. Тогда, имѣя дѣло съ Польшею, какъ съ дѣйствительною землею Польскаго народа, намъ не трудно будетъ установить правильныя къ ней отношенія. Какъ ни разрѣшатся тогда эти отношенія, возвратимъ ли мы Польшу ей самой, или она соединится съ Россіею общимъ политическимъ устройствомъ, или Польша получитъ

[1]) Journal des Débats *отъ 15-го іюля 1863 г.:* Les insurgés de Smolensk ont fait une diversion et livré avec succès, à ce qu'il paraît, un combat aux Russes sur la route de Moscou.

особое представительство, какъ Финляндія, всѣ эти разрѣшенія будутъ возможны, ибо тогда не останется того бѣдственнаго противорѣчія, которое теперь не дозволяетъ Россіи ни разойтись съ Поляками, ни сойтись съ ними.

Когда же это будетъ? Это зависитъ, главнымъ образомъ, или вѣрнѣе сказать, единственно, отъ дѣятельности Русскаго народа, Русскаго общества и Русскаго правительства въ западномъ краѣ Россіи. Россія счастлива тѣмъ, что она можетъ, что она обязана, для собственнаго своего блага, опираться безусловно и повсемѣстно на то начало, которое всѣмъ человѣчествомъ признается справедливымъ и которое болѣе и болѣе торжествуетъ повсюду,—на начало народности. Это же начало народности есть единственная, природная, необходимая точка опоры наша въ отношеніи къ Полякамъ. In hoc signo vinces: и чѣмъ искреннѣе и крѣпче мы будемъ держаться его, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе достигнемъ побѣды. Только въ началѣ народности можетъ Россія искать разрѣшенія польскому вопросу.

30 Іюля 1863 г.
С. п. б.

III.

Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ. — Параллель между Русскимъ и Польскимъ народами. — Народъ — панъ и народъ — мужикъ. — Будущность Польши по «Книгѣ польскаго народа и польскаго пилигримства». — «Конституція повстанцевъ». — Событія 1861—1863 гг. — Научились ли чему Поляки? — Возможно ли существованіе Польши какъ государства? — Вѣра Поляковъ въ воскресеніе старой Польши: — весна и осень 1812 г. — Панъ Тадеушъ. — Прежніе и нынѣшніе бойцы за Польшу. — Лелевель и его сравненіе Польши съ Испаніей. — Польскій народъ, польское панство и обывательство. — Что можетъ дѣйствительно возродить Польшу?

Тяжелая судьба историческая поставила другъ подлѣ друга въ Славянскомъ мірѣ и связала неотвратимымъ антагонизмомъ два племени, діаметрально противоположныхъ общественнымъ строемъ, началами вѣры и просвѣщенія, направленіемъ мысли и ходомъ развитія. Одно меньше и слабѣе и вся его сила въ высшихъ классахъ; это народъ аристократическій, полный сознанія своего превосходства, честолюбивый и властолюбивый, завоевательный въ душѣ. Другой народъ, огромный и сильный, силенъ особенно низшими слоями: народъ смирный, народъ плебейскій по преимуществу. По характеру,

это народъ далеко не властолюбивый и вовсе не завоевательный, но тотъ естественный законъ, по которому большая масса притягиваетъ къ себѣ мелкія единицы, повелъ Русскій народъ къ расширенію своихъ предѣловъ и подчинилъ его власти многія племена. Ровно два вѣка протекло съ того времени, какъ Польша, въ апогеѣ своего завоевательнаго и аристократическаго духа, высылала экспедицію для покоренія Московскаго государства, громаднѣйшую частную [1]) экспедицію завоевателей, какая когда-либо снаряжалась, — и эта самая Польша поступила подъ Русскую власть, съ которой не можетъ сжиться вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ. И никогда, быть можетъ, антагонизмъ ихъ не ощущался болѣзненнѣе, чѣмъ теперь. Мечта о примиреніи, дѣлающая честь русскому благодушію, но не русской прозорливости (особенно въ такое время, когда предстоявшее освобожденіе крестьянъ грозило Полякамъ паденіемъ ихъ господства надъ Западной Россіей и когда должно было ожидать отъ нихъ не взаимной уступчивости, а удвоенныхъ усилій, чтобы предотвратить это паденіе), мечта о примиреніи дала, какъ всѣмъ извѣстно, организоваться огромному, едва ли не безпримѣрному въ исторіи заговору; а затѣмъ, намъ приходится теперь, безпощадною строгостію военной диктатуры, возстановлять нашу власть, которую мы выпустили было изъ рукъ, благодаря оплошности однихъ, предательству другихъ, ложному взгляду третьихъ. Никто не сомнѣвался, что такая реакція должна была наступить, что Россія, если не хотѣла отказаться отъ своего значенія, какъ государства, если не хотѣла погубить себя въ глазахъ собственнаго народа и остальныхъ державъ, не могла снести такого посрамленія, чтобы у нея отняли, не столько силою, сколько ловкостью, цѣлую страну. Никто не сомнѣвался, что военная диктатура сдѣлается, на время, единственнымъ возможнымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ. И военная диктатура тамъ водворена; она дѣлаетъ свое дѣло; враждебная намъ организація уже потрясена и прорвана не въ одномъ мѣстѣ, и можно ожидать, что при нѣкоторомъ благоразуміи и послѣдовательности нашихъ дѣйствій, она скоро рушится окончательно; можно надѣяться, что скоро мятежъ утихнетъ совсѣмъ, и въ Польшѣ скоро не будетъ опять никакой другой власти, кромѣ Русской. Но что̀ представляло и чѣмъ представится опять Царство Польское подъ Русскою властью? Прежде всего, мы тутъ видимъ народъ малый и слабый, подчиненный большому и сильному: зрѣлище не новое и не единственное въ человѣчествѣ, фактъ

[1]) Извѣстно, что попытка Поляковъ завоевать Московское государство, въ началѣ XVII столѣтія, была первоначально частнымъ предпріятіемъ нѣкоторыхъ магнатовъ и шляхты, и что Польша, какъ государство, была лишь мало-по-малу втянута въ это дѣло.

столь обыкновенный во всѣхъ почти государствахъ нашей образованной Европы (не говоря уже о другихъ странахъ свѣта), что наблюдатель будетъ скорбѣть о немъ, но скажетъ, что это такъ бываетъ въ родѣ человѣческомъ. Однако всмотримся въ дѣло глубже, и мы увидимъ, что тутъ не все такъ обыкновенно, не все такъ въ порядкѣ вещей. Малый и слабый народъ подвластенъ большому и сильному. Но этотъ малый и слабый народъ заключаетъ въ себѣ непомѣрно многочисленный высшій классъ, съ аристократическимъ духомъ, съ притязаніями на званіе и права людей благородныхъ и образованныхъ, — и ему приходится повиноваться Россіи, стоящей предъ Полякомъ не иначе, какъ въ образѣ мужика и солдата. Покоренный имѣетъ о себѣ, о своемъ народѣ, такое безконечно высокое мнѣніе, что пожалуй онъ въ этомъ не уступитъ и Французу, а надъ нимъ поставленъ, въ качествѣ повелителя, человѣкъ, всякій день и при всякомъ случаѣ готовый признать, что онъ невѣжа и дикарь, что онъ былъ бы крайне благодаренъ даже за послѣднее мѣстечко въ образованной компаніи европейскихъ народовъ. Словомъ, аристократъ и завоеватель въ душѣ, попалъ подъ власть смирнаго и равнодушнаго къ своему завоеванію плебея, и того именно плебея, котораго этотъ злосчастный аристократъ считалъ себя нѣкогда призваннымъ взять подъ свое начало и обольванить по своему. — Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, главная причина трудности и ненормальности нашаго положенія въ Польшѣ, а не въ простомъ матеріальномъ фактѣ владычества надъ чужимъ народомъ. Пруссія и Австрія владѣютъ преспокойно не малыми частями Польской земли, и никто не находитъ этого неестественнымъ; даже Поляки сами несравненно хладнокровнѣе относятся къ несправедливости Прусскаго и Австрійскаго владычества надъ ними, нежели Русскаго, не смотря на то, что положеніе ихъ народности, какъ извѣстно, во сто разъ хуже въ Познани и Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Дѣло въ томъ, что Нѣмецъ въ глазахъ Поляка далеко не то, что Москаль; это такой же господинъ, какъ Полякъ, а не плебей, господинъ другой породы, а не младшій, недавно казавшійся безталаннымъ и ничтожнымъ, братъ въ родной семьѣ. Такъ и въ частной жизни: самолюбивый человѣкъ охотнѣе подчинится чужому, въ которомъ видитъ признаки власти, чѣмъ тому изъ братьевъ, котораго привыкъ считать за несовершеннолѣтняго и малоумнаго и которымъ въ былое время распоряжался.

Не стану разбирать здѣсь происхожденіе этихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что говорилъ уже объ этомъ въ другой статьѣ; не буду также разсуждать о томъ, какимъ образомъ, въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ, можетъ изгладиться эта презрительная вражда Поляковъ къ Русскимъ, когда Россія, внутреннимъ самобытнымъ развитіемъ сво-

имъ, представитъ нравственное, такъ сказать, оправданіе своего владычества, теперь являющагося Полякамъ лишь случайнымъ перевѣсомъ матеріальной силы. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти отвлеченные вопросы и говорю только о голомъ фактѣ современной жизни, а существованія этого факта не будетъ отрицать, я увѣренъ, ни одинъ безпристрастный наблюдатель, вникавшій въ отношенія Поляковъ къ Русскому владычеству въ Царствѣ Польскомъ. Наше владычество несносно Полякамъ въ Царствѣ Польскомъ, и оно кажется имъ несноснымъ не потому главное, что они подчинены чужой власти: въ Познани и Галиціи Поляки гораздо легче мирятся съ чужою властью, а тамъ присутствіе ея чувствуется несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, тамъ вся администрація въ рукахъ нѣмецкихъ чиновниковъ, оффиціальный языкъ нѣмецкій и проч. Несносно Полякамъ наше владычество и не потому также, что мы иновѣрцы; надъ Познанскими Поляками властвуютъ протестанты и позволяютъ себѣ иногда такія дѣйствія, которыхъ испугалась бы наша православная церковь. Также и не потому, чтобы мы тиранствовали и дѣйствовали варварами въ Царствѣ Польскомъ, кажется наша власть несносною. Вѣдь, сколько бы ни кричали въ европейской печати про наше тиранство и варварство, въ сущности Поляки очень хорошо знаютъ, что русскіе люди вовсе не жестокосердые, а скорѣе мягкосердечные до простоватости люди. Существенная, я долженъ повторить, причина, почему русское владычество кажется Полякамъ невыносимымъ, та, что тутъ плебей властвуетъ надъ аристократомъ, что панъ или человѣкъ, считающій себя годнымъ быть паномъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ народу мужиковъ и солдатъ; существенная причина та, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, по выраженію Хомякова, въ старину всѣ славянскія племена,—плебеями человѣчества, а Поляки, пропитавшіеся духомъ западно-европейскаго аристократизма, должны теперь вступить въ подчиненное къ намъ отношеніе.

Что же тутъ дѣлать? Какъ быть съ Польшею? Та главная, коренная причина, почему наша власть Полякамъ столь тягостна, не такая, чтобы ее можно было устранить; она заключается въ самомъ характерѣ обоихъ народовъ: и не дай Богъ, чтобы *съ нашей стороны* терялся этотъ характеръ. А нельзя же однако не обращать вниманія на это постоянное, тайное или явное, противодѣйствіе Поляковъ Русскому владычеству. Въ настоящее время мы можемъ, конечно, успокоиться убѣжденіемъ въ необходимости диктатуры, и должны надѣяться, что эта успокоительная для нашего ума и немудреная система утишитъ самымъ простымъ способомъ Царство Польское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы задаемъ себѣ вопросъ: «а потомъ что?» On s'appuie sur des baionnettes; on ne s'y asseoit pas

сказалъ кто-то изъ великихъ людей. И этотъ вопросъ: «потомъ что?» кажется намъ весьма серьёзнымъ. Онъ не принадлежитъ къ теоретическимъ мечтаніямъ о будущемъ, а имѣетъ и прямой практическій смыслъ. Военная диктатура есть власть политическая, а не только полицейская. Вооружившись военною диктатурою, мы не станемъ только исправлять полицейскія обязанности въ Царствѣ Польскомъ; мы не будемъ ограничивать всѣ наши заботы настоящимъ днемъ, чтобы нынче все было смирно и въ порядкѣ, ибо въ этомъ случаѣ мы были бы тамъ не болѣе, какъ полиціей. Мы стоимъ тамъ въ качествѣ политической власти, мы будемъ смотрѣть тамъ дальше настоящаго дня, мы и во время военной диктатуры поставимъ себѣ какую-нибудь опредѣленную политическую цѣль, потому что диктатура не можетъ длиться долго, потому что передъ ней должно стоять неотступное: «а потомъ что?» Можемъ ли мы чѣмъ нибудь упрочить за собою Царство Польское, или у насъ нѣтъ въ немъ другой будущности, какъ вѣчно держаться тамъ силою, или убираться изъ Польши?

Если, въ самомъ дѣлѣ, намъ ничѣмъ нельзя упрочить за собою Царство Польское, если намъ не останется другаго выбора, какъ вѣчно держать Польшу силою или покинуть ее; то, конечно, всякій Русскій, любящій свое отечество, желалъ бы только видѣть приближеніе минуты, когда это послѣднее могло бы быть исполнено. Мы понимаемъ, что теперь, послѣ нападенія Поляковъ на наши войска, послѣ угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ въ настоящее время. Но мы стали бы ждать съ нетерпѣніемъ отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли, непринужденно и съ честью, оставить страну, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда не примирится съ нашею властію. Гораздо лучше пожертвовать областью, которая Россіи не приноситъ никакой выгоды, чѣмъ имѣть постояннаго домашняго непріятеля и слыть въ цѣломъ мірѣ тиранами. Насильственное обладаніе Польшею ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ славянской державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы Славянскаго племени. Съ какимъ же восхищеніемъ мы привѣтствовали бы свое избавленіе отъ этого гибельнаго противорѣчія, съ какимъ удовольствіемъ стряхнули бы съ себя бремя насильственнаго владычества надъ Польской землею. Съ какой справедливой гордостью мы глянули бы въ глаза всѣмъ нашимъ клеветникамъ въ Европѣ, какъ мы почувствовали бы себя свободнѣе въ нашей политикѣ!

И не только въ смыслѣ политическомъ, мысль эта, покуда ее раз-

сматриваешь теоретически, оказывается самымъ лучшимъ для Россіи выходомъ изъ безчисленныхъ затрудненій, поставляемыхъ ей Царствомъ Польскимъ. За мысль эту говоритъ и высшая справедливость, не допускающая, чтобы одинъ народъ налагалъ цѣпи на другой. На почвѣ безусловной правды казалось бы несомнѣннымъ, что должно, при первой возможности, возвратить Царству Польскому его самостоятельность.

Но бѣда въ томъ, что противъ требованій безусловной теоретической правды вооружаются двѣ силы, передъ которыми всегда уступитъ то, что̀ мы считаемъ безусловною правдою: сила политическихъ условій и сила историческаго развитія. Политическія условія, это сфера, въ которой властвуетъ *князь міра сего*; здѣсь нѣтъ мѣста идеалу безусловной правды. Какъ только зайдетъ рѣчь о практическомъ исполненіи благороднаго помысла, исполненіе это тотчасъ улетаетъ отъ насъ въ такую даль будущаго, что благородный помыслъ обращается въ ничто. А въ свою очередь, передъ нами является неумолимый, логическій законъ историческаго развитія, равнодушный къ стонамъ и проклятіямъ живыхъ людей, потому что ему надобно вымещать на отдаленномъ потомствѣ грѣхи или ошибки давно минувшихъ поколѣній.

Прежде всего, поставимъ вопросъ о Русскомъ владычествѣ въ Царствѣ Польскомъ на почву политическихъ условій. Въ этомъ отношеніи мы наткнемся на обстоятельство самаго неидеальнаго свойства, но котораго нельзя обойти безъ вниманія. Русская власть пустила корни въ Царствѣ Польскомъ, корни, правда, самые грубые, совершенно вещественные, но которыхъ намъ не легко бы было вырвать. У насъ тамъ первостепенныя крѣпости. Какъ быть съ Новогеоргіевскомъ, съ Ивангородомъ, съ Замосцемъ? Употребить громадныя усилія, чтобы взорвать на воздухъ или срыть до основанія работы, стоившія Россіи не одну сотню милліоновъ? Или передать въ чужія руки укрѣпленія, которыя, въ случаѣ какой нибудь войны въ средней Европѣ, сдѣлались бы для насъ преградою, быть можетъ неодолимою, или, по крайней мѣрѣ, достаточною, чтобы задержать наши войска на цѣлую кампанію? Не мнѣ, конечно, разсуждать о спеціальномъ военномъ дѣлѣ, но простой здравый смыслъ указываетъ, что пока Европейскимъ народамъ нужно будетъ брать въ расчетъ возможность войны и принимать мѣры для своего огражденія, Россіи придется держать Царство Польское для своей собственной безопасности въ военномъ отношеніи.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о крѣпостяхъ. Англія рѣшилась же отдать Грекамъ Іонническіе острова, жертвуя великолѣпною крѣпостью Корфу. За то политическія условія были въ пользу отда-

чи Іоническихъ острововъ Грекамъ и не только уравновѣшивали, но вознаграждали съ лихвою ущербъ по военной части. Уступка Іоническихъ острововъ не угрожаетъ Англіи ни. малѣйшею опасностью, а въ то же время дастъ ей огромное вліяніе на Грецію: собственно, Англія не отдаетъ Іоническихъ острововъ, а посредствомъ Іоническихъ острововъ притягиваетъ къ себѣ Грецію. Политическія условія Царства Польскаго прямо противоположны всему этому. Поляки властолюбивы и притязательны, по самому понятію, которое они имѣютъ о себѣ, какъ представителяхъ высшей цивилизаціи и единоспасающей религіи, и по тому самому, ихъ властолюбіе и ихъ притязанія обращены не на западъ Европы, откуда они заимствовали эту цивилизацію и эту религію, а на русскій востокъ: ибо тамъ они видятъ мужицкое варварство и схизму и тамъ считаютъ себя призванными распространятьгосподство своей цивилизаціи и своей единоспасающей церкви. Выпустить Царство Польское изъ нашихъ рукъ, значило бы открыть себя немедленному и непремѣнному вторженію всего, что въ Царствѣ Польскомъ способно носить оружіе; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первымъ дѣломъ самостоятельной Польши было бы избрать въ Европѣ такихъ союзниковъ, призвать къ себѣ такого государя (какого нибудь Наполеонида, если будетъ еще имѣться такой, или тому подобную личность), съ которыми можно было бы удобнѣйшимъ образомъ напасть на Россію. Конечно, обладаніе Царствомъ Польскимъ требуетъ отъ насъ много войска и стоитъ намъ большихъ денегъ. Но не понадобится ли еще больше войска и еще бо́льшихъ денегъ, какъ скоро мы выйдемъ изъ Царства Польскаго? Намъ придется во всемъ нашемъ западномъ краѣ стоять постоянно на сторожѣ, ждать ежечасно непріятельскаго вторженія. Настоящія событія даютъ намъ чувствовать, какъ тягостно и обременительно для страны быть въ пассивномъ ожиданіи нападенія, не имѣя возможности предупредить удара. И въ этомъ-то положеніи, въ которое мы теперь *временно* поставлены напряженными отношеніями къ западнымъ державамъ, Россія находилась бы *постоянно*, имѣя подъ бокомъ независимую Польшу съ польскою арміею,—пока, я долженъ повторить, какъ говорилъ въ предъидущей статьѣ, не прекратятся притязанія Поляковъ владѣть западною частью Русской земли.

Такимъ образомъ, мысль освободить Царство Польское отъ Россіи, мысль столь благородная, столь привлекательная, мысль неопровержимая въ теоріи, — разбивается о дѣйствительность, какъ только мы ее поставимъ въ видѣ современнаго политическаго вопроса для Россіи. Нельзя же, чтобы Россія, въ увлеченіи благороднымъ безкорыстіемъ, думала о возможности избавить Польшу отъ ненавистной для нея Русской власти, не давъ себѣ предварительно отчета о томъ,

что изъ этого можетъ или должно выйти. Не только въ настоящее, самое тягостное для насъ, время возбужденныхъ противъ насъ польскихъ страстей, мы не можемъ оставить Царство Польское уже изъза того, чтобы не показаться трусами, не уронить себя предъ цѣлымъ свѣтомъ; не только теперь, когда на насъ нападаютъ и намъ грозятъ, мы должны держать Царство Польское и говорить: «приходите, отнимите, если можете»; нѣтъ, но и въ будущемъ, мы могли бы рѣшиться на такой шагъ развѣ тогда, когда знали бы, что въ средней Европѣ не будетъ больше войны и что Поляки, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, не придутъ отвоевывать у насъ Литву и Украйну: условія, которыя отдаляютъ исполненіе мысли нашей въ такіе вѣка, которые, по Греческому выраженію, «еще покоятся въ лонѣ боговъ».

Или, чтобы скорѣе настало то счастливое время, когда намъ можно будетъ избавиться отъ Царства Польскаго и избавить его отъ насъ, не положитъ ли разомъ конецъ польскимъ притязаніямъ на западную Русь—изгнаніемъ оттуда всѣхъ Поляковъ въ Царство? Послѣ этого, конечно, не было бы для насъ опасности нашествія изъ Царства Польскаго, потому что не стало бы для такого нашествія никакихъ надеждъ на опору въ краѣ и на успѣхъ. Исторія представляетъ намъ подобный случай. Аналогія полнѣйшая. Испанія возвратила себѣ области, составляющія ея природную часть, но которыя долго принадлежали враждебному ей, иновѣрному племени, нѣкогда стремившемуся завоевать ее всю. Тамъ, въ этихъ новоприобрѣтенныхъ Испаніею областяхъ, по близости своей старой родины, чужое, иновѣрное племя водворилось большими массами и составляло, такъ сказать, *интеллигенцію* края. Не снесла этого ненормальнаго положенія нетерпѣливая Испанія, не хотѣла употребить нравственныя силы, силы своего духа, чтобы превозмочь враждебное ей настроеніе Мавровъ, быть можетъ мечтавшихъ о возстановленіи прежняго своего владычества надъ Севильей и Гренадой, быть можетъ сносившихся съ своими родичами въ Мавританіи. Она просто взяла и выгнала ихъ всѣхъ, сотнями тысячъ, въ Африку. Съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ Маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, сознаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стихіи пришельцевъ, очутившихся гражданами Кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печальному примѣру Испаніи?

Узелъ между Россіей и Польшей сплетенъ такъ тѣсно исторіей что его не разрубишь. Это борьба двухъ противоположныхъ началъ

въ одномъ мірѣ; тутъ не скажешь той и другой сторонѣ: «ступай себѣ домой и сиди смирно, меня не трогай; а я тебя трогать не буду». По крайней мѣрѣ, одна сторона на это не согласится, да и не могла бы исполнить обѣщаніе, даже если бы согласилась. Говорятъ часто, — и эти слова будутъ приведены мною ниже вторично изъ устъ Поляка, — говорятъ часто, что Поляки ничего не забыли и ничему не выучились. Это правда, хотя причина тому не въ природномъ характерѣ Польской націи, а въ тѣхъ идеяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ воспитывается польскій характеръ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но такія идеи и обстоятельства не скоро теряютъ свою силу. Не скоро убѣдятся Поляки, что ихъ предназначенная отчизна — малая земля Польскаго народа, а не тотъ обширный край, гдѣ они могутъ господствовать во имя своего аристократическаго превосходства и преимущества своего образованія. Они, люди цивилизованные, носители западно-европейскаго и католическаго знамени, не скоро убѣдятся въ несостоятельности своего призванія въ Славянскомъ мірѣ. Они вѣрятъ себѣ, они вѣрятъ въ свое знамя, а неудачи и бѣдствія не убиваютъ вѣры. Ихъ вѣра возвышаетъ ихъ до мечтаній, гдѣ теряется всякое чувство человѣческой дѣйствительности, и низводитъ ихъ до правилъ, въ которыхъ теряется всякое чувство человѣческой нравственности. Въ ихъ средѣ не только религія, какъ замѣчаютъ неоднократно, обратилась въ средство политическое, но, что̀ еще важнѣе, политическая идея обратилась въ религію. Прочитаемъ слѣдующія строки: «И умучили народъ Польскій, и положили во гро̀бъ; и короли вскричали: мы убили и похоронили свободу. Вскричали же они неразумно: ибо, совершая послѣднее убійство, они исполнили мѣру своихъ беззаконій, и кончилась ихъ сила въ то время, когда они наболѣе ликовали. Ибо народъ Польскій не умеръ: тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его сошла съ земли, то есть изъ общественной жизни, въ бездну, то есть въ домашнюю жизнь племенъ, терпящихъ неволю въ краѣ и за границей, дабы видѣть ихъ страданіе. А въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ Польскій воскреснетъ и освободитъ всѣ племена Европы изъ неволи. И прошли уже два дня; одинъ день зашелъ съ первымъ взятіемъ Варшавы, а другой день зашелъ со вторымъ взятіемъ Варшавы; а третій день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ по воскресеніи Христа престали на цѣлой землѣ кровавыя жертвоприношенія, такъ съ воскресеніемъ народа Польскаго престанутъ въ христіанствѣ войны». Есть цѣлая такая книга, изъ которой это лишь малый отрывокъ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлое дополнительное Евангелье, но Евангелье, которое учитъ не вѣрѣ въ Бога, а вѣрѣ въ будущность Польши, не нравственной правдѣ, а тому, какъ вести себя польскимъ «пилигримамъ», разсѣянным

«среди чужеземцевъ, какъ апостолы среди язычниковъ» (księgi Narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego, гл. XVIII). И эту книгу писалъ не какой нибудь безвѣстный чудакъ, а величайшій геній Польши, Мицкевичъ; и писалъ онъ ее не тогда, когда его умъ былъ на закатѣ, а въ 1833 году, въ пору всей силы его таланта, въ ту самую пору, когда онъ съ такою изумительною вѣрностью живописалъ всѣ стороны польскаго шляхетства въ великолѣпной эпопеѣ о панѣ Тадеушѣ. Такое явленіе, какъ эта «книга Польскаго народа и Польскаго пилигримства» переноситъ насъ въ совершенно непонятный для насъ, живущихъ на землѣ, заоблачный міръ, гдѣ политическая мечта получаетъ силу и власть религіи [1]). Теперь, присоедините къ этому другой полюсъ того же явленія — религію, обращаемую въ политическое орудіе, уроки іезуитской теоріи о добрѣ и злѣ, о нравственномъ долгѣ [2]); всѣ эти уроки съ такою полнотою объясняются нынѣшнимъ

---

[1]) Зная Мицкевича, какъ поэта, мы вообще слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на него, какъ на мыслителя. Между тѣмъ, онъ является полнымъ представителемъ и провозвѣстникомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя движутъ Поляками и воплощаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Приведу одинъ характеристическій примѣръ. Въ статьѣ по поводу засѣданія общества русскихъ земель для празднованія годовщины бывшаго въ 1831 г. возстанія въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Украинѣ, статьѣ, написанной 5 апрѣля 1833 г., подъ заглавіемъ „О конституціи повстанцевъ“, — Мицкевичъ опровергаетъ мысль, появлявшуюся въ польской эмиграціи, опредѣлить заранѣе ту форму правленія, ту конституцію, которую должна получить Польша, освобожденная отъ русской власти. Вся конституція польскихъ повстанцевъ должна состоять, по словамъ Мицкевича, въ слѣдующихъ немногихъ статьяхъ, которыя я перевожу изъ его статьи буквально: „Ст. 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п. Ст. 3. Каждаго *шпега* (шпіона), каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго Поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить, судить, казнить. Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ. Она болѣе или менѣе обширна, смотря по многочисленности отдѣла, ей подчиненнаго, талантамъ и счастію вождя. Власть эта остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть, водворившись въ городѣ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную; а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама выполняетъ свои приговоры. Ст. 6. Подати собираются изъ добровольныхъ приношеній. Кромѣ того, власть забираетъ все, что нужно во время войны“. (Полн. собр. сочин. Мицкевича, парижск. изд. 1860 года, т. VI, стр. 159). Стоитъ, вмѣсто имени Императора Николая, поставить имя Императора Александра II, вмѣсто 1833 года поставить 1863 годъ, и въ этой, начертанной Мицкевичемъ „конституціи повстанцевъ“, мы будемъ имѣть во всей точности кодексъ современнаго польскаго возстанія.

[2]) Можно бы было, опять-таки у Мицкевича, всеобъемлющаго представителя польскихъ идей, найти выраженіе этой наиболѣе грустной стороны современнаго полонизма. Вспомнимъ характеристическую сцену въ „панѣ Тадеушѣ“ (книга X-я), когда послѣ побѣды, одержанной шляхтою надъ Москалями, панъ-судья спрашиваетъ у своего ключника про участь маіора (Поляка, состоявшаго на русской службѣ), который попался въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ и отданъ былъ на попеченіе ключнику. „Ключникъ оглянулся кругомъ, погладилъ лысину, махнулъ небрежно рукою, какъ бы давая знать,

ихъ примѣненіемъ на практикѣ, что я могу избавить читателя отъ печальнаго ихъ исчисленія. Сложите же всѣ эти стихіи: преданіе о господствѣ надъ Русскими землями во имя аристократическаго принципа; чувство цивилизованнаго Европейца въ противоположность сосѣднему варварству Русскаго, чувство исповѣдника религіи, «внѣ которой нѣтъ спасенія», въ противоположность сосѣдней «схизмѣ»; патріотическую страсть, возведенную до высоты вѣры, не признающей уже условій дѣйствительнаго міра и, въ то же время, отравленной понятіями, отрицающими законы міра нравственнаго, — сложите въ одно всѣ эти стихіи, которыя мы добыли анализомъ, но которыя проникаютъ другъ друга въ политической жизни Поляковъ и обусловливаютъ ея характеръ; сложите всѣ эти стихіи и подумайте: способна ли такая среда къ какой бы то ни было мирной политической сдѣлкѣ съ Россіей? Никакія уступки Полякамъ тутъ ничего не сдѣлаютъ. Примѣръ передъ глазами. Мало ли имъ было уступлено въ теченіе 1861 и 1862 годовъ? Быстрота, съ какою эти уступки слѣдовали одна за другою, не доказывали ли, что Россія вовсе не имѣла желанія торговаться съ Поляками, что она охотно дала бы имъ все возможное? И не было ли притомъ видно, что за этими уступками должны были слѣдовать еще другія? Какимъ же образомъ Поляки не захотѣли по крайней мѣрѣ дождаться конца всѣхъ этихъ уступокъ, посмотрѣть на ихъ практическіе результаты, и за тѣмъ, пожалуй, если бы онѣ показались недостаточными и неудовлетворительными, схватиться за оружіе? Неужели мы въ правѣ оскорбить Польскую націю, объясняя себѣ этотъ, по-видимому столь противный здравому разсудку, образъ дѣйствія какою-то врожденною чертой польскаго характера, какъ подумалъ бы вѣроятно нашъ простой народъ и какъ не прочь сознаться иной разсудительный Полякъ? Что эта оскорбительная для польскаго національнаго характера мысль существуетъ и между самими Поляками, въ доказательство тому приведу слѣдующія строки, написанныя однимъ изъ нихъ о настоящемъ возстаніи: «Наша обязанность была, говоритъ онъ (послѣ льготъ, данныхъ Царству Польскому), поддерживать правительство всѣми нашими силами, чтобы не принудить его

что онъ все устроилъ“..... „Requiescat in pace“ (вѣчный покой), сказалъ подкоморій. „Видно, былъ въ этомъ перстъ Божій, прибавилъ судья: но я въ этой крови невиненъ, я ничего не зналъ о томъ“. Тутъ ксендзъ (бернардинскій монахъ, заправлявшій цѣлымъ возстаніемъ, раненый въ этой стычкѣ съ Русскими и умирающій), — „ксендзъ привсталъ съ подушекъ и сидѣлъ насупившись; наконецъ сказалъ, взглянувъ быстро на ключника. „Великій грѣхъ убить безоружнаго плѣнника! Христосъ запрещаетъ мстить даже врагу! Ой ключникъ, ты дашь тяжкій отвѣтъ предъ Богомъ. Есть одна *рестрикція* (одно ограниченье); если это сдѣлано не изъ глупаго чувства мести, а pro publico bono (т. е. для общаго блага).“ Ключникъ кивалъ головою и вытянутой рукой, и моргая, повторялъ: „pro publico bono“!

раздавить насъ. Такимъ образомъ, мы могли бы сложиться въ народъ (nous former en nation), дать созрѣть нашимъ мыслямъ, выучиться подчинять наши чувства условіямъ разсудка, и ожидать, приготовленные этимъ, всего отъ силы вещей, никогда не забывая, что мы Поляки, и что нашъ долгъ оставаться таковыми. Увы! Мы ничего не забыли и ничему также не научились. Я вижу это не съ нынѣшняго дня, и потому легко было предвидѣть, два года тому назадъ, событія, теперь совершающіяся. Всякій разъ, когда передъ нами будутъ открыты два пути, одинъ путь — разсудка и терпѣнія, другой — безумія, всегда мы будемъ бросаться стремглавъ на этотъ послѣдній путь» [1]).

Но нѣтъ, я не раздѣляю этого мнѣнія, и думаю, что вѣрнѣе признать тутъ не какую нибудь врожденную черту характера, а дѣйствіе той исторической силы, которая поставила всѣ начала польской жизни въ такой непримиримый антагонизмъ съ народными стихіями Россіи. Сама Россія очевидно не имѣетъ никакой народной антипатіи къ Полякамъ; она не желала бы ничего лучшаго, какъ оставить ихъ въ покоѣ въ ихъ землѣ; въ случаѣ, если бы возможна была мирная политическая сдѣлка, не она стала бы вызывать Польскую націю на бой. Но есть на свѣтѣ нѣчто такое, что̀ вызываетъ враждебныя страсти независимо отъ всякой прямой обиды. Это растущая сила новаго организма, входящаго въ міръ. Нечего намъ ласкать себя надеждою, что мы, какими бы то ни было подвигами великодушія, укротимъ враждебное противъ насъ настроеніе Польши. Ибо ненависть Поляковъ къ Россіи проистекаетъ не только изъ того или другаго нашего дѣйствія: самое существованіе Россіи въ Европѣ для нихъ соблазнъ и оскорбленіе. Желаніе выбросить Россію за Уралъ — не пустая похвальба; въ этомъ высказывается внутреннее чувство, что Россія для нихъ лишняя; Россія разрушаетъ, простымъ фактомъ своего бытія, все, что̀ было бы ихъ призваніемъ въ мірѣ, — призваніе просвѣтителей и владыкъ всего Славянства.

Съ какой бы стороны ни разсматривали мы польскій вопросъ, мы видимъ очевидную невозможность сдѣлки, которою Россія могла бы развязаться съ Поляками. Выше я разсуждалъ уже объ этомъ предметѣ съ точки зрѣнія нашихъ западныхъ губерній и старался показать, что присутствіе польской аристократической стихіи въ западномъ краѣ и проистекающія отсюда притязанія Поляковъ на Литву и Украйну, не дозволяютъ намъ ни мирно разстаться съ Польшею, ни поставить себя въ нормальное положеніе къ Полякамъ. Здѣсь я

[1]) Заимствую эти строки изъ любопытнаго, но, къ сожалѣнію, оставшагося не напечатаннымъ, письма одного Поляка изъ Варшавы, по поводу и отчасти въ опроверженіе моей первой статьи о польскомъ вопросѣ. —

разсматриваю дѣло непосредственно въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ такъ называемому Царству Польскому, и прихожу къ тому же выводу. Мы должны сказать себѣ откровенно, что между Русскимъ и Польскимъ началомъ не можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, искусственной сдѣлки. Мы должны сказать себѣ, что борьба составляетъ тутъ для насъ историческую, неизбѣжную необходимость, точно также, какъ это говорятъ себѣ Поляки и бросаются въ нее, какъ безумные, при первой открывающейся имъ возможности. Это будетъ съ нашей стороны и разумнѣе и честнѣе, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами на мирную сдѣлку, и потомъ вдругъ подвергаться такому разочарованью, такой горькой необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ, какъ это случилось съ нами теперь. Мы принуждены владѣть Царствомъ Польскимъ и, въ то же время, нельзя предвидѣть возможности примирить Поляковъ съ нашею властію. Уступками этого достигнуть нельзя; а строгостью и карами власть не примиряетъ съ собою народа. Что же тутъ дѣлать?

Мы призваны въ Польшѣ къ борьбѣ, я сказалъ и повторяю опять. Но какая это борьба? Неужели она должна состоять въ насиліи противъ лицъ, коль скоро эти лица не станутъ сами прибѣгать противъ насъ къ средствамъ насилія? Неужели наша борьба въ Польшѣ должна заключаться въ подавленіи страны? Это была бы не борьба, а тиранніи. Это было бы позоромъ для Россіи. Борьба истекаетъ изъ требованій историческаго развитія, а тираннія имѣетъ единственною цѣлью — остановить историческое развитіе.

Историческое развитіе польской націи нѣкогда распространило ея владычество въ русскихъ земляхъ и водворило въ нихъ аристократическіе элементы, образовавшіеся въ польской жизни. Историческое развитіе Русскаго народа раздѣлываетъ теперь прежнее дѣло Польши въ Русскихъ земляхъ; оно распространило владычество Россіи и на коренную Польскую землю.

Историческая жизнь Польши оказалась несостоятельною: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, а при разложеніи ея стараго организма.

Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ внутреннее разложеніе и паденіе явилось бы въ такой страшной, осязательной наготѣ, какъ въ старой Польшѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что тутъ разлагался и падалъ не цѣльный народъ, — народы не такъ легко умираютъ, — а классъ людей, поглотившій въ себя всю историческую жизнь Польскаго народа, сосредоточившій въ себѣ все Польское государство. Множество примѣровъ доказываютъ, что чѣмъ уже и исключительнѣе та общественная среда, въ которой заключается историческая дѣятель-

ность государства, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ его исторической жизни, тѣмъ быстрѣе оно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея и тѣмъ скорѣе полное развитіе силъ смѣняется упадкомъ и разложеніемъ.

Такимъ образомъ, и государство Польское, возникшее въ одно и то же время съ Россіей, успѣло совершить полный кругъ своего развитія, когда Россія едва кончила періодъ своего сложенія, и умерло своею смертію въ исходѣ XVIII вѣка. Что бы ни говорили о насильственности раздѣловъ, объ этомъ assassinat d'une nation, несомнѣнно то, что Польское государство отжило свой вѣкъ, и что его могли разнять на куски именно потому, что это былъ трупъ, а не живой организмъ. Если бы какими нибудь судьбами удалось возстановить Польшу какъ государство, то развѣ она въ состояніи была бы развиваться? Польская нація, на сколько она дѣйствовала въ исторіи и выражалась въ государственной жизни Польши, т. е. Польское шляхетское общество или, такъ называемое, *обывательство*, заключавшее въ себѣ весь государственный организмъ Польши, — Польская нація имѣла въ Славянскомъ мірѣ весьма опредѣленное значеніе, весьма опредѣленный путь развитія. Это было общество и государство, по преимуществу представлявшее собою, въ Славянскомъ мірѣ, западно-европейскій католицизмъ и западно-европейское рыцарство. Идеи эти составляли духъ Польскаго государства, оно ихъ воплощало въ себѣ: онѣ имѣли свою блестящую эпоху въ Польшѣ XVI вѣка, и Польское общество и государство тогда разцвѣло; и мало-помалу обличились онѣ въ своей односторонности, и наконецъ дошли ad absurdum въ явленіяхъ XVIII вѣка, въ іезуитизмѣ и шляхетскомъ правѣ liberum veto. По мѣрѣ паденія этихъ идей, разлагалось Польское общество и государство: вслѣдствіе такого разложенія, государство погибло; но общество оставалось. Смерть государства не могла быть смертію для такой массы людей, какая составляла Польское *обывательство*. Смерть государства не могла также убить тѣ начала, тѣ идеи, какія въ немъ воплощались, хотя она и свидѣтельствовала явнымъ образомъ объ ихъ несостоятельности. Но массы людей бываютъ глухи къ отвлеченному свидѣтельству исторіи, и въ нихъ упрямо держатся, выработанныя прежнею жизнію, понятія и стремленія, особенно когда эти понятія и стремленія являются въ видѣ несомнѣнной вѣры въ истину и сопряжены съ надеждами на возвратъ прежняго господства и величія. Смерть Польскаго государства даже какъ бы оживила духъ старой Польши. Это совершенно въ порядкѣ вещей; это одинъ изъ признаковъ благородства природы человѣческой. Когда общее дѣло было проиграно, оно стало находить въ отдѣльныхъ личностяхъ служителей, посвящавшихъ себя ему со всею энер-

гіею и самозабвеніемъ, къ какимъ бываетъ способенъ человѣкъ, жертвующій собою за безнадежное, но горячо любимое предпріятіе. Такъ бывало при всякомъ погибавшемъ государствѣ, во всякомъ осужденномъ исторіею общественномъ организмѣ. Польское же государство въ особенности могло выставить громадную массу такихъ личностей, вслѣдствіе непомѣрнаго развитія въ немъ класса людей съ воинственными и рыцарскими наклонностями, класса, заключавшаго въ себѣ всю дѣятельную силу этого государства, и вдругъ, съ его паденіемъ, терявшаго и вольность, которою онъ такъ гордился, и безчисленныя выгоды, какія доставляло ему исключительное пользованіе вольностью.

И вотъ, мы видимъ духъ старой Польши, переживающимъ паденіе стараго Польскаго государства въ шляхетскомъ классѣ Польскаго народа. Мы видимъ его, какъ онъ борется съ силой исторіи, вѣчно ею разочаруемый и никогда не теряющій надежды. Духъ старой Польши принимаетъ, какъ я замѣтилъ выше, характеръ религіознаго убѣжденія. Политическая мысль о возстановленіи старой Польши возводится на степень вѣры въ чудесное ея воскресеніе. Этотъ духъ старой Польши, сдѣлавшійся вѣрою въ ея воскресенье, ведетъ Поляковъ въ южную оконечность Европы, служить деспотизму иностраннаго завоевателя противъ народа, защищающаго свою свободу; онъ ведетъ ихъ на безпримѣрный подвигъ безполезнаго героизма, — когда они штурмуютъ уланскою конницею, во славу Французскаго императора, укрѣпленныя Испанскими пушками высоты Сомо-Сіерры. И ожиданное Поляками историческое чудо, — одну минуту, казалось назначеннымъ къ осуществленію. Это было весною 1812 года. Вѣчнымъ памятникомъ тогдашнихъ надеждъ польскихъ останется *панъ Тадеушъ*. Какъ воспѣта Мицкевичемъ весна 1812 года! Надежды этой весны разбиты; но вы чувствуете, что вѣра не исчезла, и нѣтъ въ поэтѣ разочарованія и скорби надъ разбитыми надеждами своей націи, есть только воспоминаніе тогдашняго восторга: «О весна! кто тебя видѣлъ въ то время въ нашей странѣ, памятная весна войны, весна урожая! О весна, кто тебя видѣлъ, какъ ты была цвѣтуща хлѣбомъ и травами и блестяща людьми, обильная событіями, чреватая надеждами. Я тебя вижу до нынѣ, прекрасное сновидѣніе! Рожденный въ неволѣ, повитый въ оковахъ, я только одну такую весну имѣлъ въ жизни!» — Но весна 1812 года смѣнилась осенью 1812 года, пѣснь восторженной надежды въ Полякахъ смѣнилась русскою пѣснью одержаннаго торжества. Пришлось Полякамъ мириться съ дѣйствительностью, которую, впрочемъ, императоръ Александръ I сдѣлалъ для нихъ такою, что она, послѣ всего случившагося въ 1812 году, могла казаться имъ осуществленною мечтою. Но вѣра въ вос-

кресеніе старой Польши не могла мириться ни съ какой дѣйствительностью, даже съ тою, въ которой самые дорогіе интересы Русскаго народа жертвовались польскимъ идеямъ. Духъ старой Польши проявился вновь въ возстаніи 1830 года; ему повинуются Поляки, когда они въ 1849 году избираютъ знамя Мадьяръ противъ Славянскихъ народовъ, ему повинуются они и въ настоящее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ періодъ посмертнаго, такъ сказать, существованія старой Польши, въ верхнихъ слояхъ Польской націи, ознаменованъ постепеннымъ внутреннимъ паденіемъ; это есть посмертное разложеніе старой Польши. Сравните плеяду Польскихъ патріотовъ начала нынѣшняго столѣтія съ теперешними ихъ преемниками: тѣ же мысли ихъ одушевляютъ, цѣль осталась та же, но какое нравственное паденіе! Не присутствуемъ ли мы при полномъ внутреннемъ разложеніи всего того, что составляло жизнь старой Польши: при полномъ нравственномъ разложеніи стараго польскаго католицизма, проповѣдывающаго теперь обманъ и убійство, при окончательномъ извращеніи всѣхъ рыцарскихъ понятій стараго, когда-то во многомъ столь благороднаго, польскаго шляхетства, теперь впавшаго до послѣдней глубины человѣческой фальши?

Знаменитый Лелевель, еще въ 1820 году, написалъ историческую параллель Польши съ Испаніей, и этимъ сравненіемъ выказалъ, мнѣ кажется, глубокое пониманіе обѣихъ странъ. Дѣйствительно, онѣ не только обнаруживаютъ замѣчательное сходство и почти одновременность въ своемъ возвышеніи, процвѣтаніи и паденіи, но и жили одними и тѣми же идеями. Обѣ страны одинаково посвятили себя всѣмъ стремленіямъ католицизма; обѣ одинаково прониклись духомъ рыцарства, и это рыцарство породило одинаковыя явленія. Какъ испанскій грандъ представляетъ подобіе старо-польскаго магната, такъ и въ *хидалго*, оборванномъ и босоногомъ, но чувствующемъ себя ровнею гранду и какимъ-то высшимъ существомъ въ сравненіи съ прочимъ народомъ, и добродушно вѣрующемъ въ свое особливое призваніе быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, узнаемъ мы роднаго брата польскому шляхтичу. Лойола и донъ-Кихотъ, это могли бы быть типы Польши, какъ и Испаніи: только въ Испаніи осталось довольно силы народнаго самосознанія, чтобы осмѣять донъ-Кихота, а Польша до сихъ поръ лишь умѣла окружать своего шляхтича ореоломъ поэзіи.

Испанія пала, утратила свои владѣнія, а все-таки продолжаетъ жить какъ отдѣльное, хотя второстепенное государство. Если бы Польша была въ такомъ же изолированномъ по природѣ положеніи, какъ Испанія, которая можетъ оставаться въ своихъ естественныхъ границахъ, никого не трогая, то такъ могло бы быть и съ Польшею. Но, кромѣ разницы между островнымъ положеніемъ Испаніи и

средиземнымъ положеніемъ Польши, есть еще другое, огромное различіе. Лойола и донъ-Кихотъ были родныя дѣти Испаніи; они не только родились отъ ея крови, но въ нихъ воплотился весь ея народный духъ. А въ Польшѣ іезуитъ и шляхтичъ — пасынки, занявшіе мѣсто родныхъ сыновей. Они Поляки, но ведутъ свой родъ не отъ Поляковъ; въ нихъ живетъ духъ чужой, задавившій, если не убившій окончательно, коренной народный духъ Польши, какъ славянской страны. Испанское государство можетъ продолжать существовать въ качествѣ самостоятельнаго организма среди романской Европы, ибо этотъ организмъ выросъ и развился естественно на своей исторической почвѣ. Столь же естественно перерождается онъ теперь, послѣ своего распаденія, обновляясь подъ вліяніемъ новаго положенія Европы, приладживаясь къ условіямъ вѣка и слагаясь, вѣроятно, въ какую нибудь новую формацію. Другое дѣло въ мірѣ Славянскомъ. Тутъ организмъ, воплотившій въ себѣ духъ іезуитизма и рыцарства, не обновится подъ вліяніемъ вѣка, не приладится къ условіямъ новой, окружающей его жизни; изъ него не выйдетъ новой органической формаціи. Это слишкомъ ясно доказываютъ всѣ стремленія Польскаго общества, обращенныя безусловно къ возстановленію Польши 1772 года, не понимающія Россіи иначе, какъ понимали ее Поляки при Самозванцахъ, и которыя знать не хотятъ ничего, что̀ могло произойти съ того времени. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ организмомъ разложившимся и уже неспособнымъ къ новому развитію. Развитіе въ Польшѣ можетъ выйти только изъ совершенно новой стихіи. Если есть въ Польшѣ еще такая новая стихія жизни, то это, очевидно, простой народъ, не принимавшій никакого участія ни въ процвѣтаніи, ни въ паденіи старой Польши. Въ противномъ же случаѣ, ежели бы простой народъ польскій не представлялъ элементовъ для новой жизни, для новаго развитія въ Польшѣ, то пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на будущность Польской націи и предвидѣть тогда, какъ неизбѣжный результатъ дальнѣйшаго хода исторіи — замѣну Польскаго народа новымъ племенемъ, т. е. предвидѣть-для цѣлой Польской земли то, что̀ уже совершилось и совершается въ западной ея половинѣ, въ Силезіи, западной Пруссіи и большей части старой земли Великопольской. Но если возможно избѣгнуть этого исхода и суждено простонародной средѣ дать новые ростки для обновленія Польши, то это будетъ именно только подъ властію Россіи и благодаря этой власти. Вотъ въ чемъ я вижу историческое требованіе, обусловливающее русскую власть въ Польшѣ, и причину, которая можетъ оправдать тамъ существованіе нашей власти не съ одной лишь точки зрѣнія безопасности и интересовъ Россіи, а по отношенію къ самой Польшѣ. Одна Россія въ силахъ охранить слабое еще въ своемъ само-

сознаніи, еще совершенно пассивное простонародье польское отъ безусловнаго господства старыхъ преданій и понятій, воплощенныхъ въ *обывательскомъ* классѣ. Дайте независимость Польшѣ, и все, что̀ можетъ выйти новаго изъ среды простонародья, будетъ заглушено и никогда не проявится; изъ-подъ стараго, разлагающагося трупа никогда не взойдутъ новые ростки. Несостоятельная шляхта ничего не сдѣлаетъ, чтобы оживить простой народъ, и сама истощится и погибнетъ, а безсознательное простонародье не устоитъ подъ наплывомъ Нѣмецкой колонизаціи, движущейся впередъ со всею силою, придаваемою ей духовнымъ единствомъ образованнаго класса и рабочихъ сословій. Доказательства передъ глазами, и мы должны сказать безъ обиняковъ: безъ Россіи Польша никогда не обновится.

Поясню свою мысль. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ существуютъ собственно два народа: одинъ, жившій исторической жизнію, пріобрѣтшій огромныя владѣнія и потомъ потерявшій ихъ, народъ,— весь погруженный въ преданія прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма. Другой народъ, отдѣляемый отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся старая жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія къ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ. Это не два отдѣльныхъ класса въ одномъ народѣ; нѣтъ, Польскій крестьянинъ, пашущій землю, и Полякъ, отрѣшившійся отъ простоты земледѣльческаго быта, принадлежатъ къ двумъ особымъ мірамъ, къ двумъ отдѣльнымъ политическимъ сферамъ. Всякій Полякъ не крестьянинъ есть уже шляхтичъ по праву. Ремесленникъ, мастеровой, торговецъ [1]), писарь, адвокатъ, чиновникъ, помѣщикъ, наконецъ священникъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ, стоящій за порогомъ простаго крестьянскаго быта, стоитъ уже, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругу идей и притязаній, наслѣдованныхъ отъ прежней Рѣчи Посполитой; онъ *панъ* и титулуется *панома;* въ Польшѣ единственно крестьянинъ, *хлопъ*, не есть *панъ*, но тотъ же крестьянинъ, поступивъ въ лакеи или въ мастеровые, уже тѣмъ самымъ, что онъ пересталъ быть крестьяниномъ, получаетъ право на титулъ *пана*, переходитъ на ту сторону польской націи, зерно которой составляетъ шляхта. Нельзя терять изъ виду этого состоянія Польскаго народа, нельзя судить о немъ по тому, что мы находимъ въ Россіи. Мы справедливо скорбимъ о раздвоенности нашего общества съ народомъ. Но, жалуясь на это раздвоеніе, уяснія себѣ все

[1]) Я не говорю, разумѣется, о Евреяхъ, а имѣю въ виду собственно Поляковъ.

болѣе и болѣе неисчислимый вредъ, отсюда проистекающій, мы чувствуемъ, что это у насъ болѣзнь, случайно привившаяся къ организму нашей страны, болѣзнь, отъ которой мы вылѣчимся. Въ Польшѣ эта раздвоенность такова, что она уже сдѣлалась, такъ сказать, существенною, органическою принадлежностью Польской націи; она срослась съ польскими понятіями такъ, что Полякъ ея уже не чувствуетъ и не замѣчаетъ, и она поражаетъ только иностранца, какъ нѣчто ненормальное. Полякъ толкуетъ о Польскомъ *народѣ* со всею искренностью убѣжденія, что онъ ведетъ рѣчь о дѣйствительномъ *народѣ* Польскомъ; а между тѣмъ, онъ разумѣетъ именно все то, что *не есть народъ* въ собственномъ смыслѣ слова, онъ разумѣетъ только совокупность личностей, выдѣлившихся изъ народной массы, совокупность мѣщанъ, шляхты, духовенства и всего прочаго, кромѣ крестьянскаго простонародья. Полякъ произноситъ слово *обыватель*, и вы, согласно прямому значенію этого слова, думаете, что онъ говоритъ о всякомъ вообще *житель*, обитающемъ въ странѣ, а между тѣмъ, онъ разумѣетъ опять-таки горожанина, духовнаго, шляхтича и всякаго другаго, за исключеніемъ крестьянскаго простонародья. Эти-то классы *обывателей* составляютъ единственную дѣйствующую въ Польшѣ стихію; въ нихъ исключительно сосредоточиваются тѣ начала, тѣ идеи, тѣ притязанія, которыя ставятъ насъ въ такое невыносимое и, повидимому, безвыходное положеніе въ Царствѣ Польскомъ. Народная масса тутъ вовсе непричастна.

Легко подтвердить безчисленными свидѣтельствами изъ всей польской литературы эту совершенную отдѣльность польскаго общества или, правильнѣе сказать, *обывательства*, отъ крестьянской массы Польскаго народа, этотъ особенный взглядъ, по которому понятіе о Польскомъ *народѣ* сосредоточивается единственно въ совокупности личностей, не принадлежащихъ къ крестьянскому населенію. Легко прослѣдить въ исторіи Польши, какъ образовалось это раздвоеніе, какъ крестьянское населеніе съ теченіемъ времени устранялось все болѣе и болѣе отъ участія въ жизни и судьбахъ Польскаго государства, и какъ государство это сдѣлалось исключительною принадлежностью шляхты и примыкающихъ къ ней классовъ, горожанъ и духовенства, или того, что въ Польскомъ языкѣ стало называться *Польскимъ народомъ, жителями* (обывателями) *края*. Такова несомнѣнная причина всегдашняго безучастія польскаго крестьянства къ патріотическимъ стремленіямъ *обывательства*; этимъ также объясняется, почему Поляки, т. е. собственно польскіе *обыватели*, не понимаютъ и не могутъ понять той, для нашего взгляда столь простой, истины, что Польша есть земля, гдѣ народъ польскій, а не вся та страна, гдѣ они, обыватели, нѣкогда господствовали: ибо народъ для нихъ не

въ народѣ, а въ однихъ *обывательскихъ* классахъ. Впрочемъ, я не стану входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій, потому что это заняло бы у читателя слишкомъ много времени. Но укажу на одинъ фактъ изъ живой дѣйствительности, по которому люди, знакомые съ Польшею, вѣроятно согласятся съ справедливостью того, что сказано выше о раздвоенности между Польскимъ крестьянствомъ и остальными классами Польской націи. Мы знаемъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, религіозная исключительность и нетерпимость въ отношеніи къ иновѣрцамъ несравненно сильнѣе въ простомъ сельскомъ народѣ, нежели въ городскихъ жителяхъ; мы знаемъ, что простой сельскій народъ равнымъ образомъ отличается отъ городскихъ классовъ большею любовью къ своему родному, что онъ менѣе охотно свыкается съ иностранцами, и если иностранцы приходятъ въ край завоевателями, то имъ гораздо легче пріучить къ своему владычеству городское населеніе, чѣмъ массы поселянъ. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій народъ, по своему быту, по всей своей обстановкѣ, долженъ хранить крѣпче всѣ преданія вѣры, всѣ понятія и инстинкты народности. Естественно, что онъ, въ своихъ набожныхъ чувствахъ, смотритъ съ непріязнію на иновѣрца; естественно, что онъ, въ своей крѣпкой привязанности къ своему родному, не можетъ быть равнодушенъ къ иностранному владычеству, тогда какъ, напротивъ того, въ городскомъ людѣ и вообще въ верхнихъ слояхъ общества открытъ широкій доступъ религіозному индиферентизму, и патріотическое настроеніе легче поддается соблазну личныхъ расчетовъ и интересовъ собственности, выгодамъ мира и спокойнаго производства промысловъ и торговли. Все это явленія, проистекающія изъ природы вещей и подтверждаемыя исторіею всѣхъ вѣковъ и странъ. Въ Польшѣ наоборотъ: самымъ ярымъ фанатизмомъ противъ схизматиковъ, самою упорною ненавистью къ Москалямъ, самымъ упорнымъ сопротивленіемъ иностранной власти отличается городской людъ и верхній слой общества; а въ сельскомъ народѣ Русскіе не встрѣчаютъ ни такого отвращенія къ нимъ, какъ къ иновѣрцамъ и иностранцамъ, ни такихъ чувствъ негодованія противъ московскаго владычества. Отчего же это происходитъ? Отчего Польша должна составить исключеніе изъ общаго историческаго закона? Дѣло ясное и не подлежащее сомнѣнію. Сельскій народъ въ Польшѣ чуждъ тѣхъ преданій и понятій, выработанныхъ католицизмомъ и шляхетствомъ, которыя составляютъ историческое достояніе городскаго люда, ксендзовъ и шляхты, вообще всѣхъ *обывателей*, и которыя именно ставятъ Поляковъ въ антагонизмъ съ Россіей. Не будь этого раздвоенія между сельскимъ народомъ и *обывательствомъ* въ Польшѣ, то какое религіозное и патріотическое одушевленіе долж-

но бы было соотвѣтствовать въ народной массѣ тому, что представляетъ намъ городской людъ и верхніе классы общества въ Польшѣ! Въ народной массѣ былъ бы такой разгаръ фанатизма и ненависти къ нашему владычеству, противъ насъ должна бы была подняться такая буря, что мы не продержались бы въ Польшѣ и двухъ недѣль. Но мы тамъ держимся, и держимся легко, когда только сами не пагоняемъ на себя страха; ибо буря противъ насъ бушуетъ лишь на поверхности, а масса спокойна, и къ намъ или равнодушна, или даже сочувственна, смотря по тому, какъ намъ угодно поступать съ нею.

Нельзя не замѣтить и того характернстическаго факта, что крайній предѣлъ фанатизма противъ Москалей является въ ремесленникахъ, мастеровыхъ, фабричныхъ и вообще низшихъ классахъ городскаго населенія. Люди эти стоятъ, очевидно, по своему образованію, почти на одной ступени съ крестьянствомъ; многіе изъ нихъ, вѣроятно, родились и воспитались въ крестьянской средѣ, имѣютъ отцовъ и братьевъ между хлопами. Но въ то время, какъ ни одинъ *хлопъ*, сколько мы знаемъ, не жертвовалъ собою для *ойчизны*, ей жертвуютъ собою поминутно ремесленники и мастеровые, съ радостью принимая отъ ксендза благословеніе на подвигъ — зарѣзать Москаля и идти на висѣлицу во имя отечества. Мастеровые, ремесленники и фабричные, а не хлопы, составляютъ, какъ по всему видно, главный матеріалъ, которымъ располагаютъ шляхта и ксендзы, ведущіе противъ насъ войну, ихъ chair à canon. Вещь понятная. Хотя фабричные и ремесленники родные братья земледѣльцамъ, но разстояніе между ними огромное: они уже не хлопы, а напротивъ отдѣлились отъ хлоповъ и получили право признавать себя *обывателями* и *панами*. Это новобранцы, прозелиты новаго для нихъ міра, міра историческихъ преданій и патріотическихъ стремленій старой шляхетской Рѣчи Посполитой. Кто же можетъ быть склоннѣе къ фанатизму и изступленію всякаго рода, чѣмъ подобные прозелиты?

Вотъ въ этомъ-то я и нахожу самую ужасную сторону положенія Польши, что масса, составляющая матеріальную основу и сущность, такъ сказать, націи, не имѣетъ и не можетъ найти себѣ никакого сознательнаго выраженія; что каждая личность, коль скоро она выдѣляется изъ народной среды, уже не принадлежитъ ей, а иному, чуждому, живущему въ прошедшемъ міру. Вотъ почему только посторонняя сила можетъ вывести польскую народную массу изъ забытья и призвать ее къ участію въ общественной и политической дѣятельности. Въ польской же средѣ сельскій народъ никогда, положительно никогда, не получилъ бы самостоятельнаго голоса, никогда не вышелъ бы изъ пассивной роли. Въ другихъ странахъ, гдѣ высшіе

аристократическіе классы также отчуждались отъ народа, народъ находитъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ сельскомъ духовенствѣ вѣрные органы и центры, около которыхъ можетъ группироваться пробуждающаяся въ немъ сознательная общественная дѣятельность: такъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ въ русской или восточной части Галиціи и разныхъ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи. Въ Польшѣ и этого нѣтъ. Подобно тому, какъ католическая церковь была однимъ изъ двухъ главныхъ факторовъ исторической жизни старой Польши (другимъ факторомъ была идея рыцарства), такъ точно и теперь католическій священникъ есть неизмѣнный собратъ шляхтича. Отношенія въ Польшѣ таковы, что крестьянская масса, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи проникнуть въ общественную жизнь, въ историческую дѣятельность Польши. И только по безмолвнымъ фактамъ узнаемъ мы, что польская крестьянская масса сама по себѣ чужда общественнымъ идеямъ и стремленіямъ, выражаемымъ, во имя цѣлой Польской націи, исключительно *обывательскими* классами, чужда *обывательскому* патріотизму и ненависти къ Москвѣ, *обывательскимъ* притязаніямъ на возстановленіе старой Польши. Если бы кто не довѣрялъ еще примѣру Царства Польскаго, то пусть онъ взглянетъ на западную Галицію, населенную чистымъ польскимъ племенемъ. Положимъ, что тамъ возстаніе простаго народа противъ пановъ въ 1846 году можетъ быть объяснено вліяніемъ существовавшаго тогда въ Галиціи крѣпостнаго права и подстрекательствами Австрійскихъ властей. Но съ 1848 года крѣпостное право уничтожено. Что же мы видимъ въ настоящее время? Галиційскіе паны и шляхта съ горожанами собираютъ экспедиціи на помощь возставшимъ въ Царствѣ Польскомъ. Экспедиціи эти направляются противъ Русскихъ; ихъ цѣль—возстановленіе старой Польши. Казалось бы, эти экспедиціи ничѣмъ не нарушаютъ интересовъ польскаго простонародья въ Галиціи; напротивъ, оно, если бы и не хотѣло рисковать дѣятельнымъ въ нихъ участіемъ, то, по крайней мѣрѣ, должно бы было, по-видимому, желать имъ успѣха; вѣдь это простонародье—все же люди Польскаго племени и языка, а дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, польское дѣло. Между тѣмъ, мы знаемъ изъ газетъ, какъ усердно Польскіе крестьяне въ Галиціи противодѣйствуютъ экспедиціямъ, идущимъ избавлять Польшу отъ «московскаго нашествія». Поминутно они задерживаютъ повстанцевъ и выдаютъ ихъ Австрійскимъ властямъ, заставляя эти послѣднія оказывать такимъ образомъ Россіи большее содѣйствіе, нежели онѣ, быть можетъ, того хотѣли бы сами. Мало того, въ концѣ минувшаго лѣта (1863 г.), крестьяне польскихъ деревень подъ самымъ Краковомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ старой Польши, вдругъ поднялись и устроили настоящую травлю

на повстанцевъ: вслѣдствіе чего и не удалась въ то время какая-то экспедиція, сбиравшаяся перейти нашу границу въ окрестностяхъ Кракова, а въ свою очередь, крестьяне этихъ деревень, отправившись на другой день въ Краковъ на рынокъ, подверглись тамъ побоямъ со стороны горожанъ, сочувствующихъ, какъ слѣдуетъ, возстанію. Этотъ фактъ былъ описанъ, съ горькими нареканіями на крестьянъ, въ газетахъ, самыхъ преданныхъ польскому дѣлу. Наконецъ, изъ газетъ извѣстно также, что въ западной Галиціи, вслѣдствіе движенія тамошней шляхты противъ Россіи, проявились въ средѣ польскаго крестьянства симптомы расположенія угрожавшаго жизни и безопасности шляхетскаго сословія, такъ что, Австрійское правительство должно было принять противъ этого предупредительныя мѣры. Конечно, нельзя предполагать въ Польскомъ простонародьѣ Галиціи какое-нибудь желаніе сдѣлать пользу Россіи. За то, тѣмъ болѣе ярко рисуется въ этихъ фактахъ не только несочувствіе, но положительная антипатія польскаго простонародья къ одушевляющей все польское *обывательство* идеѣ возстановленія стараго Польскаго государства. Подобное фактическое свидѣтельство полнаго раздвоенія между польскимъ простонародьемъ и *обывательскими* классами кажется убѣдительнѣе всякихъ доводовъ.

При такихъ отношеніяхъ между польскимъ простонародьемъ и обывательскими классами, наша власть въ Царствѣ Польскомъ едва ли можетъ считаться случайностью или простымъ грубымъ фактомъ матеріальной побѣды, одержанной однимъ племенемъ надъ другимъ. Кажется, что наша власть въ Польшѣ имѣетъ свое непосредственное историческое призваніе въ отношеніи къ развитію самой польской жизни. Пособить Польскому крестьянству, вывести его изъ апатіи, дать ему голосъ въ странѣ, вотъ, по-видимому, прямая задача наша въ Царствѣ Польскомъ. Я думаю, что мы должны смотрѣть на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ не только съ эгоистической точки зрѣнія нашихъ собственныхъ, русскихъ интересовъ, не только какъ на средство пріобрѣсти въ Польшѣ точку опоры противъ партіи противниковъ; мы должны видѣть въ немъ и историческую задачу Россіи въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ интересамъ ея будущности, къ ея собственнымъ пользамъ. Если правда, что старый историческій организмъ Польши съ ея шляхетскими идеями и стремленіями сдѣлался несостоятельнымъ и находится въ разложеніи (а въ этомъ, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія); если правда, что безсознательная масса польскаго крестьянства не въ силахъ, сама по себѣ, высвободиться изъ-подъ вліянія этого разлагающагося организма для обновленія польской жизни (а и это кажется вѣрнымъ), — то въ такомъ случаѣ исторія привела насъ въ Польшу не даромъ. Русская власть

можетъ сдѣлать для польскаго крестьянства то, чего никогда не сдѣлало бы польское *обывательство* и чего польское крестьянство никогда не достигло бы само по себѣ. Я вовсе не обвиняю польскихъ помѣщиковъ въ эгоистическомъ желаніи мѣшать улучшенію участи зависящихъ отъ нихъ крестьянъ; напротивъ, я знаю, что есть въ числѣ ихъ люди, одушевленные самымъ искреннимъ сожалѣніемъ объ исторической неправдѣ Польши къ ея крестьянству, самымъ пламеннымъ желаніемъ загладить эту вину. Но все, что̀ Поляки могли бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ, дѣлалось бы въ духѣ стараго польскаго шляхетства, по направленію, указанному знаменитою конституціею 3 Мая, которая не даромъ признается Поляками прототипомъ ихъ либерализма къ простому народу. Конституція 3 Мая 1791 г., какъ извѣстно, хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа — открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ *ушляхетненіемъ* всего Польскаго народа. Иначе быть не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеалъ совершенства и высшую цѣль своего народа; и это стремленіе ввести простой народъ въ шляхетскую сферу проглядываетъ, со времени неудавшейся конституціи 3-го Мая 1791 года, во всѣхъ идеяхъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простаго польскаго народа, даже въ самомъ крайнемъ представителѣ польскихъ демагоговъ, въ Мѣрославскомъ [1]). Но, признавая даже такія стремленія въ извѣстныхъ личностяхъ вполнѣ безкорыстными и отдавая въ этомъ случаѣ справедливость ихъ благородству, мы должны сказать, что они окончательно убили бы будущность Польскаго народа: это разрушило бы всякую самобытность въ польскомъ крестьянствѣ, уничтожило бы въ Польшѣ возможные зародыши новой исторической жизни. Шляхетская стихія почерпнула бы, конечно, новыя силы, поглотивъ въ себѣ массу крестьянъ, но такимъ образомъ продолжалась бы только агонія стараго разлагающагося организма. Для обновленія нужно не то, чтобы крестьянство вступило въ общественную сферу *обывательскихъ* классовъ, а напротивъ, чтобы крестьянство могло получить самостоятельное развитіе, самостоятельное вліяніе на польскую жизнь. Вотъ почему мы въ правѣ привѣтствовать съ особен-

---

[1]) Вотъ подлинныя его слова изъ печатнаго его сочиненія: „Уничтожьте мысленно невѣжество и нищету земледѣльческихъ массъ, и онѣ безъ потрясенія и безъ удивленія сольются съ рыцарскимъ сословіемъ (avec l'ordre équestre), т. е. со шляхтою; тогда обѣ составныя части польскаго общества приведутся къ одной.... По мѣрѣ того какъ уменьшаться будетъ невѣжество и нищета земледѣльческихъ массъ, кругъ рыцарскаго сословія будетъ расширяться“ и проч. и проч. (De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen, par le général Louis Mieroslawski. Paris 1856, стр. 374, 375). Вся книга написана въ этомъ смыслѣ; вездѣ шляхетское сословіе ставится идеаломъ демократіи и зерномъ будущей демократической Польши.

ною радостью предположеніе объ устраненіи всѣхъ теперешнихъ *войтовъ гминъ* (сельскихъ старшинъ), которые, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежатъ къ шляхетскому сословію, и о замѣнѣ ихъ выборными. Но этого мало. При теперешнемъ состояніи польской жизни, всякая личность, выдѣляющаяся изъ среды крестьянства, подчиняется тотчасъ, какъ я уже замѣтилъ выше, духу шляхетства, мѣтитъ въ *обыватели*, и такимъ образомъ не было бы ничего удивительнаго, если бы новые войты гминъ, хотя выбранные крестьянами изъ ихъ собственной среды, черезъ нѣсколько времени явились съ характеромъ и стремленіями настоящихъ *обывателей*. Равнымъ образомъ, матеріальное обезпеченіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею, составляющее, разумѣется, первое и необходимѣйшее дѣйствіе русской власти въ Царствѣ Польскомъ, conditio sine qua non какого бы то ни было обновленія въ польской жизни, — одно, само по себѣ, еще недостаточно. Необходимо, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ упрочена была и внутренняя крѣпость крестьянскаго быта, чтобы предупрежденъ былъ для отдѣльныхъ личностей соблазнъ перехода въ сферу *обывательства*. Для этого представляется только одно средство: поставить крестьянскія *общины* въ Польшѣ на такую высоту, дать имъ такую самостоятельность и такія права, чтобы каждый членъ крестьянской общины дорожилъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ ей, чтобы не выгодно было оставлять общину для изолированнаго положенія городскаго пролетарія, хотя бы съ нимъ и соединялся титулъ *пана* и *обывателя*. Разумѣется, объ экономической общинѣ въ Польшѣ и думать нечего, но есть, кажется, всѣ задатки для общины административной и политической. Не такъ еще давно, многіе писатели твердили у насъ, что и экономическая община создана въ Россіи правительственною властію. Теперь приходится желать, чтобы правительственная власть создала общину въ Польшѣ. Конечно, лучше бы было, если бы это могло совершиться само собою, внутреннимъ развитіемъ жизни, а не правительственною властію. Но что̀ дѣлать, когда польская жизнь, сама по себѣ, не только не въ состояніи создать крестьянскую общину, а напротивъ, можетъ лишь разрушать, все болѣе и болѣе, существующіе еще въ странѣ зачатки ея. При такомъ положеніи, нужно вмѣшательство посторонней силы, и эту-то постороннюю силу составляетъ въ Польшѣ Русская правительственная власть. Ея призваніе въ Польшѣ, по моему мнѣнію, — поднять крестьянство, дать ему независимость матеріальную надѣленіемъ землею не только хозяевъ, но всѣхъ, безъ исключенія, земледѣльцевъ (батраковъ и т. д.), и открыть крестьянству самостоятельное участіе въ общественной жизни страны посредствомъ крѣпкой организаціи крестьянскихъ общинъ.

Главная трудность, въ этомъ отношеніи, будетъ состоять, конеч-

но, не столько въ постановленіи законодательствомъ того, что̀ нужно для такого дѣла, сколько въ исполненіи его на мѣстѣ, во всѣхъ селахъ и деревняхъ Царства Польскаго. Надежныхъ исполнителей въ польскомъ чиновничествѣ мы, очевидно, не найдемъ: все оно принадлежитъ къ шляхетскому классу и смотрѣло бы на дѣло именно съ той точки зрѣнія, съ которой мы обязаны сдвинуть Польшу; а нѣкоторые могли бы даже преднамѣренно вредить нашимъ мѣрамъ и искажать ихъ въ исполненіи. По-видимому, не осталось бы другаго средства, какъ обратиться къ повѣрочнымъ коммисіямъ, дѣйствующимъ въ западныхъ губерніяхъ, и направить лучшія изъ нихъ въ Царство Польское, коль скоро онѣ исполнятъ свое порученіе въ предѣлахъ Россіи.

Но уничтожимъ ли мы тѣмъ, что̀ можетъ быть сдѣлано для польскаго крестьянства, противодѣйствіе польской шляхты, горожанъ и духовенства, нашему владычеству? Разрѣшимъ ли мы то, что̀ называется польскимъ вопросомъ? Нисколько. Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ Польской націи, или польскаго обывательства, польской интеллигенціи, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднитъ и отъ насъ собственно зависитъ, чтобы это сталось скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда, съ одной стороны, Польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью Русскою и Литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства.

А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ обывательствомъ, пока оно не утратитъ надеждъ на возвращеніе западнорусскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ обывательству мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что̀ приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что Полякъ мало образованный есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный Полякъ. Давно ли воз-

становленъ въ Варшавѣ университетъ? А сколько времени въ самой столицѣ Царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательность классическаго образованія поверхностностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Не даромъ замѣчательнѣйшій философъ польскій, Трентовскій, явился вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ горькимъ обличителемъ бывшей Рѣчи Посполитой и ея отношеній къ Русскому народу. Не даромъ людямъ, которые, какъ Лукашевичъ, вздумаютъ серьезно и съ ученымъ безпристрастіемъ разработывать какіе нибудь историческіе вопросы, касающіеся Польши, хотя бы вопросы эти относились къ XVI вѣку, приходится печатно защищаться предъ своими соотечественниками отъ самыхъ странныхъ обвиненій. И съ другой стороны, не даромъ тѣ, которымъ захочется подкрѣплять какими нибудь учеными доводами польскія притязанія, вынуждены писать явную фальшь, въ родѣ, напр., сочиненій извѣстнаго Духинскаго, гдѣ авторъ расчитываетъ единственно на невѣжество публики. Впрочемъ, настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между Поляками люди или полуобразованные, или вовсе невѣжественные. Съ Полякомъ основательно и серьезно образованнымъ, мы можемъ еще столковаться; полуобразованный или вовсе невѣжественный обыватель будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патріотическую ненависть къ Москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая политическая задача, для нашей собственной пользы — развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьезное, основательное научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы опасались скопленія юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ Русскіе университеты; туда же обращали мы Поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ ѣхать учиться въ Польшу. Конечно, при слабомъ управленіи и при дурной полиціи, значительное число молодежи въ столицѣ Царства Польскаго можетъ подать поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. под.; но, мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупре-

ждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенные пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть Поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ; чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ Поляка учиться въ Москвѣ или Петербургѣ, и мѣшаемъ ему ѣхать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ. Онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть, въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе нибудь правительственные расчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непремѣнно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на Поляковъ, и оказывается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украйны, желалъ бы ѣхать въ Польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ Русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патріотизмъ ослабнетъ? Напротивъ: онъ является въ Москву или Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, ростутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣйствительность. Замѣчаютъ, что лучшее средство излечить Поляка изъ западныхъ губерній отъ мечтательныхъ идей о великой, идеальной Польшѣ — послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т. е. въ Царство Польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

Я указалъ тѣ два предмета, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ Царствѣ Польскомъ. Наша обязанность тамъ, — и для нашей собственной пользы, и для блага Польской націи, — доставить самостоятельность Польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить Поляковъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только соціальныя средства.

4 Декабря 1863 г.
С. п. б.

XV.

ЛИТВА И ЖМУДЬ.

XV.

Литва и Жмудь.

Историческая связь Литовскаго племени съ Русскимъ народомъ. — Отношеніе Литовскаго племени къ Славянскому. — Численность Литовцевъ. — Кого надо разумѣть подъ именемъ Литвиновъ? — Языкъ Литовскій. — Вѣрованія и преданія Литвиновъ. — Важность изученія Литовскаго языка и народности. — Причины отчужденія Литвы отъ Россіи. — Литовское племя въ Пруссіи. — Труды Нѣмцевъ и Поляковъ для Литовскаго народа. — Литва подъ властію Россіи. — Литература Литовская. — Задача Россіи относительно религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа.

Со времени послѣдняго Польскаго возстанія 1863—1864 гг., въ нашихъ газетахъ и журналахъ довольно часто попадаются слова: Жмудь, Жмудяки, Литовскіе крестьяне и т. под. Едва ли приходилось когда либо Русской публикѣ слышать столько объ этомъ бѣдномъ, одинокомъ, загадочномъ племени, судьба котораго такъ давно связана съ судьбами Русской земли. Но обратимъ ли мы дѣйствительно серьезное вниманіе на Литовское племя? Или оно, на минуту выведенное передъ нами на сцену Польскимъ возстаніемъ, снова скроется въ прежней своей безвѣстности, заслоненное отъ нашихъ глазъ Польскимъ шляхетствомъ и Россійскимъ чиновничествомъ?

Да, судьба Литовскаго племени издавна связана съ судьбами Русской земли. Она связана со времени Ярослава, когда Литва платила Русскимъ князьямъ дань вѣниками и лыками; она связана такъ тѣсно, что исторія земли Русской не можетъ быть разсказана безъ исторіи Литвы. И наконецъ, уже семьдесятъ лѣтъ огромное большинство Литовскаго племени состоитъ непосредственно подъ Русскимъ управленіемъ. Племя это, въ своихъ двухъ вѣтвяхъ, Литвѣ въ тѣсномъ смыслѣ и Жмуди, составляетъ, какъ извѣстно, всю туземную массу населенія Ковенской губерніи и трехъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Виленской, Трокскаго, Виленскаго и Свенцянскаго, распро-

страняясь и на часть уѣздовъ Лидскаго и Ошмянскаго. Численность этого Литовскаго и Жмудскаго населенія представляетъ цифру довольно почтенную: 1,367,000, по даннымъ, приводимымъ въ атласѣ г. Батюшкова. Да сверхъ того, Литовское племя, въ числѣ 185,000 душъ [1]), занимаетъ два уѣзда Августовской губерніи, Маріампольскій и Кальварійскій, т. е. сѣверную оконечность Царства Польскаго [2]). Такимъ образомъ, подъ властію Россіи состоитъ болѣе полутора милліона Литвиновъ и Жмуди, или *девять десятыхъ* всего Литовскаго народа; только одна десятая (около 150,000) принадлежитъ Пруссіи. Если кого должно озабочивать положеніе Литовскаго племени, если кому нужно съ нимъ познакомиться и привязать его къ себѣ, такъ это Россіи. Эти полтора милліона людей особаго племени, своебытнаго, имѣющаго свой языкъ, свои обычаи, свой оригинальный типъ и характеръ, живутъ у насъ не гдѣ нибудь за горами или въ безвѣстныхъ тундрахъ; они тутъ на виду передъ нами, на большой дорогѣ нашей въ западную Европу, на берегу важнѣйшаго для насъ моря, между Русью и Польшею, пятьсотъ лѣтъ тянущимися о томъ — чья должна быть эта Литва, неспособная жить отдѣльно отъ Руси или Польши и, однако, давшая нѣкогда перевѣсъ одной изъ нихъ надъ другою. Но независимо отъ практическаго значенія вопроса, Литва, съ ея своеобразнымъ народонаселеніемъ, съ ея замѣчательнымъ языкомъ, должна сама по себѣ привлечь на себя вниманіе Русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Литовское племя представляетъ столько любопытнаго, столько важнаго для многихъ отраслей науки, что равнодушіе къ нему было бы непростительно, даже съ точки зрѣнія теоретическаго знанія: интересъ науки идетъ тутъ рука объ руку съ интересомъ общественнымъ и политическимъ. Но мы, довольные тѣмъ, что о Литовскомъ племени писали Нѣмцы, мы брали о немъ, когда было необходимо, кое-какія свѣдѣнія изъ Нѣмецкихъ книгъ; а если хотѣли предпринять что нибудь сами для обогащенія науки новыми данными, то скорѣе отправлялись изучать Самоѣдовъ и Бурятъ, чѣмъ Литву: можно бы подумать, что у насъ установилось, съ голоса Западной Европы, вѣрованіе, будто наше особливое, исключительное призваніе въ наукѣ — знакомить міръ съ племенами отдаленнаго сѣвера и центра Азіи, мало доступными Западнымъ изслѣдователямъ. Такъ, мы идемъ работать для науки на сѣверъ и востокъ (Боже сохрани отъ мысли умалить значеніе и важность этихъ трудовъ!); а что на западъ отъ насъ, къ тому мы какъ будто боимся прикос-

---

[1]) По даннымъ, помѣщеннымъ въ атласѣ г. Эркерта.

[2]) Кромѣ того, Литовское племя захватываетъ сѣверный конецъ Гродненскаго уѣзда, Гродненской губерніи; Литвиновъ тамъ 2,800 чел.

нуться, словно пугаясь мысли зайти въ чужое поле. Небольшія статьи гг. Микуцкаго и Юшкевича, двухъ природныхъ Литвиновъ, о Литовскомъ языкѣ, вотъ все, чѣмъ ограничилась пока дѣятельность нашей науки по этой части. Статьи прекрасныя и мы охотнѣе всякого другаго готовы цѣнить ихъ; но, къ сожалѣнію, эти статьи у насъ едва ли не единственныя въ своемъ родѣ.

Чтобы не утомлять нашихъ читателей, мы здѣсь только въ самыхъ краткихъ словахъ, и единственно для людей, незнакомыхъ съ предметомъ, укажемъ на важность Литовскаго народа въ чисто научномъ отношеніи. Но прежде всего, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, согласимся въ выраженіяхъ. Мы просимъ замѣтить, что во всей этой статьѣ рѣчь идетъ о Литвѣ, Литовскомъ краѣ, Литовскомъ народѣ *единственно* въ тѣсномъ или собственномъ, т. е. *этнографическомъ* смыслѣ. Въ общежитіи мы часто называемъ Литвою край болѣе обширный, получившій это наименованіе вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ; Литовскими губерніями мы называемъ, по исторической памяти, но совершенно неправильно въ смыслѣ этнографическомъ, кромѣ губерній Виленской и Ковенской, также Гродненскую и Минскую, и придаемъ жителямъ этихъ двухъ послѣднихъ губерній, Бѣлоруссамъ и даже Полякамъ, названіе Литовцевъ или Литвиновъ, которое должно принадлежать собственно только жителямъ Виленской, Ковенской и Августовской губерній (также какъ и части Восточной Пруссіи), составляющимъ особую своеобразную Литовскую народность, говорящимъ на своемъ особомъ Литовскомъ языкѣ. Именно только этотъ народъ разумѣемъ мы здѣсь подъ именемъ Литвиновъ, только его имѣемъ мы въ виду. Мы устраняемъ Латышей, которые, хотя по происхожденію и языку находятся въ близкомъ родствѣ съ Литвою, однако составляютъ отдѣльный отъ нея народъ. Но съ другой стороны, когда мы говоримъ о Литвѣ, Литовскомъ народѣ и языкѣ, то разумѣемъ вмѣстѣ и Жмудь (или Нижнихъ Литвиновъ), и такъ называемыхъ Верхнихъ Литвиновъ, которымъ по преимуществу присвоивается, въ народномъ употребленіи, имя Литвиновъ (Лѣтувей). Жмудяки и эти Верхніе Литвины или Литвины по преимуществу, отличаясь другъ отъ друга лишь нѣкоторыми оттѣнками, составляютъ одинъ народъ [1]). Для поясненія этого примѣромъ, мо-

[1]) Точная этнографическая граница между Жмудью и Верхними Литвинами, сколько намъ извѣстно, еще никѣмъ не опредѣлена; мы можемъ только сказать, что Жмудью называется по преимуществу западная часть Ковенской губерніи по р. Невяжу. Впрочемъ, г. Юшкевичъ отличаетъ въ Литовскомъ языкѣ, кромѣ говоровъ Жмудскаго и Верхне-Литовскаго, еще говоры Ейрегольскій и Прусско-Литовскій (см. его статью „О говорахъ Литовскаго языка“, въ прибавл. къ Извѣстіямъ II Отд. Акад. Наукъ, 1858 г., матеріалы, томъ V).

жно сказать, что Литва и Латыши, образуя два родственныхъ, но отдѣльныхъ народа, относятся другъ къ другу, какъ въ Славянской семьѣ Русскіе и Поляки, или Русскіе и Болгаре; а Верхніе Литвины (Калненай) и Жмудь (Жемайчей) составляютъ одинъ народный организмъ, также какъ Великоруссы и Бѣлоруссы, или какъ Великополяне и Мазуры.

И такъ, прежде чѣмъ обратиться къ практической сторонѣ дѣла, мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о значеніи Литовскаго племени относительно науки. Между науками, создавшимися въ новѣйшее время, съ поразительною быстротою развивается и приводитъ къ результатамъ, все болѣе и болѣе обильнымъ, сравнительная лингвистика, которую сопровождаетъ другая, еще младшая наука, сравнительная миѳологія. Онѣ составляютъ какъ бы геологію и палеонтологію человѣчества. Точно также, какъ геологія и палеонтологія открыли безконечную исторію земнаго шара, предшествовавшую роду людскому, такъ сравнительная лингвистика и миѳологія воскрешаютъ передъ нами человѣчество въ вѣка, предшествовавшіе всѣмъ его писаннымъ памятникамъ, его бытъ, его вѣрованья, постепенное развѣтвленіе его на племена. Для насъ наиболѣе любопытна, и до сихъ поръ преимущественно разработана, часть этой новозданной науки, раскрывающая доисторическую жизнь нашего Арійскаго поколѣнія, того поколѣнія, къ которому принадлежимъ мы всѣ, Европейцы [1]). Благодаря сравнительной лингвистикѣ и миѳологіи, мы теперь проникаемъ въ древнюю Азіятскую родину нашу, гдѣ предки Грековъ, Албанцевъ, Италійцевъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ, Славянъ, составляли одинъ народъ съ предками Индусовъ и Персовъ; мы возстановляемъ древній общій языкъ, древній пастушескій, но уже не совсѣмъ чуждый земледѣлія, бытъ этого Арійскаго народа, когда онъ еще совмѣщалъ въ себѣ многочисленныя семьи, которыя, разселившись въ Европѣ и части Азіи, стали во главѣ человѣчества и все болѣе и болѣе овладѣваютъ пространствомъ земнаго шара. А между всѣми Арійскими племенами Европы, племя Литовское оказывается, судя по языку, наиболѣе близкимъ къ своему первоначальному доисторическому типу. Нынѣшняя рѣчь Литовскаго крестьянина во многомъ болѣе первообразна, чѣмъ языкъ древнѣйшаго памятника Европы, чѣмъ языкъ Гомера. Она значительно оскудѣла, но менѣе всѣхъ измѣнилась въ коренныхъ звукахъ и формахъ: это обломокъ старины доисторической между молодыми поколѣніями языковъ, по-

[1]) За исключеніемъ Евреевъ (племени Семитическаго), народовъ Финно-Турецкаго поколѣнія (въ томъ числѣ и Мадьяръ) и наконецъ, Басковъ, происхожденіе которыхъ составляетъ до сихъ поръ загадку.

добно тому, какъ среди тѣхъ же Литовскихъ лѣсовъ уцѣлѣлъ, въ зубрѣ, единственный представитель доисторическаго царства Европейскихъ животныхъ. За то съ какимъ чувствомъ благоговѣнія Нѣмецкіе ученые относятся къ языку этого бѣднаго, темнаго, забитаго народа! Для насъ же, и вообще для всего Слявянскаго ученаго міра, Литовскій языкъ особенно важенъ еще потому, что онъ состоитъ въ ближайшей связи съ Славянскою рѣчью. Было время, когда Славянское племя составляло съ Литовскимъ одно цѣлое въ Европѣ, уже послѣ того, какъ это общее Славяно-Литовское племя отдѣлилось отъ Германскаго, Греческаго, Иранскаго и т. д. Но затѣмъ, когда эта Восточно-Европейская или Славяно-Литовская вѣтвь Арійскаго поколѣнія распалась на два особыхъ племени, Славянское и Литовское, то Славяне стали развивать свой языкъ по новымъ началамъ, имъ исключительно свойственнымъ, а Литовскій остался гораздо болѣе при старинѣ. Безъ Литовскаго языка научное изслѣдованіе Славянскаго невозможно, немыслимо, и одна изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадали нѣкоторые наши ученые, разсуждавшіе о законахъ и свойствахъ Славянской рѣчи, состоитъ именно въ томъ, что они не брали въ соображеніе фактовъ, представляемыхъ языкомъ Литовскимъ. Но, независимо отъ языка, какой неоцѣненный кладъ долженъ представлять Литовскій народъ въ своихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ! Вспомнимъ только, что Литовскій народъ послѣдній между Арійскими племенами Европы принялъ христіанство; вспомнимъ, что еще въ началѣ XVII вѣка Польскій писатель Ласицкій говорилъ о поклоненіи Жмудяковъ разнымъ языческимъ богамъ, какъ о фактѣ ему современномъ. Вспомнимъ, какъ развита была у Литвиновъ въ язычествѣ религіозная стихія, и мы въ правѣ будемъ заключить a priori, что ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ быть богаче остатками древнихъ дохристіанскихъ вѣрованій. То не многое, что̀ собрано по этой части современными Польскими авторами, вполнѣ подтверждаетъ эту мысль, приведу только одинъ примѣръ. По свидѣтельству Польскаго писателя [1]), Литовское простонародье имѣетъ о происхожденіи разныхъ птицъ, напр. кукушки, соловья, ласточки, аиста и др., миѳическія преданія, точь-въ-точь соотвѣтствующія метаморфозамъ въ языческихъ сказаніяхъ Греціи; оно, подобно древнимъ Эллинамъ и Римлянамъ, кладетъ судьбу каждаго человѣка въ руки Паркъ, которыя прядутъ его жизнь, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ Паркъ, Литвинъ признаетъ семь «властительныхъ богинь» (дѣвос валдитоес). Одна прядетъ нити жизни человѣческой,

---

[1]) Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów, przez Ludwika z Pokiewia. Вильно. 1846 г.

другая ихъ снуетъ, третья тчетъ изъ нихъ полотно, четвертая, злая прелестница, вкрадчивыми словами и пѣснями сбиваетъ сестеръ, чтобы портить имъ работу, а пятая оберегаетъ ткань отъ ея коварства; шестая разсѣкаетъ ткань жизни, и наконецъ, седьмая, вымывъ отрѣзанную ткань, подаетъ ее чистою верховному Богу. Какъ не пожелать, чтобы эти сокровища Литовскихъ сказаній и повѣрій собирались, пока ихъ не унесутъ съ собою въ гробъ отживающія поколѣнія, чтобы они записывались съ тою полнотою и совѣстливою тщательностью, какихъ требуетъ дѣло науки. Наконецъ, нельзя не быть увѣреннымъ, что и самый бытъ Литовскаго простонародья въ разныхъ своихъ отличительныхъ чертахъ хранитъ много такого, что принадлежитъ отдаленнѣйшей древности Арійскаго племени и заслуживаетъ самаго подробнаго изученія. Въ настоящее время настаетъ крайній срокъ для подобныхъ трудовъ. Бытъ Литовскаго простонародья вступаетъ въ періодъ совершеннаго переворота; крестьянская реформа выводитъ его изъ вѣковой неподвижности; съ новою, лучшею долею, открывающеюся Литовскимъ крестьянамъ, съ новымъ духомъ свободы и новыми потребностями и заботами житейскими, будутъ приходить въ забвеніе стародавнія понятія и обычаи. То, что не будетъ теперь замѣчено, записано, сохранено для науки, то скоро погибнетъ для нея невозвратно. Въ настоящее время множество Русскихъ приведены въ самое близкое, ежедневное соприкосновеніе съ Литовскимъ простонародьемъ: мы говоримъ о Русскихъ членахъ мировыхъ учрежденій въ Литовскомъ краѣ, о Русскихъ чиновникахъ, которыми замѣщается тамъ Польская администрація, о молодыхъ офицерахъ, квартирующихъ въ Литовскихъ деревняхъ. Неужели между ними не найдется ни одного дѣятеля для науки? Для этого не требуется многаго. Русскіе, слава Богу, легко учатся чужимъ языкамъ, а къ тому же, Литовскій языкъ, изо всѣхъ иностранныхъ языковъ (не считая, разумѣется, Славянскихъ нарѣчій), есть безспорно самый легкій для Русскаго; и конечно, многіе изъ Русскихъ, поживъ нѣсколько времени въ Литвѣ, и имѣя тамъ дѣло съ народомъ, безъ особенныхъ усилій и, быть можетъ, сами того не замѣчая, выучиваются говорить по-литовски. Нужно только, чтобы люди, сочувствующіе дѣлу науки, воспользовались сознательно теперешнимъ случайнымъ своимъ знаніемъ Литовскаго языка. Пусть они перестанутъ смотрѣть на это знаніе, какъ на нѣчто неважное, а напротивъ, стараются развить его на столько, чтобы быть въ состояніи не только разговориться съ Литовскимъ крестьяниномъ о предметахъ обыденной жизни, но проникнуть въ его бытъ, подмѣтить его повѣрья, услышать и понять его пѣснь и сказку, узнать его космогоническія представленія и все это записать его подлинными словами. Нужды

нѣтъ, что иное останется, быть можетъ, неяснымъ самому собирателю: въ Литовскихъ народныхъ пѣсняхъ есть много такого старинаго, что самъ народъ, повторяя древнія слова, уже не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ значеніи. Ученая критика разгадаетъ эти загадки; на мѣстѣ же отъ Русскихъ дѣятелей требуется въ этомъ отношеніи только одно: добросовѣстное собираніе народныхъ текстовъ (пѣсенъ, сказокъ, преданій, разсказовъ и разсужденій о явленіяхъ природы, о первыхъ людяхъ, о старинѣ Литовской, о старыхъ обычаяхъ и т. д.) въ ихъ подлинной формѣ, безъ малѣйшей предзаданной мысли, безъ всякихъ прикрасъ и вольностей, безъ всякаго мудрствованія, что̀, къ несчастію, составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ большей части Польскихъ сочиненій, изъ которыхъ теперь приходится выбирать такого рода матеріалы. Нѣсколько добросовѣстныхъ тружениковъ, которые стали бы, такимъ образомъ, во время своихъ досуговъ, заниматься собираніемъ остатковъ Литовской старины, хранящихся еще въ народной памяти и народной жизни, оказали бы неоцѣненную услугу многимъ вѣтвямъ науки.

Но этимъ мы далеко не удовлетворили* бы тому, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край. Россіи необходимы для Литовскаго края не только ученые изслѣдователи, но еще болѣе необходимы практическіе дѣятели. Ихъ надобно приготовлять такъ, чтобы они могли являться въ среду Литовскаго народа съ достаточнымъ запасомъ предварительныхъ свѣдѣній.

Въ нашихъ университетахъ существуютъ каѳедры многоразличныхъ языковъ и нарѣчій. Охотники могутъ выучиться, по крайней мѣрѣ въ Петербургскомъ университетѣ, языку Калмыцкому и Бурятскому. Мы ничего не говоримъ въ осужденіе языковъ Бурятскаго и Калмыцкаго, но думаемъ, что Литовское племя столь же важно, если не важнѣе, для Россіи, чѣмъ Калмыки и Буряты, и что слѣдовало бы дать Русскимъ студентамъ возможность учиться по-литовски. Прямая практическая польза, столько же, сколько интересъ науки, требуютъ, чтобы въ нашихъ университетахъ, или по крайней мѣрѣ въ Московскомъ, Петербургскомъ и Кіевскомъ, учреждены были Литовскія каѳедры, и казалось бы легко пополнить этотъ важный недостатокъ.

Древнѣйшія связи Литовскаго народа были съ Русскими; черезъ Русскій міръ проникли къ нему первыя начала гражданственности, первые лучи христіанства. Литовскій народъ льнулъ, такъ сказать, къ Русскому міру. Даже въ то время, когда онъ господствовалъ надъ обширными Русскими областями, онъ не только не утѣснялъ Русской народности, а напротивъ, охотно себѣ ее усвоивалъ, давалъ

Русскому языку права языка оффиціальнаго въ своей собственной странѣ. Но Польша успѣла на нѣсколько столѣтій прервать эту древнюю связь, истекавшую изъ самой природы вещей, изъ самаго положенія Литовскаго края. Распространенная Польшею между Литвинами католическая религія стала между Литовскимъ народомъ и народомъ Русскимъ; распространенное Польшею въ Литовскомъ краѣ шляхетство заслонило Литовскій народъ отъ Русскаго правительства даже тогда, когда край этотъ вновь вошелъ въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ произошло это долгое отчужденіе наше отъ Литовскаго народа, это печальное наше къ нему невниманіе.

Невелика, мы знаемъ, та доля Литовскаго края, которая принадлежитъ Пруссіи. Въ ея владѣніяхъ считается, какъ указано выше, не болѣе 150,000 Литвиновъ [1]), то есть лишь одна десятая всего Литовскаго народа. И надобно замѣтить, что тамъ, въ Пруссіи, Литовскій элементъ находится уже въ состояніи вымирающей народности: Литвины выучиваются Нѣмецкому языку и, мало-по-малу, забывая свой, сливаются съ Нѣмцами. Не смотря на то, все, что̀ европейская наука знаетъ о Литвинахъ и Литовскомъ языкѣ, все, что̀ по этой части послужило предметомъ ея изысканій, почерпнуто изъ этого Литовскаго уголка, принадлежащаго Пруссіи. Мало того: почти всѣ труды, посвященные непосредственной пользѣ самого Литовскаго народа, распространенію въ немъ грамотности и образованія, литературному развитію его языка, предпринимались для этихъ 150,000 Литвиновъ въ Пруссіи, для одной этой малой и вымирающей частицы Литовскаго племени.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, первый король Прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ I, обратилъ вниманіе на необходимость воспользоваться Литовскимъ языкомъ для народнаго образованія въ подвластномъ ему Литовскомъ краѣ и велѣлъ учредить въ Литовскихъ селахъ элементарныя школы, гдѣ учили дѣтей на Литовскомъ языкѣ, знакомя ихъ впрочемъ, при его посредствѣ, съ языкомъ Нѣмецкимъ. Въ то же время назначенъ былъ преподаватель Литовскаго языка въ Тильзитскомъ областномъ училищѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1723 году, при Кенигсбергскомъ университетѣ открыта была Литовская *семинарія*, т. е. классы для приготовленія въ Литовскомъ языкѣ

---

[1]) Литовское племя въ Пруссіи сосредоточено преимущественно въ округахъ Мемельскомъ и Гейдекругскомъ и распространяется также на округа Нидерунгскій, Тильзитскій, Рагнитскій, Пилькаленскій и Сталупененскій, уступая, однако, въ этихъ послѣднихъ, мало-по-малу, первенство Нѣмецкой народности. Округа Лабіаускій, Инстербургскій, Гумбинненскій и Гольдапскій, въ прошломъ столѣтіи еще представлявшіе населеніе Литовское, теперь почти совершенно онѣмечились (Шлейхеръ, „Litthauische Grammatik“, стр. 3).

молодыхъ людей, предназначавшихся къ духовной и учительской дѣятельности между Литовскимъ народомъ. Эта Литовская семинарія оказала наибольшія услуги разработкѣ Литовскаго языка и способствовала тому, что грамотность на Литовскомъ языкѣ распространилась почти повсемѣстно между Литвинами, Прусскими подданными [1]). Сдѣланы были Литовскіе переводы богослужебныхъ книгъ протестантскихъ; Литовская библія напечатана была, въ первый разъ, въ 1735 г. [2]). Въ Пруссіи явился Литовскій поэтъ Доналейтисъ; его эпическое стихотвореніе «Четыре времени года», напечатанное въ 1818 году (уже послѣ смерти автора), составляетъ, по словамъ знатоковъ, первоклассное художественное произведеніе и изображаетъ съ удивительною вѣрностью всю жизнь и весь бытъ Литовскаго поселянина.

Между тѣмъ, другіе трудились ученымъ образомъ надъ Литовскимъ языкомъ. Ругигъ, а потомъ Мильке, издали Литовскіе словари и грамматики. Какую важность ученая Германія приписывала такого рода трудамъ, показываетъ, между прочимъ, то, что знаменитый Кантъ не почелъ ниже своего достоинства написать предисловіе къ Литовской грамматикѣ (напечатанной въ 1800 г.), которую составилъ Мильке, скромный *канторъ* (нѣчто въ родѣ дьячка) одного сельскаго прихода въ Прусской Литвѣ. Нѣкоторые изъ читателей полюбопытствуютъ, можетъ быть, узнать, какое это предисловіе къ Литовской грамматикѣ сочинилъ отецъ новѣйшей философіи. Вотъ оно: «Что Прусскій Литвинъ вполнѣ заслуживаетъ сохраненія особенностей его характера и чистоты его языка, въ школахъ и церквахъ,—такъ какъ именно языкъ составляетъ главное средство къ образованію и поддержанію народнаго характера,—это явствуетъ изъ помѣщеннаго здѣсь [3]) описанія свойствъ Литовскаго народа. Я прибавлю еще къ этому описанію: что Литвинъ болѣе, чѣмъ сосѣдніе народы, далекъ отъ низкопоклонства, что онъ привыкъ говорить со старшими тономъ равенства и довѣрчивой откровенности; а люди, имѣющіе съ нимъ дѣло, не принимаютъ въ дурную сторону такой фамильярности, не отрываютъ руки отъ его пожатія, потому что находятъ его готовымъ исполнить всякое справедливое требованіе. Литвину присуща гордость,

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ I до такой степени заботился о приготовленіи въ Литовскомъ языкѣ возможно большаго числа образованныхъ дѣятелей, что онъ не ограничился въ этомъ отношеніи однимъ Кенигсбергскимъ университетомъ и приказалъ учредить такіе же Литовскіе классы при университетѣ въ Галле (см. предисловіе къ Литовско-Нѣмецкому словарю Ругига, 1747 г.). Намъ не удалось впрочемъ отыскать свѣдѣній о томъ, была ли эта послѣдняя мѣра вполнѣ осуществлена и какіе она принесла практическіе плоды.

[2]) Уже въ XVI столѣтіи (1579—1590), пасторъ Бретке перевелъ, въ Кенигсбергѣ, всю библію на Литовскій языкъ; но его трудъ остался въ рукописи.

[3]) Въ особой статьѣ Гейльсберга, предпосланной къ словарю Мильке.

чуждая всякого высокомѣрія, и совершенно отличная отъ той, которая свойственна одной сосѣдственной съ нимъ націи [1]), коль скоро кто нибудь въ ея средѣ почувствуетъ себя знатнѣе другихъ; лучше сказать, это въ Литвинѣ не гордость, а чувство собственнаго достоинства, указывающее на мужество и вмѣстѣ съ тѣмъ служащее порукою въ вѣрности.

«Но и независимо отъ пользы, какую государство можетъ извлечь изъ содѣйствія народа съ такимъ характеромъ, немаловажно для наукъ, въ особенности для исторіи переселенія народовъ, значеніе безпримѣснаго языка племени стародавняго, нынѣ ограниченнаго тѣсными предѣлами и какъ бы изолированнаго; а потому и сохраненіе этого языка въ его особенности имѣетъ само по себѣ большую цѣну. Потому Бюшингъ [2]) сильно оплакивалъ раннюю смертъ профессора Тунманна въ Галле, посвятившаго съ чрезмѣрнымъ усердіемъ свои усилія изысканіямъ въ этой части. Впрочемъ вообще, хотя бы и нельзя было ожидать отъ какого нибудь языка столько богатыхъ данныхъ для науки, однако для образованія каждаго племени, въ странѣ, какова напримѣръ Прусская Польша [3]), важно пользоваться его языкомъ въ училищахъ и церковной проповѣди, принимая за образецъ языкъ уже очищенный (какъ напр. Польскій) или даже и такой, который употребляется внѣ предѣловъ края [4]), и мало-по-малу вводить его въ употребленіе; ибо такимъ образомъ языкъ примѣнялся бы лучше къ особенностямъ населенія и понятія становились бы просвѣщеннѣе».

Литовскіе дѣятели въ Пруссіи не переводились и въ болѣе близкое къ намъ время. Мы назовемъ только главныхъ, труды которыхъ занимаютъ видное мѣсто въ наукѣ: таковы Реза, Куршатъ и Нессельманъ. Послѣдній издалъ въ 1851 г. обширный словарь Литовскаго языка. Наконецъ, даже *Австрійское* правительство на свой счетъ отправило въ Литву одного изъ первыхъ европейскихъ ученыхъ въ области лингвистики, профессора Шлейхера. Г. Шлейхеръ совершилъ это путешествіе въ 1852 г. Къ сожалѣнію, онъ не могъ, или не счелъ удобнымъ посѣтить Литовскій край въ Русской державѣ, и ограничилъ

---

[1]) Кантъ, очевидно, намекаетъ на Поляковъ.

[2]) Извѣстный географъ и историкъ, авторъ важнаго для исторіи сѣверныхъ государствъ въ Европѣ, въ особенности Россіи, —„Историческаго и географическаго Магазина“, умершій въ 1773 г.

[3]) Въ то время, когда Кенигсбергскій философъ писалъ это, Пруссія владѣла половиною нынѣшняго Царства Польскаго, доставшеюся ей по третьему раздѣлу Польши; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ властію Пруссіи находилась тогда и та часть населеннаго Литовскимъ племенемъ края, которая теперь составляетъ сѣверную оконечность Августовской губерніи.

[4]) Кантъ имѣетъ тутъ въ виду Нѣмецкій языкъ.

свои изысканія Прусскимъ уголкомъ Литвы. Но и такъ, плодомъ ученой поѣздки г. Шлейхера явилась подробная Литовская грамматика и Литовская хрестоматія, заключающая въ себѣ выборъ произведеній Литовскаго народнаго творчества, пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и сказокъ. И грамматика и хрестоматія составлены съ ясностью взгляда и отчетливостью, свидѣтельствующими, что это дѣло исполнилъ первоклассный ученый. Немногіе народы, даже несравненно болѣе значительные, чѣмъ Литовскій, въ состояніи представить о законахъ своего языка или относительно памятниковъ народной словесности, изданіе, которое могло бы поспорить достоинствами съ тѣмъ, что̀ имѣетъ теперь народъ Литовскій, благодаря труду г. Шлейхера: и мы должны повторить еще разъ, что этимъ, на сколько дѣло касалось матеріальныхъ средствъ исполненія, Литовскій народъ обязанъ *Австрійскому* правительству.

Все, до сихъ поръ исчисленное нами, сдѣлано, какъ мы сказали, Нѣмцами или природными Литвинами въ Нѣмецкой средѣ, для той *десятой доли* Литовскаго народа, которая принадлежитъ Пруссіи. Къ сожалѣнію, Литвины въ Русской имперіи и въ Царствѣ Польскомъ почти не могутъ пользоваться тѣми умственными богатствами, которыя предлагаются ихъ соплеменникамъ за границею (мы не говоримъ, разумѣется, о грамматикахъ и словаряхъ, которые издаются для немногихъ, и то болѣе для иностранцевъ, чѣмъ для туземцевъ; мы говоримъ о книгахъ для народнаго чтенія, для религіознаго и умственнаго образованія простаго народа). Литвинъ въ Пруссіи протестантъ; въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ онъ (за немногими исключеніями) католикъ. Литвинъ въ Пруссіи пишетъ нѣмецкими буквами; въ Россіи и Царствѣ Польскомъ латинскими (по польской методѣ правописанія). Вслѣдствіе того, книги, по которымъ учатся и образуются Литвины въ Пруссіи, остаются мертвою, а часто и отверженною, еретическою, грамотою для Литвиновъ по сю сторону границы. Для нихъ нужны особые труды.

То немногое, что̀ сдѣлано въ ихъ пользу, принадлежитъ Полякамъ или туземцамъ съ польскимъ образованіемъ.

Какъ ни была старая Польша, по существу своихъ общественныхъ началъ, исключительна въ отношеніи ко всѣмъ подчинившимся ей народностямъ; какъ ни враждебно было католическое духовенство развитію народнаго образованія и народной жизни, но надобно отдать справедливость и старой Польшѣ и ея духовенству, что они не оставляли вовсе безъ вниманія умственныя и духовныя потребности бѣднаго Литовскаго простонародія. Хотя мы знаемъ, что іезуиты въ своихъ школахъ подвергали Литовскихъ мальчиковъ наказанію

за простое употребленіе народнаго языка въ разговорѣ [1]); однако мы встрѣчаемъ и отрадныя отступленія отъ этой системы. Во многихъ случаяхъ, католическое духовенство учило простой народъ въ Литвѣ сопровождать молитвами и пѣснями на родномъ языкѣ непонятное ему богослуженіе; оно снабжало его, хотя и скудно, Литовскими книгами религіозно-нравственнаго содержанія. Такія изданія появились уже въ XVI столѣтіи. Въ концѣ XVI вѣка каноникъ Даукша, въ XVII вѣкѣ іезуитъ Ширвидъ (издавшій, между прочимъ, Польско-Латинско-Литовскій словарь), дали языку своего роднаго племени начала литературной обработки.

Когда Литовскій край перешелъ подъ власть Россіи, то она не нарушила въ немъ прежняго порядка вещей. Вся духовная и умственная въ немъ дѣятельность продолжала, по прежнему, исходить отъ образованныхъ по-польски Литвиновъ и преимущественно отъ католическаго духовенства. Первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, двумъ католическимъ епископамъ Жмуди: князю Іосифу Гедройцу, скончавшемуся въ 1838 г., и Матвѣю Волончевскому, нынѣ управляющему Жмудскою католическою епархіею. Князь Гедройцъ, предпочитая пользу народа правилу своей церкви, не желающей дѣлать священное писаніе доступнымъ мірянамъ, перевелъ и издалъ по-литовски (въ 1816 г.) Новый Завѣтъ, посвятивъ это изданіе императору Александру I. Его преемникъ, епископъ Волончевскій (бывшій тогда ректоромъ Ворненской семинаріи) не захотѣлъ ограничить Литовскаго языка единственно сферою религіознаго наставленія народа. Онъ написалъ по-литовски обширное описаніе Жмудской епархіи, историческое и статистическое (напечатано въ двухъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1848 г.). Впрочемъ, это не была первая попытка въ такомъ родѣ. Литвины въ Россіи имѣли уже на своемъ языкѣ свѣтскія сочиненія. Достаточно поименовать басни Станевича (онъ же собиралъ народныя пѣсни), стихотворенія Пашкевича (который, между прочимъ, перевелъ по-литовски Виргиліеву Энеиду: трудъ, кажется, неизданный), пѣсни Дроздовскаго или по-литовски Стражделиса; переводы съ Польскаго Рупейки и Незабитовскаго; ученое сочиненіе Лаукиса о бытѣ древнихъ Литвиновъ. О нѣсколькихъ другихъ мы не упоминаемъ.

И такъ Литовскій народъ въ Россіи имѣетъ на своемъ языкѣ не только разныя книги для религіознаго и нравственнаго наставленія, у него есть и небольшая литература.

Литовскій народъ въ Россіи исповѣдуетъ католическую вѣру и находился съ XV вѣка подъ вліяніемъ польской цивилизаціи; весьма

---

[1]) См. Кеппена, о языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ. Привожу эту статью по Польскому ея переводу, помѣщенному Леономъ Рогальскимъ въ Dzienniku Wileńskiem за 1828 годъ, т. V, стр. 430.

естественно, что католическое духовенство и люди, образовавшіеся въ духѣ польской цивилизаціи, принимали и принимаютъ дѣятельное участіе въ трудахъ для религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа. Между ними являлись личности, одушевленныя въ этой дѣятельности искреннею и прямою любовью къ Литовскому народу, и мы можемъ только жалѣть, что такихъ людей не было больше: потому что въ общей сложности и за исключеніемъ этихъ отдѣльныхъ личностей, католическое духовенство и люди, образованные въ духѣ польской цивилизаціи, были все-таки направляемы, въ своей дѣятельности между Литовскимъ народомъ, посторонними побужденіями; дѣятельность эта не всегда исходила, — какъ въ протестантской части Литвы, принадлежащей Пруссіи, — изъ непосредственнаго желанія удовлетворить умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ Литовскаго народа, и часто даже клонилась прямо къ тому, чтобы упрочить надъ нимъ господство польскихъ стихій.

Тѣмъ болѣе обязаны мы подумать о томъ, чтобы образовательная и просвѣтительная дѣятельность въ Литовскомъ краѣ не оставалась монополіею католическаго духовенства и Поляковъ или дѣятелей, принадлежащихъ къ польской цивилизаціи. Пускай они дѣлаютъ, сколько могутъ, для умственнаго и нравственнаго развитія Литовскаго народа: но эта работа не должна быть предоставлена имъ исключительно. Каждая страница, которую католическій ксендзъ или міряннъ, Полякъ или Литвинъ съ польскимъ образованіемъ, пишетъ для Литовскаго народа, носитъ на себѣ печать католическихъ и польскихъ взглядовъ и убѣжденій: это въ природѣ вещей, имъ нельзя и ставить этого въ упрекъ. Но хорошо ли, что Литовскій народъ можетъ слышать только одни католическіе и польскіе голоса? Хорошо ли со стороны Русскихъ, что они не заговорятъ съ нимъ, не потрудятся и съ своей стороны на его пользу? Какъ не пожелать, чтобы тѣ православные священники, которые живутъ посреди Литовскаго народа, которые имѣютъ въ числѣ своихъ прихожанъ людей, говорящихъ по-литовски, вспомнили преданіе своей церкви, заповѣдующей преподавать всѣмъ племенамъ слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ, и перевели православныя богослужебныя книги на Литовскій языкъ, чтобы они дали своей паствѣ въ руки православный катихизисъ на Литовскомъ языкѣ? Въ одной Ковенской губерніи, населенной сплошь Литвинами и Жмудью, существуютъ, какъ видно изъ статистическихъ свѣдѣній, 15 православныхъ церквей и 2 православныхъ монастыря; въ Литовскихъ уѣздахъ Виленской губерніи, Свенцянскомъ, Трокскомъ и Виленскомъ, не считая г. Вильно, 17 православныхъ церквей. Нельзя отговариваться тѣмъ, что большая часть тамошнихъ православныхъ Великоруссы и Бѣлоруссы, въ раз-

ныя времена водворившіеся между Литвинами; согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ атласѣ Западнаго края по вѣроисповѣданіямъ, оказывается, что между православными въ Виленской и Ковенской губерніяхъ 28,606 человѣкъ суть кровные Литвины и Жмудяки. Кромѣ того, можно предполагать, что и изъ Русскихъ многіе, попавши въ массу Литовскаго народа, могли уже слиться съ Литвинами въ языкѣ и бытѣ, но главное, эти кровные Литвины и Жмудяки православнаго исповѣданія, хотя бы ихъ и было не болѣе 28,606 человѣкъ, не должны же оставаться безъ вниманія къ ихъ духовнымъ нуждамъ; а для нихъ славянская книга и славянское богослуженіе должны быть также мало понятны, какъ латинскій бревіаръ и латинская мисса. Такимъ образомъ, въ состояніи ли они будутъ противустоять римской пропагандѣ среди окружающаго ихъ католическаго населенія, когда они въ латинской церкви могутъ слышать, если не обѣдню, то по крайней мѣрѣ гимны и проповѣди въ звукахъ роднаго языка? У насъ для Самоѣдовъ и Бурятъ и для сколькихъ инородческихъ племенъ, переводятся книги, совершается богослуженіе на ихъ языкѣ: тѣмъ болѣе слѣдовало бы вспомнить про единовѣрцевъ нашихъ Литовскаго племени, про этотъ Литовскій народъ, который нѣкогда былъ уже почти пріобрѣтенъ для православной церкви, про народъ, давшій древней Руси одного изъ славнѣйшихъ ея святыхъ и героевъ, спасителя Пскова?

Но и въ свѣтскомъ отношеніи, мы до сихъ поръ слишкомъ мало сдѣлали, не говоря уже о томъ, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на Литовскій народъ, а просто для того, чтобы ознакомиться съ нимъ. Это было, конечно, естественнымъ послѣдствіемъ прежняго порядка вещей во всемъ нашемъ Западномъ краѣ и, разумѣется, въ томъ числѣ и въ Литовской и Жмудской странѣ; это было естественнымъ послѣдствіемъ принципа крѣпостнаго права. Смотря на край съ дворянской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія крѣпостнаго права, мы видѣли въ Литвѣ только пановъ, т. е. частью природныхъ Поляковъ, частью туземцевъ, образованныхъ въ польскомъ духѣ и которые, какъ въ оффиціальной жизни, такъ и при всякомъ постороннемъ человѣкѣ, признаютъ себя за Поляковъ, и берегутъ свою Литовскую народность для домашняго обихода, т. е. для сношеній съ крестьянами, и немногіе также, для литературныхъ досуговъ. Такимъ образомъ, мы находились въ отношеніи къ Литовской народности dans un cercle vicieux: крѣпостное право заставляло насъ считать Литву за польскій край; а считая Литву за польскій край, мы и не ощущали нужды обращать вниманіе на Литовскую народность, заниматься Литовскимъ языкомъ, и тѣмъ самымъ лишали себя средствъ освободиться отъ вліянія польскихъ взглядовъ и притязаній на Литву.

Вслѣдствіе этого, мы даже не успѣли запастись самыми необходимыми, элементарными пособіями для непосредственнаго знакомства и сношеній съ Литовскимъ народомъ. Нѣтъ по-русски никакого сочиненія о современномъ Литовскомъ народѣ, нѣтъ даже учебника Литовскаго языка, нѣтъ даже Русско-Литовскаго словаря. Русскій человѣкъ, пріѣхавшій въ Литву, чиновникъ ли, учитель, военный или просто частный дѣятель, пожелалъ бы, напримѣръ, узнать что нибудь о Литвинахъ, выучиться говорить съ ними: онъ долженъ для этого сперва изучить польскій языкъ, и тогда, черезъ посредство польскихъ изданій, можетъ, пожалуй, приступить къ ознакомленію съ Литвинами и ихъ языкомъ. Что удивительнаго, если до сихъ поръ многіе Русскіе, поставленные въ это положеніе, останавливались на полу-пути, т. е. выучившись по-польски, смотрѣли на Литвиновъ, какъ на Поляковъ, объяснялись съ ними на Польскомъ языкѣ? А иной, чего добраго, готовъ былъ обругать дуракомъ невѣжественнаго Литовскаго мужика, который не понимаетъ, когда ему говорятъ по-польски.

Но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, должны исчезнуть и эти послѣдствія, которыя оно принесло съ собою въ нашихъ отношеніяхъ къ Литовскому народу. Россія теперь подала руку всѣмъ племенамъ, населяющимъ ея Западный край. Она подастъ руку и Литовскому племени. Пора это сдѣлать послѣ тѣхъ горькихъ событій, которыя были результатомъ нашего прежняго отчужденія отъ него по милости крѣпостнаго права. Мы видѣли опять, какъ въ 1831 году, цѣлыя массы Жмудяковъ и Литвиновъ, сражающихся противъ насъ подъ Польскими знаменами; и кажется, не было въ Польскихъ рядахъ болѣе стойкихъ и безстрашныхъ бойцовъ. За что же дрались эти Жмудяки и Литвины? За возстановленіе ли старой Польши? Но старая Польша была имъ чужая, хотя они и принадлежали къ ней, и конечно, ничего въ старой Польшѣ, ни ея слава, ни ея трагическій конецъ, не трогаетъ ихъ сердца. Или они дрались изъ сочувствія къ Полякамъ? Но они терпѣть не могутъ Польскую націю. Литвинъ произноситъ имя Ленкасъ почти съ такимъ же чувствомъ, какимъ сопровождается это же слово въ его славянской формѣ, Ляхъ, у Западно-Русскаго простолюдина. Или наконецъ, Жмудь и Литва возставали противъ насъ за свою свободу? Но нѣтъ: они видѣли, что защищаютъ дѣло своихъ пановъ, а панъ не братъ, говоритъ Литовская пословица, и конечно, не отъ торжества пановъ могли они ждать себѣ освобожденія. Нѣтъ, они дрались за Поляковъ просто потому, что Поляки, и въ особенности духовенство, имѣли одни къ нимъ доступъ, одни съ ними сносились непосредственно, могли взывать къ ихъ религіознымъ чувствамъ и, какъ имъ нужно было, рисовать имъ дѣйствія и намѣренія москалей — схизматиковъ. И та-

кимъ-то образомъ, изъ народа, вовсе не причастнаго нашей тяжбѣ съ Поляками, мы, благодаря поддержкѣ, которую мы оказывали принципу крѣпостнаго права, сдѣлали имъ союзниковъ, а себѣ враговъ, дали вооружить противъ себя тысячи храбрыхъ людей, которые ни за что, ни про что пошли на смерть отъ нашихъ пуль, дали поднять за польское дѣло цѣлую губернію, гдѣ на милліонъ жителей статистика считаетъ 30 тысячъ Поляковъ. Надобно наконецъ подумать посерьознѣе о томъ, чего ждетъ отъ насъ Литовскій народъ и что мы должны сдѣлать для того, чтобы такого рода кровавыя недоразумѣнія между имъ и нами не могли повториться.

Очевидно, что одна сторона задачи нашей въ Литовскомъ краѣ та же самая, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Западной Россіи: освобожденіе крестьянскаго населенія отъ власти и вліянія Польскихъ пановъ, устройство администраціи, которая служила бы Россіи, а не польскимъ интересамъ, земскія учрежденія, которыя служили бы дѣйствительно органами народа, а не одного Польскаго дворянства, и т. п.: вотъ эта общая сторона дѣла, которой мы здѣсь не намѣрены касаться, какъ выходящей изъ предѣловъ нашей темы. Другая сторона задачи—спеціальная, обусловливаемая инородческимъ характеромъ Жмудскаго и Литовскаго населенія, тѣмъ, что оно намъ чуждо по происхожденію, языку и быту. И надобно сказать, что этотъ спеціальный инородческій характеръ Литвы и Жмуди не можетъ не отозваться тамъ замѣтнымъ образомъ и на общей сторонѣ нашего дѣла. Онъ отзовется бо́льшими затрудненіями для русскихъ дѣятелей, нежели въ краяхъ, населенныхъ Русскимъ и православнымъ народомъ. Среди Литвиновъ и Жмуди гораздо труднѣе будетъ отрѣшить крестьянъ отъ подчиненія, если не матеріальнаго, то нравственнаго, Польскимъ панамъ, и дать Литовскому краю мѣстную администрацію, свободную отъ польскихъ стихій и польскихъ вліяній: тутъ намъ во многомъ помѣшаетъ непониманіе народнаго языка; помѣшаетъ во многомъ и религія, дающая католическому духовенству въ Литовскомъ краѣ такія сильныя средства пропаганды въ интересахъ Польши. Еще труднѣе будетъ ввести въ земскія учрежденія чисто народный, Литовскій элементъ, такъ чтобы онъ сталъ къ намъ лицомъ къ лицу, безъ польскаго посредничества. Все это можетъ быть достигнуто только тогда, когда мы сами ознакомимся коротко съ Литовскимъ народомъ, и откроемъ Литвинамъ пути къ образованію самостоятельному, такіе пути, которые не стали бы вести Литвина, подымающагося выше простонародной массы, сквозь школу враждебныхъ намъ требованій и предразсудковъ польской цивилизаціи. Мало того, что въ нѣкоторыхъ университетахъ должны быть, какъ мы говорили выше, открыты каѳедры Литовскаго языка и что Россія

должна всячески стараться имѣть людей, способныхъ сблизиться съ Литовскимъ народомъ, не прибѣгая къ драгоманамъ; необходимо, чтобы и Литовскій народъ выставилъ дѣятелей, которые станутъ смотрѣть на дѣло прямо, съ точки зрѣнія практической пользы своего народа, а не подъ угломъ старыхъ преданій Рѣчи Посполитой. Мы не помышляемъ о сепаратизмѣ, а напротивъ, безусловно его отвергаемъ. Но именно, для того чтобы въ Литовскомъ народѣ не могло быть сепаратизма, первое и самое существенное условіе — развитіе въ немъ самосознанія. Ибо Литовская народность такъ мала и такъ вдавлена между тремя народностями Русскою, Польскою и Нѣмецкою, что о самостоятельности она и помышлять не можетъ; но въ то же время Литовское племя одно изъ самыхъ упорныхъ и своею исторіею доказало, до какой степени оно дорожитъ своимъ языкомъ и своимъ бытомъ. Польская пропаганда пользовалась доселѣ его неразвитостью, отсутствіемъ въ немъ національнаго сознанія; только вслѣдствіе неразвитости Литовскаго народа, отсутствія въ немъ національнаго сознанія, она могла воспламенять Литвиновъ польскими идеями, вооружать ихъ за польское дѣло. Сепаратизмъ въ Литовскомъ краѣ можетъ опираться только на господствѣ польскихъ стихій, на бездѣйствіи туземнаго народнаго элемента. Противодѣйствовать сепаратизму въ этой странѣ мы можемъ только развитіемъ туземнаго народнаго элемента, который одинъ будетъ въ силахъ освободить Литовскій край отъ нравственнаго господства польскихъ стихій. Надобно, чтобы Литвинъ могъ быть человѣкомъ образованнымъ, не дѣлаясь Полякомъ; надобно, чтобы Литовскій народъ, оставленный польскимъ владычествомъ въ невѣжествѣ и оцѣпенѣніи, снова, какъ въ старину, получалъ отъ Русскаго міра и чрезъ его посредство доступъ къ просвѣщенію, точно также, какъ онъ отъ Россіи получаетъ теперь матеріальную свободу и обезпеченіе. Мы дѣлали въ Литвѣ уступку Польскому элементу, учреждая въ прежнее время классы Польскаго языка въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа. Если можно было дѣлать въ Литвѣ подобную уступку языку незначительнаго по числу, пришлаго и часто враждебнаго намъ меньшинства, то не странно ли теперь отказывать въ томъ же самомъ языку туземнаго населенія? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ считать Литовскую народность за часть народности Польской? Если мы долго будемъ считать ее такою, то, пожалуй, дождемся и того, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ Польскою. Тяжело вспомнить, что въ теченіе многихъ лѣтъ, Литвинъ въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, вступавшій въ наши училища, долженъ былъ учиться по-польски, а языку своего народа онъ не только не могъ учиться, а поставленъ былъ въ необходимость позабыть

его, если знаніе это не поддерживалось въ немъ посторонними, случайными обстоятельствами. Если такой порядокъ долженъ тамъ остаться, то нечего намъ думать о поддержкѣ нашего дѣла въ Литвѣ народными силами, о противодѣйствіи польской пропагандѣ и польскимъ притязаніямъ народными элементами! Напротивъ, мы сами продолжали бы оказывать этой пропагандѣ и этимъ притязаніямъ все зависящее отъ насъ содѣйствіе.

Университетскія каѳедры Литовскаго языка и введеніе его, въ числѣ необходимыхъ предметовъ преподаванія, въ казенныя училища Виленской, Ковенской и Августовской губерній, вотъ, мы должны повторить, одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы приготовить людей, при посредствѣ которыхъ Литовскій народъ могъ бы сблизиться съ русскою жизнію, вступить съ Россіею въ общественную и нравственную связь.

Само собою разумѣется, что тотчасъ появились бы, вызванныя потребностію, пособія для ознакомленія съ Литвою и Литовскимъ языкомъ. Мы были бы избавлены отъ необходимости прибѣгать къ нѣмецкимъ учебникамъ для изученія Литовскаго языка, къ польскимъ сочиненіямъ для того, чтобы получить какое нибудь понятіе о Литовскомъ народѣ и его бытѣ. Въ самомъ Литовскомъ племени пробудилась бы умственная дѣятельность съ народнымъ характеромъ и въ направленіи, сочувственномъ Россіи, вмѣсто того, чтобы поглощаться, какъ въ настоящее время, стихіями польскими и становиться орудіемъ польской пропаганды.

Мы приходимъ теперь къ самой важной сторонѣ дѣла, предстоящаго намъ относительно Литовской народности, именно къ вопросу о томъ, чего требуетъ отъ насъ эта народность сама по себѣ. Тутъ, очевидно, самый существенный вопросъ заключается въ народномъ образованіи. — Мы всѣ, конечно, желаемъ видѣть въ Западномъ краѣ возможно большее и скорѣйшее развитіе народнаго образованія на Русскомъ языкѣ и въ Русскомъ духѣ; мы желаемъ этого не только для пользы государственной, но столько же и для пользы самаго Западнорусскаго народа, приносившаго такія жертвы, чтобы возсоздать свое единство съ Русскою землею. Но если легко и естественно учить народъ неиначе, какъ по-русски въ краяхъ, населенныхъ Бѣлоруссами, нарѣчіе которыхъ не представляетъ никакого существеннаго различія съ нашимъ Великорусскимъ языкомъ; если въ краяхъ, населенныхъ Малоруссами, это возможно (возможно и необходимо, по мнѣнію однихъ; возможно, хотя не совсѣмъ удобно, по мнѣнію другихъ, — но это для насъ вопросъ посторонній), — то въ Литовскомъ краѣ было бы совершенно неестественно и невозможно, чтобы первоначальное преподаваніе въ народныхъ училищахъ производилось

только по-русски. Ибо тутъ мы имѣемъ дѣло не съ частью Русскаго народа, а съ особымъ *инородческимъ* племенемъ: крестьянскій мальчикъ въ Жмудскомъ и Литовскомъ краѣ, призванный въ школу, гдѣ прямо обратились бы къ нему съ Русскою рѣчью, не понималъ бы ни единаго слова. Очевидно, что тутъ языкомъ первоначальнаго преподаванія долженъ быть непремѣнно языкъ Литовскій, а Русскій языкъ, — однимъ изъ предметовъ, которому должно учить мальчиковъ. Такъ, Пруссія, которая безусловно отвергаетъ въ первоначальномъ образованіи всѣ мѣстныя Германскія нарѣчія, которая прямо вводитъ всякаго Нѣмецкаго мальчика, на какомъ бы нарѣчіи онъ ни говорилъ дома, въ классъ, гдѣ ему преподаютъ на общемъ Нѣмецкомъ языкѣ, — эта же самая Пруссія въ своемъ кускѣ Литовскаго края, какъ мы видѣли, установила элементарное преподаваніе по-литовски и, кромѣ того, сдѣлала Литовскій языкъ однимъ изъ предметовъ обученія въ Тильзитскомъ среднемъ училищѣ и въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Мы охотно указываемъ на примѣръ Пруссіи, какъ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ земель Европы, и потому что она, также какъ мы, имѣетъ дѣло съ Литовскою народностью. Для Пруссіи, точно также какъ и Россіи, Литовское племя — это не частная вѣтвь господствующаго народа; это племя чужое, которое не понимаетъ вовсе общаго языка страны, и въ которомъ каждый человѣкъ долженъ сперва получить образованіе, прежде чѣмъ онъ выучится этому языку. Правительство Прусское понимало это уже полтораста лѣтъ тому назадъ; оно дало Литовскому племени въ своихъ предѣлахъ образованіе и привязало его къ своему государству самою крѣпкою нравственною связью.

Итакъ, повторимъ нашу мысль. Такъ какъ Литовцы составляютъ племя совершенно отдѣльное, инородческое, то прямо учить народъ въ элементарныхъ школахъ Литовскаго края на Русскомъ языкѣ значило бы то же самое, что не учить вовсе; наши училища стояли бы пустыми или наполнялись бы по принужденію, и Литовскій народъ оставался бы, по прежнему, темною невѣжественною массою въ распоряженіи ксендзовъ и польскаго дворянства. Необходимо во всей Ковенской, двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Августовской (Маріампольскомъ и Кальварійскомъ) и трехъ сѣверозападныхъ уѣздахъ Виленской губерніи (Трокскомъ, Виленскомъ и Свенцянскомъ) установить преподаваніе въ народныхъ училищахъ на языкѣ Литовскомъ, а однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ этихъ училищахъ ввести Русскій языкъ, такъ чтобы по выходѣ изъ училища Литовскій мальчикъ вполнѣ понималъ по-русски и зналъ русской грамотѣ. Вотъ сужденіе объ этомъ вопросѣ одного природнаго Литвина, одного изъ лучшихъ знатоковъ своей родины и своего на-

рода: «Введеніе преподаванія Литовскаго языка въ Литовскихъ училищахъ весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно бы способствовало къ скорѣйшему изученію Русскаго языка, который въ настоящее время истолковывается Литвинамъ при помощи языка Польскаго, для многихъ изъ нихъ не болѣе понятнаго, чѣмъ Русскій; а между тѣмъ, знаніе Русскаго языка при мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ устройству крестьянъ, необходимо для каждаго Литовца. Нынѣ ни одинъ Литовскій крестьянинъ не понимаетъ и не читаетъ Положенія о крестьянахъ, весьма многіе изъ нихъ совсѣмъ не знаютъ даже о его существованіи [1]), и все принимаютъ на вѣру. Оно бы показало, сколь губительно было для Литовцевъ владычество Поляковъ, которые въ продолженіе 4-хъ столѣтій только и заботились объ истребленіи въ Литвѣ всего литовскаго, учреждали въ ней польскія школы, въ которыхъ безпощадно сѣкли Литовскихъ дѣтей, когда эти осмѣливались заговорить между собою по-литовски, своимъ материнскимъ языкомъ; оно бы много способствовало къ поселенію и развитію здравыхъ понятій въ крестьянахъ — Литовцахъ, которые нынѣ читаютъ только молитвенники и разныя церковныя книжки, такъ называемыя кантычки, исполненныя средневѣковыхъ понятій и суевѣрій».

Остается вопросъ о практической исполнимости этой мѣры. Сколько извѣстно, уже возникала и прежде мысль ввести въ училищахъ Литовскаго края преподаваніе на Литовскомъ языкѣ, но противъ этого предположенія поднялись голоса людей, утверждавшихъ, что языкъ Литовскій, по недостатку письменной обработки, не можетъ служить къ обученію юношества, что нельзя составить руководствъ на нарѣчіи, которое исключительно свойственно простонародью и т. п. Невозможно ожидать, чтобы лица, заинтересованныя въ неприкосновенности господства Польскаго языка въ Литвѣ, не стали прибѣгать къ такого рода и еще разнымъ другимъ доводамъ противъ введенія преподаванія на народномъ языкѣ; но во всемъ этомъ они, разумѣется, могутъ разсчитывать только на наше незнаніе. Литовскій языкъ имѣетъ грамматику, научнымъ образомъ разработанную однимъ изъ первыхъ филологовъ Германіи [2]), на немъ въ Пруссіи изданы не только катихизисы и другія элементарныя книги, но даже, какъ замѣчено выше, стихотворенія и полный переводъ библіи; въ Россіи на Литовскомъ языкѣ напечатаны даже ученыя сочиненія объ исторіи и археологіи края. При такой подготовкѣ, возраженіе, что Ли-

---

[1]) Это было писано въ 1862 году.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что *Русскій* языкъ не имѣетъ доселѣ грамматики, которая по своимъ достоинствамъ могла бы сравниться съ Литовскою грамматикою г. Шлейхера.

товскій языкъ не способенъ служить къ преподаванію, можетъ быть сдѣлано только лицами, преднамѣренно искажающими истину. Нужно лишь призвать людей, знающихъ этотъ языкъ и сочувствующихъ потребностямъ Литовскаго народа, — и въ самомъ скоромъ времени мы имѣли бы на Литовскомъ языкѣ всѣ нужнѣйшіе учебники, и польскій элементъ въ Литовскихъ училищахъ уступилъ бы литовскому и чрезъ него русскому.

И такъ вотъ, какъ намъ кажется, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край: прежде всего, чтобы мы обратили вниманіе на Литовское племя, какъ на народность своеобразную и совершенно различную отъ Польской; чтобы мы сносились съ Литовскимъ народомъ при посредствѣ Литовскаго, а не Польскаго языка; чтобы мы открыли Русскимъ возможность учиться по-литовски и сдѣлали изъ Литовскаго языка одинъ изъ обязательныхъ предметовъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ Литовскаго края; наконецъ, чтобы мы создали для Литовскаго народа элементарныя Литовскія училища, въ которыхъ Литвинъ могъ бы образовываться, не становясь Полякомъ, и знакомиться непосредственно съ Русскимъ языкомъ, который ему такъ нуженъ, особенно со времени освобожденія, въ гражданскомъ быту.

Все это, по-видимому, просто, и такъ просто, что многіе не стали бы, можетъ быть, ожидать отъ этихъ мѣръ значительныхъ и существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ, только этимъ можемъ мы освободить Литовскій народъ отъ умственнаго и нравственнаго господства Польской національности, какъ мы избавляемъ его теперь отъ ея матеріальнаго господства; только этимъ можемъ мы открыть Литовскому народу пути къ внутреннему единенію съ Русскимъ міромъ. Конечно, подобныя средства могутъ дѣйствовать только медленно, ибо эти средства нравственныя, и требуютъ отъ насъ нѣкотораго труда и большой послѣдовательности. Но что дѣлать, когда намъ предстоитъ вывести цѣлое племя изъ мрака и оцѣпенѣнія на свѣтъ и къ дѣятельности умственной? Иные, быть можетъ, сомнѣвающіеся въ дѣйствительности такихъ средствъ, думали бы отдѣлаться другимъ способомъ отъ труда, котораго требуетъ отъ насъ Литовское племя. Мы слышали, что они предпочли бы отдѣлить Литовскій край, или, вѣрнѣе сказать, зерно его, Ковенскую губернію, отъ соединенія съ Западнорусскими губерніями и причислить ее къ губерніямъ Остзейскимъ. Можно бы подумать, что въ основаніи такой мысли лежитъ слѣдующій силлогизмъ: Остзейскій край смиренъ, а Западнорусскія губерніи волнуются такъ, если отчислить Ковенскую губернію отъ волнующагося края къ смирному, то и она сдѣлается смирна. Но мы спрашиваемъ: если такая мѣра будетъ заключаться

просто въ перенесеніи высшаго административнаго центра для Ковенской губерніи изъ Вильна въ Ригу, то перемѣнится ли отъ этого хотя сколько нибудь состояніе и расположеніе умовъ населенія Ковенской губерніи, и не будетъ ли это для него только нѣкоторымъ административнымъ неудобствомъ, такъ какъ Рига дальше отъ него, чѣмъ Вильно? Если же думаютъ о такомъ перечисленіи Ковенской губерніи съ тѣмъ, чтобы распространить на нее Остзейскіе распорядки, то слѣдуетъ обратить вниманіе на два важныя обстоятельства.

Во-первыхъ, въ Ковенской губерніи дѣйствуетъ постановленіе объ обязательномъ выкупѣ, по которому крестьяне признаны собственниками своего поземельнаго надѣла, а въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянство подчинено разнымъ прежнимъ узаконеніямъ, менѣе для него либеральнымъ; а именно это крестьянское дѣло такое, что здѣсь нельзя взять назадъ того, что̀ разъ дано; порядокъ, выгодный для крестьянъ, не можетъ быть безнаказанно замѣненъ порядкомъ болѣе для нихъ обременительнымъ. Напротивъ, сила вещей ведетъ къ тому, что выгоды, данныя земледѣльческому классу въ одномъ мѣстѣ, становятся достояніемъ его и въ другомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ, самомъ важномъ, общественномъ дѣлѣ, не только Прибалтійскій край не могъ бы подчинить Ковенскую губернію существующему въ немъ порядку вещей, а напротивъ, Ковенская губернія сдѣлалась бы, естественно, мѣриломъ для Прибатійскаго края. Друзья Прибалтійскихъ крестьянъ, конечно, должны сочувствовать такому результату, и если бы этотъ именно результатъ имѣлся тутъ въ виду, то нечего было бы и говорить. Но въ томъ-то и дѣло, что люди, предполагающіе причислить Ковенскую губернію къ Остзейскому краю, думаютъ объ этомъ вовсе не изъ дружбы къ Прибалтійскимъ крестьянамъ, а напротивъ того увлекаясь, какъ кажется, мыслію, что существующій въ Остзейскомъ краѣ порядокъ годился бы и для Ковенской губерніи.

Во-вторыхъ, Прибалтійскій край управляется по нѣмецкимъ законамъ, оффиціальный языкъ въ немъ Нѣмецкій; а въ Ковенской губерніи дѣйствуютъ русскіе законы, оффиціальный языкъ Русскій. Въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкіе законы и нѣмецкій языкъ имѣютъ историческое основаніе, которое Россія сохраняетъ: но, чтобы Россія стала распространять ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ для того никакого историческаго основанія, чтобы Россія, простымъ административнымъ актомъ, замѣнила русскіе законы и Русскій языкъ Нѣмецкими въ краѣ, гдѣ нѣтъ ничего нѣмецкаго, — это было бы такъ странно, что не понимаемъ, какъ подобная мысль могла возникнуть въ нашей средѣ.

Въ памятникѣ тысячелѣтію Россіи мы поставили изображенія великихъ людей Литовскаго народа. Мы дали мѣсто между дѣятелями

истекшаго тысячелѣтія Русской земли, не только человѣку, какъ Довмонтъ, усыновленному Россіей и прославившему ея имя въ самую мрачную эпоху народнаго униженія; мы приняли въ рядъ нашихъ государственныхъ строителей и героевъ Гедимина, Ольгерда, Витовта, Кейстута, этихъ витязей древней Литвы, которые не разъ приводили въ трепетъ Русскіе полки и Русскихъ князей. Нами руководило вѣрное историческое сознаніе; мы хотѣли засвидѣтельствовать на нашемъ памятникѣ, что прошлая жизнь Литовскаго народа, пока онъ дѣйствовалъ самостоятельно, была частью жизни Русской земли, что слава Литвы есть слава Россіи, что Россія приняла наслѣдство, пожала плоды исторической дѣятельности Литовскаго народа. Но пусть это историческое сознаніе значенія прошлыхъ событій оправдается въ современной дѣйствительности. Когда мы признаемъ прошедшее Литвы своимъ историческимъ достояніемъ, когда мы признаемъ себя наслѣдниками дѣятельности Ольгерда и Витовта, то пусть права наши не остаются въ архивахъ исторіи, а проявимъ ихъ въ дѣйствительной жизни. Если же нынѣшнее наше отчужденіе отъ Литовскаго народа должно продлиться, и мы въ настоящемъ предоставимъ Литву господству чужихъ стихій, будь эти стихіи польскія или нѣмецкія, то къ чему мы стали бы выставлять на показъ бывшее когда-то внутреннее единство Литвы съ Русской землею? Это было бы только хвастовство, и лучше бы было, въ такомъ случаѣ, сбросить съ нашего историческаго памятника, какъ лишнія на немъ, статуи Гедимина, Витовта, Ольгерда и Кейстута!

С. п. б.
Декабрь 1863 г.

XVI.

РОССІЯ

И ЕЯ

ИНОРОДЧЕСКІЯ ОКРАИНЫ НА ЗАПАДѢ.

XVI.

Россія и ея инородческія окраины на западѣ.

Указъ 20 Февраля 1865 г. о введеніи въ дѣлопроизводство, суды и училища Финляндіи Финскаго языка наравнѣ со Шведскимъ. — Дѣйствія Швеціи и Россіи относительно Финляндіи. — Русское общество и политика Россіи въ XVIII в. и въ первой четверти XIX в. — Русская политика и русское общество съ 1825 по 1855 г. — Идеалы этого времени. — Возстаніе Польши 1830 г. и народность. — Лифляндское дѣло 1841 г. и православіе. — Новая эпоха въ жизни Россіи. — Польскій вопросъ. — Финляндія. — Общій взглядъ на отношенія населенія нашихъ западныхъ окраинъ къ Россіи. — Древняя Пермь и нынѣшніе Эсты и Финны. — Связь племенъ Финскаго, Литовскаго и Мазурскаго съ Русскимъ. — Бытовыя начала Славянскаго племени. — Задача Россіи въ отношеніи къ западнымъ инородцамъ. —

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ относительно Финляндіи, насъ особенно порадовала одна. Указомъ нынѣ[1]) обнародованнымъ, въ развитіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося еще въ 1863 году, постановлены правила о постепенномъ введеніи въ дѣлопроизводство, суды и училища Великаго Княжества Финляндскаго — языка Финскаго наравнѣ со Шведскимъ.

Мѣра эта важна и благодѣтельна сама по себѣ. Еще важнѣе и безконечно плодотворнѣе то общее начало, изъ котораго она истекаетъ.

Болѣе полувѣка Финляндія принадлежитъ не Швеціи, а Россіи,— и до сихъ поръ Шведскій языкъ остается тамъ господствующимъ языкомъ, языкомъ оффиціальнымъ, на которомъ исключительно производится административная переписка, творится судъ, преподаются науки въ гимназіяхъ и университетѣ.

Добро бы Шведскій языкъ былъ языкомъ Финляндскаго народа; но нѣтъ: онъ ему чужой. Это языкъ меньшинства: Финляндскаго дворянства, ведущаго свой родъ отъ старинныхъ завоевателей края, да части торговаго класса и нѣсколькихъ колоній, когда-то водворенныхъ

[1]) Въ 1865 году. Указъ подписанъ 20-го Февраля того года.

на морскомъ побережьѣ королями Шведскими. Статистики считаютъ во всей Финляндіи не болѣе 125,000 человѣкъ, употребляющихъ Шведскій языкъ; а для массы населенія, для остальныхъ 1,600,000 жителей Финляндіи, онъ непонятенъ, какъ языкъ иностранный.

Эти цифры показываютъ, что Шведское правительство, въ то время, когда Финляндія ему принадлежала, не поцеремонилось наложить свой языкъ на чужое племя, ему подвластное. Оно дѣйствовало безцеремонно, но расчетливо: ибо вмѣстѣ съ Шведскимъ языкомъ оно вносило въ Финляндію безчисленныя и неизмѣримо важныя вліянія общественныя и умственныя. Доказательство тому у насъ передъ глазами. Съ 1809 года присоединенная къ Россіи, Финляндія, благодаря продолжающемуся въ ней господству Шведскаго языка, до сихъ поръ центръ своей общественной и умственной жизни имѣетъ по ту сторону Ботническаго залива, въ Стокгольмѣ, а не въ Русской столицѣ, выстроенной на ея порогѣ.

Какимъ образомъ Россія, по завоеваніи Финляндіи, могла оставить въ ней господство Шведскаго языка? Мы такъ привыкли къ этому факту, что онъ насъ мало поражаетъ. Однако трудно сыскать въ исторіи другое подобное явленіе. Всегда, коль скоро государство пріобрѣтало какую-нибудь область, оно старалось ослабить связь этой области съ страною, которой она прежде принадлежала, и слить ее съ другими своими владѣніями; а Россія, завоевавъ Финляндію, эту необходимую принадлежность своей территоріи, сохранила и укрѣпила тѣ связи, которыя правительство Шведское искусственно создавало, чтобы притянуть Финскій край къ Швеціи!

Этотъ фактъ будетъ приводиться въ будущихъ поколѣніяхъ для характеристики Русскаго общества въ первую половину нашего XIX вѣка; ни въ чемъ его тогдашнее настроеніе не отразилось такъ ярко. Въ продолженіе всего XVIII столѣтія, — не только при такихъ геніальныхъ правителяхъ, какъ Петръ I и Екатерина II, но и въ худшія времена Бироновщины, когда раболѣпство передъ иностранцами, казалось, достигло крайнихъ предѣловъ, нельзя найти подобнаго забвенія прямыхъ политическихъ интересовъ Россіи. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ Петровская реформа, оторвавшая Русское общество отъ Русской земли, еще не вполнѣ пропитала его собою. Петръ I надѣлъ на Русское общество французскіе кафтаны, но подъ французскими кафтанами оставались Русскіе люди. Въ угоду Петру они употребляли голландскія слова, въ угоду Бирону — выражались на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдуя модѣ Екатерининскаго двора — говорили по-французски, но еще не отвыкли мыслить по-русски. Нужно было три поколѣнія, чтобы перевоспитать Русское общество по иностранному. Четвертое поколѣніе со времени Петровской ре-

формы, поколѣніе, при которомъ завоевана Финляндія, — было уже вполнѣ перевоспитано. Какъ бы ни «скоблили» Русскаго человѣка той эпохи, русскаго зерна бы въ немъ не доскоблились; французскими словами онъ выражалъ и не русскія мысли [1]). Внутренняя связь его съ Русскою землею была вовсе порвана; интересъ Россіи не существовалъ для него какъ живое сознаніе человѣка, связаннаго цѣльною душою съ своей родиной, и либо не принимался имъ вовсе въ расчетъ, либо сочинялся по какимъ-нибудь навѣяннымъ извнѣ теоріямъ. Такъ напримѣръ, при видѣ великой борьбы принциповъ революціи и легитимности на Западѣ, люди этого поколѣнія, восхитившись прекрасною ролью защитниковъ угнетенной законности, вообразили себѣ интересъ Россіи въ защитѣ «легитимныхъ» началъ даже въ такихъ странахъ, до внутренняго устройства которыхъ намъ никакого не было дѣла. И бѣдная Россія стала хлопотать, стала заступаться, стала жертвовать деньги и людей не за дѣйствительную пользу своего народа и государства, а за «благіе принципы» (les bons principes) въ чужихъ странахъ. Ученица Запада пошла ему въ служанки.

Это-то умственное состояніе нашихъ дѣдовъ отразилось и въ образѣ ихъ дѣйствій относительно завоеванной ими Финляндіи. Они видѣли (для этого достаточно было взглянуть на карту), они не могли не понимать всей важности Финляндіи для округленія и укрѣпленія Русской территоріи. «Постановленіемъ Имперіи нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, — говорится въ Манифестѣ 1-го Октября 1809 г. о заключеніи мира между Россіею и Швеціею [2]), — измѣряемъ Мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой, окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками, Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». По этому, пока дѣло шло о матеріальномъ обладаніи Финляндіею, на нее смотрѣли какъ на необходимую принадлежность Россіи. «Страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, Мы *присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи*«, сказано было въ Манифестѣ 20-го Марта 1808 г. [3]), и то же повторено въ мирномъ договорѣ со Швеціею:

---

[1]) Само собою разумѣется, что это относится къ высшимъ сферамъ тогдашняго Русскаго общества, а не къ тѣмъ, которыя находились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ народа и его жизни. Даже и въ высшихъ сферахъ были отрадныя исключенія, напр. Карамзинъ и другіе.

[2]) I-е П. С. З. т. XXX, № 23,883.

[3]) I-ое П. С. З. 1808 г. т. XXX, № 22,911.

ст. IV «Губерніи сіи (Кюменегардская, Нюландская и Тавастгусская, Абовская и Біернеборгская съ островами Аландскими, Саволакская и Карельская, Вазовская, Улеаборгская и часть западной Ботніи до р. Торнео) со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, *будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются*».

Но когда пришлось учреждать русское правленіе въ присоединенной къ Россіи области, въ ней встрѣтили оффиціальный Шведскій языкъ, правда искусственно навязанный населенію Финляндіи и поддерживаемый только немногочисленною пришлою аристократіею, встрѣтили Шведскіе законы и порядки.

И вышло такъ, что эта «навсегда присоединенная къ Россійской Имперіи область», тотчасъ же очутилась отъ нея отдѣленною на правахъ особаго государства, въ которомъ продолжало господствовать все шведское, кромѣ только особы короля,—государства, въ которомъ Русскій человѣкъ считался по прежнему иностранцемъ. И это произошло безъ малѣйшаго внѣшняго повода, а самою силою вещей, просто, можно сказать, вліяніемъ духа того времени.

Сдѣлавшись не только подражателями Запада въ его образованности и манерахъ, но и людьми Запада въ душѣ, дѣды наши потому самому должны были считать все, принадлежащее Западу, имѣющимъ высшія права, чѣмъ русское. Имъ и въ голову не могло прійти, чтобы область, принадлежавшая Западу, могла быть «низведена» въ уровень съ русскими губерніями, чтобы *благородный* Шведскій языкъ могъ уступить свое мѣсто Русскому, чтобы человѣкъ, происходящій отъ древняго Шведскаго рыцарства, могъ быть уравненъ, не только съ простымъ Русскимъ человѣкомъ, но и съ Россійскимъ дворяниномъ. Напротивъ того, при тогдашнемъ умственномъ состояніи Россіи, казалось дѣломъ естественнымъ распространить владычество Шведскаго языка, Шведской аристократіи на русскую область. По тогдашнему міросозерцанію нашему это значило-облагодѣтельствовать эту область, пріобщивъ сё къ высшей цивилизаціи. Часть Финляндіи, пріобрѣтенная Россіею по договорамъ 1721 и 1743 г., мало-по-малу обрусѣла, въ ней водворились многіе русскіе помѣщики, многочисленныя колоніи русскихъ промышленниковъ и крестьянъ; масса населенія оставалась финскою (т. е. Карельскаго племени), но шведскій пришлый элементъ почти исчезъ, и наконецъ въ 1784 г., съ учрежденіемъ Выборгскаго намѣстничества по общему губернскому положенію, эта область сдѣлалась такою же русскою, какъ сосѣдняя съ нею Ингерманландія. И что же? въ 1796 году императоръ Павелъ возстанов-

ляетъ [1]) въ Выборгской губерніи Шведскіе законы и учрежденія и дѣлопроизводство на Шведскомъ языкѣ; и распоряженіе это не принадлежало къ числу тѣхъ минутныхъ увлеченій личной мысли, которымъ изобиловало законодательство Павловскаго царствованія; напротивъ, тутъ уже высказывалось то общее направленіе, которое опредѣляетъ историческій характеръ поколѣнія, вступавшаго съ Павломъ на сцену: ибо царствованіе Павла, очевидно, принадлежитъ, по своему характеру, не къ Екатерининской эпохѣ, а напротивъ къ эпохѣ царствованія Александра I, которую оно открываетъ собою. Только формы были грубѣе и на видъ болѣе странны: но не тотъ же ли принципъ, не тотъ же ли взглядъ на Россію и ея призваніе представляетъ намъ дѣло Мальтійскаго ордена и участіе въ Священномъ Союзѣ? И такъ повторяемъ, возстановленіе въ Выборгской губерніи Шведскаго права и Шведскаго языка нельзя причислить къ тѣмъ случайнымъ мѣрамъ, которыя зависѣли только отъ личности императора Павла. Этотъ законъ пережилъ его, какъ пережили его усилія, имъ сдѣланныя, чтобы возродить въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Нѣмецкій, въ Литовскихъ и Украинскихъ губерніяхъ — Польскій духъ и учрежденія. Невозможно объяснять эти явленія, какъ мы часто слышимъ, только личнымъ желаніемъ перечить политикѣ Екатерины. Ловкіе люди изъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Шведовъ, заинтересованные въ проведеніи этихъ мѣръ, могли воспользоваться такимъ желаніемъ; но струна не зазвучала бы подъ ихъ рукою, если бы окружающая русская среда ей не вторила. Намѣреніе Александра Павловича было итти по стопамъ Екатерины; но при немъ не только не потеряли своего дѣйствія мѣры, возвратившія Западную Русь, Прибалтійскій край, Выборгскую губернію Полякамъ, Нѣмцамъ, Шведамъ, а напротивъ утвердились и развились, и въ отношеніи къ Выборгской губерніи доведены были до крайняго своего результата, — результата, который, какъ извѣстно, грозилъ и Западной Руси и тутъ остановленъ былъ, можно сказать, наканунѣ своего осуществленія; въ отношеніи же къ Выборгской губерніи онъ осуществился: съ 1-го Января 1812 года эта важная область была вовсе отдѣлена отъ русскихъ земель и присоединена къ новосозданному государственному тѣлу, наименованному Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

Такъ дѣйствовало поколѣніе людей Павловской и Александровской эпохи: такъ оно должно было дѣйствовать, потому что это было поколѣніе людей, которыхъ сознаніе перестало быть русскимъ, хотя бы и высказывалось въ нихъ иногда, подъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ (напр. въ отечественную войну), русское чувство.

---

[1]) Указъ 12 Декабря 1796 г., см. въ I-мъ П. С. 3. т. XXIV, № 17,637.

Западно-европейскій идеалъ, долго одушевлявшій одинаково и правительство императора Александра Павловича и русское общество той эпохи, былъ подъ конецъ этого царствованія отвергнутъ правительствомъ, какъ опасный для него.

Печальнымъ разочарованіемъ кончилось тридцатилѣтіе, въ которое матеріальныя силы Русскаго народа раздвинули Россію на западъ до Торнео и Калиша, а умственное покорство русскаго общества началамъ Запада возвратило имъ въ самой Россіи господство до Днѣпра и Ладожскаго озера. Западно-европейскій идеалъ оказался чуждъ Русскому народу, а правительство, по политической сторонѣ этого идеала, увидѣло въ немъ себѣ врага. Мы вступили въ новый фазисъ, который также обнимаетъ время цѣлаго поколѣнія. Въ это тридцатилѣтіе (1825—1855) Петровскій періодъ Русской исторіи завершился. Не сходя съ пути, по которому она слѣдовала съ Петра, Россія перешла въ направленіе діаметрально противоположное тому, которое она приняла подъ рукою великаго преобразователя. Мысль преобразователя была — просвѣтить Россію умомъ Европы, но въ дѣлахъ внѣшнихъ дѣйствовать самостоятельно, въ государственномъ интересѣ Россіи. А въ прошлое тридцатилѣтіе государственный интересъ Россіи постоянно приносился въ жертву пользамъ западныхъ государствъ, и въ то же время употреблялись всѣ усилія, чтобы удалять насъ отъ европейскаго ума. Петръ вооружилъ правительство всею силою самодержавной власти, чтобы вести страну впередъ; въ прошлое тридцатилѣтіе власть, наслѣдованная отъ Петра, видѣла свое призваніе въ томъ, чтобы останавливать страну, задерживать въ ней развитіе. Эту параллель можно провести во всѣхъ даже мелкихъ подробностяхъ. Во всемъ Россія того времени, сохраняя внѣшнія формы и пріемы Петровской системы, дѣйствовала въ смыслѣ прямо противоположномъ духу Петра. Это была не случайность. Односторонее направленіе, чтобы себя изжить, должно дойти до отрицанія идеи, давшей ему бытіе.

Намъ еще памятно это время. То была эпоха внутренней пустоты. Западный идеалъ, одушевлявшій людей прежняго поколѣнія, былъ разбитъ. Нѣкоторые старались возсоздать его; самое незамѣтное меньшинство рѣшалось искать источника жизни тамъ, гдѣ только можно было найти его,—въ Русскомъ народѣ и его духовныхъ и бытовыхъ началахъ; другіе приходили къ отрицанію идеала и западно-европейскаго и русскаго; но огромное большинство оставалось и безъ идеала и безъ отрицанія, а правительственныя лица, вѣрныя Петровской системѣ, считали въ своей власти замѣнить прежній западно-европейскій идеалъ, оказавшійся не безопаснымъ въ политическомъ отношеніи, другимъ—по своему усмотрѣнію: явилась знаменитая фраза:

«Православіе, самодержавіе и народность». Но казенный идеалъ, хотя бы заключалъ въ себѣ самыя высокія начала, не наполнитъ душу человѣка, и фраза, извнѣ налагаемая, остается фразой.

Событія незамедлили показать это. Мятежъ 1830 года принудилъ правительство низвергнуть владычество польскаго элемента, возстановленное прежнимъ поколѣніемъ Русскихъ людей не только въ Царствѣ Польскомъ, но и во всей Западной Россіи. Какой представлялся превосходный случай, чтобы возвратить Русской народности ея законныя права и этимъ навсегда покончить съ покушеніями Поляковъ на западный край Имперіи! Но тутъ «народность» встрѣтилась съ интересами крѣпостнаго права и оказалось, что «народность» была пустое слово. Во имя дворянскихъ правъ польское меньшинство спокойно сохранило свое неограниченное владычество надъ многомиліоннымъ населеніемъ Русскихъ и Литвиновъ. А православіе? И въ отношеніи къ нему готовилось испытаніе тогдашней Россіи. Въ 1841 г. населеніемъ цѣлаго края овладѣло единодушное, страстное желаніе присоединиться къ православной вѣрѣ. Но тутъ «православіе» встрѣтилось съ консерваторскими опасеніями и интригами нѣсколькихъ Нѣмцевъ, — и волосъ дыбомъ становится, читая, въ обнародованныхъ недавно документахъ [1]), какъ мѣстныя власти въ Лифляндіи, пользуясь авторитетомъ правительства, препятствовали принятію православія бѣдными Латышами и Эстами; изумляешься тѣмъ затрудненіямъ и ограниченіямъ, которыя даже высшее правительство противопоставляло этому движенію, и которыми парализовало его дѣйствіе.

Да! Если бы «православіе», которое выставляли въ прошлое тридцатилѣтіе на нашемъ знамени, не было только словомъ, то Лифляндія, Эстляндія и Курляндія были бы, конечно, теперь совершенно русскимъ краемъ. Но какъ въ 1809 году мысль о превосходствѣ западныхъ началъ предъ Русскими лишило Россію дѣйствительнаго органическаго пріобрѣтенія присоединенной къ ней по трактату Финляндіи, такъ отсутствіе всякаго внутренняго принципа лишило насъ въ 1841 г. пріобрѣтенья просившихся въ семью нашу Прибалтійскихъ губерній. Петръ Великій жертвовалъ всѣми силами Россіи, чтобы завладѣть этимъ важнѣйшимъ для нея краемъ. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Петра все туземное населеніе этого края почти поголовно умоляетъ пріобщить его къ Россіи въ томъ, что есть существеннѣйшаго въ народной жизни,—въ вѣрѣ, — и его отталкиваютъ.

---

[1]) Чтенія Импер. Москов. Общ. Ист. и Др. 1865 г. кн. III.: „Движенія Латышей и Эстовъ въ Лифляндіи съ 1841 года“. „Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ губерній.“ См. также кн. 1 и 2 того же изданія за 1865 г.

Мы назвали образъ дѣйствій нашихъ дѣдовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія относительно покоренной Финляндіи самымъ характеристическимъ проявленіемъ взглядовъ и направленія тогдашняго русскаго общества и правительства. Когда сдѣлается болѣе извѣстнымъ Лифляндское дѣло 1841 — 46 гг., то едва ли не будутъ приводить его, какъ наиболѣе типическое проявленіе русской государственной жизни въ прошлое тридцатилѣтіе.

Петровская эпоха завершилась. Кончился въ жизни Россіи тотъ историческій годъ, котораго плодотворную весну намъ представляетъ царствованіе Петра, котораго цвѣтомъ слѣдуетъ назвать время Екатерины, который принесъ плоды свои при Александрѣ I и перешелъ въ леденящую зиму въ послѣднее тридцатилѣтіе. Наступилъ новый историческій годъ. Мы видимъ только раннюю весну его; 19 Февраля 1861 г. взломало ледъ, но страшныя глыбы его лежатъ повсюду, холодъ, слякоть смѣняетъ по временамъ тепло; но мы видимъ и чувствуемъ что весеннее солнце всходитъ все выше и выше, что лучи его проникаютъ глубже и глубже. Признаки таковы, что ошибиться нельзя: это дѣйствительно начался новый періодъ въ жизни Россіи; она начинаетъ жить своимъ умомъ, опираться на свои народныя основы, слѣдовать своимъ интересамъ.

Духъ новаго времени нашего уже высказался въ отношеніи къ Польскому дѣлу. Въ 1815 году Россія *наградила* Польскую шляхту за возстаніе и помощь оказанную Наполеону [1]). Въ 1831 г. она дала ей почувствовать матеріальную силу карающей руки, но оставила Западно-русскій, Польскій и Литовскій народъ въ полномъ ея распоряженіи. Въ 1864 году Россія сознала свое призваніе: она освободила Западно-русскій, Литовскій и Польскій народъ отъ чуждой и враждебной аристократіи, возстановила права народа на землю, возродила въ немъ заглохшія зерна славянскаго міра и мірскаго самоуправленія. Если бы къ политическому и общественному дѣйствію русскихъ началъ на Западно-русскій, Литовскій и Польскій край присоединилось дѣйствіе духовное,—просвѣтительная проповѣдь русской церкви, то польскій вопросъ былъ бы разрѣшенъ окончательно; Литва и Мазуры и все Польское простонародье возвратились бы не колеблясь къ народной славянской церкви, которая дала имъ первыя начатки христіанства и отъ которой ихъ насильственнно отторгли

[1]) Извѣстно, что большая часть пособій, назначенныхъ въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ Русскими въ 1812 г., досталась Польскимъ помѣщикамъ Западнаго края, привѣтствовавшимъ Наполеона, какъ своего избавителя и всячески ему помогавшимъ. Царство Польское получило конституцію, которая ставила его въ привилегированное предъ Россіею положеніе; самая же конституція эта была вся составлена въ пользу шляхты и не давала никакихъ политическихъ правъ народу.

въ латинство. Но для Церкви нашей еще не кончился Петровскій періодъ, и въ духовномъ отношеніи мы ничего не могли сдѣлать въ смыслѣ *положительномъ;* здѣсь наши дѣйствія носятъ еще характеръ прошлаго тридцатилѣтія, они имѣютъ значеніе отрицательное: римскому духовенству нанесены удары, но ничего не сдѣлано, чтобы вывести народъ изъ римскаго плѣна.

Финляндія не бунтовала, и потому во все прошлое тридцатилѣтіе до нея не коснулись: ибо не было повода употребить въ отношеніи къ ней матеріальную силу, а ничего другаго, кромѣ матеріальной силы, за Россіею тогда не признавалось. Наступившая новая пора въ жизни Россіи принесла съ собою сознаніе, что хотя Финляндія и спокойна, а порядокъ вещей въ ней долженъ быть согласенъ потребностямъ Финлянскаго народа и государственному и народному интересу Россіи. Тотъ фактъ, что Финляндія спокойна, можетъ только имѣть вліяніе на выборъ наиболѣе мягкихъ способовъ для созданія такого порядка вещей: но сдѣлалось невозможнымъ, въ наше время, приводить этотъ фактъ какъ основаніе къ тому, чтобы сохранить въ Финляндіи порядокъ, благопріятствующій аристократическому меньшинству въ ущербъ Финскаго народа и соотвѣтствующій государственнымъ и народнымъ интересамъ Швеціи въ ущербъ Россіи.

Законъ о введеніи Финскаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы Финляндіи есть первый шагъ въ исполненіи задачи, которая здѣсь предстоитъ Россіи; онъ показываетъ, что задача сознана, а это самое важное.

Любопытно прочесть подробности этого закона: съ 1868 г., при назначеніи *новыхъ* школьныхъ учителей, требуется умѣніе преподавать по-фински; съ 1872 г. опредѣляемы будутъ только такіе чиновники, которые могутъ вести переписку на Финскомъ языкѣ; съ 1875 г. составленіе протоколовъ и другихъ актовъ на Финскомъ языкъ дѣлается обязательнымъ по требованію просителей; наконецъ только съ 1883 г. финскій языкъ долженъ быть окончатело сравненъ со Шведскимъ. Какая мягкость! какая постепенность и бережность въ отношеніи къ лицамъ, въ настоящее время занимающимъ должности! Не такъ дѣйствовали администраторы Шведы, когда Выборгская губернія была отдана имъ въ руки: тутъ они въ одинъ годъ удалили всѣхъ русскихъ должностныхъ лицъ, которые не могли вести дѣлопроизводство и преподаваніе по-шведски.

Но мы не сѣтуемъ на такую постепенность. Мы думаемъ только, что законъ 20 Февраля 1865 г. разрѣшилъ лишь одну половину дѣла, а другой не коснулся, предоставляя ее будущему распоряженію, которое, вѣроятно, не замедлитъ послѣдовать. А именно, законъ

этотъ, установляя права Финскаго языка, не дѣлаетъ его однако единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ Финляндіи. И понятно: Финскій языкъ, необходимый какъ языкъ мѣстной администраціи, суда и школы, не можетъ, по своей малоизвѣстности, быть *государственнымъ* языкомъ Великаго Княжества. Такъ именно и говорится въ законѣ, что Финскій языкъ долженъ впредь имѣть оффиціальное значеніе во всемъ, непосредственно касающемся Финскаго населенія. Но какой же языкъ будетъ государственнымъ языкомъ Финляндіи? Неужели имъ останется языкъ Шведскій? Потому ли, что въ Финляндіи живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ Шведовъ? Но въ ней живетъ и нѣсколько десятковъ тысячъ Русскихъ. Потому ли, что Финляндія когда то принадлежала Швеціи? Но теперь она принадлежитъ Россіи. Потому ли, что это выгодно Швеціи? Но это не выгодно для Россіи. Потому ли наконецъ, что этого желаетъ мѣстная аристократія, воспитываемая въ шведскихъ преданіяхъ и понятіяхъ и которой знаніе столь мало распространеннаго языка какъ Шведскій, обезпечиваетъ, на все время, пока онъ оставаться будетъ оффиціальнымъ языкомъ Финляндіи, обладаніе всѣми почти правительственными должностями въ Великомъ Княжествѣ? Однако этого не могутъ желать не только Русскіе, но и туземный Финскій народъ, ибо доколѣ сохраняется за Финляндіей искусственный призракъ Шведской національности, до тѣхъ поръ не прекратятся притязанія на нее Шведовъ, и эти притязанія всегда готовы будутъ, при первомъ удобномъ случаѣ, обратиться въ прямое враждебное покушеніе; а такое покушеніе стоило бы Россіи новыхъ жертвъ, и снова подвергло бы Финскій народъ тяжелой участи быть предметомъ спора между двумя государствами.

Много не-русскихъ земель, много не-славянскихъ племенъ захватила въ свой кругъ Россія, расширяясь для достиженія своихъ естественныхъ границъ. Въ этотъ кругъ вошла Финляндія; вошли губерніи Прибалтійскія, населенныя Чудью (Эстами) и Латышами, и земля, занятая народомъ Литовскимъ. Всѣ эти земли, безконечно важныя для Россіи въ отношеніи государственномъ и экономическомъ, такъ какъ онѣ составляютъ собою всю нашу береговую линію къ Западу,—эти земли имѣютъ общую отличительную черту, опредѣляющую ихъ политическій характеръ: это раздвоеніе между народомъ и высшимъ классомъ (дворянствомъ и городскимъ сословіемъ), раздвоеніе—полное во всемъ, въ происхожденіи, въ языкѣ, въ бытѣ, въ историческихъ преданіяхъ и сочувствіяхъ. Вездѣ, и въ Финляндіи, и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, и въ землѣ Литовской простой народъ принадлежитъ къ племенамъ немногочисленнымъ, по своему положенію не призван-

нымъ къ образованію самостоятельныхъ государствъ [1]). Вездѣ, и въ Финляндіи, и въ Литвѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ господствующіе надъ туземнымъ населеніемъ высшіе классы принадлежатъ къ народностямъ болѣе могущественнымъ, которыя имѣютъ (какъ Шведы въ Финляндіи и Нѣмцы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ) или имѣли и хотятъ имѣть (какъ Поляки въ Литвѣ) свой центръ внѣ Россіи. По этому самому высшіе классы составляютъ тамъ относительно Россіи элементъ центробѣжный, который, даже когда онъ питаетъ преданность къ государственной власти, не можетъ сочувствовать росту и развитію русскаго народнаго центра, такъ какъ всякій приливъ силы въ этомъ народномъ центрѣ долженъ увеличить его притягательное дѣйствіе. Этого нельзя ставить въ укоръ Полякамъ, Шведамъ и Нѣмцамъ, господствующимъ надъ нашими окраинами. Это необходимое послѣдствіе ихъ положенія. Національность Нѣмецкая, Польская, Шведская дорога барону и бюргеру въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, дорога она и Литовскому шляхтичу и Финляндскому дворянину, и притомъ не только по тому природному чувству, которое заставляетъ человѣка дорожить своею народностью, но и потому, что подъ знаменемъ Нѣмецкой, Польской и Шведской національности онъ завоевалъ себѣ господствующее, привилегированное положеніе въ своемъ краѣ и, благодаря слабости русскихъ началъ, удерживалъ его даже подъ властію Россіи. Если бы онъ подъ властію Россіи пересталъ быть Шведомъ, Полякомъ, Нѣмцемъ и сдѣлался Русскимъ, то развѣ бы онъ что нибудь выигралъ? Напротивъ, онъ потерялъ бы значительную часть своихъ привилегій. А мысль сдѣлаться Финномъ, Литовцемъ или Латышемъ также мало могла прійти ему въ голову, какъ Англо-Саксу мысль превратиться въ Негра. Такъ продолжались дѣла, пока сама Россія была нерусскою въ общественной и политической жизни. Понятно, что теперь, когда Россія измѣнилась, когда пробудившаяся народность Русская начинаетъ требовать въ принадлежащихъ Россіи окраинахъ порядка вещей, какой нуженъ ей, а не ея противникамъ,—и Поляки, и Нѣмцы, и Шведы взволновались. Мѣнять старое положеніе, чрезвычайно выгодное, на новое, которое кажется менѣе выгоднымъ, никому не хочется. Поляки, если бы дѣло отъ нихъ зависѣло, соору-

---

[1]) Самое разительное подтвержденіе этого представляетъ намъ исторія Литвы въ тѣ вѣка, когда событія вывели ее на поприще самостоятельной политической дѣятельности (въ XIII и XIV в.). Какъ только Литва сдѣлалась государствомъ, народность Литовская въ немъ утратилась; собственный Литовскій край имѣлъ такъ мало значенія для князей, создавшихъ это государство, что герой Литвы, Витовтъ, могъ безъ сопротивленія отдать Прусскому ордену самое зерно коренной Литвы, Жмудь, для того только, чтобы орденъ развязалъ ему руки для другихъ предпріятій.

дили бы крестовый походъ всего Запада для спасенія владычества Польской аристократіи надъ Заднѣпровскою Русью и Литвою. Мы слышали недавно голосъ Скандинавизма, требующаго возвращенія Финляндіи въ лоно Скандинавіи, на томъ основаніи, что тамъ живетъ 135,000 Шведовъ (замѣтьте, на общее населеніе почти въ 2 милліона). Въ настоящую минуту по Европѣ раздаются жалобы какихъ-то публицистовъ, которые, ликуя надъ избавленіемъ Германской національности въ Шлезвигѣ, просятъ отъ имени Остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ заступничества за эту національность въ Лиф-Эст-и Курляндіи, дабы 180,000 Нѣмцевъ продолжали тамъ властвовать надъ болѣе полутора милліонами Латышей, Эстовъ и Русскихъ [1]).

Великое счастіе Россіи то, что для охраненія своихъ завоеванныхъ нерусскихъ окраинъ ей не нужно, подобно другимъ государствамъ, прибѣгать къ системѣ насилія, угнетенія, разрушенія народностей. Напротивъ, ей нужно только узнать, полюбить, оживить туземный народъ. Во всѣхъ завоеванныхъ Россіею областяхъ ея природные союзники—коренные жители края. Финны, Эсты, Латыши, Литовцы, Мазуры—всѣ они нравственно принадлежатъ Россіи, принадлежатъ ей не только въ силу какихъ-нибудь случайныхъ, преходящихъ обстоятельствъ, а по самой исторіи и природѣ вещей, потому что внѣ Россіи имъ не было житья и нѣтъ отечества.

Взглянемъ на Финновъ и ихъ единокровныхъ братій Эстовъ (по-русски Чудь). Россія есть совокупное созданіе племенъ Славянскаго и Финскаго. Первый фактъ, съ котораго начинается ея существованіе какъ государства — это союзъ Славянъ и Финновъ, согласившихся поставить надъ собою общую верховную власть; и что въ этомъ союзѣ Финны не были народностью порабощенною, вынужденною покориться рѣшенію Славянъ, видно изъ знаменательныхъ словъ древнѣйшей лѣтописи нашей: «рѣша *Чюдь*, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обильна и проч.» Племя покоренное не было бы поставлено на первомъ мѣстѣ. И съ тѣхъ поръ Финскія племена остались неразлучно соединенными съ Русскимъ народомъ, и конечно,

---

[1]) Цифры по Эркерту:

	Эстляндія.	Лифляндія.	Курляндія.
Нѣмцевъ	25,000	95,000	60,000.
Латышей		960,000	460,000.
Эстовъ	260,000	410,000	
Русскихъ	12,000	15,000	9,000.
Другихъ племенъ	6,000	4,000	47,000.

Замѣтимъ, что цифры эти наиболѣе благопріятныя для германизма. По Шницлеру Нѣмцевъ, въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ не 180,000, а только 118,000, именно: въ Эстляндіи 18,000, въ Лифляндіи 60,000, въ Курляндіи 40,000.

ни одинъ добросовѣстный Финнъ, какъ бы горячо онъ ни любилъ свою народность, не почувствуетъ вражды къ Русскому народу за то, что столько Финскихъ племенъ приняли его языкъ, слились съ нимъ совершенно. Онъ не поставитъ этого явленія на одну доску съ тѣми системами государственнаго и народнаго насилія, посредствомъ которыхъ древній Римъ налагалъ свою народность на Западныя земли, средневѣковая Германія на Славянское и Прусское поморіе, Кромвелевская и позднѣйшая Англія—на Ирландію. Ибо сліяніе Финскихъ племенъ съ Русскимъ народомъ происходило безъ всякаго внѣшняго принужденія, только вслѣдствіе слабости и безсвязности этихъ племенъ, оно происходило *безсознательно* со стороны самой Россіи. Любопытенъ примѣръ Перми: Пермскую землю обратилъ въ христіанство въ XIV вѣкѣ Русскій проповѣдникъ св. Стефанъ и онъ изобрѣлъ письмена, примѣненныя къ нарѣчію этой Финской вѣтви, перевелъ для нея церковныя книги, устроилъ богослуженіе на Пермскомъ языкѣ. Замѣчательно еще, что переводилъ онъ на Пермскій языкъ церковныя книги не только съ Славянскихъ переводовъ, но многія перевелъ прямо съ Греческихъ текстовъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что въ его мысли языкъ Пермскій не былъ чѣмъ-то второстепеннымъ относительно языка Славянскаго, что онъ считалъ это Финское племя предназначеннымъ, наравнѣ съ Русскимъ народомъ, черпать просвѣщеніе непосредственно изъ самыхъ его источниковъ. Можетъ ли добросовѣстный Финнъ ставить въ вину Русскому народу, изъ среды котораго вышелъ Стефанъ съ своимъ высоко-человѣчнымъ предпріятіемъ, что Пермское племя, получивъ отъ Россіи всѣ задатки самостоятельнаго образованія, *само предпочло* однако говорить по-русски, читать Евангеліе вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ на Славянскомъ языкѣ? Что могло краснорѣчивѣе засвидѣтельствовать внутреннее влеченіе Финской народности къ Русской? И нынѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ у Эста и Финна другаго союзника, кромѣ Русскаго народа, Россія ему не только отечество, но и убѣжище отъ завоевателей, его поработившихъ, только она можетъ возвратить ему гражданскія права и жизнь его народности.

Также какъ племя Финское, и Литовское племя въ его двухъ, столь близкихъ по языку вѣтвяхъ, Литвинахъ и Латышахъ, связано съ Россіей не случайностью, а силою исторіи. Съ самыхъ раннихъ временъ образовалась эта связь Литовскаго и Латышскаго народа съ Русскимъ. Потомъ, когда, во время распаденія Русской земли, Литва получила самостоятельность государственную и перевѣсъ надъ сосѣдними Русскими княжествами, она сама засвидѣтельствовала о крѣпости своей связи съ Русскою землею: ибо тотчасъ превратилась сама въ землю почти русскую, сдѣлала Русскій языкъ своимъ граж-

данскимъ языкомъ, стала принимать христіанство въ томъ видѣ, какъ его исповѣдывали Русскіе люди. Бракъ Ягелла съ Ядвигою, введеніе католицизма въ некрещеные еще края Жмуди и Литвы и распространеніе тамъ Польскаго шляхетства удалило Литву отъ Русской земли, точно также какъ Нѣмецкіе завоеватели оторвали отъ нея Латышскій край. Но естественныя связи и сочувствія оживаютъ. Переходъ Латышей въ православіе, ихъ стремленіе переселиться въ среду Русскаго (тогда еще крѣпостнаго) народа, чтобы уйдти отъ Нѣмецкихъ помѣщиковъ и ихъ мнимой свободы, могли убѣдить самаго упорнаго скептика.

Наконецъ, — и это явленіе самое характеристическое, — даже Мазуры, хотя это племя лишь незначительными оттѣнками отличается отъ Поляковъ и всегда входило въ составъ Польши, — болѣе тянутъ къ Русскому народу, чѣмъ къ Полякамъ. Они, кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ, когда ихъ фанатизировало латинское духовенство, — всегда принимали сторону Русскихъ противъ Поляковъ-повстанцевъ. Даже въ Галиціи, гдѣ, какъ извѣстно, Русская народность содержится въ черномъ тѣлѣ, а Польская пользуется почетомъ, Мазуры стоятъ за одно съ Русскими и не хотятъ, чтобы ихъ считали за Поляковъ.

Уже не разъ было говорено, что элементъ общинно-народный составляетъ основное бытовое начало Славянскаго племени, что на немъ зиждется Русская земля и что (прибавимъ мимоходомъ) отрицаніе, если не отсутствіе, этого начала въ Польшѣ есть существенная причина той странной и болѣзненной роли, которую она всегда играла и играетъ въ Славянскомъ мірѣ. Все это истины, совершенно ясныя теперь для человѣка мыслящаго и вникающаго въ смыслъ исторіи и современныхъ общественныхъ явленій. Въ недавнее время сознававшіяся только немногими, нынѣ еще непризнаваемыя людьми старой рутины и новѣйшихъ европейскихъ воззрѣній, эти истины скоро сдѣлаются у насъ общимъ достояніемъ. Тогда исчезнутъ тѣ странныя недоразумѣнія, которыя въ настоящее время задерживаютъ или искажаютъ внутреннее наше развитіе. Тогда также уяснятся и устроятся правильно отношенія Россіи къ инородческимъ ея окраинамъ; войдетъ въ общее сознаніе и получитъ все свое примѣненіе тотъ великій, неоцѣнимый для насъ фактъ, что и въ инородческихъ краяхъ, на которые государственная необходимость заставила Россію простереть свою власть, она поставлена, силою вещей, на ту же почву, на какой зиждется сама, въ своей собственной, русской средѣ; что она и тамъ является носительницею своихъ природныхъ славянскихъ бытовыхъ началъ: вездѣ связана съ *народомъ*, вездѣ призвана

противодѣйствовать угнетающей его завоевательной стихіи и возрождать убитую ею народную жизнь. И эта-та внутренняя связь ограждаетъ власть Россіи болѣе всякихъ матеріальныхъ средствъ. Въ противоположность всѣмъ завоевательнымъ государствамъ, Россія является народу въ завоеванныхъ ею краяхъ не угнетательницей, а избавительницей отъ угнетенія. Области, завоеванныя Россіею, принадлежатъ ей не только по праву завоеванія, но и по священнѣйшему праву народнаго сочувствія и союза.

Но чтобы это могло осуществиться, Россія не должна ограничить свою освободительную дѣятельность краями, находившимися подъ властію бунтовавшей Польской шляхты. Никто не станетъ оспаривать, что Финны, Эсты и Прибалтійскіе Латыши столько же заслуживаютъ благъ обновленной русской жизни, сколько Латыши Витебской и Литовцы Ковенской и Виленской губерній.

Мы теперь стараемся распространить Русскій языкъ, какъ языкъ общественной и государственной жизни, на западныя губерніи, не ограничиваясь тѣми, гдѣ туземный народъ Русскій, но также и на Ковенскую губернію, хотя тамъ населеніе Жмудское, — и поступаемъ совершенно правильно: ибо въ государствѣ [1]) единомъ и цѣльномъ можетъ быть только одинъ оффиціальный языкъ. Мѣстныя нарѣчія туземцевъ (но разумѣется, не языкъ какого нибудь пришлаго меньшинства) должны служить для мѣстныхъ нуждъ въ элементарной школѣ, въ богослуженіи, въ волостномъ судѣ и т. д. Оффиціальный же общественный и государственный языкъ въ Россіи можетъ быть только языкъ Русскій. Но если это начало вѣрно (а иначе его не слѣдовало бы примѣнять къ Ковенской губерніи), то оно также вѣрно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи и Царствѣ Польскомъ, какъ оно вѣрно въ Западномъ краѣ. Нельзя же считать причиною введенія Русскаго языка въ школы и администрацію Ковенской губерніи то, что тамошняя Польская шляхта бунтовала: иначе оказалось бы, что введеніе Русскаго языка составляетъ мѣру карательную, въ родѣ какого нибудь процентнаго сбора. Нѣтъ, Русскій языкъ не есть кара; а съ другой стороны, Польская народность, хотя Поляки и бунтовали, не есть нѣчто такое, на чемъ мы стали бы производить операціи *ut in anima vili*, распространяя на ея счетъ Русскія начала, если мы не признаемъ этого государственною необходимостью, которой стало быть должны подчиниться элементы Нѣмецкій и Шведскій, точно также какъ и Польскій.

---

[1]) Если только оно не состоитъ изъ случайной агломераціи, какъ наприм. Швейцарія и Австрія.

Высочайшее повелѣніе о введеніи въ Финляндіи Финскаго языка во всемъ непосредственно касающемся Финскаго населенія, какъ мѣра, составляющая первый необходимый шагъ къ освобожденію этого края отъ владычества Шведскаго элемента, свидѣтельствуетъ, что разумная дѣятельность самосознающей себя Россіи въ отношеніи къ ея инородческимъ окраинамъ не ограничится областями, въ которыхъ бунтовали Поляки.

1865 г.
С. п. б.

XVII.

ДРЕВНІЙ НОВГОРОДЪ.

XVII.

Древній Новгородъ.

Сѣверно-Русскія Народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада (Новгородъ, Псковъ, Вятка. Лекціи, читанныя въ Санктпетербургскомъ Университетѣ въ 1860—1861 г.) Соч. Н. Костомарова 2 тома. Спб. 1863.

I.

Теорія г. Костомарова о раздѣленіи Русско-славянскаго племени на вѣтви и о литовскомъ происхожденіи Руси. — Предположеніе г. Костомарова о малороссійскомъ происхожденіи Новгородцевъ.

«Русско-Славянскій народъ раздѣляется на двѣ вѣтви, различаемыя, въ отношеніи къ рѣчи, по двумъ разнымъ признакамъ: одна перемѣняетъ *о* въ *а* тамъ, гдѣ надъ этимъ звукомъ нѣтъ ударенія, и *ѣ* произноситъ какъ мягкое *е*; другая сохраняетъ коренной звукъ *о* и произноситъ *ѣ* какъ мягкое *и*. Къ первой принадлежатъ Бѣлоруссы и Великоруссы, ко второй Малороссіяне или Южноруссы и Новгородцы». Такъ начинаетъ г. Костомаровъ свою книгу, заглавіе которой приведено выше.

Стало быть, сдѣлано открытіе въ наукѣ, сравнительная лингвистика и этнографія должны преобразиться. Доселѣ ученики Боппа, Гримма и Шафарика основывали лингвистическіе и этнографическіе выводы на цѣлой совокупности признаковъ языка; если же иногда въ какомъ нибудь отдѣльномъ признакѣ, въ томъ или другомъ измѣненіи звука, находили характеристическую особенность племени, такую особенность, которая могла бы служить данною для этнографіи, то въ этомъ отношеніи они отстраняли различія въ произношеніи гласныхъ, принимая въ расчетъ лишь переходы согласныхъ. Измѣненія гласныхъ казались слишкомъ неопредѣлительными и подверженными случайности; только въ согласныхъ признавалась возможность быть типиче-

скими представителями племенныхъ особенностей. Такъ, положимъ, въ данномъ случаѣ ученые доселѣ обратили бы вниманіе не столько на произношеніе *о* и *ъ*, сколько, напримѣръ, на согласныя *г* и *л*, и нашедши, что *г* произносится Великоруссами и Новгородцами твердо, Бѣлоруссами и Малороссіянами съ придыханіемъ, что *л* у первыхъ сохраняетъ свой чистый звукъ, а послѣдними очень часто измѣняется въ звукъ *в*, сдѣлали бы, пожалуй, тотъ выводъ, что въ Русскомъ народѣ Великоруссы и Новгородцы составляютъ одну группу, а Бѣлоруссы съ Малороссіянами другую.

Но г. Костомаровъ указываетъ наукѣ новый методъ. Отнынѣ измѣненія въ той или другой гласной могутъ быть принимаемы за средство сближать и раздѣлять племена. Владимірецъ, житель Владиміра на Клязьмѣ, перестанетъ считать себя Великоруссомъ и признаетъ себя потомкомъ Малороссіянъ, потому что онъ окаетъ. А что касается до гласной *ъ*, то различія въ ея выговорѣ приведутъ Славянскую этнографію къ весьма замѣчательнымъ и совершенно новымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, нельзя будетъ считать Сербовъ, населяющихъ Боснію и Герцеговину, за одно племя, какъ полагали Шафарикъ и другіе ученые; нѣтъ, теперь окажется, что въ Босніи и Герцеговинѣ Сербскіе жители, въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ, принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ по происхожденію вѣтвямъ, различаемымъ, по какому бы вы думали этнографическому признаку? По религіи: къ одной вѣтви относились бы Сербы православнаго вѣроисповѣданія, къ другой — Сербы, тутъ же, вмѣстѣ съ ними или подлѣ нихъ живущіе, которые, по народному выраженію, вѣруютъ «въ папу, а не въ святаго Саву», ибо въ Босніи и Герцеговинѣ Сербы-католики выговариваютъ *ъ* какъ *и*, православные какъ *е*.

Что же это такое, спроситъ читатель: какимъ образомъ различіе въ произношеніи буквы *ъ*, которому одинъ изъ первыхъ нашихъ ученыхъ придаетъ такое важное историческое и этнографическое значеніе, могло совпасть у Босняковъ и Герцеговинцевъ съ различіемъ въ вѣроисповѣданіи? Дѣло объясняется весьма просто. Далматинское приморье произноситъ *ъ* какъ *и*, не допуская тутъ ни малѣйшаго исключенія; Далматинское приморье служило издавна источникомъ просвѣщенія для католиковъ Герцеговины и Босніи, оттуда они получали священниковъ и книги; герои Далматинскаго приморья сдѣлались ихъ героями; произношеніе Далмаціи было ими принято за образцовое, тогда какъ на православныхъ, съ другой стороны, вліяло произношеніе восточныхъ частей Сербіи, гдѣ *ъ* звучитъ какъ *е*, частью твердое, частью мягкое.

Читатель видитъ, подъ какими случайными и поздними исто-

рическими вліяніями могло образоваться у одного и того же славянскаго народа, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, различное произношеніе *ъ*, какъ *е* и какъ *и*. Можно ли поэтому считать его первообразнымъ этнографическимъ признакомъ, такимъ признакомъ, который дѣлилъ бы искони Русскій народъ на двѣ особыя группы? Но зачѣмъ выходить за предѣлы Русскаго языка и брать примѣры изъ чужихъ славянскихъ нарѣчій? Слава Богу, Русскій языкъ не со вчерашняго дня извѣстенъ, у него есть памятники, и г. Костомаровъ могъ бы повѣрить ими свою теорію. Система правописанія была дана Русскимъ Болгаріей, но тѣ отступленія отъ этой орѳографіи, тѣ безпрестанныя описки, какія попадаются въ древнихъ русскихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ объ особенностяхъ мѣстнаго русскаго выговора въ данное время. Когда мы, напримѣръ, находимъ, что писецъ Остромірова Евангелія путаетъ древне-болгарскія носовыя гласныя съ буквами *у* и *я*, то это доказываетъ намъ положительно, что въ то время и въ мѣстности, которой принадлежало нарѣчіе писца, вмѣсто старинныхъ носовыхъ звуковъ, уже выговаривалось *у* и *я;* а если этотъ самый писецъ никогда не ошибается въ употребленіи *ъ*, никогда вмѣсто *ъ* не ставитъ *и*, то это столь же положительно удостовѣряетъ насъ, что выговоръ буквы *ъ* какъ *и* еще не возникалъ между Русскими Славянами въ это время и въ этой мѣстности. Время извѣстно—половина XI вѣка; оставалось бы опредѣлить, какое именно изъ мѣстныхъ нарѣчій Русскаго языка отразилось своимъ вліяніемъ на Остромірово Евангеліе. Какъ оно писано для посадника Новгородскаго, то вѣроятнѣе всего, что это было нарѣчіе Новгородское; но, зная, что въ ту эпоху центромъ христіанскаго просвѣщенія и письменности въ Русскихъ земляхъ была Южная Русь, мы можемъ допустить также гипотезу, что Евангеліе это, хотя и назначенное для Новгорода, было происхожденія южно-русскаго; во всякомъ случаѣ, оно положительно доказываетъ, что въ половинѣ XI вѣка гласная *ъ*, либо въ Новгородѣ, либо въ Южной Руси, не имѣла звука *и*. Пусть г. Костомаровъ прослѣдитъ такимъ образомъ далѣе памятники нашей письменности, наши лѣтописи, наши грамоты, и онъ увидитъ, что различное произношеніе *ъ*, частью какъ *и*, частью какъ *е*, развилось съ одной стороны въ Новгородской землѣ, съ другой у Малороссіянъ, въ весьма позднее историческое время (едва ли ранѣе XIV вѣка), и что, стало быть, основывать на этомъ признакѣ какое-то первоначальное доисторическое сродство Новгородцевъ съ Малороссіянами, въ противоположность другимъ русскимъ вѣтвямъ, было бы полнымъ противорѣчіямъ всѣмъ законамъ критики. Мало того: изъ Новгородскихъ грамотъ XIII вѣка г. Костомаровъ вывелъ бы заключеніе, что въ то время Новгородцы, точь-въ-точь какъ Великоруссы,

придавали гласной *ѣ* звукъ *е*, ибо въ нихъ встрѣчаются такого рода описки: *ездити, техъ, всели, коупьчь* (купецъ), *чьтвьртый* и т. д. О переходѣ *о* безъ ударенія въ *а* и говорить нечего: всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ древнею письменностью нашею, можетъ убѣдиться, что это свойство Бѣлорусскаго и одной части Великорусскаго нарѣчія развилось даже позднѣе, чѣмъ развѣтвленіе древняго своеобразнаго звука *ѣ* въ *и* и *е*. Какъ же г. Костомаровъ рѣшился принять эти особенности языка, развившіеся на глазахъ исторіи, въ эпоху полной осѣдлости и государственной жизни Русскаго народа, за свидѣтельство такихъ явленій, которыя должны, по его теоріи, восходить къ древности доисторической, къ эпохѣ разселенія Славянъ по пространствамъ восточной Европы?

А къ этой-то эпохѣ относитъ г. Костомаровъ раздѣленіе Русско-Славянскаго племени на двѣ вѣтви, т. е. Малороссійско-Новгородскую и Бѣлорусско-Великорусскую. «Это раздѣленіе, говоритъ почтенный историкъ, сообразно съ тою двойственностью Славянскаго поселенія на Русскомъ материкѣ, которая открывается изъ нашей первоначальной лѣтописи. Одни Славяне помѣщаются въ группѣ пришедшихъ съ Дуная, вслѣдствіе нашествія на нхъ отечество Волоховъ (Итальянцевъ, Римлянъ); другіе, какъ напримѣръ: Кривичи, Радимичи и Вятичи, не принадлежатъ къ этой колоніи».

Признаюсь откровенно, я рѣшительно не понимаю, какая двойственность Славянскаго населенія на Русскомъ материкѣ открывается изъ первоначальной нашей лѣтописи? Г. Костомаровъ имѣетъ тутъ, безъ сомнѣнія, въ виду знаменитый разсказъ Нестора о томъ, какъ «по многѣхъ времянѣхъ (послѣ столпотворенія) сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», и какъ, вслѣдствіе нашествія Волховъ, они разошлись оттуда по землѣ и образовали разныя племена. Въ исчисленіи этихъ племенъ у лѣтописца дѣйствительно не помѣщены Кривичи, Радимичи и Вятичи, и вотъ на какомъ основаніи г. Костомаровъ отдѣляетъ этихъ, по его мнѣнію, Славянскихъ аборигеновъ Русскаго материка отъ всѣхъ прочихъ Русскихъ Славянъ, которыхъ онъ признаетъ колоніями съ Дуная.

Я не только не отвергаю важности Несторова сказанія, но охотно признаю его замѣчательнѣйшимъ свидѣтельствомъ Славянъ объ ихъ собственной древности. Но спрашивается: есть ли какая возможность брать это сказаніе какъ безусловно вѣрный историческій текстъ и строить какіе-нибудь выводы на томъ, что имя одного племени въ немъ помѣщено, а имя другаго пропущено? Вѣдь событіе, о которомъ говоритъ сказаніе, т. е. нашествіе Волховъ на Славянъ, — если эти Волхи были Римляне, случилось за тысячу лѣтъ и если, какъ ду-

малъ Шафарикъ, подъ Волхами надобно разумѣть Кельтовъ,—за полторы тысячи лѣтъ до времени, когда жилъ нашъ лѣтописецъ. Предполагая даже самую вѣрную историческую память въ Русскомъ народѣ, можно ли думать, чтобы его бытописатель, 1,000 или 1,500 лѣтъ спустя послѣ событія (разумѣется, не укрѣпленнаго никакимъ письменнымъ документомъ), зналъ достовѣрно, какія именно изъ Славянскихъ племенъ пришли съ Дуная и какія нѣтъ? Но мы пойдемъ далѣе. Я спрашиваю: въ правѣ ли здравая критика принять безусловно самое событіе, которымъ г. Костомаровъ, какъ несомнѣнною историческою истиною, подкрѣпляетъ свою лингвистическую находку о двойственномъ дѣленіи Русскаго народа, т. е., что Славянскія племена, населившія Россію, за исключеніемъ Кривичей, Радимичей и Вятичей, были пришельцы съ Дуная? Надобно замѣтить, что съ береговъ Дуная, «гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», нашъ первопачальный лѣтописецъ производитъ не только Русскія племена, Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полочанъ, Словѣнъ Новгородскихъ, и Сѣверянъ, но и весь западный и южный Славянскій міръ, Моравy, Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ и племена Ляховъ, какъ Польскихъ, такъ и Прибалтійскихъ. Что же? Неужели все это было такъ? Могла ли страна Придунайская, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска, вмѣстить такое множество племенъ, что когда они разселились оттуда при нашествіи Римлянъ, то заняли чуть ли не полъ-Европы? Наконецъ, прежде чѣмъ принять за историческій фактъ приходъ всѣхъ этихъ Славянскихъ племенъ (или, положимъ, хоть нѣсколькихъ изъ нихъ) съ береговъ Дуная, вслѣдствіе Римскаго нашествія, самая простая логика требовала справки: были ли дѣйствительно Славяне въ Дунайской странѣ въ то время, когда она сдѣлалась добычею Римлянъ? Вѣдь Римляне не оставили безгласными свои историческія дѣла, они умѣли записать имена царей, съ которыми воевали, народовъ, которыхъ покоряли или выгоняли, городовъ, которые имъ сдавались или падали предъ ихъ силою. Неужели же Славянскія племена, десятки Славянскихъ племенъ, предполагаемыхъ въ странѣ, которую прославили подвиги Траяна, укрылись бы отъ ихъ взоровъ? Между тѣмъ, всѣ усилія Славянскихъ ученыхъ, трудившихся надъ этимъ вопросомъ, не могли открыть, между сотнями мѣстныхъ именъ въ древней Дакіи, Паннонiи, Мизіи, Дарданіи и т. д., болѣе трехъ или четырехъ, напоминающихъ славянское происхожденіе: эти немногія имена могутъ быть приняты, пожалуй, за доказательство, что въ той странѣ были въ древности какія-нибудь отдѣльныя селенія Славянъ: но вся масса прочихъ названій ручается еще вѣрнѣе въ томъ, что общее населеніе страны, во время вторженія туда Римлянъ, не было Славянское. Но вотъ еще фактъ любопытный для су-

жденія о теоріи г. Костомарова. Въ числѣ Придунайскихъ племенъ, мы находимъ въ древности одно, которое можно съ нѣкоторою вѣроятностью причислить къ Славянамъ; это единственное племя то, которое древніе называютъ Кровизи, и которое именемъ своимъ напоминаютъ Кривичей. А Кривичей-то, какъ нарочно г. Костомаровъ не хочетъ помѣстить въ числѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная.

Но мы еще не покончили со всѣми историческими доказательствами этой теоріи. Послѣ свидѣтельства Несторова о колонизаціи съ Дуная приводится еще другое свидѣтельство, именно свидѣтельство сказки, встрѣчаемой въ хронографахъ XVI и XVII вѣка о происхожденіи Волхова, Новгорода и т. д. Мы всѣ знаемъ, что въ старинныхъ сказочныхъ преданіяхъ иногда заключаются важные историческіе намеки; но чтобы выяснить ихъ, выдѣлить изъ массы вымысловъ, нужно ихъ подвергнуть строгому анализу, свести съ положительными историческими данными и только то, что̀ подтверждается такимъ сличеніемъ, получаетъ цѣну въ наукѣ. А г. Костомаровъ просто беретъ сказку, выбираетъ изъ нея однѣ подробности, которыя и признаетъ за историческій элементъ, а другія, ему не нравящіяся черты откидываетъ, какъ вымыселъ грамотѣя, писавшаго сказку. При такомъ произволѣ не видно никакихъ причинъ, почему то, что̀ г. Костомаровъ выдаетъ въ сказкѣ за исторію, не могло быть признано вымысломъ, и на̀ оборотъ. Я не стану вдаваться въ разборъ всего этого: когда очевидна ошибочность основныхъ положеній лингвистическаго и историческаго, на которыхъ г. Костомаровъ хотѣлъ строить мнѣніе свое о происхожденіи Новгородцевъ отъ Малороссіянъ, то, само собою, и сказка теряетъ тотъ смыслъ, который онъ старался ей придать.

Далѣе, во 2-й главѣ, г. Костомаровъ говоритъ о призваніи Русскихъ князей. Тутъ является опять на сцену теорія о Литовскомъ происхожденіи Руси. Многихъ, безъ сомнѣнія, удивитъ, какимъ образомъ, послѣ всей бывшей у насъ полемики, которая, кажется, не оставила живой нитки въ этой теоріи, уважаемый Россіею историкъ опять выступаетъ съ нею въ серьезномъ сочиненіи, — и все съ тѣми же старыми, только нѣсколько поубавленными числомъ аргументами. Хотя бы г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на сдѣланное профессоромъ Миклошичемъ изданіе Несторовой лѣтописи. Г. Миклошичъ занимаетъ въ настоящее время безспорно первое мѣсто между Славянскими лингвистами, и можно справиться въ такомъ вопросѣ съ его трудами. Г. Миклошичъ, вмѣсто того, чтобы входить въ разсужденіе о происхожденіи Варяговъ-Руси, избралъ путь самый вѣрный и убѣдительный: приложилъ къ своему изданію списокъ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ Несторѣ, кромѣ чисто Славян-

скихъ, и соотвѣтствующихъ именъ Скандинавскихъ. Изъ этого длиннаго перечня г. Костомаровъ увидѣлъ бы, что Варяги-Русь, по крайнѣй мѣрѣ по именамъ своимъ, были Скандинавы, и не сталъ бы ходить въ Литву, чтобы тамъ въ названіяхъ деревень, Богъ вѣсть еще какъ исковерканныхъ нашимъ правописаніемъ, искать объясненія Несторовымъ Олегамъ, Алданамъ, Карламъ, Шихбернамъ и т. д. Нѣтъ никакой надобности опровергать этимологіи г. Костомарова; но я не могу не выставить одного примѣра. Дѣло идетъ о происхожденіи знаменитаго въ нашей древней исторіи имени: Рогнѣда. Имя это, какъ извѣстно, одно изъ тѣхъ, которыхъ Скандинавское происхожденіе самое явственное, ибо Скандинавскій звукъ былъ бы Ragnheidhr, и по значенію своему, божественная женщина, это слово очевидно могло также удобно сдѣлаться у Скандинавовъ именемъ собственнымъ, какъ у Славянъ Божа, Божена, Божица и тому под. Но нѣтъ, г. Костомаровъ производитъ нашу Рогнѣду отъ Литовскаго города Рагнитъ. Онъ только позабылъ справиться, есть ли самое слово Рагнитъ названіе Литовское? Литовскій лексиконъ отвѣтилъ бы ему, что Рагнитъ есть именно не Литовское, а Нѣмецкое названіе этого города, и что Литовское названіе его — Рагайне: тутъ уже не много сходства съ Рогнѣдой. Далѣе, тотъ же источникъ, Литовскій лексиконъ, указалъ бы, что имя Рагайне произведено совершенно правильно отъ слова ragas, которое, какъ и родственное Славянское слово рогъ (напримѣръ въ Польскомъ языкѣ), имѣетъ двоякое значеніе: рогъ въ собственномъ смыслѣ и уголъ. Такимъ образомъ имя Ragaine значитъ по-Литовски крѣпость, построенная угломъ или въ углу, словомъ то, что было бы названо по-русски Угловка. Какъ же отсюда производить Рогнѣду?

Я не буду утомлять читателя разборомъ всего, что̀ приводится г. Костомаровымъ въ доказательство Литовскаго происхожденія Варяговъ-Руси. Упомяну только о двухъ доводахъ, которымъ онъ придаетъ особенное значеніе. Это, во первыхъ, то, что «въ XVI вѣкѣ при-Нѣманская страна называлась Русью, какъ это видно изъ одной приписки къ житію св. Антонія Сійскаго...» «Что за нижнею частію Нѣмана, продолжаетъ г. Костомаровъ, названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, указываетъ и названіе Пруссія, сокращеніе слова Порусія, т. е. страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ. Это географическое названіе дано землѣ этой Славянами». Сколько въ одной фразѣ неточнаго! Во-первыхъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, что имя Пруссія было дано странѣ Славянами, ибо этимъ самымъ именемъ называли ее сами туземцы, древніе Прусы, какъ извѣстно, народъ говорившій не Славянскимъ, а Литовскимъ нарѣчіемъ [1]); во-

[1]) Въ Прусскомъ катихизисѣ XVI в., единственномъ памятникѣ, оставшемся отъ

вторыхъ, названіе Пруссія никакъ не могло быть сокращеніемъ слова Поруссія [1]). Это совершенно противно духу какъ Славянскаго, такъ и Литовскаго языка, въ которыхъ немыслимъ тотъ случай, чтобы въ сложномъ словѣ предлогъ, отпечатлѣвающій на немъ свое значеніе, какъ напримѣръ предлогъ по, могъ потерять свою самостоятельность и войти въ составъ корня; такая этимологія выдумана тѣми поздними грамотѣями, баснямъ которыхъ г. Костомаровъ придаетъ иногда слишкомъ большое значеніе въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ; а всего любопытнѣе то, что, въ-третьихъ, названіе Прусы и Прусія въ собственномъ смыслѣ не распространялось, какъ оказывается при тщательномъ разборѣ текстовъ, — на край, прилегающій къ Нѣману или Русѣ, что этотъ край (области Шалява и Надрава) находился внѣ Прусской земли и причисленъ къ ней лишь вслѣдствіе завоеванія крестоносцами [2]). Стало быть, могла ли называться по рѣкѣ Русь страна, которая къ этой рѣкѣ не прилегала? Читатель видитъ, на сколько выдерживаютъ критику доказательства г. Костомарова, что «за нижнею частью Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности», хотя появляется оно только въ XVI вѣкѣ. Далѣе, «немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ Варяговъ изъ Прусско-Литовскаго міра, — привожу слова г. Костомарова, — служитъ существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическаго названія ея обитателей — Пруссы. Впродолженіе многихъ вѣковъ эта часть города заселена была боярскими фамиліями и сохраняла аристократическій характеръ» и проч [3]). Не знаю, право, что̀ сказать противъ такого аргумента; меня только останавливаетъ одно недоумѣніе. Прусская улица является, по выраженію г. Костомарова, «гнѣздомъ Новгородскихъ вящшихъ людей» только въ XIII и преимущественно въ XIV вѣкѣ; а призваніе Варяго-Русскихъ князей относится, какъ извѣстно, къ IX столѣтію. Какъ же, въ такомъ случаѣ, не сдѣлать и того предположенія, что Московскіе бояре при Иванѣ Васильевичѣ были Нѣмцы, потому что въ продолженіе XVIII вѣка и до пожара 1812 года главнѣйшія боярскія фамиліи Московскія имѣли свои дома въ Нѣмецкой слободѣ и Нѣмецкая улица была самою аристократическою въ городѣ?

языка древнихъ Прусовъ, мы находимъ выраженіе: Prûsiskai, по-прусски; en Prûsiskan tautan, въ Прусской землѣ (см. *Нессельмана:* Die Sprache der alten Preussen).

[1]) Самое слово Пруссія есть позднѣйшее, книжное, произведенное отъ имени народа, Прусъ, Прусы.

[2]) См. въ особенности *Теппена* (Toeppen): Historisch-comparative Geographie von Preussen. Gotha. 1858.

[3]) Том. I, стр. 27.

Вообще нельзя не пожалѣть, что г. Костомаровъ мало останавливается на критической повѣркѣ своихъ положеній и что онъ, принявши на вѣру какую нибудь теорію, которая еще можетъ оказаться несостоятельною, налагаетъ ее на историческіе факты. Такихъ случаевъ слишкомъ много въ новой книгѣ г. Костомарова. Всякій разъ, когда, въ теченіе исторіи, приходится Новгородцамъ встрѣтиться съ Южно-руссами, онъ спѣшитъ заявить, что они узнавали въ этихъ послѣднихъ своихъ ближайшихъ родичей въ Русской семьѣ, въ противоположность Великоруссамъ. «Отрывокъ племени, очень близкаго къ Южно-русскому, а можетъ быть и того же самаго (г. Костомаровъ говоритъ о Новгородцахъ), заброшенный въ незапамятныя времена на отдаленный сѣверъ, долженъ былъ невольно склоняться народною симпатіею къ Кіеву, гдѣ Новгородцы находили въ обитателяхъ сходство и въ языкѣ, и въ правахъ, когда, между тѣмъ, окружающіе ихъ Славяне представляли въ этомъ отношеніи черты болѣе отличныя» (т. I стр. 58). Далѣе, наканунѣ паденія Великаго Новгорода, когда пріѣхалъ въ Новгородъ князь Михаилъ Олельковичъ, г. Костомаровъ видитъ дѣйствіе этнографическаго сродства: «Дружина его (Олельковича) состояла изъ Кіевлянъ, съ которыми Новгородцы сходились снова послѣ столькихъ вѣковъ разлуки, родственныя черты народности должны были поражать Новгородцевъ и располагать къ нимъ» (что впрочемъ, какъ видно далѣе изъ разсказа г. Костомарова, — не помѣшало этой дружинѣ «надѣлать много непріятностей» Новгородцамъ и при возвращеніи домой, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія между ними, «итти, по Новгородской волости, какъ непріятели»).

Но пусть г. Костомаровъ налагаетъ на характеристику событій свое произвольное предположеніе о Малороссійскомъ происхожденіи Новгородцевъ, лишь бы онъ оставлялъ неприкосновенными слова лѣтописей. Измѣненіе текста въ пользу теоріи должно вызвать нашъ протестъ. Конечно, измѣненіе не важное, все дѣло въ произношеніи нѣсколькихъ буквъ, но и такое измѣненіе было бы слишкомъ печальнымъ précédent въ ученой литературѣ нашей. Вотъ въ чемъ дѣло. Нашъ историкъ разсказываетъ объ извѣстной битвѣ на Шелони. Въ Новгородскомъ войскѣ предъ самымъ сраженіемъ возникло разногласіе. «Бо̀льшіе, говоритъ г. Костомаровъ, посылали меньшихъ впередъ: меньшіе кричали: Я чоловикъ молодый, испротерялся доспихомъ и конемъ, ступайте вы впередъ, большіе!» (т. I. стр. 192.) Вотъ, значитъ,—въ XV вѣкѣ, въ 1471 году,—такъ сказалъ я себѣ по прочтеніи этихъ словъ, въ XV вѣкѣ Новгородцы произносили уже *ъ*, какъ *и*, ибо г. Костомаровъ приводитъ тутъ подлинныя слова, сказанныя Новгородцами, такъ, какъ они были произнесены

и записаны современникомъ; эти слова, очевидно вставлены изъ лѣтописи и должны быть вставлены такъ, какъ они въ ней находятся, иначе г. Костомаровъ сдѣлалъ бы оговорку; стало-быть, сомнѣнья нѣтъ, въ XV вѣкѣ Новгородецъ говорилъ *чоловикъ*, а не *человѣкъ*, *доспихъ*, а не *доспѣхъ*. Такое впечатлѣніе произвела конечно и на другихъ читателей эта вставленная въ текстъ исторіи рѣчь Новгородцевъ. Кому придетъ на мысль, что г. Костомаровъ, изъ пристрастія ли къ Малороссійскому звуку буквы *ъ* или по другому какому нибудь соображенію, произвольно вложитъ этотъ звукъ въ подлинный текстъ приводимой имъ Новгородской рѣчи? А къ сожалѣнію, это дѣйствительно такъ. Рѣчь эта, какъ оказывается, заимствована изъ IV-й Новгородской лѣтописи, подъ 6979 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. IV. 127—128); но тамъ сказано: «И начаша Новгородцы вопити на большихъ людей, которыи пріѣхали ратью на Шолону: «ударимся нынѣ», кождо глаголюще; «язъ человѣкъ молодый, испротеряхся конемъ и доспѣхомъ». Отъ г. Костомарова зависѣло или привести эти слова въ формѣ нашего теперешняго языка, или въ ихъ подлинномъ видѣ; онъ избралъ второе: такъ почему же онъ пишетъ чоловикъ, когда въ лѣтописи сказано человѣкъ, доспихомъ, когда читается доспѣхомъ? Имѣетъ ли г. Костомаровъ положительныя и несомнѣнныя доказательства, что когда Новгородецъ XV вѣка писалъ человѣкъ, доспѣхъ, то онъ произносилъ непремѣнно чоловикъ, доспихъ? Такихъ доказательствъ, сколько мнѣ извѣстно, у насъ нѣтъ, и потому лучше бы было не вводить читателей въ заблужденіе такимъ произвольнымъ измѣненіемъ въ лѣтописномъ текстѣ.

Можно бы замѣтить въ «Сѣверно-Русскихъ Народоправствахъ» много другихъ подробностей, изложенныхъ не совсѣмъ точно или безъ достаточной критической оцѣнки. Но не останавливаясь на частныхъ замѣчаніяхъ, перехожу къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, представившихся мнѣ при чтеніи сочиненія г. Костомарова.

II.

Историческій взглядъ г. Костомарова на «народоправства» древняго Русскаго Сѣвера. — Федеративная теорія. — Дѣйствительный характеръ древне-Славянскихъ государствъ.

Нельзя не замѣтить, что въ книгѣ г. Костомарова весьма трудно, — а при первомъ чтеніи почти невозможно, — уловить и вполнѣ уяснить себѣ его историческій взглядъ на «народоправства» древняго

Русскаго Сѣвера. Между тѣмъ, книга его есть болѣе, чѣмъ простое историческое повѣствованіе событій, чуждое какого либо общаго взгляда. Напротивъ того, вездѣ чувствуется присутствіе личнаго воззрѣнія автора, но только не сейчасъ можно дать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ это воззрѣніе [1]).

Главная тому причина заключается, кажется, въ системѣ изложенія, принятой г. Костомаровымъ. Вся исторія «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» разбита на рубрики; историческое изложеніе проводится отдѣльно по каждой изъ этихъ рубрикъ отъ начала до конца. Сперва идетъ разсказъ объ отношеніяхъ Новгорода къ другимъ Русскимъ землямъ и къ великимъ князьямъ отъ Рюрика до Ивана III; потомъ вставлена особымъ эпизодомъ Вятка; потомъ идетъ исторія Пскова отъ Рюрика до Василія Ивановича; потомъ, подъ особыми рубриками, изложены борьба Новгорода и Пскова съ Шведами и Нѣмцами и отношенія Новгорода къ инородцамъ. Во второмъ томѣ, все-таки подъ отдѣльными рубриками, описаніе городовъ Новгорода и Пскова; глава объ ихъ общественной жизни; глава объ ихъ торговлѣ и наконецъ объ ихъ церкви. При такой системѣ, о цѣльности историческаго изложенія и рѣчи быть не можетъ. Все дробится и теряетъ жизнь въ этихъ рамкахъ. Читатель, который знакомился бы съ исторіею Новгородскою только по книгѣ г. Костомарова, прочиталъ бы всю политическую исторію Новгорода, онъ увидѣлъ бы его паденіе подъ ударами «Московскаго самовластія»,—и не догадался бы еще ни по одному слову, что этотъ вольный городъ былъ торговымъ центромъ сѣверо-восточной Европы, что онъ стоялъ въ тѣсной связи съ великимъ торговымъ союзомъ Нѣмецкой Ганзы. А кажется, торговое развитіе и связь съ Ганзою должны были имѣть существенное вліяніе и на политическую исторію Новгорода, на его особенныя отношенія къ княжеской власти! Даже внутреннія усобицы Новгорода разсказаны отдѣльно отъ борьбы съ князьями. Въ разсказѣ объ этой борьбѣ читатель видитъ, что Новгородъ составлялъ особое политическое тѣло, пользовавшееся полнымъ самоуправленіемъ; но какое было устройство этого политическаго тѣла, какъ оно управлялось—о томъ узнаетъ читатель только гораздо позднѣе, когда впечатлѣніе борьбы Новгорода съ единодержавною Москвою отчасти изглажено разсказами о Псковѣ, о Вяткѣ, о войнахъ съ Нѣмцами и т. д.

Такой способъ изложенія можетъ быть удобнымъ въ сборникѣ

[1]) Не считаю нужнымъ входить въ особый разборъ мнѣній г. Костомарова о Псковѣ, потому что въ общихъ чертахъ, взглядъ на историческое значеніе Пскова обусловливается взглядомъ на Новгородъ; что же касается до частностей, отличавшихъ характеръ Пскова отъ характера его старшаго брата, то мнѣ здѣсь невозможно останавливаться на нихъ.

матеріаловъ; но г. Костомаровъ далеко не ограничивается сборникомъ матеріаловъ; онъ пишетъ исторію и проводитъ весьма опредѣленный взглядъ на древнія «народоправства» Сѣверной Руси. Взглядъ этотъ, правда, нигдѣ не формулированъ какъ окончательный выводъ книги; но онъ проявляется постоянно, онъ виденъ во множествѣ подробностей; еще болѣе уясняется онъ особою статьею того же историка «О значеніи Великаго Новгорода въ Русской исторіи» [1]), статьею, служащею какъ бы дополненіемъ его «Сѣверноруссвихъ народоправствъ». Взглядъ этотъ, если я хорошо понялъ г. Костомарова, состоитъ преимущественно въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ: древній Новгородъ съ его волостью составлялъ въ сѣверной Руси особую *народность*, отличную отъ народности Великорусской или Московской. При завоеваніи Новгорода, великій князь Иванъ Васильевичъ «почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность» (т. I, стр. 235) посредствомъ Великорусской или Московской колонизаціи, т. е. посредствомъ выселенія Новгородцевъ въ Восточную Русь и водворенія въ Новгородѣ и его волости Московскихъ колоній, такъ что, по выраженію г. Костомарова, «остатки прежней народности, въ сельскомъ классѣ, смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, Московскою» (т. I, стр. 236).

Во-вторыхъ, Новгородъ былъ чистымъ проявленіемъ и полнѣйшимъ представителемъ основной идеи древне-русской жизни, идеи, которую г. Костомаровъ видитъ въ «федеративномъ строѣ» земли и признаетъ сущностью эпохи «удѣльно-вѣчеваго уклада»; въ Новгородѣ сохранялась «чистота древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ» (т. II, стр. 129); онъ «совмѣстилъ въ себѣ то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время, и представилъ это ясно въ своей исторіи» [2]).

Въ-третьихъ: борьба Новгорода и Пскова съ Москвою имѣла значеніе борьбы начала «свободы мѣстной и личной» съ началомъ «самовластія».

Первое изъ этихъ мнѣній (о существованіи отдѣльной Сѣверноруссвой народности) я рѣшительно отвергаю, какъ несправедливое; въ остальныхъ двухъ положеніяхъ, къ которымъ приводится взглядъ г. Костомарова на древній Новгородъ, вижу нѣкоторую односторонность.

О мнимой Новгородской или Сѣверноруссвой народности, отдѣльной отъ народности Великорусской, не нужно, кажется, много распространяться. Въ предъидущей главѣ я старался показать, что до-

---

[1]) Историческія монографіи и изслѣдованія И. Костомарова. 1863 г.

[2]) О значеніи Великаго Новгорода и пр. Историч. монографіи т. I, 382.

воды, которые г. Костомаровъ заимствуетъ изъ лингвистики и древнѣйшей исторіи Славянъ въ пользу этого мнѣнія, не могутъ быть приняты критикою. Обращу вниманіе еще только на слѣдующія обстоятельства. Отдѣльная народность должна имѣть отдѣльный языкъ или по крайней мѣрѣ отдѣльное нарѣчіе. А изъ сравненія памятниковъ Новгородскихъ XIV и XV вѣка съ памятниками Восточнорусской письменности окажется ли, что языкъ тогдашней Новгородской области заключалъ въ себѣ признаки особаго нарѣчія, отдѣльнаго отъ Великорусскаго? Прочитайте грамоты и лѣтописи, и вы отвѣтите отрицательно, вы найдете въ Новгородскихъ памятникахъ, какъ діалектическое свойство, частое смѣшеніе буквъ *ц* и *ч*, вы найдете въ нихъ нѣсколько особенныхъ словъ; однако все это и другіе тому подобные признаки составляютъ не болѣе, какъ особенности мѣстнаго говора, особенности, которыя необходимо должны существовать въ языкѣ племени, раскинувшагося на необъятныя пространства; но такіе признаки далеко не образуютъ особаго нарѣчія, а тѣмъ менѣе не выражаютъ типа отдѣльной народности. Далѣе: предполагаемая Сѣверорусская народность въ настоящее время, очевидно, не существуетъ отдѣльно отъ Великорусской: Г. Костомаровъ, чтобы спасти ея существованіе въ древности, говоритъ, что Іоаннъ III *стеръ ее съ лица земли*. Возможно ли это? Мы знаемъ, что народности не такъ легко стираются съ лица земли. Онѣ борются цѣлые вѣка за свое существованіе и, побѣжденныя, еще цѣлые вѣка хранятъ остатки бытія. Что же сдѣлалъ великій князь Иванъ Васильевичъ? Г. Костомаровъ это во всей подробности разсказываетъ. Иванъ Васильевичъ выселилъ изъ Новгорода сперва главныхъ вождей враждебной ему партіи, потомъ 1,000 семействъ купеческихъ и дѣтей боярскихъ, потомъ еще 7,000 семействъ; позднѣе, въ 1487 г., 50 семей лучшихъ гостей, въ 1488 г. — 7,000 житыхъ людей и наконецъ въ 1489 остальныхъ житыхъ людей Новгородскихъ; и съ этимъ полагаетъ г. Костомаровъ, стерта была съ лица земли «отдѣльная сѣверная народность» (т. I, стр. 235). Странная народность, которая заключалась вся въ одномъ городѣ (изъ волостей, сколько извѣстно, переселенія не было, кромѣ развѣ нѣсколькихъ бояръ) и въ одномъ высшемъ, зажиточномъ классѣ, въ боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, купцахъ и житыхъ людяхъ! Странная народность, которая исчезаетъ при удаленіи нѣсколькихъ тысячъ семействъ! Одинъ взглядъ на историческій фактъ и на приводимыя лѣтописцемъ цифры, кажется, достаточно опровергаетъ мнѣніе г. Костомарова о существованіи отдѣльной Сѣверорусской народности. Я нарочно не касался до сихъ поръ самыхъ цифръ переселенцевъ: ибо даже при полной вѣрѣ въ ихъ точность, не можетъ, очевидно, быть рѣчи объ истреб-

леніи Иваномъ Васильевичемъ «отдѣльной сѣверной народности». Но теперь позволяю себѣ спросить: дѣйствительно ли выселилъ великій князь такое множество народу изъ Новгорода? Цифры эти, сколько извѣстно, не основываются ни на какихъ подлинныхъ документахъ, а заимствованы изъ лѣтописей. Самъ же г. Костомаровъ неоднократно указываетъ на то, что лѣтописцы страшно преувеличиваютъ цифры. Правда, въ этомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ такой оговорки и готовъ вѣрить приводимымъ лѣтописцами цифрамъ, вѣроятно потому, что самое предположеніе объ отдѣльной народности, истребленной Иваномъ Васильевичемъ, требуетъ, чтобы цифры переселенцевъ были какъ можно больше. Но какъ я не могу согласиться съ гипотезой г. Костомарова, то позволяю себѣ и въ тѣхъ цифрахъ находить «общую замашку лѣтописцевъ прибавлять», признаваемую нашимъ историкомъ. Особенно подозрительными кажутся мнѣ *семь тысячъ* семействъ, выселенныхъ въ 1479 г., и *семь тысячъ* житыхъ людей, сосланныхъ въ 1488 г. Эти цифры напоминаютъ мнѣ простодушные разсказы Славянъ-Босняковъ о томъ, что тогда-то убито, либо посажено въ тюрьму, либо выгнано Турками 70, или 77, или 770 человѣкъ (цифра 7 должна быть непремѣнно); а когда спросишь, дѣйствительно ли столько было по счету, то отвѣчаютъ: «кто ихъ могъ сосчитать? мы знаемъ, что было очень много».

Что касается до народности, то г. Костомаровъ чрезмѣрно, по моему мнѣнію, обособляетъ древній Новгородъ отъ остальной земли Русской; напротивъ того, въ отношеніи историческихъ началъ, онъ, какъ мнѣ кажется, впадаетъ въ другую крайность, слишкомъ слабо отдѣляя характеръ историческаго развитія Новгорода отъ остальной Руси. Судя по книгѣ г. Костомарова, Новгородъ былъ, какъ сказано выше, прямымъ преемникомъ обще-русской жизни въ ея «удѣльно-вѣчевомъ укладѣ», явленіемъ, сложившимся изъ началъ этой жизни, безъ всякаго посторонняго вліянія, тогда какъ противъ Новгорода выступила представительницею новыхъ стихій Москва и покорила своей гражданской и политической новизнѣ старину Новгородскую.

Не стану спорить, что во всемъ этомъ есть значительная доля правды. Новгородцы имѣли полное право думать, что они стоятъ за свою старину, за старину, нѣкогда бывшую обще-русскою, что Москва имъ несетъ враждебную новизну. Но не все то, что̀ кажется стариною по внѣшнему виду, заключаетъ въ себѣ духъ старины. Мы сами это лучше всего ощущаемъ въ нашей собственной средѣ. Г. Костомаровъ считаетъ основнымъ началомъ и нормою древне-русской жизни принципъ федеративный, и въ Новгородѣ находитъ онъ высшее развитіе, самое осязательное проявленіе этого принципа. Согласно этому, Новгородъ былъ дѣйствительно представителемъ ста-

рины обще-русской, ея полнымъ историческимъ воплощеніемъ, идеальнымъ типомъ того общественнаго строя, къ которому влекли древнюю Русь ея внутреннія общественныя начала, и отъ котораго она отклонилась вслѣдствіе новыхъ понятій и потребностей, сложившихся въ Московской области [1]). Эта мысль тѣсно связана съ общею теоріею о федераціи, какъ основаніи древне-русской жизни, она логически истекаетъ изъ нея; а г. Костомаровъ одинъ изъ главныхъ у насъ представителей федеративной теоріи, которую онъ изложилъ въ въ другомъ историческомъ сочиненіи своемъ, слѣдующими словами: «И природа и обстоятельства историческія—все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми землями образовалась и поддерживалась неустанно связь; такъ *Русь стремилась къ федераціи*, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться; вся исторія Руси удѣльнаго уклада *есть постепенное развитіе федеративнаго начала*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ самодержавія» [2]).

Эта федеративная теорія, въ настоящее время довольно распространенная у насъ, имѣетъ въ себѣ много заманчиваго. Кому не было бы пріятно думать, что древняя Русь такъ прямо и стремилась, въ своей государственной жизни, къ свободѣ и самоуправленію, и что только враждебныя обстоятельства помѣшали ей осуществить давнымъ-давно это стремленіе? Но кажется, что этотъ взглядъ не можетъ быть подтвержденъ историческою критикой.

Теорія опирается на томъ, что условія природы и этнографическія различія Славянскихъ племенъ, разселившихся на пространствѣ Русскаго материка, вели ихъ къ образованію группы самостоятельныхъ областей, связанныхъ однако единствомъ происхожденія, вѣры и т. п. въ одно федеративное государство. Нельзя, разумѣется, отрицать вліянія физическихъ условій и этнографическихъ оттѣнковъ на государственное устройство страны; но основывать на этихъ вліяніяхъ историческія теоріи опасно, ибо слишкомъ часто дѣйствительность противорѣчитъ тому, чего слѣдовало бы, по-видимому, ожидать отъ условій мѣстныхъ и племенныхъ.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Славянской. Прежде всего обратимся къ Чехіи. «Если кто посмотритъ на карту Европы,— этими словами начинается прекрасная статья о Чехіи, помѣщенная въ Чешскомъ *Научномъ Словарѣ* г. Ригера, — если кто посмотритъ на карту Европы, то онъ увидитъ въ ея срединѣ, на сторонѣ Запада,

---

[1]) Этотъ взглядъ особенно ясно представленъ въ приведенной статьѣ г. Костомарова: О значеніи Великаго Новгорода въ Русской исторіи.

[2]) Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. „Основа.“ 1861. Январь, стр. 158.

землю, окруженную вѣнцомъ горъ и потому очертанную самою природою и выгороженную какъ отдѣльное цѣлое». Дѣйствительно, если есть на земномъ шарѣ страна, предназначенная къ полному внутреннему единству, то это Чехія. Во-первыхъ, она очень не велика. Во-вторыхъ, со всѣхъ сторонъ ее ограждаютъ извнѣ цѣпи горъ; внутри же себя она представляетъ или умѣренные склоны или равнину и не имѣетъ въ себѣ никакой естественной грани; въ-третьихъ, всѣ безъ исключенія воды, ее орошающія, соединяются въ одну рѣку, связывая такимъ образомъ всю Чешскую землю въ одинъ бассейнъ. Наконецъ, ея славянскій народъ не представляетъ никакихъ замѣтныхъ діалектическихъ и другихъ оттѣнковъ; и кромѣ этого народа, Чехія не имѣла, при вступленіи своемъ на историческое поприще и долго потомъ, никакихъ другихъ стихій населенія [1]). Что же говоритъ намъ исторія? Она сперва находитъ славянскій народъ въ Чехіи раздробленнымъ на нѣсколько мелкихъ племенъ, не связанныхъ никакою общею властію. Первый признакъ общей власти является въ VII вѣкѣ, для отпора Аварамъ; но этотъ зародышъ государственнаго единства еще не принимается. Государственное единство установляется въ Чешскомъ народѣ въ IX вѣкѣ, подъ давленіемъ Германіи, стремившейся завоевать Чешскую землю. Молодое государство Чешское быстро возвышается, переходитъ въ наступленіе. Время Болеславовъ (935—999) — это героическій періодъ юной Чехіи. Въ 1055 г. умираетъ послѣдній представитель этого героическаго періода, Брѣтиславъ, и раздѣляетъ Чехію на удѣлы между своими пятью сыновьями, завѣщавъ верховную власть старшему изъ нихъ. Эта маленькая страна, по всѣмъ условіямъ природы своей требовавшая полнаго единства, распалась тогда на части точно также, какъ Русская земля послѣ Ярослава, и все то, въ чемъ г. Костомаровъ видитъ федеративныя начала удѣльно-вѣчеваго уклада древне-русскаго, это все воспроизвела и Чехія въ пору своего дробленія на удѣлы и своихъ удѣльныхъ усобицъ. Это длилось тамъ до начала XIII вѣка. Премыслъ Отакаръ I (1197—1230) утвердилъ въ Чехіи снова единодержавіе, которое сдѣлалось съ тѣхъ поръ основаніемъ государственной жизни Чешскаго народа [2]).

---

[1]) Нѣмецкое населеніе, занимающее въ настоящее время всѣ окраины Чехіи, водворилось тамъ, какъ извѣстно, въ довольно позднее историческое время, преимущественно же въ XVII вѣкѣ.

[2]) Все сказанное здѣсь относится къ Чехіи въ собственномъ смыслѣ, а не къ землямъ, которыя съ теченіемъ времени вошли въ составъ *короны* Чешской, т. е. Моравіи, Силезіи и Лузаціи. Между ними и Чехіею установилась не федеративная связь, какъ ее хотятъ видѣть у насъ въ „удѣльно-вѣчевомъ укладѣ“, а связь династическая, какая была, напримѣръ, въ прежнее время между Англіей и Шотландіей, между Австріей и Венгріей, и какую мы видимъ теперь между Россіей и Финляндіей, Швеціей и Норвегіей и т. п.

Физическія условія Польской земли являютъ совершенную противоположность Чехіи. Равнина, изрѣзанная множествомъ водныхъ путей; народъ, лишенный естественныхъ границъ, ибо чужое племя, Пруссо-Литовское, отрѣзывало его отъ большей части Балтійскаго берега, линія Эльбы, а вскорѣ и линія Одера были заняты Германіей, а съ юга Русское племя отдѣляло Поляковъ отъ Карпатскихъ горъ, оставляя имъ этотъ хребетъ, какъ естественную границу, на небольшомъ только пространствѣ. По-видимому, ничего во внѣшнемъ характерѣ Польской земли не походило на Чехію. Отчего же исторія ея слѣдовала ходу, совершенно параллельному, такъ сказать, съ Чешскою, опаздывая только, противъ послѣдней, на одно столѣтіе? Въ началѣ исторія застаетъ Польскій народъ раздробленнымъ на нѣсколько племенъ. Послѣ темныхъ, баснословныхъ зачатковъ княжеской власти, Польша, около ста лѣтъ послѣ Чехіи, т. е. въ исходѣ X вѣка, получаетъ государственное единство; существеннымъ поводомъ къ тому является опять-таки внѣшняя опасность, необходимость защиты отъ Германіи. Сознавши впервые свое единство, молодой народъ тотчасъ отъ оборонительной войны переходитъ въ наступленіе, и новорожденная Польша имѣетъ свою героическую эпоху при трехъ великихъ Болеславахъ: Храбромъ (+1025), Смѣломъ (+1081) и Кривоустомъ (+1139). Умирая, послѣдній раздѣлилъ Польшу на удѣлы между своими четырьмя сыновьями и завѣщалъ верховную власть старшему изъ нихъ. Наступилъ въ Польшѣ «удѣльно-вѣчевой укладъ» и длился онъ почти двѣсти лѣтъ, пока въ лицѣ Владислава Локотка (1305—1333) возстановлено было начало единодержавія, которое потомъ мало-по-малу устранило всѣ уцѣлѣвшіе отъ прежней эпохи удѣлы (послѣдній изъ нихъ, удѣлъ Мазовецкій, исчезъ въ 1526 г.)

Если внѣшнія условія Чехіи представили намъ край, по самой природѣ предназначенный къ полному внутреннему единству, то, конечно, трудно найти страну, болѣе удобную для федеративнаго устройства, чѣмъ Сербія (въ обширномъ смыслѣ, т. е. вся область, занятая Сербскимъ народомъ). Она изрѣзана цѣпями горъ во всѣхъ направленіяхъ; эти горы и разсѣянныя между ними равнины образуютъ изъ нея множество отдѣльныхъ *кантоновъ*, чтобы заимствовать изъ Швейцаріи соотвѣтствующее романское слово, которое, въ славянской передѣлкѣ [1]), было употребляемо и въ древней Сербіи. Всѣ эти кантоны не имѣютъ никакого общаго природнаго центра, никакой связи между собою, кромѣ того, что въ нихъ живетъ одинъ народъ. И конечно, эти естественныя условія были причиною того, что въ Сербской землѣ государственное единство встрѣчало наиболь-

[1]) Въ формѣ *катунъ*.

шія препятствія, что Сербская исторія дѣйствительно показываетъ многіе признаки федеративнаго начала. Но отчего же все-таки главнымъ, общимъ содержаніемъ ея является единство государственное, основанное на единодержавіи? Отчего развитіе ея въ этомъ отношеніи шло параллельно съ Чехіею и Польшею? Какъ ни скудны и неопредѣленны извѣстія о древней исторіи Сербской, все-таки видно, что Сербскій народъ, вначалѣ раздробленный, уже въ IX и X вѣкѣ составлялъ, болѣе или менѣе, одно государственное цѣлое и что это единеніе вызывалось въ немъ опасностью со стороны Византіи и Болгарскихъ царей-завоевателей. Послѣ того, историческія свѣдѣнія о Сербіи становятся совершенно загадочными и безсвязными, и можно съ достовѣрностью сказать только одно: именно, что въ эту пору Сербія была раздѣлена на многіе удѣлы. Наконецъ, въ исходѣ XII вѣка, Стефанъ Неманя (†1200) водружаетъ знамя единодержавія; расширеніе и утвержденіе государственнаго единства становится съ тѣхъ поръ господствующею идеею Сербской исторіи, — пока столкновеніе съ Турками, при разныхъ внутреннихъ причинахъ разложенія, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, не положило конца этому стремленію и политической самостоятельности Сербовъ.

Сравнимъ же теперь всѣ эти данныя, предлагаемыя исторіею трехъ западныхъ Славянскихъ народовъ, Чешскаго, Польскаго и Сербскаго [1]), съ исторіею народа Восточно-Славянскаго, съ исторіею Русской земли: не очевидно ли тождество въ историческомъ ходѣ? Вездѣ, и на Руси, и въ Польшѣ, и въ Чехіи, и Сербіи, — при самыхъ противоположныхъ условіяхъ физическихъ, при самой разнообразной обстановкѣ, Славянскій народъ, почти въ одно время, т. е. въ IX и X вѣкѣ, выходитъ изъ первоначальнаго своего племеннаго быта и организуется въ единое государство, которое является какъ бы выраженіемъ пробудившагося, среди дробныхъ племенъ въ каждой изъ этихъ странъ, сознанія народнаго единства. Вездѣ это объединеніе вызвано напоромъ или гнетомъ внѣшнихъ враговъ: тутъ Германской имперіи, тамъ Норманновъ и Хазаръ, въ другомъ мѣстѣ Болгаръ и Византіи. Вездѣ, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, и на Руси, новое начало единства охватываетъ Славянскія племена какимъ-то юношескимъ пыломъ проснувшейся силы. Долго дремавшія въ безсвязномъ дробленіи и терпѣвшія насиліе отъ враговъ и хищниковъ, Славянскія племена увлечены упоеніемъ войны, въ первый разъ поднятой

[1]) Я оставляю здѣсь въ сторонѣ Болгарію, потому что естественный ходъ ея историческаго развитія, даже до вторженія Турокъ, былъ два раза пресѣкаемъ внѣшнею силою, которая въ концѣ X-го и потомъ вторично въ XI-мъ вѣкѣ, не только лишила Болгарію политической независимости, но обратила ее совершенно въ завоеванную провинцію Византійской имперіи.

подъ общимъ знаменемъ, побѣды, въ первый разъ одержанной подъ общимъ вождемъ, — и освободившись отъ угнетателей, они бросаются сами на своихъ сосѣдей. И вотъ, Чехи, едва принявъ государственное устройство, едва упрочивъ свою независимость, несутъ завоевательное оружіе на берега Вислы, за Карпатскія горы и къ Дунаю; Поляки, тоже только-что создавшіе у себя единство, являются съ своими Болеславами то на Эльбѣ и Балтикѣ, то въ Чешской Прагѣ, то въ Русскомъ Кіевѣ. Русскіе Славяне, на зарѣ своей государственной жизни, плывутъ съ Олегомъ подъ Цареградъ, ходятъ съ Святославомъ къ Кавказу и за Дунай. И ошибаются тѣ изъ историковъ нашихъ, которые приписываютъ это завоевательное стремленіе личному вліянію Норманнскихъ князей: они забываютъ про тождественность этихъ явленій съ тѣмъ, что̀ имѣло мѣсто въ другихъ Славянскихъ странахъ, гдѣ государственное единство возникло безъ участія Норманновъ, въ Польшѣ и Чехіи. Если нельзя указать на такой же героическій періодъ въ началѣ исторіи Сербовъ, то, съ другой стороны, мы не въ правѣ заключать, чтобы и тамъ не было ничего подобнаго: ибо все, что̀ мы знаемъ о дѣлахъ Сербовъ въ первую эпоху ихъ государственной жизни, заключается въ темныхъ намекахъ на освобожденіе отъ Византійской власти и на отчаянную борьбу съ Болгарскимъ царствомъ.

Но непомѣрно быстрый ростъ и разливъ завоевательныхъ силъ въ Чехіи X вѣка, въ Польшѣ при первыхъ трехъ Болеславахъ, въ Русскомъ государствѣ при Олегѣ, Святославѣ и Владимірѣ, указываетъ прямо на то, что это было лишь порывомъ возбужденной дѣятельности внѣшней, а не плодомъ выработавшагося въ народѣ, проникшаго весь его организмъ, сознанія. Порывъ долженъ былъ остынуть, внѣшнее единство уступить мѣсто остаткамъ племенной розни, не вырваннымъ еще исторіею изъ жизни Славянскихъ народовъ. И вотъ, мы видимъ у нихъ опять совершенно тождественныя явленія, почти въ одно время. Государь могущественный, представитель прежняго единства, но уже слабѣе увлекавшійся завоевательнымъ духомъ своихъ предшественниковъ, — какъ будто въ предчувствіи невозможности долѣе поддерживать слишкомъ скоро воздвигнутое зданіе единодержавія, раздѣляетъ при смерти государство между своими дѣтьми. Все равно, назывался ли этотъ государь Брѣтиславомъ (+1055), Болеславомъ Кривоустымъ (+1139) или Ярославомъ (+1054), — въ Чехіи, въ Польшѣ и на Руси происходитъ совершенно то же самое, вездѣ открывается новая эпоха дробленія на удѣлы. Въ эпохѣ этой г. Костомаровъ видитъ воцареніе федеративнаго начала, лежавшаго, по его мнѣнію, въ основѣ славянскаго быта; я позволяю себѣ считать ее временемъ броженія страны, вовсе не стремящейся къ феде-

раціи, а напротивъ, къ единству народному и государственному, но которая въ началѣ не въ силахъ выдержать этого единства, еще только внѣшняго, и должна выработать его вновь во всѣхъ внутреннихъ стихіяхъ своей жизни. Не федерацію считаю я сущностью той эпохи въ исторіи Славянскихъ народовъ, а борьбу новой идеи единства и единодержавія съ старою племенною рознью, отъ которой Славяне передъ тѣмъ отказались только по необходимости дать отпоръ внѣшнему насилію [1]). По этому самому я думаю, что не Татары, и не Византійскія преданія, принесенныя къ Русскимъ церковью, были, какъ полагаютъ иные, главными виновниками выработавшагося на Руси, изъ удѣльнаго дробленія, единства и единодержавія, что это было созданіемъ внутренняго стремленія историческаго, внутренней работы, происходившей въ самомъ народѣ независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Ибо тотъ же самый результатъ, — единство народа и единодержавіе, — вышелъ изъ удѣльной эпохи и въ Сербіи, гдѣ не было Татаръ, и въ Чехіи и въ Польшѣ, гдѣ не было Византійской церкви и гдѣ мимолетный набѣгъ Татарскій конечно не могъ имѣть никакого существеннаго вліянія, а все вліяніе принадлежало, напротивъ, Германіи съ ея средневѣковымъ федеративнымъ устройствомъ.

«Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ»... [2]).

«Увы, увы! Болеславъ, зачѣмъ ты, отецъ, насъ покидаешь? Боже, зачѣмъ позволилъ ты умереть такому человѣку? Зачѣмъ не ниспослалъ ты намъ прежде смерть вмѣстѣ съ нимъ»... [3]).

«Встало одно солнце по всему небу, всталъ Яромиръ снова надъ всею землею (Чешскою). Разнеслась радость по всей Прагѣ, разносилась радость вокругъ Праги, разлетѣлась радость по всей землѣ, по всей землѣ отъ радости Праги»... [4]).

---

[1]) Эта племенная рознь выступала не разъ и въ первую эпоху государственнаго объединенія Славянскихъ народовъ, не разъ и въ эту эпоху являлись попытки дробленія на удѣлы. Но въ то время общій порывъ къ единству, только что овладѣвшій страною, не давалъ укорениться этимъ попыткамъ.

[2]) Далѣе пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ поясняетъ свою мысль, почему онъ такъ жалѣетъ, что стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ: „теперь, продолжаетъ онъ, его стяги *раздѣлены:* одни Рюриковы, другіи Давидовы.“

[3]) Chron. Polonorum (у Перца. XI, 436):

„Heu, heu, Boleslave, cur nos pater deseris?
Deus talem virum umquam mori cur permiseris?
Cur non prius nobis unam simul mortem dederis?“

[4]) Краледворская рукопись, пѣснь о Яромірѣ и Олдрихѣ. Приведенныя слова относятся къ возстановленію въ Чехіи единодержавной власти князя Яроміра послѣ кратковременнаго раздробленія страны, послѣдовавшаго за смертью Болеслава II и смутами, сопровождавшими это раздробленіе.

Такихъ голосовъ донеслось до насъ много изъ той эпохи въ исторіи Славянскихъ народовъ, которую хотятъ признать выраженіемъ федеративной идеи. Вездѣ, идеаломъ народа является представитель единства и единодержавія; а древняя Сербія высказала свое убѣжденіе еще рѣшительнѣе. Ея лѣтописцы просто вычеркнули изъ исторіи своего отечества всю эпоху дробленія, и начинаютъ прямо съ возстановителя единодержавія, съ Немани, говоря, что все предшествовавшее не стоитъ воспоминанія: такъ что мы теперь догадываемся о продолжительномъ въ Сербской исторіи удѣльномъ періодѣ только по извѣстіямъ объ усиліяхъ Немани и его преемниковъ положить конецъ этому порядку вещей и изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній у иностранныхъ писателей.

Мнѣ кажется, что сравнительное изученіе историческаго развитія у разныхъ Славянскихъ народовъ должно рѣшительно опровергнуть всѣ предположенія о федеративномъ началѣ, какъ цѣли, къ которой стремилась древне-русская жизнь. Если, по справедливому замѣчанію г. Костомарова, каждая эпоха имѣетъ свой идеалъ, то конечно идеалъ удѣльной эпохи былъ вовсе не въ томъ, въ чемъ видитъ его нашъ историкъ. Самъ г. Костомаровъ признаетъ, что удѣльно-вѣчевой укладъ въ древней Руси не дошелъ до своего полнаго развитія, не осуществилъ своего идеала. «Мы не видимъ, говоритъ онъ, стройной, сознательной, опредѣленной федераціи земель, не видимъ, чтобы каждая часть развила въ себѣ самобытные элементы жизни; не видимъ также и твердыхъ связей, соединяющихъ между собою земли. Намъ являются одни зачатки, которые не успѣли еще образоваться, и были, такъ сказать, задавлены тяжестію противныхъ началъ; то были побѣги, не успѣвшіе дорости до зрѣлаго состоянія, — ихъ юношеское существо сломлено противною бурею. Что-то хотѣло выйти и не вышло; что-то готовилось и не додѣлалось!» Нѣтъ, я скажу совсѣмъ другое. Вообще, я отношусь, въ исторіи, съ совершеннѣйшимъ недовѣріемъ ко всѣмъ предположеніямъ о томъ, что вотъ то-то могло быть, а не было. Мнѣ кажется, что древняя Русь не осуществила федеративнаго идеала потому, что его въ ней не было; я полагаю, что она не развила «стройной, опредѣленной, сознательной федераціи земель», потому, что она не того желала; я думаю, что въ броженіи удѣльно-вѣчевой эпохи зарождалась вовсе не федерація, а то, что составляло потребность, гораздо болѣе осязательную для слагающагося народа, единство и единодержавіе. Единство и единодержавіе, вотъ, по моему мнѣнію, тотъ идеалъ, который носила въ себѣ удѣльная эпоха у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Она видѣла осуществленіе этого идеала въ прошедшемъ, въ первую эпоху великихъ государей-завое-

вателей, предметъ завѣтныхъ воспоминаній для послѣдующихъ поколѣній, и стремилась къ новому, прочному осуществленію этого идеала; и вездѣ это стремленіе достигло своей цѣли, вездѣ, при самыхъ разнородныхъ условіяхъ, удѣльная эпоха у Славянскихъ народовъ осуществила свой идеалъ — въ единствѣ государственномъ и единодержавіи.

Само собою разумѣется, что я разумѣю во всемъ этомъ единство и единодержавіе лишь какъ *внѣшнюю форму* государственнаго устройства, въ противоположность устройству федеративному, не думая опредѣлить внутренняго его содержанія, т. е. самаго характера, принятаго у того или другаго Славянскаго народа его единодержавнымъ правленіемъ. Характеръ этотъ былъ произведеніемъ множества разныхъ внутреннихъ стихій и внѣшнихъ вліяній, въ разборъ которыхъ здѣсь нечего входить. Единодержавіе могло принять характеръ сословной конституціонной монархіи на подобіе средневѣковыхъ западноевропейскихъ государствъ, какъ въ Чехіи; оно могло явиться аристократическо-республиканскою монархіей, какъ въ Польшѣ, и смѣсью Византійскаго самодержавія съ боярской аристократіей, какъ въ древней Сербіи, и, какъ въ древней Россіи, самодержавіемъ съ совѣщательнымъ земскимъ началомъ, уступившимъ за тѣмъ мѣсто абсолютному самодержавію Россіи Петровской. Всѣ эти виды государственнаго устройства Славяне могли выработать въ общемъ для всѣхъ началѣ единодержавія; одного только вида они до сихъ поръ не выказали въ своей исторіи, — это именно *федерація*.

Я сказалъ слишкомъ много; была дѣйствительно въ Славянскомъ племени одна попытка федеративнаго устройства; но эта попытка можетъ послужить, кажется, самымъ яснымъ свидѣтельствомъ въ пользу изложеннаго мною мнѣнія. Такую попытку представляютъ языческія племена Прибалтійскихъ Славянъ, существовавшія до конца XII вѣка въ странѣ, которая нынѣ составляетъ значительную часть Пруссіи и Мекленбургію. Эти Славяне жили первоначально, какъ и всѣ другіе, раздробленными на множество мелкихъ племенъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ было бы слишкомъ длинно распространяться, эта первоначальная племенная рознь, а вмѣстѣ съ нею и старая языческая религія и языческое жречество, пустили тамъ такіе глубокіе корни, что сдѣлались окончательною историческою формою жизни Прибалтійскихъ Славянъ. И вотъ мы видимъ, что у нихъ въ XI и XII вѣкѣ существовало федеративное устройство самого опредѣленнаго характера. Каждое племя само по себѣ составляло совершенно независимое цѣлое; нѣсколько ближайшихъ племенъ образовали вмѣстѣ союзъ, съ общимъ центромъ; наконецъ всѣ племена и

племенные союзы въ совокупности связывались въ одну общую федерацію, съ общимъ верховнымъ средоточіемъ въ священномъ городѣ Арконѣ на островѣ Рюгенѣ. Но главою этой федераціи былъ не государь, а жрецъ; нитями, связывавшими племена и племенные центры съ общимъ средоточіемъ федераціи, были не представители народной воли или общественной власти, а представители воли и власти боговъ, языческія прорицалища и жрецы, толковавшіе указанія прорицалищъ. Идея государства оставалась совершенно чужда этимъ погибшимъ Славянамъ; и если тотъ или другой князь, т. е. племенной старшина, если какой-нибудь Дражко или Готшалкъ или Крукъ пытались заложить между ними государственное зданіе, то они рано или поздно падали подъ ударами убійцъ, мстившихъ за измѣну народному быту. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ возникло въ Славянской средѣ федеративное устройство, оно именно отрицало государство, исключало возможность государственной организаціи. Эти двѣ идеи, государство и федерація, на сколько свидѣтельствуетъ до сихъ поръ исторія, оказывались несовмѣстимыми въ Славянскомъ мірѣ.

Исторія всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ у нихъ самые очевидные признаки общиннаго и общественнаго самоуправленія; потребность въ немъ жила, кажется, въ Славянскомъ племени во всѣ вѣка его историческаго бытія: дѣло только въ томъ, что это мѣстное самоуправленіе не имѣло у Славянъ ничего общаго съ расчитанною комбинаціею федеративнаго устройства, съ такимъ государственнымъ порядкомъ, въ которомъ «каждая въ отдѣльности земля,— какъ полагаетъ г. Костомаровъ, — составляла бы свое цѣлое въ проявленіи своей мѣстной жизни, и всѣ вмѣстѣ были бы соединены одною и общею для всѣхъ связью». Нѣтъ, мнѣ кажется, что Славянское племя встарину понимало общинное и мѣстное самоуправленіе, какъ прирожденную *бытовую*, а не государственную принадлежность общественной жизни, какъ такую принадлежность человѣческаго общества, которая по тому самому не подлежала никакому опредѣленію и узаконенію со стороны государства; въ государственной же сферѣ Славянская старина допускала только одну идею — единство, идею, которая, какъ сказано, не переставала вырабатываться въ Славянскихъ народахъ даже тогда, когда старыя стихіи племенной розни брали верхъ въ ихъ жизни. Въ исключительно-бытовой, чуждой государственной сферѣ, основѣ самоуправленія, какъ оно представляется Славянскою стариною, я вижу главную причину того, что самоуправленіе это вездѣ такъ легко устранялось при установленіи въ краѣ государственной организаціи. Извѣстно также, напримѣръ, что въ Польшѣ и Чехіи славянское общественное право, въ началахъ сво-

ихъ проникнутое духомъ свободы, подчинясь государственной организаціи, мало-по-малу, безъ всякаго ощутительнаго перелома, получило характеръ самой отяготительной для народа неволи, такъ что народъ сталъ всячески искать выхода изъ-подъ своего роднаго общественнаго права. Всякій, кто могъ, старался тогда въ Польшѣ и Чехіи выхлопотать себѣ у государя изъятіе изъ Славянскаго земства, привилегію жить подъ Нѣмецкимъ общественнымъ правомъ, съ нѣмецкимъ сельскимъ или городскимъ самоуправленіемъ: ибо начала Нѣмецкаго самоуправленія лежали въ государственной сферѣ, а не только въ бытовой. Нѣмецкое самоуправленіе, выработавшееся въ среднія вѣка подъ вліяніемъ Римскаго права, идей Римскаго муниципія, — хотя гораздо болѣе тѣсное и исключительное, нежели первоначальное самоуправленіе у Славянъ, заключало за то въ себѣ точное опредѣленіе своихъ предѣловъ въ сферѣ государственнаго устройства: оно являлось какъ бы условіемъ, договоромъ между мѣстною свободою и государственною властію и доставляло по этому самому гарантію мѣстной свободѣ, хотя послѣдняя и пріобрѣталась отступленіемъ отъ коренныхъ славянскихъ началъ. Вотъ, по моему мнѣнію, чѣмъ можно объяснить явленіе, столь странно поражающее насъ въ исторіи западныхъ Славянскихъ народовъ въ первые вѣка ихъ государственной жизни, — это всеобщее, такъ сказать, стремленіе покинуть свое славянское общественное право, какъ не дающее надежной гарантіи противъ государства, — то обаяніе, какое имѣло на эти народы нѣмецкое общественное, сельское или городское (такъ наз. Магдебургское) право.

Вообще, идея федеративнаго государства кажется слишкомъ отвлеченною и условною, требующею слишкомъ расчитанной соразмѣрности мѣстной автономіи и центральной власти, для того, чтобы можно было приписать ее такой первобытной, непосредственной, такъ сказать, стихіи какъ Славянское племя въ первыя столѣтія его государственнаго развитія. Скорѣе эта идея могла принадлежать старинѣ Германской, отличавшейся бо́льшимъ развитіемъ личности, бо́льшею склонностью къ отвлеченнымъ принципамъ. И дѣйствительно, исторія Славянскихъ народовъ представляетъ въ этомъ отношеніи самую разительную противоположность Германіи. При ослабленіи имперіи Карла Великаго, племена, на которыя первоначально дробился Нѣмецкій народъ и которыя Франкскій завоеватель подчинилъ государственному единству, снова образовали, каждое, свое самостоятельное цѣлое. Уже никакія усилія великихъ Оттоновъ, Саліевъ и Гогенштауфеновъ не могли соединить группы Саксовъ, Франковъ, Швабовъ, Баварцевъ иначе, какъ федеративною связью болѣе или менѣе крѣпкою, смотря по личности государя; и историческая работа въ

этихъ группахъ шла не къ единенію, какъ въ Россіи и другихъ Славянскихъ странахъ, а къ бо́льшему и бо́льшему дробленію, къ подраздѣленію племенныхъ группъ на мелкія части, образуя мало-по-малу то диковинное, многоэтажное, если можно такъ выразиться, зданіе федеративнаго государства, какое представляла «священная имперія» Германская въ позднѣйшую эпоху своего существованія. При этомъ, вотъ странная черта, которой нельзя не замѣтить. Нынѣшніе историки Германіи также тщательно выслѣживаютъ въ своей отечественной старинѣ всѣ признаки стремленій къ полному государственному единству, также сѣтуютъ на то, что эти стремленія были «задавлены тяжестью противныхъ началъ», также восклицаютъ: «что-то хотѣло выйти и не вышло, готовилось зданіе полнаго государственнаго единства Германіи и не достроилось» [1]), какъ дѣлаетъ г. Костомаровъ съ противоположной точки зрѣнія, въ пользу федеративнаго начала на Руси. И тутъ и тамъ исторія, очевидно, теряетъ нужную для науки безусловную объективность; и тутъ и тамъ она приводится подъ вліяніе современной потребности, — въ одной странѣ централизаціи, въ другой децентрализаціи; и въ томъ и въ другомъ случаѣ она сбивается съ пути.

Законность этихъ современныхъ стремленій, — въ Германіи къ бо́льшему единству, въ Россіи къ бо́льшему простору мѣстныхъ стихій, я сознаю не менѣе всякаго другаго, и тотъ поступилъ бы несправедливо, кто захотѣлъ бы обратить мои доводы противъ федеративной теоріи г. Костомарова, въ пользу того взгляда, который идеалъ государственной жизни ставитъ въ какой-нибудь Франціи временъ Людовика XIV. Конечно, не къ такому строю общественному стремилось Славянское племя, когда оно напрягало всѣ свои силы, чтобы создать себѣ единство и единодержавіе и на Руси, и въ Польшѣ, и въ Сербіи, и въ землѣ Чешской; смѣшивать историческое стремленіе Славянскихъ народовъ къ единству и единодержавію съ какою-нибудь доктриною о правительственной централизаціи и о Французскомъ *l'état c'est moi*, такое смѣшеніе было бы, по моему мнѣнію, совершеннымъ противорѣчіемъ историческимъ и бытовымъ началамъ этихъ народовъ.

Однако пора возвратиться къ спеціальному вопросу о Великомъ Новгородѣ въ его отношеніяхъ къ остальной Россіи, какъ они представлены г. Костомаровымъ.

---

[1]) См. въ особенности столь замѣчательныя, по своему ученому изложенію, "Geschichte der deutschen Kaiserzeit" Вильгельма Гизебрехта, „Deutsche Geschichte" Макса Вирта и его же „Geschichte der deutschen Einheit".

III.

Значеніе Новгорода въ древней Руси. — Параллель между Новгородомъ и Галичемъ. — Торговые города въ древне-Славянскомъ мірѣ. — Древность Великаго Новгорода. — Грамота Ярослава. — Ганзеатическіе города и вліяніе ихъ на организацію Новгорода. — Отношенія Новгорода къ Московскому государству. — Борьба Ивана III съ Новгородомъ.

Г. Костомаровъ полагаетъ, что древняя Русь въ эпоху удѣльно-вѣчевую слагалась въ федеративную державу, которая была разрушена Татарскимъ нашествіемъ. «Старое, еще недостроенное зданіе Русской федеративной державы было разбито; отъ него остался на сѣверѣ уголъ: то былъ Новгородъ со Псковомъ, своимъ меньшимъ братомъ».

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ сѣверный уголъ, во время Татарскаго владычества и до Іоанна III, хотѣлъ состоять съ великимъ княжествомъ Восточной Руси, гдѣ бы ни находился его центръ, во Владимірѣ ли, въ Твери или въ Москвѣ, — въ федеративной связи. Новгородъ признавалъ надъ собою верховную власть великаго князя, и въ то же время сохранялъ строго свою внутреннюю независимость, которую онъ основывалъ не просто на прирожденномъ, бытовомъ правѣ вѣдать самому свои дѣла, а на писанныхъ привилегіяхъ, на договорныхъ грамотахъ, опредѣлявшихъ взаимныя права и обязанности верховной власти и свободнаго города. Явленіе совершенно исключительное въ древней Руси. Для г. Костомарова оно служитъ признакомъ обнимавшаго будто бы всю древнюю Русь, федеративнаго начала: «Новгородъ, по его словамъ, совмѣстилъ въ себѣ то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время, и представилъ это ясно въ своей исторіи».

Какъ ни лестно было бы для нашего патріотическаго самолюбія думать, что не будь этихъ поганыхъ Татаръ, мы давнымъ-давно имѣли бы въ нашемъ отечествѣ новый союзъ Амфиктіоновъ, но я позволю себѣ быть совсѣмъ другаго мнѣнія о значеніи древняго Новгорода.

Я изложилъ уже главныя причины, по которымъ не могу признать въ древней Руси стремленія къ федераціи. По тому самому я отвергаю и заключеніе, что если Новгородъ состоялъ къ остальнымъ Русскимъ землямъ въ федеративныхъ отношеніяхъ, то онъ въ этомъ выражалъ обще-русскія начала.

По моему мнѣнію, Новгородъ не былъ, какъ опредѣляетъ его г.

Костомаровъ, уголъ недостроеннаго и разбитаго зданія Русской федеративной державы, уголъ, въ которомъ уцѣлѣлъ въ отрывкѣ первоначальный общій планъ строенія; это былъ уголъ, пристроившійся къ обще-русскому зданію по другому, чужому плану, привнесенному чужими стихіями.

Г. Костомаровъ не обратилъ вниманія на то, что Новгородъ не былъ единственный въ такомъ родѣ особый уголъ въ зданіи древней Руси, что такихъ угловъ было два, на двухъ противоположныхъ концахъ ея: на сѣверѣ Новгородъ (со Псковомъ), на югѣ Галичъ. Галичъ, точно также какъ Новгородъ, выдѣлился мало-по-малу, въ продолженіи удѣльнаго періода, изъ общей массы Русскихъ земель, обособился, выработалъ свою мѣстную исключительную жизнь, и въ то же время не отказывался отъ общенія съ остальною Русью: онъ становился въ такія же федеративныя отношенія къ югозападной Руси, какъ Новгородъ къ сѣверовосточной. Сравнить эти два сходныхъ явленія кажется мнѣ необходимымъ для того, чтобы понять ихъ значеніе и источники ихъ происхожденія.

Что̀ составило особенность земли Галицкой, что̀ отдѣлило ея внутреннюю жизнь отъ общей русской жизни, это не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію.

Земля Галицкая выработала изъ прежней обще-русской дружины княжеской независимую боярскую аристократію; она одна въ Русскомъ мірѣ развила въ себѣ вполнѣ опредѣленное и преобладающее начало аристократическое.

Источники этой особенности земли Галицкой также совершенно очевидны. Галицкая земля врѣзывалась угломъ между Польшею и Венгріею; она находилась съ ними въ самомъ тѣсномъ общеніи; она безпрестанно призывала Поляковъ и Венгровъ въ ряды своихъ войскъ, безпрестанно видѣла ихъ у себя и непрошенными гостями, не разъ даже повиновалась имъ, какъ своимъ правителямъ. Естественно, что и общественныя стихіи тогдашней Польши и Венгріи должны были сильно воздѣйствовать на землю Галицкую. Въ Польшѣ и Венгріи было въ то время одно и то же преобладающее начало, аристократія, не та демократическая аристократія, какая впослѣдствіи развилась въ Польшѣ, а аристократія магнатовъ, возводившая и низводившая князей, располагавшая страною. Такой именно характеръ аристократіи магнатовъ развился и въ Галицкомъ боярствѣ. Боярство обособило Галичъ отъ остальной земли Русской и сдѣлалось въ немъ тою центробѣжною силою, которая сперва дала старинному единенію его съ южною Русью характеръ федеративной связи, а потомъ, при паденіи южной Руси, вовсе оторвала его отъ союза съ Русскими землями и передала во власть Венгріи и Польши.

Поставимъ теперь древній Новгородъ въ параллель съ Галичемъ.

Древній Новгородъ былъ тѣсно связанъ съ Ганзеатическимъ союзомъ городовъ сѣверной и западной Германіи.

Это такая историческая особенность, которая не могла не имѣть величайшаго вліянія на внутреннее развитіе Русской жизни въ древнемъ Новгородѣ.

Вообще, торговая дѣятельность (исторія служитъ тому доказательствомъ) всегда запечатлѣвала особливою физіономіею тѣ мѣстности, въ которыхъ она водворялась. Этотъ отпечатокъ былъ тѣмъ сильнѣе, онъ тѣмъ рѣзче обособлялъ торговую мѣстность, чѣмъ исключительнѣе дѣятельность эта въ ней сосредоточивалась, чѣмъ менѣе она раздѣлялась всѣмъ остальнымъ населеніемъ края.

Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ отодвинулъ торговое значеніе Новгорода на задній планъ, посвятивъ ему особую главу почти въ концѣ своего сочиненія. Какъ я уже замѣтилъ, читатель, который только по книгѣ г. Костомарова знакомился бы съ исторіею Новгорода, прочиталъ бы всю политическую его исторію отъ Рюрика до Ивана Васильевича, исторію всѣхъ его внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ войнъ, — и не догадался бы даже, что Новгородъ былъ торговымъ центромъ всей почти земли Русской.

А именно съ этого, какъ мнѣ кажется, слѣдовало начать для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе Новгорода и его особенностей въ древне-русской жизни.

Въ такомъ случаѣ г. Костомаровъ, конечно, не принялъ бы «Государя Великаго Новгорода» за выраженіе тѣхъ началъ, которыя вырабатывались всѣми Русскими землями, — также точно, какъ онъ не призналъ бы царицу Адріатики представительницею того, «что хотѣло выйти и не вышло» въ средневѣковой Италіи.

По моему мнѣнію, Венеція была даже, по внутреннему характеру своему, гораздо сроднѣе прочимъ Итальянскимъ землямъ, въ которыхъ почти вездѣ былъ силенъ торговый и муниципальный духъ, — нежели Новгородъ остальной массѣ Русскихъ земель.

Славянское племя вообще, и также въ Россіи, выступило на поприще исторіи съ самымъ слабымъ развитіемъ городской жизни, съ самымъ слабымъ стремленіемъ къ ней. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ мы находимъ первоначально *городъ* или *градъ* только въ значеніи временнаго сборнаго мѣста для окрестнаго населенія на случай непріятельскаго нашествія, для суда, торга, религіозныхъ праздниковъ и т. д., мѣста, постоянными жителями котораго были только должностныя лица, да военная стража. Если еще въ XIX вѣкѣ Россія не могла выработать въ себѣ городской жизни, какъ мы ее видимъ у Германскихъ и Романскихъ народовъ, если западная *bourgeoi-*

sie должна переводиться по-русски словомъ *мѣщанство;* если другія Славянскія земли принуждены были занять, такъ сказать, городское сословіе у иностранцевъ (Польша и Чехія у Нѣмцевъ и Евреевъ, южные Славяне у Грековъ, Итальянцевъ и т. д.),—то можно себѣ представить, какъ чужда была городская жизнь славянамъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Тѣмъ рѣзче должны были выдѣляться изъ общей массы Славянскаго народа тѣ немногіе пункты, въ которыхъ торговля водворилась издревле и гдѣ образовалось постоянное городское населеніе, производившее эту торговлю. Такими *городами* въ смыслѣ западноевропейскомъ, а не древне-славянскомъ, были въ старину у Славянъ въ странахъ, связанныхъ съ Балтійскомъ моремъ, древній Мекленбургскій Рерикъ, Щетинъ, Волынъ, Гданскъ въ земляхъ Славянъ Прибалтійскихъ (принадлежавшихъ несомнѣнно къ Ляшкому племени) и Новгородъ въ землѣ Русскихъ Славянъ. Древность ихъ незапамятная. Городъ Славянъ—Бодричей (въ нынѣшней Мекленбургіи) Рерикъ [1]) кончилъ свое существованіе уже въ 808 году; а въ то время его торговля была такъ значительна, что пошлины, которыя она доставляла Даніи, считались однимъ изъ важнѣйшихъ доходовъ Датской казны.

Трудно также сомнѣваться въ глубокой древности другаго торговаго города Славянъ Прибалтійскихъ, который дожилъ до начала XII вѣка, именно города Волына на устьѣ Одры. Въ XI вѣкѣ его значеніе было таково, что Волынъ (иначе Юлинъ, теперь Wollin) представлялся Нѣмецкому писателю «самымъ большимъ изъ городовъ Европы»; о величіи его ходили тогда въ Германіи баснословные разсказы. Онъ былъ центромъ торговли всѣхъ Прибалтійскихъ странъ и Руси. Его посѣщали и въ немъ пользовались правомъ гражданства люди, которыхъ Нѣмецкій писатель того времени называетъ Греками и подъ которыми должно, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣть послѣдователей Греческой вѣры, т. е. Русскихъ и, конечно, по преимуществу Новгородцевъ.

Городъ Щетинъ (Штетинъ), по своему положенію, раздѣлялъ торговую дѣятельность Волына. Волынъ, лежащій на островѣ, долженъ былъ вести преимущественно заморскія сношенія; Щетинъ, выстроенный близъ устья Одры, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, имѣлъ ближайшую связь съ окрестными племенами Славянскими. Мы знаемъ о весьма значительномъ развитіи Щетинской торговли въ на-

---

[1]) Такъ называли этотъ городъ Датчане; Славянская форма его имени въ точности неизвѣстна; по предположенію Шафарика, эта форма была Рарогъ. Городъ лежалъ, какъ видно, у Висмарскаго залива.

чалѣ XII вѣка; мы знаемъ, что Волынъ признавалъ за Щетиномъ старшинство предъ собою.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о бытѣ и правленіи Славянъ Прибалтійскихъ, однако мы видимъ, что эти торговые города съ постояннымъ населеніемъ имѣли свое исключительное положеніе въ странѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что Щетинъ и Волынъ гораздо менѣе зависѣли отъ князя Поморянъ, нежели остальная страна. Въ Щетинѣ и Волынѣ былъ особый княжій дворъ, считавшійся неприкосновеннымъ, но князь не былъ хозяиномъ въ этихъ городахъ, какъ онъ былъ хозяиномъ въ странѣ. Города имѣли свою полную автономію, управленіе сосредоточивалось въ постоянномъ совѣтѣ старшинъ, составленномъ изъ знатныхъ людей и стариковъ [1]); рѣшеніе зависѣло отъ народнаго вѣча, собиравшагося въ дни, назначенные для торга [2]), на городской площади, кругомъ помоста, съ котораго говорили народу его старшины и особые глашатаи. Княжеская власть въ этихъ городахъ была почти только номинальная, торговый городъ князю не повиновался, находился съ главою страны въ постоянномъ раздорѣ: *discordia inter Stetinenses et ducem inveterata*, говоритъ Нѣмецкій писатель, изображающій Славянское поморье въ началѣ XII вѣка.

Древность Великаго Новгорода едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Историческая критика должна будетъ, мнѣ кажется, наконецъ убѣдиться, что начало Новгорода предшествовало многими вѣками заложенію Русскаго государства, что Новгородъ, прежде чѣмъ сдѣлаться столицею Славянскихъ князей, былъ давнымъ-давно такимъ же торговымъ центромъ среди раздробленныхъ плѣменъ нашего Сѣвера, какимъ были напр. Рерикъ или Волынъ среди племенъ Прибалтійскихъ. Вмѣсто того, чтобы выписывать о древности Новгорода сказку изъ хронографовъ XVI и XVII в., г. Костомаровъ могъ бы привести указанія, имѣющія несравненно бо́льшую историческую цѣну. Въ VI вѣкѣ, у историка Готовъ Іорнанда мы находимъ два свидѣтельства, которыя могутъ, съ большою вѣроятностью, быть отнесены къ Великому Новгороду. Въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ у него идетъ рѣчь о жилищахъ Славянскаго племени (Венетовъ) въ двухъ вѣтвяхъ, на которыя Готскій историкъ его раздѣляетъ, Словѣнъ (Sclaveni) и Антовъ,—Іорнандъ говоритъ, что *Словѣне* простираются отъ *города Новіетунскаго и озера, называемаго Мусіанскимъ*, до Днѣстра и Вислы. Какое это *Мусіанское озеро?* Мы находимъ въ Скандинавскихъ памятникахъ озеро Муискъ, какъ названіе Ильменя; даже въ

---

[1]) Для собраній этого совѣта имѣлось особое общественное зданіе, называвшееся *концина*, отъ слова *кутъ* (съ носовымъ звукомъ), по-польски kąt.

[2]) Напр. въ Щетинѣ два раза въ недѣлю.

приводимую г. Костомаровымъ сказку попало, неизвѣстно изъ какого источника, свѣдѣніе объ этомъ древне-Скандинавскомъ названіи Ильменя (Мойско). Какъ Іорнандовы сказанія о сѣверѣ основывались на преданіяхъ Готскихъ, находившихся въ самомъ близкомъ родствѣ съ Скандинавскими, то весьма правдоподобно, что подъ именемъ *lacus Musianus* онъ разумѣлъ озеро Муискъ, т. е. Ильмень; и догадка эта еще болѣе подтвердится, когда мы сблизимъ названіе озера съ названіемъ города, сопоставляемаго съ нимъ въ сказаніи Готскаго историка: *Новіетунъ* есть не что иное, какъ *Новгородъ* въ Германской формѣ (древнее Германское и въ особенности Скандинавское слово *tun* въ смыслѣ города сохранилось и до сихъ поръ въ живой рѣчи у Англичанъ: *town*). И такъ, должно полагать, что въ то время, когда писалъ Іорнандъ, т. е. около 550 г., уже былъ Новгородъ у озера Ильменя; а другое свидѣтельство того же писателя указываетъ на древность еще отдаленнѣйшую. Іорнандъ исчисляетъ племена, покоренныя на сѣверѣ Готскимъ царемъ Эрманарикомъ (въ первой половинѣ IV вѣка) и тутъ, между названіями, въ которыхъ, подъ немилосердыми искаженіями отъ переписчиковъ, мы встрѣчаемъ знакомыя имена Голядовъ, Литвы, Чуди, Веси, Мери, Мордвы, Черемисы, является имя *Navego*; и мы, судя по странѣ, къ которой относятся прочія приводимыя Іорнандомъ названія, не можетъ не заключить, что это *Navego* есть испорченное имя нашего Великаго Новгорода [1]). Одно то, что имя это могло сохраниться въ памяти у Готовъ въ Италіи, что этотъ городъ, въ ихъ преданіяхъ объ Эрманарикѣ, сопоставлялся съ именами цѣлыхъ народовъ, покорившихся ихъ древнему герою,—указываетъ на особенное значеніе Новгорода въ самую глубокую древность; и въ чемъ же могло состоять такое значеніе, какъ не въ томъ, что этотъ городъ былъ уже тогда торговымъ центромъ Сѣвера?

Скандинавскія сказанія подтверждаютъ глубокую древность Великаго Новгорода и его торговли; то же доказываютъ найденныя въ его окрестностяхъ Арабскія и другія монеты. Новгородъ, уже за долго до призванія Варяжскихъ князей, до образованія Русскаго государства [2]), долженъ былъ занять исключительное положеніе среди зе-

---

[1]) Къ исправленіямъ, сдѣланнымъ въ этомъ текстѣ Іорнанда Шафарикомъ и другими, позволю себѣ прибавить и свою догадку. Послѣ Navego мы читаемъ другое имя: Athual, или по другимъ спискамъ, Athaul. Эта послѣдняя форма такъ похожа на славное у Готовъ имя Ataulf, что трудно воздержаться отъ предположенія, не припаровилось ли подъ перомъ Іорнандовыхъ переписчиковъ къ этимъ знакомымъ звукамъ слово, имѣвшее совсѣмъ другой видъ, именно *Althia*, которое соотвѣтствовало бы Скандинавскому названію Ладоги, *Aldaga?*

[2]) Извѣстіе, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ спискахъ нашей древней лѣтописи, что Рюрикъ *сруби городокъ надъ Волховомъ и прозва и Новъгородъ*, если оно имѣетъ какое-

мель Славянскихъ, вошедшихъ въ составъ этой державы. Въ его торговлѣ, въ томъ, что онъ имѣлъ постоянное городское населеніе, несвойственное Славянскимъ племенамъ въ тогдашнемъ ихъ состояніи, я вижу источникъ тѣхъ особливыхъ отношеній, въ которыя Новгородъ съ самаго начала старался поставить себя къ Русской землѣ и къ ея князьямъ, и которыя потомъ формулировались въ знаменитой, хотя не дошедшей до насъ, грамотѣ Ярославовой. Происхожденіе и постановленія этой грамоты требуютъ еще критическаго изслѣдованія. Но къ какому бы времени ни относилась она, какія бы ни были права, въ ней опредѣленныя, несомнѣнно то, что грамота Ярославова составляла для Новгорода *привилегію* передъ другими городами и землями Русскими, *изъятіе* изъ общаго земскаго порядка; что древнее славянское самоуправленіе, въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, переносилось этою грамотою для Новгорода изъ непосредственной бытовой сферы въ сферу государственныхъ узаконеній, ставилось подъ гарантію государственнаго акта, связывавшаго какъ городъ, такъ и государственную власть взаимными обязательствами. Въ существѣ это явленіе совершенно сходно съ тѣми безчисленными изъятіями изъ общаго земскаго права, какія давались въ Польшѣ и Чехіи, начиная съ XII вѣка, разнымъ городскимъ и сельскимъ обществамъ. Только тамъ привилегія состояла прямо въ перенесеніи на общество, изъемлемое изъ славянскаго земства, — городскаго или сельскаго права нѣмецкаго, *jus teutonicum*; здѣсь же изъятіе изъ земства выработалось непосредственно изъ всѣхъ тѣхъ особенныхъ условій и выгодъ, какія сопряжены были съ положеніемъ Новгорода, какъ главнаго торговаго центра всего Русскаго сѣвера. Точно также торговые города Славянъ Прибалтійскихъ могли выработать себѣ привилегированное положеніе въ странѣ безъ заимствованія нѣмецкаго права, гораздо прежде, чѣмъ *jus teutonicum* перенесено было въ этой край.

Но съ теченіемъ времени, на Новгородъ стали дѣйствовать прямо и чужія вліянія. Въ XII вѣкѣ Славянская народность на берегахъ

нибудь историческое основаніе, можетъ относиться только къ построенію Варяжскимъ княземъ, въ подчинившемся ему торговомъ городѣ, какого-нибудь укрѣпленнаго двора, какіе имѣлъ, напримѣръ, князь Поморянъ въ торговыхъ городахъ своей земли, или даже особаго укрѣпленія для обезпеченія своей власти надъ городомъ. Послѣдній случай представляется намъ на Балтійскомъ поморьѣ въ X вѣкѣ, когда скандинавскіе викинги, подчинивъ себѣ Славянскій торговый городъ Волынъ или Юлинъ, выстроили себѣ тамъ укрѣпленіе, служившее имъ притономъ и защитою, Іомсбургъ. Что же касается до того, будто Рюрикъ далъ своему городку на Волховѣ *наименованіе* Новгорода, то это очевидный вымыслъ, придуманный для объясненія имени: *Новый*—городъ. Это извѣстіе должно быть поставлено на ряду съ сказаніемъ о построеніи Волына Юліемъ Цезаремъ (вслѣдствіе того, что этотъ городъ назывался Нѣмцами Юлинъ) и другими т. п. баснями.

Балтики начала уступать мѣсто Нѣмецкой, и въ XIII вѣкѣ на развалинахъ Славянскихъ торговыхъ городовъ возникли торговые города Нѣмецкіе. Сюда перешли муниципальныя начала, принятыя Германіей отъ Римскаго міра и прежде всего приложенныя къ дѣлу городами Рейнскими, для отпора насилію феодальной аристократіи. Съ этими Рейнскими городами вступили въ союзъ (въ *ганзу*) Нѣмецкіе города, основанные на Вендской землѣ, города, которые, по самому положенію своему въ странѣ, гдѣ туземная народность еще жила и волновалась, должны были еще болѣе развить въ себѣ муниципальную исключительность. Торговое общеніе съ Новгородомъ перешло къ этимъ городамъ отъ ихъ Славянскихъ предшественниковъ. Уже въ XII столѣтіи находимъ мы такія сношенія, въ XIII и XIV они достигли полнаго развитія. Мнѣ кажется, г. Костомаровъ не совсѣмъ справедливо полагаетъ, что «вѣковое торговое знакомство (Новгорода съ Нѣмецкими городами) не произвело нравственнаго единенія между туземцами и гостями», что «сосѣдство съ Западомъ и торговыя сношенія съ Нѣмцами не сблизили Новгорода съ Европою морально», и что въ Новгородѣ невозмутимѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, развивались старо-славянскія начала. Нашъ историкъ заключаетъ объ отсутствіи вліянія Нѣмецкихъ городовъ на Новгородъ изъ того, что Нѣмецкіе купцы старались по возможности сосредоточивать въ своихъ рукахъ монополію торговыхъ сношеній съ Западомъ, что они «эксплуатировали Новгородъ для своихъ цѣлей» и «сознательно, умышленно старались не допускать Новгородцевъ до знакомства съ европейскимъ просвѣщеніемъ». Мнѣ кажется, тутъ смѣшивается внѣшняя сторона дѣла съ внутреннею. Весьма понятно, что Любскіе и прочіе Нѣмецкіе купцы хотѣли получать отъ Новгородской торговли напбольшія по возможности денежныя выгоды и всячески старались отстранить отъ себя конкурренцію; но какъ бы они ни надували и ни эксплуатировали Новгородцевъ, развѣ это могло положить преграду вліянію ихъ духа, ихъ учрежденій, ихъ понятій? Гдѣ это видано, чтобы иностранцы не могли имѣть вліянія на какой нибудь народъ по той причинѣ, что они его «эксплуатировали для своихъ цѣлей», какъ выражается г. Костомаровъ? Конечно, организмъ современной Россіи и развитѣе и крѣпче и, по тому самому, менѣе податливъ на иностранное вліяніе, нежели могъ быть организмъ одной Русской городской общины въ XII и XIII вѣкѣ: но и современная Россія едва ли доказываетъ справедливость взгляда г. Костомарова.

Нѣтъ, именно иностранное вліяніе, духъ Ганзы, — вотъ то, что, по моему мнѣнію, обособило древній Новгородъ отъ остальной сѣверо-восточной Руси, подобно тому, какъ иностранное же вліяніе, духъ

Венгерскаго и Польскаго магнатства, обособило землю Галицкую отъ Руси югозападной.

Духъ нѣмецкой торговой Ганзы встрѣтилъ въ Новгородѣ уже подготовленную почву, онъ могъ явиться тамъ дальнѣйшимъ утвержденіемъ тѣхъ отношеній, которыя развила въ Новгородѣ исключительность его торговаго значенія, — точно также, какъ на Балтійскомъ поморьѣ Нѣмецкіе Ганзеатическіе города приняли на себя и повели далѣе дѣятельность древне-славянскихъ Рерика, Волына, Щетина, Гданска и проч. Славянскіе города уже пользовались исключительнымъ положеніемъ въ странѣ; но эта исключительность еще не доходила до полной замкнутости городскаго сословія, до организаціи города въ самостоятельное государственное тѣло. Полная замкнутость городскаго сословія, организація города въ маленькое республиканское государство перенесены были на Балтійское поморье Германскою стихіею, которая усвоила ихъ себѣ вмѣстѣ съ остальнымъ наслѣдіемъ Римскаго міра.

Великій Новгородъ былъ городъ славянскій. Нельзя было ожидать, чтобы онъ могъ уподобиться вполнѣ городамъ нѣмецкой Ганзы. Полная сословная замкнутость нѣмецкой Bürgerschaft слишкомъ сильно противорѣчила славянскому характеру и быту его населенія. Новгородецъ дорожилъ Ярославовой грамотой, онъ дорожилъ привилегіями, которыми пользовался, благодаря исключительному положенію своего города; но онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться совершенно отъ земли, провести между собою и остальнымъ народомъ непроходимую грань сословной корпораціи. «Въ Новгородѣ, говоритъ г. Костомаровъ, всякій могъ приходить и жить полноправно», и это точь-въ-точь соотвѣтствуетъ тому, что̀ Нѣмецкіе писатели разсказываютъ намъ о Славянскихъ городахъ Балтійскаго поморья, о Волынѣ въ XI-мъ, о Щетинѣ въ началѣ XII-го вѣка.

Но муниципальныя начала Запада привились къ другой сторонѣ Новгородской жизни, къ его государственному строю, какъ вообще государственныя отношенія легче подчиняются внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ начала общественныя. Это тѣмъ скорѣе могло здѣсь случиться, что Новгородъ, благодаря своему исключительному торговому развитію, уже издавна стоялъ особнякомъ среди Русской земли, что онъ издавна былъ городъ привилегированный, какъ мы это видимъ изъ существованія древней грамоты, о значеніи которой было сказано выше, грамоты, носившей названіе Ярославовой.

Городъ Новгородъ сдѣлался *государствомъ*, Новгородъ сталъ именоваться государемъ: «Государь Великій Новгородъ». Городъ заключалъ договоры; городъ считался господиномъ цѣлой обширной Новгородской области и находившихся въ ней пригородовъ; городъ раз-

давалъ волости въ кормленіе принятымъ имъ на службу князьямъ, городъ набиралъ войско въ своей области, собиралъ въ ней подати, городъ дѣйствовалъ отъ ея имени, какъ государь дѣйствуетъ отъ имени страны, которой онъ главою. Всѣ эти черты я выписываю изъ книги г. Костомарова, и теперь спрашиваю: гдѣ видано что нибудь подобное въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ слыхано между Славянами о такомъ возведеніи города въ государство? Я знаю только одинъ примѣръ: это Дубровникъ или Рагуза. Но Рагуза была древній Римскій муниципій, въ которомъ съ теченіемъ времени Романское населеніе смѣнилось Славянскимъ, и гдѣ духъ Римскаго муниципія поддерживался вліяніемъ Венеціи и другихъ городскихъ республикъ средневѣковой Италіи.

При такихъ понятіяхъ, при такомъ порядкѣ вещей, развившихся въ Новгородѣ, можно ли, я спрашиваю опять, признавать этотъ городъ представителемъ старо-славянскихъ началъ въ древней Руси, «совмѣстившимъ въ себѣ, какъ полагаетъ г. Костомаровъ, то, что было достояніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ свое время?»

Г. Костомаровъ неоднократно выставляетъ неопредѣленность и безпрерывное колебаніе общественныхъ отношеній въ Новгородѣ, распри между городомъ и волостями, которыя то подчиняются городу какъ государю, то выходятъ изъ этого подчиненія, непрестанную смуту въ Новгородской жизни: все это, по моему мнѣнію, было естественнымъ послѣдствіемъ и признакомъ внутренняго антагонизма между политическимъ началомъ Новгорода, какъ города, возведеннаго въ государство, и славянскимъ духомъ земли, жившимъ не только въ подвластномъ Новгороду населеніи, но и въ самихъ Новгородцахъ. Это же было главнымъ, по моему мнѣнію, источникомъ постоянной борьбы старѣйшихъ людей съ чернью, борьбы, характеризующей Новгородскую исторію и въ которой видно противодѣйствіе народной массы, съ ея славянскими понятіями, корпоративному духу разбогатѣвшей торговой аристократіи. Въ этомъ, наконецъ, я нахожу единственное объясненіе тому, что Новгородъ съ его свободой былъ такъ мало популяренъ въ тогдашней Россіи. Г. Костомаровъ признаетъ самъ, что походъ Іоанна III противъ Новгорода «возбудилъ къ себѣ симпатію въ народѣ», что «война его была дѣломъ обще-русскимъ, дѣломъ церкви и народа». Это сильно противорѣчитъ понятіямъ нашего историка о Новгородѣ, какъ о представителѣ прежнихъ началъ обще-русской жизни, и г. Костомаровъ объясняетъ такое явленіе тѣмъ, что когда въ народныхъ понятіяхъ всей остальной Руси единодержавіе стало нормальнымъ порядкомъ, то Новгородъ, какъ онъ былъ, сдѣлался анахронизмомъ. Нѣтъ, старыя начала жизни, когда только они дѣйствительно были общимъ достояніемъ цѣлой страны,

цѣлаго народа, — хотя бы и сдѣлались анахронизмомъ, также мало могутъ быть уничтожены однимъ или двумя походами, какъ однимъ или двумя походами не уничтожается отдѣльная народность, что̀ г. Костомаровъ считаетъ также результатомъ походовъ Іоанна III. Нѣтъ, старыя начала народной жизни не такъ легко истребляются; легко гибнетъ только чуждая прививка на народной почвѣ, и вотъ отчего Великій Новгородъ рухнулъ послѣ одной проигранной битвы, и погибъ, не оставивъ по себѣ въ памяти народа ни сожалѣнія, ни слѣда. Вотъ прямая причина, почему мы теперь, по выраженію г. Костомарова, напрасно стали бы искать на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ.

И такъ возвращусь къ исходной точкѣ этого изложенія. Въ общей массѣ древне-Русскихъ земель, во время ихъ распаденія на удѣлы, обособились два края, вслѣдствіе дѣйствовавшихъ на нихъ съ особенною силою постороннихъ вліяній. Отъ югозападной Руси обособилась земля Галицкая, влекомая къ отдѣльной жизни преобладающимъ развитіемъ боярской аристократіи, подъ дѣйствіемъ Польши и Венгріи; отъ Руси сѣверовосточной обособился Великій Новгородъ, влекомый къ отдѣльной жизни преобладающимъ развитіемъ городской стихіи, развитіемъ, приготовленнымъ издревле его торговою дѣятельностью и которое потомъ опредѣлилось подъ вліяніемъ нѣмецкой Ганзы. И Новгородъ и Галичъ не отказывались отъ старинной связи съ общимъ отечествомъ и отношенія ихъ къ остальной Руси приняли характеръ федеративный. Между тѣмъ южная Русь слабѣла, сѣверная крѣпла. Галичъ сперва перетянулъ Кіевъ, а потомъ вовсе оторвался. Новгородъ не въ силахъ былъ перетянуть Владиміра и Москвы, и когда захотѣлъ оторваться, то былъ силою удержанъ.

Попытка Новгорода оторваться отъ Россіи и перейти къ Польшѣ имѣла, какъ мнѣ кажется, значеніе несравненно важнѣйшее, нежели какое представляется въ книгѣ г. Костомарова. Этотъ историкъ говоритъ о ней какъ-то слегка. Въ его изложеніи, попытка Новгорода въ 1470 году промѣнять верховную власть великаго князя Московскаго на верховную власть государя Польско-Литовскаго ни чуть не разнится отъ случаевъ, бывшихъ въ XIV вѣкѣ, когда Новгородцы приглашали къ себѣ на княженіе, вмѣсто Рюриковичей, какихъ нибудь потомковъ Гедимина. Г. Костомаровъ придаетъ партіи, призывавшей Казиміра, значеніе патріотической партіи (т. I, стр. 169, 204); разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ грамотою митрополита Филиппа, отклонявшаго Новгородъ отъ перехода къ Польскому королю, онъ употребляетъ выраженіе, что «люди степенные, богатые бояре, *расчувствовались* отъ этихъ выраженій»; то народное и религіозное одушевленіе, которое столь замѣтнымъ образомъ сопрово-

ждало походъ Іоанна III, выступаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ какъ-то не кстати, и не со всѣмъ мирится со взглядомъ г. Костомарова на происходившія событія. Такъ, напримѣръ, приведя молитву Холмскаго передъ битвою на Шелони, г. Костомаровъ сопровождаетъ ее слѣдующимъ размышленіемъ: «И всѣ проникались мыслію, что идутъ противъ нечестивыхъ отступниковъ за вѣру и за государя, его же противники противятся Богу; всѣ были единодушны, всѣ послушно готовились исполнить волю старѣйшаго». Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ г. Костомаровъ слишкомъ смѣло произноситъ приговоръ надъ такимъ предметомъ, который недоступенъ нашему историческому вѣдѣнію. Кто можетъ знать, что происходило въ мысляхъ Русскихъ людей передъ Шелонскою битвою? Почему они проникались тою идеею, которую предполагаетъ г. Костомаровъ, а не другою? Или изъ чего можно вывести, что именно слова князя Холмскаго внушили имъ эту идею, а не были отголоскомъ общаго, уже готоваго настроенія? Такія сужденія лучше бы, по моему мнѣнію, оставить для романа[1]).

Все изображеніе этихъ событій получило въ книгѣ г. Костомарова не совсѣмъ вѣрный и нѣсколько искусственный, какъ мнѣ кажется, колоритъ отъ того, что нашъ историкъ представляетъ дѣло какъ борьбу начала свободы съ «Московскимъ самовластіемъ». Я полагаю, что наше современное понятіе о принципѣ свободы должно быть тутъ вовсе отложено въ сторону; оно можетъ только смутить прямой взглядъ на дѣло и склонить нашъ судъ въ пользу одной стороны, вопреки голосу исторіи.

Я думаю, что Новгородъ вовсе не представлялъ собою начала свободы въ борьбѣ съ самовластіемъ. Онъ представлялъ собою городъ, признавшій себя за государство, въ борьбѣ съ народомъ и правительствомъ, которыя понимали государство, какъ общее достояніе всей земли. Строеніе этого государства было жизненнымъ подвигомъ тогдашняго и слѣдующихъ поколѣній Русскихъ людей, и я вполнѣ вѣрю въ искренность народнаго одушевленія, которое поддерживало Іоанна III въ его предпріятіи противъ Новгорода. Я думаю, что ес-

[1]) Нельзя не замѣтить, что въ „Сѣверноруссскихъ народоправствахъ“ встрѣчаются слишкомъ часто черты, которыя болѣе годятся для историческаго романа, чѣмъ для исторіи. Такъ г. Костомаровъ говоритъ, что послѣ Шелонской битвы, Новгородскіе послы стояли передъ великимъ княземъ „*съ плаксивыми минами*“ (т. I, стр. 190). Почему извѣстно, что у нихъ были именно плаксивыя мины, а не выраженіе стоическаго хладнокровія, достойнаго сраженныхъ республиканцевъ? Иванъ Васильевичъ передъ отъѣздомъ въ походъ посѣщалъ соборы „*съ обыкновеннымъ невозмутимо-спокойнымъ и благочестивымъ лицомъ*“ (стр. 184). Развѣ его лицо, въ такую рѣшительную для всей его державы минуту, не могло быть, напротивъ разстроеннымъ? — „Иванъ казался очень веселъ“; „онъ въ видимо-хорошемъ расположеніи духа уѣхалъ на Городище“ (стр. 207); другой разъ, „онъ принималъ видъ соболѣзнованія“ (стр. 215): кто подмѣтилъ всѣ эти черты?

ли бы Новгородъ стоялъ дѣйствительно за такой высокій и для всѣхъ осязательный принципъ, какъ свобода, то онъ отражалъ бы «Московское самовластіе» съ большею стойкостью и большимъ самопожертвованіемъ. Но въ самомъ Новгородѣ было, вѣроятно, весьма много такихъ людей, которые не только потому, что *расчувствовались* отъ грамоты митрополита Филиппа, а потому, что это была общая потребность земли Русской, хотѣли «держаться неотступно великихъ Русскихъ государей». Вообще внутренняя борьба партій въ предсмертную эпоху Новгорода требуетъ еще критическаго разбора послѣ книги г. Костомарова: у него она представляется какъ-то неясно. Такъ напримѣръ, г. Костомаровъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «грамота Казимира возводила свободныхъ людей и собственниковъ земель до полной независимости», и что соединеніе съ Польско-Литовскою короною, особенно заманчивое по этому для Новгородскихъ бояръ-землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекало къ себѣ и торговый классъ надеждами на привилегіи, которыми пользовались города въ Польско-Литовской державѣ. Очевидно, стало-быть, что переходъ подъ власть Польскую былъ въ Новгородѣ интересомъ бояръ и житыхъ людей, т. е. того класса, которымъ именно обусловливалось исключительное положеніе Новгорода въ Русской землѣ и который по этому подвергся выселенію послѣ взятія Новгорода Иваномъ Васильевичемъ. Этотъ именно классъ долженъ былъ опасаться «Московскаго самовластія», и чтобы сохранить выгоды, сопряженныя для него съ правами «Государя Великаго Новгорода», онъ могъ рѣшиться на поступокъ, который современники считали не только политическою, но и религіозною измѣною, на переходъ подъ власть Латынскаго короля, благо Латынскій король обѣщалъ даже новыя преимущества. Но потомъ вдругъ, въ повѣствованіи г. Костомарова, бо́льшая часть бояръ и степенныхъ людей оказывается на сторонѣ Москвы, и мы видимъ, что партія *патріотовъ*, т. е. Борецкіе, имѣли между ними немного приверженцевъ и опирались преимущественно на черный народъ, хотя черный народъ, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, менѣе всего могъ выиграть отъ соединенія съ Литвою. Это явленіе загадочное и нельзя не обратить на него вниманія. Я не берусь разрѣшить вопроса, но во всякомъ случаѣ полагаю, что было бы слишкомъ поспѣшно и отважно придавать наименованіе *патріотовъ* партіи Борецкихъ. Конечно, Борецкіе стояли за старую независимость Великаго Новгорода отъ власти государя Московскаго: но что соединялось съ ихъ знаменемъ? Подчиненіе власти государя Польско-Литовскаго. А подчиниться королю Польско-Литовскому было для Русской области въ исходѣ XV вѣка дѣло не шуточное; это было совсѣмъ не то, что, въ XIV и началѣ XV вѣка, признать государемъ

Ольгерда или Витовта вмѣсто того или другаго Рюриковича. Съ той поры много перемѣнилось. Уже гласно обнаружено было настойчивое домогательство Польши отдѣлить отъ Литовско-Русскаго государства всю Кіевскую землю и присоединить ее къ себѣ; уже была Флорентійская унія и введеніе ея въ Русскихъ земляхъ сдѣлалось уже гласно цѣлію Литовско-Польскаго правительства. Уже въ то время, по словамъ Польскаго историка Морачевскаго [1]), «русское вѣроисповѣданіе, не поддававшееся почти вовсе вліянію Флорентійской уніи, испытывало явное униженіе; высшее духовенство католическое вступало въ совѣтъ великаго князя (Литовскаго) и участвовало въ управленіи, а Русское стояло наравнѣ съ простымъ народомъ: вообще, какъ и прежде, церковь католическая искала полнаго господства, а Русская оказывала сильное сопротивленіе». Въ 1470 году выборъ между Иваномъ Васильевичемъ и Казиміромъ былъ уже не только выборъ между личностью Рюриковича и Гедиминовича, а выборъ между двумя путями жизни общественной и религіозной. Русскіе голоса, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ, что современники такъ именно понимали дѣло; но г. Костомаровъ, увлеченный своею идеею о борьбѣ «начала свободы» съ «Московскимъ самовластіемъ», какъ будто не подозрѣваетъ, какой вопросъ былъ поднятъ Борецкими, что̀ значила для всего Русскаго и Славянскаго міра борьба, которою рѣшалось, принадлежать ли Новгороду со всей его областью къ Русскому государству или къ коронѣ Польско-Литовской, какія громадныя послѣдствія связывались съ тѣмъ или другимъ исходомъ этой борьбы. Если бы г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на все это, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ взглянулъ бы иначе на тяжбу Ивана Васильевича съ Великимъ Новгородомъ и вникъ бы глубже въ значеніе той трагической катастрофы, которая ее завершила.

Спб.
1863 г.

[1]) Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej, ч. II, стр. 301.

XVIII.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

XVIII.

Сельская община.

I.

Поборники «экономической свободы» въ Россіи и сторонники рабства въ Америкѣ. — Возможность сельскаго и городскаго пролетаріата въ Россіи. — Батрачество въ Польшѣ. — Что̀ такое пролетарій? — Пролетаріатъ въ западно-европейскомъ мірѣ. — Что было бы послѣдствіемъ уничтоженія сельской общины въ Россіи?

О свобода! какъ злоупотребляютъ твоимъ священнымъ именемъ! На одномъ полушаріи, подъ солнцемъ тропическаго юга, люди, во имя свободы, сражаются [1]) за сохраненіе рабства четырехъ милліоновъ Негровъ. А въ другой части свѣта, въ снѣгахъ Россіи, раздаются голоса, которые, призывая то же имя свободы, желаютъ создать многомилліонный сельскій пролетаріатъ, водворить здѣсь этотъ видъ фактическаго рабства, заступившій, среди европейской цивилизаціи, мѣсто юридическаго рабства древнихъ невольниковъ и Американскихъ Негровъ.

Конечно писатели, вооружающіеся у насъ противъ сельской общины изъ-за принципа экономической или всякой другой свободы, вѣрятъ совершенно искренно, что они стоятъ за дѣло свободы, а не за дѣло рабства; они желаютъ добра, а не зла Русскому народу. Но если мы не остановимся на звукѣ словъ «экономическая свобода», и вникнемъ въ сущность дѣла, то мы увидимъ, что уничтоженіе сельской общины повело бы къ фактическому обращенію въ рабовъ значительнаго числа нашихъ земледѣльцевъ; мы согласимся, что эти на-

[1]) Статья писана въ началѣ 1865 года, по поводу появлявшихся въ то время въ нѣкоторыхъ газетахъ нашихъ мнѣній о необходимости уничтоженія сельской общины, какъ учрежденія противнаго будто бы принципу экономической свободы.

ши поборники «экономической свободы» могутъ, по справедливости, быть сравниваемы съ партіею Джефферсона Дэвиса, которая конечно вполнѣ увѣрена, что лишеніе землевладѣльцевъ права свободно распоряжаться множествомъ рабочихъ рукъ — есть прямое нарушеніе экономической свободы, прямой деспотизмъ. Правда, что тамъ, за океаномъ, землевладѣльцевъ лишаетъ этого права распоряженія рабочими силами само государство, вмѣстѣ съ значительною частью народа; поэтому-то противная партія и стремится разорвать народное единство и разрушить государство. У насъ, только въ западной окраинѣ нашей, тамъ, гдѣ землевладѣльческій классъ принадлежитъ чужой національности, была подобная попытка предупредить послѣдствія освобожденія крестьянъ: Польская шляхта возстала съ именемъ свободы на устахъ, а на дѣлѣ для того, чтобы продлить порабощеніе подвластнаго ей Русскаго и Литовскаго народа. Но, повторяемъ, это было только въ западной окраинѣ, гдѣ національность владѣльческаго класса чужая. Тамъ, гдѣ этотъ классъ русскій, историческое развитіе такъ тѣсно сплотило его и съ государствомъ и съ народомъ, что когда государство, во имя народнаго блага, потребовало отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на обязательный трудъ крестьянъ, — онъ принесъ эту огромную жертву добровольно. Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ совершилось съ безпримѣрнымъ въ исторіи успѣхомъ. Но теперь чувствуется экономическое стѣсненіе отъ такого перелома. Послѣ освобожденія крестьянъ, то, что̀ лишаетъ возможности безусловнаго распоряженія рабочими силами, есть сельская община, дающая каждому земледѣльцу свою домашнюю кровлю, свой клочекъ земли, и тѣмъ самымъ ставящая его въ положеніе независимаго производителя, который можетъ, если ему угодно, продать свой трудъ сосѣднему владѣльцу, но можетъ также и не продать его. И вотъ на сельскую общину падаютъ тяжкіе удары; хотятъ ее разрушить, не замѣчая, что это было бы не торжествомъ экономической свободы, а началомъ новаго экономическаго рабства.

Не трудно доказать два основныхъ положенія, изъ которыхъ вытекаетъ наша мысль: во-первыхъ, что разрушеніе сельской общины должно вести къ пролетаріату; и во-вторыхъ, что пролетаріатъ имѣетъ въ новыхъ обществахъ западно-европейскихъ значеніе, принадлежавшее невольничеству въ древнемъ мірѣ.

Представимъ себѣ, что сельская община какимъ либо способомъ у насъ уничтожена, что въ Россіи земледѣльческій народъ состоитъ ужъ не изъ совокупности *міровъ*, владѣющихъ общественною землею, а обращенъ въ безсвязную массу мелкихъ личныхъ собственниковъ. Изъ этихъ мелкихъ собственниковъ весьма многіе, безъ сомнѣнія, стали бы продавать свои участки, какъ мы это видимъ въ Сербіи,

гдѣ, послѣ изгнанія помѣщиковъ — Турокъ, почти вся земля перешла въ собственность воздѣлывавшихъ ее Славянъ-хлѣбопашцевъ и гдѣ, за неимѣніемъ сельской общины, собственность эта сдѣлалась личною или родовою. Прошло съ небольшимъ 30 лѣтъ, и мы уже видимъ въ Сербіи значительную часть сельскаго народа обезземелѣвшею, мы слышимъ тамъ горькія жалобы на сельскій пролетаріатъ, какъ на главный внутренній недугъ страны. Такъ было бы и у насъ, если бы вмѣсто общиннаго землевладѣнія, господствовала въ крестьянствѣ мелкая личная собственность. Немногіе изъ расчета, бо́льшее число по необдуманности, еще бо́льшее по неволѣ продали бы свои участки; покупатели нашлись бы и между другими поселянами и преимущественно между сосѣдними помѣщиками. Много ли бы нашлось такихъ крестьянъ, которые продали бы свою землю, чтобы взяться за другое производительное дѣло? часто продавали бы землю, чтобы получить деньги и прогулять ихъ, еще чаще, чтобы расплатиться съ заимодавцемъ или уплатить недоимку. Во всякомъ случаѣ, если бы община была у насъ какъ нибудь уничтожена или исчезла, то конечно лишь весьма небольшая часть земледѣльцевъ имѣли бы возможность пріобрѣсти самостоятельную собственность гдѣ нибудь на сторонѣ и съ этою цѣлію сбыли бы свою землю въ родномъ селеніи; нѣсколько больше было бы такихъ, которые остались бы личными собственниками своихъ прежнихъ земель и отчасти увеличили бы эти участки; наибольшее число, безъ всякаго сомнѣнія, обратилось бы въ безземельныхъ работниковъ или, другими словами, въ сельскихъ и городскихъ пролетаріевъ.

Но, возразятъ намъ, пролетаріата въ Россіи опасаться нечего, при ея огромномъ пространствѣ и рѣдкомъ населеніи. Нѣтъ, это ничего не значитъ. Человѣкъ, лишившійся земли и принужденный жить въ работникахъ, не идетъ заселять пустыри, по той простой причинѣ, что для этого нуженъ довольно значительный капиталъ на водвореніе (средства прокормить себя и семью до перваго умолота, рабочій скотъ, орудія и проч.); такой человѣкъ, напротивъ, идетъ туда, гдѣ населеніе уже сосредоточено, его тянетъ къ центрамъ производительности, потому что тутъ онъ скорѣе найдетъ нанимателя. Это непреложный законъ, дѣйствіе котораго замѣтно вездѣ, гдѣ есть бездомные работники. И такъ, если вы уничтожите общину въ Россіи, пространство ея не послужитъ противодѣйствіемъ пролетаріату. Не только населеніе не будетъ распредѣляться равномѣрнѣе, а напротивъ, мѣста малонаселенныя будутъ пустѣть, а въ нѣкоторыхъ центрахъ скопляться будетъ масса совершенно такихъ же пролетаріевъ, какіе составляютъ язву западной Европы. Конечно, язва эта не скоро достигнетъ тѣхъ размѣровъ, какъ напр. въ Англіи и во

Франціи, но не однѣ эти страны страдаютъ отъ пролетаріата. Примѣръ тому — Царство Польское, гдѣ густота населенія одинакова со многими центральными Великороссійскими губерніями [1]). И что же мы видимъ? Въ Царствѣ Польскомъ на 1,995,304 душъ водвореннаго на землѣ сельскаго населенія приходится 1,339,000 душъ батраковъ, поденщиковъ и другихъ безземельныхъ сельскихъ пролетаріевъ, да сверхъ того 176,000 пролетаріевъ городскихъ. За то и сравнимъ же благосостояніе народа въ Царствѣ Польскомъ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи! Правда, въ Царствѣ Польскомъ, благодаря этой массѣ пролетаріевъ, удалось нѣкоторымъ большимъ помѣщикамъ завести у себя усовершенствованное хозяйство въ фермахъ на манеръ западно-европейскихъ. Но невелика эта выгода для страны, въ сравненіи съ нищетою этого сельскаго и городскаго пролетаріата, т. е., почти половины цѣлаго рабочаго класса, съ забитымъ состояніемъ всего сельскаго люда въ Польшѣ, съ его безпомощностью, которая сдѣлала то, что не взирая на уничтоженіе тамъ крѣпостнаго права еще въ 1807 году, сельскій людъ въ Польшѣ оставался до реформы 19 Февраля 1864 г., задуманной подъ вліяніемъ русскихъ понятій, въ гораздо большемъ униженіи и фактическомъ рабствѣ, чѣмъ Русскіе крѣпостные крестьяне-общинники. Польша свидѣтельствуетъ, кажется, самымъ неопровержимымъ образомъ, что пролетаріатъ не есть исключительное свойство земель, чрезмѣрно населенныхъ; что безъ общины онъ развивается и при слабомъ населеніи, не превышающемъ, напримѣръ, населенности Московской, Тульской, Рязанской и другихъ нашихъ губерній; что, стало быть, обиліе земель не гарантируетъ отъ пролетаріата, коль скоро уничтожена единственная дѣйствительная отъ него гарантія — сельская община.

Но есть ли дѣйствительно пролетаріатъ такое зло, котораго нужно опасаться? Быть можетъ, это лишь частное страданіе, а благо для общества? Нѣтъ, пролетаріатъ есть не только страданіе для тѣхъ личностей, которыя имѣютъ несчастіе быть пролетаріями. Это общественное бѣдствіе. Въ настоящее время условія человѣческаго общества уже на столько уяснились, что для всякаго сдѣлалось очевидною истиною, что рабство есть не только зло для самихъ рабовъ, но и для цѣлаго общества, въ которомъ рабство существуетъ; другими словами, что рабство есть не только индивидуальное, но и общественное бѣдствіе. А пролетаріатъ есть видъ рабства.

---

[1]) Въ Царствѣ Польскомъ населенность слѣдующая: въ губ. Варшавской 54 души на 1 кв. версту, въ Радомской—54, въ Плоцкой—38, Люблинской—37 и Августовской—30 душъ на квадратную версту; изъ Великороссійскихъ губерній: въ Московской—51, Курской—45, Тульской—43, Рязанской—38, Калужской—37, Орловской—36, Пензенской—35, Воронежской, Тамбовской и Ярославской по 32 души на квадр. версту.

Что̀ такое пролетарій? Есть ли онъ вполнѣ свободный человѣкъ? Гражданскою свободою онъ пользуется. Но пользуется ли онъ свободою экономическою? Сущность экономической свободы есть, очевидно, право располагать своимъ трудомъ по своему усмотрѣнію или по добровольно заключенному договору. Гдѣ трудъ свободенъ, тамъ цѣна труда — задѣльная плата, условія труда, т. е. число рабочихъ часовъ и т. под., все это должно опредѣляться по свободному соглашенію между дающимъ работу и исполняющимъ ее. Древнее невольничество было самое грубое нарушеніе свободы труда. Въ средніе вѣка невольничество исчезло, но замѣнилось крѣпостнымъ правомъ, болѣе смягченною формою рабства. Уничтожая крѣпостную зависимость, западно-европейскій міръ, вслѣдствіе отсутствія или уничтоженія въ немъ сельской поземельной общины, въ окончательномъ результатѣ привелъ массу населенія къ пролетаріату. Пролетарій не зависитъ отъ одного человѣка, какъ невольникъ или крѣпостной; но онъ рабъ цѣлаго класса людей, располагающихъ средствами давать ему трудъ. Цѣна его труда установляется однимъ этимъ классомъ; онъ зависитъ лишь отъ конкурренціи нанимателей. Пролетарій — невольникъ этой цѣны; онъ не можетъ отъ нея отказаться; иначе у него не будетъ крова и хлѣба; онъ долженъ покориться или умереть; онъ невольникъ. Какъ невольничество было болѣзнію древняго міра, такъ пролетаріатъ сдѣлался болѣзнію западно-европейскихъ странъ. Стачки рабочихъ и разныя ихъ возмущенія играютъ здѣсь роль тѣхъ невольничьихъ возстаній, которыя окровавляли древній міръ въ эпоху его наибо̀льшаго экономическаго процвѣтанія. И кто можетъ предвидѣть, какіе еще размѣры примутъ эти bella servilia новаго времени по мѣрѣ того, какъ — съ умноженіемъ населенія и съ увеличеніемъ дороговизны предметовъ жизненной потребности — будетъ увеличиваться масса пролетаріевъ въ западно-европейскихъ странахъ и масса эта все болѣе и болѣе скопляться будетъ въ промышленныхъ центрахъ, давая такимъ образомъ неестественный перевѣсъ немногимъ большимъ городамъ надъ оскудѣвающимъ населеніемъ селъ. Это явленіе, между прочимъ, особенно ясно представляется цифрами послѣдней народной переписи во Франціи. Въ Англіи точно также замѣчается возрастающее оскудѣніе сельской жизни. Это совершенно понятно: лишенный общины, сельскій людъ выдѣляетъ изъ себя все бо̀льшее и бо̀льшее число пролетаріевъ; а сельскаго пролетарія сила вещей влечетъ къ городу, — бо̀льшая часть сельскаго пролетаріата постепенно превращается въ пролетаріатъ городской. Выхода нѣтъ; ибо западно-европейская жизнь не выработала такихъ началъ, которыя могли бы устранить пролетаріатъ; а перестроить общество по теоріи, какъ думали соціалисты, пораженные именно видомъ этой бо-

лѣзни, — перестроить общество нельзя. Теоріи соціалистовъ неосуществимы; но приходится принимать нѣкоторыя палліативныя (и, разумѣется, мало дѣйствительныя) мѣры, приходится правительству вмѣшиваться въ частныя отношенія между нанимателемъ и работникомъ, опекунствовать надъ трудомъ. Такъ, напримѣръ, Англійское законодательство опредѣляетъ, сколько часовъ работы хозяинъ въ правѣ требовать отъ фабричнаго. По-видимому, какое дѣло правительству назначать норму рабочаго времени? Это предметъ частной сдѣлки. Если хозяинъ потребуетъ лишняго числа рабочихъ часовъ, то фабричный, какъ вольный человѣкъ, оставитъ работу, или поднимете ея цѣну. Но фабричный въ Англіи — пролетарій, а пролетарій — невольникъ: его согласіе не участвуетъ въ установленіи условій работы. Потому-то правительство Англійское принуждено принимать законодательныя мѣры для защиты фабричныхъ пролетаріевъ отъ хозяевъ, которые иначе располагали бы ихъ трудомъ по своему произволу. Извѣстенъ билль 1847 года, запрещающій владѣльцамъ фабрикъ заставлять работать — взрослыхъ работниковъ долѣе 10 часовъ въ сутки, малолѣтныхъ—долѣе $6^1/_2$ часовъ. Такого же рода постановленія сдѣланы въ послѣднее время во Франціи и, если мы не ошибаемся, въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ государствахъ. Конечно, у насъ, даже если бы и явился пролетаріатъ, онъ не вдругъ могъ бы достигнуть такихъ размѣровъ, какъ въ этихъ странахъ; долго еще ощущался бы недостатокъ въ рабочихъ, и они, болѣе или менѣе, участвовали бы въ установленіи условій найма [1]); но это было бы все же лишь временною отсрочкою того зла, отъ котораго уже страдаютъ Англія и другія западныя страны. Примѣръ Англіи особенно знаменателенъ. Безспорно, нѣтъ въ Европѣ правительства, менѣе одержимаго духомъ регламентаціи, страстью вмѣшиваться въ частныя дѣла своихъ подданныхъ, чѣмъ правительство Англійское. И это правительство, черезъ годъ послѣ отмѣны знаменитыхъ хлѣбныхъ законовъ, послѣ этого великаго торжества экономической свободы, рѣшается на такое явное, вопіющее нарушеніе этой свободы ради огражденія фабричныхъ пролетаріевъ, — на регламентацію рабочихъ часовъ! Когда въ странѣ существуетъ неволя, въ той ли или другой формѣ, то общій гражданскій законъ, очевидно, не можетъ быть достаточенъ для охраненія невольника отъ злоупотребленій произвола владѣльца (ибо невольникъ отъ него непосредственно зависимъ).

---

[1]) Если наше законодательство тоже опредѣляетъ число рабочихъ часовъ въ ремесленныхъ цехахъ (уст. ремес. ст. 159), то это, очевидно, не имѣетъ никакого соотношенія съ пролетаріатомъ и есть послѣдствіе той искусственной регламентаціи ремесленнаго производства вообще, которое лежитъ въ основаніи всего цехового устройства въ Россіи.

Законъ вынужденъ прибѣгнуть къ регламентаціи ихъ частныхъ отношеній; онъ, рано или поздно, изъ человѣколюбія, вмѣшается въ это дѣло. Въ мірѣ древняго рабства явится Антонинъ и скажетъ: «господинъ не въ правѣ изнурять раба своего до смерти; за чрезмѣрную жестокость, рабъ будетъ у него отнятъ». При крѣпостномъ правѣ законъ долженъ будетъ постановить: «владѣлецъ не въ правѣ вынуждать больше трехъ дней барщины въ недѣлю; за обремененіе крестьянъ безмѣрными и несносными тягостями или нетерпимой въ управленіи ихъ жестокости [1]), на имѣніе будетъ наложена опека». При пролетаріатѣ законъ опредѣляетъ: «фабрикантъ или заводчикъ не въ правѣ вымогать больше десяти часовъ работы въ сутки; иначе онъ подвергнется взысканію». Всѣ эти три явленія вытекаютъ изъ одного общаго начала существованія рабства въ странѣ и соотвѣтствуютъ тремъ его фазисамъ. Пролетаріатъ есть его ново-европейскій фазисъ. Кто ведетъ къ пролетаріату, — а это есть, какъ мы показали выше, необходимое послѣдствіе отсутствія сельской общины даже въ странѣ мало населенной, — тотъ можетъ говорить только во имя интересовъ тѣхъ людей, для которыхъ важно нанимать дешево работниковъ и имѣть ихъ въ своей власти. Но употреблять слово «свобода» тутъ совершенно не кстати; это значило бы (если позволено перенять выраженіе, не намъ принадлежащее) говорить во имя свободы противъ свободы.

II.

Доводы поборниковъ уничтоженія сельской общины. — Земледѣльческій классъ въ Россіи съ XVI по XIX стол. — Судьба сельской общины въ Польшѣ, Бѣлоруссіи, Великороссіи и Малороссіи. — Поземельное владѣніе въ Китаѣ и Египтѣ. — Община у Индусовъ. — Принципъ землевладѣнія у древнихъ обитателей Новаго Свѣта. — Община въ средневѣковой Германіи и Франціи. — Общинное и личное владѣніе земли въ Россіи. — Круговая порука. — Препятствуетъ ли община передвиженію населенія и пріобрѣтенію личной собственности? — Пермскіе крестьяне и Нѣмецкіе колонисты. — Положеніе 19 февраля 1861 г. о сельской общинѣ. — Маіоратъ въ Германіи и Англіи и община въ Россіи. — Волчья воля. — Община какъ проявленіе понятія Русскаго народа о свободѣ.

Мы объяснили послѣдствія, какія разрушеніе общины имѣло бы для одной части населенія, то есть для тѣхъ несчастныхъ, которые, по своей ли винѣ или отъ посторонннихъ обстоятельствъ, сдѣлались бы пролетаріями. Съ этимъ могутъ согласиться, и все-таки продолжать

[1]) Выраженіе прежняго у насъ закона: Св. зак. изд. 1857 г. т. IX ст. 1109.

споръ противъ общины. Могутъ сказать, что частное зло пролетаріата искупалось бы общимъ благосостояніемъ цѣлаго края, матеріальнымъ и нравственнымъ развитіемъ всего общества. Такая мысль часто высказывается практическими людьми и они ссылаются на наглядный примѣръ: сравниваютъ состояніе Англіи, Франціи, Германіи съ состояніемъ Россіи. Или вопросъ можетъ быть перенесенъ на почву теоретическую. Могутъ сказать, что наша община съ своими аттрибутами: круговою порукою, передѣломъ полей, неотчуждаемостью земли и такъ далѣе, противорѣчитъ непреложному, естественному закону человѣческой природы, личной свободѣ и отвѣтственности человѣка, и что поэтому необходимо снять эти оковы, хотя бы общее благо, — свобода, — и повело къ частному злу — пролетаріату.

Постараемся уяснить себѣ, выдерживаютъ ли эти доводы критику независимаго сужденія.

Начнемъ съ возраженія практиковъ, основывающихся на сравненіи Россіи и западныхъ странъ, ихъ матеріальнаго благосостоянія, развитія ихъ цивилизаціи. Матеріальный и умственный капиталъ народа создается не вдругъ; онъ копится вѣковымъ трудомъ поколѣній. При прочихъ равныхъ условіяхъ, матеріальный и умственный капиталъ народа, — или другими словами, его благосостояніе и степень его образованности, — должны зависѣть отъ того, сколько времени имѣлъ народъ для накопленія этого капитала. Проходилъ длинный рядъ поколѣній, пока племя, занявшее страну, могло въ ней, такъ сказать, водвориться, усвоить ея природу своимъ трудомъ и сложиться въ гражданское общество; и только послѣ этой предварительной работы могло начаться накопленіе народнаго капитала, безъ котораго невозможно ни матеріальное ни умственное развитіе страны. Мы не знаемъ, пришли ли Славяне, предки Русскаго народа, въ Европу въ одно время съ ихъ западными собратьями, или позднѣе. Но во всякомъ случаѣ, въ Россіи, по физическимъ условіямъ страны, эта предварительная работа, предшествовавшая началу гражданской жизни, могла совершиться лишь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Германіи, Франціи, Англіи (не говоримъ уже о благодатныхъ краяхъ южной Европы). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что, въ общихъ чертахъ, предки Русскаго народа ко времени образованія Русскаго государства на столько подвинулись въ этой работѣ, на сколько ее успѣли совершить у себя Германцы во времена Арминія, или жители Галліи и Британіи лѣтъ за 300 или за 400 до Рождества Христова. Другими словами, если, примѣрно, Русскій народъ употребилъ на скопленіе своего настоящаго матеріальнаго и умственнаго капитала 1000 лѣтъ, то, для соразмѣрности въ сравненіи, нужно сказать, что для скопленія своего наличнаго капитала Нѣмцы имѣли 1800 лѣтъ, Фран-

цузы и Англичане болѣе 2000 лѣтъ. Но эта огромная разница еще не все. Почва западныхъ странъ, очевидно, благопріятнѣе нашей. Тамъ, гдѣ въ Россіи почва богатая, земля по другимъ естественнымъ свойствамъ могла сдѣлаться пригодною для осѣдлой жизни только весьма недавно, подъ охраной государства уже вполнѣ утвердившагося. Въ остальной части страны, именно тамъ, гдѣ возрасталъ народъ, почва вообще неблагодарная, и стало быть, при одинаковомъ количествѣ труда, онъ давалъ меньше плодовъ, меньше обращалось въ народный капиталъ, нежели въ Западной Европѣ. Климатъ суровый, долгія зимы: отсюда меньшее количество дней въ году можетъ быть употреблено производительно, и трудъ подвергается бо̀льшимъ перерывамъ, которые, по справедливому замѣчанію Бокля, дѣлаютъ жителя сѣверныхъ странъ менѣе склоннымъ къ постоянной и систематической работѣ, чѣмъ человѣка въ умѣренномъ климатѣ. Пространство огромное и (считая одну только Европейскую Россію) почти *въ шестеро* менѣе населенное, чѣмъ во Франціи и въ Германіи и почти *въ восемь* разъ менѣе населенное, чѣмъ въ Великобританіи; а густота населенія, совокупляя человѣческія силы, усугубляетъ производительность человѣческаго труда и, стало быть, массу матеріальнаго и нравственнаго капитала, имъ создаваемаго. Мы говоримъ столь извѣстныя вещи, что онѣ намъ самимъ кажутся пошлыми; но эти пошлыя истины слишкомъ мало принимаются у насъ въ расчетъ, когда сравниваютъ положеніе Россіи съ западными странами. У насъ слишкомъ охотно приписываютъ нашу бѣдность, нашу экономическую неразвитость и всѣ послѣдствія этой бѣдности и неразвитости — винѣ самого народа: то какимъ-нибудь порокамъ, присвоиваемымъ его характеру, лѣности, безпечности и т. под., то воображаемымъ недостаткамъ его бытовой организаціи, между которыми, разумѣется, община выдвигается на первый планъ. Нѣтъ, мы бѣднѣе западныхъ народовъ, мы менѣе развиты — по причинамъ внѣшнимъ, непроизвольнымъ: потому что страна наша потребовала несравненно дольшаго времени, прежде нежели могла въ ней зародиться гражданская жизнь; потому что тѣ же физическія условія, которыя замедлили въ Россіи зарожденіе гражданской жизни (свойства почвы, наши зимы, наши пространства), продолжали и продолжаютъ дѣйствовать и понынѣ. Сомнѣнья нѣтъ, и въ Россіи человѣкъ все болѣе и болѣе будетъ становиться независимымъ отъ внѣшнихъ невыгодъ, и природа будетъ мало-по-малу терять надъ нимъ свою подавляющую власть. Но внѣшнія невыгоды здѣсь такъ громадны, что взвѣсивъ ихъ и сравнивъ съ другой стороны разстояніе, на которое народы Запада опередили Русскій, мы конечно признаемъ за Русскимъ народомъ относительное первенство въ энергіи и успѣхѣ труда. И какъ община составляетъ

отличительный признакъ русскаго народнаго труда отъ труда западно-европейскаго, то всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что этимъ относительнымъ первенствомъ (которое съ каждымъ днемъ должно приближаться къ первенству дѣйствительному, ибо сравненіе историческихъ эпохъ доказываетъ, что Русскій народъ нагоняетъ Западно-Европейскіе), всего вѣроятнѣе, говоримъ мы, будетъ предположить, что этимъ первенствомъ Русскій народъ обязанъ именно общинѣ. Вѣроятіе сдѣлается для насъ очевидною истиною, когда мы, вмѣсто сравненія съ Западною Европою, взглянемъ на то, что представляетъ сама Россія. Не весь народъ Русскій живетъ общинами. Въ западной своей части онъ не знаетъ общиннаго быта. А на сторонѣ этой западной полосы соединены всѣ преимущества лучшаго климата, лучшей, большею частью, почвы, и болѣе продолжительной гражданской жизни. Въ центральной и сѣверовосточной Россіи едва начиналась Русская колонизація: здѣсь Русскому народу, какъ онъ припоминаетъ въ сказкѣ объ Егоріи, приходилось еще одолѣвать «лѣса дремучіе, гдѣ ни пройти, ни проѣхать», разгонять «стада волковъ рыскучихъ», очищать «водою животочною» пастушескія племена, у которыхъ «волоса, что ковыль-трава, тѣло на нихъ кора еловая, гласомъ гласятъ по звѣриному»; а въ эпоху этой колонизаціи центра и сѣверовостока Россіи, западъ и юго-западъ ея уже имѣлъ всѣ выгоды устроенной гражданственности. Община первоначально существовала и тамъ, но потомъ она исчезла, подъ дѣйствіемъ тогдашнихъ носителей идеи «экономической свободы» — Польскаго шляхетства и Магдебургскаго городскаго права [1]). Уже въ XVII вѣкѣ посторонній и безпристрастный наблюдатель, южный Славянинъ — католикъ — былъ пораженъ огромною разницею въ положеніи земледѣльческаго класса въ западной части Русской земли, подвластной тогда Польшѣ, и въ восточной Руси. «У Ляховъ, говоритъ онъ, земледѣльцевъ и посадскихъ истязаютъ ихъ господа и морятъ безнаказанно; жиды мучатъ ихъ какъ бѣсы, военные поѣдаютъ ихъ съ кожею и костьми; а на Руси (т. е. въ восточной Руси, Московской) никто ихъ не трогаетъ». «Милости наши къ крестьянамъ и земледѣльцамъ (эти слова тотъ же Крижаничъ влагаетъ въ уста Русскаго царя) всегда были изрядны. Ибо вѣдомо всѣмъ, что въ нашемъ государствѣ много лучше крестьянамъ промышлено, чѣмъ въ нѣкоторыхъ окольныхъ державахъ, гдѣ боярскіе и военные люди крестьянъ безнаказанно изобижаютъ; а у насъ не ведется таковъ обычай». «Подумай, говоритъ у него въ

[1]) Статья г. Иванишева „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“ („Русск. Бесѣда“, 1857 г. кн. III) представляетъ намъ предсмертныя, такъ сказать, проявленія древняго общиннаго быта на Волыни во второй половинѣ XVI вѣка.

діалогѣ Русскій Поляку, подумай и разсуди, какой хорошій хлѣбъ ѣдятъ, по милости Божіей, во всей Россіи, а въ вашей Литвѣ какой негодный, такъ что пословица говоритъ: Литва—соломенный хлѣбъ» [1]). Это было писано въ 1663 году; и съ того времени положеніе земледѣльческаго класса въ Западно-Русскомъ краѣ, конечно, еще ухудшилось, и только развѣ съ 1863 года можно считать начало улучшенія. Какая же причина обѣднѣнія Западно-Русскаго народа, оскудѣнія въ немъ жизни, которое наступило въ XVI вѣкѣ, т. е. именно въ ту пору, когда народъ восточной Руси только начиналъ проявлять свои силы,—и длилось до нашихъ дней? Насъ поражаетъ тотъ фактъ, что высшіе классы въ западномъ краѣ земли Русской чужіе народу по національности и вѣроисповѣданію, и мы обыкновенно останавливаемся на поверхности этого явленія. Дѣйствительно, отчужденность польскаго и католическаго дворянства и вообще высшихъ классовъ отъ простаго народа, ихъ презрительныя и враждебныя чувства къ Русскому мужику, ихъ стремленіе пригнести его всѣми средствами—составляютъ величайшее зло нашего Западнаго края. Но вспомнимъ, что дворянство западныхъ губерній принадлежитъ Польской національности лишь по собственному, такъ сказать, изволенію, что по происхожденію оно, большею частію, мѣстное, коренное, русское, отшатнувшееся отъ Русской народности и православной вѣры только въ XVII и XVIII вѣкѣ. Сравнимъ съ этимъ Западно-Русскимъ, преимущественно туземнымъ, дворянствомъ — дворянство Великорусское, въ составъ котораго, какъ извѣстно, вошло такое множество всякихъ пришлыхъ элементовъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Въ XVI вѣкѣ, когда поколебалось прежнее равновѣсіе двухъ половинъ земли Русской, и Западная начала слабѣть, а Восточная постепенно усиливаться, Западно-Русское дворянство не только превосходило Восточное образованностью, но оно, конечно, стояло въ болѣе тѣсной связи съ своимъ народомъ, было болѣе ему сочувственно и болѣе заинтересовано въ благосостояніи подвластнаго ему люда, чѣмъ всѣ эти крещеные мурзы и всякаго рода иноземные выходцы, которымъ раздавались помѣстья въ Московскомъ государствѣ. Но въ Московскомъ государствѣ сельскій людъ былъ крѣпокъ своею общиною и само правительство не только ее берегло, но даже утверждало ея самостоятельность [2]). Крѣпкій кругъ сельской общины отражалъ отъ себя разрушительное дѣйствіе чуждыхъ русской жизни элементовъ и, напротивъ, втягивалъ эти элементы въ русскую жизнь. Татарскіе мур-

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, изд. Безсонова, т. I стр. 247; 328, т. II стр. 320. То же замѣчаніе повторяется и въ другихъ мѣстахъ, см. т. I, 236, т. II, 319.

[2]) Извѣстны постановленія Ивана Грознаго въ пользу самоуправленія общинъ.

зы и иноземные авантюрцсты приростали, такъ сказать, къ Русской землѣ. Каждый земледѣлецъ находилъ въ общинѣ ту общественную самодѣятельность (участіе въ мірскомъ дѣлѣ) и то матеріальное обезпеченіе (право на часть въ мірской землѣ), которыя сохранили въ Русскомъ крестьянствѣ сознаніе нравственной самостоятельности и чувство человѣческаго достоинства, когда писанный законъ прямо порабощалъ его. Съ другой стороны, въ Западной Руси въ XVI вѣкѣ совершенно разрушается сельская община. Правительство Польское, руководимое шляхтою, само всѣми силами этому помогаетъ, такъ что люди, въ которыхъ еще живъ старый общинный духъ народный, принуждены бѣжать въ Приднѣпровскія степи и дальше, за пороги, въ «дикія поля», чтобы образовать тамъ новыя общины казацкія, съ самаго зарожденія своего враждебныя всему гражданскому устройству, принятому Западною Русью. Лишенный оплота сельской общины, народъ въ ней все болѣе и болѣе слабѣетъ подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ чуждыхъ стихій, и эти чуждыя стихіи овладѣваютъ самимъ Русскимъ дворянствомъ въ Западномъ краѣ. Чисто русское по происхожденію, оно съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе отрывается отъ Русской земли. Въ земледѣльческомъ классѣ цѣлыя массы людей становятся безземельными батраками, пролетаріями; но и тѣ, которые удержали въ своемъ пользованіи землю, живя безъ внутренней общинной связи, теряютъ всякую самостоятельность; и тѣ и другіе становятся рабами, — и рабами людей, которые, сдѣлавшись имъ чуждыми по народности и по религіи, могутъ думать конечно лишь о томъ, какъ бы эксплуатировать этихъ рабовъ и удерживать ихъ въ своей власти. Вотъ въ краткой параллели судьба Западно-Русскаго народа сравнительно съ Восточнымъ. Если Русскій народъ въ восточной Руси обезпеченъ хлѣбомъ, крѣпокъ и самостоятеленъ нравственно и могучъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего сельской общинѣ. Если въ западномъ краѣ Русскій народъ обнищалъ, ослабѣлъ духомъ и впалъ въ совершенную зависимость отъ высшихъ классовъ, то этому прежде всего виною утрата сельской общины, — и только въ той части Западнаго края, гдѣ разрушившаяся древняя община возродилась въ учрежденіи казачества, Русскій народъ могъ уберечься отъ этого матеріальнаго и нравственнаго упадка. Но въ Малорусскомъ казачествѣ уцѣлѣла только одна, такъ сказать, сторона общины: солидарность членовъ общества и самоуправленіе; исчезла ея первобытная непосредственность, которая дѣлаетъ Великорусскую общину какъ бы прирожденнымъ достояніемъ человѣка; община казацкая замкнулась, какъ привилегированное братство, исключавшее одну часть земледѣльческаго населенія и служившее извѣстнымъ, спеціальнымъ цѣлямъ. Не обнимая ни всего народа, ни всего быта,

она въ началѣ пыталась принять характеръ товарищества, основаннаго на условныхъ правилахъ и отчасти даже (какъ въ Запорожской Сѣчи) съ коммунистическимъ направленіемъ; вообще же развила въ себѣ начало обособленной, личной поземельной собственности [1]). Все это и объясняетъ ея историческую судьбу. Боевая артель, казацкая община въ эпоху воодушевленія и борьбы придала народу огромную силу; но скоро подверглась внутреннему разладу и пала. Она спасла Малорусскій народъ отъ судьбы Бѣлорусскаго; но не могла дать ему той энергіи, которую Великорусскій крестьянинъ почерпалъ въ своей земской общинѣ. Малорусскій бытъ съ его казачествомъ и личною поземельною собственностью сталъ какъ-бы на срединѣ между Великорусскою земскою общиною и безобщиннымъ бытомъ Западнорусскимъ. На сторонѣ Малорусскаго народа были всѣ выгоды благодатной страны и долгой свободы отъ крѣпостнаго права. Не смотря на все это, бо́льшая склонность къ труду и промыслу оказалась на сторонѣ того народа, который удержалъ земскую общину.

Намъ остается теперь подвергнуть вопросъ объ общинѣ разбору собственно въ теоретическомъ смыслѣ. Ибо какъ бы ни было убѣдительно доказано, что уничтоженіе общины ведетъ къ пролетаріату, и что пролетаріатъ, будучи своего рода рабствомъ, есть великое бѣдствіе: мы услышимъ возраженіе, что это зло необходимо въ развитомъ человѣческомъ обществѣ. Какъ бы ни было ясно представлено, что народъ Русскій обладаетъ большею энергіею тамъ, гдѣ онъ живетъ общинами, нежели въ тѣхъ краяхъ, гдѣ общинный бытъ не существуетъ: мы услышимъ возраженіе, что это такъ только, покуда общество неразвито; что община противорѣчитъ законамъ гражданскаго развитія, и потому должна или сама исчезнуть, или быть устранена. При этомъ намъ непремѣнно укажутъ на примѣръ западноевропейскихъ народовъ. Но въ теоретическомъ сужденіи, примѣръ не можетъ служить непремѣннымъ доказательствомъ, и мы позволимъ себѣ устранить этотъ доводъ: ибо то, что́ представляется на Западѣ Европы, какъ бы оно ни было хорошо, все же не можетъ быть признано за окончательную норму человѣческаго развитія. Это значило бы положить предѣлъ ходу человѣчества, что́ очевидно противорѣчитъ здравому смыслу и исторіи. Правда, мы находимъ, что у Германцевъ, или по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ, были въ старину признаки поземельной общины и передѣла полей,

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь разумѣется, только о казачествѣ Малороссійскомъ. Великорусское казачество осталось, вообще, гораздо ближе къ первоначальному типу земской общины и между прочимъ сохранило начало общиннаго поземельнаго владѣнія. Оно и не обнаружило той исключительности, какъ казачество Малороссійское, и не заключало въ себѣ тѣхъ зародышей быстраго разложенія.

что поземельная община была извѣстна и средневѣковой Франціи, но что со временемъ все это исчезло. Однако изъ того, что у Германцевъ и во Франціи не развились эти начатки поземельной общины, слѣдуетъ ли непремѣнное заключеніе, будто поземельная община вездѣ должна оставаться только принадлежностью первобытной эпохи? Это было бы такимъ же ребяческимъ разсужденіемъ, какъ если бы въ древности какой-нибудь Грекъ, указывая на неразвившійся зародышъ объединенія Эллиновъ при царѣ Агамемнонѣ и на ихъ раздробленность въ эпоху процвѣтанія, сталъ на этомъ основаніи утверждать, что государственное единство есть для развитаго народа недосягаемое благо. И такъ, оставляя въ сторонѣ слишкомъ бездоказательные примѣры, перейдемъ къ теоретическому сужденію.

Намъ кажется, что поземельная община нисколько не противорѣчитъ началу собственности, этому краеугольному камню человѣческаго общества, и не имѣетъ ничего сходнаго съ коммунистическими тенденціями, въ которыхъ ее такъ часто обвиняютъ. Напротивъ того, мы думаемъ, что поземельная община основана на самомъ вѣрномъ, хотя инстинктивномъ въ народѣ, сознаніи начала собственности.

Излишнимъ было бы распространяться о существенномъ различіи между землею и всякою другою собственностью: человѣкъ не властенъ надъ нею, онъ не можетъ ее ни произвести, ни уничтожить. Такимъ образомъ, въ поземельной собственности присущи два элемента: элементъ, независимый отъ человѣка (сама земля), и сила, усвоивающая этотъ элементъ человѣку (трудъ со всѣми его послѣдствіями). На первой ступени развитія народовъ, въ понятіи о землѣ господствуетъ исключительно первый элементъ: земля считается такою же общею, не подлежащею ничьему частному присвоенію, принадлежностью человѣка, какъ напр. воздухъ и вода. Таковъ долженъ былъ быть первоначальный взглядъ на землю. Но затѣмъ, когда человѣкъ приложилъ къ землѣ свой трудъ, первымъ его побужденіемъ было, конечно, придать этому личному труду исключительное значеніе: онъ, естественно, терялъ изъ виду, забывалъ общій, независимый элементъ въ землѣ, и признавалъ ее такимъ же предметомъ безусловной частной (родовой или личной) собственности, какъ животное, которое онъ вскормилъ, жатву, которую собралъ, и т. под. Мы находимъ такимъ образомъ вездѣ въ первоначальныхъ цивилизаціяхъ непосредственный переходъ отъ идеи полнаго, такъ сказать, коммунизма земли къ полному ея обращенію въ частную собственность. Такъ напримѣръ, въ Китаѣ, первоначально земля признавалась достояніемъ всего общества, а съ укрѣпленіемъ монархическаго принципа, достояніемъ императора или удѣльнаго владѣтеля, и распредѣлялась между землевладѣльцами ровными участками, кото-

рые давались каждому на время, пока онъ былъ способенъ къ работѣ. Земля дѣлилась на квадратныя пространства извѣстной величины, которыя разбивались на 9 участковъ каждое: 8 участковъ предоставлялись отдѣльнымъ земледѣльцамъ, на собственное употребленіе, а изъ 9-таго участка, по серединѣ, одна двадцатая часть отводилась подъ усадьбы, а остальныя обработывались для казны. Болѣе этого опредѣленнаго количества земли никто не могъ получить; никто не могъ располагать землею по своему произволу, уступать ее другому посредствомъ продажи, заклада или единовременной отдачи другому на посѣвъ. Раздача земель работникамъ, отобраніе у престарѣлыхъ и слабыхъ и передача другимъ съ обязанностью прокормлять этихъ людей, все это дѣлалось государственною властью. Тутъ мы видимъ явную идею коммунизма земли. На этой системѣ полей, замѣчаетъ нашъ почтенный синологъ, у котораго мы и заимствуемъ всѣ эти данныя [1]), стояло, какъ на фундаментѣ, все государственное зданіе древняго Китая. Отъ этого коммунизма, оказавшагося на практикѣ весьма неудобнымъ, Китай прямо перешелъ къ полной частной собственности земель. Въ 350 году до Р. Х. реформаторъ Шанъ-янъ провозгласилъ, что всѣ земли составляютъ вѣчную собственность каждаго, кто ихъ занималъ, собственность, которою каждый можетъ располагать по своему произволу. Послѣдствіемъ этого было въ Китаѣ быстрое обезземеленіе огромнаго большинства народонаселенія и сосредоточеніе земли въ рукахъ небольшаго числа крупныхъ собственниковъ, у которыхъ прочіе земледѣльцы сдѣлались арендаторами или рабочими. Чтобы облегчить гнетъ, подъ который такимъ образомъ попала масса народа, Китайское правительство неоднократно старалось возстановить древнюю коммунистическую форму землевладѣнія; важнѣйшая попытка въ этомъ смыслѣ сдѣлана была въ XV вѣкѣ, но попытки эти, какъ и весьма естественно, не могли имѣть успѣха.

Поразительное сходство съ этими фактами исторіи Китая представляетъ намъ другая страна съ столь же первобытною цивилизаціею, Египетъ. По словамъ Геродота, царь Сезострисъ раздѣлилъ землю въ Египтѣ между жителями, назначая каждому четвероугольные участки одинаковой величины. Это очевидно таже коммунистическая система, примѣненіе которой въ древнѣйшую эпоху такъ подробно представляется въ Китаѣ. Геродотъ не передаетъ намъ свѣдѣній о переходѣ отъ этого коммунизма къ полной частной собственности, но этотъ переходъ совершился, пото-

[1]) Захаровъ: „Поземельная собственность въ Китаѣ“, во 2-мъ томѣ Трудовъ Росс. Дух. Миссіи въ Пекинѣ.

тому что въ послѣдующее за тѣмъ время земля въ Египтѣ является (какъ видно изъ свидѣтельства Діодора Сицилійскаго) частною собственностью, и притомъ такою, которая успѣла уже перейди, какъ въ Китаѣ, въ руки крупныхъ владѣльцевъ, членовъ высшихъ кастъ, воиновъ и жрецовъ, и царя (какъ личнаго собственника), съ обращеніемъ всего земледѣльческаго люда въ арендаторовъ.—У древняго Израиля земля была въ древнѣйшую, пастушескую эпоху, безъ всякаго сомнѣнія, нераздѣльнымъ достояніемъ всего народа, а затѣмъ, по водвореніи въ Палестинѣ, народъ Еврейскій прямо перешелъ къ частному землевладѣнію. Книги Закона признавали и впослѣдствіи, что земля есть достояніе Божіе, а не человѣческое, и, основываясь на этомъ принципѣ, постановили правила о возстановленіи прежнихъ владѣльцевъ въ обладаніи отчужденнымъ ими имуществомъ, черезъ каждыя 49 лѣтъ; но, какъ видно изъ исторіи, правила эти оставались безъ практическаго примѣненія. Такимъ образомъ древнѣйшія цивилизаціи нашего Стараго Свѣта, и Китайская, и Египетская, и Еврейская знали только или коммунизмъ земли, или частную собственность.

Община, примиряющая эти два начала — независимаго отъ человѣка значенія земли и права, какое даетъ ему надъ нею его трудъ,— община была совершенно чужда понятіямъ этихъ древнихъ народовъ. Первые признаки ея являются, среди древнихъ цивилизацій Стараго Свѣта, только у того поколѣнія, которому суждено было превзойти всѣ остальныя племена людскія и подчинить себѣ міръ силою своей мысли и энергіею своихъ рукъ: первые признаки общины являются у Индусовъ, перваго изъ народовъ Арійской крови, выступившаго въ исторіи. Уступая однимъ лишь Израильтянамъ въ глубинѣ религіознаго созерцанія, Индусы во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ безспорно представляютъ высшую изъ древнихъ до-европейскихъ цивилизацій. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ только скудными и смутными данными объ Индійской общинѣ. При томъ всѣ внѣшнія обстоятельства Индійской жизни были какъ нельзя болѣе неблагопріятны общинному началу: раздѣленіе между завоевателями и завоеванными, развитіе кастъ, преобладаніе аристократическаго элемента, все это должно было подавлять общинное начало, и оно дѣйствительно оставалось постоянно безсильнымъ и безвѣстнымъ, но все же существовало издавна и сохранилось до нашихъ дней. Въ древнихъ эпопеяхъ Индійскихъ являются сельскія общины и промышленныя корпораціи (артели), происхожденіе которыхъ должно быть отнесено къ древнѣйшему времени, предшествовавшему образованію деспотическихъ монархій въ Индіи. «Учрежденія подобнаго рода, справедливо замѣ-

чаетъ Дункеръ въ своей извѣстной исторіи древняго міра [1]), никогда не бываютъ обязаны своимъ началомъ деспотизму, которому присуще стремленіе атомизировать народъ и управлять имъ сверху центральною властью; поэтому такія учрежденія должны были развиться изъ народной жизни до начала монархическаго деспотизма въ Индіи». Извѣстія Англичанъ свидѣтельствуютъ, что и въ настоящее время, не смотря на столько переворотовъ, слѣды поземельной общины не совсѣмъ тамъ изгладились.

Если мы отъ древнихъ цивилизацій Стараго Свѣта перейдемъ къ древнимъ цивилизаціямъ Новаго Свѣта, то и тутъ мы найдемъ сперва коммунизмъ земель и распредѣленіе земель государствомъ, на подобіе древняго Китая: таковъ былъ принципъ землевладѣнія у древнихъ Перувіанцевъ, и несомнѣнно, что только Испанское завоеваніе, разрушившее эту первобытную цивилизацію, не дало ей времени отъ этого коммунизма перейти естественнымъ путемъ къ частной собственности. Частная поземельная собственность существовала у Мексиканцевъ, которые представляютъ высшую ступень развитія, какой достигли Американскіе народы. И замѣчательно, что у нихъ было что-то въ родѣ поземельной общины (такъ назыв. калпулли), похожей, по своему зависимому положенію, на общину у Индусовъ. Она точно также была, какъ видно, подавлена завоевательнымъ характеромъ, лежавшимъ въ основѣ государственнаго устройства древней Мексики, господствомъ аристократіи и кастическимъ началомъ. Но эти поземельныя общины или калпулли пользовались юридическимъ признаніемъ, земли ихъ были неприкосновенны и ихъ выборные старшины считались принадлежащими къ благородному сословію.

Въ Европѣ исторія не застаетъ уже древнѣйшаго коммунизма земель, если мы не захотимъ придать историческаго значенія миѳамъ о золотомъ вѣкѣ, когда все было общее. Здѣсь древнѣйшею формою землевладѣнія была полная частная собственность, сперва родовая, а потомъ личная, какъ напримѣръ у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Поземельная община и въ Европѣ, какъ въ Азіи и Америкѣ, принадлежитъ народамъ, представляющимъ высшій фазисъ развитія. Первые признаки ея въ Европѣ являются у Германцевъ; но въ Германскомъ бытѣ элементъ аристократіи имѣлъ такое преобладающее значеніе, что развитіе общины было невозможно. Во Франціи, послѣ распаденія римской организаціи въ средніе вѣка, земледѣльцы стали также соединяться въ поземельныя общины, въ особенности на церковныхъ земляхъ. Поземельныя общины существовали тамъ въ большомъ числѣ до революціи 1789 года. Страшныя злоупотребленія высшихъ клас-

[1]) Duncker, Geschichte des Alterthums. II, 104.

совъ, страшныя бѣдствія народа сдѣлали ему ненавистною всю прежнюю его жизнь, и онъ въ эту революцію внезапнымъ переворотомъ уничтожилъ или хотѣлъ уничтожить все прошлое. Поземельныя общины погибли въ этомъ крушеніи и замѣнились мелкою личною собственностію. Но въ настоящее время люди, изучающіе бытъ Французскихъ крестьянъ, оплакиваютъ уничтоженіе поземельныхъ общинъ, какъ величайшее бѣдствіе для земледѣльческаго класса во Франціи, и мечтаютъ о возстановленіи ихъ, какъ единственномъ спасеніи отъ общественныхъ золъ, отравляющихъ жизнь народныхъ массъ въ этой странѣ. Возстановленіе разъ уничтоженныхъ общинъ едва ли осуществимо на практикѣ. Но учрежденіе, которое завяло въ зародышѣ у Нѣмцевъ и Французовъ, можетъ развиться при другихъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, и мы повторимъ слова, которыми г. Бонмеръ заканчиваетъ свою превосходную исторію Французскихъ крестьянъ: «Одинъ изъ высшихъ и совершеннѣйшихъ умовъ древняго міра, Аристотель, былъ убѣжденъ, что рабство есть законное и необходимое общественное учрежденіе и что трудъ не возможенъ безъ рабовъ. Въ средніе вѣка лучшіе мыслители были увѣрены, что крѣпостное право справедливо и нужно. Нынче думаютъ точно также, что дробленіе поземельной собственности и работа поземельными наемниками (le salariat) составляютъ идеалъ и послѣднее слово общественныхъ учрежденій... Но развѣ новый законъ индустріи создалъ на землѣ такой привлекательный рай, что нужно раскинуть шатры и остановиться въ немъ безъ надежды? Какъ положеніе рабочаго класса постоянно видоизмѣнялось, постепенно улучшаясь, и каждое изъ этихъ улучшеній обозначало собою, по справедливому замѣчанію Шатобріана, великое и благодѣтельное преобразованіе, такъ отчего же то, что́ не переставало итти впередъ, сдѣлалось бы вдругъ неподвижнымъ? отчего рабочій человѣкъ, который былъ поочередно рабомъ, крѣпостнымъ и наемникомъ, не былъ бы призванъ сдѣлаться общинникомъ? Кто осмѣлится присвоить себѣ голосъ Бога, чтобы сказать человѣчеству, вѣчно идущему впередъ: «ты дальше не пойдешь!» [1])

---

[1]) Eugène Bonnemère: Histoire des paysans, II. 499: „L'une des plus hautes et des plus complètes intelligences de l'antiquité, Aristote, était convaincu que l'esclavage était une institution sociale légitime et nécessaire et que le travail était impossible sans esclaves. Au moyen âge les esprits les plus éminents étaient convaincus que le servage était juste et indispensable. Aujourd'hui l'on est convaincu, au même titre, que le morcellement agricole et le salariat sont l'idéal et le dernier mot des institutions sociales.... La loi nouvelle de l'industrie a-t-elle réalisé sur cette terre un si séduisant Eden, qu'il faille déployer nos tentes et nous y arrêter sans espoir? Puisque la condition des travailleurs a changé sans cesse pour s'améliorer toujours, et que chacune de ces améliorations a sonné l'heure d'une grande et bienfaisante transformation sociale, ainsi que Cha-

Бонмеръ правъ: поземельная община должна обозначить собою высшій фазисъ общественнаго развитія, ибо по идеѣ своей она наименѣе односторонняя. Она пытается соединить начало общаго пользованія землею, какъ природнымъ достояніемъ людей, съ началомъ полной собственности, какъ результатомъ личнаго труда. Такъ она признаетъ жатву и всѣ вообще произведенія, добытыя трудомъ, безусловною личною собственностью, будучи этимъ діаметрально противоположна всякому коммунистическому обществу. Съ другой стороны, поземельная община заключаетъ въ себѣ ту идею, что всякій человѣкъ, желающій жить земледѣльческимъ трудомъ, долженъ находить въ той средѣ, къ которой онъ принадлежитъ, или въ своемъ мірѣ, необходимую для этого труда землю, такъ какъ она, сама по себѣ, не подлежитъ ни чьему исключительную усвоенію. Внѣ круга земель, удовлетворяющихъ такимъ образомъ насущной потребности земледѣльческаго люда, вся прочая земля можетъ обращаться въ личную собственность; въ этомъ видѣ личная поземельная собственность издавна велась и всегда признавалась на Руси; но народъ нашъ не понимаетъ, чтобы земля, нужная непосредственно для обезпеченія каждаго земледѣльца, могла быть чѣмъ либо инымъ, какъ общественнымъ достояніемъ [1]). Такова, какъ намъ кажется, въ отвлеченномъ выраженіи, существенная идея поземельной общины, идея, которая, безспорно, представляетъ высшую ступень развитія сравнительно съ обществами, отождествляющими землю съ предметами, которые подлежатъ безусловно личному усвоенію. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ бытовыя приложенія этой идеи соотвѣтствуютъ условіямъ общественной жизни.

Мы часто слышимъ, будто круговая порука, это логическое послѣдствіе общины, не совмѣстна съ началомъ личной отвѣтственности; будто общинный бытъ, съ неотчуждаемостью общинной земли, задерживаетъ свободное движеніе и распредѣленіе производительныхъ силъ и собственности; будто передѣлъ полей препятствуетъ тщательной обработкѣ земли; будто наконецъ общинный союзъ вообще ослабляетъ личную самодѣятельность, держитъ человѣка въ опекѣ и есть своего рода крѣпостное право, которое можетъ становиться даже суровѣе бывшей помѣщичьей власти.

Вотъ, кажется, всѣ аргументы, которые намъ приходилось чи-

---

teaubriand l'établit avec raison, pourquoi ce qui n'a jamais cessé de progresser serait-il subitement frappé d'immobilisme, pourquoi le travailleur, qui a été tour à tour esclave, serf et salarié, ne serait-il pas appelé à devenir associé? Qui donc osera prendre la voix de Dieu pour dire à l'humanité, qui toujours marche: Tu n'iras pas plus loin!"

[1]) Это всего яснѣе выражалось въ извѣстномъ взглядѣ Русскаго крестьянства на землю въ эпоху крѣпостнаго права:" мы господскіе, а земля наша—мірская".

тать или слышать противъ русской общины. Начнемъ съ послѣдняго изъ нихъ, самаго общаго и на видъ самаго страшнаго: что общинное право есть видъ опеки человѣка надъ человѣкомъ, своего рода крѣпостное право. Позволимъ себѣ сказать безъ обиняковъ: эта фраза «община есть видъ крѣпостнаго права» не болѣе какъ то, что Французы называютъ une mauvaise plaisanterie. Въ крѣпостномъ правѣ, сколько извѣстно, одинъ человѣкъ располагалъ другими людьми безъ ихъ участія и согласія въ рѣшеніи того, что до нихъ касалось. А общинное право есть право самоуправленія и самосуда, право, которое каждому члену общества даетъ голосъ въ совѣтѣ и рѣшеніи по общему дѣлу и которое, по существующему обычаю, не довольствуется даже большинствомъ, имѣющимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принудительный характеръ, а требуетъ единогласія. Каждый человѣкъ подчиняется тутъ приговору, въ которомъ онъ самъ участвовалъ или могъ участвовать; онъ повинуется старшинѣ, котораго самъ выбиралъ. Если это можетъ быть сочтено ослабленіемъ личной самодѣятельности, если это можетъ быть названо опекой и сравнено съ крѣпостнымъ правомъ, то какое страшное стѣсненіе личности, какая тяжкая опека, какое ужасное крѣпостное право господствуетъ въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ, гдѣ общія дѣла рѣшаются тоже голосомъ всѣхъ гражданъ и даже простое большинство постановляетъ обязательное для каждаго рѣшеніе! Нѣтъ, оставимъ въ сторонѣ эту шутку при равненія общины къ крѣпостному праву.

Круговая порука противна ли закону человѣческой отвѣтственности [1])? Представимъ себѣ, что община уничтожена, и что каждая личность отвѣчаетъ за себя въ отбываніи общественныхъ тягостей. Имущіе и исправные будутъ платить только свою личную долю; за неимущихъ и неисправныхъ никто не заплатитъ. Очевидно, что тотчасъ же увеличится значительно сумма недоимокъ. Но ни государство, ни земство для этого не откажутся; да и едва ли бы могли отказаться, отъ расходовъ, на которые пошли бы эти недоплаченныя деньги. Представятся два средства къ восполненію недостатка: либо увеличить въ той или другой формѣ взимаемыя съ народа суммы, и такимъ образомъ все-таки разложить недоимку на исправныхъ плательщиковъ; или взыскивать съ каждаго неисправнаго плательщика

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь, конечно только круговую поруку въ отношеніи къ общественнымъ и государственнымъ обязанностямъ, т. е. ту круговую поруку, которая логически истекаетъ изъ идеи поземельной общины и коренится въ народномъ бытѣ. Мы совершенно устраняемъ круговую поруку въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ вовсе не зависящую отъ общиннаго быта; это ничто иное, какъ полицейская мѣра, которая принималась почти вездѣ, и при общинномъ бытѣ и внѣ этого быта, для воспособленія недостатку или несовершенству административныхъ средствъ къ предупрежденію и преслѣдованію преступленій.

подать экзекуціонными мѣрами, т. е. разорять людей, которые иначе, можетъ быть, скоро поправились бы, дѣлать изъ нихъ бѣдняковъ, съ которыхъ чрезъ годъ нечего будетъ взять, и за которыхъ поневолѣ будутъ платить потомъ имѣющіе что-нибудь. Тѣмъ или другимъ способомъ, вездѣ имущимъ приходится нести общественную тягость за неимущихъ, круговая порука вездѣ существуетъ, да и не можетъ не существовать, потому что человѣческое общество, видно, создано не для полной отдѣленности каждаго лица, а для того, чтобы люди помогали другъ другу. При томъ же та несоразмѣрная тягость, которую круговая порука налагаетъ на имущихъ и исправныхъ за нерадивыхъ и бѣдныхъ, вознаграждается другою несоразмѣрностію прямо противоположнаго свойства, тѣмъ, что равная, сравнительно, прибыль легче получается по мѣрѣ того, чѣмъ больше достатокъ. И такъ круговая порука, въ томъ или другомъ видѣ, говоримъ мы, составляетъ принадлежность всякаго человѣческаго общежитія. Разница только та, что тамъ, гдѣ община существуетъ, распредѣленіе общественныхъ тягостей производится въ кругу людей, живущихъ вмѣстѣ и коротко знающихъ свои средства, и что, стало быть, оно можетъ дѣлаться гораздо справедливѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно производится исключительно въ большой, отвлеченной, такъ сказать, сферѣ цѣлаго государства [1]). Нѣтъ, намъ нечего жаловаться на общинный бытъ за круговую поруку и обвинять ее въ томъ, будто она, заставляя имущихъ платить за неимущихъ, задерживаетъ этимъ накопленіе богатствъ и экономическое развитіе Россіи. То, что въ этомъ отношеніи мѣшаетъ у насъ накопленію богатствъ, есть явленіе совершенно независимое отъ общиннаго начала, порожденное разными другими историческими и государственными условіями, явленіе діаметрально противоположное свойству круговой поруки, именно то, что изъ общей сложности налоговъ, въ Россіи сравнительно гораздо бо̀льшая часть падаетъ на неимущихъ, на тѣхъ, кто еще не накопили богатства, чѣмъ на имущихъ, на накопившихъ богатство. Вспомнимъ, какіе у насъ главные источники дохода: подушная, оброкъ съ государственныхъ крестьянъ, акцизъ съ вина и соли,—и мы поймемъ, что экономическое улучшеніе зависѣло бы у насъ не отъ уничтоженія круговой поруки въ отдѣльныхъ общинахъ крестьянскаго сословія, а отъ исправленія этого неравномѣрнаго и совершенно противоположнаго идеѣ круговой поруки, распредѣленія общественныхъ тягостей между цѣлымъ народомъ во всѣхъ его слояхъ.

Говорятъ еще, что община, ограничивая свободу движенія и пріі-

[1]) Самый осязательный примѣръ такого отвлеченнаго приложенія идеи круговой поруки представляетъ Англія въ своемъ налогѣ для бѣдныхъ, poor-tax.

обрѣтенія личной собственности земледѣльцами, задерживаетъ экономическое развитіе страны. Это опять-таки недоразумѣніе: общину обвиняютъ въ томъ, въ чемъ совсѣмъ не она виновата. Препятствуютъ свободному передвиженію населенія, во-первыхъ, стѣснительная паспортная система [1]) и во-вторыхъ, тѣ ограниченія, которыя законъ поставилъ выходу изъ общины на время срочно-обязаннаго положенія собственно для огражденія интересовъ помѣщиковъ. Облегчите паспортную систему; дайте пройти срочно-обязанному времени, и вы увидите, какъ быстро пойдетъ передвиженіе населенія. Міръ никого не станетъ держать противъ воли, потому что его прямая выгода состоитъ въ томъ, чтобы члены его зарабатывали какъ можно больше; тоже не въ его интересахъ препятствовать совершенному переселенію семейства на другія мѣста, ибо земля уже имѣетъ столько цѣнности, что остальные общинники не безъ выгоды могутъ дѣлить между собою опустѣлые участки или отдавать ихъ новымъ семьямъ, образующимся отъ прибыли населенія. Община не только не препятствуетъ свободному движенію рабочихъ силъ, напротивъ того, она болѣе всего ему способствуетъ, потому что членъ общины, оставляя дома обезпеченную семью, можетъ смѣло пускаться за заработкомъ въ дальній путь, на что не такъ легко отважится ни личный землевладѣлецъ, привязанный къ мѣсту своею собственностью, ни пролетарій, которому нужно тащить съ собою жену и дѣтей. Мы имѣемъ тому самое осязательнее доказательство, между прочимъ, въ тѣхъ толпахъ рабочихъ, на которыхъ преимущественно держится крупное хозяйство южныхъ губерній: они приходятъ не изъ ближайшей Малороссіи, а изъ Великорусскихъ губерній, гдѣ существуетъ община. Что касается до пріобрѣтенія крестьянами личной поземельной собственности, то и тутъ сваливаютъ на общину чужую вину. Вспомнимъ, что только съ 1861 года поземельная собственность сдѣлалась, юридически, вполнѣ доступною крестьянству. Прежде крестьянинъ долженъ былъ покупать землю или на чужое имя, при чемъ ничто не обезпечивало его отъ злоупотребленія его довѣріемъ, или подлежалъ разнымъ стѣснительнымъ условіямъ, которыя чрезвычайно затрудняли для него покупку земли. Могла ли при этомъ развиться въ земледѣльцахъ нашихъ охота и привычка къ пріобрѣтенію земель въ личную собственность? И достаточно ли нѣсколькихъ лѣтъ, протекшихъ съ того времени, чтобы значительно измѣнить это расположеніе въ народѣ? Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ открылась нашимъ крестьянамъ возможность покупать землю, они весьма часто пользуются этимъ правомъ и община имъ нисколько въ

[1]) Система эта, съ своей стороны, зависитъ отъ характера нашихъ податей.

томъ не мѣшаетъ [1]). Что̀ еще важнѣе: пріобрѣтеніе участковъ въ личную собственность нимало не способствуетъ къ разрушенію самаго общиннаго союза. Законъ 19 Февраля, къ великому счастію Россіи, призналъ поземельную общину, какъ существующій фактъ; но онъ не сдѣлалъ ея сохраненіе обязательнымъ. Даже видно, что законъ писался подъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ толковъ нашихъ поборниковъ «экономической свободы» о томъ, будто общинное владѣніе землею стоитъ въ развитіи страны ниже владѣнія личнаго. На это настроеніе мысли указываетъ то, что законъ 19 Февраля, дозволяя распаденіе поземельной общины, какъ скоро того пожелаютъ двѣ трети хозяевъ, въ то же время вовсе не предвидитъ обратнаго случая, т. е. возможности замѣна участковаго владѣнія общиннымъ. И такъ, говоримъ мы, законъ нашъ не только не упрочиваетъ нарочно поземельной общины, а напротивъ, открываетъ широкій просторъ ея распаденію. Между тѣмъ, пользуются ли крестьяне этимъ правомъ? Мы безпрестанно читаемъ въ газетахъ и слышимъ, что многіе изъ нихъ спѣшатъ покупать земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ въ личную собственность; но нигдѣ не попадалось, по крайней мѣрѣ намъ, извѣстіе о томъ, чтобы составлялись, на основаніи ст. 115 мѣстнаго Полож. для губерн. Великор., приговоры о замѣнѣ общиннаго пользованія наслѣдственнымъ, а напротивъ того, переходъ отъ *существующаго личнаго* владѣнія къ общинному мы видимъ на дѣлѣ. Этотъ фактъ, опровергающій всѣ толки о томъ, будто община тягостна Русскому народу и ему навязывается противъ его желанія, — этотъ фактъ совершается на глазахъ нашихъ въ Пермской губерніи. Въ многоземельныхъ и мало населенныхъ уѣздахъ ея по Камѣ, гдѣ народъ, пользуясь огромнымъ просторомъ лѣсовъ, продолжаетъ разселяться новыми поселками и починками, онъ начинаетъ въ нихъ дѣло съ личной собственности. Каждый поселенецъ владѣетъ расчищеннымъ участкомъ, какъ своимъ личнымъ имуществомъ, передаетъ его по наслѣдству, продаетъ или уступаетъ другому безо всякаго участія міра. Міра въ этихъ посслкахъ собственно еще нѣтъ, а есть такъ называемая *земская*, обнимающая извѣстное пространство такихъ поселеній, какъ домашняя административная единица, раскладывающая между своими членами оброки и работы, но не вмѣшивающаяся въ ихъ землевладѣніе. Но когда въ поселкахъ населеніе сгустилось, такъ что возникаетъ деревня и вмѣсто отдѣльныхъ

[1]) Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ печатаются постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, можно найти сотни дѣлъ о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время крестьянами-общинниками въ личную собственность и которыми они владѣли какъ частнымъ своимъ имуществомъ, оставаясь членами общины и пользуясь общиннымъ надѣломъ.

разбросанныхъ хозяйствъ можетъ составиться сельскій міръ, — то, въ наше время, въ какомъ нибудь 1864 или 1865 году, *личные землевладѣльцы переходятъ къ общинному пользованію землею*, они ее начинаютъ разверстывать и передѣлять между собою. [1])

Другой столь же замѣчательный и также совершенно достовѣрный фактъ представляютъ Нѣмецкія колоніи въ Россіи, Саратовско-Самарскія и Новороссійскія. Основной законъ колонизаціи 1764 года установлялъ для Нѣмецкихъ колоній въ Россіи *личное наслѣдственное* пользованіе (по дворамъ или хозяйствамъ). Между тѣмъ всѣ эти колоніи, обходя законъ, усвоили себѣ *общинное* владѣніе. Саратовско-Самарскіе колонисты — Нѣмцы, точно также какъ Русскіе крестьяне, разверстываютъ и передѣляютъ между собою землю по душамъ, а Новороссійскіе по дворамъ, и признаютъ за каждымъ родившимся въ общинѣ членомъ безусловное право на обезпеченіе землею. Если община считаетъ для себя неудобнымъ отвести новые участки въ предѣлахъ своей земли, то она на общественный счетъ покупаетъ новую землю и водворяетъ на ней безвозмездно прибылыя души, на общинномъ же правѣ владѣнія.

Знаменательное явленіе, обнаружившееся по случаю введенія въ Пермской губерніи Положеній 19 Февраля, указываетъ намъ на то, какъ происходило дѣло и при той многовѣковой колонизаціи, которою Великорусское племя отвоевало у дремучаго лѣса и у бродячихъ инородцевъ, почти все пространство своихъ земель. И въ то время, вѣроятно, какъ нынѣ, Русскій человѣкъ начиналъ съ личной собственности въ своихъ новыхъ поселкахъ и отъ личной собственности переходилъ къ общинѣ, когда населенія прибывало на столько, что земля представляла уже цѣнность, о которой можно было спорить. Вопреки мнѣнію нашихъ поклонниковъ «экономической свободы», выдающихъ общину за какую-то низшую, несовершеннѣйшую форму землевладѣнія, свидѣтельство факта, совершающагося на Камѣ, даетъ намъ право сказать положительно, что въ Русскомъ народѣ личное усвоеніе земли есть первоначальная и низшая, община — высшая, окончательно развитая форма землевладѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ заимствованіе общиннаго землевладѣнія западными колонистами на Волгѣ и въ Черноморскомъ краѣ свидѣтельствуетъ о жизненной силѣ русской общины, покоряющей себѣ даже людей столь упорныхъ въ

---

[1]) Объ этомъ говорится во многихъ, печатавшихся въ 1862—1864 г., постановленіяхъ Пермскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, на основаніи представленій мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ. — Намъ пришлось слышать, что въ замѣнѣ личнаго (подворнаго) пользованія общиннымъ уже ощущается также народомъ потребность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусскихъ губерній, гдѣ поземельная община была, въ недавнее время, уничтожена стараніями польскихъ пановъ.

своей индивидуальной исключительности, какъ Германцы. Дѣло въ томъ, что Русская община не есть соціалистическая утопія о регламентаціи труда и уравненіи богатства, а учрежденіе совершенно практическое, удовлетворяющее всѣмъ условіямъ, какія проистекаютъ изъ природной неуравнительности человѣческихъ силъ и человѣческой удачи. Община только обезпечиваетъ человѣку свободное мѣсто на землѣ, мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить и прокормиться; но она не связываетъ его труда и не посягаетъ на плоды этого труда. Общинный бытъ Русскаго народа совершенно мирится съ пріобрѣтеньемъ земли отдѣльными зажиточнѣйшими членами общинъ въ личную собственность. Членъ общины можетъ нажить большой капиталъ, онъ можетъ купить сотни десятинъ земли, и остается все-таки въ общинѣ, не нарушая ея цѣльности.

Если бы была малѣйшая правда въ тѣхъ обвиненіяхъ, будто бы община, подобно соціалистическимъ учрежденіямъ, враждебна личному производительному труду и накопленію богатства, то мы видѣли бы въ ней непремѣнно завистливое расположеніе бѣднаго большинства противъ зажиточныхъ личностей, стремленіе бѣдныхъ унизить тѣхъ, кто побогаче, желаніе—подъ предлогомъ равенства—лишить ихъ того вліянія, которое богатство даетъ человѣку. Подобный антагонизмъ бѣдныхъ съ богатыми составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго демократическаго общества, коль скоро къ нему примѣшаются соціалистическія идеи; тому свидѣтельница вся исторія, начиная отъ Аѳинскаго демоса до Франціи 1848 года. Можно даже сказать, что подобная соціалистическая примѣсь, т. е. зависть и вражда бѣдныхъ къ богатымъ, не можетъ не развиться въ демократическомъ обществѣ, когда оно не основано на общинѣ [1]); только община, обезпечивая за человѣкомъ собственный уголъ и независимый кусокъ хлѣба, можетъ устранить зависть къ богачу, какую невольно почувствуетъ бѣднякъ, коль скоро онъ совершенно зависимъ отъ его богатства. И дѣйствительно, въ нашихъ общинахъ мы рѣдко найдемъ признаки подобной зависти и вражды бѣдныхъ къ зажиточнымъ и желаніе низвести богатыхъ къ общему уровню. Напротивъ того, если обнаруживаются въ общинахъ явленія ненормальныя, то они почти всегда прямо противоположнаго свойства: а именно, замѣчаютъ, что большинство часто бываетъ черезъ-чуръ податливо вліянію богатыхъ членовъ общины, слишкомъ охотно позволяетъ имъ заправлять мірскими дѣлами. Самый характеръ злоупотребленія дока-

[1]) Любопытно, что даже въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ еще такъ мало причинъ развиться соціалистическимъ идеямъ, путешественники замѣчаютъ завистливое расположеніе бѣдныхъ къ ихъ богатымъ согражданамъ, которые часто принуждены бываютъ скрывать въ наружности проявленіе своего достатка.

зываетъ до очевидности, въ какой степени наша община чужда антиэкономическому духу вражды противъ богатства [1]). Повторяемъ, она только обезпечиваетъ земледѣльцу необходимое для независимаго труда; но она не налагаетъ руки на плодъ труда.

Передѣлъ полей, въ томъ видѣ, какъ онъ примѣняется, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Передѣлъ полей тѣсно связанъ съ поземельною общиною, такъ какъ она каждому члену своему даетъ право на пользованіе землею. Но какъ скоро личный трудъ придалъ участку земли особенную цѣнность, этотъ участокъ уже не идетъ въ передѣлъ: земли подъ усадьбою, огороды не передѣляются. Идетъ въ передѣлъ та земля, цѣнность которой заключается въ ея природныхъ качествахъ болѣе, чѣмъ въ положенномъ въ нее трудѣ. На эту землю община признаетъ одинаковое право за всѣми своими членами и распредѣляетъ ее между ними. Но для этого, какъ извѣстно, не всегда нуженъ полный передѣлъ полей, сопряженный съ нарушеніемъ правильнаго хода хозяйства, и противники общины поступаютъ не совсѣмъ безпристрастно, когда они указываютъ на передѣлъ, какъ на безусловную принадлежность общины, нарочно для того, чтобы на этомъ основаніи громить ее за вредъ, будто причиняемый ею земледѣлію. Весьма справедливо замѣчена была редакціонными коммиссіями, изготовлявшими Положеніе о крестьянахъ, необходимость въ вопросѣ объ общинномъ пользованіи «тщательно отдѣлять два существенно независимыхъ другъ отъ друга явленія: развертку земель (а съ этимъ вмѣстѣ и повинностей) между членами крестьянскаго общества самимъ обществомъ, и земельные передѣлы. Такое отдѣленіе этихъ двухъ предметовъ основывается (мы приводимъ далѣе слова коммиссій) «на томъ несомнѣнномъ, кажется, наблюденіи, что для полноты общинной жизни вовсе не необходимо единовременное дѣйствіе обоихъ началъ: община можетъ существовать, и во множествѣ мѣстностей дѣйствительно существуетъ, безъ періодическихъ передѣловъ земли; послѣдніе представляются и въ общинномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одною изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого учрежденія, формою, постепенно отпадающею по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія земельной цѣнности или приложенія къ почвѣ болѣе упорнаго труда» [2]). Возставать противъ общины изъ-за передѣловъ или разверстки земель, на томъ основаніи, будто отъ этого страдаетъ земледѣліе, было бы слишкомъ односторонне. Требовать прекращенія передѣловъ вмѣшательствомъ власти, это былъ бы та-

---

[1]) Въ Малороссійскомъ казачествѣ, которое, какъ мы говорили выше, утратило поземельную общину, и напротивъ того, заключало въ себѣ зародыши соціалистическихъ идей, вражда бѣдныхъ противъ богатыхъ играла, какъ извѣстно, важную роль.

[2]) Матеріалы Редакц. Коммис. 2-е изд. т. III, кн. I, стр. 229.

кой деспотизмъ, какого Русскій народъ, слава Богу, давно уже не испытывалъ. Петръ Великій хотѣлъ было обрить русскихъ крестьянъ; но и онъ едва ли рѣшился бы имъ скомандовать, какъ имъ распоряжаться землей, которою они живутъ. Впрочемъ, ужъ и не предразсудокъ ли, что именно отъ передѣловъ, а не отъ другаго чего либо, проистекаетъ малое усовершенствованіе нашего сельскаго хозяйства? Тутъ, во-первыхъ, забываютъ, что рядомъ съ подлежащею передѣлу или разверсткѣ землею существуютъ въ Россіи огромныя пространства земель, состоящихъ въ полной личной собственности, и что сами общинники пріобрѣтаютъ много такихъ земель. Стало быть, если бы была въ Россіи для крестьянъ выгода въ такомъ хозяйствѣ, которое не допускаетъ передѣловъ, то земли они нашли бы вдоволь. Во-вторыхъ, и въ мірской землѣ плоды положенныхъ въ нее трудовъ не пропадаютъ для земледѣльца: ибо и при существованіи передѣловъ, онъ пользуется ею весьма долго, а при усиленіи обработки, сама община, какъ уже замѣчено, замѣняетъ передѣлы земель простою разверсткою. Наконецъ, вовсе не видно, чтобы перспектива передѣла уменьшала въ крестьянахъ усердіе къ обработкѣ общинной земли. Напротивъ того, коль скоро законъ 19 Февраля даровалъ нашимъ общинамъ свободу труда, онѣ тотчасъ сдѣлались главными производительницами хлѣба въ странѣ, и стали производить его даже въ избыткѣ, повлекшемъ за собою баснословный упадокъ цѣнъ. Община въ томъ размѣрѣ, какъ ее создалъ Русскій народъ, составляетъ въ исторіи человѣчества такую новую стихію, что мы, въ настоящее время, когда она въ одной половинѣ русскаго крестьянства только-что выходитъ на свободу отъ помѣщичьей власти, а въ другой половинѣ еще связана стѣсненіями чиновничьей опеки, не можемъ даже приблизительно судить о томъ развитіи, какое она можетъ дать и матеріальной производительности и нравственнымъ силамъ земли Русской. До сихъ поръ русская община, можно сказать, только еще боролась за свое существованіе и за жизнь народа; но она далеко еще не въ состояніи была развить свои практическіе результаты. Намъ теперь видно еще только то, что могла дать община Русскому народу въ эпоху всяческой опеки и плѣна. Тутъ мы видимъ немногіе, но положительные и многообѣщающіе факты. Во-первыхъ, видимъ, что при общинномъ бытѣ Русскій народъ болѣе развитъ, болѣе самостоятеленъ, независимѣе отъ высшихъ классовъ, предпріимчивѣе и склоннѣе къ промышленности, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ лишился общиннаго устройства. Во-вторыхъ, мы узнаемъ, что члены общинъ пользуются весьма охотно предоставленнымъ имъ по новому закону правомъ пріобрѣтать личную поземельную собственность, но что общины отъ этого не обнаруживаютъ никакого стремленія къ распаденію; и въ-третьихъ, мы

удостовѣрились, что общины, со времени дарованія имъ свободы труда, тотчасъ же значительно увеличили массу производимаго ими хлѣба. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одинъ, столь же положительный фактъ, весьма важный потому, что онъ эти внѣшніе результаты общины дополняетъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ внутренней силы общиннаго начала въ Русскомъ народѣ: а именно то, что общинники, отрѣшаясь отъ земли для какого нибудь посторонняго промысла, тотчасъ же возстановляютъ въ своей средѣ временную и подвижную общину въ видѣ артели. Вотъ факты прошлаго и настоящаго, явленія осязаемой дѣйствительности. Гадать о будущемъ ихъ развитіи было бы слишкомъ смѣло; но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь передъ собою новое общественное начало, вступающее въ исторію человѣчества.

Всѣ вообще вѣтви Славянскаго племени въ началѣ своего историческаго развитія жили общиннымъ бытомъ, признаки котораго поразили еще Византійца Прокопія въ VI вѣкѣ, когда онъ писалъ, что Славяне живутъ въ демократіи. Но никому изъ Славянскихъ племенъ, кромѣ Великорусскаго, не удалось установить это общинное начало и согласовать его съ требованіями государственнаго устройства и съ развитіемъ высшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи Великорусское племя можетъ быть сравнено съ Англо-Саксонскимъ, которое одно успѣло дать нормальное развитіе и организацію первоначальному Германскому быту и согласовать существенную его стихію, могущественную аристократію, съ государственнымъ порядкомъ и съ интересами низшихъ классовъ. Любопытно видѣть (позволимъ себѣ здесь маленькое отступленіе), какъ эти два племени, Германское и Славянское, развили у себя одно и то же начало неотчуждаемости земли, но въ діаметрально противоположномъ направленіи, сообразно исконному настроенію ихъ духа. Маіоратъ германскій, получившій полное свое значеніе въ Англіи, есть по преимуществу учрежденіе единоличное, обезпечивающее немногочисленную аристократію, дающее ей ту стойкость и внутреннюю самостоятельность, которыя человѣкъ почерпаетъ во владѣніи землею, неподлежащемъ никакимъ случайностямъ. Маіоратъ, какъ его должны были создать начала славянской жизни и какъ мы видимъ его въ Россіи, есть по преимуществу учрежденіе общественное, неотчуждаемая общинная земля, обезпечивающая многочисленный классъ простаго народа, дающая ему ту стойкость и внутреннюю самостоятельность, которыми этотъ именно классъ въ Россіи отличается между всѣми слоями нашего народа. По своему общественному значенію, русскіе лорды—это крестьянскія общины. И пусть не останавливаются на томъ, что наша поземельная община есть результатъ внѣшнихъ условій, обилія земель, которое будто бы, не вызывая потребности установить личное право на каж-

дый участокъ, тѣмъ самымъ породило идею общиннаго владѣнія. Дѣйствіе этихъ внѣшнихъ условій безспорно; но это не отнимаетъ значенія у того общественнаго начала, которому эти внѣшнія условія позволили и помогли выработаться. Можно опять-таки обратиться къ Англіи. Кто не видитъ, какъ много Англія въ своемъ развитіи обязана простому внѣшнему дѣлу природы? Кто станетъ отрицать, что только на островѣ могло такъ правильно сложиться и такъ искусно сочетаться общественное устройство, зачатки котораго, по словамъ Монтескьё, находились уже въ лѣсахъ Тацитовской Германіи? Также и начала славянскаго общественнаго устройства требовали для своего развитія благопріятной внѣшней обстановки. Въ Чехіи и польшѣ первобытная община славянская не могла устоять: ее разрушилъ слишкомъ ранній и сильный наплывъ нѣмецкихъ идей. Въ горахъ и долинахъ земли Сербской, гдѣ тѣсно жить, сама община съузилась въ кругъ родовой задруги. Наконецъ и въ западной части Россіи община пала, уже позднѣе, подъ разлагающимъ дѣйствіемъ польскихъ учрежденій, или приняла односторонній типъ казачества, какъ оно образовалось въ Малороссіи. Чтобы славянская община могла утвердиться и войти въ организмъ развивающагося общества, для этого нуженъ былъ неизмѣримый просторъ земель, доставшихся на долю Великорусскаго племени, нужно было отчужденное положеніе этихъ земель, гдѣ Великорусское плѐмя въ продолженіе многихъ вѣковъ встрѣчалось лишь съ слабѣйшими и менѣе образованными инородцами, которые не могли подчинить своимъ вліяніямъ или смутить его быта. При такой внѣшней обстановкѣ и могла осуществиться поземельная община, зародыши которой уже замѣтны были въ средневѣковой Франціи и Германіи и которая составляла исконное начало славянскаго общежитія. Самородное произведеніе коренной внутренней стихіи славянскаго быта и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, Русская община также мало можетъ быть пересажена на чужую почву, какъ Англійскій общественный строй. Но она составляетъ уже сама по себѣ великій шагъ въ развитіи человѣческаго общества.

Древній міръ былъ міръ невольничества. Трудъ рабовъ составлялъ основу его производительности. Онъ не признавалъ свободы, какъ неотъемлемой принадлежности человѣка. Человѣкъ могъ заложить и продать свое собственное тѣло, онъ могъ самъ себя отдать въ рабство.

Міръ западно-европейскій выработалъ личную свободу, но лишь одну личную свободу, безъ вещественной основы. Онъ не признаетъ земли, какъ неотъемлемой принадлежности человѣка. Трудъ пролетаріевъ составляетъ основу его производительности. Человѣкъ лично свободный, но лишенный всякой точки опоры, можетъ впасть въ полную экономическую неволю.

Русскій міръ, осуществляя исконное стремленіе всего Славянскаго поколѣнія, пытается идти выше и дальше. Онъ не понимаетъ одной личной свободы человѣка, которая для него есть волчья воля [1]), а не свобода человѣческая: ему для личной свободы нужна вещественная точка опоры — земля. Онъ признаетъ землю неотъемлемою принадлежностью человѣка. Основу его производительности составитъ самостоятельный трудъ общинниковъ. Человѣкъ лично свободный, и вмѣстѣ съ тѣмъ опирающійся, въ кругу общины, на неотчуждаемую землю, не лишится своей свободы косвеннымъ путемъ экономической зависимости; Русскій міръ, какъ и міръ западно-европейскій, перетерпѣлъ крѣпостное право; но послѣ крѣпостнаго права, онъ не можетъ узнать экономической неволи безземельнаго рабочаго населенія. Понятіе о свободѣ, вносимое Русскимъ народомъ въ развитіе человѣчества, выше и шире того, которое выработано было до сихъ поръ другими народами: ибо оно къ праву быть свободнымъ прибавляетъ дѣйствительную возможность пользоваться этимъ правомъ; свободѣ личной, праву отвлеченному, оно стремится дать вещественную основу.

Мартъ 1865 г.
С. п. б.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

[1]) Это выраженіе употреблено было Тверскимъ губернскимъ комитетомъ въ мнѣніи большинства его членовъ (см. Матер. ред. комм. 2 изд. III, стр. 169).

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель.

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

Агамемнонъ стр. 218. 462.
Аксаковъ, К. С. 270. 316.
Алданъ 413.
Александръ I 7. 8. 9. 303. 304. 347. 374. 393. 394. 396.
Александръ, папа римскій 196.
Александръ Великій 215.
Али-паша 171.
Алпъ-арсланъ 127.
Альбрехтъ, наслѣдный принцъ саксонскій 39. 40.
Андрей III, король венгерскій 156.
Антонинъ 455.
Антоній Сійскій св. 413.
Аристотель 466.
Арминій 456.
Арпадъ 127. 129—133. 136. 156.
Асѣнь, Іоаннъ 196.
Атанасковичъ, Платонъ 93.
Аттила 118. 127.
Ауерспергъ 156.

Бартошевичъ 70.
Бата 227.
Батюшковъ, П. Н. 364.
Бахъ 105. 239—241. 251. 254.
Баязидъ II 172. 178.
Баянъ 127.
Безсоновъ, П. А. 459.
Бейстъ 94.
Бела IV 154.
Бемъ 252.
Бернолакъ 62.
Биронъ 390.
Бичеръ-Стоу 320.
Блейвейсъ 62.
Боговичъ Мирко 82.
Богоевичъ Михаилъ 174. 175.
Бокль 457.
Болеславъ Жестокій, король чешскій 121.
Болеславъ, князь чешскій 422. 427.
Болеславъ Кривоустый, король польскій 423. 426.
Болеславъ Смѣлый 423.
Болеславъ Храбрый 122. 297. 298. 423.
Бонмеръ Евгеній 466. 467.
Боппъ 407.
Борецкіе 444. 445.
Борисъ, князь болгарскій 195. 196. 217.
Бочкай 135. 139.
Бранковичъ Вукъ 171.
Бранковичъ Лазарь: сыновья его 173. дочь его 174.
Бранковичъ Юрій 173. 174. 229.
Бретке 371.
Бронишъ 42.
Брѣтиславъ, князь чешскій 422. 426.
Букананъ 327.
Букъ 32.
Буэ, Ами 195.
Бюшингъ 372.
Бѣліовскій 70.

Василій Ивановичъ, Великій князь московскій 417.
Вели-паша 203.
Вёльо 310.
Велянъ 32.
Впндишгрецъ князь 10. 11. 89.
Вирть, Максъ 431.
Витовтъ 385. 399. 445.
Владиміръ Святой 217. 425. 426.

Владиславъ Локотокъ 423.
Владиславъ, король венгерскій 156.
Водникъ 10.
Войцицкій 70.
Волончевскій 374.
Вразъ, Станко 62.
Вукашинъ 170.
Вукотиновичъ 82.
Вукъ Бути, см. Олахъ.
Вукъ Караджичъ, см. Караджичъ.
Вячеславъ II, король чешскій 122. 156.

Габсбурги 89. 90. 140.
Гавличекъ 87. 89. 95. 235. 237. 241. 242.
Гай 10. 81.
Гакстгаузенъ 270.
Ганка 9. 22. 62. 75. 261. 276. 280.
Гарчинскій 67.
Гаунтъ 27. 28.
Гедройцъ князь, 374.
Гебгарди 27. 28.
Гедиминовичи 443. 445.
Гединминъ 385.
Гейльсбергъ 371.
Гельцель 70.
Георгій Черный 7. 8.
Гераклиды 214—216. 220.
Гергей 12.
Геребичъ, Матвѣй 155.
Геродотъ 216. 463.
Гизебрехтъ Вильгельмъ 431.
Гильдбургсгаузенъ, принцъ 155.
Гримиъ 407.
Годжа 101.
Голый 100.
Головацкій, Я. Ѳ. 69.
Голуховскій, графъ 254.
Гомеръ 218. 366.
Горецкій 67.
Горникъ 32.
Гощинскій 67.
Гребляновичъ, см. Лазарь, князь.
Грегоровичъ 70.
Гуніадъ 113. 114. 117. 173.
Гурбанъ 77. 101. 252.
Гусъ 204.

Давидъ, князь Волынскій 426.
Давидовичъ 62. 80.
Дальрупъ 247.
Даскаловъ 221.
Даукша 374.
Дедера 241. 244. 245. 247.
Дембинскій 252.
Діодоръ Сицилійскій 464.
Деренчинъ Эмерикъ 155.
Добровскій 9. 62. 72. 73. 276.
Довмонтъ 385.
Доналейтисъ 371.
Донъ-Кихотъ 348. 349.
Дроздовскій (Стражделиссъ) 374.
Дункеръ 465.
Духинскій 359.
Душанъ, Стефанъ 121. 169.
Дэвисъ, Джефферсонъ 450.

Евмолпъ 216.
Егорій Храбрый 458.
Екатерина II 260. 302. 303. 306. 318. 319. 390. 393. 396.
Елачичъ, банъ 11. 89. 252.

Жижка 75.
Жувалевичъ, Иванъ 14.

Залескій, Богданъ 67.
Замойскій 310.
Захаровъ 463.
Зейлеръ 21. 22. 29—33. 41. 42. 43.
Зоммеръ 42.
Зубрицкій, Денисъ 69.

Иванъ III, князь московскій 417—420. 432. 441—444.
Иванъ Грозный 459.
Иванишевъ 458.
Импшъ 31. 33. 34.
Иннокентій III, папа 196.
Ираклій 227.
Ираньи 144—145. 149.

Іенчъ 32. 43. 45.
Іоаннъ III, см. Иванъ III.
Іоаннъ Грозный, см. Иванъ Грозный.
Іона 246.
Іорданъ 29. 33.
Іорнандъ 437.
Іосифъ II 71. 105. 107.

Казиміръ Великій 300. 301. 443. 445.
Кальвинъ 114. 135.

Кантъ 371. 372.
Караджичь, Вукъ 80. 84.
Карамзинъ 260. 391.
Караффа 138.
Карлъ-Робертъ Неаполитанскій 156.
Карлъ VI, императоръ австрійскій 157.
Карлъ VI, король французскій 172.
Карлъ, варягъ 413.
Карлъ Великій 71. 118. 119. 154. 431.
Катціанеръ 155.
Кеглевичь, Петръ 155.
Кейстутъ 385.
Кеппенъ 374.
Кириллъ св. 65. 80. 119. 197.
Клинъ 23, 32.
Кничанинъ 252.
Кобургъ 144.
Колетти 196.
Коларъ 9. 62. 71. 74. 75. 100. 125. 143. 276. 280.
Коловратъ, графъ 73.
Коломанъ Венгерскій 156.
Колоничъ 138.
Кольбергъ 70.
Константинъ-Багрянородный 162. 163.
Константинъ Великій 198.
Копитаръ 78—80.
Корвинъ Иванъ 156.
Корвинъ Матвѣй 156. 164.
Косма, пресвитеръ болгарскій 193.
Костомаровъ, Н. И., разборъ его сочиненія 407—445.
Косцюшка 65.
Коцоръ 31.
Кошутъ 93. 144. 148.
Крижаничъ 458.
Круковецкій 304.
Куза, князь 211.
Куканчи 26.
Кукулевичь-Сакцинскій 10.
Куникъ, А. А. 26.
Куршатъ 372.

Лагарпъ 303.
Лазарь, князь сербскій 170. 173. 175. 178.
Лазаревичь, Вукъ 172.
Ламбергъ 155.
Лаукисъ 374.
Лелевель 70. 304. 306. 307. 333. 348.
Леопольдъ I, императоръ австрійскій 11. 93. 135.
Лесснигъ 20.
Леузонъ ле-Дюкъ 153—159.
Линкольнъ, Авраамъ 323. 324. 327.
Лисицкій 367.
Лойола 348. 349.
Ломоносовъ 79.
Лукашевичь 70. 359.
Любуша 71.
Людевитъ 154. 161.
Людовикъ XI 137.
Людовикъ XIV 431.
Лютеръ 114. 135.

Магазиновичь 26.
Магометъ I, султанъ 172. 173.
Магометъ 14. 193. 197.
Магометъ II, султанъ 174. 175. 177. 194. 220.
Мажураничи 62.
Майковъ, авторъ исторіи сербскаго языка 198. 226.
Максимиліанъ, императоръ австрійскій 156.
Малекъ-Шахъ 127.
Малиновскій 70.
Мальчевскій 67.
Манесъ 193.
Мара, султанша 173. 175. 176. 178.
Марія-Терезія 230.
Марко, королевичь 170. 178.
Матвѣй Корвинъ, см. Корвинъ.
Мацѣіовскій 24. 70. 307.
Махмудъ-паша 174. 177.
Менъ 20.
Меттерних, князь 94. 96.
Мечиславъ, польскій князь 297.
Меѳодій св. 65. 80. 120. 197.
Миклошичь 412.
Микуцкій 365.
Милева 171. 173—175.
Милица 170.
Милодухъ 25.
Милошъ 81.
Милошъ Светичъ, см. Хаджичь.
Милутиновичь 22.
Мильке 371.
Мицкевичъ 63. 67. 625. 272. 304. 305. 342. 347.
Михаилъ Олелькович 415.
Монталамберъ 390.
Монтескьё 476.
Морачевскій 307. 445.
Мужикъ-Клосопольскій 24—26. 31. 41. 45.
Мурадъ I 155. 171.

Мурадъ II 173.
Муса 172.
Мѣрославскій 305. 356.

Наполеонъ I 36. 64. 158. 274. 303. 396.
Незабитовскій 374.
Неманичи 170. 229.
Неманя, Стефанъ 183. 197—200. 424. 427.
Нессельманъ 372. 414.
Несторъ 306. 410. 412.
Никита, патріархъ 217.
Нѣмцевичъ 67.

Обрадовичъ 62. 79.
Обреновичъ, Михаилъ 8.
Олахъ 117.
Олегъ 413. 425.
Ольгердъ 385. 45.
Ольдрихъ 172. 427.
Омеръ-паша 179.
Орханъ 169.
Оттонъ 431.

Палацкій 22. 62. 87. 89. 95. 99. 124. 225. 276. 280.
Павелъ, императоръ 392. 393.
Палеологъ, Ирина 174.
Палеологъ, Іоаннъ 172.
Паскевичъ, кн. 304.
Пашкевичъ 374.
Пельцель 71.
Петръ, архіепископъ антиварійскій 196.
Петръ Великій 285. 300. 301. 390. 394—396.
Пизистратъ 218.
Питтъ 144.
Пій IX 202.
Подѣбрадъ, Юрій 75. 242.
Пресль 9.
Премыслъ Отакаръ I 423.
Прерадовичъ, Райко 230.
Прешеринъ 81.
Прокопій, лѣтописецъ 475.
Прохазка 72.
Пфуль 31. 33. 38. 41.
Пуркине 9. 24.
Пушкинъ 291. 292.

Ракоци 135.
Раячичъ 93.
Реза 372.
Рейнбернъ 298.
Ригеръ 277. 279. 288.
Ришёлье 137.
Робэкъ 327.
Рогальскій 374.
Рогнѣда 413.
Ростиславъ Моравскій 124.
Ростокъ 32.
Роттекъ 155.
Ругигъ 371.
Рудольфъ II 139.
Рупейко 374.
Рыкачевскій 306. 307.
Рюрикъ 417. 426. 434. 438.
Рюриковичи 443. 445.

Сава св. 197. 198. 200. 408.
Сами-паша 213. 214.
Святополкъ Моравскій 124.
Святополкъ Окаянный 297. 298.
Святославъ 425.
Серафимъ, миссіонеръ 212.
Сезострисъ 463.
Симеонъ Болгарскій 121.
Скандербегъ 174.
Сладковичъ 101.
Словацкій 67.
Сломшекъ 107.
Смоляръ 23. 24. 27—28. 30. 33—38. 40. 41. 48.
Сокольницкій 26.
Солта 127. 130.
Срезневскій, И. И. 20.
Станевичъ 374.
Стефанъ Душанъ, см. Душанъ.
Стефанъ св., король венгерскій 127. 130. 132. 133. 136. 137. 144. 258. 259.
Стефанъ св., пермскій 401.
Стефанъ Лазаревичъ 171—173.
Стильфридъ 28.
Сулейманъ 172.
Сушилъ 62. 276.

Тадеушъ панъ 333. 342. 347.
Таловецъ, Иванъ 155.
Тамерланъ 54. 127. 172.
Тамъ 72.
Текели 135.
Теппенъ 414.
Тплау 35.
Товіанскій 305.

Томашевичъ 174. 176.
Тотсунъ 130.
Траянъ 411.
Трентовскій 359.
Тунманнъ 372.
Тунъ, графъ 105.

Урбанъ V, папа 170.
Урошъ V 169. 170.

Фарлатъ 196.
Фердинандъ, эрцгерцогъ 156.
Филипповъ, Т. И. 221.
Филиппъ, митрополитъ 443. 444.
Фіалковскій 325.
Франкопаны 156.
Францъ-Іосифъ, императоръ 93. 104.
Френцель, Авраамъ 20.
Френцель, Михаилъ 20.
Фридрихъ Великій 57.
Фридрихъ-Вильгельмъ I 370.
Фридрихъ Вильгельмъ III 57.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV 28.
Фрицше 27.

Хаджичъ 225. 233.
Хмѣльницкій, Богданъ 65.
Хомскій, князь 443.
Хомяковъ, А. С. 202—203. 336.
Хорватъ, Иванъ 230.
Хусни-паша 213. 214.

Цваръ 42.
Цезарь (Юлій) 438.
Цимисхій 197.

Чарторижскій, князь, 303. 304.
Челяковскій 28. 76. 261. 276.
Чингисъ-Ханъ 54. 127. 155.

Шафарикъ 9. 62. 260. 261. 269. 276. 280. 407. 408. 411.
Шайноха 297. 300. 307.
Шанъ-Янъ 463.
Шассенъ 113. 124. 134. 149.
Шатобріанъ 466.
Швудракъ 37.
Шевичъ 230.
Шевченко 321.
Шевыревъ, С. П. 242.
Шиндлеръ 42.
Ширвидъ 374.
Шишманъ 170. 172.
Шихбернъ 413.
Шлейхеръ 372. 373. 382.
Шмерлингъ 94.
Шницлеръ 400.
Штемпель 42.
Штернбергъ, графъ 71. 73.
Штуръ 9. 25. 26. 62. 77. 100. 101. 276.
Шубичъ-Зринъскій 155.

Эмерикъ 136.
Эрбенъ 276.
Эркертъ 400.
Эрманарикъ 437.

Юнгманъ 9. 62. 75. 76. 95. 276.
Юришичъ 155.
Юрій Бранковичъ, см. Бранковичъ.
Юрій Подѣбрадскій, см. Подѣбрадскій Юрій.
Юшкевичъ 365.

Ягелло 65. 300. 402.
Ядвига 402.
Якубъ 32.
Яромиръ 427.
Ярославъ 363. 422. 424. 432.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

Абовская губернія стр. 392.
Авары 118. 119. 126. 131. 136.-139. 154. 227. 422.
Августѣовская губернія 364. 365. 372. 380. 381.
Австрія 4—7. 10—13. 60—62. 68. 71. 73. 86—99. 101. 102. 106. 108. 113. 114. 116. 124. 134—145. 148. 153. 157—159. 161. 230. 232. 237. 247—259. 262. 265—268. 272. 287. 292. 306. 309. 315. 335. 354. 403.
Аграмъ, см. Загребъ.
Адріатика, Адріатическое море 6. 61. 73. 78. 119. 124. 133. 150. 154. 165. 170. 434.
Адріанополь 170.
Азія 118. 124. 364. 365. 465.
Аландскіе острова 391. 392.
Албанія 169. 171. 174. 186. 196. 217. 314.
Албанцы 150. 366.
Альпы 137. 246.
Альпійскіе Словенцы, см. Словенцы.
Америка 147. 287. 312. 319—321. 324. 327. 449. 455. 465. 468. 473.
Амурскій край 287.
Англія 102. 136. 139. 144. 303. 310. 317. 338. 339. 347. 401. 423. 451. 453. 454. 456. 457. 469. 476.
Англичане 239. 270. 282. 317. 457. 465.
Англо-саксы 139. 399.
Ангора 172.
Антиварн 170.
Анты 437.
Анхіалъ 215.
Аркона 419.
Арійцы 366—368.
Армяне 313.
Арнауты 125.
Атлантическій океанъ 137. 267.
Африка 340.
Африканское племя 320.
Аѳонъ 199. 211.

Баварцы 431.
Балканы 214. 215. 217. 220.
Балканскій полуостровъ 171.
Балтійскіе славяне 122.
Балтійское море 295. 423, 425. 435. 439.
Банатъ 89.
Баршчъ 43.
Баски 366.
Бачка 89.
Бельгія 5.
Берлинъ 32.
Бечкерекъ 187.
Біернеборгская губернія 392.
Благайское поле 177.
Блатенское княжество 119.
Блатенское озеро или Балатонъ 119.
Бобовецъ 177.
Богемія 6. 34. 66. 72. 91.
Бодричи 124.
Божемышлье 43.
Боіи 227.
Болгаре, Волжскіе Задонскіе 130. 195.
Болгаре 3. 4. 6. 13. 195. 196. 204—206. 211. 214. 215. 216. 218—222. 232. 267. 282. 366. 425.
Болгарія 120. 122. 123. 137. 169. 170. 178. 194—197. 201. 205. 206. 211. 214—221. 409. 424.
Боснія 8. 14. 15. 81. 137. 160. 162. 163. 169—171, 174—179; 193—195. 206. 227. 232. 267. 314. 408.
Боснійцы, Босняки 177. 179. 183. 185. 192. 196. 227. 408.
Ботническій заливъ 391.

Ботнія 392.
Бохненскій край 60.
Бранденбургія 20. 72.
Брикссиъ 237. 238. 247.
Британія 456.
Бродъ 241.
Брянскъ 300.
Буда 117.
Будеіовицы, 244.
Будышинъ или Бауценъ 19. 33. 34. 37. 39. 40. 42. 84.
Буковъ 21.
Буларъ 130. 131.
Буна 162.
Буряты 364. 369. 376.
Быдгодщскій округъ 58.
Быстрица 101.
Бѣлая-стѣна 175.
Бѣлградъ приморскій (Zara Vecchia) 157. 169. 170. 229.
Бѣлое море 125. 150.
Бѣлоруссія 147. 304. 455.
Бѣлоруссы 311. 316. 326. 330. 365. 366. 375. 380. 407. 408. 461.

Вазовская губернія 392.
Вайдрингъ 245. 247.
Валахи 173.
Валахія 119. 137. 180.
Вандея 144.
Варна 174.
Варшава 64. 304. 307. 310. 325—327. 341. 344. 359. 360.
Варшавское герцогство 303.
Варяги 414.
Варяги-русь 412. 413.
Велесъ 170.
Велеты 124.
Великобританія, см. Англія.
Великій-Новгородъ, см. Новгородъ.
Великополяне 4, 366.
Великопольская земля 296. 349.
Великороссія 455.
Великоруссы 260. 316. 366. 375. 407—409. 415.
Великорусскія губерніи 319.
Венгрія 61—63. 88. 91—93. 113—115. 119. 123. 127. 129—131. 133. 135—137. 139. 140. 146. 148. 154. 156. 173. 174. 176—178. 230. 256. 258. 259. 268. 423. 433. 434.
Венгры 433.
Венгерскіе русины 134. 145.
Венды 21.
Вендская земля 439.
Венеты 437.
Венеція 434. 441.
Верхніе Литвины, см. Литвины.
Весь 437.
Византія 8. 123. 124. 140. 196. 200. 211. 229. 231. 424. 425.
Вики 43.
Вильно 64. 292. 307, 325. 327. 332. 367. 374, 375. 384.
Виленская губернія 322. 323. 365. 375. 376. 379. 380. 381. 403.
Виленскій уѣздъ 363. 375. 381.
Висла 56. 119. 425.
Висмарскій заливъ 435.
Витебскъ 328.
Витебская губернія 323. 329. 330.
Владиміръ на Клязьмѣ 408. 432. 442.
Влахи 78. 225. 228.
Воеводина 79, 108. 256.
Воерецы 31.
Волга 215.
Волхи 410—412.
Волховъ 438.
Волынь или Юлинъ городъ 435. 436. 438. 440. 458.
Волынь, Волынская губернія 68. 328. 329. 342.
Восточный океанъ 287.
Восточная Русь 300. 418. 432.
Вуѣздъ 42.
Вѣна 87. 90. 239. 244.
Вѣтошово 44.
Выборгская губернія 393. 397.
Вышеградъ 162.
Вятичи 121. 410. 411.
Вятка 407. 417. 418.

Галлія 456.
Галиція 10. 60. 68. 69. 91. 92. 119. 147. 251—254. 256. 258. 259. 292. 293. 299—301. 306. 326. 335. 336. 354. 355.
Галичъ 405. 407. 432—434. 440. 442.
Галле 372.
Ганзеатическій союзъ 432. 434. 440.
Гданскъ 435. 440.
Гемусъ (Балканы) 214. 215. 217. 220.
Гепиды 118.
Германія 73. 85. 86. 102. 121—123. 127. 140. 141. 158. 161. 252. 253. 276. 280. 295. 309. 310. 371. 382. 422. 423. 425. 426. 430. 431. 434. 435. 439. 455—457. 476. 477.

Германцы 108. 130. 145. 201. 202. 367. 435. 456. 461. 462. 465. 476.
Герцеговина 15. 162—164. 170. 176. 172. 185. 193—195. 227. 232. 267. 408.
Гнѣзно 58.
Голландія 5. 102.
Голя 29.
Голяды 437.
Голштинія 124.
Готы 118. 437.
Гробникъ 154.
Греки 137. 141. 185. 205. 206. 209. 211. 214—222. 231. 338. 339. 435. 436. 462. 465.
Гренада 240.
Греція 79. 119. 122. 127. 229. 318. 339. 367.
Греческая имперія 196. 220.
Греческое королевство 214. 216.
Гродковскій округъ 43.
Гродно 332.
Гродненская губернія 322. 323. 364. 365.
Гродненскій уѣздъ 364.
Грузины 313.
Гунны 126. 130. 136.

Дакія 411.
Далеминцы 25.
Далмація 61. 66. 95. 107. 108. 130. 156. 160. 187. 408.
Данія 119. 435.
Дарбна (Старая) 43.
Дарданія 411.
Датчане 435.
Двина Западная 303.
Днѣпръ 303, 332. 394.
Добруджа 195.
Драва 113. 154.
Древляне 411.
Дреговичи 411.
Дрезденъ 32. 33. 37.
Дривостъ 196.
Дрина 164.
Дубровникъ 61. 187. 231. 441.
Дунай 118. 119. 121. 123. 127. 162. 176. 216. 227. 229. 410. 411. 412. 425.

Евреи 59. 69. 99. 137. 331. 335. 350. 366. 435. 464.
Европа 113. 116. 118. 120—126. 129. 135—137. 140. 141. 150. 154. 157—159. 165. 214. 260. 261. 268. 281. 292. 294. 296. 299. 303. 309. 310. 312. 313. 315. 322. 326. 327. 332. 335. 337—341. 344. 345. 347. 349. 364. 366. 367. 372. 380. 381. 381. 394. 400. 410, 411. 422. 435. 439. 451. 454. 456—458. 461. 465.
Европейцы 338. 343, 366.
Египетъ 455. 463. 464.
Езорь 21.

Жарково 170.
Жаровскій округъ 43.
Жиды, см. Евреи.
Житоміръ 332.
Жмудь 330. 361. 362. 364. 365—367. 374—378. 399. 402.

Загребъ 81. 101. 157. 187.
Задръ 187.
Задунайскіе славяне 123.
Закарпатскіе славяне 119.
Замосць 338.
Западная Европа 196. 260. 266. 268. 280. 282. 295. 296. 302. 303. 314. 315. 387. 389. 391. 392. 394. 398. 400. 439. 440. 457. 461.
Западная Россія 305. 306. 325. 327—340.
Западно-Русскій народъ 327—330.
Западная Пруссія 56. 349.
Западные славяне, см. славяне.
Запорожская сѣчь 461.
Захолміе 192—194.
Зета 176. 178.

Ивангородъ 338.
Иглава 243.
Иллирикъ 227.
Иллирія 61. 80. 92. 211. 215. 227. 251. 252.
Ильмень 437.
Ингерманландія 392.
Индія 136. 464. 465.
Индусы 217. 366. 455. 464. 465.
Инекская патріаршая обитель 199.
Иранское племя 367.
Ирландія 314. 317. 401.
Испанія 140, 333. 340. 348. 349.
Истрія 61. 78. 95. 160. 254.
Италія 123. 127. 158—160. 254. 434. 437. 441.
Итальянцы 10. 11. 13. 85. 88. 89. 94. 95. 103. 104. 137. 212. 254. 262. 282. 366. 410. 435.

Іомсбургъ 438.
Іоническіе острова 338. 339.

Кавказъ 150. 425.
Казанскіе татары 283. 284.
Калишъ 394.
Калмыки 369.
Кальварійскій уѣздъ 364. 381.
Кама 471. 472.
Каменцъ 20.
Канада 136.
Карельская земля 392.
Карнитія 6. 102. 254. 267.
Карловецъ Горній (Carlstadt) 128.
Карловцы, 89.
Карпаторусы 259.
Карпаты 119. 125. 127. 131. 162. 423. 425.
Каспійское море 118.
Кастильское государство 340.
Кашубы 55.
Кельты 261. 366. 411.
Кенигсбергъ 371.
Кенигсгрецъ 106.
Керкира 215.
Китай 217. 218. 456. 462—465.
Кіевляне 415.
Кіевская губернія 329.
Кіевъ 300. 301. 325. 328. 332. 415. 425. 426. 442.
Ключъ 177.
Клязьма 408.
Кнежпнъ 179.
Ковенская губернія 322. 323. 363. 365. 375. 376. 379. 380. 381. 383. 384. 403.
Козле 21.
Колкойцы 44.
Кольскъ 43.
Коморовъ (Злой) 19. 43.
Коніяхъ (Иконія) 171.
Константинополь 14. 175. 186. 211. 216.
Корбава 164.
Корфу 215. 338.
Косово поле 171.
Которъ 61 69.
Крапна 6. 59. 61. 78. 103. 254.
Крапнскіе словенцы 88. 160.
Краковъ 60. 69. 96. 120. 251. 292. 354. 355.
Кривичи 400. 410—412.
Критъ 211—221.
Кроаты, Кроація, см. Хорваты, Хорватія.
Курляндія 283. 395. 400.
Куфштейнъ 243.
Куцо-Влахи 217.
Кюменегардская губернія 392.

Ладога 437.
Ладожское озеро 394.
Лазъ 23. 43.
Латыши 330. 365. 366. 395. 398 — 403.
Лейпцигъ 21. 22. 25. 27. 33. 203. 307.
Ливонія 395.
Лидскій уѣздъ 364.
Лика 164.
Линцъ 243.
Литва 7. 65. 119. 147. 150. 258. 259. 304. 322. 330. 331. 340. 342. 360 361. 363—366. 368. 371—380. 382. 383. 396. 399. 400—402. 413. 437. 444. 459. См. также Западная Русь.
Литовцы, Литвины 322. 326. 330—332. 358. 363—367. 369—389. 395—403. 450.
Лифляндія 395. 400.
Ліонъ 144.
Ломбардія 95. 286.
Лонгобарды 118.
Лужицы 19.
Лужицкіе Сербы 6. 19—49. 84. 122.
Лузація 34. 147. 423.
Луты 44.
Любій 19.
Люблинъ 307.
Любновка 44.
Львовъ 69. 307.
Лѣсковецкій пашалыкъ 195.
Ляхи 411. 435. 458. См. также Поляки и Польша.

Мавры 240. 340.
Маджента 106.
Мадьяры 82. 85. 87—89. 94. 102—104. 113—127. 129—157. 229—231. 251—267. 275. 348. 366.
Мазовія 296. 423.
Мазуры 55. 60. 366. 389. 396. 400. 402.
Македонія 147. 170. 185. 186. 195. 213. 215—217.
Малая Азія 148. 197.
Малая Польша 119. 120.
Малинье 44.
Малополяне 4.
Малороссія 147. 300. 301. 309. 318. 332. 455. 470. 477.
Малороссы 4. 10. 45. 47. 61. 131. 283. 311. 316. 325. 330. 332. 380. 407—409. 412. 461.

Марина Студень 31.
Маріампольскій уѣздъ 364. 381.
Мекленбургія 20. 72. 435.
Мексика 465.
Мексиканцы 465.
Меропхи 225. 228.
Меря 437.
Мизія 411.
Мильчане 25.
Минскъ 328.
Минская губернія 325. 365.
Мирдиты 170.
Мисія 215.
Мисы 215.
Могилевъ 328. 332.
Могилевская губернія 329.
Молдавія 137. 180.
Монголы 305.
Моравія 40. 89. 91. 92. 96. 99. 100. 119. 252. 258. 266. 423.
Моравцы 4. 106. 121. 267.
Мордва 437.
Морея 215.
Москва 242. 268. 283. 300. 301. 308. 332. 354. 360. 418—421. 432. 442. 444.
Московское государство 300. 334.
Московская губернія 452.
Москали 260. 305. 306. 313. 326. 335. 342. 352.
Мужаковъ 19.
Мунскъ 437.
Муоніо 391.
Мусіанское озеро 437.
Мухачъ 118. 156.

Невяша 365.
Негры 399.
Неретва 162. 164.
Нижніе Литвины, см. Жмудь.
Нижнія Лужицы 19.
Никополь 171.
Ниса 25.
Нитрянскій комитатъ 100.
Нишъ 170.
Новгородъ, Новгородцы 121. 300. 405. 407—409. 412. 414—445.
Новгородъ Сѣверскій 300.
Новіетунъ 437.
Новогеоргіевскъ 338.
Новый-Пазаръ 226. 227.
Новый Садъ 187.
Ногайскіе татары 195.
Норвегія 423.
Норманы 139. 425.
Нѣманъ 229. 232. 235. 413. 414.
Нѣмцы 4—6. 71. 84. 85. 87. 88. 93. 95. 97. 103. 118—126. 137. 173. 239. 251. 252. 254. 257. 261. 267. 275. 313. 317. 335. 363. 364. 366. 370. 373. 379. 393. 395. 399. 400. 414. 417. 418. 422. 431. 435. 439. 456. 466.
Нѣмецкая имперія 255.
Нюландская губернія 392.

Одеръ 295. 423. 435. 436.
Одиссъ 215.
Осѣкъ 187.
Охридское озеро 216.
Ошмянскій уѣздъ 364.

Палестина 464.
Паннонія 411.
Парижъ 154. 202. 203. 207. 256.
Пелопоннесъ 124. 215.
Пеонія 215.
Пермь 389. 401.
Пермская губернія 471. 472.
Персы 366.
Перувіанцы 465.
Петербургъ 281. 283. 288. 307. 330. 360.
Пештъ 74. 79. 101. 131. 143. 148. 256. 265.
Пилотское епископство 196.
Пиренеи 137.
Подольская губернія 328. 329. 342.
Познань 20. 42. 56—58. 252. 292. 307. 314. 325. 335. 336.
Полабскіе Сербы 124.
Половцы 130. 131. 136.
Полтава 332.
Польша, Поляки 6—12. 55—66. 67—73. 106. 117. 122. 137. 145—147. 154. 173. 174. 202. 249—251. 254. 257—262. 267. 272. 280—287. 291—379. 382. 383. 389—431. 433—438. 442—445. 449. 452. 455. 458—460. 476.
Поляне 121. 411.
Помаки 195. 205.
Померанія 20. 56. 57. 275.
Поморяне 436. 438.
Прага 9. 10. 22. 72. 75. 87. 89. 120. 237. 279. 281. 425. 427.
Пребогъ 25.
Пресбургъ 74.
Прицна 43.

Пруссія 20. 28. 54—60. 102. 314. 315. 335. 363—365. 370—373. 375. 380—382. 413. 414.
Пруссы 413. 414, 423.
Псковъ 376. 407. 416—419. 432. 433.
Пулати 196.

Рагайне 413.
Рагуза, см. Дубровникъ.
Радимичи 410. 411.
Ранье (Великое) 44.
Рейнъ 137.
Рейхенгалль 245.
Рерикъ 435. 436. 440.
Ржешовскій округъ 60.
Рига 384.
Римская имперія 118. 198. 216. 227.
Римъ 80. 103. 106. 107. 114. 124. 177. 193. 197. 200. 201. 216. 367. 401. 410. 411. 465.
Рогово 43.
Романійскія горы 162.
Романцы, Романскіе народы 120. 122. 123. 140. 122. 123. 201. 202. 202. 349.
Россія 26. 59. 63. 64. 70. 90. 102. 106. 107. 137. 140. 141. 147—149. 157. 206. 211. 216—222. 230. 231. 258—260. 263. 265—272. 274. 275. 279—287. 291. 294—299. 301. 305. 306. 313. 322. 325—335. 337—346. 349. 350. 352. 354. 355. 357. 358. 363. 364. 369. 372—374. 377—404. 409. 411. 412. 417. 418. 420. 422—424. 431—437. 440—445. 449—452. 454—460. 469. 471. 474—476.
Руги, народъ 118.
Румыны 13. 79. 103. 121. 131—133. 136. 137. 150. 180. 217. 262.
Руса 413. 414.
Русины 306.
Русскіе, Русскій народъ 1. 11. 12. 203. 207. 219. 252. 254. 256. 259. 260. 265. 266. 269—272. 275. 279. 281. 283—287. 291—294. 299. 300. 302. 303. 305. 306. 308—310. 312—314. 316. 318—123. 325. 326—329. 331—334. 336. 337. 343. 345. 352. 354. 358. 359. 363. 364. 366. 368—370. 375—380. 383. 389—403. 408—411. 421. 423. 426. 436. 444. 449. 450. 455—461. 471. 474. 475. 477.
Русскіе Галичане 107. 251—254. 261.
Русь древняя 311. 404. 416. 421. 424—434. 436. 440—442. 458—460. 467.
Русь Кіевская 260.
Русь Новгородская 260.
Рюгенъ 419.
Рязанская губернія 452.

Сава 127. 154.
Саволакская губернія 392.
Саксонія 20. 34. 37. 41. 44. 275.
Саксы 431.
Самоѣды 364. 376.
Сарматы 227.
Свачское епископство 196.
Свеаборгъ 391.
Свенцянскій уѣздъ 363. 375. 381
Св. Елена, островъ 158.
Севилья 240.
Сегединъ 148.
Секлеры 130. 133.
Сербо-Лужичане 33—35. 38. 41.
Сербы-Хорваты 119.
Сербы 3—14. 19. 22—24. 28. 29. 31. 78. 82. 85. 88—96. 106—109. 117. 119. 122. 123. 136. 145—149. 161—165. 169—176. 178—180. 187. 194—201. 204—206. 223. 225—233. 251—256. 262. 267. 282. 309. 408. 411. 424. 425.
Сербская земля 225—227. 230. 232.
Сербія, княжество 101. 137. 144. 194. 206. 232. 259. 267. 318. 408. 431. 450. 451. 476.
Сербія (Старая) 185. 194.
Сибирь 247.
Силезія 20. 58. 258. 275. 295. 349. 423.
Синь 187.
Сирф-шиндили 170.
Скандинавія 400.
Скандинавы 413.
Скадрское епископство 196.
Скифы 215.
Славинія 216.
Славонія 81. 89. 107. 148. 187. 230. 259.
Славяне — 3. 6. 7. 9—15. 53. 54. 71—72. 85—91. 94—96. 106. 118—121. 123. 124. 126. 129. 131. 133. 137. 139—142. 144. 145. 147—150. 154. 158. 159. 160. 163—165. 181. 183. 187. 193—197. 201—207. 214—217. 225—228. 232. 233. 251—272. 274—276. 280. 282. 284. 286. 291. 294—296. 298. 305—313. 317. 332. 333. 337. 341. 346. 348. 349. 366. 367. 389. 400. 402. 407. 409—415. 418. 419. 420. 425. 430. 435—438. 439. 441. 451. 456. 458. 475. 476.

Славянскія земли 196. 197. 199. 200. 252. 306. 308. 435. 437.
Славянская народность 194. 205. 206. 211. 249. 251. 254. 255. 305. 306. 313. 439.
Славянскія поселенія 91. 227.
Словаки 4. 6. 9. 10. 12. 61. 77. 81. 84. 89. 90. 94. 96. 106. 107. 109. 122. 144. 149. 251—256. 257. 259. 261. 262. 267. 282.
Словенцы — 4. 5. 10. 12. 35. 84. 85. 90. 123. 160. 161. 165. 251—254. 267. 282.
Словенское приморье — 95.
Смедерево (Семендрія) 173.
Смоленскъ 300. 332.
Соботка 187.
Солява 25.
Солунь 216.
Сольферино 106.
Сомо-сіерра 347.
Сончскій округъ 60.
Софія 170. 174.
Спрева 25.
Сремъ 89. 229. 232.
Стокгольмъ 390.
Студеница 199.

Тавастгусская губернія 392.
Тарновскій округъ 60.
Татары 116. 136. 195. 217. 260. 305. 426. 432. 433.
Тверь 432.
Темешварскій Банатъ 79. 93.
Темешваръ 187.
Тихій океанъ 125.
Тиса 170.
Тироль 95. 237.
Торнео 391. 392. 394.
Трансильванія 92. 117. 119. 121. 130.
Трансильванскіе Румыны 134.
Требиньское епископство 196.
Трокскій уѣздъ 363. 375. 381.
Требулье 43.
Тулонъ 144.
Тульская губернія 452.
Турки, Турція. 3—8. 13. 14. 93. 108. 116. 117. 124. 136. 140. 145. 156. 162—164. 170—173. 177. 179. 183. 186. 194. 195. 205. 211—214. 218—222. 229. 231. 282. 286. 309. 314. 317. 354. 420. 424. 451.
Туровская земля 298.
Тшенцъ 43.
Тшесойцы 43.

Украйна 65. 304. 340. 342. 344. 360.
Улеаборгская губернія 392.
Уралъ 217. 344.
Уральское племя 126.
Усурійскій край 287.

Филиппополь 197. 216.
Финляндія 313. 319. 332. 389—393. 395—400. 403. 404. 423.
Финны 260. 305. 313. 389. 392. 397—401. 403. 431.
Франки 118. 124. 154.
Франкфуртъ 253.
Франція 5. 102. 137. 144. 147. 202. 212. 270. 282. 303. 335. 431. 452—457. 461. 465. 466. 473. 477.

Хазары 425.
Харьковъ 332.
Харьковская губернія 332.
Хорваты, Хорватія 3. 6. 10—12. 61. 68. 81. 84—94. 96. 106. 109. 117. 119. 122. 123. 134—165. 187. 227—230. 251—257. 262. 267. 282. 309. 411.
Хотебузъ 20. 43.
Хумъ или Умъ (Холмъ) 194.
Хумяки, Умяки 194.

Царьградъ 124. 425.
Цыбалинъ, 21.
Цыгане 137. 217.
Цѣловецъ (Klagenfurt) 83.

Черемисы 437.
Черниговъ 332.
Черниговская губернія 332.
Чернобогъ, гора 25. 40.
Черногорія 178. 197. 227. 229. 231. 232. 267. 309.
Черногорцы 5. 162. 463. 227. 230. 232.
Черное море 119. 124.
Черноморскія степи 216.
Чехи, Чехія 4. 6. 9. 10. 12. 65. 71—77. 85. 88. 89. 90. 94—99. 106. 107. 117. 120. 122. 137. 150. 204. 225. 226. 237. 238. 241. 244. 245. 247. 251—258. 261. 262. 275. 276. 279. 280. 282. 283. 286. 287. 312. 314. 315. 411. 422—428. 430. 431.
Чудь 437.

Швабы, 431.
Шведы 283. 313. 393. 397—400. 417. См. также Швеція.
Швейцарія 403. 424.
Швеція 102. 282. 389. 390. 391. 397. 398. 423. См. Шведы.
Шелонь 415. 416. 443.
Шлезвигъ 4. 400.
Шотландія 423.
Шпильбергъ 243.
Штирія 6. 59. 61. 88. 91. 103. 160. 254. 267.
Шумла 171.

Щетинъ (Штетинъ) 435. 436. 440.

Эльба 73. 119. 124. 423. 425.
Эллада 214.
Эллины 214. 217. 367. 462.
Эстляндія 395. 400.
Эсты 389. 395. 398. 400. 401. 403.

Яйце 177.
Языги или Ясы 131.
Янычары 177. 195.
Ясленскій округъ 60.

Өессалія 169.
Өракія 197. 211. 215. 216.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Славянскіе народы въ Австріи и Турціи.

Раздѣленіе Славянъ. — Недостаточность знакомства Русскихъ съ Славянами турецкими и австрійскими. — Общій взглядъ на положеніе этихъ Славянъ. — Время покоренія ихъ Турками и Нѣмцами. — Освобожденіе Сербіи. — Польша при Александрѣ I-мъ. — Возрожденіе Славянъ въ Австріи. — Заслуги славянскихъ ученыхъ. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. — Славяне спасаютъ Австрію въ 1849 г. — Неблагодарность Австріи. — Гдѣ хуже Славянамъ: въ Австріи или Турціи? 3

II. Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи.

Будышинъ. — Сербо-лужицкіе города въ Саксоніи. — Нижніе и Верхніе Лужичане. — Языкъ этого народа. — Разсказъ И. И. Смоляра о возрожденіи Сербовъ-Лужичанъ. — Труды Лубенскаго, Зейлера, Клина и Смоляра въ дѣлѣ возрожденія этой народности. — Д-ръ Пуркине. — Мужикъ Клосопольскій — «Сербское общество» при будышинской гимназіи. — Штуръ. — Поэтъ Коларъ. — Основаніе славянской библіотеки въ Будышинѣ. — Исторія изданія сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсень. — Сербо-лужицкія газеты. — «Матица», общество для развитія между Сербо-Лужичанами народнаго просвѣщенія и словесности. — Событія 1848 года и ихъ послѣдствія для сербо-лужицкой народности. — Благосостояніе этого народа. — Отчужденіе Нижнихъ Лужичанъ отъ Верхнихъ Лужичанъ. — Свидѣтельство Іенча объ онѣмеченіи Нижнихъ Лужичанъ. — Въ чемъ слѣдуетъ видѣть зачатки возрожденія Нижне-Лужицкой народности? — Нѣсколько замѣчаній о произношеніи Лужичанъ и объ ихъ нарѣчіи вообще. — Образцы сербо-лужицкой поэзіи 19

III. Развитіе народности у западныхъ Славянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Нѣсколько вступительныхъ словъ. — Цѣль настоящаго очерка. 53

I. Статистическія данныя о Славянской стихіи въ Германіи 54

II. Славяне въ Пруссіи: Словинцы. — Кашубы. — Поляки. — Германизація Кашубовъ. — Отношеніе къ нимъ Поляковъ. — Мазуры. . . . . —

III. Познань. — Поляки и ихъ роль въ славянскомъ вопросѣ. — Возбужденное состояніе Польскаго общества съ 1836 по 1846 г. 56

IV. Очеркъ дѣйствій Прусскаго правительства для германизаціи славянской стихіи. 57

V. Различіе между Поляками и другими западными Славянами. — Шляхта и ея роковое значеніе въ судьбахъ Польскаго народа 59

VI. Сельское сословіе въ Славянскихъ земляхъ Австріи. — Иноплеменное дворянство и городское населеніе этихъ земель. — Сербское купечество. — Главнѣйшіе представители славянской народности въ Австріи 61

VII. Поляки и ихъ отношенія къ прочимъ Славянамъ. — Взглядъ Мицкевича на Славянскій міръ и задачу Польши въ ряду цивилизованныхъ народовъ . . . 62

VIII. Одиночество Поляковъ въ общемъ возрожденіи Славянскаго міра. — Неумѣніе воспользоваться событіями, совершившимися въ 1848 году. — Возрожденіе Русской народности въ Галиціи. — Численность Русскихъ въ этой странѣ. — Зубрицкій и Головацкій. — Галицко-Русская Матица. — Русскій народный Домъ во Львовѣ. — Русскія газеты въ Галиціи; ихъ полемика съ польскими. — Новое направленіе нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ въ разработкѣ славянскаго вопроса 67

IX. Чехи — первые провозвѣстники Славянской народности. — «Любушинъ Судъ». — Далимилова лѣтопись. — Пробужденіе Чешской стихіи вслѣдствіе мѣръ императора Іосифа II. — Пельцель и его взглядъ на отношенія Германской и Славянской стихіи. — Добровскій и его взглядъ на Чешскій языкъ. — Графы Штернбергъ и Коловратъ, основатели народнаго музея и библіотеки. — Палацкій и «Чешская Матица». — Открытіе памятниковъ древне-чешской народной поэзіи. — Панславизмъ и его настоящее значеніе. — Роль Словаковъ въ дѣлѣ панславизма. — Коларъ 71

X. Чешская литература и наука въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ. — Прага. — Разъединеніе Чеховъ съ Моравцами и Словаками 75

XI. Штуръ и его сторонники, представители Словацкой народности. — Смѣшеніе нарѣчій въ Словацкой литературѣ 77

XII. Рознь въ средѣ южно-Австрійскихъ Славянъ. — Словенцы, Хорваты, Сербы. — Досиѳей Обрадовичъ, основатель новой Сербской словесности. — Копитаръ и его вредное вліяніе на славянское дѣло. — Вукъ Караджичъ: его собраніе народныхъ Сербскихъ пѣсенъ и азбука, имъ изобрѣтенная 78

XIII. Д-ръ Гай, основатель особой литературной школы въ Загребѣ (Аграмѣ). — Введеніе Латинскаго алфавита въ словесность Хорватскую. — Покровительство Австрійскаго правительства Иллирской литературѣ. — Борьба Хорватовъ и Славонцевъ съ Мадьярами. — Усобица между Хорватами и Сербами. — Литература Словенцевъ. — Поэтъ Прешеринъ. — Лужицкіе Славяне въ Саксоніи и Пруссіи 81

XIV. Общая идея въ литературахъ всѣхъ Западно-Славянскихъ племенъ. — Какъ понимаютъ западные Славяне народность? — Въ чемъ состоитъ слабость Западно-Славянскаго міра противъ Германскаго? 84

ГЛАВА ВТОРАЯ. 1848 годъ: его послѣдствія для Австрійскихъ Славянъ и ихъ настоящее положеніе 87

I. Идея народности и ея жертвы въ 1848 г. — Программа Палацкаго. — Славянскій сеймъ въ Прагѣ. — Славяне спасаютъ Габсбургскую монархію. — Гавличекъ. — Народный сходъ Сербовъ въ Карловцахъ. — Для чего Славянамъ нужно было спасать Австрію 87

II. Результаты для Австріи событій 1848—1849 годовъ. — Равенство сословій предъ закономъ и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. — Заботы правительства о низшемъ народѣ. — Австрійскіе финансы 90

III. Ошибочное направленіе внутренней политики Австрійскаго правительства. — Неблагодарность его къ славянскимъ народностямъ. — Онѣмечиваніе Кроаціи; неисполненіе обѣщаній относительно Сербовъ. — Церковное дѣло въ Сербской воеводинѣ. — Патріархъ Раячичъ. — Епископъ Атанасковичъ и его сочиненіе о православной церкви въ Австріи. — Уничтоженіе областныхъ правъ въ Славянскихъ земляхъ Австріи 92

IV. Гоненія на Чешскую литературу. — Ссылка Гавличка. — Удаленіе отъ политической дѣятельности Палацкаго 94
V. Оффиціальныя газеты въ Славянскихъ земляхъ. — Цензура и денежные залоги. — Упадокъ литературы. — Книжная торговля. — Чешскій театръ. — Угрозы жандармовъ поселянамъ за покупку славянскихъ книгъ 96
VI. Печальное положеніе славянскаго дѣла въ 1849—1858 годахъ —Бѣдность Чешской литературы этого времени, ея направленіе. — Стѣсненное положеніе «Чешской Матицы». — Отношенія разныхъ сословій въ Чехіи къ идеѣ народности 98
VII. Положеніе Моравской литературы. — Подавленіе Словацкой литературы. — Трагическая судьба Штура; — гоненіе прочихъ Словацкихъ писателей. — Давленіе правительства надъ литературами Хорватскою, Словенскою и Сербскою. 99
VIII. Политическая система Австріи относительно ея славянскихъ подданныхъ. — Австрія какъ государство, не представляющее народъ, а лишь совокупность подданныхъ. — Происхожденіе Австріи. — Чувства, внушаемыя всѣмъ народамъ существованіемъ Австріи. — Положеніе нѣмецкой народности въ Австріи. — Типичныя черты Австрійскаго нѣмца. — Что такое «Австрійскій народъ», «Австрійскій патріотизмъ» и великое Австрійское отечество? . . . 102
IX. Религіозная система Австрійскаго правительства. — Отношенія западныхъ Славянъ къ папѣ. — Исключительное положеніе Польши. — Конкордатъ Вѣнскаго правительства съ Римомъ. — Отношенія духовенства въ Славянскихъ земляхъ къ дѣлу народности. — Общій выводъ объ отношеніяхъ Австріи къ славянскому дѣлу 106

IV. Венгрія и Славяне.

Книга Шассена о Венгріи. — Духъ и призваніе Венгріи. — Славянскія государства тысячу лѣтъ тому назадъ. — Нашествіе Мадьяръ. — Языкъ и характеръ этого народа. — Вліяніе Мадьяръ на судьбу западно-славянскаго міра. — Арпадъ. — Солта. — Набѣги Мадьяръ. — Св. Стефанъ. — Его конституція. — Венгрія и древне-Славянскій міръ. — Палатинъ. — Дворянство. — Мадьяры принимаютъ Половцевъ и Ясовъ. — Мадьяры подъ Кіевомъ. — Русскіе въ Венгріи. — Отношенія Мадьяръ къ туземцамъ. — Латинскій языкъ и его значеніе для Мадьярскаго народа. — Трансильванія. — Румыны. — Королевство Хорватское. — Либерализмъ Мадьяръ. — Завѣтъ св. Стефана. — Древняя Венгрія и древняя Англія. — Панславизмъ. — Кошутъ. — Венгерскіе Славяне въ войнѣ 1848—1849 г. — Отношенія Польши къ Венгріи. — Мадьяры и Польская шляхта. — Рыцарство. — Возможна ли борьба Мадьяръ съ Славянскимъ міромъ? — Заключеніе 113

V. Историческое право Хорватскаго народа.

Заслуги Хорватовъ для цивилизованнаго міра. — Начало исторіи этого народа. — Борьба его съ Карломъ Великимъ. — Соединеніе съ Венгріей. — Побѣда надъ Татарами. — Четырехъ-вѣковая борьба съ Турками. — Общественное право Хорватовъ на полноправность и независимость. — Какое мѣсто въ семьѣ Европейскихъ народовъ долженъ занимать Хорватскій народъ? — Какъ долженъ быть рѣшенъ Хорватскій вопросъ? — Отношеніе Хорватской и Сербской народностей. — Хорватское государство 153

VI. Государственное право Сербскаго народа въ Турціи.

I. Сербское царство: его распаденіе. — Царь Сербскій Стефанъ Душанъ и его преемники. — Князь Лазарь. - Первыя условія вассальства Сербовъ въ отношеніи къ Турціи. — Битва на Косовомъ полѣ. — Покореніе Болгаріи Турками. — Стефанъ Лазаревичъ 169

II. Бранковичъ и его борьба съ Мурадомъ. — Битва подъ Варною. — Распри Сербскихъ бояръ. — Царица Ирина. — Уступка Туркамъ Смедерева. — Султанша Мара и опекунъ ея султанъ Магометъ II. — Стефанъ Томашевичъ, король Боснійскій 173

III. Отцеубійца Томашевичъ. — Вторженіе Магомета II въ Боснію. — Побоище на Благайскомъ полѣ. — Отреченіе Боснійской знати. — Покореніе Герцеговины. — Внутреннее самоуправленіе въ Сербскихъ земляхъ. — Народные властели. — Королевичъ Марко. — Сербскіе князы (старшины). — Боснійскіе властели — мусульмане. — Общій выводъ 176

VII. Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ Славянъ?

Опасности, среди которыхъ находится Православная вѣра у южныхъ Славянъ. — Есть ли противодѣйствующія имъ стихіи? — Константинопольскіе фанаріоты. — Низшее духовенство. — Церкви и монастыри. — Народныя училища. — Духовная литература. — Положеніе Православной церкви въ Австріи. — Случаи вѣроотступничества у православныхъ Славянъ въ Австріи и Турціи. — Болгары и Латинство. — Боснійскіе и Герцеговинскіе богомилы и магометане. — Введеніе христіанства у южныхъ Славянъ. — Пропаганда католицизма. — Князь Неманя и православіе. — Св. Савва, просвѣтитель Сербовъ. — Народность Православной вѣры у южныхъ Славянъ. 183

VIII. Взглядъ константинопольскаго Грека на болгарскія и критскія дѣла.

Римская пропаганда на островѣ Критѣ. — Порта въ роли защитницы православія. — Взглядъ константинопольскаго Грека на исторію болгарской народности. — Понятіе его о языкѣ Болгаръ. — Чѣмъ обязана Россія Византіи? — Истинные враги православія и болгарской народности. — Вожди возстанія Болгаръ. — Обращеніе константинопольскаго Грека къ магометанскому закону для возстановленія порядка въ Болгаріи. — Отношенія нынѣшнихъ Грековъ къ болгарской народности 211

IX. Духъ народа Сербскаго.

Характеръ и направленіе литературъ западныхъ Славянъ. — Хаджичъ и его книга. — Взглядъ Хаджича на усобицу областей Сербской земли. — Меропхи и Влахи. — Самоуправленіе Сербскихъ жупъ (волостей). — Настоящее политическое положеніе Сербскаго народа. — Заключительный выводъ о книгѣ Хаджича . . 225

X. Гавличекъ.

Нѣсколько словъ о его жизни. — Образцы его поэзіи: Тирольскія элегіи. 237

XI. Славянскія народности и польская партія въ Австріи.

Новый фазисъ въ борьбѣ Австрійскихъ Славянъ за свою народность. — Программа Австріи относительно Славянъ послѣ революціи 1848—1849 годовъ. — Бахъ и нѣмецкая культура. — Безплодность усилій Австріи въ германизаціи Славянъ. — Императорскій дипломъ 20 октября 1860 года. — Партіи въ западнославянскомъ мірѣ: ихъ цѣли и стремленія. — Историческое право. — Идея федеративной перестройки Австріи и значеніе этой идеи въ славянскомъ вопросѣ. — Отъ кого зависитъ разрѣшеніе славянскаго вопроса? 251

XII. Взглядъ западныхъ Славянъ на Россію.

«Пештъ-Будимскія вѣдомости» и вопросъ объ участіи Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. — Опасенія западныхъ Славянъ компрометироваться сужденіями о Русскомъ народѣ. — Положеніе общественныхъ стихій въ западнославянскомъ мірѣ и отличіе отъ него южныхъ Славянъ. — Взглядъ западныхъ Славянъ на государственную сторону Россіи. — Невниманіе Славянъ къ народному элементу Россіи. — Понятія Австрійскихъ Славянъ о «славянофилахъ». — Общественныя начала Славянскаго міра и Русскій народъ. — Мицкевичъ и его изображеніе Русскаго народа 265

XIII. Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о Русско-Польскихъ дѣлахъ.

Чешская журналистика о Русско-Польскомъ вопросѣ. — Отношенія Чеховъ къ идеѣ возстановленія Польши. — Невѣдѣніе положенія и внутренняго значенія Россіи. — Вѣсти о Россіи въ Чешскихъ газетахъ: источникъ ихъ и характеръ. — Наивность «Народныхъ листовъ» при сообщеніи этихъ извѣстій. — Заявленія всѣхъ сословій Русскаго народа. — Адресъ старообрядцевъ. — Различіе въ отношеніяхъ Австрійцевъ и Русскихъ къ своему государству 279

XIV. Польскій вопросъ.

I. За что борются Русскіе съ Поляками? — Завѣтъ Пушкина. — Отношенія русскаго общества и русской печати (въ Апрѣлѣ 1863 года) къ польскому дѣлу. — Обзоръ исторіи борьбы Россіи съ Польшей. — Въ чемъ состоитъ сущность русско-польскаго вопроса? — Литература польская, туземная и эмиграціонная и характеръ ихъ участія въ разрѣшеніи польскаго вопроса. — Поляки и панславизмъ. — Трагическое положеніе современной Польши. — Причины безсилія польскаго дѣла. — Чѣмъ должна кончиться борьба . . . 291

II. Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу? — Вмѣшательство Европы. — Отношенія Русскаго народа къ чужимъ племенамъ. — Можетъ ли Россія отдѣлиться отъ Польши? — Польша XIX и Чехія XVII столѣтій. — Западная Русь и польскія притязанія. — Способы соединенія Польши съ Россіей. — Система дѣйствій правительства съ 1772 по 1 Марта 1863 г. — Освобожденіе крестьянъ въ Западной Руси: характеръ стремленій Русскихъ и Польскихъ дворянъ при разработкѣ положеній 19 Февраля. — Параллель между Россіею и Америкой. — При какихъ условіяхъ возможно полное возрожденіе западной Руси? — Въ западной Руси ключъ къ разрѣшенію Польскаго вопроса . . . 312

III. Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ. — Параллель между Русскимъ и Польскимъ народами. — Народъ — панъ и народъ — мужикъ. — Будущность Польши по «Книгѣ польскаго народа и польскаго пилигримства». — «Конституція повстанцевъ». — Событія 1861—1863 годовъ. — Научились ли чему Поляки? — Возможно ли существованіе Польши какъ государства? — Вѣра Поляковъ въ воскресеніе старой Польши — весна и осень 1812 года. — Панъ Тадеушъ. — Прежніе и нынѣшніе бойцы за Польшу. — Лелевель и его сравненіе Польши съ Испаніей. — Польскій народъ, польское панство и обывательство. — Что можетъ дѣйствительно возродить Польшу? 333

XV. Литва и Жмудь.

Историческая связь Литовскаго племени съ Русскимъ народомъ. — Отношеніе Литовскаго племени къ Славянскому. — Численность Литовцевъ. — Кого надо разумѣть подъ именемъ Литвиновъ? — Языкъ Литовскій. — Вѣрованія и преданія Литвиновъ. — Важность изученія Литовскаго языка и народности. — Причины отчужденія Литвы отъ Россіи. — Литовское племя въ Пруссіи. — Труды Нѣмцевъ и Поляковъ для Литовскаго народа. — Литва подъ властію Россіи. — Литература Литовская. — Задача Россіи относительно религіознаго и умственнаго развитія Литовскаго народа 363

XVI. Россія и ея инородческія окраины на западѣ.

Указъ 20 Февраля 1865 года о введеніи въ дѣлопроизводство, суды и училища Финляндіи Финскаго языка наравнѣ со Шведскимъ. — Дѣйствія Швеціи и Россіи относительно Финляндіи. — Русское общество и политика Россіи въ XVIII вѣкѣ и въ первой четверти XIX вѣка. — Русская политика и русское общество съ 1825 по 1855 годъ. — Идеалы этого времени. — Возстаніе Польши 1830 г. и народность.—Лифляндское дѣло 1841 г. и православіе.—Новая эпоха въ жизни Россіи. — Польскій вопросъ. — Финляндія. — Общій взглядъ на отношенія населенія нашихъ западныхъ окраинъ къ Россіи. — Древняя Пермь и нынѣшніе Эсты и Финны. — Связь племенъ Финскаго, Литовскаго и Мазурскаго съ Русскимъ. — Бытовыя начала Славянскаго племени. — Задача Россіи въ отношеніи къ западнымъ инородцамъ 389

XVII. Древній Новгородъ.

I. Теоріи г. Костомарова о раздѣленіи Русско-славянскаго племени на вѣтви и о литовскомъ происхожденіи Руси. — Предположеніе г. Костомарова о малороссійскомъ происхожденіи Новгородцевъ 407

II. Историческій взглядъ г. Костомарова на «народоправства» древняго Русскаго Сѣвера. — Федеративная теорія. — Дѣйствительный характеръ древне-Славянскихъ государствъ 416

III. Значеніе Новгорода въ древней Руси. — Параллель между Новгородомъ и Галичемъ. — Торговые города въ древне-Славянскомъ мірѣ. — Древность Великаго Новгорода. — Грамота Ярослава. — Ганзеатическіе города и вліяніе ихъ на организацію Новгорода. — Отношенія Новгорода къ Московскому государству. — Борьба Іоанна III съ Новгородомъ 432

XVIII. Сельская община.

I. Поборники «экономической свободы» въ Россіи и сторонники рабства въ Америкѣ. — Возможность сельскаго и городскаго пролетаріата въ Россіи. — Батрачество въ Польшѣ. — Что такое пролетарій? — Пролетаріатъ въ западно-европейскомъ мірѣ. — Что было бы послѣдствіемъ уничтоженія сельской общины въ Россіи? 449

II. Доводы поборниковъ уничтоженія сельской общины. — Земледѣльческій классъ въ Россіи съ XVI по XIX столѣтіе. — Судьба сельской общины въ Польшѣ, Бѣлоруссіи, Великороссіи и Малороссіи. — Поземельное владѣніе въ Китаѣ и Египтѣ. — Община у Индусовъ. — Принципъ землевладѣнія у древнихъ обитателей Новаго Свѣта. — Община въ средневѣковой Германіи и Франціи. — Общинное и личное владѣніе земли въ Россіи. — Круговая порука. — Препятствуетъ ли община передвиженію населенія и пріобрѣтенію личной собственности? — Пермскіе крестьяне и Нѣмецкіе колонисты. — Положеніе 19 Февраля 1861 года о сельской общинѣ. — Маіоратъ въ Германіи и Англіи и община въ Россіи. — Волчья воля. — Община, какъ проявленіе понятія Русскаго народа о свободѣ 455

Указатель:

I. Имена личныя. 481

II. Имена племенныя и мѣстныя. 487

2007058539